

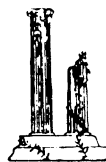
МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

13

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ



Редакционная коллегия: Жан Бонамур, Эльда Гарэтто,
Александр Добкин, Джон Мальмстад, Ричард Пайпс,
Марк Раев, Дмитрий Сегал

Главный редактор: Владимир Аллой

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

13

ATHENEUM — ФЕНИКС
МОСКВА — С.-ПЕТЕРБУРГ
1993

ББК 63.3 (2)

М 62

М 62 **Минувшее: Исторический альманах. 13. — М.; СПб.:
Atheneum: Феникс. 1993. 560 с.; ил.**

ISBN 5-85042-014-2

ISBN 5-85042-001-0

Настоящий том альманаха посвящен неизвестным аспектам истории отечественной культуры XX века. В нем читатель найдет: воспоминания Б.Садовского о журнале «Весы» и П.Н. Зайцева о первой литературной газете «Московский понедельник»; переписку Б.Савинкова и А.Амфитеатрова, представляющую русскую эмиграцию 1920-х годов; дневники поэтессы и переводчицы А.И. Оношквич-Яцыны и М.Кузмина; неизвестные ранее письма А.Белого, Б.Пастернака, К.Бальмонта, А.Адалис. Все публикуемые тексты подробно откомментированы.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественным прошлым.

М $\frac{4702010206 — 004}{Д 20 (03) — 93}$ 93 без объявл.

ББК 63.3. (2)

ISBN 5-85042-014-2 (Феникс)
ISBN 5-85042-001-0

© «Феникс», 1993
World © «Atheneum», 1993

ВОСПОМИНАНИЯ

Б.А. Садовской
«ВЕСЫ»
(ВОСПОМИНАНИЯ СОТРУДНИКА)

Публикация Р.Л. Щербакова

Борис Александрович Садовской (настоящая фамилия — Садовский) — поэт, беллетрист, литературовед и критик, родился 10 (22) февраля 1881 года¹ в г. Ардатове Нижегородской губернии в семье окружного надзирателя удельного ведомства. 18 августа 1932 г. Садовской записал в дневнике: «Не знаю, откуда пошли слухи о моем якобы необычайно древнем аристократическом происхождении. Родилась эта легенда в литературных кругах — и там, где Кузмин считался великосветским dandy, приказчик Брюсов — магом и волхвом, Бальмонт — джентльменом, а Феофилактов — Бердслеем, — и я мог сойти за аристократа. Из глупого мальчишеского тщеславия я эти слухи поддерживал, производя наш род от мифического литовского шляхтича², выехавшего на Русь при Лжедмитрии в свите Марины Мнишек. /.../ Дворянство было дано моему отцу только в 1898 г. по Владимирскому ордену»³.

Детские годы Садовского прошли в усадьбе в уездной глуши. Мальчиком он заслушивался рассказами стариков о временах Екатерины и Павла, о Бородинском сражении, участником которого был его дед, о покорении Кавказа... Большое влияние на ребенка оказал отец, Александр Яковлевич Садовский (1850-1927), превосходный знаток старины, все свободное время отдававший изучению истории Поволжья, напечатавший ряд значительных работ в сборниках Нижегородской архивной комис-

¹ В Краткой литературной энциклопедии (далее: КЛЭ) указана неверная дата рождения Садовского — 22 февраля / 6 марта (т.6. М., 1971. Стлб.597).

² В справочнике под ред. Б.П. Козьмина «Писатели современной эпохи» сообщается: «В роду Садовского имеются примеси литовской, греческой и тюркской (половецкой) крови» (М., 1928. С.227).

³ Б.Садовской. Заметки. Дневник.// Знамя, 1992. №7. С.189.

сии⁴. В своих «Записках» Садовской вспоминает: «Я долго жил в мире древней Руси»⁵. Не случайно первое его стихотворение, опубликованное 6 января 1901 г. в газете «Волгарь», было посвящено исторической теме — временам Ивана Грозного.

С 1892 по 1898 год Садовской учился в Нижегородском дворянском институте, а затем перешел в гимназию, которую окончил в 1902 г. с довольно посредственными отметками. Учению мешали поочередно сменявшиеся увлечения охотой, театром и танцами. Поступив на историко-филологический факультет Московского университета, Садовской пробыл студентом до 1911 г., но так и не кончил курса⁶. На этот раз от занятий отвлекла журналистская деятельность в «Весах», куда его пригласил Брюсов.

Сотрудничество это было весьма активным, оно продолжалось все шесть лет, пока существовал журнал. Удалось выявить свыше 60 публикаций Садовского в «Весах». Таким образом, по числу помещенных там материалов он уступает только Брюсову и Белому, причем нужно упомянуть, что в 1909 г. ему принадлежит рекордное количество публикаций — 24. Хотя свою литературную деятельность Садовской начинал как стихотворец и сам считал себя, главным образом, поэтом, первоначально он приобрел широкую известность как литературный критик. Его острополюемические, порой чрезвычайно резкие статьи и рецензии привели к тому, что в стане литературных противников Садовской получил прозвище «цепной собаки "Весов"». Позднее С.П. Бобров писал: «Нельзя не вспомнить также деятельность г. Садовского в "Весах", где рецензии его, резкие, злые, грубоватые, ловко сшибали с претенциозных позиций не одну "почтенную книгу"»⁷.

Темперамент задиристых статей Садовского, как в «Весах», так и в других изданиях (часто он укрывался за псевдонимами Рых, Иван Голов, Саади, Мимоза, Борис Нижегородский, Лихутин и др.), тем более удивителен, что сам он никогда не причислял себя к группе символистов. «Я по совести, — признавался Садовской, — никак не могу считать себя символистом: я — классик пушкинской школы, затесавшийся случайно в декадентскую компанию...»⁸ Обособленность творческой позиции Садовского отмечалась и критикой. Когда в 1909 г. вышел его первый стихотворный сборник «Позднее утро» (М., издание автора), В.М. Волькенштейн отмечал: «Несомненное дарование г. Садовского, серьезное и вдумчивое,

⁴ Список его трудов см. в сб.: Памяти А.Я. Садовского. Издание Нижегородской Археолого-этнологической комиссии. 1928.

⁵ Записки 1881-1916. Ч.2, л.32. Архив Н.С. Ашукина.

⁶ Садовской вспоминает: «В январе 1911 года оставил я, наконец, университет, бывший для меня охранительным щитом. Он обеспечил мне досуг для художественного труда и не дал стать ни вьючным животным, ни копителем небес» (там же, л.127).

⁷ Современник. 1914. №13-14. С.301. О критических заметках Садовского см. также: Д.Философов. Замечательная находка.// Русское слово. 1909. №148. 30 июля.

⁸ Литературное наследство (далее: ЛН). Т.92. Кн.2. С.309.

его строгий вкус, отчетливая образность стиха, сознательное отрешение от бурной "декадентской" современности — все это выделяет его книгу из множества стихотворных сборников»⁹. Такой же примерно была и оценка Ю.И. Айхенвальда: «Стих у него четкий и ясный, насквозь понятный (в наши литературные дни это — достоинство не из малых); у автора есть дорогая простота, и слова у него — свежие, чистые, без налета манерности. Правда, не всегда у него явственна мелодия; есть некоторая сухость ума, отсутствие поэтического восторга; не слышно родника внутренней певучести и трепета глубоких вдохновений»¹⁰.

Пребывание Садовского в лагере символистов в некоторой степени объясняется тем, что в начале своего творческого пути он по-юношески восторженно относился к поэзии и личности Валерия Брюсова. Неизменно хвалебные рецензии на брюсовские книги, стихотворные посвящения на выход его сборников, сопоставление Брюсова с Державинным и Пушкиным — все это выглядело бы грубой лестью, если б не отражало искренних чувств Садовского, считавшего себя верным учеником мэтра. Виктор Гофман отмечает, что при чтении стихотворений Садовского «Брюсов вспоминается особенно часто: то и дело брюсовские мотивы, брюсовские размеры, рифмы, Брюсовым придуманная необыкновенная расстановка рифм и т.д.»¹¹.

В «Весах» Садовской прошел хорошую школу литературного мастерства. После закрытия журнала он, за исключением кратковременной службы в редакциях журнала «Современник» и газеты «Русская молва», никогда больше не был штатным редакционным сотрудником, но печатался чрезвычайно активно. Расцвет творчества Садовского падает на период с 1910 по 1916 гг. В это время он с успехом выступает в самых разнообразных жанрах. Один за другим выходят сборники его стихов и поэм¹², книги повестей и рассказов¹³, литературоведческие и критические работы¹⁴. Садовской сотрудничает в «Московской газете», «Речи», «Биржевых ведомостях» и особенно активно в «Нижегородском листке», где было опубликовано около сотни его стихотворений. Произведения Садовского появляются уже не только в декадентских изданиях, но и на страницах солидных «толстых» журналов: «Русской мысли», «Северных записок», «Современного мира», он участвует в эти годы примерно в двадцати альманахах и сборниках, пишет пьесы, миниатюры и скетчи для популярных тогда артистических кабаре «Летучая мышь» и «Кривое

⁹ Современный мир. 1909. №4. С.107. Подпись: В-н.

¹⁰ Русская мысль. 1909. №3. С.55.

¹¹ Речь. 1909. №92. 6 апреля.

¹² В указанный период вышли стихотворные сборники «Пятьдесят лебедей» (Пб. Огни. 1912); «Самовар» (М. Альциона. 1914); «Косые лучи» (М. Изд-во В.Португалола. 1914); «Полдень» (Пб. Лукоморье. 1915).

¹³ Повесть «Двуглавый орел» (опубл.: Русская мысль. 1911. №7, 8), затем сборники рассказов «Узор чугунный» (М. Альциона. 1911) и «Адмиралтейская игла» (Пг. Изд-во М.В. Попова. 1915) и сборник повестей «Лебединые клики» (там же).

¹⁴ Важнейшие из них: сборник статей «Русская камена» (М. Мусaget. 1910); «Озимь» (Пг., 1915) и «Ледоход» (Пг. Издание автора. 1916).

зеркало»¹⁵, готовит книгу, посвященную жизни и творчеству Афанасия Фета¹⁶.

Все более благожелательными становятся отзывы критиков. Так, например, А.Измайлов писал: «Из многолюдной, многошумной, суетливой и претенциозной толпы пора выделить имя Бориса Садовского, молодого писателя, в котором уже чувствуется человек, для литературы не безразличный. Садовской пишет рассказы, повести, преимущественно стилизованные, то в окраске потемкинской поры, то в освещении пушкинской эпохи. Пишет и стихи, в которых среди обычных лирических мотивов нет-нет и проскользнет красивая влюбленность в старину...»¹⁷ Столь же высокую оценку прозе Садовского дал С.Бобров: «Дарование г.Садовского теперь весьма определилось, у нашего автора уже шесть книг. Из них нужно отметить "Узор чугунный", сборник рассказов, которыми г. Садовской поставил себя в ряды лучших наших стилизаторов (в деле же воссоздания стиля русских тридцатых годов минувшего столетия он, нужно думать, соперников не имеет)»¹⁸.

Говоря о прозе Садовского, критики того времени обычно причисляют ее к жанру модных тогда стилизаторских поделок. На самом деле это не совсем точно: лишь небольшая часть его рассказов относится к этой категории. Правильнее было бы считать произведения Садовского более близкими к жанру «исторической прозы». В них всегда добросовестно восстановлена по архивным документам и мемуарам современников фактура эпохи, колорит отшумевшего времени. Записные книжки Садовского заполнены словами и оборотами, характерными для тех персонажей, о которых он намеревался писать. Методом работы писателя была не стилизация, а реконструкция исторического фона. К тому же своей целью он ставил не только любовное воспроизводство «преданий старозаветной старины», но и правдивое описание русской действительности XVIII века. Таковы его рассказы о царской жестокости («Стрельчочнок»), о крепостническом произволе («Яблочный царек»), о социальной несправедливости в армии («Бурбон»). Не случайно в наше время Садов-

¹⁵ В их числе пьесы и монологи «Камеристка», «Репетилы в Петербурге», «Вечер у Жуковского», «Мальтийский рыцарь», «Репетилы в Москве», «Последний романтик», «Пушкин в Москве», «Лермонтов на Кавказе».

¹⁶ Книга эта, над которой Садовской работал несколько лет, не была закончена. 11 октября 1913 он писал владельцу издательства «Мусaget» Э.К. Метнеру: «Я и не предполагал особенно спешить с книгой и согласен отложить ее печатанье до осени. Мне важно, чтобы издал ее именно "Мусaget" и чтобы Вы не сомневались, как мало значит для меня материальная сторона дела в данном случае, я готов удовольствоваться каким угодно гонораром. В крайнем случае, откажусь совершенно от денег, только бы книга была издана прилично, изящно и хорошо. Я достал много новых материалов, много неизвестных стихов Фета...» (ГБЛ. Ф.167. 14.39. Л.5). Позднее в библиографических списках произведений Садовского, приложенных к сборникам «Озимь» и «Ледоход», значилась печатающаяся книга «А.А. Фет. Жизнь и творения. Хронологическая канва». Однако, по всей видимости, объявления эти носили чисто рекламный характер.

¹⁷ Биржевые ведомости. 1914. №13942. 9 января.

¹⁸ Современник. 1914. №13-15. С.301.

ского считают предшественником советской исторической прозы 20-х годов¹⁹, литературным предтечей таких мастеров этого жанра, как Ю.Н. Тынянов, О.Д. Форш, Л.П. Гроссман.

Оценивая творческое наследие Садовского, следует выделить литературоведческие работы, не потерявшие в значительной степени своего значения и сегодня. Исследования эти, собранные в книгах «Русская камена» и «Ледоход», а также рассыпанные по страницам периодических изданий и альманахов, носят явный отпечаток брюсовской школы. По поводу «Русской камены» Н.О. Лернер писал: «Б.Садовской — хороший, вдумчивый читатель и тонко чувствующий ценитель — эстетик. Большая часть его характеристик если и не оригинальна, то хороша и доказательна»²⁰. Столь же высокую оценку книги дает и С.М. Городецкий: «Характеристики восьми русских поэтов (Державина, Давыдова, Веневитинова, Полежаева, Бенедиктова, Мей, Полонского, Фета) /.../ отличаются одним оригинальным достоинством: строго научный метод исследования соединяется в них с очень ярко выраженным личным отношением автора к тому или другому поэту, острая субъективность уживается рядом со справедливой объективностью»²¹.

Однако, несмотря на заметные литературные успехи, Садовской постепенно приходит к убеждению, что он пошел не по той дороге, что ему необходимо переучиваться и даже начинать сначала. 3 августа 1912 г. в его дневнике появляется горькая запись: «Надо, надо мне учиться, учиться и учиться. Я круглый невежда, и если дело так пойдет и дальше, мне придется играть назад /.../. Только бы отстояться, накопить здоровья, налиться медом жизни и вернуться к тем истокам, от которых я ушел более десяти лет назад»²². Духовный кризис совпал по времени с кризисным состоянием болезни, мучившей Садовского с 1906 г. В «Записках» он вспоминает: «С 1908 г. ни одного дня не выпадало вполне спокойного. Я жил под стеклянным колпаком. Когда жизнь снаружи стучала по стеклу, нервы отзывались жалобным звоном. Резкое ухудшение началось в 1912 г. после Кавказа. Чем усерднее лечили меня, тем я сильнее страдал. Все знаменитости меня смотрели и все говорили разное»²³.

В этот переломный момент жизни Садовской пересматривает отношение к своему вчерашнему кумиру, Брюсову. Для последнего резкие нападки, которым он подвергся в книге Садовского «Озимь», были полной неожиданностью. Да и не для одного Брюсова. Многие расценили тогда книгу Садовского как случайный истерический выпад тяжело больного человека. На самом деле «Озимь» была итогом мучительных и многолетних размышлений ее автора над собственной судьбой и судьбами русской литературы. Первая статья книги, названная «О сальеризме», писалась, по всей видимости, в начале 1911 г.²⁴ Вторая — «Футуризм и Русь», явля-

¹⁹ КЛЭ. Т.6. Стлб.597.

²⁰ Исторический вестник. 1911. №1. С.331.

²¹ Речь. 1911. №30. 31 января.

²² Записные книжки. — ЦГАЛИ. Ф.464. Оп.2. Ед.хр.24. Л.421 об.

²³ Российский архив. С.179.

²⁴ Намереваясь отдать статью в журнал «Труды и дни» (где она была опубл.

ется переработанным докладом, который Садовской подготовил в конце 1913 г. и намеревался прочитать в Нижегородском литературно-художественном кружке²⁵. Только третья — «Юбилей безвременья», создавалась, скорее всего, специально для «Озими» в 1914 г. Однако и в ней многие мысли были сформулированы Садовским гораздо ранее. Так, например, осенью 1912 г. он отметил в записной книжке: «Валерий Брюсов — талантливый человек, но не поэт. Он на любом поприще мог бы всегда выдвинуться. Он настойчив и умеет работать»²⁶. Эта мысль почти буквально вошла в третью статью «Озими»²⁷.

Пожалуй, наиболее точную оценку выпадам Садовского дал П.П. Перцов, писавший в заметке «Темы и парадоксы»: «Я не собираюсь ни спорить с Садовским, ни защищать Брюсова, который по отстранении от шалостей детства, есть, конечно, настоящий поэт, хотя бы и с действительным преобладанием стихии ума. Но ведь эта стихия преобладала, например, и в Баратынском, однако, не помешала ему быть поэтом и вызывать восторг самого светила нашей поэзии»²⁸. Любопытно, что даже в «Нижегородском листке» некто Ел-ский осуждал своего земляка: «Книга г. Садовского "Озимь" написана тем хлестким и местами претенциозным языком, который способен отгнать от нее любителей спокойного, объективного тона в художественной критике. Желчность г. Садовского, как ценителя литературных явлений нашей современности, зачастую убивает впечатление справедливости высказанной мысли». Приводя примеры несправедливых характеристик, даваемых в «Озими», критик далее замечает, что в «жесточенных нападках Садовского на Брюсова чувствуется какая-то личная раздраженность, которая, естественно, не может способствовать убедительности его суждений об этом поэте»²⁹.

Трудно не согласиться с последним доводом. Действительно, отходя от модернистского направления, считая, что ему «много вредит современная литература и как человеку и как писателю»³⁰, Садовской выступал против Бальмонта, Белого, Волошина, Гумилева, Северянина, Городецкого... Но все же наиболее яростной атаке подвергся Брюсов. Вполне вероятно, что это объясняется какими-то личными причинами. Какими?

в 1914, вып.7), Садовской писал Е.И. Вольфсон 2 августа 1912: «В редакции "Речи" уже года полтора лежит моя статья "Сальеризм и современная поэзия". До сих пор она не напечатана, хотя была в свое время принята. Не согласится ли редакция вернуть мне ее в обмен на другую статью или рассказа?» (ЦГАЛИ. Ф.1666. Оп.1. Ед.хр.702. Л.2).

²⁵ Газета «Нижегородский листок» в заметке «Из литературно-художественного кружка» сообщала 27 февраля 1914 (№56): «Доклад Б.Садовского "Футуризм и Русь", назначенный к прочтению в сегодняшнем очередном собрании, откладывается на неопределенное время ввиду внезапной болезни докладчика». Программа доклада изложена в той же газете в номере от 26 февраля (№55).

²⁶ Записная книжка. — ЦГАЛИ. Ф.464. Оп.2. Ед.хр.24. Л.425 об.

²⁷ Озимь. С.36.

²⁸ Альбом Садовского. — ЦГАЛИ. Ф.464. Оп.4. Ед.хр.3. Л.16.

²⁹ Нижегородский листок. 1915. №129. 15 мая.

³⁰ Дневниковая запись от 4 августа 1912. — ЦГАЛИ. Ф.464. Оп.2. Ед.хр.24. Л.422.

Не исключено, что Садовской был раздражен длительным зависимым положением от мэтра, пожалуй, он считал Брюсова виновником гибели «Весов», возможно, не мог простить ему доброжелательного отношения к футуристам или трагической судьбы Н.Г. Львовой, с которой его связывала дружба³¹. Но была еще одна достаточно серьезная причина конфликта, определившая его остроту. Садовской, может быть, отчетливее, чем многие литераторы того времени, ощущал неизбежность социальных катаклизмов, боялся их, не находил для себя места в меняющемся мире. Ему хотелось уйти от действительности в прошлое, сохранить привычный уклад жизни, затормозить неизбежный процесс. Поэтому, начиная с какого-то момента, он видел в модернистах не только своих литературных, но и политических противников³².

К.И. Чуковский, довольно часто встречавшийся с Садовским в этот период, дает ему такую характеристику: «Любитель старины, он усердно стилизовал себя под человека послепушкинской эпохи, и даже бакенбарды у него были такие, какие носил когда-то поэт Бенедиктов. /.../ На него надвигались две мировые войны и величайшая в мире революция, а он пытался отгородиться от этого неотвратимого будущего идиллическим своим "Самоваром"³³, стихами своего боготворимого Фета, бисерными кошельками, старинными оборотами стилизованной речи. Конечно, здесь была и литературная поза, но было и подлинное — сознание своей обреченности»³⁴.

³¹ Трагическая история любви Брюсова и Львовой нашла отражение в сб. Садовского «Морозные узоры. Рассказы в стихах и прозе» (Пг. Время. 1922).

³² Показательны в этом отношении воспоминания о Садовском В.Ф. Ходасевича: «Никогда не забуду, как встретились мы однажды в "Летучей мыши" на репетиции. Кажется, это было осенью 1916 года. Вдребезги больной, едва передвигающий ноги, обутые в валенки (башмаков уже не мог носить), поминутно оступающий, падающий, Садовской увел меня в едва освещенный угол пустой столовой, сел за длинный, дубовый, ничем не покрытый стол — и под звуки какой-то "Катеньки", доносящейся из зрительного зала, — заговорил. С болью, с отчаянием говорил о войне, со злобной ненавистью — о Николае II, а плачущий Садовской — не легкое и не частое зрелище. Потом утер слезы, поглядел на меня и сказал с улыбкой:

— Это все вы Россию сгубили, проклятые либералы. Ну, да бог с вами» (Последние новости. 1925. №1541. 3 мая).

³³ Воспевающий чаепитие сборник «Самовар», вышедший незадолго до начала мировой войны, вызвал своей одиозностью целый поток рецензий в журналах («Северные записки», 1914, №4; «Вестник Европы», №5; «Современник», №13-15), а также в петербургских («День», 11 апреля; «Речь», 12 мая), московских («Голос Москвы», 19 апреля; «Руль», 26 марта; «Столичная молва», 29 марта) и провинциальных («Забайкальская новь», 2 апреля; «Русская Ривьера», 27 апреля; «Нижегородский листок», 16 мая; «Волгарь», 21 июля) газетах. Наричательными стали строки одного из стихотворений:

Если б кончить с жизнью тяжелой
У родного самовара,
За фарфоровую чашкой,
Тихой смертью от угара!

³⁴ Чукоккала. М. Искусство. 1979. С.71.

В 1916 г. паралич обеих ног заставил Садовского вернуться в родительский дом в Нижний Новгород, где он прожил почти безвыездно до 1928 года. В декабре 1921 г. в заметке «Вести о писателях» петроградский журнал «Летопись дома литераторов» сообщал: «Борис Садовской живет в Нижнем Новгороде, пишет "Воспоминания", читает лекции по литературе в Археологическом институте и в Институте народного образования. Им написана пьеса в стихах (эпохи Дмитрия Самозванца). Несмотря на болезненное состояние, Б.Садовской подготовил к печати несколько книг и на вечере в память Блока читал свои воспоминания о нем»³⁵.

Однако печатался Садовской в эти годы лишь эпизодически: кроме «Морозных узоров», вышел его последний стихотворный сборник «Обитель смерти» (М., 1917, издание автора) и роман «Приключения Карла Вебера» (Пг. Время. 1922). В конце 1928 г. Садовской переехал в Москву и поселился в одной из келий Новодевичьего монастыря. Он по-прежнему продолжал работать в различных литературных жанрах, писал стихи и рассказы, повести и романы, поэмы и мемуары, подготавливал семитомное собрание сочинений³⁶. Но публиковался редко, книги его более не издавались, изредка появлялись отдельные журнальные публикации. Новая читательская аудитория не проявляла интереса к произведениям Садовского, да и сам он в пятьдесят лет казался себе глубоким стариком, обломком давно прошедшей жизни³⁷. 13 февраля 1931 г. Садовской записал в дневнике: «Сейчас только люди моего возраста и старше могут как следует понимать старую Россию. Я пережил исторический перелет небывалой, невообразимой широты и силы. Я ездил в чичиковской бричке, останавливался в тех же гостиницах, на тех же станциях, что и Гоголь, едал те же

³⁵ Летопись дома литераторов. 1921. №3. С.7.

³⁶ В первый том должны были войти стихотворения (1894-1930). Во второй — поэмы (1907-1930): «Она», «Суворов», «Идеалист», «Сны», «Две сестры», «Агасфер» и др. В третий — пьесы (1909-1921): «Пушкин в Москве», «Камеристка», «Мальтийский рыцарь», «Последний царь», «Лиза». В четвертый — рассказы (1907-1928): «Записки Лихутина», «Стрельчонок», «Яблочный царек», «Старик», «Игорев соколик», «Три встречи с Пушкиным», «Солдатская сказка», «Гробовой мастер», «Литературный анекдот», «Ильин день», «Доктор философии», «Святая Елена», «Конец Фауста», «Дама червей», «Белая ночь», «Лейб-компанец» и др. В пятый — повести (1912-1930): «Бурбон», «Актер», «Побеги жизни», «Табакерка» и др. В шестой — романы (1910-1926): «Двуглавый орел», «Княгиня Зенеида», «Кровь», «Приключения Карла Вебера», «Охота». И в последний — «Записки 1881-1916» (ГБЛ. Ф.669. 1.12. Л.26 об.).

³⁷ Любопытен отзыв о Садовском, который дает 20 января 1931 г. Т.Г. Цявловская-Зенгер в письме к своей матери, Е.Н. Зенгер: «Он вообще очень колоритная своеобразная фигура. Он — разбитый параличом человек; максимальное, на что он способен, это сидеть в креслах. Он не стар. Ему может быть 50 лет. Но при этом необыкновенно интенсивно работающая мысль, он все время пишет, обдумывает романы, весь погружен в творчество. Он похож на вельможу XVIII века, может быть, на Меншикова в ссылке. Мы были у него с Мстиславом [Александровичем Цявловским]. Он принял нас в небесно-голубом халате, с кружевным воротничком и серебряными бомбочками-пуговицами» (Семейный архив Е.А. Муравьевой).

блюда, видал те же вывески, слышал те же речи. Конец первого тома "Мертвых душ" для меня — живая, близкая современность. И я же застаю аэропланы. Трамваи, автомобили, кинематограф, радио — все это появилось одно за другим на наших глазах. Мечтать поэтому о возрождении России так же глупо, как надеяться на восстановление Древней Греции»³⁸.

В середине тридцатых годов обрывается творческий путь Садовского, а 3 апреля 1952 года — жизненный.

«"Весы". (Воспоминания сотрудника)», дающие ценный научный материал к истории символизма, неоднократно цитировались различными исследователями, но в полном виде появляются впервые. Автограф, хранящийся в ЦГАЛИ (Ф.464. Оп.1. Ед.хр.3), не датирован. Однако можно предположить, что писался этот мемуарный текст в конце тридцатых годов.

³⁸ ГБЛ. Ф.669. 1.12. Л.14.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1904-1905

Конец 1903 года застает меня в Москве. Я — студент-филолог второго курса¹.

Нижегородскую гимназию я кончил в прошлом году и поселился в Москве, за Разгуляем близ 2-ой гимназии, где был инспектором Мей². Я живу у тетки; деревянный двухэтажный дом выходит в Елоховский проезд³ против церкви Богоявления; в ней крестили Пушкина⁴. Все эти мелочи о Мее, о Пушкине я знал и любовно помнил.

Утром отправляюсь на конке в Университет слушать Ключевского⁵, Кирпичникова⁶, Герье⁷, Трубецкого⁸, Грушку⁹; возвратясь к обеду, отдыхаю, после чая сажусь читать. За окнами глубокая тишина; разве прудребезжит извозчик: автомобилей и трамваев тогда не было.

Десяти лет я начал писать стихи; в гимназии носил я прозвище «стихоплета». Когда я был в последних классах, нижегородская газета «Волгарь» напечатала мою балладу «Иоанн Грозный» и еще десятка два стихотворений¹⁰. Осенью прошлого года — уже студентом — отнес я в редакцию «Русской мысли» рассказ «Леший». В.А. Гольцев¹¹ рукопись принял и обещал напечатать.

Помню, как я обрадовал тетку, когда писал о моем успехе в Нижний родным и знакомым. Я еще не знал, что обещания у Гольцева исполнялись редко: их отменял В.М. Лавров¹². И это не со мной единым случалось. Молодой секретарь «Русской мысли» Ю.И. Айхенвальд в любезнейшем письме просил у меня позволения оставить пока моего «Лешего» в портфеле редакции¹³. Портфель этот стал могилой для бедного рассказа; вместо памятника воздвиглась над «Лешим» готическая лысина Виктора Александровича Гольцева. Но мне уже было не до них; я с головой ушел в «новое искусство».

Журналы «Мир искусства» и «Новый путь» являлись для меня путями к новому миру. Я делаюсь «декадентом». К утреннему чаю являюсь с книгой, долго сижу, забываясь, за стынувшим стаканом. Тетка заботливо смотрит на часы.

— Тебе не пора на лекции?

Встаю, плетусь на конке до Ильинских ворот, оттуда пешком на Моховую; не в Университет, а немного дальше: в библиотеку Румянцевского музея. И читаю, читаю без конца декадентов, русских и иностранных. За обедом тетка беспокоится:

— Ты стал какой-то рассеянный.

Начинаются попытки «нового творчества». В октябре 1903 года иду к Валерию Брюсову на Цветной бульвар¹⁴, знакомлюсь, прошу рассмотреть мои стихи. Отзыв Брюсова суров, но я духом не падаю и продолжаю «творить». Месяца два проходит в литературных пробах, многообразнейшем чтении. Иногда захожу я к Брюсову, даже получаю приглашение от него на литературную «среду»¹⁵. В одно прекрасное утро в начале декабря я вдруг сказал себе:

— Баста! Видно не судьба мне быть писателем. Сдам зачет по Марциалу¹⁶ у Грушки, на праздники поеду в Нижний и забуду декадентов.

А.А. Грушка зачел мне семестр, а за два дня до отъезда я взял в библиотеке Александрова на Разгуляе¹⁷ ноябрьский номер «Нового пути», посвященный Тютчеву¹⁸. Читаю письма Тютчева к Майкову и натыкаюсь на такие строки: «Приезжайте и привезите с собой возвеличенного Карамзина и не нравственного Раскольника». Внизу примечание¹⁹:

«Под Раскольником не понимает ли Тютчев "Преступление и наказание" Ф.М. Достоевского, которое вышло в том же 1866 г.». А ведь это неверно, думаю себе: ведь Тютчев говорит о стихотворении Майкова «Карамзин» и о пьесе «Странник»²⁰ и просит их привезти.

И вот — сам не зная зачем — послал я издателю «Нового пути» П.П. Перцову краткое письмо; в нем я указал на ошибку безымянного комментатора. Ответа не было, да я его и не ждал. Уехал в Нижний и вернулся после святков. Мог ли я думать, что это письмо решит мою судьбу?

Середина марта. Я с теткой расстался и живу один: снимаю комнату у доктора Левитана в Леонтьевском переулке в доме Шкот²¹. Неподалеку в доме Катька угасает Чехов²². Понимается, «декадентов» я не бросил, напротив: на столе у меня две первых книжки «Весов» и стихи Ивана Коневского²³, в столе поэма «Грядущий». Эту поэму через год напечатал «Гриф»²⁴.

Раз чудным мартовским утром выхожу на улицу и вижу афиши: «К.Д. Бальмонт читает в Историческом музее лекцию об

Уитмане»²⁵. Возможность услышать и увидеть живого Бальмонта явилась для меня приятнейшим сюрпризом. Я даже в университет не пошел.

Настал вечер. В аудитории на эстраде бальмонтисты и бальмонтистики, в смокингах, в модных туалетах; из них в лицо я знал издателя «Весов» С.А. Полякова²⁶, Н.Е. Пояркова и седую, как лунь, жену Бальмонта²⁷. Сам поэт — еще молодой и интересный — в изящном фраке, сшитом, вероятно, в Лондоне, встречен взрывом оваций. Волны густых рыжеватых волос над неприятным безбровым лбом, в крошечных глазках холодная дерзость; приплюснутый нос и хищная борода создают выражение сладострастно-грубое. Интеллект, одолеваемый инстинктом.

Лекция началась; я стоял в проходе. Вдруг мимо меня проплывает стройная и строгая фигура в застегнутом сюртуке. Брюсов! Усевшись в одном из первых рядов, он мечтательно закинул голову, скрестил руки и закрыл глаза. Долго любовался я угловатостью резкого профиля, свободной и грациозной позой. Брюсов походил на половецкого хана, одетого в сюртук. В коридоре мы встретились; он протянул мне руку.

— Отчего вы не зайдете в «Весы»?

— Зайду непременно подписаться.

— Да не подписаться, а я вам дам работу.

У меня дух захватило.

— Когда же придти, Валерий Яковлевич?

— В любой вторник.

Уж и не знаю, как я дождался вторника: я был в бреду.

Если встать перед огромным домом «Метрополь», то с левой стороны (где памятник первопечатнику)²⁸, войдя со двора в первый подъезд направо, можно подняться на лифте в редакцию «Весов». Помнится, это пятый этаж; двумя этажами ниже жил актер Малого театра О.А. Правдин²⁹.

Брюсовым я встречен приветливо³⁰.

— Перцов переслал мне вашу заметку о письме Тютчева; примечания составлены мною, вы совершенно правы.

«Так вот где таилась погибель моя»!³¹

Брюсов взял со стола брошюру Боцяновского о Вересаеве³².

— Вы, вероятно, не особенно любите Вересаева. Боцяновский же пишет прямо идиотские вещи. Так вы их...

Я с восторгом подхватил мысль Брюсова. Еще бы! Quos ego!*

* Я вас! (угроза) — лат.

Перспектива «пробрать» Боцяновского показалась мне заманчивой.

Рецензия набрана, но в книжку не вошла — не хватило места — и осталась у меня в корректуре. Теперь она вызывает у меня улыбку. Диссертация о выеденном яйце. Но главная идея в основе верна: да здравствует свободное искусство! Боцяновскому от меня досталось на орехи.

Общий неизменно-резкий тон «Весов» легко объясняется молодостью редактора и сотрудников. В самом деле, Полякову и Брюсову по тридцати, Белому, Ликиардопуло³³ и мне по двадцать три года; художник Феофилактов³⁴ немногим старше. Даже у артельщика «Весов» Василия³⁵ едва пробивались усики. Мальчишеская редакция. Мальчишеством, в сущности, и был проникнут этот для многих серьезный и грозный журнал. Мы беззастенчиво резвились на его страницах.

Строгость Брюсова тоже была напускной: мальчик, изображающий редактора. Но мы его боялись и чтили³⁶. Брюсовская дисциплина мне понятна. Целый год он говорил мне просто «вы»; потом я превратился в «господина Садовского» и только на третьем году стал звать меня Брюсов по имени и отчеству³⁷.

Брюсов, Белый, Ликиардопуло, Феофилактов и я были стержнем «Весов», фундаментом и основой за все шесть лет. Случайные сотрудники приходили и уходили; мы оставались бессменно на своих постах. В брюсовом календаре говорится: для рожденных в феврале (как я) март и октябрь имеют значение фатальное. В октябре я познакомился с Брюсовым, в марте попал в «Весы». Брюсов календарь и Валерий Брюсов — каламбур для суеверного ума небезразличный.

Две высокие комнаты в стиле «модерн»; синие обои, пол паркетный, огромные окна. В первой комнате направо от входа — телефон, слева — вешалка и полка для книг; за полкой — незаметная дверца в каморку Василия; стол перед окном. В простенке — большой портрет Ницше: философ опирается на руку, глаза закрыты; за ним простирает крылья орел. Снимок с этого портрета можно найти в каталоге «Скорпиона» при первой книжке «Весов», только без орла, должно быть, пририсованного позднее³⁸. Тут же портрет-триптих З.Н. Гиппиус в белом со шлейфом платье.

Направо дверь в кабинет редактора. Письменный стол завален бумагами и книгами. Типографские счета, пачки корректур,

письма Рене Гиля и Реми де Гурмона³⁹, роскошно переплетенные экземпляры «Весов», рукописи, конверты. В глубине комнаты, справа от входа, стол с книгами, присланными для отзыва; на краю стола, свесив ноги, сидит гипсовая нимфа; всюду статуэтки, безделушки, изящные вещицы. Над шифоньеркой между столами портреты Метерлинка, Пшибышевского с женой, Достоевского, Верлена, Верхарна, много рисунков. На стенах картины Борисова-Мусатова⁴⁰, Феофилактова, Сапунова⁴¹. У задней стены турецкий большой диван.

Здесь собирались мы по вторникам для дружеских бесед. Ни вина, ни чаю не полагалось; не было ни шуток, ни смеха; юмор целиком уходил в статьи. Но как весело было ходить сюда! Как мы любили нашу редакцию!

Бальмонт в предисловии к сборнику «Будем как солнце» называет друга своего Сергея Александровича Полякова «нежным как мимоза». Деликатной нежностью дышит все существо издателя «Весов». Русая борода, красноватый нос, сбивчивая с коротким смешком речь, какие-то пугливые движения, взгляд исподлобья и неожиданная детская улыбка. Первое впечатление: интеллигент из героев Достоевского; на Достоевского он и похож немного. Через минуту из Достоевского пробивается великорусский мужичок (Поляковы из крестьян Владимирской губернии); дайте ему полushубок, кушак, рукавицы — интеллигент утонет в лабазнике. Но этот лабазник прошел гимназию и естественный факультет, он переводит Гамсуна⁴², знает языки⁴³, живал за границей, женат на иностранке⁴⁴. Тут возникает назойливый вопрос: не слишком ли были пропитаны «Весы» европейской культурой? Расскажу любопытный случай.

Как-то захожу я днем в редакцию «Весов» и вижу на полу подле дивана старинный ковровый саквояж, набитый пожелтевшими бумагами. Смотрю и глазам не верю. Генерал А.А. Пушкин, старший сын поэта⁴⁵, предлагает редакции «Весов» купить у него архив опеки над пушкинским семейством с 1837 года до половины шестидесятых годов. Тут и опекунские отчеты и какие-то письма; большой (увы пустой) конверт с надписью: *57 отрывков*, счета книгопродавцев, знаменитый счет из мелочной лавочки за *моченую морошку*⁴⁶; корректуры с пометками Пушкина, его записка кондитеру Фильетту⁴⁷ за две недели до смерти с просьбой прислать ореховый пирог...

Генерал просил за все ... *пятьдесят рублей*. Дня через три узнаю: «Весы» от покупки отказались, архив возвращен вла-

дельцу. Теперь и ушам не хотелось верить. Положим, у С.А. Полякова могли найтись веские причины для отказа, но ведь тут же были Семенов, Балтрушайтис, Бальмонт: все трое — мужья богатых женщин⁴⁸. Почему не приобрел документы Брюсов, специалист по Пушкину и человек не бедный? А я сам? Неужели не мог я купить пушкинский архив? «Странная вещь, непонятная вещь!»⁴⁹ Для меня вся эта история до сих пор остается каким-то литературно-психопатическим казусом, наводящим на интересные размышления.

Бальмонт в «Весях» появлялся редко. Бывают знаменитые тенора: поют они до глубокой старости; имя делает сборы, и певец выступает на сцене, пока совсем не осипнет. Таков был Мазини⁵⁰. Как поэт Бальмонт кончился после «Будем как солнце»; дальше пошли бесконечные пошлейшие перепевы мексиканских, арабских, австралийских, древне-русских и каких угодно мотивов. Наверяд ли кто их читал, кроме рецензентов и наборщиков.

И все же «Весы» каждый год отводили безголосому Мазини почетное место. Только настоящий Мазини, хоть и фальцетом, но пел не фальшиво: у него была выдержка и школа; Бальмонт же, срываясь, пускал то и дело ужаснейших «петухов». Собственно Бальмонтов было двое: трезвый и пьяный, джентльмен и хулиган, поэт и пошляк; неприятны были оба. Анекдоты о пьяном Бальмонте надо бы собрать, пока еще живы современники: получится своеобразный «Балакирев»⁵¹.

Балтрушайтис и Семенов вместе с Поляковым и Брюсовым основали «Скорпион»; оба они переводчики: Балтрушайтис скандинавских⁵², Семенов польских писателей⁵³. «Угрюмый, как скалы Севера», выражение Бальмонта⁵⁴, Балтрушайтис вечно мрачен и молчалив. Здоров он тоже, как скала, хотя Василий уверял меня однажды, будто у Балтрушайтиса «туберкулез чахотки».

М.Н. Семенов, зять Полякова⁵⁵, добродушный толстяк, через дядю своего, сенатора П.П. Семенова-Тян-Шанского, оказывал издательству существенные услуги. Несколько раз «Весы» обвинялись в порнографии, и Семенов всегда улаживал конфликт⁵⁶.

Колоритной фигурой тогдашней Москвы является Александр Койранский. Эйфелеву башню можно уменьшить до размеров пресс-папье, превратить в брелок. У Гончарова был подсвечник в виде Эйфелевой башни, подарок Стасюлевича⁵⁷ с парижской выставки 1889 года.

Встречаются писатели, художники, даже философы такого же миниатюрного склада. Куда годится еле видный осколок алмаза — им и стекла не разрежешь — а между тем он настоящий драгоценный камень. В Японии водится карлик-сокол: он с бабочкой не сладит — и все же это благородная хищная птица, а не какой-нибудь воробей.

Койранский был таким же игрушечным декадентом. Маленький, остренький, старообразный — к двадцати годам борода и плешь — в зеленой студенческой тужурке «царского сукна»⁵⁸, Койранский в одно и то же время мыслитель, поэт, живописец, музыкант и театральный рецензент. На всех выставках и первых представлениях можно встретить его рыжую бородку и пенсне, услышать отчетливые резкие суждения. И все в гомеопатических дозах.

Но Койранский служит не просто искусству, а непременно «новому»: берется решать задачи нынешнего, даже завтрашнего дня. И, конечно, на деле ловит лишь вчерашний. Читается реферат, Койранский возражает; вы думаете, по существу? — О нет. Но вчера он пробежал только что вышедшую брошюру на ту же тему, и вот выхватил оттуда две-три мельчайших подробности, которых не знает референт⁵⁹.

Койранский пишет стихи. В них нет ни мысли, ни чувства, зато поэту хорошо известно: теперь решается проблема рифмы, об этом говорят теперь и в Париже и в Москве. И Койранский пускает в ход щегольской набор великолепнейших рифм.

Я вечером снимал свой галстук
Вдруг страшный в двери услышал стук.

От музыки Корещенки⁶⁰
Завоют на дворе щенки.

Седет к октябрю сова
И мощь когтей слабеет,
Но крепки когти Брюсова,
Хотя он сам седет.

Спи, но забыл ли прозы Ли⁶¹ том?
Спиноза был ли презелитом?

Девятисложная рифма: не угодно ли? Это, как выражались старинные армейцы, не фунт изюму.

Рисует Койранский виньетки, концовки, заглавные буквы; разумеется, все в самом декадентском стиле. Обозревая выставки, бранит отсталых Репина и Васнецова, зато поощряет новейшие светила. В первых книжках «Весов» есть его обзоры за подписью Александр -ский⁶². Об Айседоре Дункан, Дебюсси, Никише⁶³ Койранский может говорить и писать без усталости. И все это не просто, а с форсом, пуская пыль в глаза.

— Третьяковскую галерею надо сжечь, — сказал он мне.

— И море Айвазовского?

— Это сухое море.

Возразить я не посмел: апломб столичного критика подавляет меня, скромного провинциала. Вспоминаю, кстати, отрывок из беседы между Брюсовым и Белым.

— Валерий Яковлевич, знаете, Койранский нарисовал обложку к «Стихам о Прекрасной Даме» и, к удивлению, хорошо.

— Что ж, он человек старательный.

Невозможно точнее выразить суть Койранского. Не усердный, не прилежный, а именно старательный. — Рад стараться! — кричит солдат. Чему рад? Тому, что отличился.

Однако Блок «хорошую» обложку забраковал, и в «Грифе» заменили Койранского другим художником⁶⁴. Из «Весов» он выбыл скоро, после первой виньетки⁶⁵. В «Весах» за виньетки платили известным художникам по десяти рублей, начинающим по пяти. Койранский начинающим не был, но и не был известным; поэтому С.А. Поляков предложил ему семь рублей.

— Семь с полтиной, — оборвал Койранский.

Взял деньги и вышел не простясь.

— Сколько вам лет? — спросил меня Брюсов при первом знакомстве.

Мне стыдно стало за свои двадцать два года — такой я взрослый, а ничего не сделал — и я, краснея, солгал:

— Двадцать... скоро.

Брюсов значительно качнул головой.

— Мне тридцать скоро.

Потом он говорил не раз:

— Я думал, после тридцати лет не стоит и жить, а теперь вижу, что даже очень стоит.

Моложавым Брюсов оставался лет до сорока. Наружность его описана много раз; особенно красочно и ярко изобразил редак-

тора «Весов» Андрей Белый. Но живопись Белого чересчур сильна. Прыжки пантеры... орлиный клекот... углем намалеванные ресницы... алые губы⁶⁶. Во всем этом явный пересол. Стервятником Брюсов не кричал и леопардом не прыгал; ресницы и губы были у него обыкновенные. Но в Брюсове надо уметь различать его сущность и позу. Белый их путал.

Дело в том, что репутация Брюсова как писателя была испорчена еще лет за десять до «Весов». Долго все журналы и газеты глумились над ним, как над дурачком и посмешихом, ставя его на одну доску с Емельяновым-Коханским⁶⁷. И Брюсов полубессознательно усвоил защитную позу. Скрещенные руки, резкий голос, упругость движений — что это как не постоянная готовность к внезапному отпору, ожидание мгновенно принять и выдержать бой? Эти усвоенные в юности манеры обратились в привычку. Поза во многом выручала Брюсова, но она же и связывала его. Вне позы Брюсов был благожелательный воспитанный человек с милой улыбкой, с добрыми медвежьими глазками. Неизвестно почему Врубель придал взгляду Брюсова какую-то сатанинскую свирепость⁶⁸.

Сила воли — главная черта в характере Брюсова. От Марка Криницкого⁶⁹ я слышал, что в юности Брюсов рассылал приятелям печатные приглашения сразу на целый год; немногие и краткие сроки приемов указаны были там со скрупулезною точностью⁷⁰. От природы необщительный и замкнутый, Брюсов дружил с немногими. На «ты» с ним было человека три-четыре из кружка «Русских Символистов», его школьные товарищи и шаферы⁷¹. Между прочим, в «Весах» 1905 года Брюсов и Белый обменялись полемическими письмами по поводу одной из статей последнего. В этой полушутливой переписке они называют друг друга по имени и на «ты». Но это лишь умышленный прием⁷². Фамильярность в обращении с Брюсовым была немыслима.

Один поэт в редакции «Весов» вздумал вмешаться в разговор Брюсова с Белым. Брюсов посмотрел на него, помолчал и продолжал свою речь. Но как все это было проделано! Поэт сразу превратился в маков цвет. В другой раз какой-то пришлый студент развязно вступил с Брюсовым в прения. Тот произнес слова два, и студент мгновенно умолк: «заткнулся» в полном смысле слова. Руки беспомощно взмахнули и опустились, рот раскрылся. Можно было подумать, что дерзновенному студиозусу влетела в рот пуля.

Темно-русое руно пышных, едва начинающих редеть кудрей; детский прерывистый голос и наивный смех; нервно дрожащие пальцы; слегка приседающая походка. Алкоголь и никотин еще не успели обесцветить чудесные глаза, погасить вдохновенный пламень «очей божественно-пустых»⁷³. Таков Борис Николаевич Бугаев — Андрей Белый — сын знаменитого профессора математики. В поэтической внешности Белого какое-то детское вахлачество; так и ждешь: вот-вот начнет он сосать леденец или собственный палец. Странно видеть на этом ребячем лице усы.

Стихи свои Белый не читает, а поет высоким приятным тенором, упираясь ладонями в колени и закрывая глаза. Одеваться он не умел. Шеголял то в потертой студенческой тужурке, то в мешковатом неуклюжем сюртуке, должно быть, перешитом из отцовского, то в какой-то кургузой курточке. Страшную школу прошел Андрей Белый: он вырос в профессорской среде. Я думаю, если бы Пушкина или Льва Толстого засадить с пеленок на Арбат в квартиру профессора Бугаева, в общество Стороженков и Веселовских, они бы или кончили самоубийством или сошли с ума⁷⁴. Белый остался жив и здоров, но ...

Конечно, художнику все на пользу, и Достоевский только по милости каторги сделался Достоевским, зато человеку такие метаморфозы даром не проходят. Несомненно Белый страдал циклотимией⁷⁵. Разговаривать с ним тяжело. Он слушает только себя, причем избегает смотреть в глаза собеседнику, не отвечает, часто забывается. О чем и зачем говорить с человеком, над которым только что прошел курьерский поезд, которого сняли с эшафота за секунду до казни? Еще можно сравнить Белого с астрономом, открывающим новую планету. Пусть за стеной у него умирает сын, пусть жена изменяет тут же на глазах: он не отойдет от телескопа. Талант Белого колеблется на грани гениальности. Без пяти минут гений.

Весной 1904 года в «Весы» приходил по вторникам смуглый высокий юноша моих лет, темноглазый, красивый, с южным профилем. В синей куртке и студенческих «диагоналевых» брюках, он мягко и вкрадчиво становился у книжного стола. Передаст Брюсову какие-то листочки, поговорит с ним вполголоса и опять к столу. Юноша был скромн до того, что даже сестра не решался. Никто в «Весях» не слышал его голоса. Это был Михаил Федорович Ликиардопуло.

Кто он и откуда, неизвестно. Сам Ликиардопуло рассказывал, что предок его Рикардо, родом итальянец, переселился в

Грецию из Генуи и стал называться Рикардопуло, а дети его — Ликиардопуло. В нашем «греке» выгодно соединились положительные черты обеих культур. Меркантильную практичность эллина сдерживал артистический темперамент потомка Тасса. Человек с художественным вкусом и критическим чутьем, Ликиардопуло был превосходный переводчик. Особенно удавался ему Оскар Уайльд. Сотрудничал он и в иностранных изданиях: им переведены рассказы Брюсова на новогреческий язык⁷⁶. Учился Ликиардопуло в Высшем Техническом училище, но скоро вышел из этого заведения.

Как без Брюсова нельзя себе представить литературный отдел «Весов», так их художественная часть немыслима без Феофилактова. Его картины, рисунки и виньетки составили впоследствии большой альбом⁷⁷. Изысканность модного костюма и европейской прически Николая Петровича Феофилактова странно противоречила его грубости в обращении и приемах. Он обрывал Ликиардопуло, осаживал меня, но больше всего враждовал с Василием.

— Вы, Василий, себе много позволяете, вот что.

— Я вам не подданный, — отвечал с достоинством Василий. Художник, волнуясь, брал со стола сургуч и нервно ломал его. Василий подбирал обломки, потом предъявлял Полякову счет: «С Филактова за поломку сургуча». (Фамилия коверкалась умышленно).

Василий, молодой, с круглым личиком и маленькими глазками, по весу угадывал, будет ли расходиться книга.

— Эта не пойдет.

И книга действительно не шла. Так при мне предсказал он неуспех «Прозрачности» Вячеслава Иванова: разошлось ее всего два экземпляра⁷⁸.

«Весы» существовали шесть лет; история их естественно распадается на три части: зарождение, расцвет и упадок; по два года в каждой. Все, что я рассказал до сих пор, относится к первому периоду. «Весы» — еще только критико-библиографический ежемесячник; сотрудники только еще сходятся и присматриваются друг к другу. Но основной первоначальный тон журнала за все шесть лет остается неизменным.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1906-1907

В 1906 году совершаются в «Весах» две важные перемены. Во-первых, «Весы» из критического сделались литературным журналом: в них начинают появляться стихи, рассказы, пьесы и даже романы⁷⁹. А во-вторых, Ликиардопуло занял вновь учрежденную должность секретаря редакции.

Возвратясь из Нижнего в январе после четырехмесячного отсутствия, я нашего «грека» не узнал. Говорливый, бойкий, с уверенными манерами, он распоряжался в редакции, как дома. То и дело разговаривал громко по телефону, спорил с Поляковым, приказывал Василию. Модный костюм, пробор, как у Дорiana Грея. Он собирает большую библиотеку, ex-libris ему делает Василий Милиоти⁸⁰. С Брюсовым Ликиардопуло теперь на равной ноге.

— Скоро он меня отсюда вот этак.

И Брюсов сделал выразительный жест ногой. Я обращаюсь к Василию:

— Что это, Василий, с «греком» случилось? Его не узнать.

— Силу взял, — задумчиво ответил Василий, покручивая ушки. Ликиардопуло «взял силу» только потому, что знал, где раки зимуют⁸¹. Минуя Брюсова, он начал вести дело непосредственно с Поляковым: издателю энергичный секретарь сумел понравиться.

За эти годы поза Брюсова слабеет; он держится с нами проче. Как-то в дождливый осенний день мы были вдвоем в редакции.

— Давайте писать буриме, — предложил мне Брюсов.

Через несколько минут изготовил я восемь стихов на заданные Брюсовым рифмы:

С «греком» кушали мы *честер*⁸²
В честь мамзель *Марьон де Лорм*⁸³
Я сказал ему: сыр *vester**
Вне обычных сырных *норм*.
Он и жжет и режет *горло*,
Словно струны ржавых *арф*,

* Здесь в смысле «западный».

Будто в рот всадили *сверла*
Иль стрелу, что травит *парф*.

Из ответного брюсовского буриме на мои восемь рифм мне помнится только второе четверостишие⁸⁴:

Но ты повисла, как *рубаха*,
Гляжу: мой тусклый взор *болит*,
В него вознился, как *наваха*,
Небес окровавленный *вид*.

Сначала у меня вместо «болит» стояло «дифтерит», но Брюсов попросил изменить эту рифму.

— А то получается нелепость.

Между тем, задача буриме и состоит как раз в преодолении нелепостей.

Бальмонт и Семенов в конце 1905 года навсегда покинули «Весы». Оба укрылись за границей. Вместо них в редакции начинают мелькать Волошин и Курсинский.

Лет триста назад при дворе европейских государей водились искусственные карлики. Ребенка закладывали в фарфоровый бочонок с отверстием внизу и так держали несколько лет; потом бочонок разбивался, из фарфоровых обломков с трудом вылезал неестественно толстый низенький уродец на тонких ножках. Если такому карлику придать голову Зевса с кудрями и пышной бородой, получится Макс Волошин⁸⁵.

Из-под пенсне и нависших бровей на широком лице беззаботно щурятся маленькие странно-веселые глазки. На косматой голове высокий плюшевый цилиндр, на плечах крылатка. Первому появлению в «Весях» этой потешной фигуры предшествовали частые анонсы редакции о выходе стихотворений Верхарна в совместном переводе Брюсова и Волошина. В конце концов Верхарна перевел один Брюсов; книга вышла в начале 1906 года⁸⁶.

Волошин приехал в Москву из Парижа осенью; в один из вторников он появился в «Весях». После короткой беседы Брюсов взял с полок экземпляр Верхарна, написал на нем несколько строк и передал книгу Волошину, лукаво подмигнув всем нам. Мы с любопытством наблюдали. Волошин, прочитав посвящение, с растроганным видом крепко пожал руку Брюсову, пошел было в кабинет и опять вернулся для нового благодарного рукопожатия.

Пламенное служение «новому искусству» и желание быть оригинальным роднит Волошина с Койранским; однако Койранский по удельному весу таланта значительно превосходит Волошина. Когда мне приходилось беседовать с Волошиным, невольно вспоминался Иванушка из «Бригадира» Фонвизина: «Тело мое родилось в России, это правда; однако дух принадлежит короне французской». Что стал бы делать Волошин без Парижа? Он искренне стремился сблизить русское искусство с западным, тогда как на деле был только посредником между московскими и парижскими декадентами, их «коммивояжером». «Трудолюбивый трутень» — хотелось сказать, глядя на его сизифовы усилия.

Природная недалекость побуждала иногда наивного Макса выкидывать невероятнейшие коленца. То вдруг он ни с того ни с сего печатно ляпнет, что Брюсов родился в публичном доме⁸⁷ — символический оборот, но можно понять буквально — и бедный Валерий Яковлевич спешит заявить фельетонисту Измайлову, что ничего подобного не было⁸⁸. То разразится восторженным фельетоном о том, как голая парижская натурщица в толпе художников, где был и Волошин, прошлась демонстративно по Латинскому кварталу и посрамила навеки всемирное мещанство⁸⁹.

Когда шальным ножом психопата исполосована была картина Репина «Смерть царевича Ивана», все искренно огорчались; один Волошин пришел в восторг. В специальной брошюре доказывал он, что Репин сам виноват⁹⁰: не надо было изображать на картине так много крови; художник получил заслуженное возмездие: кровь за кровь. В «Весы» Волошин все шесть лет давал стихи, свои и переводные, заметки, рисунки⁹¹, и все у него выходило прилично, старательно и бездарно.

Волошину, к счастью для него, не дано сознавать своего козизма: он искренно доволен собой и даже счастлив. Оттого дружить с ним легко: человек он покладистый и добрый. Не таков Александр Антонович Курсинский.

Он тоже непоправимо комичен, но и настолько умен, что в силах сознать свое несчастье. Вот почему, терзаемый черной завистью, он вечно со всеми ссорится. Нигде и никогда не приходилось мне видеть более цельного типа полнейшей абсолютной бездарности. Дюжинная внешность обычного обывателя: маленький рост и большая не по росту голова, стереотипная бородка, оловянные глазки, пошловатые манеры. Хотя бы чем-нибудь, хоть бы уродством, отметила Курсинского судьба. Ничего, как есть ничего: круглый нуль.

Что делать в жизни нулю? Сам по себе он ничего; только прицепившись к единице нуль делается чем-то. Всю жизнь Курсинский искал подходящих единиц. Студентом попадает он в дом Льва Толстого репетитором его младших сыновей, но из общения с толстовской семьей ровно ничего не выносит. Затем сходится с товарищем по факультету Валерием Брюсовым и участвует в составлении сборников «Русские Символисты»⁹². Брюсов с Курсинским на «ты», даже приглашает его шафером к себе на свадьбу.

Стихотворные упражнения Курсинского не оставили в истории литературы ни малейшего следа. Время летело, события менялись. Брюсов идет шибко в гору и становится известностью, а Курсинский по-прежнему все остается нулем. И вдруг определяется подпоручиком в армейский пехотный полк. Для меня поступок этот вполне понятен. Военный мундир, по мнению Курсинского, должен был выручить его. Бедняге мерещились военно-поэтические призраки Лермонтова, Фета или хотя бы Надсона. Одного лишь не принимал в соображение: ко всем трем поэтам слава пришла помимо мундира: талант, а не мундир их создал поэтами. О, как был курьезен Курсинский в военной форме!

После японской войны он выходит в отставку⁹³ и одно время бедствует. Старый товарищ Брюсов помог Курсинскому устроиться редактором в «Золотом Руне». Отмечу, кстати, благородную деликатность Брюсова по отношению к друзьям-неудачникам. Он всячески им помогал, щадил их самолюбие, избегал критиковать их. Прекрасная и редкая черта.

В «Руне» я впервые встретился с Курсинским. Редакторский апломб его вызывал улыбку, но какая страшная драма бушевала под комической внешностью этого декадентского Сальери!

— Представь себе, Борис, что за наглость: Эллис прислал нам свои стихи.

— Что же ты сделал?

— Поворотил.

«Поворотил», а не просто вернул: это для пушего пренебрежения.

В другой раз вижу: Курсинский берет открытку, пишет крупными буквами «никогда» и прикладывает редакционный штемпель. Это было ответом редакции начинающему поэту на вопрос, когда будут напечатаны его стихи. Вообще с новичками Курсинский держался, как маститый писатель, не имея на это ровно никаких прав. Сам себя называл он «опытным литератором». В «Весах» помещались его заметки под псевдонимом *Лидия Млавич*⁹⁴.

Редакция «Весов». Полдень. Вхожу в кабинет. Ликиардопуло за столом тихо беседует с человеком в черной маске. Немного пугаюсь, но тут же узнаю в незнакомце Андрея Белого. Здороваюсь, сажусь. Говорим о самых обыкновенных вещах, о новостях, о книгах, но Белый маски упорно не снимает.

— Зачем это, Борис Николаевич?

— Не хочу, чтобы видели мое лицо.

Вышли мы вместе. Белый снял маску и сунул в карман.

— А то попадешь в участок.

На улице старался я не смотреть на него. Эту маску я вспомнил, когда прочел «Петербург»⁹⁵.

Изредка бывали в «Весках» беллетрист Михаил Пантюхов, плотный, в студенческом сюртуке, блондин, автор замечательной повести «Тишина и старик»⁹⁶, и черненький учтивый поэт Семен Рубанович⁹⁷. Является однажды в редакцию юноша-художник в бедном пальто, без перчаток, робко предлагает рисунки.

— Ваше имя?

— Николай Петрович Крымов⁹⁸.

Феофилактов неторопливо поднялся с кресла.

— Вы Милиоти знаете? Он мне говорил про Вас. Я — Феофилактов.

И по-генеральски протянул юноше руку. Увы, судьбы всегда непредвидимы. Года через два прогремевший на всю Европу Николай Петрович Крымов превратился в генерала от искусства, а Николаю Петровичу Феофилактову пришлось навсегда остаться поручиком от «Весов».

Важным достоинством нашего журнала следует признать отсутствие «дам-писательниц». Так именовалась особая порода женщин, превосходно изображенная Чеховым⁹⁹. Из наших сотрудниц Гиппиус жила в Петербурге, а Нина Петровская (Н.Останин)¹⁰⁰ в редакции не бывала никогда.

«Весы» платили за беллетристику и статьи крупного шрифта по сто рублей с листа; за стихи и мелкий шрифт — построчно десять и двадцать копеек. В 1907 году «Весы» достигли апогея могущества и славы: журнал разошелся без остатка¹⁰¹. Через несколько лет любители с трудом находили у букинистов полные комплекты «Весов».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1908-1909

Мне случилось, покидая Москву, возвращаться иногда чуть не через полгода. Так было в мае 1908 года; проездом на Кавказ заглянул я в редакцию «Весов». Из первой комнаты слышу разговор в кабинете: незнакомый визгливый голос азартно выкрикнул что-то и прибавил площадное трехэтажное ругательство. Я обомлел. Положим, фраза эта раздавалась везде, даже в Государственной Думе, но здесь... в «Весках»... Посмотрел я на вешалку: пальто Брюсова. Ущипнул себя: нет, не сплю. Крик между тем повторился и опять закончился «русским титулом». Робко направляюсь в кабинет и сталкиваюсь со смеющимся Ликиардопуло. Вхожу. Все на месте; у стола невозмутимый Брюсов, а перед ним, размахивая руками, мечется и кричит тшедушный молодой человек, лысый, с черной бородкой и красными негритянскими губами. Грязное белье, засаленный сюртук, брюки с бахромой. Нас познакомили: это был Эллис.

Недоумевая, слушал я пламенную речь о каком-то журнале; горячий оратор то и дело подкреплял ее сочными словечками из неистощимого лексикона российской «матирогнозии». Брюсов явно тешился моим смущением; саркастическая улыбка шевелила его усы. Скоро я простился и выехал из Москвы, волнуемый недобрый предчувствием. Оно оправдалось, осенью, когда я увидел Эллиса в роли видного сотрудника «Весов».

Лев Львович Кобылинский-Эллис¹⁰² — был милейший и добрейший человек. Всегда веселый, остроумный и общительный, жил он, как птичка на ветке, благородный бессребреник, рыцарь-идеалист. Но всякое дело, предпринятое с участием Эллиса, неизбежно обрекается на гибель. Вечно переполненный чужими мыслями, он пуст, этот легкомысленный мыслитель. Правда, Эллис не берет идеи напрокат, как Волошин, и нелепо его сравнивать с Курсинским, непроницаемым для всякой идеи, нет: Эллис идеями живет, борется за них, страдает, губит свою карьеру. Но идеи эти все-таки чужие, вот почему впечатлительный Лев Львович меняет их, как перчатки. При этом он умен и образован; не пьет, не курит, с дамами не знается. Все данные для крупного дела, а толку никакого: стихи слабоваты, в статьях нет «изюминки».

Пустоту свою заселяет Эллис довольно удачно: вне чужого содержания является он остряком и памфлетистом; артистически умеет передразнить кого угодно, мастер на пародии; непе-

чатные словечки пускаются им в ход исключительно ради мнимой оригинальности.

— Послушай, Лев; представь Брюсова.

Эллис принимает трагическую позу, делает суровое лицо и голосом Брюсова начинает выкрикивать ряд трюизмов:

— Искусство вечно! Пушкин велик! Свобода есть первое условие свободного творчества!

И мы все помираем со смеху.

Страшное наследство легло на крутые плечи Сергея Соловьева. Дед — знаменитый историк; из дядей один — популярный романист, другой — известный философ; тетка — поэтесса; отец — образованнейший мыслитель; мать — художница; бабушка — беллетристка¹⁰³. Подобное наследство не может не обязывать. Но вместе с культурным богатством двух поколений Соловьеву пришлось принять также наследие психопатологическое. Черная туча помешательства медленно двигалась и росла. В двадцать лет имеет он вид тридцатилетнего; усы пробились у него на тринадцатом году; приземистый, тучный, краснощекий, с раскатыстым звонким смехом, с блестящими глазами, Соловьев казался юношей цветущего здоровья; аппетитом обладал он неимоверным.

И все это было обманчиво и непрочно, как культ Эллады и Рима, как поклонение Пушкину, как деревенская идиллия с рыбной ловлей и любовью к прекрасной поселянке¹⁰⁴ — все, в чем искал исцеления несчастный поэт. Ничто не помогло.

Соловьев был моим товарищем по классическому отделению историко-филологического факультета. Вместе слушали мы курс латинской грамматики у А.А. Грушки и Петрония¹⁰⁵ у М.М. Покровского¹⁰⁶, присоединялись к нам: третий классик, эллинист В.О. Нилендер¹⁰⁷ и с философского отделения юный поэт Ю.А. Сидоров¹⁰⁸ — оба случайные сотрудники «Весов». Часто обменивались мы шутивными эпиграммами и дружескими остротами; все это пропало; помню лишь мою пародию на Соловьева:

Пихты стоят пирамидами,
Слышу я чтение Канта.
Там за окошком все «ми» да «ми» —
Скучная трель музыканта¹⁰⁹.

О музыкант, не жалея, томи
Гаммами сердце Сергея!

Свиньи захрюкали флейтами,
Тучная добрая Гея.

Тщательно запер все двери я:
Нет ли шагов осторожных?
Перехитрю ж я Валерия
В рифмах изысканно-сложных.

Соловьеву шутка эта очень нравилась. Постоянным сотрудником «Весов» сделался он только за последние два года.

Лето 1909 года — последнее лето «Весов» — провел я в Москве; предсмертное томление журнала развивалось у меня на глазах. Брюсов еще в марте сложил с себя звание редактора¹¹⁰; теперь он изредка заходит в «Весы» — обыкновенно днем — злобно любоваться на дело рук своих. «Я тебя породил, я тебя и убью»¹¹¹. Разумеется, приглашение Эллиса на амплуа первой скрипки является хитрым тактическим приемом; на подобные приемы Валерий Яковлевич был величайший мастер. Сам он заметно стареет и видимо упрощается: седые виски, сероватый пиджачок, в зубах папираса; ее он не то что курит, а как-то «целует», по меткому замечанию одного художника.

Все чаще появляется в «Весах» С.А. Поляков, растерянный, не знающий, что делать. Былой дисциплины и в помине нет. Ликиардопуло доходит до того, что поправляет брюсовские статьи; с Василием теперь здороваются за руку все, кроме непреклонного Феофилактова, ночующего иногда на историческом диване; я прихожу в редакцию в русской рубашке.

Андрей Белый этим летом начал выпивать. Компанию ему одно время составляли Ликиардопуло и я; вторым отправлялись мы из редакции завтракать в кабачок на Неглинной¹¹². Ликиардопуло совсем почти не пил, на меня алкоголь не действовал никак, Белый же пьянел с первой рюмки. Пить с ним было так же тяжело, как и разговаривать. Расплескивая и проливая на себя налитую рюмку, дрожавшую в ослабевших пальцах, начинал он нести несвязную речь; из деликатности приходилось эти монологи выслушивать. Однажды, приступая к третьей рюмке, Белый дружелюбно чокнулся со мной.

— А я, Борис Александрович, полюбил очень водку...
У меня сердце сжалось. — Ну, что тебе Гекуба и что ты Гекубе? —
подумал я, глядя на его страдальческое лицо.
Белый продолжал, обливаясь водкой:

— Она, знаете ли, ближе к цели...

И потянулся нескончаемый бред. Вот начали проскальзывать неосторожные признания. Я встал.

— Пора домой, Борис Николаевич.

И Белый об руку со мной поплелся на Арбат какую-то старческой походкой.

Последнее время начал бывать в «Весак» поэт Виктор Гофман¹¹⁴, болезненный молодой человек с землистым лицом. Поверх очков надевал он еще пенсне.

Летом женился Василий. Все мы получили приглашение на свадьбу: золотые буквы на розовом атласе; посаженным отцом был С.А. Поляков. Ликиардопуло предложил было поместить «приглашение» в «Весак»; его резко оборвал Феофилактов, умевший быть великодушным врагом.

Брюсов всегда заботился придать «Весам» известную помпезность: гримируя подходящих людей под масть редакции, он назначал им соответственные роли. Так, молодому поэту и переводчику Максимилиану Шика, солидному юноше в смокинге и с моноклем, дан был громкий титул «собственного берлинского корреспондента “Весов“». И Брюсов и Шик остались довольны¹¹⁵. Постепенно Шик начал отставать от литературы: его пригласил Художественный театр на должность секретаря¹¹⁶. В конце последнего лета он опять зачастил в «Весы»: тесная дружба связывала Шика с Ликиардопуло. Сидят они как-то вдвоем в кабинете, я вышел к телефону; вдруг слышу страшный грохот и крики. Шик барахтается на полу, монокль выпал, галстук развязался; над ним с кулаками Ликиардопуло. Ничего страшного нет, всего только дружеская шутка: Ликиардопуло выхватил из-под Шика кресло. Втроем мы мирно уселись на диван. Однако этот жест оказался символическим: вскоре наш неукротимый «грек» занял кресло Шика в Художественном театре.

Ясное летнее утро. Кипит самовар. Жена подает мне газеты; развертываю одну. «Скандалный инцидент в Румянцевском музее. Декадент-писатель К. уличен в вырезывании страниц из музейных книг». Беру вторую. «Поступок литератора К-ского. У декадентов, как известно, особое понятие и о чести и о праве собственности». Третья газета еще круче «загибает салазки» декаденту Коб-скому и всем декадентам вообще.

Разумеется, я догадался сразу, о ком шла речь¹¹⁷. Эллис готовил большую книгу о символистах¹¹⁸ и за справками ходил в Румянцевский музей. Там по ошибке он вырезал второпях несколько страниц из книги Андрея Белого. В «Весях» эту историю обошли полным молчанием¹¹⁹ и при встрече о ней не упоминали. Что говорить и зачем? Но редакция как-то сразу запустела.

К довершению скандала Эллис исчез. В мебелированных комнатах «Дон», где он жил¹²⁰, ничего не знали; номер Эллиса оказался незапертым. И вот на третий или четвертый день уже в сумерки случайно сошлись в «Весях» Белый, Ликиардопуло, я и еще человека два-три. Разговор не клеился, мы грустно сидели; вдруг отворяется дверь и входит Эллис. Без шляпы, оборванный, исхудалый, грязный, с блестящими глазами.

— Подадите вы мне руку или нет?

Все разом вскочили и кинулись к несчастному товарищу со словами любви и дружбы. Эллис разразился истерическим припадком.

После он рассказывал мне, что долго скитался по городу, почти потеряв рассудок, не помня себя; вдруг к нему подходит страшная женщина, безногая, в лохмотьях; смотрит в глаза, улыбается и дружески ударяет по плечу. Только тогда он очнулся и побежал в «Весы».

Суд чести отверг наличность злого умысла¹²¹. Для всех, знавших Эллиса, понятно было, что его неприглядное деяние нельзя объяснить ничем иным, как только ребяческим легкомыслием. Но газеты еще долго негодовали: особенно ярился один мелкий журналист из фармацевтов, сводивший личные счеты с критиком «Весов»¹²². Брюсов на вопрос мой, что думает он о виновности Эллиса, с улыбкой ответил: истина, как это всегда бывает, должна находиться в середине.

Скандал Эллиса, хоть и косвенно, но задел «Весы» и, несомненно, ускорил их агонию. К осени почти все видные сотрудники отошли от журнала; им заправлял Ликиардопуло, ведавший также иностранным отделом; главным критиком оставался Эллис, автор руководящих статей. Отзывы о стихотворных сборниках давал Сергей Соловьев, о беллетристике — я (под псевдонимом Ртух и Иван Голов¹²³). Мало-помалу «Весы» превращались — как выразился Бальмонт — в «арену непристойно ведущих себя карликов»¹²⁴. Выступать на этой арене не хотелось, видеть разрушение любимого журнала было выше сил, и я с октября до Нового года оставался в Нижнем.

Лично для меня «Весы» явились превосходной школой, до-воспитавшей литературные мои задатки и давшей им нормальное развитие. Но внутренне «Весам» я был чужд по двум причинам. Во-первых, я, по совести, никак не могу считать себя символистом: я — классик пушкинской школы, затесавшийся случайно в декадентскую компанию¹²⁵. Во-вторых, я всегда сознавал себя лишним в этой среде коренных природных москвичей. Брюсов, Белый, Эллис, Соловьев — все были «поливановцы», связанные с детства неразрывными нитями. Для Брюсова, например, Соловьев так и остался «Сережей», своим и близким человеком, я же был для него только «господин Садовской», пришлый и чуждый выходец из провинции. И однако глубочайшей и искренней благодарностью обязан я памяти Валерия Яковлевича Брюсова, моего покровителя и учителя. Когда он пригласил меня в «Весы», я был безусый мальчик-студент, случайный участник мелкой провинциальной газетки; выходил я из «Весов» возмужавшим отцом семейства¹²⁶, сотрудником виднейших журналов и газет.

В январе 1910 года я возвратился в Москву. «Весов» уже не было. На их развалинах пышно расцветал «Мусажет».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Садовской приехал в Москву 3 сентября 1902 и поступил на историко-филологический ф-т Московского ун-та (Б.Садовской. Записки.// Российский архив. Вып.1. М., 1991. С.147).

² Лев Александрович Мей (1822-1862) получил место инспектора гимназии в конце 1851 и состоял в этой должности около года. (См.: В.Р. Зотов. Вступительная статья к 1 тому Полного собр. соч. Л.А. Мея. СПб. Изд. Н.Мартынова, 1887. С.VII).

³ Агния Яковлевна Алелекова (урожд. Лахутина, 1888-?) жила в доме Дмитриевской в Елоховском проезде.

⁴ А.С. Пушкин был крещен в церкви Богоявления в Елохове 8 июня 1799 (М.А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. М., АН СССР, 1951. С.3).

⁵ Василий Осипович Ключевский (1841-1911), академик, читал в Московском ун-те курс русской истории.

⁶ Александр Иванович Кирпичников (1845-1903), декан историко-филологического ф-та, читал курс истории русской литературы.

⁷ Владимир Иванович Герье (1837-1919) в начале своей педагогической деятельности читал в ун-те курс истории средних веков, позднее преподавал римскую и новую историю. В зимний семестр 1903 вел спецкурс по истории французской революции. Садовской рассказывает о первой лекции Герье: «Мне понравилась строгая наружность и точная речь профессора. Все было очень умно и дельно» (Записки.//Российский архив. С.147).

⁸ Сергей Николаевич Трубецкой (1862-1905), профессор древнегреческой философии, публицист и общественный деятель, первый выборный ректор Московского ун-та. Для курса, на котором занимался Садовской, он читал историю древней философии и вел семинарий по Платону. В рассказе автобиографического характера «Деловские часы» Садовской пишет: «В низенькой, тесной аудитории старый Ключевский, согнувшись на кафедре, стиснутый слушателями, чуть не верхом сидевшими друг на друге, ровным голосом отчетливо вычитывал об удельных князьях; сутуловатый высокий Кирпичников читал о литературе, ронял порой насмешливые словечки, и князь Сергей Николаевич Трубецкой, пришепетывая слегка и глядя куда-то вдаль, задумчиво говорил о сущем» («Русская молва», 25 декабря 1912).

⁹ Аполлон Аполлонович Грушка (1869-1929), филолог и археолог, чл.-корр. АН СССР. В 1903 был приват-доцентом Московского ун-та. Садовской вспоминает: «Безукоризненно читал о Марциале А.А. Грушка, молодой классик. Это был тип европейского ученого, профессор-джентльмен» (Записки.// Российский архив. С.147). Кроме спецкурса по Марциалу, Грушка преподавал латинскую грамматику.

¹⁰ Баллада «Иоанн Грозный» появилась в газете 6 января 1901. До отъезда Садовского в Москву «Волгарь» опубликовал 25 его стихотворений, последнее напечатано 25 августа 1902. Счета газеты сохранились в архиве Садовского (ЦГАЛИ. Ф.464. Оп.1. Ед.хр.154. Л.3).

¹¹ Виктор Александрович Гольцев (1850-1906), публицист, литературный критик и общественный деятель, с 1881 — ответственный секретарь «Русской мысли», а с 1885 — фактически редактор журнала.

¹² Вукол Михайлович Лавров (1852-1912), переводчик, основатель и редактор-издатель «Русской мысли».

¹³ Юлий Исаевич Айхенвальд (1872-1928), литературный критик. 10 января 1903 Айхенвальд сообщал Садовскому: «Что касается "Лешего", то эта картинка, больше ценная по форме, чем по содержанию, могла бы найти себе место на страницах журнала (хотя по своим размерам она более подходит к газетному фельетону). Но поместить эту вещь одну редакция не находит удобным. Если у Вас со временем найдутся еще наброски подобного рода, то в соединении с ними мог бы увидеть свет и "Леший". Во всяком случае, может быть, Вы позволите оставить эту картинку в портфеле редакции?» (ЦГАЛИ. Ф.464. Оп.1. Ед.хр.16. Л.1-2). 16 мая 1906 Соколов-Кречетов писал Садовскому: «Ваш "Леший" принят и пойдет в тройном номере (июль, август, сентябрь)» (ЦГАЛИ. Ф.464. Оп.1. Ед.хр.124. Л.2). Небольшой рассказ Садовского «Леший», датиро-

ванный маем 1906, действительно был опубликован в журнале «Золотое Руно» (1906, №7-8-9). Возможно, это более поздняя редакция рассказа.

¹⁴ Более подробно о первом визите Садовского к Брюсову см.: «Красная нива». 1928. №40. 30 сентября.

¹⁵ О посещении брюсовской «среды» 26 ноября 1903 см.: Записки.// Российский архив. С.51.

¹⁶ Марк Валерий Марциал (ок.40 - ок.104), римский поэт.

¹⁷ Частная библиотека Ильи Александровича Александрова находилась в доме Сметаниной на Старой Басманной улице.

¹⁸ В ноябре 1903 отмечалось столетие со дня рождения Ф.И. Тютчева.

¹⁹ Имеется в виду примечание к недатированной записке Тютчева, адресованной А.Н. Майкову (Новый путь. 1903. №11. С.14).

²⁰ А.Майков в стихотворении «Карамзин», написанном в 1865, воспевал историческую концепцию Н.М. Карамзина (Русский вестник. 1867. №2). Драматическая сцена «Странник» (там же, №1), посвященная Тютчеву, создана Майковым по мотивам повести П.И. Мельникова-Печерского «Гриша» (из раскольничьего быта), написанной в 1861.

²¹ Доктор Вениамин Исаакович Левитан содержал частную лечебницу в доме Н.Я. Шкот в Леонтьевском переулке (ныне ул. Станиславского).

²² 12 апреля 1904 А.П. Чехов писал из Ялты А.И. Зальца: «Наши в Москве переменили квартиру, адрес теперь такой: Москва, Леонтьевский пер., д.Катык. Это там, где живет Шаляпин» (А.Чехов. Полное собр. соч. и писем. М. Т.12. 1983. С.84). Чехов жил в этом доме до отъезда в Баденвейлер.

²³ Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений с портретом автора, сведениями о его жизни и статьей Валерия Брюсова о его творчестве. М. Скорпион. 1904.

²⁴ Поэма «Грядущий» опубликована в альманахе книгоизд-ва «Гриф» (М., 1905). В рецензии на альманах Брюсов отмечал: «Поразительную нескладицу написал наш сотрудник Б.Садовской под названием поэмы "Грядущий"». Рецензии г-на Садовского в "Весях" выдаются скорее трезвостью мысли, ясностью изложения; изобразить бред, как пытался он в поэме, ему совсем не по силам» (Весы. 1905. №3. С.62).

²⁵ Лекция К.Д. Бальмонта состоялась в субботу, 13 марта 1904 (см.: П.Минин. Лекция Бальмонта.// Московские ведомости. 1904. №77. 18 марта).

²⁶ Николай Ефимович Поярков (1877-1918), поэт, беллетрист и критик, автор нескольких заметок, помещенных в «Весях» под псевд. Н.Ярков. Вяч.Иванов доброжелательно оценил первый сборник его стихов «Солнечные песни» (Весы. 1906. №7. С.58-59), гораздо строже была рецензия Б.Садовского на сборник рассказов Пояркова «Зеленый шум»: «А все-таки рассказы г-на Пояркова скучны, как прошлогодняя "Нива". Герой их

езде один и тот же, какой-то полухудожник, полупоэт, изо всех сил торопящийся вдогонку за самоновейшей современностью» (Весы. 1908. №12. С.66).

²⁷ Речь идет о второй жене Бальмонта — Екатерине Алексеевне (урожд. Андреевой, 1867-1950).

²⁸ Памятник Ивану Федорову работы Сергея Михайловича Волнухина (1859-1921) был открыт 27 сентября 1909.

²⁹ Осип Андреевич Правдин (Оскар Августович Трейлебен, 1847-1921), актер Малого театра и театральная педагог.

³⁰ Более подробно о встрече с Брюсовым, состоявшейся 16 марта 1904, см.: Заметки.// Российский архив. С.152.

³¹ Строка из «Песни о вещем Олеге» А.С. Пушкина.

³² В.Ф. Боцяновский. В.В. Вересаев. Критико-биографический этюд. С портретом и факсимиле В.Вересаева. Пб. Типография «Энергия». 1904. Корректурная заметка вклеена в альбом Садовского с его пометой: «Первая рецензия для "Весов", написанная для майской книжки за 1904 г. и оставшаяся в наборе за недостатком места». В рецензии подвергается нападкам не только Боцяновский, но и Вересаев: «Многие страницы книжки совершенно лишние. Таковы, например, обширные выписки из беседы вересаевских героев, их красноречивые тирады и длинные монологи. Кому нужны теперь эти бесконечные провинциально-наивные споры о Марксе и Бернштейне, о капитале и о фабричных?..» (ЦГАЛИ. Ф.464. Оп.2. Ед.хр. 260. Л.1). Можно предположить, что заметка осталась в корректуре не из-за недостатка места. Известно, что «Весы» нуждались в рецензиях в первые годы своего существования. По-видимому, резкий и легкомысленный тон рецензии не понравился Брюсову.

³³ Михаил Федорович Ликиардопуло (1883-1925), о нем см. прим.76.

³⁴ Николай Петрович Теофилактов (1878-1941), художник-график, участник выставок «Мира искусств».

³⁵ Артельщиком «Весов» за все годы их существования был Василий Адрианович Курников, сын владельца трактира на 2-й Ямской улице.

³⁶ Садовской вспоминает: «Сотрудники побаивались Брюсова. Однажды переводчик Шибишевского толстяк Семенов принес вина. Не успели мы выпить по стакану, как загудел лифт с Брюсовым. Замешавшись, Семенов сунул бутылку под стол. Б.М. Рунт, бывшая одно время секретарем "Весов", смущалась порой до слез, отдавая отчет редактору» (Заметки.// Российский архив. С.152).

³⁷ Утверждение Садовского опровергается перепиской. Уже с первого письма 1903 года Брюсов обращается к нему по имени и отчеству.

³⁸ Портрет Фридриха Ницше работы Карла Бауера помещен в каталоге книгоиздательства «Скорпион» 1904 года на с.13.

³⁹ Рене Гиль (Рене Гильбер, 1862-1925), французский поэт. 18 февраля 1904 Гиль писал Брюсову: «Я получил первый номер журнала, прекрасного с виду. Господин Волошин сказал мне об обширном издательском плане и совершенно оригинальном характере этого журнала. Я считаю почетным делом для себя участвовать в этом журнале...» (А.Е. Маргарян. Валерий Брюсов и Рене Гиль. // Брюсовские чтения. 1966. Ереван, 1968. С.523, 524). Уже в февральском номере «Весов» за 1904 появилась первая статья Р.Гиля из цикла «Письма о французской поэзии» (О Р.Гиле см. также: В.Брюсов. Рене Гиль. // Весы. 1904. №12. С.12-31). Реми де Гурмон (1858-1915), французский поэт, критик, издатель. Сотрудник «Весов».

⁴⁰ Виктор Эльпидифорович Борисов-Мусатов (1870-1905), художник, им был оформлен февральский номер «Весов» за 1905.

⁴¹ Николай Николаевич Сапунов (1880-1912) принимал участие в оформлении 6, 8, 12 номеров «Весов» за 1904 год; 12 номера за 1905 и №2 за 1906. В архиве Садовского сохранились воспоминания о встрече с художником (ЦГАЛИ. Ф.464. Оп.1. Ед.хр.4), см. также: Александр Блок в воспоминаниях современников. Т.2. М., 1980. С.53-54.

⁴² В переводе С.А. Полякова в книгоизд-ве «Скорпион» вышли книги Кнута Гамсуна: сб. рассказов «Съеста» (1900), роман «Пан» (1901) и пьеса «Драма жизни» (1902, 1906 и 1907).

⁴³ В.Г. Лидин рассказывает о своей встрече с С.А. Поляковым: «Я спросил его как-то, сколько он знает языков. Поляков ощерился, пегие его усики поползли вверх: он улыбался как-то по-кошачьи.

— Хмы, хмы... не знаю, мой друг, не считал.

Он действительно не считал, сколько языков он знает. Но когда я взялся за карандаш, мы подсчитали свыше двадцати пяти языков, которые знал Поляков; к европейским языкам следовало добавить и китайские иероглифы, в которых он весьма свободно разбирался. Он изучал языки, кажется, до последней минуты своей жизни, полагая, что человеческим познаниям никогда не может быть положен предел; так, под самый конец своей жизни он неожиданно изучил якутский язык и перевел с него какую-то обширную поэму» (Вл.Лидин. Люди и встречи. М. Московский рабочий. 1965. С.125).

⁴⁴ Поляков был женат на художнице Софье Ромуальдовне Люссек-Вель-Лузек. 24 июня 1905 И.М. Брюсова сообщила сестре поэта Н.Я. Брюсовой: «Говорят очень определенно, говорил Бальмонт и разные другие лица, что 25-го сего месяца, т.е. завтра, Сергей Александрович женится. На г-же Duses, я не рассказывала вам про такую даму? Конечно, все будет тайно» (ГБЛ. Ф.386. 145.34. Л.21).

⁴⁵ Александр Александрович Пушкин (1833-1914), генерал-лейтенант, командир 13-го Нарвского гусарского полка.

⁴⁶ К.К. Данзас вспоминает: «До последнего вздоха Пушкин был в совершенной памяти, перед самой смертью ему захотелось морошки /.../, и когда принесли, Пушкин пожелал, чтоб жена покормила его из своих

рук, ел морошку с большим наслаждением и после каждой ложки, подаваемой женою, говорил: "Ах, как все это хорошо"» (А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М. Художественная литература. 1974. Т.2 С.333).

⁴⁷ Жан Фильетт — владелец трактира на Невском проспекте. В архиве опеки сохранилась записка Пушкина от 16 января 1937 с просьбой прислать «паштет из гусиной печени» (Летописи Государственного Литературного Музея. Кн.5. Архив опеки Пушкина. М. Изд-во Гослитмузея. 1939. С.96).

⁴⁸ Михаил Николаевич Семенов был женат на Анне Александровне Поляковой — дочери московского купца, владельца фабрики, родной сестре С.А. Полякова; Юргис Казимирович Балтрушайтис — на Марии Ивановне Оловянишниковой, дочери московских домовладельцев; Константин Дмитриевич Бальмонт — на Екатерине Алексеевне Андреевой, дочери московского купца, владельца магазина и гостиницы «Дрезден» на Тверской.

⁴⁹ Цитата из письма Пушкина к П.А. Плетневу от 7 января 1831: «Теперь поговорим о деле. Видел я, душа моя, "Цветы": странная вещь, непонятная вещь! Дельвиг ни единой строчки в них не поместил» (А.С. Пушкин. Собр. соч. М. ГИХЛ. 1962. Т.Х. С.10).

⁵⁰ Анджело Мазини (1844-1926), знаменитый итальянский тенор, в течение шести лет певший в итальянской опере в Петербурге. А.С. Самойлович вспоминает: «В 1887 г. /.../ в Петербург приехал знаменитый Анджело Мазини — "король теноров". Уже на склоне своей славы — он теперь не выступал более в утомительных для лирического певца ролях в "Аиде" и "Гугенотах", но все еще поражал слушателей феноменальной гибкостью своего горячего и ласкающего исключительного по тембру голоса и неподражаемым *pianissimo* в лирических партиях своего обширного репертуара» (Альманах «Парфенон». СПб. 1922. С.52).

⁵¹ Иван Алексеевич Балакирев (1699-1763), доверенный слуга Петра I, Екатерины I и придворный шут при дворе Анны Иоанновны. Отличался находчивостью, смелостью высказываний и остроумием. Своей славой в значительной степени обязан К.А. Полевому, выпустившему в свет в 1830 «Собрание анекдотов Балакирева», составленное на основе фольклорного материала.

⁵² Ю.К. Балтрушайтис переводил не только скандинавских писателей — Г.Ибсена, А.Стриндберга, К.Гамсуна; владея многими языками (свыше десяти), он знакомил русских читателей с произведениями и других иностранных авторов: Г.Гауптмана, О.Уайльда, Г. Д'Аннунцио и пр.

⁵³ Известный переводчик Пшибышевского М.Н. Семенов переводил также с итальянского и немецкого языков. Издательством «Скорпион» была выпущена в 1902 в его переводе книга Г.Ландсберга «Долой Гауптмана!». О связях Семенова с итальянскими литераторами, сотрудниками «Весов», см.: Н.В. Котрелев. Итальянские литераторы — сотрудники

«Весов»././ Проблемы ретроспективной библиографии и некоторые аспекты научно-исследовательской работы ВГБИЛ. Сб. научных трудов. М., 1978. С.129-158.

⁵⁴ Выражение взято из посвящения сборника К.Бальмонта «Будем как солнце»: «Посвящаю эту книгу, сотканную из лучей, моим друзьям, чьим душам всегда открыта моя душа. Брату моих мечтаний, поэту и волхву, Валерию Брюсову; нежному, как мимоза, С.А. Полякову; угрюмому, как скалы, Ю.Балтрушайтису...» Это же сравнение использует А.Белый в кн. «Начало века»: «Балтрушайтис, угрюмый, как скалы... являлся в желтом пальто, в желтой шляпе...».

⁵⁵ См. прим.48.

⁵⁶ Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский (1827-1914), прославленный путешественник, глава Русского географического общества, крупный статистик и этнолог, член Государственного Совета. Обвинение «Весов» в порнографии имело место, например, в июле 1909 (см.: Прекращение обвинения против редактора «Весов»././ Речь. 2 августа 1909).

⁵⁷ Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826-1911), историк и публицист, профессор Петербургского ун-та, издатель и редактор «Вестника Европы». Его памяти Садовской посвятил статью «Литературный рыцарь» (Русская молва. 1912. №14. 22 декабря). 18 сентября 1889 Стасюлевич писал жене: «Гончарову я подарил башню-подсвечник, и он был доволен и рад, как ребенок; просил очень кланяться тебе; без подарка ему и не приезжай: на выставке в японском отделе или в отделе о.Цейлона и Явы можно найти легко что-нибудь; он в этих странах был на фрегате "Паллада"» (М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Под ред. М.К. Лемке. СПб. 1912. Т.IV. С.209).

⁵⁸ Садовской рассказывает: «Студенты, строго соблюдающие форму, прозываются пижонами. Парадный мундир кирасирского покроя, на воротнике и обшлагах золотое шитье, у сюртука длинные полы и голубой воротник. Сукно зеленоватого отлива, так называемое "царское", темносиние рейтузы» (ГБЛ. Ф.669. 1.9. Л.9).

⁵⁹ Н.И. Петровская в «Воспоминаниях» дает совершенно иную характеристику Александру Арнольдовичу Койранскому (1881-1968). См.: Жизнь и смерть Нины Петровской. Публ. Э.Гарэтто././ Минувшее. Исторический альманах. Т.8. Париж, 1989. С.24.

⁶⁰ Арсений Николаевич Корещенко (1870-1921), композитор, пианист, дирижер и музыкальный критик, автор оперы «Ледяной дом» и балета «Волшебное зеркало».

⁶¹ Возможно, имеется в виду норвежский поэт и романист Юнас Ли (1833-1908), произведения которого неоднократно переводились на русский язык.

⁶² Под этим псевдонимом в «Весках» за 1904 вышли статьи «Союз русских художников» (№2), «Московское товарищество художников» (№3) и

рецензия на «Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1903 год» (№5).

⁶³ Артур Никиш (1855-1922), знаменитый венгерский дирижер и композитор, несколько раз концертировавший в России.

⁶⁴ Обложка сборника была выполнена Василием Васильевичем Владимировым (1880-1931).

⁶⁵ Виньетка А.Койранского помещена в «Весак» в №8 за 1904 (с.71).

⁶⁶ Речь идет о статье А.Белого «Валерий Брюсов. Силуэт», опубликованной в газете «Свободная молва» 21 января 1908 и вошедшей позднее в сильном сокращении в книгу «Луг зеленый» (М. Альциона. 1910). В ней дается такой портрет Брюсова: «Холодное лицо, таящее порывы мятежа и нежности. Красные губы стиснутые, точно углем подведенные ресницы и брови. Благородный высокий лоб, то ясный, то покрытый легкими морщинами, отчего лицо начинает казаться не то угрюмым, не то капризным. И вдруг детская улыбка обнажает зубы ослепительной белизны. То хищная черная пантера, то робкая домашняя кошка /.../. Станьте у фонаря. Посмотрите, как он пройдет — пролетит мимо, упругими легкими движениями, точно скачками пантеры, скроется в вечернем тумане — куда: в рабочий свой кабинет, на шабаш в надзвездные края уйдет из редакции "вольный сын эфира" или в заседание общества, где резкий, точно орлиный, голос его разрежет молчание деловым клетотом...» Любопытно, что в своем стихотворном послании Брюсову от 20 июня 1909 Садовской пишет: «Оттуда, с тверди голубой // ты сыплешь свой победный клетот» (ГБЛ. Ф.386. 101.34).

⁶⁷ Александр Николаевич Емельянов-Коханский (1871-1936), поэт, литератор и переводчик, издатель юмористического журнала «Шутенок» (1910-1916). Одно время был близок к кругу молодых московских символистов. Его взаимоотношениям с Брюсовым посвящена статья С.Н. Тяпкина «К истории первых изданий русских символистов» (Русская литература. 1979. №1. С.143-155). Критики того времени, выступавшие против брюсовских изданий, очень часто сопоставляли их со сборником стихов Емельянова-Коханского «Обнаженные нервы» (М. Изд. А.С. Чернова. 1895). Например, Old Gentleman (А.В. Амфитеатров) писал: «...творчество всех этих Валериев Брюсовых, Добролюбовых, Емельяновых-Коханских и tutti quanti — творчество, холодно рассчитанное на выгоду, сыграть роль публичного шута; на выгоду быть обруганным влиятельным критиком, потому что такая ругань — для Герострата реклама, — на выгоду, показавшись глупцом, торговать своею фальсифицированной глупостью!» (Москва. Типы и картинки.// Новое время. 1895. №7071. 4 ноября. С.2); кроме того, см.: В Московском зоологическом саду.// Семья. 1895. №40. 8 октября. С.8-10; Петербургские наброски.// Русский листок. 1895. №286. 15 октября. С.3.

⁶⁸ Об отношении самого Брюсова к портрету Врубеля сведения довольно противоречивы, см., напр.: ЛН. Т.85. С.784, 798.

⁶⁹ Марк Криницкий — псевдоним писателя и драматурга Михаила Владимировича Самыгина (1874-1952).

⁷⁰ Сохранилось отпечатанное типографским способом приглашение на брюсовские «среды» 1903 (ЦГАЛИ. Ф.1223. Оп.1. Ед.хр.5. Л.30).

⁷¹ Шаферами на свадьбе Брюсова были А.А. Курсинский и В.М. Фриче (Брюсовские чтения. 1962. С.294). С Курсинским Брюсов был действительно на «ты», но с Фриче — на «вы».

⁷² Открытое письмо Андрею Белому «В защиту от одной похвалы» (Весы. 1905. №5. С.37) начинается обращением: «Дорогой Андрей. Статья твоя в прошлом номере нашего журнала...» Ответное открытое письмо Валерию Брюсову «В защиту от одного нареkania» (там же. №6. С.40) написано Белым в том же шутивно-фамильярном тоне: «Дорогой друг! Сущность твоих нареkаний, Валерий...». На самом же деле они никогда не были на «ты» (см.: ЛН. Т.85. С.349-427).

⁷³ Строка из стихотворения Вяч.Иванова «Бог в лупанарии», посвященного А.Блоку (В.Иванов. *Cor ardens*. М. Скорпион. 1911. Т.1. С.142).

⁷⁴ В своих мемуарах А.Белый довольно язвительно отзывался о профессоре западноевропейской литературы Алексее Николаевиче Веселовском (1843-1918), но о профессоре Николае Ильиче Стороженко (1836-1906) вспоминает с большой теплотой (см.: На рубеже двух столетий. М.-Л. ЗиФ. 1930. С.106-126). В некрологе «Николай Ильич Стороженко» Белый писал: «До сих пор с умилением вспоминаю образ покойного профессора, обращенный к нам, детям, добродушный, шутивно-сказочный. Позднее меня пленяла атмосфера очищенного благородства, окружавшая покойного, пленяло и благоговейное уважение к человеческой личности и рыцарское отношение к женщине» (Весы. 1906. №2. С.67-68).

⁷⁵ Циклотимия — легкая форма маниакально-депрессивного психоза.

⁷⁶ Михаил Федорович Ликиардопуло перевел сочинения О.Уайльда, рецензировал новые издания писателя и исследования о нем (см.: Весы. 1905. №1; 1906. №5, 8, 10, 12; 1907. №1, 2, 5, 6; 1908. №3, 11; 1909. №11). Всего же в «Весях» он опубликовал 39 рецензий, обзоров и переводов. В библиографии Валерия Брюсова указан рассказ «Мраморная головка», переведенный Ликиардопуло в 1906 на новогреческий.

⁷⁷ Альбом Н.Феофилактова «66 рисунков, исполненных фототипией и трехцветной автотипией. М. 1908» вышел в изд-ве «Скорпион».

⁷⁸ Цифра сильно преуменьшена Садовским. «Продажные ведомости» изд-ва «Скорпион», которые вел С.А. Поляков, свидетельствуют, что на 11 ноября 1917 оставались нераспроданными 107 экз. сборника «Прозрачность» при тираже 1200 (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1978. Л. Наука. 1980. С.7).

⁷⁹ С.А. Поляков 21 июня 1905 обратился в Главное управление по делам печати с просьбой о введении в журнале беллетристического отдела и 7 октября получил на это разрешение (ИРЛИ. Ф.76. Оп.1. Ед.хр.102).

По расширенной программе должен был выйти уже последний номер «Весов» за 1905, однако декабрьские революционные события в Москве отодвинули реализацию этого плана (см.: От редакции.// Весы. 1906. №1. С.94).

⁸⁰ Василий Дмитриевич Милиоти (1875-1943) участвовал в «Весах» как график. Его единственная заметка «Несколько слов по поводу каталога русского отдела "Salon d'automne"» опубликована в №1 за 1907 (с.111-112) под псевдонимом В.М-и. Ex-libris Ликиардопуло, выполненный Милиоти в 1906, сохранился в альбоме Садовского (ЦГАЛИ. Ф.464. Оп.2. Ед. хр.260. Л.11 об.).

⁸¹ Похожую характеристику Ликиардопуло дает и Андрей Белый. См.: Между двух революций. Л. Изд-во писателей в Ленинграде. 1934. С.315. В.Нилендер в письме к Садовскому от 21 сентября 1908 также сообщает: «Ликиардопуло в "Весах" совсем заважничал. Спаивает Сергея Александровича, никогда его не застанешь, вежливостью тоже не отличается» (ЦГАЛИ. Ф.464. Оп.2. Ед.хр.148. Л.50 об.).

⁸² Острый сыр, названный по имени города, где началось его приготовление.

⁸³ Марион Делорм (1613-1650), знаменитая французская куртизанка, хозяйка салона, в котором во времена Фронды собирались заговорщики. Ее образ увековечен в произведениях В.Гюго («Марион Делорм») и А. де Виньи («Сен-Мар»).

⁸⁴ В архиве Брюсова сохранился записанный на бланке «Весов» набросок «Буриме на рифмы Б.Садовского», датированный 1906 годом (ГБЛ. Ф.386. 15.1. Л.21):

Меня томит твоя качуча
Над темной зеленью долин,
О, ветром зыблемая туча,
Небес осенних долгий сплин!
Но вдруг, как жалкая рубаха,
Ты порвалась — и взор болит.
В него вознился, как наваха,
Небес разоблаченных вид.

Брюсов любил эту литературную игру и даже принимал участие в конкурсах буриме, организованных журналом «Солнце России». Стихотворение, посланное на второй конкурс под псевдонимом В.Бакулин, было отмечено жюри в числе лучших и опубликовано (Солнце России. 1912. №117/118. С.5).

⁸⁵ Совсем иначе описывает М.Волошина Д.С. Бабкин, один из первых слушателей Феодосийского Народного ун-та, организованного в 1920 М.А. Волошиным: «Внешность типичная для крепкого средних лет русского крестьянина: широкоплечий, плотного сложения, с высокой хорошо развитой грудью, кудлатый. В нем было много силы, энергии...

Только глаза наводили на мысль, что перед вами человек незаурядный. Глаза у Максимилиана Александровича Волошина были темно-

карие, лучистые, пронизательные, глаза художника-поэта. По художнической привычке он смотрел на людей и окружающую природу с небольшим прищуром, словно отыскивал нужный ракурс, чтобы запечатлеть видимое на полотне или на бумаге» (Д.С. Бабкин. Максимилиан Волошин (Из воспоминаний).// Русская литература. 1971. №4. С.148).

⁸⁶ Изд-во «Скорпион» анонсировало выход книги Э.Верхарна «Стихи о современности» в переводах Брюсова и Волошина в №1 и 3 «Весов» за 1905. Книга Верхарна в переводе Брюсова выпущена «Скорпионом» в январе 1906.

⁸⁷ В статье «Лики творчества», посвященной выходу в свет первого тома «Путей и перепутий» Брюсова, Волошин писал о детстве их автора: «Надо знать географические, климатические и моральные условия, в которых развивался его талант. Надо знать, что он рос в Москве на Цветном бульваре, в характерном мешанском доме с большим двором, заваленным в глубине старым железом, бочками и прочим хламом. (В "Urbi et Orbi" он посвятил целую поэму его описанию.) Как раз в этом месте в Цветной бульвар впадает система улочек и переулков, спускающихся с горы, кишмя кишашей кабаками, вертепами, притонами и публичными домами. Здесь и знаменитая Драчевка и Соболев переулок. Этот квартал — московская Субурра. Улицы его полны пьяными и безобразными, он весь проникнут запахами сифилиса, вина и проститутток. Вся юность Брюсова прошла перед дверьми Публичного Дома» (Русь. 1907. №348. 29 декабря).

⁸⁸ Заметка Аякса (псевд. А.А. Измайлова) «У Валерия Брюсова» заканчивается словами Брюсова: «...был у меня один человек и написал, что я родился и провел юность перед дверьми публичного дома. Помилуйте, я в первый раз узнал это от него. При всей нелюбви к письмам в редакцию, я счел себя вынужденным сказать, что ничего подобного не говорил ему» (Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1910. №11631. 25 марта). Действительно, сразу же после публикации статьи Волошина Брюсов в «Письме в редакцию» (Русь. 1908. №3. 4 января) писал: «Как писатель, я, конечно, признаю, что каждый волен по своему разумению судить мои произведения, но полагаю, что моя личная жизнь еще не подлежит суду печати. Довольно беглое, в общем, и ни в коем случае не интимное знакомство г-на Волошина со мною не давало ему права рассказывать своим читателям небылицы о моем детстве, ему вовсе неизвестном. Во всем, что г-н Волошин говорит о моей жизни, — только ряд смешных недоразумений, не более». По этому поводу см. также фельетон А.Амфитеатрова «Vies imaginaires» (Речь. 20 января 1908).

⁸⁹ Имеется в виду заметка «Весенний праздник тела и пляски» о маскарade парижских художников, состоявшемся 27 апреля по новому стилю. Волошин писал: «Толпа расступается, и одна из натурщиц — девушка лет восемнадцати — выбегает на середину двора, сбрасывает с себя одежду и нагая начинает пляску. /.../ И на почерневших мраморных плитах, поросших мелкой травой и бурным мхом, под ясным пологом небесной лазури, перед лицом всего радостного и старого Парижа плывет, бьется,

плещется розоватое перламутровое женское тело, в размахе иступленной пляски, как воспоминание древней Греции, как смелый жест Ренессанса, как воплощенная греза мужчины, греза о женщине — цветке, уносимом водоворотом танца, как последний протест язычества, брошенный в лицо лицемерному и развратному мещанству...» (Русь. 1904. 22 апреля).

⁹⁰ Имеется в виду брошюра «О Репине» (М. Книгоизд-во «Оле-Лукойе». 1913), в основу которой положены фельетон «О смысле катастрофы, постигшей картину Репина» (см.: Утро России. 1913. 19 января) и лекция Волошина на диспуте группы «Бубновый валет» в Политехническом музее (Утро России. 1913. 13 и 16 февраля). Свою лекцию о картине, исполосованной фанатиком А.А. Балашовым, Волошин завершил словами: «...необходимо закончить дело, так наивно и такими неудачными средствами начатое Балашовым. Я говорю не о физическом уничтожении ее, а о выяснении ее действительной художественной ценности. Сохранность ее важна, как сохранность важного исторического документа. Но сама она вредна и опасна. Если она талантлива — тем хуже! Ей не место в Национальной галерее, на которой продолжает воспитываться вкус растущих поколений». Садовской резко осудил точку зрения Волошина. В статье «Так было, так будет» он писал: «Один "старичок", больше всего боящийся отстать и остаться за флагом, даже решился протянуть сочувственную руку "новым силам" через варварски исполосованную картину знаменитого художника, которому он не достоин красок натереть» (Нижегородский листок. 29 апреля 1913).

⁹¹ В «Весах» опубликовано 20 материалов Волошина; единственный год, когда он не напечатал в журнале ни одной статьи, — 1908.

⁹² Поэт, переводчик, журналист Александр Антонович Курсинский (1873-1919) в сборниках «Русские Символисты» участия не принимал. Подробнее о нем см.: ЛН. Т.98. М. Наука. 1991.

⁹³ Курсинский вышел в отставку задолго до русско-японской войны. Он был призван из запаса в связи с дальневосточными событиями (см.: Письма Курсинского к С.А. Полякову. — ИМЛИ. Ф.76. Оп.3. Ед.хр.109. Л.9).

⁹⁴ Под этим псевдонимом Курсинский поместил в «Весах» две рецензии, обе за 1906: на драму М.Могилянского «Усталые» (№7) и на сборник Б.Лазаревского «Повести и рассказы» (№10).

⁹⁵ Описанный эпизод относится к середине августа 1906, когда А.Белый переживал нервный срыв из-за отношений с Л.Д. Блок. Позднее Белый вспоминал: «Да, я был ненормальным в те дни, я нашел среди старых вещей маскарадную, черную маску, надел на себя и неделю сидел с утра до ночи в маске: лицо мое дня не могло выноситься; мне хотелось одеться в кровавое домино и — так бегать по улицам /.../. Тема красного домино в "Петербурге" — отсюда: из этих мне маскою занавешанных дней протянулась за мной по годам» (Эпопея. М.-Берлин. Геликон. 1922. №3. С.187-188). Об этом эпизоде см. также: В.Н. Орлов. Пути и судьбы. М.-Л. 1963. С.631-632; А.Белый. Между двух революций. С.91-92). Тема крас-

ного домино начинается в «Петербурге» с первой главы, когда Николай Аполлонович Аблеухов примеряет перед зеркалом «масочку с черною кружевной бородой» и «пышное ярко-красное домино, зашуршавшее складками», и проходит через весь роман. Смысл этой символики раскрыт в послесловии Л.К. Долгополова (А.Белый. Петербург. М. Наука. 1981. С.601-602).

⁹⁶ Михаил Иванович Пантюхов (1880-1910) выпустил отдельным изданием лишь одну повесть «Тишина и старик» (СПб. 1907). В рецензии на нее Б.Садовский писал: «Повесть эта ценна как художественная исповедь, как дневник нового человека, пережившего вечные впечатления и сумевшего записать их без рисовки перед самим собой» (Весы. 1907. №3. С.84). Перу Пантюхова принадлежат рассказ «Вечером в девять», напечатанный в Альманахе книгоизд-ва «Гриф» за 1903, и критический разбор «Сборника товарищества "Знание" за 1903 год» (Весы. 1905. №5). Значительный историко-литературный интерес представляют страницы из дневника Пантюхова за 1902-1908, опубликованные посмертно в брошюре «Михаил Иванович Пантюхов. Автор повести "Тишина и старик"» (Киев. 1911).

⁹⁷ Семен Яковлевич Рубанович (ум. в марте 1932), поэт, примыкавший к символизму. Участвовал в мусажетовской «Антологии» (М. 1911) и первом альманахе «Лирика» (М. 1913). В его переводе изд-во «Альциона» выпустило в 1911 «Записки вдовца» П.Верлена, предисловие к которым написал В.Брюсов. В «Весях» публиковался дважды (№6 за 1908 и №7 за 1909).

⁹⁸ Николай Петрович Крымов (1884-1958), художник-пейзажист, впоследствии народный художник РСФСР. Работы Крымова появились в «Весях» в 1908 («Два ландшафта» — №3. С.51 и 53; «Гроза» — №12. С.51). В следующем году он дал для журнала только один рисунок («Лето» — №9. С.87).

⁹⁹ См., напр., рассказы «Драма», «Ионыч» и др.

¹⁰⁰ О Нине Ивановне Петровской (1884-1928) см.: ЛН. Т.85. С.773-774; Минувшее. Т.8. 1989. С.7-138.

¹⁰¹ А.Белый вспоминает: «1907 год ознаменован победою модернизма в мелкобуржуазных кругах; до 1907 года мы — отщепенцы; читатели наши — оторванцы разных классов, несколько десятков эстетов да несколько меценатов типа Мамонтова... Вернувшись в Москву, я впервые столкнулся с новым читателем; не снобы, не одиночки, не дамы из буржуазии, валившие в "Общество Свободной эстетики", интересовали меня, а учащаяся молодежь из провинции, съехавшаяся в Москву, — студенты, курсистки, юная провинция, — впервые выступила в поле моего зрения» (А.Белый. Между двух революций. С.193). Об интересе тогдашней молодежи к новым течениям в искусстве см. также: Н.Кузьмин. Давно и недавно. М. Советский художник. 1982 (С.226-227); В.Милашевский. Вчера, позавчера. Л. Художник РСФСР. 1972 (С.21-33); С.Бобров. Мальчик. М. Художественная литература. 1976 (С.305-314).

¹⁰² Лев Львович Кобылинский (псевд. Эллис, 1879-1947), поэт, критик, автор монографии «Русские символисты» (М. Мусагет. 1910). О нем см.: А.А. Кайев. Неизвестный автограф В.Я. Брюсова. // Брюсовские чтения, 1962. Ереван. 1963. С.412-413; С.С. Гречишкин, А.В. Лавров. Эллис — поэт-символист, теоретик и критик. // XXV Герценовские чтения. Литературоведение. Л. 1972. С.59-62.

¹⁰³ Сергей Михайлович Соловьев (1885-1942) выступал в «Весах» как поэт и критик. Его дед — Сергей Михайлович Соловьев (1820-1879), автор капитальной «Истории России с древнейших времен»; бабушка — Александра Григорьевна Коваленская (1829-1914) — детская писательница; один дядя — Владимир Сергеевич Соловьев (1853-1900) — знаменитый философ-идеалист, публицист, поэт и литературный критик; другой — Всеволод Сергеевич Соловьев (1849-1903) — автор популярных в свое время исторических романов; тетка — Поликсена Сергеевна Соловьева (псевд. Allegro, 1867-1924) — художница и поэтесса, издательница журн. «Тропинка»; отец — Михаил Сергеевич Соловьев (1862-1903) — переводчик и педагог; мать — Ольга Михайловна Соловьева (урожд. Коваленская, 1885-1903) — участница выставок Московского товарищества художников, переводчица.

¹⁰⁴ О любви С.М. Соловьева к «прекрасной поселянке» см.: А.Белый. Между двух революций. С.85-87.

¹⁰⁵ Гай Петроний (?-66 н.э.) — римский писатель, которому приписывают авторство романа «Сатирикон».

¹⁰⁶ Михаил Михайлович Покровский (1868-1942), языковед и литературовед, в те годы профессор античной литературы, с 1929 — академик.

¹⁰⁷ Владимир Оттонович Нилендер (1883-1965), переводчик, поэт и филолог. В студенческие годы был членом кружка символистов «Аргонавты», печатался в «Золотом Руне», активно сотрудничал с издательством «Мусагет». Его переводы из Софокла и Эсхила весьма точно передают подлинник и считаются классическими. В «Весах» поместил рецензии на книгу «Театр Еврипида» в переводах И.Ф. Анненского (1908. №4) и на первый том «Очерков по истории Германии в XIX веке» в издании С.Скирмунта (1905. №2). О нем см.: А.Белый. Начало века. М.-Л. 1933. С.352-355.

¹⁰⁸ Юрий Ананьевич Сидоров (1887-1909) при жизни практически не печатался. Он участвовал в альманахе «Хризопрас» (М. 1907). Четыре его стихотворения опубликованы в «Весах» (1909. №4. С.16-20). Единственный сборник Сидорова «Стихотворения» вышел в 1910 посмертно, в изд-ве «Альциона» со вступительной статьей А.Белого, Б.Садовского и С.Соловьева, там же содержатся биографические сведения о поэте. Пародия Сидорова на Брюсова — «Городовой» напечатана в книге Садовского «Ледоход» (Пг. Издание автора. 1916. С.164).

¹⁰⁹ Это четверостишие приведено в заметке Садовского «Рыцарь в ресторане» (Лукоморье. 1915. №45) как пример новаторской поэзии тогдашних стихотворцев.

¹¹⁰ 1 марта 1909 Брюсов послал из Петербурга письмо С.А. Полякову, в котором уведомлял издателя «Весов» и читателей журнала о том, что обстоятельства личной жизни и предпринятые работы заставляют его несколько видоизменить отношение к «Весам». Надеюсь быть по-прежнему деятельным сотрудником, он сообщал, что не будет «иметь возможности содействовать журналу как-либо иначе». Далее он писал: «Поэтому, с тем большей настойчивостью, я прошу гг. критиков не возлагать на меня, с января 1909 г., ответственности за статьи, напечатанные в "Весках" не за моей подписью» (Весы. 1909. №2. С.89).

¹¹¹ Слова, сказанные гоголевским Тарасом Бульбой сыну.

¹¹² В Неглинном проезде (ныне ул. Неглинная) в доме Прибылова находился в те годы трактир Васильева.

¹¹³ Выражение взято из трагедии Шекспира «Гамлет», действие второе, сцена вторая.

¹¹⁴ Виктор Викторович Гофман (1882-1911), поэт и прозаик. Воспоминания Брюсова о нем опубликованы в первом томе сочинений Гофмана (М. Изд. Пашуканиса, 1917). В «Весках», начиная с 1906, Гофман печатался 24 раза.

¹¹⁵ Отношения Брюсова и Максимилиана Яковлевича Шика (1884-1968) — поэта и переводчика — освещены в ст.: Н.Шик. Он был другом Брюсова. // Байкал. 1975. №3. Об участии Шика в «Весках» см.: ЛН. Т.85. С.270.

¹¹⁶ М.Я. Шик исполнял должность секретаря дирекции в Московском Художественном театре с 1 апреля 1908 по 1 апреля 1910 (см. «Трудовой список» М.Я. Шика. — ГБЛ. Ф.675. 3.4. Л.4), затем его сменил Ликиардопуло, находившийся в этой должности по 15 июня 1917 (Архив МХАТ'а).

¹¹⁷ Догадаться, о ком идет речь, было нетрудно. «Русские ведомости» писали 5.08.1909: «На днях в читальном зале библиотеки Румянцевского и Публичного музеев обнаружено злоупотребление с книгами одного из постоянных посетителей библиотеки, некоего литератора Л.Кобского, писавшего в декадентских журналах под псевдонимом "Эллис"». На следующий день в той же газете некто А.Мск. требовал суда над Эллисом. Но особенно усердствовал в травле «Голос Москвы». Началась она 6 августа заметкой «Шарлатаны», 8 августа появилась статья «Господин Эллис», 9 августа инцидент в Румянцевском музее попал в фельетон «Читатель, писатель и издатель» и 30 августа Wega (псевд. В.М. Голикова) обыграл этот случай, уже хорошо известный читателям, в воскресном стихотворном обозрении:

Возвращаясь из музея,
Декадент, гласит молва,
Удержаться не умея,
Утащил с подъезда льва.

¹¹⁸ Эллис готовил для издательства «Мусагет» книгу «Русские Символисты. Константин Бальмонт. Валерий Брюсов. Андрей Белый».

¹¹⁹ В «Весах» опубликовано «Письмо в редакцию» Элліса по поводу происшествия в Румянцевском музее с редакционным примечанием, в котором сообщается, что журнал выскажет свое мнение «лишь после детального ознакомления с этим делом» (1909. №7. С.104).

¹²⁰ М.И. Цветаева в статье «Пленный дух» рассказывает: «Эллис жил в меблированных комнатах "Дон", с синей трактирной вывеской, на Смоленском рынке». Далее она дает описание комнаты Элліса: «...темной, с утра темной, всегда темной, с опущенными шторами — не выносил дня! — и двумя свечами перед бюстом Данте» (Марина Цветаева. Сочинения. М. Художественная литература. 1980. Т.2. С.258).

¹²¹ В «Весах» №10-11 за 1909 напечатаны «Письмо в редакцию» Элліса, «Выдержка из копии решения "суда чести"» и «Примечание редакции "Весов"». Последнее приводим полностью: «С своей стороны "Весы" полагают, что дело после расследования его компетентным "судом чести" вполне выяснено и что обвинение "в преднамеренной порче книг публичной библиотеки", столь легкомысленно выставленное частью нашей прессы против г. Элліса, должно считать опровергнутым» (с.178, 179). Андрей Белый, хорошо знавший обстоятельства этого неприятного случая, сообщает, что Элліса в читальный зал «допустили с комплектом его же книг, только что подаренных ему "Скорпионом" специально для нужных вырезок и вклеек в рукопись; пользовался же он двойным комплектом: музейским (для справок) и скорпионовским (для вклейки); и раза два, перепутавши книжные экземпляры, выкромсал ножницами — из экземпляров музейских...» (А.Белый. Между двух революций. С.369).

¹²² По всей видимости, Садовской имеет в виду Ефима Львовича Бернштейна (Янтарева, 1880-1942), поэта, журналиста и театрального критика, одно время близкого к декадентским кругам, сотрудничавшего в 1909 в «Голосе Москвы». А.Белый сообщает, что Янтарев «предательски всадил нож в спину Элліса, оплевав его в дни, когда Элліс был оклеветан» (А.Белый. Между двух революций. С.260). Н.Е. Эфрос уже после третьей суда в статье «Московская пестрядь» возмущался: «И судьи признали прежде всего, что не может быть никакого разговора о краже. Неповинен Элліс в этом грехе. А ведь эту грязную сплетню разнесли по всей России. Не признали судьи и умышленной порчи чужого добра. Нашли лишь большую небрежность. А автору статьи [в «Голосе Москвы». — Публ.] судьи вынесли строгое осуждение: статья написана в неподобающем тоне оскорбительных намеков» («Одесские новости». 1909. №7966. 14 ноября. Подпись: Коль-коль).

¹²³ Псевдоним «Иван Голов» Садовской взял в память деда, подпоручика Ивана Ивановича Голова (1796-1869), превосходного рассказчика, участника Бородинского сражения и войны за покорение Кавказа. Этим псевдонимом подписаны в «Весах» рецензии на книгу: Ю.Айхенвальд. Пушкин. (Весы. 1909. №7) и на IX и X альманахи книгоизд-ва «Шиповник» (Весы. 1909. №9).

¹²⁴ К.Бальмонт в письме в газету «Речь», 28 июня 1909, заявил: «Считаю роль журнала "Весы", одним из литературных основателей которого

был, между прочим, и я, окончательно сыгранной, — видя также, что в этом году он стал систематическим прибежищем для литературных подростков, коим не суждено никогда подрасти, /.../ я отказываюсь от какого-либо дальнейшего участия в этом журнале».

¹²⁵ В предисловии к своему стихотворному сборнику «Позднее утро» (М., 1909) Садовской писал: «Причисляя себя к поэтам пушкинской школы, я в то же время не могу отрицать известного влияния, оказанного на меня новейшей русской поэзией, поскольку она является продолжением и завершением того, что дал нам Пушкин. С этой стороны, минуя искусственные разновидности так называемого "декадентства", которому Муза моя по природе всегда оставалась чуждой, я примыкаю ближе всего к нео-пушкинскому течению, во главе которого должен быть поставлен Брюсов».

Эти же качества поэзии Садовского отмечались и критикой того времени. Например, С.Кречетов утверждал: «Борис Садовской в своей книге "Пятьдесят лебедей" показал себя прекрасным выдержанным стихотворцем с классическим "пушкинским" чеканом стиха и законченной плавностью неторопливо струящегося ритма. Быть может, его классицизм воспринят в значительной мере через В.Брюсова, но, как бы то ни было, на фоне изделий современных борзописцев с их то слишком прилизанной прической, то неряшливо торчащими во все стороны вихрами благородная строгость его строф успокаивает и освежает» (Утро России. 1913. 12 октября).

¹²⁶ 26 октября 1908 Садовской женился на Лидии Михайловне Саранчевой (Анкета Садовского. — ЦГАЛИ. Ф.464. Оп.1. Ед.хр.153). Этот брак был расторгнут в январе 1910.

П.Н. Зайцев
ПЕРВАЯ МОСКОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
«МОСКОВСКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК»

Публикация В.П. Абрамова

Имя Петра Никаноровича Зайцева было довольно хорошо известно в московских литературных кругах 1920-х годов. Он работал редактором литературной секции Госиздата, в 1922-1925 был секретарем издательства «Недра», на квартире Зайцева в Староконюшенном собирались члены литературного кружка, из которого позднее образовалась издательская артель «Узел», часто бывали там М.Булгаков, Андрей Белый, С.Заяицкий. А затем с середины тридцатых годов его имя полностью пропадает из печати и только в конце 70-х — начале 80-х начинает вновь появляться на газетных и книжных страницах...

Родился П.Зайцев в 1889 в г.Иваново-Вознесенске в семье ремесленника-переплетчика. Семья была большая, скудного заработка отца не хватало, и после окончания церковно-приходской школы 12-летний Петя пошел работать в контору Куваевской мануфактуры. Мальчика с детства влекло к книгам, к чтению. «Уже со второго класса школы книга открыла для меня новый чудесный мир, куда я уходил, может быть, бессознательно от глухой и скучной окружающей жизни», — писал Петр Никанорович впоследствии. Любопытного мальчика заметил Владимир Геннадьевич Мыльников — директор Правления — и в 1902 направил его на работу в московский филиал Куваевской мануфактуры, располагавшийся в Китай-городе. Целыми днями «маленький Фигаро» рассыльный мотался с поручениями по китайгородским подворьям, а на выдаваемые по праздникам пятиалтынные и двугривенные покупал книги и журналы на книжном развале у китайгородской стены. Одновременно Зайцев ухитряется сдать экстерном экзамены за 8 классов гимназии. С 1903 он начинает писать стихи, увлекаясь символизмом, и довольно скоро дебютирует в печати — в альманахе «Сполохи». Сам Зайцев относил начало своей литературной деятельности к петербургским публикациям: «В 1908 г. в

Петербурге стал выходить журнал "Весна" под редакцией Николая Георгиевича Шебуева. Я послал туда несколько стихов и даже прозу. Они были напечатаны. Так состоялось мое литературное крещение».

П.Зайцев входит в небольшой кружок московских писателей: «Все мы были молоды. Асееву, Боброву, Розанову, мне — едва исполнилось по двадцать, Лидину же и того меньше. А стихи тогда писали многие, поэтов было изобилие», — вспоминал он позднее. В 1911 Зайцев поступает в Московский археологический институт, знакомится с С.Дурьиным, Ф.Панферовым; С.Бобров представляет его Эллису, Петр Никанорович посещает занятия ритмического кружка, который ведет Андрей Белый. На собраниях-вечерах у скульптора Крахта на Пресне, где собиралась мусажетская молодежь, Зайцев выступает с докладом о французских символистах. Там же он знакомится с Б.Пастернаком.

В 1913 стихи Зайцева печатаются в газете «Правда», в «Новом Сатириконе», «Новом журнале для всех» и др. В сборнике «Поэты молодой Бельгии» в 1915 появляются его переводы. Петр Никанорович становится постоянным сотрудником «Утра России» и других газет (репортажи, рецензии на театральные постановки, книги).

С 1918 по 1919 вместе с В.П. Волгиным он ведет журнал «Рабочий мир», содействует изданию воронежского журнала «Сирена», издававшегося В.Нарбутом, является членом объединения московских литераторов «Литературное звено», работает литературным редактором отдела Госиздата, а с лета 1922 — секретарем первой в послереволюционные годы московской литературной газеты «Московский понедельник». В 1923 в Госиздате выходит стихотворный сборник П.Зайцева «Ночное солнце», а во МХАТе 2-ом в 1928 некоторое время идет пьеса «Фрол Севастьянов», написанная Зайцевым совместно с Ю.Радияном (псевдоним Исаака Белого).

К этому же времени у Зайцева устанавливаются теплые дружеские отношения с Андреем Белым, которые начались в 1923 и продолжались до самой смерти Белого в 1934*.

Дальнейшее описывает сам Петр Никанорович: «На Лубянку попал я впервые летом 1924 года (не знаю — по случайному поводу или преднамеренно). Обращение со мной было мягкое, деликатное. Я был тогда в переписке с Ангарским, который находился в Берлине. Через пять дней меня отпустили». Очевидно, ОГПУ заинтересовали писательские собрания на квартире у Зайцева. Второй арест в 1932 был вызван посещениями Зайцева собраний «ломоносовцев» — московской теософской группы, куда входили Андрей Белый и его жена Клавдия Николаевна. Через три-четыре месяца Петр Никанорович был освобожден благодаря хлопотам Белого у Бухарина и Менжинского.

«В 1935 году моя довольно широкая литературно-общественная деятельность автоматически была прервана. Я был арестован. После трех лет пребывания в лагерях я вынужден был перейти на другие виды работы...» Петр Никанорович живет вне Москвы, в Ефремове, Детчине,

* Подробнее об отношениях Белого и Зайцева см. в публикации Дж.Мальмстада в настоящем томе.

Иванове, в Дугне Калужской области. «В крупном совхозе на периферии провожу беседы о Пушкине, ставлю на местных клубных сценах инсценированную мной поэму А.Пушкина «Цыгане» и пьесы местных авторов. В порядке переподготовки прохожу Московский Областной педагогический институт, получаю звание учителя русского языка и литературы в 8-10 классах средней школы...» Вернувшись в Москву в 1946 году, П.Зайцев работает учителем в одной из московских школ, а с 1949 по 1955 — заведующим библиотекой в одном из НИИ.

«Желание выразить пережитое и виденное возникало у меня неоднократно и давно... В школу, расположенную за Даниловским рынком, я ездил в метро от Кировских ворот, а затем на трамвае или троллейбусе, затрачивая на проезд туда и обратно по два часа каждый день. Дома мне писать было некогда, и я стал набрасывать во время поездок на листочках бумаги то, что возникало в памяти — вставали год за годом картины, события, впечатления, переживания, люди... За два месяца я заполнил около четырехсот страниц. Возвращаясь домой, я складывал эти записи на окне, доставая их из портфеля вместе с ученическими тетрадками (у меня было два пяты и один шестой класс). Это были совершенно серые и неупорядоченные черновики, набросанные карандашом. Переписывать и работать над ними у меня не находилось времени».

Только после выхода на пенсию в 1955 Петр Никанорович начал серьезно работать над своими записями. Да и время немного изменилось. Он пишет о своих встречах с Есениным, Маяковским, Брюсовым, Форш и, конечно, с Андреем Белым, работает над «Микроэпосей» — своей автобиографией. Подступает нужда. Маленькой пенсии не хватает, чтобы обеспечить семью — жену и младшую дочь, и Петр Никанорович оказывается вынужден продать в ЦГАЛИ большую часть своего архива, включая письма А.Белого и Б.Пастернака. Благодаря хлопотам В.Лидина и Б.Пастернака, немного помогал Зайцеву Литфонд, выдавая иногда месячные путевки в дома творчества Переделкино и Голицино. А издательства и журналы ничего не брали для печати, хотя и наступило время так называемой «оттепели». Петр Никанорович с горечью рассказывал: «Прихожу в одно из издательств, а там редактор — чиновник от партии — говорит мне: "А кому нужен какой-то ваш Белый? Кто его знает?"»

Многочисленные отказы огорчают, но работа продолжается. Петр Никанорович готовит сборник своих стихов (он всегда прежде всего считал себя поэтом), работает над мемуарной прозой, заканчивает свои воспоминания о Белом и относит их в «Новый мир», где после прочтения решают их печатать и даже выплачивают аванс. Но «уходят» Твардовско-го, и рукопись возвращается.

Только после смерти Зайцева в 1970 году публикуются его воспоминания: «Неутоленная душа» — об О.Форш в сборнике «Ольга Форш в воспоминаниях современников», «Московские встречи (из воспоминаний об А.Белом)» в сборнике «Андрей Белый. Проблемы творчества», отрывки воспоминаний о Есенине и Булгакове в газете «Литературная Россия», несколько писем Андрея Белого.

Работа над воспоминаниями о газете «Московский понедельник» относится к концу сороковых и началу пятидесятих годов, что, конечно, наложило на них свой отпечаток, тем более, что Петр Никанорович писал их не «в стол», а надеясь опубликовать. Относительно независимая, несмотря на редакторство будущего начальника Главлита Лебедева-Полянского, позиция газеты стилизуется автором воспоминаний под господствовавшее представление о типе неизбежно партийно-советского издания. На самом же деле «Московский понедельник» был ориентирован, что явственно видно из его публикаций, на представление самого широкого спектра современной русской литературы, и Зайцев не мог этого не знать, так как именно он сам определял эту позицию.

Известно, что Вл.Ходасевич в 1921-1922 годах тщательно избегал печататься в изданиях, подчиненных официальным структурам. Тем не менее, за десять дней до его отъезда из России «Московский понедельник» печатает его стихотворение, а десятью днями ранее он дарит свой автограф П.Н. Зайцеву с теплой надписью. Тем самым Ходасевич зафиксировал неофициозность газеты, ее независимость от идеологических установок. И вряд ли случайно, что «Московский понедельник» стал хиреть и прекратился вскоре после высылки писателей и философов в сентябре 1922 года: однозначно определенная позиция государственной власти обозначила и ненужность хотя бы относительно свободного издания.

Сегодняшний читатель воспоминаний Зайцева должен вспоминать умение видеть между строк, понимать условия игры с цензурой, когда возможность назвать явление цениться не меньше, чем его беспристрастный анализ. Пока история «Московского понедельника» не написана, свидетельство его секретаря должно быть введено в научный оборот как один из важных источников.

В энциклопедии нет упоминания о «Московском понедельнике». Даже в крупнейшем книгохранилище — библиотеке имени В.И. Ленина нет полного комплекта этого незаслуженно забытого издания. А между тем, «Московский понедельник» был первой советской литературной газетой, прямым предшественником нынешней литературной печати.

Летом 1922 года в Москве стала выходить еженедельная литературная газета «Московский понедельник». Первый номер ее вышел 1 июня 1922 года. Вскоре в «Правде» (1922 г. №119) было напечатано такое сообщение:

«В издании Государственного издательства под редакцией П.И. Лебедева-Полянского стала выходить *ежедневная* [так было напечатано по недосмотру редакции. — П.З.] литературно-художественная газета "Московский понедельник". Вся валовая выручка от газеты поступает в пользу голодающих Поволжья.

В вышедших №№1, 2 и 3 приняли участие следующие писатели: В.Александровский, Н.Ашукин, И.А. Белоусов, В.Брюсов, В.Вересаев, А.Винокуров, М.Герасимов, А.Гильбо, А.Глоба, П.Зайцев, В.Кириллов, С.Клычков...» и др.

Новая газета выходила до 8 октября 1922 г. №16 вышел 1 октября уже под названием «Новости» и с двойной нумерацией: №1 и в скобках №16-й. Под новым названием газета выходила до 12 ноября.

Для газеты, даже и литературной, полгода очень недолгий срок. Но это была первая советская литературная газета. При всей краткости своего существования «Московский понедельник» стал заметным явлением в литературной жизни Москвы, тем более, что предшественников было не так уж много.

В 1907-1908 годах выходила «Литературно-художественная неделя» в Москве; в Петербурге такую же литературную газету и также по понедельникам выпускал журналист Василевский (не-Буква). В 1921 году жившие в Казани писатели и литераторы начали было выпускать свою, казанскую «Литературную газету», но видимо, за отсутствием средств она вышла всего в количестве нескольких экземпляров и на этой попытке мирно закончила свое бытие. В 1921 году, когда весной в Поволжье разразился голод, у кого-то в Москве возникла мысль выпустить в пользу голодающих однодневную газету исключительно с литературным материалом, весь сбор с которой должен был поступить в фонд голодающих. Газета была выпущена с минимальными затратами. Писатели предоставили свои материалы, отказавшись от гонорара, типография напечатала газету бесплатно, также безвозмездно была получена на это дело бумага.

Но голод в Поволжье продолжал свирепствовать. И он с новой силой разразился в следующем 1922 году. И снова кто-то вспомнил и подсказал Госиздату мысль повторить опыт прошлого года с изданием однодневной газеты. Но вообще-то говоря, выпуск регулярной газеты уже становился в порядок дня. В ней ощущалась потребность, как в необходимом и гибком оперативном начинании, которое должно было стать переходным звеном между общественно-политическими газетами и литературными журналами.

Руководитель Госиздата Н.Л. Мещеряков быстро, буквально на ходу организовал это дело. Он предложил П.И. Лебедеву-Полянскому, который в это время был назначен начальником Главлита, стать редактором новой газеты. Временно, за отсутствием собственного помещения, Главлит ютился тогда в одной из маленьких проходных комнат Госиздата на втором этаже.

Однажды по делам Редсектора Госиздата я зашел в маленькую комнату к Лебедеву-Полянскому и застал там Н.Мещерякова. Они вели разговор о выпуске газеты, для которой требовался в помощь редактору секретарь для организации номера (для собирания материала и наблюдения за выпуском).

— Кого пригласить в секретари? — с живостью отозвался на вопрос Лебедева-Полянского Н.Мещеряков и посмотрел на меня. — Да вот здесь товарищ Зайцев. Его и берите в секретари. Чего вам долго искать?.. Сговоритесь с ним. Он вам подберет материал и организует газету.

Лебедев-Полянский не стал возражать, тем более, что предложение исходило от Мещерякова. Так я нечаянно стал секретарем однодневной литературной газеты «В помощь голодающим Поволжья».

Номер газеты был собран и выпущен. Весь тираж разошелся. Но — не в пример прошлому, 1921 году, — газета имела продолжение. Два предприимчивых нэпмана, Куманов и Поманский обратились к Лебедеву-Полянскому с предложением продолжить выпуск литературной газеты, сделав ее еженедельной, понедельничной, когда никакие другие газеты не выходили. Оба дельца, в прошлом — не очень крупные издатели, сообразили, что можно подработать и на этом деле, пустив в оборот падающие бумажные деньги.

П.И. Лебедев-Полянский согласился быть редактором, а мне, естественно, предложил быть секретарем. Наши издатели ассигновали на оплату редакционного аппарата и на гонорары писателям необходимую сумму, а оплату счетов типографии и за бумагу производили сами. Мы с Лебедевым-Полянским были избавлены от издательских забот, но сами издатели как-то оставались в тени, помнится, в газете даже не был назван издатель, вопреки всем правилам, старым и новым.

Наша редакция расположилась территориально под крылышком Госиздата — Павел Иванович, как начальник Главлита, а я, как работник Редсектора Госиздата. Аппарат редакции нашей газеты был анекдотически мал. Когда я сейчас поднимаюсь на лифте и прохожу по длиннейшим коридорам «Литературной газеты», меня оторопь берет: сколько же комнат в этих коридорах! И в каждой по заву и по заместителю зава и секретаря, и все заняты неизмеримо, не скоро добьешься приема иногда! А в нашей редакции нас было двое: П.И. Лебедев-Полянский — редактор, и я — секретарь. Была у нас еще техническая секретарша, дежурившая в часы наших приемов и составлявшая ведомости на гонорар и на зарплату редакции. И все! «Аппаратменты» же наши состояли из

получердачной мансарды, похожей на склад — издатели не очень нас баловали — обстановка у нас была самая «этапная»! Подражать ей, конечно, не следует. Но я вспоминаю московские дореволюционные газеты. Большая ежедневная газета «Утро России», где я сотрудничал в свое время, имела совсем уж не такой большой состав редакционных работников и размещалась в части второго этажа дома в Путинковском переулке, против дома на Страстной, где размещалось до 1960 года Радиовещание. Занимала редакция не больше десяти комнат. По вечерам, перед очередным выпуском завтрашнего номера, небольшие комнатки набивались людьми. Курили, болтали, обсуждали последние политические новости, рассказывали анекдоты. Хроникеры обрабатывали свой материал для срочной сдачи зав. отделом, а тот, быстро проглядев его, посылал с ревматиком-сторожем редакции в набор, тут же на второй или третий этаж. Это были 1915-16 гг.

Такими же были редакции «Раннего утра» и «Московского листка». Небольшой была и редакция «Русских ведомостей». Только «Русское слово» Сытина было обширее и там уже были намеки на то, что мы видим сейчас в наших газетах. Но комбинат «Правда» и редакция «Известий» — левиафаны перед большинством дореволюционных московских газет!

О нашем «Московском понедельник» нечего и говорить! Это была просто-напросто «кустарная мастерская» из самых незавидных и бедных.

Но не в этом состояли главные трудности. Ни у П.И. Лебедева-Полянского, ни у меня не было опыта ведения такой газеты, я не представлял трудностей предстоящей работы. Мы даже не имели времени продумать, как нам надо вести газету. На первых порах пошли по линии наименьшего сопротивления, взяв за образец номер нашей однодневной газеты «В помощь Поволжью» и по ней стали делать еженедельные номера «Московский понедельник» с подзаголовком «Литературная газета».

Для однодневной газеты я получил материала даже больше, чем на один номер, и выход номера не был ограничен жестким сроком: не успеет выпустить на этой неделе, выпустим на следующей. С еженедельной газетой надо было соблюдать точные графики выхода. Это не альманах, не сборник. Кроме того, за материалом для однодневной газеты я мог обратиться к очень многим писателям Москвы, без различия направлений и группировок, существовавших в те годы: однодневная газета носила филантропический характер, и каждый писатель мог внести свой вклад в дело помощи голодающим.

Наша газета «Московский понедельник» была коммерческим предприятием, участником, полугосударственным. И она должна была подчиняться всем правилам для подцензурных изданий, которые начали проводиться с осени 1921 года, а с июня 1922 года официально вошли в силу с момента утверждения Главлита, без разрешительной визы которого типография не имела права печатать ни одного листка, ни одной афиши.

И хотя «Московский понедельник» не имел этой визы, но П.И. Лебедев-Полянский, как начальник Главлита, подписывал к печати сырые оттиски верстки в полосах, и у типографии был на руках официальный документ на то, что газету можно печатать. А визы можно было и не ставить. Этим правом располагало и Государственное издательство, возглавляемое Н.Л. Мещеряковым.

Равновесие любой газеты держится на разнообразии материала и его небольшом объеме. Газета выдерживает 300-400 строк отдельной вещи, 500-600 уже тяжело, а тысяча — две тысячи строк — потопят ее. Стало быть, не всякий рассказ или очерк можно было печатать. Каждый номер нашей газеты должен был давать законченные вещи. В этом заключалась моя первая трудность. Мало было у писателей в то время произведений художественной прозы, подходящих нам по объему, размеру, а иногда и по идее. И вот — хорош рассказ или отрывок — подходит по содержанию, но — велик, не влезет в газету, лезет на всю полосу или на разворот в «подвале». Или: подходит по объему, но по содержанию — сомнителен.

В Москве в 1922 году было как будто не мало прозаиков: В.В. Вересаев, Ив.Ал. Новиков, Б.К. Зайцев (еще не выехавший за границу), Г.И. Чулков; были и молодые: А.С. Яковлев, М.Я. Козырев; из пролетарских писателей «Кузницы» Н.Ляшко, М.Волков, были: В.Г. Лидин, А.Соболь, А.И. Свирский, Н.Д. Телешов, и даже — стариннейший Игнатий Ник. Потапенко, живший в одном из флигелей Дома Герцена. Под Москвой — у себя в Коломне — жил Б.Пильняк, в Оболянове проживал С.П. Подъячев... Но — у одних ничего не было подходящего для нас — то по объему, то по содержанию, другие не подходили для нас по своей направленности. Обратись к такому писателю за материалом, а он предложит и прекрасное по форме, и подходящее, но такое, что мой редактор никак не сможет этого напечатать. Надо помнить, что редактор — П.И. Лебедев-Полянский старый партизано-большевик, один из идеологов партии, к тому же начальник Главлита, — имел твердый курс руководимой им газеты: советский и пролетарский. Но был ли у нас с Павлом Ивановичем этот «курс»?

Мы понимали, что газета должна жить сегодняшним днем, отражать современную действительность в рассказах и очерках.

Не помню, чтобы мы с Лебедевым-Полянским хоть раз устроили совещание по вопросам ведения газеты и наметили на бумаге список желательных нам писателей-авторов. Мы оба знали имена всех писателей. От случая к случаю я называл то или иное имя, а Павел Иванович высказывал о писателе свое мнение. Но дело-то было не в имени, а в том, что именно даст нам писатель и что он напишет! И вот тут я всегда мог оказаться в неловком положении: писатель даст мне материал, а Лебедев-Полянский, прочтя рукопись, скажет, что ее печатать нельзя. А писатели — особенно с именами — народ обидчивый, самолюбивый! Больше он к нам не пойдет, да пожалуй, и со мной перестанет здороваться при встречах!

Советская литература была тогда в предрассветной поре. Писатели находились еще только в процессе осознания новой, послеоктябрьской действительности, этот процесс опознавания поневоле сопровождался и еще более сложным процессом — процессом самоопределения писателя. При всем желании быть правдивым и объективным писатель всегда вносит в свое понимание и исполнение элемент субъективности, от того, кто он сам и на чьей стороне стоит, с каких позиций он анализирует и расценивает данное явление. Правдивость и объективность еще не означает беспристрастного изображения действительности. В 1922 году перед писателями встала задача отобразить в своих художественных произведениях те большие события, которые происходили в нашей стране с 1917 года.

Часть писателей уже работала над этим материалом: В.Версаев («В тупике»), Вс.Иванов («Партизаны»), Ал.Яковлев («Октябрь»). Написал свой первый советский роман Илья Эренбург — «Жизнь и гибель Николая Курбова», рассказы Ефима Зозули, А.Малышкина, М.Пришвина... Вспомнил я и о петроградских писателях. Еще с 1920 года я был знаком с И.А. Груздевым, когда ездил в Петроград по делам Госиздата и — попутно — журнала «Узел». Через Груздева тогда я познакомился со всей группой тогдашних «Серапионовых братьев». Условившись с Лебедевым-Полянским, я срочным письмом предложил И.Груздеву быть нашим представителем в Петрограде. Он согласился. Наши издатели отпустили на его вознаграждение дополнительные средства.

Груздев связал нас с петроградцами, главным образом, с членами своей группы: К.Фединым, Н.Никитиным, М.Слонимским, Н.Тихоновым и др. Может показаться несколько странным и непонятным, зачем потребовался для нашей еженедельной газеты

представитель по Петрограду? Не роскошь ли это? И неужели в Москве не доставало писателей?

Были в Москве писатели. И было их, казалось, достаточно. Но для текущих номеров газеты нам все равно некоторое время не хватало материала, и нас трясла лихорадка от недостававшей прозы. Для каждого номера раз в неделю требовалось два-три рассказа, чтобы читатель не очень скучал над статьями. А неделя летит очень быстро, кроме того, надо иметь «загон» для следующего номера.

И вот, помню: мечешься в знойные июльские дни по Москве, виснешь на телефонах, названивая писателям: одному, другому, третьему... Условился — едешь к нему сам, или он обещает доставить. Ловишь и тех, кто заходит в Госиздат. Наконец, у тебя в портфеле три, четыре, а то и пять рукописей, подходящих по размеру и, словно бы, — по содержанию.

А редактор, милейший Павел Иванович, прочтет их — забракует, и не один какой-нибудь, а чуть не все сплошь: «не годится, не подходит»!

Я в отчаянии: кажется, все и вся обшарил и добыл как будто достаточно — нет, все не годится и при этом по различным основаниям: то плохо, серо, нехудожественно, то — не наше, не советское, то по теме какое-то скользкое...

Выходишь от редактора и перебираешь в памяти: кому бы еще позвонить? К кому бы поехать? Едешь снова к одному, к другому, пристаешь с ножом к горлу: рассказ или жизнь!..

Слава создателю! Кто-нибудь снова выручает. Добываешь еще три-четыре рассказа. У-уф!.. Номер наполнен! — облегченно вздыхаешь. И Павел Иванович, редактор, доволен, улыбается мягко и сладко своими глазами-маслинами.

Иногда закипали невольно и досада, и раздражение. Но мы с Лебедевым-Полянским делали свое дело и не очень кряхтели. Ведь и вся наша молодая республика только-только начала подниматься из разрухи и нищеты... Многие из писателей были одеты до ужаса нищенски и бедно, ели так же — часом с квасом, порой с водой... Но жизнь понемногу налаживалась. Появились магазины, столовые нэпманов. К пайкам по карточкам можно было кое-что прикупить по свободным ценам.

То, что наша газета имеет успех и расходуется, также духовно поддерживало нас. Газета сообщала новое о советской действительности, печатала очерки, рассказы, дискуссионные статьи. Как она выглядела? Что представляла из себя?

«Московский понедельник» состоял из шести (потом — из четырех) страниц довольно большого формата (больше теперешне-

го стандарта). Редакционный материал размещался на трех страницах, остальное отводилось под объявления.

Вот, например, №5 от 17 июля 1922 года. На первой странице напечатаны: рассказ Вячеслава Шишкова «В деревне», отрывок из «Электропозмы» М.Герасимова, рассказ Ник.Ашукина «Председатель», тут же рядом — небольшой рассказ К.Федина «Sterbstadt» («Город смерти»).

На второй странице — стихотворение В.Брюсова «Умильные слова», проза А.Глобы, статья В.Львова-Рогачевского о творчестве Н.Ляшко. В ней была такая фраза: «Художник Н.Н. Ляшко в своем художественном слове продолжает революционное дело токаря-социалиста». Фраза эта характерна для тех лет. Кроме того, газета всегда поддерживала молодую пролетарскую литературу — это было ее линией.

На третьей странице примечательны статьи Фриче о литературе Запада и дискуссия о литературном стиле.

«Московский понедельник» все же привлек к сотрудничеству многих известных писателей (или тех, кто впоследствии стал известным). Были среди наших авторов и Илья Эренбург (мы печатали «13 трубок»), и Н.Полетаев, и М.Пришвин, Неверов и многие другие.

Какое значение, какую ценность имела наша газета? Ее раскупали, она расходилась, правда, тираж был не очень большой. Писателям и поэтам она давала некоторый приработок. И, главное, она была живым напоминанием, что Москва должна выпускать литературную газету.

Часто у нас не хватало интересного материала для широкого круга читателей. Неожиданно выручил Алексей Иванович Свирский. Он со своей женой, Татьяной Алексеевной приехал весной или летом с юга и сразу, легко и естественно, прижился к Дому Герцена на Тверском бульваре, довольно скоро получил хорошую светлую комнату в переднем двухэтажном флигеле с окнами на Тверской бульвар и в садик во дворе. Рядом со Свирским поселился старый писатель Игнатий Николаевич Потапенко... Бывая в Доме Герцена на собраниях, я как-то встретился со Свирским.

— Хотите, я дам для вашей газеты материал? Интересный, — о нэпманах! Читатели будут довольны! — обратился ко мне Свирский.

Мы с П.Лебедевым-Полянским как-то еще не догадались, что нашей газете не хватает живого злободневного фельетона «подвала» на злобу дня. А тут фельетонист сам шел нам навстречу.

— Велика ли будет ваша вещь? — спросил я. — Нам нужны небольшие вещи.

Свирский понял меня и сквозящее в моем вопросе беспокойство.

— Не беспокойтесь, не будет велика! Я буду писать специально для вашей газеты. И это будет два-три фельетона. Думаю, что понравится. — И действительно, А.И. Свирский написал для нас несколько живых очерков-фельетонов о расцветающих нэпманах и нуворишах (у него была жилка газетного фельетониста); один из фельетонов Свирский передал мне через несколько дней.

— «Хорошее время», — прочел я название и отнес фельетон редактору, еще не зная, как он к нему отнесется. Павел Иванович принял фельетон без всяких разговоров для текущего номера и, как ни странно, в первую очередь он понравился нашим издателям-нэпманам, понравился и читателям.

— Писать продолжение? — спросил меня при встрече Свирский.

— Пишите, ждем продолжения. Редактору понравилось.

— А, что я вам говорил! — хитро прищурившись, со снисходительно-самодовольной улыбкой поглядел на меня Свирский, подчеркивая непередаваемой интонацией свой прогноз.

Позднее он издал свои фельетоны под тем же названием «Хорошее время» в издательстве «Земля и Фабрика»... Талантлив по-своему был А.И. Свирский: и в писательском смысле и во многих бытовых отношениях...

Заходил в то время в Госиздат и завертывал к нам в редакцию Андрей Павлович Глоба, человек тоже многогранный, способный: поэт, переводчик, драматург, — и все, что хотите. Однажды он сообщает:

— Умер Велемир Хлебников! И очень одиноко, где-то в провинции... в глуши... чуть ли не в баньке, стоявшей в саду, где он проживал у приютивших его случайных людей, квартирных хозяев... Как вы относитесь к тому, чтобы дать о нем небольшой некролог? Я мог бы написать. Но сможете ли вы его напечатать в вашей газете?

У меня было свое отношение к Хлебникову как к интересному, своеобразному поэту, представлявшему крайне своеобразное явление в поэзии, литературе и культуре. Отметить его смерть в нашей газете я считал необходимым, но надо было посоветоваться с редактором.

— Что же, пускай даст, напечатаем, — очень терпеливо согласился Павел Иванович.

И некролог, посвященный памяти Предземшара, как называл себя Хлебников (Председатель Земного Шара) был напечатан в номере «Московского понедельника»...

А вот с Осипом Эмильевичем Мандельштамом у нас произошло однажды маленькое столкновение из-за его стихов. Он дал для газеты новые, только что написанные стихи. Мы их приняли. На другой день один из его приятелей, также поэт, рассказал мне, что сам Мандельштам только что с улыбкой признался ему, что подсунил нам еще неотделанные, необработанные сырые стихи: дескать, сойдет для нашего листка!.. Стесняться особенно нечего! — «Вот, черновики-де у меня печатают как у Пушкина», — с похвальбой признавался он случайному собеседнику.

Я рассказал об этом Лебедеву-Полянскому, и мы решили вернуть стихи для доработки. И вот я возвращаю Мандельштаму рукопись с его стихами, объяснив причину. Мандельштам встает в горделивую позу:

— Да мои черновые стихи лучше всего, что вы у себя печатаете! — надменно, гордо приподняв голову, запальчиво, петушась, колесом выгнув грудь, с пафосом профальцетил он, приняв позу гранда. Эфес шпаги, шляпу с пером, — и рисуй с него шевалье!..

Хотя я был, иронически выражаясь, «наполнителем» редакционного портфеля, моя роль все-таки не была просто ролью автоматического насоса, выкачивающего и наполняющего. Как литератор, я принадлежал к определенным группам писательской общности. С одними меня роднили навыки и пристрастия, старые, дореволюционные связи и отношения, с другими мои отношения установились и окрепли уже в последнее время.

Работая в «Московском понедельник», я не навязывал редактору своих пристрастий, не приглашал и своих друзей. Даже со своими стихами печатался очень редко (в это время я начал готовить к изданию сборник своих стихов «Ночное солнце»). Но в свою очередь я также производил отбор произведений, производил его с большим тактом, без которого работать нельзя, но в то же время придерживаясь общей линии газеты, проводимой П.Лебедевым-Полянским.

С 1921-22 года в литературных кругах появляются все новые и новые люди. Однажды к нам в редакцию на мансарду-получердак зашел очень томный, с тонким лицом и прямой фигурой молодой человек, чуть-чуть денди по внешнему облику и виду. Сшедшим я до этого никогда не встречался.

— Ромашов, — назвал он себя. — Мне хочется работать у вас в газете.

— «Работать в газете...» — повторил я непроизвольно про себя. Имя его было мне неизвестно. А предложение, выраженное на словах (рукописи никакой у него не было), было столь неопределенно, что я не нашел, что ответить. Театрального отдела у

нас не было, штаты редакции в меру отпущенных издателями средств были скромны, поскольку мы не являлись ежедневной газетой. Несколько потрясенный его элегантным видом, я все-таки подумал и сказал:

— А вы не согласились бы собирать и давать нам литературную хронику? Хронику литературной жизни Москвы?..

Он так круто и гордо выпрямился, даже откинулся чуть назад, словно я нанес ему удар шпагой, и, молча откланявшись, быстро вышел из редакции.

Через два или три года в Театре Революции шла новая пьеса «Воздушный пирог». На афише я прочел фамилию драматурга: «Борис Ромашов». «Так вот кто был в нашей редакции!», вспомнил я.

В нашей первой, не очень удачной встрече, виноваты, конечно, мы были оба. Если бы Борис Сергеевич принес нам статью о театре или хотя бы рецензию о новом спектакле, полагаю, у нас возник бы контакт. Виноват был и я: подробно не побеседовал с ним, не пытался узнать, кто он и чем занят.

Печаталась в нашей газете и профессорская Москва. Профессор Бродский, с которым через двадцать лет я перекинулся словами приветствия через пролет на эскалаторе в метро: он двигался вверх, я — вниз, — и он первым напомнил мне о том, что он печатался у нас. В.Я. Брюсов давал нам иногда статьи о поэзии. Вот как он их только успевал писать тогда, не представляю. Он вел обзоры поэзии в «Печати и революции» у В.П. Полонского, вел большую работу в своем Литературном Институте, был занят в ГУСе.

Помню, поднимаясь по лестнице на второй этаж к Н.Мещерякову, сталкиваюсь с В.Брюсовым на лестничной площадке. С ним поэтесса Аделина Адалис. Я на ходу обращаюсь к Валерию Яковлевичу с просьбой дать его стихи для нашей газеты.

— Да зачем вам мои стихи?.. Нужны ли они вам? — не без горечи в тоне, в интонации высказывает он душевную боль отверженности от него бывших своих учеников и питомцев, не приемлющих его социальных, «большевистских», по их мнению, его стихов. — Впрочем, если вам это нужно, если хотите, я могу дать вам свои новые стихи... — уступает он мне.

Стихи В.Брюсова появлялись в нашей газете, и не раз.

Печатались у нас И.Н. Кубиков, И.С. Ежов, И.С. Шмелев, молодые литературоведы Н.К. Гудзий и Д.Д. Благой также сотрудничали с нами. Ведь наша газета была единственной литературной газетой в те дни, если не считать выходившей по воскресеньям «Литературной страницы» в газете «Известия».

Однажды я узнал, что в Москве находится Николай Александрович Морозов, «шлиссельбуржец»! Я вспомнил о его стихах в сборнике «Звездные песни», изданном В. Брюсовым в «Скорпионе». «Надо взять у него стихи для нашей газеты», — мелькнуло у меня в голове.

Лебедев-Полянский одобрил мое предложение, и на другой же день, летним солнечным утром я шел по тихим Пречистенским переулкам к тому человеку, чье имя стояло рядом с именами Желябова, Софьи Перовской, Веры Фигнер и других. Имена этих людей овладели моими чистыми, романтическими мечтами еще в 1905-1906 гг., когда я 17-летним подростком с жадным волнением читал в журнале «Былое» о их подвигах, о героических деяниях «молодых штурманов бури». И он, Морозов, был среди них.

И вот, хозяин квартиры Б.Д. Ильинский знакомит меня с Н.А. Морозовым. С дивана навстречу мне поднимается тихо, неспешно, и все-таки очень легко, милый и тихий, должно быть, добрый старик, близоруко щурится сквозь очки и улыбается милой, по-детски чистой улыбкой. Он небольшого роста, движения неторопливые, спокойные, по внешнему облику напоминает профессора, нет только маститости, связанной с чином и званием. «Этот вот человек четверть века провел в заточении, — мелькает у меня мысль, — сидел в полном одиночестве в каменном мешке и не угасил в себе, сумел сохранить в своем существе неугасимый огонь Прометея, огонь мысли и жар человеческого сердца».

Я показал Николаю Александровичу вышедшие номера нашей газеты и попросил его дать для нас стихи.

— Что же, я их вам дам. Если подойдут, напечатайте, — скромно и как будто стесняясь, говорит Морозов. — Только вот какая беда: я ведь наездом в Москве. У меня все в Питере, и рукописи, и все... Разве вот что, — задумчиво продолжал он, — я дам свою записную книжку. А вы с редактором выберете, что вам понравится и выпишите из нее... Не подойдет — обижаться не буду! — с этими словами он достает из кармана пиджака черную клеенчатую книжечку и вручает ее мне.

— Но как же это, Николай Александрович? Ведь я должен буду взять ее с собой, чтобы выбрать и переписать стихи. А ведь это ваша единственная книжка, и стихи в ней — единственный экземпляр?

— Ну что ж, — просто отвечает он, — выберете, выпишите, что вам подойдет, и вернете мне книжку... Я еще пробуду здесь несколько дней...

Все еще преодолевая смущение, я беру у него эту книжечку. От долгого лежания в кармане она пообмялась по углам, приня-

ла обношенный и какой-то домашний вид уютной вещи, не став при этом неряшливой и неопрятной.

За чайным столом Морозов расспрашивает меня о современной литературе, о новых писателях. Сам он редко с кем встречается, но проявляет живой интерес ко всему новому.

Гораздо позднее, уже в пятидесятых годах, я прочитал мемуары Н.А. Морозова. Их чистота, простота, безыскусственность, искренность и по-детски чистая привлекательная наивность, — все в них пленило меня. Огромная цельность натуры, до конца проведенная сквозь долгую жизнь, все деяния и поступки, высокое моральное чувство этого человека во весь рост встали передо мной в его мемуарах...

Печатался у нас французский поэт-коммунист Анри Гильбо, живший тогда в Москве. Принес он нам однажды целую поэмишу, от которой застонали наши издатели-нэпманы. Кому она нужна? Кто ее будет читать?.. И как можно втискивать в газету поэму, да еще под густым большевистским соусом?.. Но им приходилось терпеть: Лебедев-Полянский был не только редактором газеты, но и начальником Главлита, а издатели уже начинали мечтать о новом издательстве, и Павел Иванович мог им еще пригодиться. Надеялись они, впрочем, напрасно. Лебедев-Полянский был неподкупен.

Да и газета уже заканчивала свое существование. Редактор в очень сложной обстановке литературной жизни тех дней не мог и не хотел отступать от линии, диктуемой партией, от партийных установок. А издатели считали газету суховатой, неинтересной и слишком политической. «Поменьше бы идеологии, поменьше бы политики: читатель не любит ее... Побольше бы юмора, веселого, развлекательного материала», — мечтали издатели-нэпманы. В результате — 12 ноября 1922 года вышел последний номер газеты, после чего она прекратила свое существование.

***ИЗ ИСТОРИИ
ЭМИГРАЦИИ***

АМФИТЕАТРОВ И САВИНКОВ: ПЕРЕПИСКА 1923-1924

Публикация

Э.Гарэтто, А.И. Добкина, Д.И. Зубарева

Публикуемая переписка Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862-1938) с Борисом Викторовичем Савинковым (1879-1925) представляет интерес не только с точки зрения воссоздания атмосферы «трудов и дней» русской эмиграции в 1920-е годы, но и потому, что повествует о нереализованном замысле итальянской вооруженной интервенции в Россию в 1923, о котором до сих пор мало известно. К сожалению, в архивах Италии нам не удалось обнаружить каких-либо сведений об этом проекте. Поэтому вопрос о том, откуда могли исходить предложения такого рода, остается открытым. Возможно, что инициатива исходила из недр фашистской партии или от чиновников итальянского МИДа (подробнее о расстановке политических сил и тенденциях в итальянской политике в отношении России см. в прим.1 к письму №9 в настоящей публикации). Предположение о том, что вся эта история была одним из начальных этапов операции ОГПУ по заманиванию Савинкова в Россию, следует признать наименее перспективным: у нас нет данных о наличии в это время чекистских агентов в окружении Амфитеатрова, который — как явствует из переписки — был инициатором и посредником обращения авторов названного проекта к Савинкову.

Основные биографические сведения об участниках публикуемой переписки либо известны читателю, либо легко могут быть им найдены. Гораздо более интересна та эволюция, которую претерпели взгляды и положение обоих деятелей к 1923.

Савинков к 1917 был известен как отважный подпольщик, глава некогда могущественной Боевой организации эсеров, за ним была слава царевубийцы (пусть и неудачного), и в массовом сознании он представлял чем-то вроде живых Желябова и Перовской в одном лице. После Февра-

ля он — крупный политический деятель Временного правительства, претендовавший в августе 1917 — наряду с Керенским и Корниловым — на диктаторскую власть в революционной России. За резким взлетом недавнего эмигранта к вершинам государственной власти последовал переход обратный: в 1918 он конспирирует в ленинской Москве, организует антибольшевистские восстания в России. Затем — Гражданская война, в ходе которой политические установки Бориса Викторovichа бурно менялись. Представляя в 1919 в Париже Колчака, Савинков — страстный пропагандист Белого движения, борец за единую и неделимую Россию. В 1920-1921, став во главе финансируемого польским правительством Русского политического (позднее — эвакуационного) комитета в Варшаве¹, в котором он видел зародыш нового русского правительства, Савинков готовит русскую армию к войне. При этом его не смущает союз с историческим противником России. В 1921, громогласно разорвав с Белым движением, он провозгласил себя вождем «зеленых» крестьян-повстанцев, ведших борьбу на два фронта (против красных и белых), и принял кронштадтский лозунг «вольных Советов», а вместо «единой и неделимой» предложил идею «Соединенных Штатов Восточной Европы» и согласился с независимостью не только прибалтийских государств, Украины и Белоруссии, но даже Донской и Кубанской республик. В октябре 1921 грянула катастрофа (близкие Савинкова так впоследствии ее и называли — «октябрьской»): приютившая и кормившая Польша указала на дверь. Во исполнение статей советско-польского мирного договора Савинков и его ближайшие сотрудники были высланы из Польши «с применением полицейской силы».

Крах жизненной и политической карьеры стал очевиден. Партия эсеров, в которой он пробыл 14 лет и где стяжал неувядшую славу, не простила Савинкову ни двусмысленного и оскорбительного для ЦК поведения летом 1917, ни Парижа 1919, когда он отстаивал перед правительствами Антанты справедливость колчаковского переворота. Круги, связанные с Белым движением, всегда относившиеся к Борису Викторovichу настороженно из-за его дореволюционного прошлого и поведения в корниловском деле, — после отречения Савинкова от Врангеля в конце 1920 и фактического перехода на польскую службу «в угоду расчленителям России», — не желали слышать его имени. Остатки кадетской партии, в руках которых находились к этому времени две самые влиятельные газеты эмиграции («Последние новости» под ред. П.Н. Милокова, «Руль» под ред. И.В. Гессена), почитали Савинкова авантюристом и содействовали его политической и моральной изоляции.

В итоге, попыткавшись по Европе в 1921 — начале 1922 (Прага, Лондон) и убедившись, что надежд на помощь старых друзей (президента Чехословакии Масарика и бывшего британского военного министра Черчилля) нет, Савинков оседает в Париже, осознавая свою полную изоляцию в русской эмигрантской колонии. Это осознание приходит на фоне жестокого безденежья и отсутствия надежд на изменение ситуации. В ак-

¹ Далее в предисловии и примечаниях — РПЭК.

тиве у него остается немного: выходящая в Варшаве на остатки польских субсидий газета «За Свободу!»², полуразвалившаяся конспиративная организация Народный союз защиты родины и свободы³, немногие связи с сильными мира сего да несколько верных друзей (русско-английский коммерсант С. Рейлли, зять А. Мягков и муж возлюбленной А. Дикгоф-Дерентале)⁴. Главное же из того, что осталось: легенда о неустрашимом, гениальном и неуловимом Савинкове-революционере. «Un tueur de lions» (охотник на львов) — называл его друг юности А. М. Ремизов.

Амфитеатров старше Савинкова чуть ли не на два литературно-политических поколения. Приятель А. П. Чехова с 1880-х по совместному сотрудничеству в московских юмористических изданиях, в 1890-е — театральный обозреватель суворинского «Нового времени», автор исторических и мистико-фантастических романов. В начале 1900-х Амфитеатров, резко изменив позицию, порвал с «Новым временем» и возглавил радикальную газету «Россия». Там появляется его знаменитый фельетон «Господа Обмановы» с беспрецедентными издевками над правящей династией. После двух лет ссылок писатель оказывается за границей.

Бурная литературная и общественная деятельность заставляет его перейти на положение эмигранта: в 1906 он издает в Париже главный общеземлянский политический и литературный журнал «Красное знамя»; после поражения революции переезжает в Италию, где становится корреспондентом крупнейших русских газет; итальянский дом его — один из важнейших центров революционной эмиграции, не менее значительный, чем вилла Горького на Капри. В 1908-1913 здесь живет Г. А. Лопатин⁵. Многолетним корреспондентом и частым гостем Амфитеатрова был В. Л. Бурцев⁶. В результате писатель — в курсе как подпольной активности революционеров разных толков, так и деятельности бурцевской межпартийной контрразведки. Как и Бурцев с Лопатиным, Амфитеатров — скорее «общереволюционный деятель», чем адепт какой-либо программы.

В эти годы Амфитеатров — ближайший корреспондент и соратник Горького, вместе с которым, живя в Италии, создал выходящий в России журнал «Современник», ставивший своей задачей объединение сил революционной демократии. Одновременно Амфитеатров — один из самых читаемых в России авторов (по данным библиотечных опросов);

² Далее в предисловии и примечаниях — ЗС. Здесь Савинков печатает и отрывки из воспоминаний, и статьи с директивными заголовками: «О сегодняшнем дне», «О мировой революции», «О родине», «Об РКП», «О национальном вопросе», «О фашизме».

³ Далее в предисловии и примечаниях — НСЗРС.

⁴ Рейлли Сидней Георгиевич (он же — Сигизмунд Розенблюм, 1874-1925?), коммерсант и офицер британской разведслужбы. Мягков Александр Геннадиевич (1870-1957), инженер и геолог, муж сестры Савинкова — Веры. Подробную справку о А. А. Дикгофе-Дерентале см. ниже: прим. 8 к п. 13.

⁵ Лопатин Герман Александрович (1845-1918), революционер, 1887-1905 пролежал в заключении в Шлиссельбурге.

⁶ Бурцев Владимир Львович (1862-1942), историк и публицист.

выходит 37-томное собрание его сочинений. Непримируемость Амфитеатрова к российскому самодержавию столь яростна, что в отличие от Горького, Бальмонта и большинства литераторов-эмигрантов, он не возвращается в Россию в 1913 после амнистии по случаю 300-летия Дома Романовых.

Новый виток идейной эволюции Амфитеатрова совпадает с началом Первой мировой войны. Как и Савинков, он занимает подчеркнутую патриотическую позицию. В конце 1916 все-таки возвращается в Россию, чтобы возглавить созданную по инициативе деловых кругов газету демократическо-патриотической ориентации. Именно он дал ей заглавие — «Русская воля».

Февральскую революцию Амфитеатров встречает в Ярославле на пути в сибирскую ссылку за очередной «эзопов выпад» против министра внутренних дел А.Д. Протопопова. В 1917 издает сатирический журнал «Бич», в котором от номера к номеру объект насмешки смещается «справа налево»: вместо свергнутой монархии мишенью становится большевики. В первой половине 1918 он продолжает сотрудничать в независимой прессе. Затем на три года замолкает, открыто демонстрируя при этом свою враждебность к большевистскому строю. Примером может служить резкое выступление на обеде в честь приехавшего в революционный Петроград Г.Уэллса, где Амфитеатров самый обед назвал «потемкинской деревней». Тогда же следует и окончательный разрыв его с Горьким.

В 1919-1921 Амфитеатров трижды арестовывался ВЧК, последний раз — в марте 1921 (кронштадтские дни) вместе с женой и сыном Даниилом. В августе 1921 он с семьей бежит на лодке в Финляндию, после нескольких месяцев в Гельсингфорсе, Берлине и Праге снова приезжает в Италию, где поселяется в доме, купленном еще во время предыдущей эмиграции, — в Леванто, на берегу Генуэзского залива.

Доминантой его политической позиции становится непримиримый антибольшевизм с упором на «активные методы борьбы» (включая индивидуальный террор «против злоторящей власти»). Амфитеатров резко эволюционирует вправо, не отрекаясь при этом от своей прежней «революционности».

Вместе с тем, непреклонный прежде враг монархии, ныне он уповает на государственную мудрость великого князя Николая Николаевича. Один из активных защитников Бейлиса в 1913, страстный обличитель «заразы антисемитизма» в 1916 (см. его статью «Чертова черта»), теперь Амфитеатров нередко позволяет в печати откровенно юдофобские высказывания.

Вынужденно ограниченный в издании книг, не допущенный в «толстые» эмигрантские журналы, он компенсирует это сотрудничеством в русских газетах, рассылая свои статьи и очерки во все города мира. Он откликается решительно на все, но среди тем, которые его занимают, на первом месте — чекистские провокации, беглецы из ГУЛага и т.п. Эта бурная публицистическая деятельность, да еще сельскохозяйственные хлопоты и наполняли последние годы жизни писателя.

В дореволюционной эмиграции, несмотря на общность круга, сближения между Амфитеатовым и Савинковым не произошло. Помешала разница положений, а также то, что Савинков-Ропшин обнаружил себе литературных наставников в другом эстетическом лагере.

Основой возникших теперь отношений послужили: антипораженческая позиция, открыто занятая обоими в годы Первой мировой войны; яростный антибольшевизм с 1917 (у Амфитеатрова — публицистический, у Савинкова — практический) и, наконец, установка на продолжение активной борьбы с большевиками после окончания Гражданской войны. Амфитеатов хотя и разочаровался в социалистах и поправел, все еще продолжал чего-то ожидать от представителей демократического лагеря. И прежде всего от Савинкова, который, несмотря на зигзаги своей карьеры в 1917-1921, сохранял и непрестанно демонстрировал ту самую *волю*, в остром дефиците которой заключался, по мнению Амфитеатрова, главный порок большинства русских политиков.

Неизжитость революционно-демократических установок у Савинкова сказывается сильнее, чем у Амфитеатрова. Если последний склонен принять распространившийся среди эмигрантов различного направления тезис: «Против большевиков хоть с чертом!»⁷, то Савинков продолжает настаивать на необходимости «революционной» окраски борьбы с большевиками. Трудно сказать, чего в этой настойчивости больше: реального неприятия реставрации, уверенности в неизбежности для России демократического будущего, либо простого нежелания делить с «царистами» скудные источники иностранного финансирования.

Недолгая заочная дружба между участниками публикуемой переписки зародилась в петроградском ресторане «Медведь» в октябре 1917. Потом была еще встреча в Праге в 1921: Савинков был там после «октябрьской катастрофы», Амфитеатов — еще не устроенный после бегства из России. До попыток сотрудничества дело дошло только к марту 1923. Савинковский авантюризм Амфитеатову, в отличие от большинства журналистов и политиков, представлялся неоспоримым достоинством.

Показательно отношение обоих корреспондентов к фашизму, тогда еще «молодому»⁸. Для современного читателя само слово «фашизм» воспринимается не иначе как сквозь призму Второй мировой войны. Между тем при чтении публикуемых ниже писем следует иметь в виду,

⁷ Эта формула впервые введена в «Черных тетрадах» З.Н. Гиппиус (см.: Звенья. Исторический альманах. Вып.2. М.; СПб., 1992. С.40). Споры вокруг нее не утихали в русской эмиграции все 70 лет ее существования. См., напр.: «Я тоже вместе с народом всегда хотел и хочу освобождения любой ценой. Но, поймите, — *освобождения!* И поэтому пойду "хоть с чертом", если буду знать его *программу*, цели и буду знать, что они помогут народу!» (Керенский А.Ф. [Из письма к Н.Н. Берберовой от 19 авг. 1947] // Согласие. (М.) 1991. №5. С.10). Последней репликой в этой дискуссии можно считать слова Н.Коржавина: «Но тот, кто идет с чертом, с ним и остается» (В соблазнах кровавой эпохи.// Новый мир. 1992. №8. С.186).

⁸ Фашистская партия была создана в 1919, а премьер-министром и министром иностранных дел Муссолини стал в конце октября 1922, менее чем за полгода до начала публикуемой переписки.

что для людей 1920-х годов это слово не было сопряжено ни с концлагерями, ни с газовыми камерами. Смена демократической или либеральной идеологии на националистическую представлялась им вполне оправданной как в моральном, так и в практическом смысле. Савинков не только завидовал своему младшему современнику Муссолини как удачливому политическому лидеру, не только уповал всерьез на получение финансовой помощи от него, но и сблизился с дуче по своей ментальности⁹. Философ Ф. Степун вспоминал о Савинкове: «Он был скорее фашистом типа Пилсудского, чем русским социалистом-народником»¹⁰.

В то же время Савинков, размышляя в статьях 1923-1924 о «ненавистной РКП» и причинах ее успехов, с завистью отмечает ее «поистине железную волю», «энергию», «мужество», «упорство», «твердое желание достигнуть намеченной цели», т.е. тот набор качеств, который сблизил коммунистов с фашистами.

Именно эти обстоятельства следует, по-видимому, учитывать при попытках понять трагическую судьбу Савинкова: вслед за последним письмом к Амфитеатрову он отправился в Россию, был арестован, покаялся и перешел на сторону большевиков, что стало в глазах прежних сподвижников политической смертью. Затем последовала и гибель физическая, при обстоятельствах, до сих пор не вполне ясных¹¹. «Между двух стульев сидеть невозможно, — писал Савинков сестре Вере с Лубянки 29 ноября 1924. — Либо с народом, либо против него. С ним — до конца, и против него — до конца. То есть либо с коммунистами, либо с фашистами, но никак не с беззубыми бормотальщиками — Керенскими, Мак-Дональдами, Кусковыми и т.д. /.../ Я шел с фашистами, а теперь меня совесть мучает»¹².

Мысль о демократии как болоте, о фашизме как единственной силе, способной отстоять Европу от гибели, о воле, призванной творить чудеса, была близка и Амфитеатрову. Поэтому, даже когда надежды на спонсорство со стороны Муссолини уже потерпели очевидный для обоих корреспондентов крах, Амфитеатров продолжал подогревать мечтания Савинкова и — по существу — был одним из тех, кто толкнул его в последнюю авантюру. Немалую роль при роковом решении сыграло и прогрессировавшее безденежье. «В финальном анализе вся "трагедия" сводится к деньгам, — писал С. Рейлли В.В. Мягковой 25 сентября 1924. — /.../ Будь

⁹ Подробнее см. в прим.2 к п.36 и прим.1 к п.41.

¹⁰ Ф. Степун. Бывшее и несбывшееся. Т.2. Н.-Й., 1956. С.83.

¹¹ В эмигрантской печати в мае 1925 (сразу же после запоздалого — на 6 дней — сообщения о гибели Савинкова и публикации его предсмертного письма Дзержинскому) появились подозрения в том, что Савинков не покончил с собой, а был убит, а письмо было подделано чекистами. (См. наиболее распространенную версию этого рода: Солженицын А. Архипелаг ГУЛаг. Ч.1. Гл.9). Теперь, после публикации *полного* текста савинковского письма (Служба безопасности. 1992. Пробный номер. С.19), приведенная трактовка нуждается в пересмотре: если чекисты вынуждены были делать купюры при первоначальной публикации текста — значит, оно не было ими сфабриковано.

¹² Библиотека-архив Российского международного фонда культуры (далее РМФК). Ф.1. Д.37. Л.4-5.

в распоряжении С[авинкова] в июле 100000 или даже 50000 франков, то он остался бы за границей и пытался бы на эти деньги продолжать какую-нибудь *анти-большевицкую* деятельность»¹³.

Ощущал ли Амфитеатров себя ответственным за такой поворот событий, значимый не только для личной судьбы Савинкова, но и всей эмиграции в целом? Все напечатанное им после случившегося свидетельствует о его стремлении уйти от ответа на последний вопрос¹⁴.

Тесное сплетение неутраченных амбиций «спасителя отечества» с цинично откровенной борьбой если не за восстановление утраченного статуса, то хотя бы просто за выживание, проявлено в публикуемой переписке в полной мере. Личное честолюбие, человеческие привязанности, верность однажды избранным идеалам — все отступает перед одним всепоглощающим стремлением: вернуть небывшее, «то, чего не было». Оба корреспондента едины в этой страсти. Она привела их от демократических упований в объятия тоталитарной ментальности. Та легкость, с которой Савинков перешел от зависти к Муссолини и надежд на партнерство с ним к безоговорочному признанию большевиков, оказалась неподъемной для его корреспондента. То ли старая «нововременская» закваска, то ли последовательная реализация лозунга «Против большевиков хоть с чертом» побудили Амфитеатрова приветствовать «новый порядок» в Европе и закономерно должны были поставить его среди тех русских эмигрантов, кто принял 22 июня 1941 за начало освобождения России от большевизма. К счастью для себя, престарелый писатель не дождал до этого дня...

19 писем Амфитеатрова к Савинкову печатаются нами по автографам, хранящимся в ГА РФ (Ф.5831. Оп.1. Д.21). 24 встречных — также по автографам, хранящимся среди Amfiteatrov mss. в Manuscripts Department, Lilly Library, Indiana University, Bloomington, Indiana, USA (далее — Amfmss). Тексты приведены в соответствие с правилами современной орфографии. Дописывания и смысловые конъектуры заключены в квадратные скобки, купюры обозначены знаком /.../.

Приносим глубокую признательность за ценные указания Ю.В. Давыдову, Г.Г. Суперфину и В.Н. Чувакову и благодарим за содействие в работе над документами ГА РФ и РМФК Л.Г. Аронова, В.В. Леонидова, З.И. Перегудову и А.А. Федюхина.

¹³ ГА РФ. Ф.6756. Д.18. Л.76-77.

¹⁴ Письма Савинкова обильно цитировались и комментировались Амфитеатровым в статьях, написанных и при жизни Савинкова, во время его пребывания во Внутренней тюрьме (Кое-что о Савинкове. // ЗС. 1924. 1 октября. С.2-3; Записная книжка // ЗС. 1925. 1 апреля. С.2-3 и 2 апреля. С.2-4), и после его гибели (Загадка Савинкова // Возрождение (Париж). 1925. 14 июня. С.2-3). Амфитеатров назвал в печати их количество («больше двадцати»), описал внешний вид («тонкий, изящный, почти женский — почерк») и дал общую характеристику содержания («едва ли найдется из них хоть одно, которое не дышало бы ненавистью к большевикам, не звучало бы призывом к борьбе с ними до последнего, допускало бы хоть отдаленную возможность примирения»).

1. Амфитеатров — Савинкову

Levanto. 1923.III.7

Многоуважаемый Борис Викторович,

Мне надо бы с Вами списаться или побеседовать по серьезному делу. Сообщите, пожалуйста, адрес, по которому я мог бы Вам написать подробно. Этот Ваш нынешний адрес мне сообщил по моей просьбе В.В. Португалов¹ с предупреждением не распространяться. Чем скорее получу Ваш ответ, тем лучше. До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров.

Адрес: Italia. Levanto. Al Sig. Alessandro Amfiteatroff

¹ *Португалов* Виктор Вениаминович (1873-1930) — журналист. До 1904 работал в провинциальной печати («Смоленский вестник», «Самарский листок»), в 1904-1917 — в Петербурге («Наша жизнь», «Товарищ», «Современное слово»). Член ЦК партии народных социалистов, в годы мировой войны — сторонник ее продолжения до победного конца. Автор брошюр по истории освободительного движения в России. В 1918-1920 — сотрудник антибольшевистских изданий Юга России (Киев, Ростов). В 1920 эмигрировал в Сербию, в конце того же года по приглашению Савинкова приехал в Варшаву и с 15 декабря стал редактором ЗС, был кооптирован в члены РПЭК. После ликвидации РПЭК осенью 1921 и высылки из Польши большинства его членов оставался до конца декабря 1923 (см. письма 26 и 27 наст. публ.) редактором ЗС. Членом редколлегии ЗС был до февраля 1926. В 1926-1929 — варшавский корреспондент эмигрантских газет «Последние новости» (Париж) и «Сегодня» (Рига), в 1926-1927 — редактор «еженедельного журнала для всех» «Родное слово». Осенью 1929 переехал в Париж, где и умер. 37 писем П. к Савинкову (1922-1924) хранятся в ГА РФ (Ф.5831. Оп.1. Д.159).

2. Савинков — Амфитеатрову

9.III.[19]23. Paris

Глубокоуважаемый господин Амфитеатров,

адрес, о котором Вы меня спрашиваете, таков: Mr. Firstenberg, 34 rue Montaigne, Paris¹. Очень был бы рад повидаться с Вами. Желаю Вам всего лучшего.

Ваш Б.Савинков

¹ Адрес принадлежал Борису Алексеевичу *Фирстенбергу*, в прошлом — петроградскому летчику, в 1922-1924 — одному из близких сотрудников Савинкова по конспиративной деятельности.

Многоуважаемый Борис Викторович, дело, по которому я Вас разыскиваю, таково, что, конечно, лучше было бы говорить о нем не письмом, но, к сожалению, материальные обстоятельства мои не таковы, чтобы я мог приехать в Париж. С месяц тому назад получил я от лица, пользующегося моею совершенною доверенностью и тесно связанного с ныне правящею итальянскою партией, предложение составить меморандум по вопросу вооруженного движения на Петроград — без объяснения, для кого и для чего это требуется. Впрочем, объяснение это мне было и не нужно, особенно при оговорке, что обращаются ко мне, считая меня своим и не доверяя римской русской эмиграции, действительно, надо с горестью сказать, весьма пустозвонной и бездельной, да к тому же почти сплошь состоящей из богатых царистов, которые ничему не научились и ничего не забыли. Словом, с ними не хотят иметь дело даже для свержения большевиков, которых, как Вам известно из газет, здесь крутят в бараний рог с большим усердием и успехом¹. К сожалению, на полученное предложение я должен был ответить отказом. 1) Я ничего не понимаю в военном деле. 2) Я уже полтора года живу за рубежом и по крайней мере год как вне всякой политики. С Петроградом потерял связи. Обстоятельства же там за этот срок должны были значительно измениться и, следовательно, я не могу ручаться за точность своих показаний. Поэтому предлагаемую мне задачу я мог бы исполнить, только посоветовавшись с людьми компетентными, всегда следящими за этими делами и постоянно о них думающими.

Получил я такой ответ, что с партийными группами, которых представителей я, очевидно, подразумеваю, связываться не имеют ни малейшего желания *по преждевременности*. На меморандум'е же настаивают. Вот почему и надумался я обратиться к Вам за советом и, может быть, ответом по тем вопросам, к [о-то]рым мне предлагаются. Вы — человек, независимый от партий и сам по себе представляющий партию, и знаете как стратегику, так и тактику революции и того, что теперь принято называть контрреволюцией. Обращаюсь к Вам я за собственный страх, никого о том не упреждая, и, как бы Вы ни ответили — согласием или отказом, во всяком случае прошу Вас сохранить это мое письмо в строгом секрете до поры до времени и надеюсь, что Вы эту мою просьбу примете во внимание и исполните.

Интересно знать:

1) Нанесет ли занятие Петрограда смертельный удар большевикам? (Полтора года тому назад я отвечал бы утвердительно, теперь не знаю).

2) С какой стороны возможно и всего надежнее движение на П[етроград]?

3) Как велика должна быть численность оккупационного отряда? Достаточно ли, напр[имер], двадцати тысяч человек?

4) Необходимо ли в этом случае вооруженное содействие Финляндии? Латвии? Эстонии? Или достаточно их нейтралитета?

5) По оккупации возможна ли — до упорядочения города и провинции — иностранная диктатура, независимая от соперничества русских политических партий?

6) Какими средствами для прокормления и воскрешения Петрограда оккупация должна располагать?

7) Какое противодействие на море и суше в состоянии оказать большевики очень быстрому, стремительному и решительному удару? Кронштадт? Флот? Сухопутные границы?

8) Можно ли рассчитывать на сочувствие населения и восстание в столице, если население будет снабжено оружием? (Вопрос, обусловленный памятью об апатии в эпоху Юденича). Или нэп примирил Питер с большевиками настолько, что на него трудно надеяться?

Если Вы найдете возможным высказать мне Ваше мнение по этим вопросам, а равно и другие соображения, которые могут придти Вам в мысли попутно, я буду Вам очень благодарен и думаю, что Вы окажете большую услугу делу освобождения нашего отечества от окаянного ленинского ига. Я еще раз подчеркиваю, что вопросы эти предлагает не праздное политическое любопытство, но серьезно обдумываемый план, который тщательно проверяет возможности и старается устранить со своего пути ошибки, гадания и иллюзии. Поэтому даже самый пессимистический ответ будет принят, хотя с огорчением за дело, но с глубокой признательностью за предостережение. Я тоже с того и начал, что предупредил: лучше не начинать, чем провалить идею в порядке новой авантюры. На что и было мне отвечено, что без верной игры на руках и не начнут. Потому так и замкнуты конспиративно. Да ведь и чичеринского шпионажа здесь рассеяно достаточно, хотя с устранением Рабиновича из Нерви² этой вони будет меньше.

Чем скорее получу я от Вас тот или иной ответ, тем лучше. До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал.А-в.

¹ С конца 1922 до февраля 1923 было арестовано 2235 итальянских коммунистов, из них 252 — по делу секретаря партии Бордига (Felice F. de Mussolini il fascista. I. Torino, 1966. P.396). Видный партиец Умберто Террачини в письме из Рима от 13 февраля 1923 сообщает о 5000 арестованных за неделю и конфискации фондов партии, нанесшей «смертельный удар нашей печати» См.: Alba nuova. (N.Y.) 1923. 17 марта.

² Римский корреспондент агентства Гавас сообщал 6 марта 1923: «Арестован и препровожден на швейцарскую границу некий "торговец мехами" Рабинович, в действительности большевистский агент, к которому являлись за инструкциями и распоряжениями все большевистские пропагандисты в Лигурии. Рабинович продолжительное время проживал в Нерви в роскошной вилле, которая служила главной квартирой большевиков, и оттуда /.../ внимательно следил за деятельностью фашистского правительства» (Последние новости. 1923. 7 марта).

4. Савинков — Амфитеатрову

16.III.[19]23. Paris

Многоуважаемый Александр Валентинович,

я очень рад быть полезным в интересующем Вас вопросе, но боюсь, что недостаточно подготовлен, чтобы удовлетворительно его осветить. Про себя я сразу должен оговориться: пятилетний опыт антибольшевистской борьбы убедил меня в том, что освобождение России может произойти и произойдет только усилиями самого русского народа и что всякая попытка иностранной интервенции обречена заранее на неудачу. Я могу грубо ошибаться (в России до сих пор свищет такая буря, что сам черт ногу сломит), но мне кажется, что единственное, что можно, а значит и должно делать из-за границы, заключается в посильной помощи тому революционному антибольшевистскому процессу, который происходит в России. К этому процессу я стою близко, размер его знаю, как знаю его слабые и сильные стороны, и в этом вопросе чувствую себя более на ногах, чем в затронутом Вами. Думаю, что если бы была оказана помощь в этом направлении, то результаты могли бы быть большие. К сожалению, большинство наших эмигрантов, царистов и нецаристов одинаково, занимаются не революционным делом, а эмигрантской политикой, иностранцы же судят о России, как о развесистой клюкве, и либо поддерживают Врангелей, либо заигрывают с Чичериными. Мне кажется, что при серьезной денежной и некоторой технической помощи возможно было бы 1) попытаться организовать крестьянское движение в некоторых губерниях, близких к Петрограду и к Москве, и придать ему характер новой, но более разумной антоновщины¹; 2) дезорганизовать многие части Красной армии; 3) нанести в самой Москве

кое-какие удары. Эти три линии, проводимые настойчиво и одновременно, могли бы привести, в удачном случае, к быстрой ликвидации большевиков, ибо, по моим сведениям, Россия внутренне уже почти созрела для переворота. К сожалению, в письме я лишен возможности говорить о многом, а главное, лишен возможности подтвердить примерами правоту моей точки зрения. Скажу только, что по всем трем линиям работа идет и сейчас, несмотря на бесчисленные и часто ненужные затруднения. Оговариваюсь еще раз: я убежден, что только та помощь, которая будет оказана в этом, *революционном*, направлении, может быть помощью действительною, т.е. такою, которая может дать существенный результат.

После этой оговорки отвечаю на Ваши вопросы. Отвечаю полдетантски, ибо если мои ответы Вас не удовлетворят, могу предложить Вам следующее. Если Вам это действительно необходимо, я с удовольствием поручу составление меморандума одному из моих военных друзей, знающих современную Россию не из газет и донесений «агентов», а из *личного опыта*, и потому менее рискующих ошибиться, чем кто-либо из эмигрантов, хотя бы даже штабных. Напишите, и я сделаю то, что Вам предлагаю. Во всяком случае такой *чисто практический* меморандум свое значение имеет и свою службу сослужить может.

I. Занятие Петрограда *русскими* вооруженными силами, мне кажется, нанесет смертельный удар большевикам, но при непременном условии, что эти вооруженные силы будут лишены всякого старорежимного оттенка, иными словами, будут такими, *против которых большинство Красной армии откажется выступать*. Красная армия вся целиком будет драться против иностранцев и против Юденичей и Врангелей. Но если Петроград займет своего рода Антонов с крестьянами, в Москве в Красной армии произойдет раскол и Совнарком будет защищать только чести.

II. Движение на Петроград всего лучше, мне кажется, начать из Псковской и Новгородской губ. с направлением на Бологое.

III. Дело не в численности отряда, а в отношении к нему крестьян и Красной армии. Все тот же Антонов из ничего создал 40-тысячный корпус и угрожал Москве. Иные 5000 человек вырастут в 100000, а иные 20000 будут раздавлены, как были раздавлены Балахович и Пермикин². Вопрос численности скорее вопрос политики и личности командования, чем стратегии и военного искусства вообще.

IV. Окраинные государства необходимы как *базы*, но и только. Их вмешательство всегда вредно, ибо окраинные войска при-

дут в Россию непременно и прежде всего с целью грабежа, что восстановит против них и крестьян, и Красную армию, а это означает конец экспедиции.

V. Никакая иностранная диктатура невозможна даже на короткий срок по той же причине.

VI. ??

VII. Большевистские армия и флот не в состоянии, мне кажется, вести наступательной войны, но защитить Петроград от иностранцев в силах. Вообще, *все* иностранцы теперь крайне непопулярны в России и против *всяких* иностранцев Красная армия будет драться при сочувствии населения.

VIII. Петроградские рабочие несомненно восстанут, если 1) у них будет оружие; 2) экспедиционный корпус будет русским; 3) экспедиционный корпус не будет даже отдаленно старорежимным; 4) экспедиционный корпус не будет грабить. Юденичу никто не верил, потому и не подымались. Нэп никого ни с чем не примирил, если не считать горсти спекулянтов и советских служащих.

Из этих кратких ответов вы видите, что центр тяжести поднятого Вами вопроса, по моему мнению, лежит в *качестве* отряда, а не в его количестве, и уж, конечно, не в технике военного дела. Создайте отряд в 6000 вооруженных крестьян (бывших солдат), поставьте во главе разумного и честного человека, не допускайте грабежей, не допускайте иностранцев, и Вы имеете шанс поднять несколько губерний и дойти до Петрограда и взять его *почти без боя*. В этом я глубоко убежден. Но, чтобы создать такой отряд, нужно: 1) иметь базу; 2) иметь деньги; 3) иметь командира. Как видите, отвечая на Ваши вопросы, я снова вернулся к моему плану, изложенному в начале письма. Этой мой грех. Еще раз предлагаю поручить, если Вы этого пожелаете, составление меморандума специалисту. А может быть, если дело серьезное, лучше всего было бы повидаться лично. Подумайте об этом. Во всяком случае я всегда к Вашим услугам и буду рад служить чем могу.

Подтвердите получение этого письма.

Искренне Вас уважающий

Б.Савинков

P.S. Спасибо сердечное за книгу. Всегда читал и всегда читаю Вас с удовольствием и со вниманием. Б.С.

¹ Имеется в виду восстание крестьян против политики военного коммунизма в 1920-1921; охватило Тамбовскую и часть Воронежской губ.; одним из лидеров движения был эсер с 1906, вернувшийся из ссылки в Тамбов в феврале 1917, Александр Степанович *Антонов* (1888-1922). Намек Савинкова на недостаточную разумность антоновщины следует, по-види-

тому, воспринимать в свете его неудачных попыток установить контроль над этим движением через своих агентов в 1921.

² *Балахович* (Бей-Булак-Балахович) Станислав Никодимович (1883-1940) — ротмистр российской армии. Будучи командиром полка Красной армии, в октябре 1918 под Псковом перешел к белым с отрядом в 700 человек и батареей. Воевал в составе Отдельного корпуса Северной армии, весной 1919 участвовал в наступлении белых на Петроград. После отхода армии летом 1919 в Эстонию объявил о разрыве с Белым движением. Летом 1920, приехав в Польшу, провозгласил себя атаманом «Народной добровольческой армии», подчинявшейся в оперативно-кадровом отношении польскому правительству, в политическом — савинковскому РПЭК. После заключения советско-польского перемирия предпринял в октябреноябре 1920 «поход на Москву» с «армией» в 5 тыс. чел. Братья Борис и Виктор Савинковы участвовали в этом походе: первый — командиром 1-го конного полка, второй — его зам. по тылу. Поход сопровождался чудовищными (даже по тем временам) грабежами и погромами. «К несчастью, армия лишена продовольствия, — писал Б.Савинков матери из Мозыря 16 ноября 1920, — /.../ грабит и громит евреев /.../ хорошо, что не громит хоть христиан» (РМФК. Ф.1. Д.32. Л.4). См. также: Б.Савинков и ген.Балахович// Общее дело (Париж). 1921. 6 октября. С.2. После возвращения в Польшу «армия» Балаховича была интернирована в нескольких лагерях («отряд №1») и в течение 1921-1923 расплылась. Сам Б. принял польское гражданство, политической деятельностью не занимался, но время от времени давал сенсационные интервью (напр., в 1927 заявил, что Савинков жив). Был убит в Варшаве при невыясненных обстоятельствах.

Пермикин Михаил Николаевич — генерал-майор. Во время наступления Юденича на Петроград осенью 1919 — командир Талабского полка. С 26 сентября 1920 — командующий Третьей русской армией в Польше (в кадровом отношении подчинялась Врангелю). В окт. 1920 (после заключения советско-польского перемирия) выступил с походом на Украину, стремясь пробиться на соединение с Врангелем, отступавшим в Крым. В декабре 1920 войска П. (около 6 тыс. чел.) были интернированы в Польше («отряд №2») и подчинены во всех отношениях РПЭК. 4 февраля 1921 приказом Савинкова П. был отстранен от должности, 15 марта — арестован за организацию покушения на Савинкова, затем по просьбе последнего освобожден и выслан в Германию, где жил еще и в 1944.

5. Амфитеатров — Савинкову

Леванто, 1923.IV.13

Многоуважаемый Борис Викторович,
человек, мною ожидавшийся, приехал, и был между нами долгий разговор. Не сталкиваемся. Я стоял на той точке, которую утверждает Ваше письмо: крестьянство + авторитетный военный вождь + иностранная помощь, главным образом, денежная и

кормежная. (Я лично считаю, что и военная, людьми, необходима, но не ставлю ее во главу угла). Здесь, наоборот, все строят на последнем пункте, а к первым двум относятся с величайшим скептицизмом. Не верят в существующую Россию, ни в мужика, ни в верхи. Надо правду сказать, что, наблюдая римскую эмиграцию, мудрено итальянцам и вынести другие впечатления, кроме самых отрицательных. Но собственные местные планы представляются мне тоже дерзновенными до фантастичности и неисполнимыми. Это что-то вроде интервенции в волонтерском порядке, по гарибальдийскому образцу, не без примеси Д'Аннунцио, но в грандиозных размерах, с движением через всю Европу, рассчитанным на поддержку всюду населением, жаждущим порядка¹. Пишу Вам, конечно, идею, самую грубую схему, а не проект, в котором, должен сознаться, проблескивает, наряду с сумбуром, много остроумных расчетов и возможностей. Энтузиазма много. Немножко смахивает дело на Петра Амьенского с ополчением Вальтера Голяка и, пожалуй, обречено на гибель, как первая «crosciata», но так как исторически за первую последовала вторая успешная², то кто ее знает? Может быть, что-нибудь и выйдет. Как я уже писал Вам, я в латинский гений верю³, ибо в нем «безумство храбрых» всегда сопряжено с большою расчетливостью и очень редко суется в воду, не спросясь броду. Планируют на будущую весну, то есть отсюда — в декабре, январе, феврале. Главное препятствие видят, конечно, в Германии, — без этой плотины считали бы возможными действия более быстрые и наверное успешные. Весьма озабочены хлебным вопросом, почему Вы меня несколько смутили вопросительным знаком в ответ на запрос о размере потребных средств. Вообще, было бы очень полезно, если бы в Рим, Милан или Специю, которая стала оплотом самого деятельного фашизма, внедрился авторитетный русский экономист, не говорю уже о политическом деятеле с военным пониманием и авторитетом. А то коммунисты шныряют всюду и деньгами льют, как водою, а с нашей стороны — нулевая оппозиция и отрицательные фигуры. «Не весьма утешительно!» — как сказал бы покойный Николай.

Меморандум очень желателен, но на ассигновку для него «сделали глухое ухо», с уклончивыми обещаниями, — кажется, полагают, что он должен быть патриотической жертвой на алтарь спасаемого отечества. Предоставляю всецело на Ваше усмотрение.

Общее мое впечатление такое. Предприятие эмбрионально, но на его развитии сосредоточилось несколько умов смелых, упорных и испытанных. Не очень молодежь, все ребята лет тридцати, прошедшие страду войны 1915-18 гг. Сумбура и незнания много,

но — вокруг весьма систематического стержня, вниманием к которому пренебрегать не следует. Надежд больших не возлагаю, но, памятуя Колумба, нашего соседа по Генуе, Мадзини, Гарибальди и т.д., невольно думаю: «а чем черт не шутит?» Во всяком случае, очень интересно и не без увлекательности.

Обо всем этом я не писал, не пишу и не буду писать никому, кроме Вас, равно как и Вас прошу о том же. Бурцеву я сообщил только, что здесь назревает что-то крупное и весьма неприятное для большевиков. Кстати молвить: фашист, в течение трех недель следивший в филерском порядке за миссией Воровского⁴, сказал мне, что вполне убедился: все снабжение миссии и, через миссию, итальянских коммунистов идет посредством невинно торгующих в Риме немецких магазинов. Надо думать, что Муссолини быстро положит этому безобразию конец. Миссию он окружил таким ловким и внимательным надзором, что она совершенно обессилела, и Воровского, кажется, убирают сами большевики, не ожидая, чтобы Муссолини его выгнал, и преемника ему не будет: карта бита⁵.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Напишите, что думаете по всему вышеизложенному.

Ваш Ал.Амфитеатров.

Только что думал запечатать письмо, как получил «За свободу» со статьями о кончине Софьи Александровны⁶. Ах, как жаль! Я знал ее мало, но уважал очень, имею несколько писем от нее. Лучше знала ее жена моя, которая одновременно с ней отсиживала долгие часы в приемной департамента государственной полиции, в походах на Зволянского, Лопухина и пр., отвоевывая меня из Минусинска, а Вы тогда еще пребывали в Вологде⁷. Да и потом они встречались. Жена сохранила о Вашей матушке самые лучшие воспоминания и просит меня передать Вам свои глубокие сожаления о ее кончине и искреннейшее сочувствие к Вашей потере. К чему от всего сердца и присоединяюсь.

¹ Амфитеатров намекает на освободительные войны под руководством народного героя Италии Джузеппе *Гарибальди* (1807-1882) и на деятельность итальянского писателя *Габриеле Д'Аннунцио* (1863-1938). Последний 12 сентября 1919 руководил небольшим отрядом итальянских националистов и бывших участников Первой мировой войны, захватившим г.Фиуме (Риека), который принадлежал Хорватии с 1915 и с 1918 входил вместе с ней в Королевство СХС. Невысокая оценка Амфитеатровым военной деятельности итальянского писателя (см. п.11) объясняется тем, что захват Фиуме, несмотря на его огромный резонанс, был второстепенным, почти фольклорным эпизодом в более сложном процессе ан-

некции этого города Италией. Кроме того, со второй половины 1922 миф о военных способностях Д'Аннунцио стал рассеиваться. Его отношения с Муссолини осложнились, хотя глава правительства старался их не обострять ввиду тесных связей писателя с руководством и «лейтенантами» фашистской партии. Многие из последних непосредственно участвовали в захвате Фиуме и образовали влиятельную Национальную федерацию фюманских легионеров.

² *Петр Амьенский* (Пустынник, ок.1050-1115) — французский аскет, которому легендой приписывалась организация Первого крестового похода (*crociata*). *Вальтер Голяк* — французский рыцарь XI в., прозванный так за свою бедность. Весной 1096 выступил из Лотарингии во главе пестрой толпы для освобождения Иерусалима, предваряя крестовые походы. Толпа избивала по Рейну евреев и, грабя и разбойничая, дошла до Константинополя. В сражении с турками при Никее Голяк потерпел поражение и погиб.

³ Этих слов в сохранившихся письмах Амфитеатрова к Савинкову мы не обнаружили.

⁴ Торгово-дипломатическая советская миссия, возглавлявшаяся Вацлавом Вацлавовичем *Воровским* (1871-1923), находилась в Италии с 1921. О начале ее деятельности см. воспоминания А.Д. Нагловского (Новый журнал. 1968. Кн.90. С.167-176). 25 февраля 1923 Воровский сообщал в НКВД: «У нашего дома усилены наряды шпиков. Поставлены под надзор даже квартиры совершенно благонадежных лиц, имеющих с нами связь» (цит. по: Жуковский Н. Посол нового мира. М., 1978. С.302).

⁵ По-видимому, речь идет о готовившемся в апреле 1923 отъезде Воровского на Лозаннскую конференцию. Временным поверенным в делах в Риме был оставлен Я.Я. Страуян.

⁶ *Савинкова* (урожд. Ярошенко) Софья Александровна (псевд. С.А. Шевиль, 1855-1923), писательница, мемуаристка. Летом 1917 выступала в прессе, поддерживая действия сына на посту управляющего Военным министерством (в частности, восстановление смертной казни в действующей армии). С 1920 — в эмиграции (Варшава, Прага). В мае 1922 переехала в Ниццу. Скончалась 27 марта 1923. Сообщение о смерти и посвященные ей некрологи Д.Философова и В.П[ортугалова] — ЗС. 1923. 4 апреля. С.1, 3.

⁷ Амфитеатров был женат вторым браком на Илларию Владимировне *Амфитеатровой* (урожд. Соколовой, 1875 - после 1943). *Зволянский* Сергей Эрастович (1854-1912) — в 1897-1902 директор Департамента полиции. *Лопухин* Алексей Александрович (1864-1928) — в 1902-1905 директор Департамента полиции, с 1918 — в эмиграции. Амфитеатров был выслан под гласный надзор в Минусинск в 1902 сроком на 5 лет за фельетон «Господа Обмановы», в декабре 1902 переведен в Вологду, затем возвращен в Петербург, откуда в 1904 отправился военным корреспондентом на маньчжурский фронт, но в апреле 1904 вновь выслан в Вологду, откуда в июле того же года уехал за границу. Савинков находился в

вологодской ссылке в 1902-1903 по делу социал-демократических групп «Социалист» и «Рабочее знамя», оттуда в июне 1903 через Архангельск бежал за границу.

6. Савинков — Амфитеатрову

18.IV.[19]23. Paris

Многоуважаемый Александр Валентинович,

изложенный Вами проект заманчив, как всякая смелая и широкая мысль. Просто отмахнуться от него, мне кажется, было бы ошибкой, но по существу он пожалуй то, что французы называют «*chercher midi à quatorze heures*»¹. Зачем долгие и окольные пути, когда есть прямая дорога? Кроме того, вопрос в исполнении. Пожалуй, это и есть главнейший вопрос. Если мы снова увидим Ноксов и Фреденбергов², т.е. в сущности «развесистую клюкву», или новых, нашего помета, Юденичей, Балаховичей, Шкур³ и т.д., то лучше сейчас же повеситься на подтяжках. Если же даже отдаленно не будет пахнуть всевозможными «Особыми совещаниями» и «Национальными центрами» и разными бормотальными Цека в придачу, и если «клюква» не вылезет на первый план, то подумать стоит. Говорю «подумать», ибо здесь «семь раз примерь и один отрежь». Разумеется, я высказываю свое личное мнение. Боюсь, что мои друзья в России отнесутся менее терпимо, если обо всем этом узнают. Ведь «крестоносцы» возвращались домой не только с молитвами, но и с «покупленными» (новое словообразование не раз мною слышанное: «покупил» не значит «купил») пожитками. А пожитки-то ведь будут не наши... Во всяком случае, большое Вам спасибо за осведомление. Располагайте мной в этом деле, как хотите, ибо, повторяю, просто бросить его в корзину и умыть руки было бы неразумно. Меморандум я постараюсь Вам приготовить à l'oeil⁴, но не обещаю категорически: теперь мне это труднее, ибо подходящий человек уехал.

Спасибо Вам и Вашей многоуважаемой супруге за сочувствие и доброе слово.

Искренно Ваш

Б.Савинков

¹ Искать полдень во втором часу (фр.).

² Нокс Альфред Вильям (1870-1964) — английский генерал. Фреденберг (Фрейденберг) — полковник, начальник штаба французского оккупационного отряда в Одессе в 1919.

³ *Шкуро* (Шкура) Андрей Григорьевич (1887-1947) — казачий офицер; последнее звание в российской армии — полковник. С мая 1918 — участник Белого движения: командир бригады, дивизии, корпуса; с 1919 — генерал-лейтенант. В 1920 уволен из армии Врангеля. Эмигрировал. Живя во Франции, работал цирковым наездником, снимался в кино. В 1941-1945 участвовал в формировании казачьих соединений в составе германской армии, присягнув на верность Гитлеру. В мае 1945 сдался британским войскам, передан в СССР и повешен.

⁴ Тут же (фр.).

7. Савинков — Амфитеатрову

Paris. 30.V.[19]23

Многоуважаемый Александр Валентинович,

был в отъезде, вернулся только сегодня и спешу ответить на Ваше письмо¹. О Врангеле мне писать нелегко — слишком я был им травмирован в свое время². Однако постараюсь быть объективным.

1) Реальная сила Врангеля на бумаге состоит из Добровольческого корпуса ген.Кутепова и из казаков³. В действительности, у казаков он потерял всякое влияние, среди же добровольцев царит смущение: переоценка ценностей в сторону демократии (не Керенского и Авксентьева⁴, конечно, а своего рода русского фашизма). Думаю, однако, что если бы у Врангеля были база и деньги, то он (*как и всякий*) мог бы легко собрать тысяч 50 офицеров и солдат, из которых 80% было бы голодных людей, жаждущих пайка, откуда бы паек ни шел, 10% проходимцев и 10% просто жуликов. Если бы он этих людей вооружил и сформировал бы штаб с канцеляриями и адъютантами, то получилась бы «армия». Все сие я пережил в Польше.

2) Так сформированную армию, в особенности если бы жалованье солдатам платилось аккуратно (весьма редкий случай), Врангель мог бы (опять-таки, *как и всякий другой*) предоставить в распоряжение любой интервентивной державе. Для этого не нужно авторитета, но необходим регулярный паек.

3) Врангель по убеждениям монархист. Сейчас он заигрывает с «легитимистами»⁵ («Высший Монархический совет» и т.д.). Кажется мне, что он это делает, ибо у него нет денег, а были бы деньги, он бы продолжал свою «бонапартистскую» линию. Кто Бонапарте — догадайтесь сами. Во всяком случае, Врангель из тех, кто кровно, зоологически реакционен. Для него крестьянин — «сукин сын», финн — «чухна», всякий демократ — «смутьян»⁶. Измениться он не может, не может даже в той малой степени, в какой изменились приспособляющиеся «генштабисты» типа, напр.,

ген. Махрова⁷. Даже Махровых Врангель сживал со света. Здесь вопрос не в уме, а именно в зоологии.

4) В Белоруссии, где я был в 1920 году осенью, крестьяне мне в один голос говорили: «Знаем Рангеля. Не верим ему: Рангель пан». Полагаю, что так говорят крестьяне по всей России, а без крестьян... Что касается рабочих, то о них нечего и говорить. Что же касается Красной армии, то вот Вам пример: ко мне в Варшаву однажды тайно перебрались делегаты от красной бригады, стоявшей на Збруче⁸. Их первый вопрос был: «Вы с Врангелем или против него?» Моим ответом определились сразу наши дальнейшие отношения. Заметьте еще, что, как я выше писал, казаки Врангелю не верят, а в частности кубанцы его ненавидят (ген. Покровский и убийство Калабухова)⁹. Думаю, что сейчас имя Врангеля в глазах огромного большинства русских в России является пугалом и что с его именем в Россию идти нельзя. Наши «зеленые», напр., даже и офицеры, будут *драться* против него, ибо к этому вынудят их крестьяне¹⁰.

5) Войдет ли Врангель подначальным? На этот вопрос ответить я не берусь. Кажется мне, что пойдет, если не будет другого исхода. Но ведь лично я Врангеля вовсе не знаю (если не считать студенческих лет: мы учились одновременно и знали друг друга, он — в Горном Ин[ститу]те, я в Ун[иверсите]те) и сужу о нем только по фактам, а факты ведь часто лгут. Поэтому и ко всему моему письму относитесь с осторожностью, памятуя и то, что я сказал в самом начале. Но если Вас интересует мое мнение с этими оговорками, то скажу, резюмируя все вышеизложенное: я с Врангелем и за Врангелем не пойду, «зеленые» не пойдут тоже. Более того, если бы Врангель пошел в Россию, то кроме красных с ним стали бы по всей вероятности бороться и «зеленые», и часть казаков, и рабочие, и наиболее активная часть крестьян.

Вот. *Dixi et animam levavi*¹¹. Не осудите мою откровенность: ведь иначе не стоит писать.

С искренним уважением

Б.Савинков

¹ Письмо, о котором идет речь, не обнаружено. По-видимому, в нем Амфитеатров от имени итальянцев спрашивал мнение Савинкова о Врангеле как возможном руководителе похода на Россию. Те же вопросы писателю задавал и Бурцеву в письме от 24 мая 1923: «Пожалуйста, напишите мне немедленно Ваш взгляд на Врангеля. Конченный он человек или нет? Располагает он еще какою-нибудь реальной силою или нет? Если да, то насколько значительною? Мог ли бы он предоставить эту силу в распоряжение иностранной команды? Неразрывно ли он связан с царистами

или только по *faute de mieux* [неимению лучшего (фр.). — *Публ.*]? Если дадите общую характеристику генерала, будет очень кстати. Просьба моя очень важная. Дело идет об очень крупном интервентивном проекте, нарождающемся в кругах фашистов. Сперва они думали обойтись вовсе без русских, отчасти под моим влиянием убедились, что это значило бы делать счета без хозяина. Теперь нащупывают возможных русских союзников. С вопросом о Врангеле обратились ко мне, но я заявил свою полную некомпетентность, пообещав, что наведу справки у лиц более авторитетно сведущих. Кроме Вас думаю обратиться по тому же поводу к Савинкову (*audiat et altera pars* [будет выслушана и другая сторона (лат.). — *Публ.*]). Пожалуйста, все содержание сего письма сохраните в строжайшем секрете, даже от ближайших лиц. Это очень серьезное начинание, за которым я слежу уже несколько месяцев, осторожное, вдумчивое и оглядчивое. Отнюдь не игрушечный какой-нибудь заговор с репетилловским шумом» (ГА РФ. Ф.5802. Оп.1. Д.74. Л.70-70об.).

² У Савинкова было мало оснований жаловаться на «*травлю*» его Врангелем, т.к. сразу же после эвакуации врангелевской армии из Крыма он первым заявил о полном политическом и организационном разрыве с ее командованием. (Ср. резолюцию I съезда НСЗРС, принятую 16 июня 1921 по докладу Д.В. Философова «Об отношении к ген. Врангелю и Семенову»: «съезд отвергает начисто и безоговорочно какую-либо возможность соглашения». — ГА РФ. Ф.5784. Д.35. Л.57).

³ *Кутепов* Александр Павлович (1882-1930) — с 1920 возглавлял Добровольческий корпус, в который тогда была свернута Добрармия, в 1923 — один из реальных командиров Русской армии, перебазировавшейся в 1921-1922 из Галлиполи (Турция) в Болгарию и Королевство СХС. В марте 1923 побудил вел.кн. Николая Николаевича вернуться к политической деятельности и возглавить русскую национальную эмиграцию. В 1922-1923 жил в Белграде, в начале 1924 переехал в Париж, руководил боевой работой против СССР. Похищен в Париже агентами ОГПУ (26 января 1930) и умер на пути в СССР.

⁴ *Авксентьев* Николай Дмитриевич (1878-1943) — один из лидеров ПСР, в 1917 — министр внутренних дел ВП (входил туда одновременно с Савинковым), в октябре 1917 — председатель Предпарламента. В октябре-ноябре 1918 — председатель Всероссийской Директории (т.е. правительства, ответственного перед УС), командировал Савинкова в Париж (см. предисловие к наст. публ.), после колчаковского переворота выслан из России. В эмиграции — член редколлегии «Современных записок», резко полемизировал с Савинковым в печати. См.: п.30 в наст. публ. и статья Савинкова «О родине» (ЗС. 1923. 7 октября. С.2) и «О словах» (ЗС. 1924. 5 апреля. С.2).

⁵ Речь идет о сторонниках вел.кн. Кирилла Владимировича. См. прим.1 к п.35.

⁶ Слово «смутьян» написано поверх перечеркнутого слова «революционер».

⁷ *Махров* Петр Семенович (1876 — не ранее 1941) — офицер Генерального штаба царской армии, последнее звание и должность — генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта. В ВСЮР — генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего, в марте 1920 Деникин незадолго перед своим уходом назначил М. начальником штаба. При Врангеле, отношения с которым у М. не сложились, сохранял этот пост до мая 1920. С осени 1920 представлял Врангеля в Польше, участвовал в работе РПЭК. После Гражданской войны жил во Франции. Арестован 30 июня 1941 вишистами за просоветскую активность. Освобожден по ходатайству генерала Жанена, главы французской военной миссии при Колчаке. (Слашов-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920 г.: Мемуары и документы / Комм. А.Г. Кавтарадзе. М., 1990. С.90, 252).

⁸ *Збруч* — приток Днестра, в 1920-1939 по нему проходила граница Польши с Советской Украиной.

⁹ *Покровский* Виктор Леонидович (1889-1923) — офицер царской армии (военный летчик), в 1918 — генерал-майор, командующий войсками Кубанской области, затем — командир 1-го Кубанского казачьего корпуса, преемник Врангеля на должности командующего Кавказской армии (до февр. 1920). С весны 1920 — в эмиграции, организатор борьбы против возвращения офицеров и солдат Добровольческой армии в Россию. Убит при переходе болгаро-югославской границы. Я.А. Слашов-Крымский характеризует его как «известного своими грабежами и славившегося как наемный убийца» и в 1920 жившего «на награбленные деньги за границей» (Ук.соч. С.73, 87, 256). *Калабухов* Алексей Иванович (?-1919) — кубанский казак-демократ, член Кубанской рады, был в составе парижской делегации Рады, добившейся признания союзниками Кубанской республики. За подписание договора с меджлисом горских народов обвинен командованием Добровольческой армии в измене и повешен по приказу В.Л. Покровского в Екатеринодаре, что настроило кубанское казачество против Деникина и его преемников.

¹⁰ *«Зеленые»* — обиходное название лиц, прятавшихся в России, Белоруссии и на Украине в годы Гражданской войны в лесах от мобилизации в белую или Красную армии. Принимали участие в партизанской борьбе как против белых, так и против красных, нередко переходя к обыкновенному бандитизму. Статьи Савинкова с апологией этого движения см. в его книге «На пути к Третьей России» (Варшава, 1921).

¹¹ Сказал, и на душе стало легче (лат.).

8. Савинков — Амфитеатрову

Paris. 6.VI.[19]23

Многоуважаемый Александр Валентинович,
к сожалению, я не могу приехать в Италию, чтобы повидаться с Вами, и потому позволяю себе воспользоваться поездкой одного моего доброжелателя и нашего сотрудника. Податель этого пись-

ма Sig. Francesco Leone¹ человек, которому я вполне верю и которому можете верить Вы. Я буду Вам очень благодарен, если Вы сообщите ему детали того дела, о котором Вы мне писали. Из Ваших писем ясно, что что-то замышляется. Но что именно? Но кто замышляет? Но насколько это серьезно? Но какова Ваша позиция? Но какова должна быть позиция наша? Эти вопросы меня смущают. Повторяю, с Леоне Вы можете быть совершенно откровенны.

С искренним уважением

Б.Савинков

[Приписка Амфитеатрова сыну Даниилу на полях:]

Малый Даник², из этого письма ты увидишь, что с подателем можно и должно говорить откровенно и серьезно. Может быть, ты сведешь синьора Леоне с кем-либо, кто просветил бы его лучше, чем в состоянии мы? Я думаю, что это было бы важно. В разговоре он выказал большое знание русских дел и с Савинковым несомненно ближайшее сотрудничество. Мои письма цитировал безошибочно наизусть. Ну, до свидания. Целую тебя.

Твой А.

¹ Леоне (Леони) Франческо — сотрудник парижского сыскного бюро А.Бинта (Henri Bint), осуществлявшего в 1910-е по соглашению с заведующим заграничной агентурой Департамента полиции МВД России наружное наблюдение за русскими революционерами в Европе. В 1913 «покаялся» В.Л. Бурцеву.

² Амфитеатров Даниил Александрович (1901-1983) — с 1922 состоял в личной охране Муссолини (отряд «Мушкетеров Вождя»), одновременно в 1923 закончил римскую консерваторию «Santa Cecilia» по классу О.Респиги, затем — композитор и дирижер, с 1938 — в США, после Второй мировой войны вернулся в Италию.

9. Амфитеатров — Савинкову

Levanto. 1923.VI.12

Многоуважаемый Борис Викторович.

Ваш приятель signor F[rancesco] L[eone] был у меня вчера. По Вашему письму, я говорил с ним совершенно откровенно, как говорил бы с Вами. К сожалению, мало мог сказать ему нового, так как за время своей болезни и экзаменов сына оба мы несколько отстали от вопроса. По сведениям из Рима, дело обстоит теперь гораздо хуже, чем три месяца назад, когда я написал Вам первое

письмо. Раскол в партии фашистов вызвал и двойственное отношение к русскому вопросу, которое в то время было единодушным. В среду главарей фаш[истов] также проникли фигуры, мечтающие о русских концессиях и прочих коммерческих расчетах на нынешний status, а потому тормозящие противобольшев[истские] начинания. Мусс[олини] же, по-видимому, взвесив тяжесть положения в Италии и затруднения в западноевропейской политике, сказал своим энтузиастам: уймитесь, не время¹. Летом его семья и на некоторое время сам он будут в Леванто. Я рассчитываю с ним видаться и поговорить по душам. Письмо Ваше о Вр[ангеле], сообщенное мною в Рим, произвело большое впечатление. От этой идеи отказались.

Я только что хотел писать Вам о том, как приехал Ваш Ф[ранческо] Л[еоине]. Сперва, до передачи Вашего письма, он очень смутил меня своей фамилией, имеющей несчастное совпадение с фамилией субъекта, который в царское время следил за мной, Черновым и др. в Fezzano, в чем и был изобличен Бурцевым: это была громкая история, итальянские газеты шумели с неделю². О позициях могу сказать покуда только, что выжидаю и слишком мало знаю, чтобы сказать что-нибудь определенное за себя и дать серьезный совет. Я лично могу сказать только в общем, что буду поддерживать всеми силами и умением всякое движение против большевиков, хотя бы во главе его стоял сам дьявол, ибо от дьявола потом можно откреститься (не крестом, так пестом), ну, а Ленин с Троцким и Зиновьев от экзорцизмов не очень-то расточаются³. Вр[ангеля] я боюсь, как уже проигравшего однажды партию и сильно компрометированного игрока, против которого вдобавок поднимут агитацию все соц[иалистические?] группы, и царство разделится на царства. Н[иколай] Н[иколаевич] стар, не хочет, а, главное, и хуже всего, его успели обгадить, как свое знамя, крайние правые элементы⁴, с к[ото]рыми, что хотите, а нельзя иметь ничего общего: и противны очень, и мужик не позволит. А между тем, если бы Н[иколай] Н[иколаевич] мог взять демократическую линию и разогнать липнущую к нему сволочь, то именно для крестьянства (по крайней мере, среднерусского) он наиболее понятное и приемлемое имя. Что делается здесь, полагаю, Ф[ранческо] Л[еоине] сейчас знает уже лучше меня — может быть, даже до имен, которые мне неизвестны. Вот покуда все, что имею. Надеюсь на лучшее и более определенное, а сейчас хорошего мало.

Желаю Вам всего лучшего.

Ваш А-в.

¹ На протяжении всего 1923 между Национальной фашистской партией и Муссолини, ставшим во главе правительства, существовали серьезные разногласия. Кризис наблюдался и в самой партии: раздоры в верхах и открытая партийная борьба привели к уходу из партии значительного числа ветеранов фашистского движения. Одновременно возникли автономные группы, которые — опираясь на программу и дух «первого фашизма» и провозглашая себя подлинными сторонниками дуче — обрушивались на правительственные круги с обвинениями в коррупции и в уходе от изначальных целей партии. Эти разногласия и борьба затрагивали и внешнюю политику, особенно русский вопрос. После заключения мирного договора между Россией и Германией, в Раппало, Муссолини писал и говорил, что лучший способ нейтрализовать этот договор, т.е. предотвратить превращение России в германскую колонию, — это заключить аналогичный договор между Италией и Россией. К такому решению дуче подталкивало давление итальянских финансовых и промышленных кругов, заинтересованных в развитии коммерческих связей с советским государством. С другой стороны, националисты и фашисты были решительными противниками каких бы то ни было соглашений с большевиками. Сам Муссолини реагировал на эту ситуацию противоречиво: с одной стороны, он поддерживал проекты договоров, с другой — в своей газете «Il Popolo d'Italia» обрушивался на большевиков с огненными филиппиками. При этом итальянский МИД, учитывая общую сложность положения в Европе, спешно готовил в огромном количестве меморандумы на случай войны с разными странами, пытаясь предугадать самые непредвиденные политические повороты. См. подробнее: Petracchi G. *La Russia rivoluzionaria nella politica italiana // Le relazioni italo-sovietiche 1917-1925.* Bari, 1982; Cassels A. *Mussolini's early diplomacy.* Princeton, 1970.

² Чернов Виктор Михайлович (1873-1952) — один из основателей и теоретик партии эсеров, в 1899-1905, 1908-1917 и с 1920 — в эмиграции. О разоблачениях В.Л. Бурцевым летом 1913 в его газ. «Будущее» (Париж) слежки Леоне за домом Амфитеатрова в Феццано и попыток перлюстрировать его корреспонденцию см. в письме Амфитеатрова Горькому от 13 июля 1913 (М.Горький. Материалы и исследования. Т.1. Л., 1934. С.220). См. также: Литературное наследство. Т.95: Горький и русская журналистика нач. XX в. М., 1988. С.432-433; переписка Бурцева и Амфитеатрова лета 1913 (ГА РФ. Ф.5802. Оп.1. Д.74; Амfmss). Статья Бурцева была напечатана газ. «Avanti» и вызвала большой отклик в Лигурии.

³ Экзорцизмы — мистические действия по изгнанию нечистой силы. Для Амфитеатрова — большого знатока демонологии — одно из ключевых понятий.

⁴ Николай Николаевич (Младший) (1856-1929) — вел. кн., эмигрировал из Крыма в марте 1919. С 1922 жил на юге Франции, с мая 1923 — под Парижем. Вокруг него консолидировалась та часть монархической эмиграции, которая была ориентирована на Антанту. С декабря 1924 принял от П.Н. Врангеля руководство всеми русскими военными зарубежными организациями, оформившимися в Российский общевоинский союз.

Paris. 18.VI.[19]23

Многоуважаемый Александр Валентинович, я очень Вам благодарен за Ваше последнее письмо. Не смущайтесь: Л[еоне], вероятно, тот самый Л[еоне], о котором Вы упоминаете. Он следил и за мной в допотопные времена. Но с ним произошла курьезная вещь: он *тогда еще* переменял фронт, романтически, как это ни глупо сказать, увлекся и романтически же, верой и правдой, стал служить своим прежним врагам. А теперь уж и нечего говорить: он душой и телом антикоммунист. Он, конечно, не образец добродетели, но, во-первых, где сии образцы? А во-вторых, лично я готов работать с кем угодно, лишь бы человек был искренно предан делу. Посему, не осудите меня и дайте амнистию ему: он может быть только полезен и в нем есть искра Божия¹.

Шумиха с Ник[олаем] Ник[олаевичем] есть только способ проедания чужих денег: у монархистов в России нет ничего, и все это движение глубоко эмигрантское, пустозвонное. Некие генералы и некие камергеры получают (уже получили) деньги, распределяют их между собой и пошлют двух-трех офицеров погибать в Россию. Эти офицеры, по молодости и неопытности, немедленно сядут в тюрьму и, действительно, погибнут, а генералы и камергеры снова инкассируют деньги. Знаем мы эту пакость. Это гораздо хуже, чем Врангель. Великий же князь, разумеется, ни при чем: он, должно быть, искренно верит всем своим прихвостням.

Будьте здоровы. Всего Вам самого лучшего.

Искренно уважающий

Б.Савинков

¹ Леоне оставался ближайшим помощником Савинкова во Франции вплоть до отъезда Б.В. в СССР (см. письмо Леоне к Савинкову, написанное накануне того дня, когда последний навсегда покинул Францию, — 10 августа 1924: ГА РФ. Ф.5831. Оп.1. Д.104. Л.1). Адреса Леоне (наряду с адресом Б.А. Фирстенберга, указанным в письме 2 настоящей публикации) использовались Савинковым для конспиративной переписки, в том числе с его агентами в СССР (см. открытки С.Э. Павловского и Л.Д. Шешени — ГА РФ. Ф.5831. Оп.1. Д.394. Л.14-14об.; Д.223. Л.14). Приветвы «Фр» Савинков передавал и в письмах к сестре Вере из Внутренней тюрьмы ОГПУ, в том числе в последнем — от 28 апреля 1925 (РМФК. Ф.1. Д.40. Л.2; Д.45. Л.2).

Многоуважаемый Борис Викторович,
ну, что же делать? Раз Вы ручаетесь за Фр[анческо] Леоне, допустим, что он энтузиаст. (О Вас он, в самом деле, говорил с пламенным энтузиазмом). Неприятною стороною в его визите именно ко мне оказалось то обстоятельство, что итальянцы на нашей Ривьере хорошо помнят его не как энтузиаста, но как шпиона, а потому появление его в Леванто произвело некоторую сенсацию, тем более, что он имел наивность болтать с обывателями, так что детей моих на другой день левантинцы расспрашивали, какое письмо из Парижа привез мне синьор Фр[анческо] Л[еоне] и есть ли он, действительно, Фр[анческо] Л[еоне], «содержатель кафе» и пр.¹

А жену мою, как по уходе его оказалось, он совершенно озадачил, напомнив ей: «Ведь Вы прежде жили в Fezzano?», — то есть сразу выдав ей свое тождество с Леоне, из-за которого было столько шума десять лет тому назад. Сын мой в Риме (он сегодня приехал) тоже почему-то не почувствовал к Ф[ранческо] Л[еоне] доверия и, несмотря на Ваше письмо и мою приписку, отделался в разговоре с ним общими местами, а сегодня начал разговор со мной удивленным вопросом: «Зачем ты мне прислал шпика?!» Возможно, что он искренний, как покойный Г.А. Лопатин выражался, «покаянец»², но для Италии он, все-таки, фигура не подходящая.

Знакомы ли Вы с новой организацией Finlands Skyddsörbund, возникшей в январе сего года? Во главе Свинхвуд и Маннергейм³, следовательно, с последним и вся белая гвардия. Вчера Григорков (бывший) ред[актор] «Р[усской] нов[ой] жизни») написал мне о них много интересного⁴. Если Вы мало знакомы с этим движением, я Вам перешлю его письмо. Оно выразительно и для тамошней эмигрантской психологии. Когда я писал Вам: «Хоть с чертом, но против большевиков!» — я не знал или хорошо забыл, что это фраза Врангеля. Григорков ее мне пишет и, по-видимому, это — тамошний девиз. Они там с проф. Сильверсваном⁵ основали группу антибольшевистской пропаганды, по-видимому, соприкасающуюся с вышесказанной свинхвудовой. Сильверсван милый человек, я его хорошо знаю, но столь же быстро погасает, сколь воспламеняется, а язык у него даже не с одной дыркой, а с несколькими. Но о Григоркове думаю, что при его упорной и сосредоточенной ненависти к большевикам он, если финны поддержат его денежно, может быть достаточно вредоносен для большевиков,

и с ним очень стоит поддерживать сношения. По чувствам и сердцу — республиканец, по необходимости (т.е. по логике «хоть с чертом») — теперь монархист.

Здесь скверно. Мусс[олини] затворился в раковину «национального эгоизма» и не намерен выходить из нее. Вокруг него, за исключением Де Стефани⁶, дурачье и бездарности. Он готовит новый националистический эффект, еще больше по вкусу итальянцам, чем знаменитая *magia su Roma*⁷, и, если его затея удастся, то, конечно, из полубога обратится в Бога с большой буквы. Но так как эта затея не может обойтись без столкновения с Югославией⁸, то думаю, что здесь бабушка надвое говорила. Коммерческое проникновение в фашизм и аппетит к концессиям так велики, что антибольшевистские цели ползут все глубже на задний план и снимаются с репертуара. Признать большевиков не признают ни в коем случае, но торговать с ними будут и ради этого будут смотреть сквозь пальцы на все пакости московской миссии, кроме открытой пропаганды. Заговор против Мусс[олини], организованный покойным Воровским, оставлен без расследования. Покушение на Воровского было не только воспрещено, но пылкий фашист (крупная фигура в партии), его предпринявший, был отправлен из Рима в почетную ссылку, а теперь, при расколе партии, кажется, и вовсе оказался не у дел⁹. Все это очень слепая политика, но... подите-ка! Втолкуйте им! Голос иностранца, хотя бы и осыпаемого комплиментами, для итальянского политика — круглое зело.

Ф[ранческо] Л[еоне] говорил мне, что Вы рассчитываете на Д'Аннунцио. Здесь я умолкаю, потому что нет среди политических деятелей человека (за исключением Керенского), к которому я относился бы более отрицательно, чем к этому красноречивейшему болтуну и фокуснику. За ним нет никакой реальной силы.

Муссолини — единственная величина, с которой следовало бы иметь дело, если только он захочет слушать. С величайшим нетерпением жду его приезда на жительство в Леванто. Дом для его семьи уже готов здесь.

С нашей точки зрения, здешние противобольшевистские группировки и организации затруднительны для общения определенно и настойчиво развивающимся в них антисемитизмом. Это новое для Италии явление, до войны и революции 1919 года его не было¹⁰. Порождено зрелищем чудовищной спекуляции и избытком евреев в коммунистических и социалистических организациях. Официальный фашизм не антисемитичен (в правительстве у Муссолини несколько евреев, дама его сердца Маргарита Сарфатти¹¹ — еврейка), но ведь оф[ициальный] фашизм — уже полуфашизм

и, может быть, даже менее. А вообще-то девиз «Salva l'Italia, ammazza gli ebrei»¹² теперь так же обыкновенен здесь, как в Питере 1921 г. — «бей жидов, спасай Россию». Молодежь в этом случае особенно неистова.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров.

¹ Раздражение Амфитеатрова визитом Леоне в 1923 объясняется тем, что выходящая в Специи газ. «Comune», публикуя в июне 1913 сообщение о разоблачениях Бурцева, высказала сначала сомнения в политической честности самого Амфитеатрова («неясно, шпионил ли он сам или шпионили за ним»), и только через несколько дней поместила опровержение (вырезки из этой газ. вклеены в письмо Амфитеатрова Бурцеву от 27 июня 1913: ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 74. Л. 33-36). Визит разоблаченного шпиона в Леванто мог вновь возбудить слухи, крайне нежелательные для репутации писателя.

² В 1908-1913, живя в Италии у Амфитеатрова, Г.А. Лопатин активно сотрудничал с В.Л. Бурцевым в разоблачении заграничных агентов Департамента полиции, снабжал его материалами для газ. «Будущее». В 1916-1918 интенсивно общался с Амфитеатровым в Петрограде. В статьях 1920-1930-х Амфитеатров постоянно ссыался на свою близкую дружбу с Л., цитировал его письма и устные высказывания, представлял свой непримиримый антибольшевизм как «завещанный» ему Л. в беседах 1917-1918. (См., напр.: Письмо в редакцию// Вечернее время (Париж). 1924. 29 октября. С.3).

³ *Свинхувуд* Пер Эвинд (1861-1944) — финский государственный и политический деятель, в 1918 — глава государства, в 1930-1931 — премьер-министр, в 1931-1937 — президент. *Маннергейм* Карл Густав Эмиль (1867-1951) — финский государственный и военный деятель, в 1918-1919 — регент Финляндии, в 1944-1946 — ее президент.

⁴ *Григорков* Юрий Александрович — журналист, автор статей и воспоминаний об А.И. Куприне. «Новая русская жизнь» — «ежедневный орган русской освободительной, национально-государственной мысли» (Гельсингфорс, 5 декабря 1919 — 31 мая 1922, ред.-изд. Ю.А. Григорков) — сменила ежедневную «Русскую жизнь», выходящую там же в марте - октябре 1919. О *Finlands Skyddsförbund* он писал Амфитеатрову 12 июня 1923: «...фашистская организация. /.../ Эти слова означают: "Союз защиты Финляндии" (подразумевается защита от большевиков). Цель союза — вести в Финл[яндии] антибольшев[истскую] пропа[ганду] и поддерживать Тиндскари. /.../ Очень влиятельная организация, обладающая крупн[ыми] средствами. К сожал[ению], пока работает вяло». (Amfmss).

⁵ *Сильверсван* Борис Павлович (1883-1934) — филолог-скандинавист, ученик проф. Ф.А. Брауна. В 1919-1921 — член Коллегии экспертов петроградского изд-ва «Всемирная литература»; в феврале 1921 арестовывался ВЧК, выпущен под поручительство Горького. В сентябре 1921, с благо-

словения Горького, бежал с матерью и женой Е.П. Струковой (секретарем «Всемирной литературы») на лодке в Финляндию. Пародийное описание этого бегства см.: Замятин Е.И. Краткая история Всемирной Литературы от основания и до сего дня / Публ. В.Троицкого (Д.И. Зубарева)// Память: Исторический сборник. Вып.5. Париж, 1982. С.295-296. В начале 1920-х предложил создать международную антибольшевистскую лигу; до конца жизни оставался сторонником иностранной военной интервенции против СССР.

⁶ *Де Стефани* Альберто (1879-1969) — политик и экономист, депутат от фашистской партии с 1921, активный участник фашистских «бригад». В 1922-1925 — министр финансов в правительстве Муссолини.

⁷ *Marcia su Roma* — «Марш на Рим» — захват итальянской столицы в конце октября 1922 бригадой фашистов-чернорубашечников во главе с Муссолини, вынудившим короля Виктора-Эммануила поручить ему сформировать правительство.

⁸ Возможно, речь идет о попытках Италии распространить свое влияние на Албанию и противодействии этому со стороны Югославии.

⁹ Сведений об этом у нас нет, однако Муссолини, в отличие от англичан и французов, после убийства Воровского выразил советской делегации в Швейцарии глубокие соболезнования.

¹⁰ Действительно, итальянская история мало знает об антисемитизме. «Традиции тысячелетней цивилизации воспитали в правительствах и народе, — писал послевоенный итальянский историк, — стойкую и доброжелательную терпимость к евреям. Даже когда правовые нормы, введенные каким-либо государем или папой, регламентировали жизнь евреев, ограничивая их свободу, применение этих норм на практике всегда проводилось с максимальной мягкостью и не выходило как правило за пределы сферы налогообложения» (Momigliano E. *Storia tragica e grottesca del razzismo fascista*. Milano, 1946. P.25). Последний еврейский погром был в Сиене в 1799. Несмотря на некоторые признаки развивающегося антисемитизма, в первые 15 лет фашистского правления (до конца 1936) еврейский вопрос в Италии — по словам самого Муссолини — не существовал.

¹¹ *Сарфатти* Грассини Маргарита (1883-1961) — журналистка и писательница. Сначала вместе с мужем участвовала в деятельности Итальянской социалистической партии. Затем перешла к фашизму: литературный и художественный редактор муссолиниевской «Il Popolo d'Italia» с первого номера (1914). В 1915 — активная сторонница экспансии. Член фашистской партии с момента ее основания (1919). Руководила ведущим органом фашистов — журн. «Gerarchia». Организовывала многочисленные выставки в Италии и за границей, автор значительного числа эссе об искусстве. Ей принадлежит также биография дуче (1925), переведенная впоследствии на многие языки.

¹² Спасай Италию, бей евреев (итал.).

Paris. 26.VI.[19]23

Многоуважаемый Александр Валентинович,
за Л[еоне] я ручаюсь — он восторженный «покаянец» и на деле не раз доказал свое раскаяние. Он, повторяю, не образец добродетели; ведь вот же неизвестно зачем наврал Вам, что я рассчитываю (!) на Д'Аннунцио (!!). Но это вранье — мелочь, а в большом и важном он из кожи лезет, чтобы помочь. Таких мало: обыкновенно врать врут, а из кожи лезть не хотят.

То, что Вы пишете о новой финляндской организации, меня очень заинтересовало, и я буду Вам обязан, если Вы меня поставите в курс более подробно. Маннергейма я знаю лично и хорошо и питаю к нему доверие. Он человек серьезный и неглупый. Но кто такой Григорков?

О Ваших делах Вы пишете мало утешительного. Да утешительного я нигде и не вижу. Вся эта великокняжеская возня противна своей бессодержательностью и нескрываемой алчностью многочисленного холуяшника. Из России вести тяжелые: расстрелы, аресты, опять расстрелы. Если бы я, на мое горе, не был от природы так буен, я бы уехал на Сандвичевы острова, чтобы не видеть здешних соотечественников и не думать о тех, которые остались в России. Черт знает что, дважды переживать эмиграцию и дважды надеяться на революцию. Вы не хуже меня знаете, что это такое.

Будьте здоровы. Желаю Вам от души всего самого лучшего.
Искренно уважающий

Б.Савинков

Levanto. 1923.VI.30

Многоуважаемый Борис Викторович,
посылаю Вам письма с проспектами, полученные мною из Финляндии. Проспекты мне не нужны, а письма по прочтении будьте добры прислать обратно. От Сильверсвана и Воутилейнена¹ я также имел письма, но не посылаю Вам их, так как там больше дела семейные.

Из всех пишущих наиболее интересная фигура — полковник Александр Николаевич Фену², глава русского беженского комитета. Не знаю, имеете ли Вы понятие о нем. Как о человеке, я о нем сейчас ничего не скажу, потому что он только что оказал мне

громадную услугу, и я могу быть к нему пристрастен. Но, наблюдая его два месяца в Гельсингфорсе³, я видел его работу. Сверхчеловеческая энергия и, под вечной добродушной улыбкой веселого человека, души общества, огромное честолюбие не в худом смысле этого слова. Добился того, что финляндское прав[итель-ство] фактически признало его дипломатическим представителем старой* России и считается с им выданными паспортами и прочими документами⁴. Вообще, в четырех государствах, где я видел эмиграцию, только в Фену она имеет настоящего защитника своих интересов; остальные все ужасная кислятина, либо, хуже того, партийные держиморды.

Конечно, монархист, но... Получив его письмо (хитрое, как Вы заметите: выведывает, прежде чем самому высказаться), я начал смотреть на дело Григоркова и Сильверсвана серьезнее, чем раньше. Если Фену с ними (в чем не сомневаюсь), то, значит, тут есть шансы. Потому что он очень осторожен, умен, хитер и с огромными связями в финляндских сферах. Да, полагаю, и с американскими капиталистами, ибо какой-то капитал за его спиной чувствуется, а иному быть неоткуда.

Что касается Григоркова, он бывший редактор «Новой русской жизни», а ныне сотрудник «Русских вестей»⁵. Обе газеты издавались инженером Н.И. Нехорошевым⁶, в котором нехорошего только фамилия, а остальное, кажется, все хорошо: человек милый. О Григоркове могу повторить только то, что уже писал и что Вы увидите из его письма. Лично он человек очень мягкий и добрый, но, если бы большевики пали, я ему в распоряжение даже Ленина и Троцкого не дал бы, а разве лишь Зиновьева, Дзержинского и Петерса с Уншлихтом⁷. Потому что не просто расстреляет, а как-нибудь этак на ирокезский манер, чтобы чувствовали.

Ваш Ф[ранческо] Л[еоне] сбил меня с толку, сказав, что Вы поехали в Варшаву, и я написал в письме к Португалову несколько строк, из которых он ровно ничего не поймет, для передачи Вам, теперь уже не нужной. Кстати: книги, которую, по словам Ф[ранческо] Л[еоне], с ним послал для меня Деренталь⁸, я от него так и не получил до сих пор, а, конечно, очень желал бы ее иметь, так как Деренталья писания очень люблю. Я ему тоже послал бы книжку⁹, да не знаю адреса. До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал.Амфитеатров

* Т.е. правильнее сказать, эмигрантской, пот[ому] что комитет работает беспартийно. (Прим. автора).

¹ *Воутилейнен* (Войтилейнен, Воутилайнен) Валериан Иванович — в 1922-1923 — ред.-изд. «Русских вестей», в 1923-1926 — «Новых русских вестей». Писем от него к Амфитеатрову в архивах последнего мы не обнаружили. Письмо от Б.П. Сильверсвана от 10 июня 1923 рассуждает об обстоятельствах бегства его из России осенью 1921 и первых годах жизни в Финляндии, упоминается в нем и созданный автором совместно с Ю.А. Григорковым проект международной антибольшевистской Лиги. «Кое-что в Финляндии мы сделали, — пишет далее Сильверсван, — в общем же это идет так же трудно, как и все пр[очее]. То, что Вы пишете Григоркову о фашистах, очень заинтересовало и его, и меня; здешние русские — народ инертный, нет приличной русской газеты — ужасная поверхностность и малограмотность. /.../ Не знаю как Вы, но я продолжаю глубоко верить в интервенцию и желать ее и охотно пойду простым солдатом (а жена — сестрой), если что-нибудь начнется. В разложение и гибель по-прежнему мне дорогой Европы я не верю». В 1931 он уже не был столь оптимистичен: «Катастрофа — все ближе; Европа — в параличе — в оцепенении — как кролик перед удавом». Но и тогда, и годом позже твердо продолжал считать, что «без интервенции, конечно, ничего никогда не будет. А за интервенцию надо заплатить». По-видимому, продолжением усилий Воутилейнена, Григоркова и Сильверсвана можно считать журн. «Клич», «орган национального освобождения под флагом национальной диктатуры (русских фашистов)», вышедший в Виппури (Выборге) в 1934-1935 (ред.-изд. М.Ф. Романов).

² *Фену* Александр Николаевич (1873-?) — офицер. Сын преподавателя французского языка и владельца торгового дома учебных пособий «Фену и К°» Николая Осиповича (1832-1903). Окончил кадетский корпус и военное училище. В 1900-1910-х — воспитатель в Пажеском корпусе, с 1914 — полковник. В 1917 — помощник уполномоченного Российского о-ва Красного Креста по Петрограду. В 1920-е — председатель Особого комитета по делам русских в Финляндии.

³ Фену принял активное участие как в устройстве в эмиграции самого Амфитеатрова, так и в судьбе его малолетней дочери Сабины, бежавшей из России в конце мая 1923.

⁴ Возможно, что формальное положение Фену в Финляндии в 1923 уже не было столь прочным, как это виделось Амфитеатрову из Италии, но связи в консульских кругах Европы он, по-видимому, еще сохранял.

⁵ «*Русские вести*» — малоформатная газета русской эмиграции, выходила в Гельсингфорсе с лета 1922 по ноябрь 1923 (№1-401, ред.-изд. В.Воутилейнен) вместо «Новой русской жизни». Ю.Григорков отзывался о ней в частных письмах к Амфитеатрову весьма скромно: «''Р[усские] В[ести]'' давали материал для чтения немногим более интересный, чем оберточная бумага, — писал он 20 ноября 1923, — но все же они твердо держались на непримиримой позиции по отнош[ению] к проклятым большевикам. Я поэтому их и поддерживал». О закрытии этой газеты с цитатами публичных похвал Григоркова в ее адрес см.: Ры-вский Н. Маленькая газета// Новое время (Белград). 1923. 28 ноября.

⁶ *Нехорошев* Николай Иванович — инженер, к 1917 служил в Отделе Кавказско-Закаспийских и Финляндских прямых сообщений при Общественном тарифном съезде.

⁷ *Петерс* Яков Христофорович (1886-1938) — в ВЧК-ОГПУ с момента создания, в 1919 руководил красным террором в Петрограде. *Унилихт* Иосиф Станиславович (1879-1938) — в апреле 1921 — сентябре 1923 — зам. пред. ВЧК-ОГПУ. Амфитеатр неоднократно называл их в печати «профессиональными убийцами» (см., напр.: Два коня// ЗС. 1924. 21 июля. С.3).

⁸ *Дикгоф-Деренталь* (наст. фам. Дикгоф, псевд. А.Деренталь) Александр Аркадьевич (1885-1939) — литератор и политический деятель. Род. в Томске в семье потомственного почетного гражданина, учился в Военно-медицинской академии в СПб., в конце 1905 вошел в организованную П.М. Рутенбергом петербургскую боевую дружину ПСР (не путать с Боевой организацией!), 28 марта 1906 принял участие в казни Гапона. Перешел на нелегальное положение, жил некоторое время по документам Вячеслава Владимировича Деренталья-Завадского, затем эмигрировал. Во Франции и Испании был соб. корр. «Русских ведомостей», сотрудничал в журн. «Заветы» и «Вестник Европы». Женился в Париже на Любви Ефимовне Броуд, дочери одесского частного поверенного, проигравшего в Монте-Карло казенные деньги, не вернувшегося в Россию и ставшего парижским корр. «Русского слова». (Вскоре, оставаясь женой Д.-Д., она стала возлюбленной Савинкова). В годы Первой мировой войны Д.-Д. — на патриотических позициях: вступил добровольцем во французскую армию, стал унтер-офицером. В 1917 вернулся в Россию, в сентябре-ноябре — чиновник для особых поручений при пом. по политической части начальника штаба Ставки ВГК — В.В. Вырубове. С марта 1918 — ближайший помощник Савинкова: в марте-июне — нач. Отдела сношений с союзниками СЗРиС, чл. штаба СЗРиС, в июле — вместе с женой — участник неудачного восстания в Рыбинске, осенью — в боях под Казанью. В конце октября 1918 командирован Всероссийской Директорией вместе с Савинковым через Владивосток в Париж, где в 1919 сотрудничал в колчаковском Бюро печати «Унион». В 1920-1921 — чл. РПЭК, зампред его Политического отдела. 28 октября 1921 выслан из Польши (см. предисловие к настоящей публикации). В 1922 — августе 1924 бедствовал в Париже, работал на заводе (лишился там пальца в результате производственной травмы — см. упоминания об этом в письмах 18 и 19 ниже), одновременно занимался литературным трудом. 23 апреля 1924 вошел вместе с Савинковым в редколлегию ЗС. В ночь на 16 августа 1924 перешел вместе с Савинковым и Любовью Ефимовной польско-советскую границу, утром того же дня был арестован в Минске. На процессе Савинкова (27-28 августа 1924, Москва) присутствовал как зритель, его имя ни в обвинительном заключении, ни в показаниях подсудимого почти не упоминалось. Повидимому, до апреля 1925 содержался без оформления ареста во Внутренней тюрьме ОГПУ. М.Арцыбашев (Записки писателя. XLVIII. Воспоминания// ЗС. 1925. 15 марта. С.2-4) высказал предположение о провокации Д.-Д. и особенно его жены (эту версию поддерживал в своих воспомина-

ниях и польский друг Савинкова К.М. Вендзягольский — см. его: Савинков// Новый журнал. 1963. №71. С.142). После возмущенных писем Д.-Д. за границу (особую его ярость вызвал не автор статьи, а старый соратник Д.В. Философов, ее опубликовавший: «Если судьба сведет меня когда-нибудь с Д.В. — я его заранее предупреждаю — буду бить его совершенно некультурно, неинтеллигентно и неприлично». — ГА РФ. Ф.6756. Д.18. Л.95 — письмо к В.В. Мягковой, апрель 1925) он был вместе с женой освобожден. Через некоторое время устроился на работу в ВОКС, сопровождал иностранцев в поездках по СССР, писал пьесы для клубной сцены. 20 мая 1937 приговорен Особым совещанием при НКВД к 5 годам лишения свободы, отбывал наказание на Колыме. 2 марта 1939 приговорен ВК ВС СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. 23 письма его к Савинкову (1923-1924) хранятся в ГА РФ. Ф.5831. Оп.1. Д.63.

⁹ Вскоре Амфитеатров послал Деренталю свою кн.: Василий Буславев: Драма в 4-х действиях. Таллин, 1922. В письме от 2 августа 1923 Деренталь благодарил писателя за это (Amfmss. Папка «Дикгоф»).

14. Савинков — Амфитеатрову

9.VII.[19]23

32, rue de Lubeck. Paris XVI

Многоуважаемый Александр Валентинович,

спасибо Вам большое за финляндские сведения. Они меня очень заинтересовали. О Фену я слышал очень хорошо. Хотелось бы знать, принимает ли в этом деле участие проф. Зедделер?¹ Ему я верю.

Формула «хоть с чертом, но против большевиков», по-моему, одни словеса. Я работал с монархистами, т.е. с чертом, два с половиной года. За редчайшими исключениями (напр., А.П. Перхуров, расстрелянный в Москве)², монархисты *сознательно мешали мне работать*. Так поступал Сазонов³, так поступал Деникин, так поступал Врангель и все их бесчисленные «представители», «агенты» и проч. Об этой, *самой тяжелой поре моей жизни*, я бы мог написать тома. Я не хочу сказать, что я против работы с отдельными монархистами (я и сейчас работаю с таковыми и не ставлю креста ни на Фену, ни на Григоркове), но я никогда и ни при каких обстоятельствах не пойду больше с монархической партией, как бы она ни скрывала свое лицо. Не пойду не из принципа и не по злопамятству, а потому что не верю, что это может дать какой-либо результат. Не знаю, чего хочет Россия — республики или монархии, но знаю, что огромное большинство монархистов — люди конченные, без воли, без разума, способные только на отрицательную работу мелкого калибра: подсидживать, ловчиться, подуськивать, клеветать и т.д. Вы скажете, что таковы же и загра-

ничные демократы. В этом будет большая доля правды. Вот почему я ищу людей вне партий и, в особенности, в России... В Григоркове и Фену уже то хорошо, что они *делают*, а не только лясы точат. Дай им Бог успеха, хотя, откровенно говоря, что-то не та у них «козья ножка», какая, мне кажется, нужна. Уж, куда там, напр., интервенция...

Будьте здоровы. Желаю Вам всего наилучшего. Искренно Вас уважающий

Б.Савинков

P.S. Адреса моего никому не давайте, прошу Вас, но пишите прямо мне. Деренталю передам Ваше доброе слово. Его адрес: 53, Bd. Montmorency, Paris XVI. Письма прилагаю.

¹ *Проф. Зедделер* — возможно, речь идет о сыне флигель-адъютанта, генерала-от-инфантерии, командира бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии и проф. Академии Генштаба в 1870-е, барона Логгина Логгиновича Зедделера (1831-1899) — Александре Логгиновиче, также бароне и гв. полковнике, в 1917 бывшем в распоряжении министра путей сообщения.

² *Перхуров Александр Петрович* (1876-1922) — в 1917 — полковник Генерального штаба, артиллерист. В марте-июле 1918 — чл. созданного Савинковым СЗРиС, начальник его штаба. 6 июля 1918 во главе отряда из 106 чел. захватил Ярославль, провозгласил себя командующим вооруженными силами Ярославского района Северной Добровольческой армии. После неудачи восстания бежал в Казань, с сентября 1918 — офицер Народной армии (командир Казанской стрелковой бригады), затем — в армии Колчака. С боями отступал от Волги до Лены. 11 марта 1920 сдался с отрядом у с.Подымахинского красным партизанам (всем была обещана амнистия). Арестован, доставлен в Екатеринбург, там освобожден, служил в штабе Приуральского ВО. Снова арестован через два месяца, доставлен в Москву, допрошен (написал показания-воспоминания о событиях 1918), судим в Ярославле и расстрелян в ночь с 21 на 22 июля 1922.

³ *Сазонов Сергей Дмитриевич* (1861-1927) — министр иностранных дел в 1910-1916, в 1918-1920 глава внешнеполитического ведомства в Особом Сопещании при Деникине, представлял правительство Колчака в Париже, участвовал в Политическом совещании, обсуждавшем итоги Первой мировой войны. Конфликт с Савинковым относится к тому времени.

15. Савинков — Амфитеатрову

3.IX.[19]23

32, rue de Lubeck. Paris XVI

Многоуважаемый Александр Валентинович,
обращаюсь к Вам по весьма важному для меня делу и хочу надеяться, что Вы не откажете мне в Вашей помощи.

Мне необходимо увидеть М[уссолини] (однажды я с ним уже виделся — *между нами*)¹. По разным причинам мне бы хотелось сделать это не в Риме, а в Леванто, где, как мне известно, он иногда бывает, приезжая к своей семье. Не могли бы Вы, узнав о его прибытии (совершившемся или предполагаемом), известить меня *телеграммой по моему адресу*: «Venez»². Я бы немедленно приехал в Леванто.

Этой услугой Вы меня очень обяжете. Речь идет о свидании, которое может заинтересовать и Вас во многих отношениях. Во всяком случае прошу вас не оставить это письмо без ответа и сообщить, могу ли я рассчитывать на Ваше содействие. Между делом я настрочил повесть «Конь вороной», продолжение «Коня бледного» (через 15 лет!). Однако напечатать, кажется, нигде не могу. «Современные записки», разумеется, откажут, ибо я не эсер, вернее, ибо я «бывший эсер»³. Цетлин отказал, не читая (куда мне с неумытым рылом в калашный ряд)⁴. Не посоветуете ли чего-нибудь? Был бы Вам очень благодарен. Повесть так себе, ерунда, но ведь не на заборах же писать, черт возьми.

С искренним уважением, душевно Ваш

Б.Савинков.

¹ Первое свидание Савинкова с Муссолини состоялось в Лугано в марте 1922, т.е. еще до прихода фашистов к власти в Италии. Детально осведомленный о содержании этой встречи анонимный советский журналист писал, что Савинков надеялся получить деньги от фашистов «после своего неуспеха в Париже, где ему категорически заявлено, что до конференции в Генуе не может быть и речи об операциях крупного масштаба» (см.: Единый бандитско-черносотенный фронт: К Генуэзской конференции // Известия. 1922, 21 марта. С.1). Возможно, что кроме этой встречи имела место еще одна, которую и имеет в виду Савинков в комментируемом письме. Она состоялась, по-видимому, не позднее 23 июля 1923. Во время нее Муссолини обещал, что в ближайшее время итальянское правительство ассигнует Савинкову для активной антибольшевистской работы значительную сумму, точный размер которой был собеседниками установлен. Об окончательном утверждении этого решения Муссолини должен был сообщить условной телеграммой. Содержание этих переговоров Савинков сообщил лишь узкому кругу ближайших соратников по конспирации, в т.ч. С.Рейлли (см. письма последнего к Савинкову, готовящиеся ныне к печати Д.И. Зубаревым, — ГА РФ. Ф.5831. Оп.1. Д.170). Напряженное ожидание денег от Муссолини оказалось тщетным. Последние надежды растаяли после выступления дуче 30 ноября 1923.

² Приезжайте (фр.).

³ «Современные записки» — «толстый» литературно-художественный и общественно-политический журнал, выходил в Париже в 1920-1940.

Об отношениях Савинкова с возглавлявшими это издание эсерами см. предисловие и прим.4 к письму №7. Единственным близким ему человеком в редакции «С.З.» был Илья Исидорович Бунаков-Фондаминский (1879-1942), но достаточного веса он, видимо, не имел.

⁴ *Цетлин* Михаил Осипович (псевд. Амари, 1882-1945) — поэт, издатель и меценат. См. о нем прим.1 к письму №17.

16. Амфитеатров — Савинкову

Levanto. IX.9.1923

Многоуважаемый Борис Викторович, простите, что не сразу ответил. Ваше письмо застало меня простертым на одре. Проклятая майская болезнь все угощает рецидивами. Только сегодня встал и пишу в полулежачем положении, оттого и безобразно.

М[уссолини] за все лето был в Леванто три дня, недели две тому назад. Приехал отдохнуть на неделю, но любопытство и нахрап публики захоластного курорта — столь ему осточертели, что он, совершенно расшвирипелый, умчался на автомобиле в Милан уже на третий день по прибытии. Не думаю, чтобы он возвратился, тем более, что жена его и дети сейчас тоже путешествуют по Романье. Но она-то, кажется, еще вернется, хотя жена моя говорит, что нет. Если М[уссолини] явится в наши места, конечно, телеграфирую Вам немедленно. С удовольствием телеграфировал бы Вам и без его приезда, чтобы Вас повидать.

Относительно «Коня вороного» могу Вам сказать только, что сам недавно спрашивал у Деренталя, где бы в Париже выпустить «Двух Надежд» отдельным изданием¹, а он пишет, что надо ждать Мельгунова². А почему Вам по старой памяти не напечатать «Коня вороного» в «Русской мысли»?³ Я не вижу журнала (кроме первой книжки, которую застал еще в Праге), но, насколько сужу по объявлениям, в беллетристической своей части он аполитичен, а, следовательно, зазору там напечататься Вам не было бы. А они, конечно, были бы рады воскресению Ропшина. Затем еще: сын мой Владимир Александрович Амфитеатров-Кадашев сейчас редактирует издания берлинских «Граней»⁴. Спешитесь с ним. Он-то, конечно, был бы очень рад получить Вашу повесть, но, откровенно говоря, я не знаю, стоит ли иметь дело с этим издательством. Мне оно, кроме убытков, ничего не принесло. Сын с ним, кажется, мучится презрительно. Во всяком случае, он Вам с откровенностью напишет, как и что.

Я этим летом с чего-то неистово расписался. Должно быть, помирать время подходит, так перед смертью надо выболтать как

можно больше из всякого *inachevé*⁵, как выражался Козьма Прутков. Но, увь, чем больше пишешь, тем более убеждаешься в краткости жизни и в бесполезности отдельных замыслов...

Читали Вы, что Горький написал о похоронах Чехова?⁶ Как глубже и глубже вязнет в тину этот человек. Через двадцать лет не утерпел, и под видом лицемерного негодования выпустил-таки на волю свою всегдашнюю тайную ненависть.

Меня Ваш «Конь вор[оной]» очень интересует. На «Коня бл[едного]» я когда-то очень сердито нарычал, потому что больно не вовремя тогда пришел он стукнуть по террористическому революционному энтузиазму, и без того зашатавшемуся⁷... А теперь, в исторической перспективе... Пожалуй, что много-много и правильно там было сказано, с продумкою и прочувствием. Перечитал бы, да негде взять.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А.А-в.

[Приписка на полях:]

А Цетлин, о коем Вы пишете, что он отказался от вашей повести, не читая, это что же еще за двуногая скотина объявилась? Надеюсь, не «Просвещенские» Цейтлины⁸ до того обнаглели?

Адрес сына на всякий случай: Herr W. Amfiteatrow, Stierstrasse 18 bei Max Kraker, Friedenau, Berlin.

¹ Повесть Амфитеатрова «*Две Надежды*» печаталась в ЗС 8-22 июля 1923. Ее отдельное издание вышло только в 1936 в Шанхае.

² *Мельгунов* Сергей Петрович (1880-1957) — историк и литератор, в октябре 1922 выслан из России, в эмиграции — в частности, редактор журн. «На чужой стороне» (Прага/Берлин, 1923-1925). Надежды Савинкова на публикацию в этом издании (см. письмо №17) были связаны с тем, что там печатались воспоминания Дикгофа-Дерентала. Эта возможность обсуждалась в переписке Савинкова вплоть до августа 1923.

³ «*Конь Бледный*» был впервые опубликован в «Русской мысли» (1909, №1 — единственном, литературный отдел которого был составлен З.Гиппиус). Ей же принадлежит как само название повести, так и псевдоним автора — В.Ропшин; она же привезла рукопись в Россию летом 1908. См. ее письма к Савинкову — ГА РФ. Ф.5831. Оп.1. Д.126.

⁴ *Амфитеатров-Кадашев* Владимир Александрович (псевд. В.Кадашев, 1892-1942) — сын Амфитеатрова от первого брака, литератор. До революции — сотрудник газ. «Русское слово». В 1917 печатался в редактируемых отцом изданиях: газ. «Русская воля» и журн. «Бич», в годы Гражданской войны — сотрудник газ. Юга России («Донские ведомости», «Южный курьер», «Ялтинский курьер»). В эмиграции жил в Германии, выпустил два сб. рассказов, печатался в газ. «Руль» и «Возрождение»,

журн. «Веретеньш», «Иллюстрированная Россия», «Числа», «Русское эхо». Редактором альманаха (не журнала) «Грани» был официально не А.-К., а Саша Черный. В 1930-1940-е А.-К. сотрудничал в газ. русских нацистов «Новое слово», приветствовал на ее страницах войну Германии против СССР. Умер 23 февраля 1942 в Леванто. Некролог: Новое слово (Берлин). 1942. 25 марта. С.7.

⁵ Незавершенного, незаконченного (фр.).

⁶ Речь идет, по-видимому, о воспоминаниях Горького про похороны Чехова в 1904, отмеченные — по словам автора — «жесточкой пошлостью». Написанные еще в 1914, эти воспоминания были впервые напечатаны Горьким в составе заметок «Из дневника» — Беседа (Берлин). 1923. №2. Июль-август. То обстоятельство, что Амфитеатров читает это издание, предназначавшееся ко ввозу в Советскую Россию, свидетельствует о том, что многолетняя личная привязанность к Горькому еще не была окончательно преодолена.

⁷ Отрицательная рецензия Амфитеатрова на «Коня Бледного» была опублик. в его сб. «Заметки сердца» (М., 1909). Позже автор объяснял ее так: «Скептическое настроение "Коня Бледного" пришлось очень не ко времени в тяжелые дни, когда репутация революционного террора внезапно зашаталась /.../ Повесть, вышедшая из-под пера знаменитого террориста и, однако, почти отрицавшая смысл и моральную допустимость террора, показалась опасной бестактностью всем, кто в терроре видел необходимое по времени средство борьбы с /.../ царским правительством» (Два коня// ЗС. 1924, 21 июля. С.2).

⁸ Имеется в виду юрист и владелец петербургского изд-ва «Просвещение» (1896-1922) Натан Сергеевич *Цейтлин* (Цетлин, 1872-?), который в эмиграции возобновил деятельность своего изд-ва в Берлине, а затем основал там же медицинское изд-во «Врач».

17. Савинков — Амфитеатрову

14.X.[19]23. Paris XVI

Многоуважаемый Александр Валентинович,

спасибо за письмо и за готовность исполнить мою просьбу. К сожалению, она, по-видимому, мало исполнима.

Цетлин, Михаил Осипович, поэт Амари, издатель «Окна», чайная фирма Высоцкий и Гоц, «меценат», бывший эсер. Кроме Цетлина я обращался к Поволоцкому¹. Сей предложил 320 fr. с листа (за 3000 экз[емпляров]) и его участие в прибылях, если книга будет переведена на иностранные языки. Благодетель! Спасибо за «Грани». Но ведь «Грани» в немецкой валюте, т.е. миф. Что же касается «Русской мысли», то появление моей повести в ней вызовет рев всех Вишняков и Авксентьевых: «монархист», «врангеле-

вещ» и т.д.² Да и Струве не напечатает меня, а если и напечатает, то изуродовав так, как он изуродовал (не цензура, а он) «Коня бледного»³. Нет, видно остаются «заборы»... Храню еще надежду на Мельгунова. Как только напечатая, пошлю Вам (вместе с «Конем бледным», буде последнего разыщу — у меня, конечно, нет). Ваш отзыв мне очень ценен.

Засим, в России люди по-прежнему копошатся. Их расстреливают, а они копошатся. Нелегально и *на свой счет* ездят из Москвы в Париж и возвращаются обратно⁴. А мне совестно: ведь в такого рода делах нет выслуги лет.

Будьте здоровы. Всегда с радостью читаю Вас. Вы один из тех немногих, которые *обогащают* читателя. Обыкновенно ведь обратное: прочтешь и чувствуешь себя глупее, чем до чтения. Вот, напр[имер], я глупею от мережковского Вавилона⁵.

Искренно уважающий

Б.Савинков

Пишите *прямо мне*: 32, rue de Lubeck, Paris XVI.

¹ М.О. Цетлин был редактором-издателем трехмесячника литературы «Окно» (Париж, 1923, №1-3), выходявшего в изд-ве «Я.Е. Поволоцкий и К°». Жена Ц.: Мария Самойловна (урожд. Тумаркина, 1882-1976). Ц. — один из крупных меценатов русской эмиграции, где бы ни находились — держали литературно-политический салон. Об этой семье см. подробнее: Минувшее. Исторический альманах. Т.8. Париж, 1989. С.282-329. *Чайная фирма «Высоцкий и Гоц»* — в 1900-1910-е — крупное московское предприятие по торговле бакалейными товарами. Из породнившихся между собой в конце XIX — начале XX вв. семей московских богачей Высоцких, Гавронских, Гоцев, Тумаркиных, Фондаминских и Цетлиных вышло значительное число видных деятелей эсеровской партии. Савинков в 1906-1908 брал у Ц. деньги на деятельность Боевой организации ПСР, в Париже в 1915-1916 был дружен с ними же, в ноябре 1917 нелегально жил в Москве у Тумаркиных. «Я.Е. Поволоцкий и К°» — русское издательство и книжный магазин в Париже в 1920-1930-х.

² Вишняк Марк Вениаминович (1883-1976) — юрист, литератор и политический деятель, один из лидеров ПСР, в эмиграции входил в редколлегию «Современных записок».

³ Струве Петр Бернгардович (1870-1944) — экономист, философ, историк и публицист, эволюционировал от марксизма к монархизму, в 1907-1918 — во главе журн. «Русская мысль», где был опубл. «Конь Бледный». В эмиграции возобновил издание «Русской мысли» (София, 1921; Прага, 1922; Берлин, 1922-1923; Париж, 1927).

⁴ Нелегально, но не *на свой счет* ездил из Москвы в Париж, начиная с лета 1923, сотрудник КРО ОГПУ Андрей Павлович Мухин (Федоров, 1888-1938), выдавая себя при этом за представителя подпольной анти-

большевистской организации «Либеральные демократы», желавшей вступить в контакт с савинковским НСЗРС, и осуществляя операцию по завлечению Савинкова в СССР (операция шла под кодовым названием «Синдикат-2», разработана была в ОГПУ еще в 1922). «Контакт» с посланцем Савинкова, членом НСЗРС Леонидом Дмитриевичем Шешени уже был установлен к тому времени на Лубянке: продикуванные чекистами «конспиративные» письма Шешени оттуда Савинкову и Д.В. Философова (1923-1924) — ГА РФ. Ф.5831. Оп.1. Д.223. Сам Савинков в письмах из Внутренней тюрьмы ОГПУ за границу (1924-1925) называет июль 1923 (время первого приезда к нему Федорова) — «переломным моментом, толкнувшим» его к «возобновлению антибольшевистской работы». Публикуемые нами письма о том не свидетельствуют, хотя с появлением Федорова нечто вроде «второго дыхания» к Савинкову, по-видимому, пришло. Если 26 июня 1923 он пишет пражскому представителю НСЗРС А.Г. Мягкову: «ЦК [имеется в виду ЦК НСЗРС. — Публ.] ныне есть фикция /.../ и нуждается в полной реорганизации, как и самый Союз», — то уже через месяц (23 июля): «Дела наши в России принимают неожиданный и весьма благоприятный оборот. Вообще многое складывается лучше, чем я надеялся, и я сегодня гораздо бодрее смотрю на вещи, чем полгода назад» (ГА РФ. Ф.6756. Д.20. Л.43, 44). Доверие Савинкова к Федорову стимулировалось, по-видимому, и той массой «секретных документов» о деятельности Красной Армии и Коминтерна, которую тот привозил.

⁵ Имеется в виду сочинение Д.С. Мережковского «Тайна трех: Египет и Вавилон», печатавшееся в «Окне» (1923. №1-2) и «Современных записках» (1923. №15-17). Отдельным изданием вышло в Праге в 1925.

18. Деренталь и Савинков — Амфитеатрову

17.X.[19]23

Глубокоуважаемый Александр Валентинович,
рукой Б[ориса] В[икторовича] Вам пишет А.А. Деренталь, ибо по инвалидности своей писать сам не может.

Я был у Поволоцкого. В принципе Ваше предложение его заинтересовало. Но он сейчас уезжает в Берлин и в Вену по издательским делам. Вернется он около 8/XI, и тогда я с ним увижусь для переговоров. По всей вероятности Мельгунов тоже к этому времени будет в Париже. Во всяком случае его ждут. Я охотно бы прислал «Сингапурскую красавицу» для Барселоны¹, но к сожалению, у меня нет ни одного экземпляра. Книжка была издана О.Дьяковой в Берлине в 1923 г. Чувствую себя пока очень скверно из-за пальца. Надеюсь, что привыкну. Прошу принять мои самые искренние пожелания всего хорошего.

За А.А. Деренталья

Б.Савинков

Р.С. Я тоже шлю Вам самый сердечный поклон и глубокую благодарность за то, что поддерживаете «Свободу»².

Б.Савинков.

¹ Речь идет об авантюрной повести Деренталья.

² «Свобода» — русская варшавская газета, орган РПЭК, начала выходить 17 июля 1920, название предложено Ф.И. Родичевым, с 4 ноября 1921 — «За Свободу!». первый официальный редактор-издатель — В.А. Злобин, затем — В.Н. Рымер, И.И. Мацеевский, А.Н. Домбровский, Е.С. Шевченко. Постоянные сотрудники в 1920-1921 — Савинков, Гиппиус, Мережковский, Философов, Дикгоф-Деренталь, А.Л. Бем, проф. В.В. Зеньковский, Леон Козловский (будущий премьер-министр Польши). В 1920-е в газете активно печатались Арцыбашев, Бурцев, И.Северянин. Фактически редакторами были А.И. Гзовский (июль — декабрь 1920), В.В. Португалов (декабрь 1920 — декабрь 1923), в 1924-1925 газетой руководила редколлегия под председательством М.П. Арцыбашева. Политическим кредо ЗС с момента основания оставался непреклонный антибольшевизм, установка на «активные методы борьбы», включая террор, а также неприязнь к монархической эмиграции. С августа 1923 по август 1924 газета оказалась втянутой в провокационную игру ОГПУ: печатала дезинформационные материалы об «успехах» антибольшевистских повстанцев (см., напр.: Ограбление поезда// 1924. 11 июня. С.2), частично финансировалась из Москвы. В апреле-мае 1924 на переговорах А.П. Федорова с Савинковым и Философовым в Париже и Варшаве (см. прим.4 к письму №17) обсуждался проект создания в Москве «подпольной редакции» ЗС (об этом в письмах Философова к Савинкову от 7 и 20 мая, 6 июня, 12 и 22 июля 1924 — ГА РФ. Ф.5831. Оп.1. Д.204). В 1926-1931 ЗС тесно сотрудничала с парижским органом «непримиримой» эмиграции — журн. «Борьба за Россию» под ред. В.Л. Бурцева, С.П. Мельгунова, А.В. Карташева и М.М. Федорова. ЗС прекратила выход 5 апреля 1932 в результате соглашения с варшавскими монархистами (группой С.Л. Войцеховского) и была преобразована в газ. «Молва» (1932-1934). Об истории ЗС после 1926 см. также: Вельмин А. Конец газеты г.Философова (письмо из Варшавы)// Последние новости. 1932. 21 апреля. Сотрудничество Амфитеатрова в ЗС началось весной 1922. В 1923 оно приняло систематический характер. Он печатал там художественные произведения, исторические исследования, публицистику и воспоминания. Были месяцы, когда его материалы появлялись в газете через день. Денег за это он почти не получал.

19. Амфитеатров — Савинкову

Levanto. 1923.X.31

Многоуважаемый Борис Викторович,
простите, что давно не писал ни Вам, ни А.А. Деренталю, письмо которого, Вами писанное, получил своевременно. Как его

рука? Причина моего безмолвия повторная лежка из-за ноги, которая все дурит и строит мне рожи. Выходит как-то, что теперь я бываю здоров в антрактах действия, которое занято все болезнью... Глупо до чрезвычайности, потому что телом прочим и духом я совершенно здоров, и голова работает свежо и устойчиво, но должен лежать пластом и бездействовать в предохранение от рецидивов. Видел в «За Свободу», что вскоре в Париже выходит «Конь вороной», и очень тем интересуюсь. Мы переживаем в Италии годовщину победы фашизма. Что-то стихийное. Мои ребята в черных рубахах умчались в Рим, благо даром возят. Миланская речь Муссолини — совершенство в своем роде. С нетерпением ждем римских деклараций¹. У меня большая неприятность: при переезде в наше новое жилище на villa Lagoge исчезли, т.е. разрознились комплекты «Руля», «Н[овой] русской жизни» и «За Свободу», и, таким образом, я лишен возможности послать Гучкову обещанный печатный материал (подбор моих статей о советских тюрьмах, школе и печати) для защиты Конради². Кстати, об этом деле: читали Вы ответ Кусковой на вызывающий донос «Накануне»?³ На меня он произвел очень жалкое впечатление «вертячего боба». Вообще... черт их с Прокоповичем и еще некоторыми разберет, за что большевики их выслали из своей Совдепии!⁴ Разве только по глупости и черной неблагодарности...

В здоровые дни вожусь над обработкой «Соломонии Бесноватой»⁵ (претолстая книжища), а в больные вычитываю рукопись романа «Рубеж», еще толстейшую⁶. Но когда все это печататься будет, Господь единый ведает. Относительно «Соломонии Бесноватой», сам я немножко одержим духом гордыни и собираюсь представить ее в качестве диссертации историческому факультету Пражского Университета...

До свидания. Желая Вам всего хорошего. Когда увидите Деренталя, мой ему привет. Очень он талантливый человек. Жаль, что обстоятельства отстраняют его от литературы.

Ваш Ал.Амфитеатров.

¹ 23 октября 1923, в первую годовщину Marcia su Roma, с балкона Палаццо Бельджоэзо в Милане Муссолини обратился к «черным рубашкам» с речью, в которой подводил итоги первого года нахождения фашистов у власти. 31 октября, в заключительный день торжеств, он выступил в Риме перед фашистами, съехавшимися туда со всей страны.

² «Руль» — ежедневная газ. русской эмиграции, выходила в Берлине в 1920-1931 под ред. И.В. Гессена. Гучков Александр Иванович (1862-1936) — промышленник, лидер партии октябристов, в 1917 — военный и морской министр ВП, в 1923 занимался сбором защитительных материалов

для процесса над убийцей В.В. Воровского — М.Конради и его наставником Аркадием Павловичем Полуниным (1889-1933). *Конради* Мориц Морицевич (1896-?) — швейцарец, гражданин кантона Гризли, сын владельца петербургской шоколадной фабрики, в 1916 по особому разрешению военного министра поступил в военное училище в Петрограде, в 1917 — на фронте командир роты, ранен, в 1919-1920 — офицер Добр. армии, затем — галлиполиец, с июля 1921 — в Цюрихе. *Статьи*, упоминаемые Амфитеатовым, публ. сразу после его бегства из России в 1921. Впоследствии частично вошли в его кн. «Горестные заметы» (Берлин, 1922).

³ Материал в берлинской просоветской газ. «Накануне» (1923, 21 октября) «Пособничество белому террору? Ждем ответа!» — содержал документ из перехваченного письма А.И. Гучкова «Таблица работы по выполнению программы», в котором говорилось о распределении обязанностей по подготовке защитительных материалов к процессу Конради и Полунина в Лозаннском суде. «Накануне» обвиняла упомянутых в этом документе Е.Д. Кускову, С.П. Мельгунова, А.В. Амфитеатрова и др. в укрывательстве убийц Воровского, приравнивая последних к монархисту, убившему В.Д. Набокова. Кускова в статье «Следователям» (Дни. 1923. 23 октября) бросала упрек в перлюстрации чужих писем редакторам «Накануне», «сначала объединившимся с генералом Юденичем для производства белого террора против большевиков, затем /.../ с большевиками для производства красного террора против всех инакомыслящих». М.П. Арцыбашев в ст. «Записки писателя. V. Ответ» (ЗС. 1923. 31 октября) протестовал против слов Кусковой «гнусные обвинения», которыми она назвала мысль о причастности ее к защите Конради. Вскоре вся история была язвительно обыграна белградским «Новым временем», иронизировавшим над стремлением Кусковой «не запачкать своих демократических одежд» (1923. 2 ноября).

⁴ Политические деятели и публицисты, правые социалисты Сергей Николаевич *Прокопович* (1871-1955) и его жена Екатерина Дмитриевна *Кускова* (1869-1958) были высланы из России в 1922. Отрицательно относились к Белому движению и всем формам вооруженной борьбы с большевизмом, что и объясняет оценку, даваемую им Амфитеатовым.

⁵ О «Соломонии бесноватой» см. прим.2 к письму №21.

⁶ Роман Амфитеатрова «*Рубеж*» должен был печататься в альманахе «Грани», но в июле 1923 автор потребовал рукопись назад, т.к. это издание перешло на новую орфографию (Amfmss. Папка «Gertov»). Отдельно роман не издавался. Отрывок из него — Одержимый: Этюд к историческому роману «*Рубеж*»// ЗС. 1924. 19, 23 и 24 ноября.

20. Савинков — Амфитеатову

22.XI.[19]23. Paris

Дорогой Александр Валентинович,

из дальних странствий возвратясь, нашел Ваше письмо, а по-сему не осудите, что вовремя не ответил. Хочу еще раз от всей

души поблагодарить Вас за «Свободу». Вы делаете благое дело не только для газеты, но и для всех наших чтецов — «кресовых» попов, гродненских мужиков, гомельских и жмеринских рабочих, дроворубов в Полесье и наших друзей в Москве. Ведь «Свобода» при всей своей нищете проникает повсюду — туда, куда «Посл[едние] нов[ости]», напр[имер], не проникают¹. Каждый раз, как вижу Вашу фамилию у нас, — радуюсь.

Засим, ничего-с. Тишь да гладь да божья благодать. Бьюсь в стенку лбом. Занятие, вызывающее в Париже презрительную усмешку: «Разве можно что-либо сделать?» А я по опыту знаю, что стенки лбом прошибаются, и именно, и непременно лбом. Вообще в Париже «пахнет горизонтом», т.е. те, которые еще не лишут рук у Матюши Скобелева и у Озоля², собираются оные руки лизать. На здоровье!

На днях выйдет моя повестушка. Пришлю Вам — не судите строго: какой я писатель? Сколько раз я слышал: «И чего суется в калашный ряд». А ведь я суюсь, потому что у меня писательский зуд: нет, нет, а непременно нужно опростаться.

Дернталь не только талантливый человек. Он еще и человек *порядочный*. Сие по нынешним временам я очень ценю. Его исклеветали и затравили, конечно. Помилуйте, «савинковец» — так выражается Паша (извините) Милюков.

Будьте здоровы. Желая Вам всего самого лучшего.

С искренним уважением

Б.Савинков

¹ Представления Савинкова о распространенности ЗС в России были сильно преувеличены под влиянием дезинформации ОГПУ. В 1920-1921 часть тиража газ. «Свобода» действительно предназначалась для распространения в России и бесплатно раздавалась агентам НСЗРС, отправляемым через границу (о чтении газеты в Москве см.: Арцыбашев М. «Свобода» в Совдепии// ЗС. 1923. 1 ноября. С.2). Начиная с июля 1923, все запросы на ЗС из России носили провокационный характер и инспирировались ОГПУ.

² Скобелев Матвей Иванович (1885-1938) — политический деятель. В с.-д. движении с 1903, меньшевик. В 1912-1917 — депутат IV Государственной думы, в 1917 — зампред. Петросовета и ВЦИК, министр труда ВП. В июле-августе 1917 вместе с Авксентьевым и Черновым представлял «советское» (по мнению Савинкова — пораженческое) крыло ВП, против которого и было задумано выступление Корнилова. В годы Гражданской войны — в Баку и Тифлисе, в конце 1920 в составе делегации Грузии выехал в Европу, где быстро стал неофициальным торгпредом Советской России. С 1922 — в РКП(б). До января 1924 во Франции, в январе-ноябре 1924 в Англии. Затем служил во Внешторге, Госплане и Главкон-

цесском, в 1930-е — в радиокомитете. Арестован и погиб в заключении. *Озоль* (Озол) — бывший русский военный летчик. В 1918 — в ВЧК, организатор расстрела заложников в Пятигорске, в 1922 — в составе советской миссии в Болгарии устраивал репатриацию казаков из Варны в Советскую Россию. Его появление в Париже в июне 1923 вызвало возмущение среди русских эмигрантов (см.: Убийца ген.Радко-Дмитриева в Париже// Русская газета. 1923. 2 июля. С.3).

21. Амфитеатров — Савинкову

Levanto. 1923.XII.5

Дорогой Борис Викторович,
простите, что не сразу ответил. Столько всякой неприятной дряни принесли истекшие дни, что даже на письмо рука не поднималась. С большим нетерпением жду «Коня вороного». Отрывки, напечатанные в «За свободу», показались мне очень значительными¹. Рад, что Вы находите мои послылы полезными для газеты, которой я сердечно сочувствую: единственный же орган, в котором можно иной раз поговорить по душе. К сожалению, так я отдален от Варшавы, что девять десятых того, что следовало бы сказать, оставляю про себя, не посылаю, ибо, в качестве старой газетной собаки, знаю, что нет ничего хуже, чем ходить спустя лето по малину и есть после ужина горчицу. Первое для писателя, второе для читателя. Так что на публицистику — рукой махни; стараюсь давать, по крайней мере, «интересное чтение». Сейчас отослал В.В. Португалову исторический этюд «Строгановщина», извлеченный из моей большущей и бесконечной «Соломонии бесноватой»². Думаю, что для той публики, о которой Вы мне пишете, оч[ень] пригодится и будет не без поучительности. А как редакция взглянет — не знаю, ее дело.

Не видал еще № с «Пошечиной» Арцыбашева, но по отчету Ив[ана] Посошкова заключаю, что Михаил Петрович находится еще в том наивном периоде эмигрантской молодости, когда человек, покинувший мерзостную Совдепию, полагает, что за границей найдет «все высокое и прекрасное», и очень бывает разочарован и обижен, когда натывается на презрительное свинство³. Я, например, не без конфуза вспоминаю свои пражские речи два года тому назад с призывами эмиграции к объединению. Черт ли ее объединит, когда на нее, кажется, и Господь Бог рукой махнул! И именно поэтому не очень я люблю, когда принимаются костить Европу за ее равнодушие к поеданию нас большевистским зверьем. Кабы сами хороши были, тогда ругайся — прав. А то ведь... Я вчера «горьким смехом» плакал, когда увидел в «Днях» заметку

о речи Муссолини под заглавием: «Что-то скажет "Новое время"»⁴. Видите ли, важность какая! Тут человек, который сейчас почти что держит в руках нити и пружины европейской политики, совершает шаг политического цинизма сверх всякой грации, зачеркивает добрую половину своей собственной программы и выдергивает из-под ног эмиграции еще одну дощечку, отделяющую ее от необходимости повиснуть в воздухе и так удушиться, а в социалистической оппозиции все сие первою мыслью вызывает лишь единый интерес — злорадство, что обмишулилась в упованиях на М[уссолини] враждебная газета. Тьфу! Правые хороши, да и левые не лучше. И всем своя собственная домашняя грызня гораздо важнее борьбы с большевиками. Вон Вы пишете, что Деренталя заели Милюков с К°. А в Берлине Прокопович с Кусковой выгнали со службы сына Гессена⁵ за непочтительное отношение «Руля» к Екатерине Полувеликой. А с моей невесткой, женою В.А. Кадашева, любезничали до первой моей заметки в «За свободу» о той же Екатерине и Троцком⁶, а затем сразу отношения так натянулись, что злополучной Анне Николаевне даже пришлось покинуть службу и потерять кусок хлеба... И вот так все. «Друг друга едим и с того сыты бываем», так чего же на иностранцев так лютовать, что они в нас тоже видят съедобное и ничего больше?

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Рад буду получить весточку от Вас.

Ваш Ал.Амфитеатров.

¹ Анонсы о предстоящем выходе повести отдельным изданием в Париже печатались в ЗС с 15 октября по 21 ноября 1923 почти ежедневно (о выходе книги в свет газ. сообщила 20 декабря — С.1). Сначала Савинков предлагал напечатать повесть в ЗС целиком, но Португалов и Философов отговорили его от этого, ссылаясь на коммерческие соображения. Отрывки из «Коня вороного» печатались в 6 номерах ЗС — 1, 5, 8, 12, 19 и 26 ноября; сюда вошло более половины текста повести.

² Отрывок из исторического исследования Амфитеатрова о древнерусской повести «Соломония бесноватая» — этюд «Строгановщина» — был напечатан в ЗС 16-18 декабря 1923. Через несколько дней там был помещен и другой этюд из того же труда — «Город юродивых». Публикация этюдов к «Соломонии бесноватой» продолжалась в ЗС и в 1924: «Самоуправленцы» (10, 17 марта, 1 апреля); «Богомысленное монастырское житье» (27 и 30 апреля); «Царев кабак» (18 августа); «Попы и бунты» (26 и 30 августа); «Поповские промыслы» (6 октября). Кроме публикаций в ЗС, один из этюдов — «Лешие сказки» — появился в журн. «Златоцвет» (Берлин, 1924. №1). Полный текст исследования света не увидел. В 1929 в Берлине вышла книга Амфитеатрова «Одержимая Русь: Демонические повести XVII века», составленная на основе упомянутых штудий.

³ *Арцыбашев* Михаил Петрович (1878-1927) — писатель. В эмиграции с августа 1923. С осени 1923 — один из ведущих сотрудников ЗС, с весны 1924 — член ее редколлегии. Ст. А. «Записки писателя. VI. Пощечина» появилась в ЗС 26 ноября 1923 и была посвящена итогам лозаннского процесса над убийцами Воровского (5-16 ноября 1923): оправдание подсудимых А. назвал пощечиной, которую Европа дала большевикам. «Пусть простит и признает их [большевиков. — *Публ.*] весь мир, — восклицал он в заключение, — мы не простим, мы не признаем». 28 ноября 1923 в подписанной «*И.Посошков*» ст. «Арцыбашев и Горький» в ЗС цитировалась (также с купюрой) строка, изъятая ранее из «Пощечины» то ли по настоянию польской цензуры, то ли самой редакцией по политическим мотивам: «..... вы, а не христианские народы» (имелись в виду терпящие большевиков европейцы).

⁴ Заметки с таким названием в «Днях» не было. В передовой «Единственная задача» (1923. 4 декабря), сообщая о парламентской речи Муссолини, заявившего о признании советского правительства, «Дни» писали: «Муссолини предал своих вернейших почитателей — русских зубров», саркастически замечали, что «в годовщину победы над демократической слякотью тошнотворного парламентаризма черный от фашистских рубашек Рим уже сам раскрывает объятия навстречу красной от народной крови Москве», и недоумевали «во имя чего /.../ могут негодовать на признании Зиновьева и Троцкого люди, рукоплещущие героям большевизма наизнанку?»

⁵ По-видимому, речь идет о литературоведе и философе Сергее Иосифовиче Гессене (1887-1951), сыне редактировавшего «Руль» Иосифа Владимировича Гессена (1865-1943). *Служба*, с которой Прокопович и Кускова «выгоняют» неугодных им людей, — вероятно, Экономический кабинет, созданный С.Н. Прокоповичем в Берлине (в 1924 переведен в Прагу) для изучения экономики СССР, или издававшийся при нем «Экономический вестник».

⁶ Возможно, речь идет о ст. Амфитеатрова «Думы в постели» (ЗС. 1923. 12 ноября).

22. Савинков — Амфитеатрову

9.XII.[19]23

32, rue de Lubeck. Paris XVI

Многоуважаемый Александр Валентинович,

посылаю Вам моего «Коня». Зелюк наградил его опечатками, следуя примеру «Свободы»¹. Мне это немного досадно, ибо сии опечатки нарушают ритм. А я над ритмом работал... В «Последних Новостях» я вычитал, что «Конь» — моя исповедь, и что я «совершил круг железного предначертания». Благодарю, не ожидал.

Наша эмиграция напоминает французскую. Те же дразги, та же нищета, то же тупоумие, те же надежды на «Испанию» и даже если не совсем тот, то почти — Талейран. Я говорю конечно о «маститом» П.Н. Милюкове. Он так глубокомыслен и тонок, что не разберет, куда ветер дует. Впрочем, может быть, я и не прав: я сужу об эмиграции по газетам, ибо в Париже из своего логова не выхожу и винчусь только «по делу». Ах, уж эти «дела». Доколе, о Господи, я вынужден буду ковыряться в подполье? Но ничего не поделаешь: кто к чему приставлен. А меня черт приставил к своей волынке.

Между прочим. Слава Богу, эту волынку стали тянуть молодые. Среди них попадают люди большой воли и очень точного практического ума. Когда они попадают «на каникулы» сюда, то ходят как ошалелые: эмигрантская жизнь кажется им сумасшедшим домом. Да и строгоньки они... Вы говорите «тьфу!»... и они говорят «тьфу!»... «Тьфу!» и левые, и правые, и средние, и всякие. Вот на днях было секретное (!?) заседание членов Императорской фамилии. Было постановлено: 1) Кирилла лишить сана, 2) принять корону старшему и только по желанию народа (!), 3) «покедова что» — «уполномочить» В.Кн. Николая Николаевича²... Из этого заседания я заключаю, что монархистам снова откуда-то капнуло. Надо же показать, что «работаем».

Арцыбашев талантлив и кроме того полезен. Он дудит в иерихонскую трубу и кое-кого пробуждает. По крайней мере, я с разных сторон получаю об этом письма. Ведь есть *невидимая* эмиграция: на заводах, на полевых работах, в лавчонках, на рубке леса. Среди *этой* эмиграции еще течет живая вода.

Будьте здоровы. Еще раз низкий Вам поклон за «Свободу». Дер[зенталь] Вам очень кланяется. Всего Вам хорошего.

Искренно Ваш

Б.Савинков.

¹ Зелюк Орест Григорьевич (1888-?) — одесский журналист и издатель, в эмиграции с 1919, в 1920-е возглавлял в Париже изд-во «Volter» (выпускало «Последние новости») и типогр. «Франко-русская печать» (где напечатан «Конь Вороной»). Об опечатках в публ. «Коня Вороного» в ЗС Португалов винился в письме к Савинкову 1 ноября 1923: «Огорчен не меньше Вашего: в первой же главе "Коня Вороного", помещенной у нас — заверстка: 7 строк перепутаны» (ГА РФ. Ф.5831. Оп.1. Д.159. Л.53).

² Совещание членов российского императорского дома состоялось в Париже 25 ноября 1923. Постановлено: «блюстителство престола /.../ принимает на себя вся семья», а вел.кн. Николаю Николаевичу предписано «встать во главе освободительного движения, когда к тому время настанет, имея лозунгом — за веру, царя и отечество» (Дни. 1924. 11 мая).

Дорогой Александр Валентинович,

Ваше письмо меня тронуло: мой «К[онь] В[ороной]» не заслуживает такого Вашего отзыва — ведь я ученик сравнительно с Вами. А главное Вы — настоящий писатель — не дали мне в шею, как это обыкновенно делали по моему адресу таковые «не суйся, сукин сын, в общество избранных и повсесердно утвержденных, ковайся в своем подполье»... Спасибо Вам сердечное.

Насчет Лермонтова, Вы конечно, правы: он для меня единственный любимый, больше даже Тютчева, даже Пушкина. Но о «Герое н[ашего] в[ремени]» я не думал и совпадения с Верой и княжной Мери не заметил¹. Над языком же работал как негр. Вообще каждую страницу я своей рукой переписал и исправил не менее 15 раз. Можно сказать, высидел повесть горбом.

Просить Вас написать о повести не смею. Но, конечно, был бы чрезвычайно рад, если бы в той же «Свободе» появилась Ваша статья после статьи Д[митрия] В[ладимировича]². Д[митрий] В[ладимирович] очень устал, живет в водосточной трубе и ему не до «К[оня] В[ороного]». А хотелось бы, чтобы «попы и казаки в Беловежской пуще поняли, что есть всадник с мерою в руке».

Здесь тишь да гладь. Гурки громят большевиков, Милоуковы талейранствуют, а Озоль распложает своих агентов³. Собираюсь уезжать. Ищу денег... Ведь работаем на нищенские гроши, подписными листами в России и клянчением здесь. Клянчишь, клянчишь, ну и выклянчишь франков тысячу, да и то едва ли не с матерщиной: «Какая же теперь борьба? Теперь надо ждать». И ждут — в кабаках. А в этих же кабаках русские женщины на ролях хористок или, как говорил Г.И. Успенский, «арфисток». «Катька, очень весело вчера было?» И иногда оторопь берет: неужели работаю вот для этих всех сволочей?

Сочувствую Вам в Вашей беде⁴. Низко кланяюсь Вашей супруге, которую, к сожалению, знаю только заочно. Поздравляю Вас и ее и всю Вашу семью с «Нозль» и «Журделан»⁵. Ох, уж эти «Нозли» здесь... У нас до звезды не ели, стол застилали сеном, подавали шуляки, взвар и кутью, а потом приходили ряженные... Собираюсь «ревейоне»⁶, т.е. жрать устриц и пить «муссе»⁷, франков за 15. Будьте здоровы. Дер[енталь] Вам шлет свой самый сердечный привет. У него все еще «палец».

Искренно Ваш

Б.Савинков

P.S. Читаю «Строгановщину» и учусь.

¹ Подробный отзыв Амфитеатрова о «Коне Вороном» нами в фонде Савинкова не обнаружен.

² *Философов* Дмитрий Владимирович (1872-1940) — публицист и лит. критик. Подробную биосправку о нем см. в пред. Б.И. Колоницкого к публ. Дневника Ф. (Звезда. 1992. №1). В эмиграции Ф. — с декабря 1919. В 1920-1921 в Варшаве — ближайший сотрудник Савинкова по РПЭК (тов. председателя, председатель его Политического отдела). В дальнейшем — фактический глава НСЗРС в Варшаве, чл. его ЦК, один из ведущих сотрудников ЗС, основной собиратель средств для нее и посредник в отношениях газеты с польскими властями. Много времени уделял конспиративной деятельности: все визиты эмиссаров Савинкова в Россию и обратно осуществлялись при его посредничестве, равно как и передача в Париж информации, полученной из России по тайным каналам. Письма Ф. к Савинкову — ГА РФ. Ф. 5831. Оп.1. Д.204 и 401). Статья Ф. «Конь Вороной (вместо предисловия)» (ЗС. 1923. 10 декабря) наряду с восторженной оценкой повести содержала общий очерк литературного творчества Савинкова-Ропшина.

³ *Гурко* Владимир Иосифович (1863-1927) — политический деятель, чл. Государственного Совета. В 1918 — чл. «Правого центра». В эмиграции входил в состав Русского парламентского комитета, в 1923-1924 сотрудничал в «Русской газете». Под словами «*Озоль распложает своих агентов*», возможно, имеются в виду опубликованные в «Последних новостях» 19 декабря 1923 сообщения о прибытии в Рур «советских агентов, руководящих агитацией против Франции» и об обыске в советской торговой миссии в Генуе, в результате которого были изъяты торговые документы и личная переписка.

⁴ По-видимому, речь идет о психической болезни сына Амфитеатрова — Романа (1907-?).

⁵ Т.е. с Рождеством и Новым годом.

⁶ От франц. *reveillonner* — устраивать праздничный ужин в рождественский Сочельник.

⁷ Шампанское.

24. Савинков — Амфитеатрову

26.1.[19]24. Paris

Давно я Вам не писал, многоуважаемый и дорогой Александр Валентинович, да и от Вас давно ничего не имел, так, что даже не знаю, получили ли Вы мое последнее письмо. Изредка читаю Вас в «Свободе» и всегда радуюсь. Радуюсь и Арцыбашеву, хотя он постоянно «кипит» и «течет во храм»¹. Но лучше «кипеть», чем разводить слюни, как Кускова и проч. Ах, Катерина Дмитриевна! Я ее очень люблю и лично ей все прощаю². Но ведь она же Керенский в юбке. И почему они не поженились?!

Черт его знает, все как будто безнадежно и отвратительно, а вот мне из Москвы неизменно пишут и докладывают, что все «очень хорошо». И не только в «технике» (за последние месяцы мы сделали в ней успехи), а вообще. Пахнет, мол, февралем. Я, Фома Неверный, не верю, конечно, памятуя, что «специалист флюсу подобен»... Но ведь иногда и специалисты кое в чем разбираются.

А что касается «склоки», то не знаю, кому сочувствовать. Кажется, шельма Троцкий правильно почувал, куда ветер дует³.

Моему «Коню Вороному» не везет: на чем свет стоит обругала Даманская⁴ и с грязью смешал какой-то Каменецкий (кто сей?)⁵. Кстати, когда я написал «Коня бледного», на меня критика вылила такой ушат таких первосортных помоев, что я сразу застраховался на всю жизнь. Один эсер настроил даже, что я «хуже Азефа». А теперь я «презренный»...

Скажите, почему русские так любят поносить друг друга? Почему, напр., до сих пор поносят Арцыбашева? Ну меня — дело другое: я вообще намозолил глаза. А его? Ведь он же несомненно талантливый, честный и неглупый человек. Какие все-таки мы еще дикари!

Здесь все по-старому. Недавно Авксентьев лекцию читал.

Будьте здоровы. Кланяюсь Вашей супруге, которую я, к сожалению, не имею чести знать.

Всего Вам лучшего.

Искренно Ваш

Б.Савинков

¹ «Вскипел бульон, течет во храм» — пародия-каламбур на перевод поэмы Т.Тассо «Освобожденный Иерусалим», созданный родственником Амфитеатрова С.Е. Раичем (1792-1855). Бульон — герцог Готфрид Бульонский, один из предводителей Первого крестового похода.

² Эти слова, возможно, объясняются тем, что летом 1918 Прокопович и Кускова пустили Савинкова переночевать к себе, когда он скрывался в Москве от ВЧК после провала рыбинского восстания. Осенью-зимой 1922-1923 между К. и Савинковым шла дружеская переписка (Савинков даже предлагал ей сотрудничать в ЗС), однако к маю 1923 полярность идейно-политических установок стала очевидной для обоих корреспондентов (см. письма К. — ГА РФ. Ф.5831. Оп.1. Д.163).

³ После того, как дискуссия в РКП(б), скрытая в октябре-ноябре 1923, выплеснулась в декабре на страницы советской печати, эмигрантская пресса (и в частности ЗС) стала оживленно ее комментировать (см.: К расколу [Передовая].// ЗС. 1923. 15 декабря. С.1; Склока [Передовая].// ЗС. 1923. 21 декабря. С.1; Савинков Б. О дискуссии в РКП(б).// Там же. С.2; Углубление дискуссии [Передовая].// ЗС. 1923. 29 декабря. С.1).

Смерть Ленина внесла дополнительное оживление в эти комментарии — см., напр., Арцыбашев М. Записки писателя. XI. Смерть Ленина. // ЗС. 1924. 4 февраля. С.1-3).

⁴ *Даманская* Августа Филипповна (псевд. Арсений Мерич, 1885-1959) — прозаик и переводчица, литературный критик. В амфитеатровском «Современнике» в 1911-1915 выполняла переводческую работу. В рецензии на «Коня Вороного» обвиняла автора — «человека несомненно недюжинного и обладающего несомненным литературным дарованием» — в том, что у него «хватило безответственности /.../ напечатать». «Не сумел В.Ропшин помолчать, — патетически восклицала Д., — и рассказал о таком страшном не глаголом, жгушим сердца людей, а по-епискодовски» (Дни. 1924. 13 января. С.6). Сообщение о поступлении книги Савинкова в редакцию содержалось в том же номере газеты. Ср. в недатированном письме Португалова к Савинкову: «Какую дрянную, фальшивящую рецензию напечатали на "Коня Вороного" "Дни". Противнее всего то, что не решились сами обругать, а натравили дуру Даманскую» (ГА РФ. Ф.5831. Оп.1. Д.159. Л.72об.).

⁵ *Б.Каменецкий* — псевд. Юлия Исаевича Айхенвальда (1872-1928), литературного критика и публициста. В отклике на выход «Коня Вороного» (Бездуховность. // Руль. 1924. 20 января. С.2-3), ставя в вину Савинкову художественную слабость и «моральную черноту» повести, А. отказывает ему в праве заниматься спасением России от большевиков. Цитируя в заключение С.: «Я боюсь, что настанет день, и мы, как стадо овец, метнемся обратно. Метнемся, потому что корыстно любим Москву», — Айхенвальд называет эти слова «подозрительно пророческими», отчего и сама его статья — в свете дальнейшей судьбы героя — может быть оценена как пророчество, или, во всяком случае, как свидетельство недюжинной интуиции рецензента.

25. Амфитеатров — Савинкову

Levanto. 1924.II.4

Дорогой Борис Викторович,

Простите, что не писал давно. 1) Воображал, что Вы в странах. 2) Вожусь с «Соломонией Бесноватой» и боюсь, что от нее вскоре сам взбеснуюсь, ибо живу мысленно в компании леших и разнообразных чертей, что — хотя лучше, чем с большевиками, но, все-таки, оглупительно.

Статью Каменецкого видел, но не читал, ибо, скользнув глазами, заметил, что ругает «К[оня] В[ороного]» не только как политический документ, но и как литературное произведение. Так как на ругань по второму поводу способен относительно «К[оня] В[ороного]» только человек очень глупый, либо умышленный враг, то я читать не стал. Тем более, что раньше имел неосторожность прочитать какой-то фельетон этого Кам[енецкого] и потом

целый день ходил в сонной одуре. Такая скука, такая преснятина, такая пошлость изъезженных общих мест. Откуда Гессен взял это сокровище и за что держит? Если за еврейское происхождение, то неужели нельзя было найти еврея поумнее и повеселее? А то ведь этот только летом терпим, когда мух много, взамен бумажки «смерть мухам!». Летом же он, как нарочно, не писал еще, кажется. А зимой безусловно несносен.

А где, как и почему напала на Вас очаровательная Августина Даманская? Скажите, туда же! Вот до чего распустили журналистику нынешние удивительные времена: Августа Филипповна пикать дерзает! Ведь это уже — почти из Вашего знаменитого четверостишия...

Уж не знаю, за что Вы любите Кускову. Терпеть не могу баб политиканствующих и поучающих. Вавилоны да извилины. Должен сознаться, что не без некоторого нравственного удовлетворения наблюдаю, как высокопочтенные фарисеи и книжники недавнего прошлого один за другим прохвостятся соглашательством с большевиками. Пешехонов-то — недурен¹. «Что позолочено, сотрется — свиная кожа остается»².

Если не врут газеты, то «на святой Руси петухи поют». Завязывается какой-то крутой узел, которого иностранными признаниями не развязать. Сдается мне, что Вы недолго усидите в Париже, а скоро должны будете проследовать в леса белорусские, либо иные. Увы, мне на 62 году, полуслепому человеку, да еще обремененному обязанностями ребят кормить, приходится только завидовать, глядя и слыша, что для более молодых и сильных приближается время действительной работы.

Арцыбашев, при всей его нескладности, все-таки молодчина, всколыхнул стоячее болото. И совершенно напрасно Д.В. Философов нашел нужным вступить с ним в полуполемику статьей вроде мягчительного пластыря. Мне пишут из Праги, что Кусковой и К^о это доставило большое удовольствие и злорадное торжество, а на публику твердую произвело очень скверное впечатление³. Ровно как и на меня, о чем я и писал Португалову. До свидания. Будьте здоровы! Желаю Вам всего хорошего!

Ваш Ал.Амфитеатров

¹ Пешехонов Александр Васильевич (1867-1933) — публицист и общественный деятель, один из создателей и лидеров партии народных социалистов, в 1917 — министр продовольствия ВП, после октября — чл. «Союза возрождения России», вскоре после высылки из России (1922) выступил с брошюрой «Почему я не эмигрировал», в которой призывал к признанию советской власти. «Я понимаю чувства эмигрантов, — писал

он позже, — знаю, как им трудно признать советскую власть. Но это все-таки не резон, чтобы не признавать Россию» (Признание России.// Дни. 1924. 23 января. С.2-4). П. служил в советском полпредстве в Риге. Похоронен в СССР.

² Цитата из сказки Г.Х. Андерсена «Старый дом».

³ Речь идет о ст. Арцыбашева «Записки писателя. IX. Завоевания революции» (ЗС. 1923. 31 декабря. С.2-3), в которой он полемизировал с теми, кто — отрицая власть большевиков — считал тем не менее непреходящими ликвидацию самодержавия, отмену сословных и религиозных ограничений, земельную реформу и др. самоочевидные завоевания революции. А. утверждал, что поскольку большевики — бандиты, то и всем революционным завоеваниям — грош цена: с падением большевиков эти завоевания должны рухнуть, и это будет вполне закономерно, т.к. никакое благо не может быть принято из рук преступной власти. В основе пафоса этой статьи лежало внутреннее неприятие любой революции, что вызвало восторг правой эмигрантской печати. Философов так далеко в отрицании революции пойти не мог: в том же номере ЗС (С.4) была напечатана его ст. «Завоевания революции», содержащая мягкую полемику с Арцыбашевым. Кроме того, Философову была неприятна ведшаяся со страниц ЗС полемика Арцыбашева с Кусковой и Познером, с которыми Философов (в отличие от Арцыбашева) был связан многолетними дружескими отношениями. Продолжение «полуполемики»: Арцыбашев М. Записки писателя. X. О революции, о правде, о г-же Кусковой и о самом себе.// ЗС. 1924. 11 января. С.1-2; Философов Д. В трещине.// Там же. 17 января. С.2.

26. Савинков — Амфитеатрову

7.II.[19]24. Paris

Дорогой Александр Валентинович,

к сожалению, я не в странствиях, а в водосточной трубе... Еще к большему сожалению, я не могу разделить Вашего оптимизма. Что Рыкапа¹ треснула в своей сердцевине, для меня несомненно, но отсюда до «конца» — дистанция огромного размера. Мы легко забываем, что все эти Дзержинские, Рыковы, Троцкие связаны между собой годами тюрьмы и каторги, и что при такой связи расстреливать друг друга очень трудно. До расстрелов дело, однако, должно дойти. Но когда? И найдется ли кто-либо *вне* Рыкапы, который посмеет и сможет вмешаться во внутреннюю грызню, чтобы ликвидировать сначала одних, а потом других? Этот «кто-либо» должен бы находиться в Красной армии. Но я такого не вижу... Боюсь поэтому, что складывать чемоданы еще очень рано и что надо «покедова что обождать». Ну, а если им денег дадут (я не верю, но чем черт не шутит?)? Ведь если день-

ги они получают, то немедленно и помирятся за пирогом, пока не съедят его, разумеется. Вообще, насчет «петухов на Святой Руси», по-моему, еще очень «тихо».

Со «Свободой» неразбериха. Д[митрий] В[ладимирович] как-то не уживается с Португаловым, и это чрезвычайно жаль. Португалов — незаменимый редактор и без него газета идти не может. Бога ради, не покиньте нас в эту минуту и поддержите статьями, а я со своей стороны сделаю (уже делаю) все возможное, чтобы потушить варшавский пожар². Насчет статьи Д[митрия] В[ладимировича] Вы правы — я ей тоже подивился. И зачем, в самом деле, тряпку жевать? Пусть Арцыбашев переборщил, зато вышло ярко и твердо. А Д[митрий] В[ладимирович] «разъяснил» так, что «с одной стороны нельзя не признаться, а с другой нельзя не сознаться». Да и Антону Крайнему я не очень-то рад³. Знаю его. Работал с ним. Талант большой, но политического чутья ни на грош, и, кроме того, капризы... Пишу обо всем Д[митрию] В[ладимировичу], писал, разумеется, и Португалову.

Засим, нового ничего-с или, вернее, очень много, но не подлежащего опубликованию. Это «много» как будто вода на Вашу мельницу, т.е. «петухи», но я, повторяю, пессимист и «пока не вложу перст в язвы», таковым и останусь: очень уж часто разбивал я себе морду в кровь «бессмысленными мечтаниями». На этот раз не хочу.

А Каменецкий-то — Айхенвальд! А Даманская-то — эсерка, строчит у Керенского! Отзывы собирал для меня Ремизов⁴. Он здесь, голодает. Мереж[ковский] мечет грома против него: Ремизов-де печатался у большевиков!

Будьте здоровы.

Цалуйте ренчки.

Падам до ног.

Б.Савинков

¹ Имеется в виду РКП(б).

² Резкое изменение тона Философова в отношениях к Португалову и газете могло быть связано с тем, что он стал получать деньги на ее издание из СССР (т.е., не зная того, от ОГПУ). Конфликт между Португаловым и Философовым продолжался до середины марта 1924 и закончился созданием редколлегии под председательством Арцыбашева (см. письма №32 и 34). Подробности этого конфликта отложились в письмах обоих к Савинкову с приложением копий внутриведомственной переписки (ГА РФ. Ф.5831. Оп.1. Д.159 и 401).

³ Речь идет о статье Гиппиус (А.Крайнего) «Мешок с кислородом» (ЗС. 1924. 24 января), в которой признание СССР европейскими странами

писательница характеризовала как «мешок с кислородом» для издыхающего большевизма. Сотрудничеству Гиппиус в ЗС Савинков не был рад потому, что их отношения, бывшие весьма близкими, начиная с того момента, как они подружились во Франции в 1906, — сильно осложнились в Варшаве в 1920. См. подробнее: Pachmuss T. *Intellect and Ideas in Action*. München, 1972 (по именному указ.); Гиппиус З. *Варшавский дневник*.// *Возрождение* (Париж). 1969. №214-216; Она же. *Коричневая тетрадь*.// Там же. 1970. №221; Она же. *Дмитрий Мережковский*. Париж, 1951. В этом же ряду следует рассматривать и отрицательный отзыв Гиппиус о «Коне Вороном», где повесть обвинялась в антихудожественности, а ее автор — в мазохизме (*Современные записки*. 1924. №19. С.248).

⁴ Писатель Алексей Михайлович *Ремизов* (1877-1957) был дружен с Савинковым со времен вологодской ссылки 1902-1903. Отношения возобновились после переезда Р. из Берлина в Париж 5 ноября 1923. См.: Ремизов А. *Иверень*. Беркли, 1986. По указ.; Он же. *Взвихренная Русь*. Лондон, 1990. По указ.

27. Амфитеатров — Савинкову

Levanto. 1924.II.16

Дорогой Борис Викторович,
да неужели Б.Каменецкий — Айхенвальд? Удивили Вы меня. Правда я считал Айхенвальда парнем весьма способным, но для того, чтобы так искусно притворяться каждую неделю скучнейшей бездарностью, а временами и круглым дураком, мало способностей, надо быть гением.

К сожалению, Ремизов действительно печатался у большевиков и любезничал с ними больше, чем следовало бы. Но в грех ему сего не ставлю, ибо человеку жутко приходилось. Знаю и видел. Но, во всяком случае, даже и суровейшие Катоны эмиграции (а много ли имеющих право на такое судебное положение и звание?) не могут зачислять его в одну категорию с прихвостнями и подлизами большевиков вроде Корнея Чуковского, Андрея Белого и т.д. Не говоря уже об открыто примкнувших к большевизму Ясинском, Брюсове с *K° e tutti quanti*¹. Я мало знаю Ремизова как человека и не люблю его как писателя (отдавая должное живущему в нем несомненно большому таланту), посвятившего свое перо умышленному коверканью русского языка, которым, однако, он, когда хочет, владеет превосходно, с изящной простотой. То-то и досадно, что он всегда может, но редко хочет.

Относительно дел, конечно, Вам из Парижа виднее, чем из моей левантинской дыры. Газеты возвещают так много восстаний, повстаний, движения и всякого недовольства, что поневоле начинаешь прислушиваться, не поют ли петухи. Уж очень пора бы.

Относительно «За свободу». Видите ли: Португалов, отходя от редакторства, написал мне очень милое прощальное письмо, на которое я ему ответил таким же искренним сожалением об его уходе. От Философова я ни единой строки не получал, а навязывать себя в сотрудники новому редактору, который меня о том не просил, не в моих правилах. Это значило бы ставить себя и свой труд наудачу под контроль Д[митрия] В[ладимировича], на что я не согласен уже потому, что наши мировоззрения диаметрально противоположны, и, стало быть, без крупных компромиссов здесь не обойтись. А мне это, на старости лет, не к лицу. В России между мною и святою троицею Мережковского-Гиппиус-Философова никогда не было ни близости, ни даже симпатии, скорее взаимная антипатия. В старой эмиграции тоже. Сейчас мы очутились в одном отрицательно политическом лагере, но очень сомневаюсь в тождестве взглядов и тактики. Когда они скрылись за границу, статьи Мережковского перепечатывались в «Правде» и расклеивались по стенам как явное свидетельство «эмигрантской клеветы на советскую власть»: вот какие они хорошие политики! А сейчас эта история с Арцыбашевым... В уходе Португалова вижу только одну хорошую сторону: сам он стал много писать, что помогает газете держаться на линии, с которой она, попав в распоряжение Троицы, конечно, скovyрнется.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А.А-в.

¹ И всех прочих (итал.).

28. Савинков — Амфитеатрову

18.II.[19]24. Paris

Глубокоуважаемый Александр Валентинович,

Ваше письмо огорчило меня чрезвычайно. Пишу сегодня Д[митрию] В[ладимировичу] и продолжаю заливать варшавский пожар. В одном Вы неправы, однако. Не смешивайте Д[митрия] В[ладимировича] с Зинаидой и Мер[ежковским]. Уже давно, с 1920 г., Д[митрий] В[ладимирович] отошел от них. В глазах Зинаиды, Д[митрий] В[ладимирович] связался с «авантюристом», в глазах Мер[ежковского] забыл Антихриста для дел земных. Редакторство Д[митрия] В[ладимировича] (я думаю, что Порт[угалов] скоро вернется к прежним обязанностям) не означает ни в какой степени редакторства Зинаиды и Мер[ежковского]. Я был удивлен даже и статье Антона Крайнего... В 1920 г. в Варшаве, работая вместе с Зинаидой и Мер[ежковским], я выпил до дна

чашу легкомыслия, самоуверенности, величия, полного непонимания жизни, сплетен и малодушия¹. Д[митрий] В[ладимирович] был свидетелем этой «работы». С тех пор он не с ними и часто против них. А ему Вы не ставьте всякое лыко в строку. Он молодой, усталый и замученный русский барин, нашел в себе веру и силы для ежедневной и неблагодарной борьбы с большевиками. Он живет *подвижнической* жизнью. И если иногда делает ошибки (как с Порт[угаловым]) и промахи (как с «послесловием» Арц[ы-башеву]), то эти ошибки и промахи *есть за что прощать*. Я очень люблю и глубоко уважаю его.

Доклады из России, в частности, из Москвы, таковы, что подтверждают Ваш оптимизм. Но я — Фома Неверный... У меня морда в крови и один глаз на ниточке висит². Вот поэтому я и боюсь верить «петухам». А вдруг не петухи, а опять «пожалуйста браться». Ведь все возможно. Но... принимаю меры, насколько силе в моих, увы, очень слабых силах.

Может статься, что вскоре мы увидимся. Об этом мечтаю. Давно хочется Вас повидать и как следует поговорить. Дер[енталь] Вам кланяется.

Искренно ваш

Б.Савинков

P.S. Если Ремизов и виновен, то в слабости человеческой — в дровах, картошке и проч. Я его знаю 25 лет. Он такой же коммунист, как мы с Вами. А Катоны!.. О, Господи, боюсь я Катонов. Знаю, где у них раки зимуют.

Б.С.

¹ И Гиппиус и Мережковский были объявлены «ближайшими сотрудниками "Свободы"» со дня ее основания и оставались ими (во всяком случае, формально) до июля 1921, т.е. более полугодом после их отъезда из Варшавы в Париж. Ср. сетования Гиппиус в «Варшавском дневнике»: «мне в этой *Свободе* свободы не дали», а также ее воспоминания о совместном обеде в Варшаве в июле 1920, во время которого Савинков агрессивно отверг попытку Мережковских «прозкзаменовывать» его на тему об идейных мотивах его борьбы (Возрождение. 1969. №216. С.34, 36). «Борис рыдал мне в жилет, — рассказывал после этого Философов, — что вы его экзамену подвергали и что он экзамена не выдержал».

² Усеченная автоцитата из повести «Конь Вороной». Полный текст: «У него морда в крови и глаз на нитке висит, а он про книжки толкует» (Часть II. 6 июля). Эти слова наряду с чеховской сентенцией о «жизни в водосточной трубе» и питании «мокрицами» постоянно использовались Савинковым в переписке 1923-1924 для описания своего психологического состояния и быта.

Дорогой Борис Викторович,

Вы очень обрадовали меня известием, что собираетесь в наши края. Приезжайте на передышку в тихой заводи, которую представляет наше житье-бытье по природе, но, к сожалению, не по состоянию духа обитателей, т.е. нас, вечно удрученных мыслью, выскочим мы из петли очередного к уплате задолжания или в одной удавимся окончательно. Приезжайте не мимолетно, а на некоторое время. У нас в самом деле можно почувствовать себя в некоторой нирване, весьма далекой от парижской суетни. Иллария Владимировна будет кормить Вас собственными кроликами и курами, а всего более их (только кур, конечно) яйцами, сушеными фигами, а я буду Вас поить хорошим вином местного производства. С удовольствием послал бы Вам и в Париж его несколько бутылок, если бы не боялся, что Вам дорого обойдется провоз и пошлина. Справьтесь о том и напишите, pošлю немедленно. Сам я, увы, бессилен на то, ибо нищ, как Ир¹. Надо сейчас отправлять сына Максима (виолончелиста) в Милан кончать курс и на заработки, — не могу: никаких денег. Процесс тут один проклятый меня душит, адвокат пристаёт с ножом к горлу, вишу на ниточке: вот-вот все пойдет к черту и «пожалуйте бриться», как Вы говорите. И ничего не могу сделать. Написал сегодня Иосифу Прекрасному, т.е. Гессену, чтобы разорил для меня Ульштейна² на 1000 ит[альянских] лир, но, хотя это разорение не более, как уплата части гонорара, имею мало надежды.

Спасибо за то, что Вы написали мне подробно о Философове. Коль скоро он отделил свою пуповину от лона Зинаиды и Димитрия, то, само собою разумеется, это огромный шанс в его пользу, как человека, близко стоящего к газете. А что он человек умный, образованный и высокой порядочности, словом, очень хороший, — в том я никогда и не сомневался, да и кто же когда-либо сомневался? Но, все-таки, скажу откровенно: в редакторы газеты, да еще боевой, которой в известной степени не лишнее быть даже фанатической, он едва ли годится уже потому, что он, подобно Гамлету, «голубь кротостью» и ужасный рассуждатель. Его самого надо редактировать, подсыпая ему перцу в суп. Оставляя уж арцыбашевское приключение, разве возможно, чтобы «За свободу» печатала в столь мягких тонах написанные воспоминания о таком звере в юбке, как Елена Стасова?³ Ведь они же с Яковлевой залили Питер кровью, свирепствовали гораздо хуже их предшественника Урицкого⁴. Две морфиноманки, кровожадные раз-

вратные садистки, а у Философова — какой-то падший ангел, которому, при легком покаянии, могут еще отверстыми быть врата потерянного рая. Мурова Пери из Че-Ка⁵. Нет, знаете, тут надо Федю и Егорова⁶, а не «понять-простить». Напонимались и напрощались!.. О Ремизове я вполне с Вами согласен, а Мережковскому в Катоны записываться в особенности не пристало, ибо Курбским он сделался в Минске, а не в Питере и в Пскове. До свидания. Пишите и приезжайте. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал.А-в

¹ *Ир* — библейский персонаж, сын Иуды, внук Иакова (Быт. 38).

² Братья *Ульштейны*: Ганс (1859-1935), Луис (1863-1933), Франц (1868-1945), Рудольф (1873-1964) и Герман (1875-1943) — семья крупнейших германских издательских магнатов еврейского происхождения. С 1920 участвовали в издании «Руля» и издательстве «Слово» (см. Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979. По указ.).

³ Имеется в виду мемуарный очерк Д.Философова «Семья Стасовых» (ЗС. 1924. 29 и 30 января, 1 февраля). Семья Философовых и Стасовых, принадлежавшие к петербургской интеллектуальной элите, дружили между собой. Автор здесь называет Елену Дмитриевну *Стасову* (1873-1966) по имени, положительно отзываясь о ее поведении в 1918 («На панихидах Лена забыла свою большевицкую мораль и была просто дочерью, нежно любившей свою мать. /.../ Со мной она обошлась по-человечески, и я думаю, что если остался жив, то отчасти благодаря ей»), но вместе с тем и указывает на ее «изуверство», говоря, что в ней «сидела фанатичная монашенка».

⁴ Имеется в виду Варвара Николаевна *Яковлева* (1884-1941), работавшая в 1918 (как и Стасова) в Петроградской ЧК. Амфитеатров называл обеих в печати «зверихами» (Два коня.// ЗС. 1924. 27 июля. С.3).

⁵ *Пери* — в иранской мифологии — падший ангел, временно изгнанный из рая, стала героиней поэмы ирландского поэта-романтика Томаса *Мура* (1779-1852) «Пери и ангел», известной в России с 1821 в переводе В.А. Жуковского.

⁶ *Федя и Егоров* — герои повести Савинкова «Конь Вороной», беспощадно истребляющие большевиков.

30. Савинков — Амфитеатрову

24.II.[19]24. Paris

Дорогой Александр Валентинович,

человек предполагает, а сукин сын располагает. Совсем уж собрался в *Italia la bella* и мечтал о том, что заеду в *Levanto* и повидаю Вас. Не тут-то было. Во-первых, моя поездка откладывает-

ся, а во-вторых, «перст указующий» может направить ее вовсе не на юг, а к черту на рога. Жалею об этом сердечно даже если бы в перспективе не было лапенов¹ Илларины Владимировны и Вашего вина. Кстати, спасибо Вам большое, но куда, к черту, его посылать? Если бы Вы знали, в какой водосточной трубе я живу и какими мокрицами питаюсь. Вот эти-то мокрицы мешают мне бежать на почту и перевести Вам 100, 200, 500, 1000 фр. — «по способности».

По-моему, возмутительно, что вы бьетесь в нищете. Ох, собачья нищета!.. *Не говорите никому*, но если бы Вы знали, как она меня иногда хватает за горло! А ведь и делать кое-что надо, да и «фасон держать» необходимо. Подлое, по правде говоря, житьишко...

Насчет газеты Вы, разумеется, правы. Д[митрий] В[ладимирович] при всех своих огромных достоинствах человек «штатский» и боев не любит. Да ему теперь и не до жиру, быть бы живу. Он окончательно замучен все той же нищетой и сопряженными с ней дрязгами. Как мало людей, внутренне независимых от денег! Ведь в сущности чудо, что газета выходит. И это чудо совершает каждодневно он, Д[митрий] В[ладимирович]. Я, конечно, строчу ему постоянно о том, чтобы он «давал волю» Арцыбашеву и молодым. Но ведь советы легко давать... Португалова как редактора я конечно предпочитаю и надеюсь, что когда «утихнут страсти», все образуется.

Но, ради Бога, пишите. Ручаюсь Вам, что Д[митрий] В[ладимирович] будет печатать все и без запинки. Ищу для газеты денег и, чего доброго, пожалуй, найду. Моя мечта перевести ее в Париж.

Арцыбашев с грязью смешал Познера². Это хорошо. Я давно уже спрашивал себя, как защищаться и защищать от клеветы? Вот, напр., Коля Авксентьев. Клеветник перворазрядный. Но что с ним делать? Вызвать на дуэль? Он — социалист и поэтому на дуэли не дерется «принципиально». Вот и «будьте любезны»... Судиться? Где? У кого? У мирового, которого нет, или в третьей-ском суде, где будут сидеть равноапостольные Познеры и Винаверы?³ Значит, опять «будьте любезны»... В морду дать (извините)? Так ведь дать ему в морду, так немедленно попадешь в отпетые хулиганы, а его чело украсится терновым венцом страдания «за правду». И снова, в третий раз, «будьте любезны»... Защиты нет никакой. А ведь кроме Коли есть и другие. И Зинаида грешна, и «сам» Павел Николаевич Милюков, и прочие. В этом наши эмигрантские (не вообще ли русские?) нравы. Любим мы псить ближнему своему.

Будьте здоровы. Желаю Вам всего самого лучшего. Дер[ен-
таль] Вам очень кланяется. Низкий поклон Ил[ларии] Вл[адими-
ровне].

Сердечно Ваш

Б.Савинков

¹ От фр. lapin — кролик.

² *Познер* Соломон Владимирович (1880-1946) — журналист и общественный деятель, сотрудник «Последних новостей». Речь идет о ст. Арцыбашева «Записки писателя. XIII. Истошный вопль» (ЗС. 1924. 18 февраля. С.1-3), бывшей ответом на выступление П. в «Последних новостях», где П. обрушился на А.Крайнего за его похвалу Арцыбашеву (Полет в Европу.// Современные записки. 1924. №19). Полемика на этом не завершилась (см.: Философов Д. С.В. Познеру.// ЗС. 1924. 23 февраля; Арцыбашев М. Записки писателя. XV. Как будто бы письмо.// Там же. 2 марта; Философов Д. Непримиимые и ультрафиолетовые.// Там же. 8 марта /с включением писем П. и Б.О. Харитона, отвечавших на ст. Философова от 2 марта/). Финалом дискуссии стала ст. Арцыбашева «Записки писателя. XVIII. Четыре заповеди полемиста» (Там же. 24 марта).

³ *Винавер* Максим Моисеевич (1863-1926) — политический деятель, литератор, в 1923-1926 — редактор газ. «Звено» (Париж).

31. Амфитеатров — Савинкову

Levanto. 1924.II.29

Дорогой Борис Викторович,

очень Вы меня огорчили отменой приезда. А я уже совсем было расположился встречать Вас и надеялся, что, может быть, Вы и Деренталья оторвете от его шоферских экзаменов, и привезете, и поговорим толком.

Вашему намерению передвинуть «За свободу» в Париж очень радуюсь. Хорошо было бы, если бы удалось. Конечно, еще лучше было бы и Варшаву сохранить, и Париж приобрести, т.е. двинуть здесь новый орган, не отказываясь от прочно насиженного места, где газетой завоеван постоянный читатель. В Париже читателей надо будет приобретать. Но верьте опыту: при твердой линии, энергии и хорошем ведении дела, это недолгая борьба. В парижском еженедельнике я принял бы с удовольствием самое оживленное *публицистическое* участие, а не только беллетристической и историческими этюдами. Кстати: один таковой я послал Д.В. Философову, согласно Вашему желанию.

Плюньте Вы с высокого, но зеленого дуба на Зинаиду, Авксентьева и пр., выдающих Вам диплом на «авантюриста», что,

по-видимому, Вас огорчает и раздражает. Охота же! По-моему, попрекать русского политического деятеля авантюризмом в переживаемое нами время значит выдавать расписку в собственной глупости и тупости. Было бы побольше «авантюристов», так Троцкий не командовал бы Красной армией, Каменев и пр. не сидели бы в Кремле.

Кажется, Бунин в Париже произнес очень хорошую речь. Сужу по отчету С.Яблоновского в «Руле»¹. Ах, как трудно отсюда судить о чем-либо с определенностью! То и дело прибегай к оговорке «кажется!» Вот тут и пиши публицистику. Хотел вот заняться Керенским с его речью в Праге² и решительно не знаю, какому отчету верить. В «Руле» одно, в «Днях» другое, корреспондент «За свободу» где-то посередине. И чувствую нюхом, что все не то.

Давно хотел Вас спросить и все забываю. Не знаете ли Вы, куда сгинул Борис Дмитриевич Самсонов?³ В 1921 и 1922 г. он мне раза два писал из какого-то польского захолустья. Около года тому назад, когда Муссолини покровительствовал плану фашистов-интервентистов, я разыскивал Самсонова для сведений по военной организации, но не получил ответа, так что не знаю, дошло ли до него письмо. Затевал он какую-то газету в Варшаве с... Брешко-Брешковским!⁴ Но от этой идеи отстал — судя по его письму — едва ли не по моему настоянию.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Кланяйтесь Деренталю.

Ваш Ал.А-в

¹ Речь идет о ст. журналиста Сергея Васильевича (Викторовича) Потресова (псевд. *С.Яблоновский*, 1870-1953 или 1954) «Два вечера» (Руль. 1924. 26 февраля). Вечер на тему «Миссия эмиграции», на котором выступал Бунин, состоялся не позднее 22 февраля 1924 в парижском Salle de Géographie.

² Двухтысячное собрание русских в пражском Сметановском зале 14-15 февраля 1924 было посвящено памяти Л.Г. Корнилова. Произнесенный на нем 4-часовой доклад Керенского назывался «Государство и народ в русской революции». А.С. Изгоев откликнулся на него иронически (На радении...: Письмо из Праги.// Руль. 1924. 21 февраля). «Дни» посвятили этому событию в общей сложности более 4 полос: 20 февраля в обзоре откликов печати упрекали «Руль» за необъективность и искажение фактов, 21 февраля поместили подробное изложение доклада, а 22-го — прений и заключительного слова Керенского. В ЗС большой отчет об этом собрании, подписанный «А.С.», появился 23 февраля, а 7 марта — неодобрительно-пренебрежительный отзыв Савинкова о докладе Керенского.

³ Самсонов Борис Дмитриевич — в 1917 чл. Предпарламента от Астраханского казачьего войска.

⁴ Брешко-Брешковский Николай Николаевич (1874-1943) — прозаик, журналист. В 1920-е жил в Варшаве, сотрудничал в софийской газ. «Русь».

32. Савинков — Амфитеатрову

4.III.[19]24. Paris

Дорогой Александр Валентинович,
списавшись с Арцыбашевым и Португаловым, я написал Философону, что по моему мнению необходимо учредить редакционную коллегия из этих трех лиц. Хочу надеяться, что Философов внемлет моего гласу. Хочу надеяться также, что с учреждением этой коллегии недоразумения прекратятся. Спасибо Вам сердечное за то, что в это «смутное время» Вы все-таки послали кое-что в «Свободу».

«Свобода» в Париже — мечта. Для этого надо не только кланчить, но и выкланчить. Но у кого? Как? Кое-какие надеждишки имею, но лучше о них не говорить, чтобы не сглазить... А пока я топорщусь, в Париже намечается другая газета, право-кадетская, с тайным монархизмом, вроде «Руля». Редактор, кажется, Ганфман. Датели — Гукасов, Денисов, Третьяков, Нобель, Терещенко¹. В эмиграции газета пойдет. А в России? Думается мне, что все, что пахнет Романовыми, для России только отрицательно во всех смыслах и, в частности, в смысле влияния на публику. Наша газеточка серенькая, но в России читается нарасхват. В этом-то ее и цена. Но ганфманское предприятие уже тем хорошо, что многие писатели хоть подкормятся немного. И то слава Богу.

Где Самсонов — не знаю. Не видел его с моей высылки из Варшавы, т.е. года два с половиной. Ох, Самсонов... Близко наблюдал я его «работу» в Польше. Быль конь да, кажется, изъездился в эмиграции. О речи Бунина ничего Вам сказать не могу. Я ведь никого, кроме как по делу, не вижу и нигде не бываю. Да и о самой-то речи узнаю впервые от Вас. Но разве Вы не получаете «Последних Новостей»? Я, грешный человек, их не читаю, но если Бунин выступал, то отчет должен быть.

Засим-с, все по-прежнему. Из России последние дни ничего не имею. Холодно. Одолевают мокрицы. Ем их и приговариваю: «Терпи казак, атаман будешь». Сие по поводу Коль и Зинаид, т.е. моего «авантюризма».

Дер[енталь] Вам низко кланяется, а я желаю всего самого лучшего. Искренно Ваш

Б.Савинков

¹ Возможно, речь идет об организации газ. «Возрождение», выходящей в Париже в 1925-1940. *Ганфман* Максим Ипполитович (1873-1934) — редактор и издатель, в Петербурге возглавлял газ. «Современное слово», в эмиграции принимал участие в редактировании газ. «Сегодня» (Рига), редактором «Возрождения» не стал. Последним в 1925-1927 руководил П.Б. Струве. *Лукасов* Абрам Осипович (1872-1969) — нефтепромышленник и финансист, после революции — в эмиграции; основатель и издатель «Возрождения». *Денисов* Николай Хрисанфович — предприниматель и меценат, в эмиграции — создатель и председатель Российского финансового торгово-промышленного союза (Торгпрома, — см. подробнее: Минувшее. Исторический альманах. Т.3. Париж, 1987. С.333). *Третьяков* Сергей Николаевич (1882-1944) — промышленник, в 1917 — председатель Экономического совета при ВП, затем — в эмиграции, тов. пред. Торгпрома, с 1930 — секретный сотрудник ИНО ОГПУ-НКВД в Париже, в июне 1942 арестован там гестапо и расстрелян 16 июня 1944 в концлагере Оранienбург как советский шпион (см.: Млечин Л. Министр в эмиграции. // Новое время. 1990. №18-20). *Нобель* Густав Людвигович — предприниматель, к 1917 — чл. правлений Бинагадинского нефтепромышленного и торгового товарищества, Восточно-азиатского торгово-промышленного банка и др., в 1920-е в Париже — тов. пред. Торгпрома. *Терещенко* Михаил Иванович (1886-1956) — сахарозаводчик и финансист, в 1917 — министр финансов и иностранных дел ВП, затем — в эмиграции.

33. Амфитеатров — Савинкову

Levanto. 1924.III.14

Дорогой Борис Викторович,

опаздываю ответом на Ваше письмо по важной причине. Пережили неделю волнений, потому что... свинья рожала. В Париже оно Вам будет смешно и непостижно, а здесь, можно сказать, был вопрос жизни и смерти, ибо, если бы эта красавица сама сдохла или сожрала бы поросят, то погасли бы все наши упования на существование от натурального хозяйства. Теперь же, когда она не только наплодила семь поросят, из коих один, впрочем, не сумел родиться и помер, но и оказалась нежнейшей матерью, — понимаете ли? Перспективы! Ведь шесть поросят — это — через два месяца — 1500 лир! А к сентябрю она опять родит! Словом — хожу и пою из «Цыганского барона»:

О, да, я не писатель,
Писать желания даже нет:
Свиней я воспитатель
И вовсе не поэт.

Относительно редакционного комитета скажу, что вообще-то я против подобных коллегий, по многому горькому опыту. Редак-

торское дело монархическое и даже самодержавное. Все мои газеты быстро расцветали и шли вперед, покуда я держал вожжи в руках деспотически, и увядали, как скоро я сдавался на конституционные уступки, отрекался от престола и передавал власть совету министров, палате и т.п. Но в данном случае полагаю, что это было бы наилучшим исходом, безобидным и для Д[митрия] В[ладимировича] Ф[илософова] и для В[иктора] В[ениаминовича] П[ортугалова]. Только ссорится быстро очень публика в этих комитетах.

Арцыбашев для «За свободу» — драгоценность. Благодаря его нахрапу газета проломила брешь берлинского и парижского бойкота чрез замалчивание. Так орет, что не услышать и мимо пройти, не ответив, нельзя. Яблоновский писал очень плохо, особенно в первом ответе. Во втором он постарался, но все-таки, получилось что-то вертячее и скользкое¹. Я написал о том Гессену, что ни к чему это. Кстати, о Гессене: можете себе представить, прислал мне немножко денег! Я прямо пристыжен в своем скептицизме!

Нет, «Последних Новостей» я не получаю и не вижу и очень рад тому, потому что и Милюкова не люблю и сотрудничают там разные милостивые государи, от коих умного слова не услышишь, а раздражать и за нервы дергать они, при всей своей глупости, умеют и даже в том специализировались. А я очень берегу свое драгоценное здоровье и остерегаюсь чтения, побуждающего к матерным словам. Воспитание поросят, кроликов, собиравание яиц — занятия, требующие философической сосредоточенности и спокойствия духа.

На этой неделе я, впрочем, набросал кое-что полемическое и в «Руль», и в «Гельсингфорсский носовой платок»². В «За свободу» лежит моя большая статья «Самоуправленцы». Как только она пройдет, пошлю «Записную книжку». Накопилось кое-что кусательное³.

Как Деренталь? Поклон ему.

До свидания.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал.А-в

[На полях:]

Вчера через Геную проследовал эшелон русских офицеров, с ген[ералом] Грудзинским во главе, направляющийся в Белград по вызову. По словам их, ближайшим пароходом следуют из Шанхая туда же еще 500 человек. Что сей сон значит?⁴

¹ Речь идет о статьях журналиста Александра Александровича Яблоновского (1870-1934) «Досадная полемика» и «М.П. Арцыбашеву», опубликованные в «Руле» 26 февраля и 12 марта 1924. Они являлись откликом на выступления Арцыбашева в ЗС 18 февраля и 2 марта, в которых тот обвинял Горького в краже художественных ценностей и других уголовно наказуемых действиях. На стороне Арцыбашева выступила З.Гиппиус в «Современных записках», впоследствии оговорившись, что лично она обвиняла Горького в изъятии духовных ценностей. Пересказав эту полемику, Яблоновский отводит обиды Арцыбашева, настаивая на недопустимости бездоказательных обвинений и неприемлемости мелочных уколов в борьбе с убийцами.

² В «Руле» в марте-мае 1924 ничего «полемического» Амфитеатрова опубликовано не было. Под «Гельсингфорским носовым платком» Амфитеатров подразумевает малоформатную ежедневную газету «Новые русские вести» (см. прим. 1 к письму №13). В письме от 20 ноября 1923 Григорков предлагал Амфитеатрову сотрудничество в этом издании.

³ «Самоуправленцы. Этюд к историческому исследованию "Соломония бесноватая"» был напечатан в ЗС 10 и 17 марта и 1 апреля 1924. Посланная позже «Записная книжка» (под таким заголовком регулярно помещались в ЗС фрагменты воспоминаний Амфитеатрова и отклики на прочитанное) появилась в ЗС 23 марта. «Кусательное» — вероятно, воспоминания об Адолии Родэ, содержателе известного петербургского кафешантана, ставшем после революции директором Дома ученых и приближенным Горького. Амфитеатров с чужих слов упоминает о кутежах большевиков (включая Ленина) на «Вилле Родэ» в 1917.

⁴ Вероятно, речь идет о Михаиле Цезаревиче Грудзинском (1869-?), в 1902 окончившем Академию Генштаба, к 1917 полковнике, помощнике окружного интенданта Московского военного округа по армейской пехоте. Упомянутые перебртки русских офицеров могли быть связаны с тем, что как раз в это время король Югославии согласился брать их на службу в своей стране.

34. Савинков — Амфитеатрову

25.III.[19]24. Paris

Дорогой Александр Валентинович,
собираюсь в некое путешествие, но прошу Вас, пишите по-прежнему: Вашим письмам я всегда рад и так или иначе, рано или поздно я их получу.

Ну-с, слава Богу, «редакционное совещание» учреждено: председатель — Арцыбашев, члены — Философов, Португалов и Шевченко¹. Последнее имя Вам, разумеется, ничего не говорит. Шевченко — мой старый приятель, немножко поэт, немножко журналист, очень газетная крыса и весьма миротворец по характеру.

А это сейчас в Варшаве необходимо. Что касается «газетной диктатуры», то я с Вами вполне согласен. Однако, на нет и суда нет. При возникших недоразумениях ни Португалов, ни Философов осуществлять таковой не могут и оба «под» Арцыбашева не пойдут, да и Арцыбашев человек не газетный. Значит, нечего делать, приходится мириться с «конституцией». Очень надеюсь, что Вы газету не оставите своими статьями. Во-первых, мы ведь когда-нибудь и разбогатеть можем, а во-вторых, и это главное, у нас читатель особенный и нередко русский в России.

Арцыбашев, по-моему, полезен огромно. Я не устаю об этом твердить Философову. Правда, очень уж он иногда закусывает удила. Даже я, при всей своей наглости, «пугаюсь»... Но это ничего, пожалуй, действительно, кстати перестать играть в салонную вежливость, когда вся морда в крови и «глаз на нитке висит». А уж как в крови-то! Разве царскую эмиграцию можно сравнить с нынешней? Ведь тогда был рай и в общем честные люди. А теперь? Вот Деренталь ездит ночным извозчиком, например... А Паша Милюков только и делает, что клеветает, например... Коммунисты, те хоть звери, а наши партийные генералы — насекомые и не больше. А туда же, хотят море поджечь. Для меня в большевизме самое страшное не Троцкие. О Троцких я знал, что они Нахамкесы². А вот что наши «интеллигенты» такая мразь, я понял только... в 1917 году! Из моей щели они мне казались чуть не богами, а на поверку вышло, что Чехов был прав, когда писал про Белебухина и Жестякова³. И ничего никогда путного у нас в России не будет, если опять воцарятся высокопросвещенные профессора и высококрасноречивые адвокаты. А ведь могут выскочить, с[укин]ы с[ын]ы! За ними еврейство, т.е. деньги. И за что евреи их любят?

Будьте здоровы. Желаю Вам всего лучшего, в том числе и попросят. Мой низкий поклон Вашей супруге.

Искренно ваш

Б.Савинков

¹ Шевченко Евгений Сергеевич (1877-1932) — юрист и литератор, потомственный почетный гражданин, окончил юридический ф-т Варшавского ун-та. С 1904 служил по ведомству Министерства юстиции, в 1912-1917 — чл. Винницкого окружного суда. В 1920-1921 — чл. РПЭК (в руководство не входил). В 1921-1924 — чл. НСЗРС, зампред Варшавского комитета этого Союза (т.е. Философова). Отвечал за конспиративную работу и, по мнению Философова, развалил ее: ср. в письмах Философова к Савинкову 1922-1924 постоянные упоминания о «трусости», «дунизме» (от польского *dupa* — задница), «рамолисменте» Ш. (ГА РФ. Ф.5831. Оп.1. Д.204. Л.54-56, 59, 60-61, 63-64, 89). В 1923-1924 передал непосредственные

связи с остатками НСЗРС в России И.Т. Фомичеву, мистифицированному (или уже перевербованному) ОГПУ, одобрял решение Савинкова ехать в Россию (см. оценку Ш. событий 1923-1924 и «измены» Савинкова: Шевченко Е. Амнистия, Е.С. и ряд сомнений.// ЗС. 1924. 20 сентября. С.2; Он же. Напрасные упреки.// ЗС. 1925. 22 июня. С.1). С 21 января 1924 — официальный редактор-издатель ЗС, после процесса Савинкова — чл. редколлегии газеты (со 2 сентября 1924).

² *Нахамкесы* — Савинков пародирует наст. фам. большевистского публициста Юрия Михайловича Стеклова (1873-1941).

³ *Белебухин и Жестяков* — персонажи рассказа Чехова «Маска», провинциальные чиновники, возмущавшиеся поведением хулигана на балу до тех пор, пока он не снял маску и они не узнали местного миллионера; после чего оба героя соревнуются в угодничестве перед ним.

35. Савинков — Амфитеатрову

24.V.[19]24. Paris

Дорогой Александр Валентинович,
не писал Вам давно — не посетуйте. Сперва был в безвестной отлучке, а потом происходили события. События эти меня весьма утешили. Раньше было так, что надо было кланчить гроши у знатных иностранцев и эти гроши посылать «дедушке на деревню». Этим до сих пор занимаются эсеры, уже не говоря о Кириллах¹. Теперь все переменялось... «Деревня» обзавелась своими грошами (от добротных дателей, ей Богу), помощи не просит и даже грозит сама помогать. Ныне отпускаешь!.. Я не склонен к излишнему оптимизму (морда-то вся в крови...), но на этот раз могу сказать, что несмотря на все несчастья, неудачи, провалы и расстрелы, «деревня» крепко стоит на своих ногах. Другой ветер подул в отечестве. Встали небужены и вышли непрошены²...

Вышли пока только из щелей, конечно, и идти еще очень далеко, гораздо дальше, чем это кажется Кусковой и Милюкову. Ну а все-таки идут. Идут, — а у меня сердце играет. Да и сознание, что не надо кланчить, огромно.

Очень бы хотелось повидаться и услышать Ваше разумное слово. Но черт Вас занес в сторону от всякой проезжей дороги, а ездить «pour le bon plaisir»³ не по силам. Не до жиру, быть бы живу... Что Вы думаете насчет Пасманика? Он стал получать «За свободу» и восторгнулся. Восторгнувшись, предлагает писать корреспонденции из Парижа. В великих князьях и князьках он разочаровался и ищет броду. Он человек честный, не глупый и не бездарный, но боюсь «клейма»⁴. Ведь все Чайковские завопят и все Филипповы поцелуют жирным поцелуем⁵. Я-то бы и ниче-

го, если остальные согласятся, и Вы, конечно. Напишите два слова.

Ох, тащим, тащим, тащим воз в гору, а колеса скрипят, не-мазанные, а клячки дышат боками, исхлестанные, а «доброжелатели» посмеиваются и, матерно ругаясь, вопрошают: «Куда, с[укины] с[ын]ы, лезете? На горе ведь город стоит: Виктя Чернов»⁶. Ну, да хоть бы до Викти добраться, все же лучше, чем Зиновьев и К°.

Желаю Вам всего самого лучшего, побольше здоровья и денег, главное. Очень уж противно жить в нищете...

Мой низкий поклон Вашей супруге.

С искренним уважением

Ваш Б.Савинков

¹ Речь идет о вел.кн. *Кирилле Владимировиче* (1876-1938) и его приверженцах. В 1923 он провозгласил себя (на основании Закона о престолонаследии 1797) «местоблюстителем престола», но не был признан в этом качестве никем из чл. Дома Романовых. Тема финансовой мощи российского подполья на фоне эмигрантской нищеты постепенно нарастает в это время в тайной переписке Савинкова и его окружения.

² Неточная цитата из финала поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1863-1877).

³ Ради удовольствия (фр.).

⁴ *Пасманик* Даниил Самойлович (1869-1930) — журналист, врач, мемуарист. До 1917 — кадет, участник еврейского национального движения. В эмиграции поддерживал Русский национальный комитет, определял себя как «русский и еврейский патриот». С июня 1924 — парижский корреспондент ЗС. После суда над Савинковым опубликовал воспоминания о своих встречах с ним в 1923-1924 (Савинковская легенда.// ЗС. 1924. 7 октября. С.2-3): «Особенную бодрость и веру в победу, — писал он там, — проявлял Б.В. именно в последние месяцы. Он мне радостно сообщил в июле [июне. — Публ.] с.г. о том, что его организация в России вполне обеспечена материальными средствами, так что она более не нуждается в помощи извне, а в начале июля он, вместе с А.А. Деренталем, в очень приподнятом настроении рассказали мне, что организация раздобыла огромные средства, ввиду чего газета "За Свободу" будет перенесена в Париж, но при условии организации подпольной редакции в Москве».

⁵ *Чайковский* Николай Васильевич (1850-1926) — политический деятель, народник, эсер, в 1917 — трудовик; в Гражданскую войну — глава и чл. ряда противобольшевистских правительств, с 1920 — в эмиграции. Был единственным из крупных деятелей, кто поддерживал (хотя и не без оговорок) «польскую акцию» Савинкова. Вероятно, что причина этой поддержки — масонские связи между ними с 1917. Отношения резко ухудшились в апреле-мае 1924, когда Ч. вмешался в семейные дела Савинкова (по

просьбе второй жены последнего — Е.И. Зильберберг). См. их переписку: ГА РФ. Ф.5831. Оп.1. Д.214 и Ф.5805. Д.305. *Филиппов* Александр И. — журналист, жил в Париже, в 1923-1925 — чл. редколлегии крайне правой «Русской газеты», в 1925-1928 — такого же «Русского времени», в 1928-1934 редактировал журн. «Театр и жизнь».

⁶ Савинков намекает на то, что будучи вынужден своими убеждениями вести борьбу с большевиками под демократическими лозунгами, он тем самым фактически действует в пользу единственного легитимного главы Учредительного Собрания — В.М. Чернова, в то время как он не только разошелся с ним навсегда еще задолго до 1917, но и самый лозунг верности УС отверг еще в годы Гражданской войны.

36. Амфитеатров — Савинкову

Levanto. 1924.V.27

Дорогой Борис Викторович,

со своей стороны я решительно ничего против Пасманика не скажу. Знаете хохлацкую поговорку: «нехай біс, абы не москаль». С легкой пародией и я говорю в том же роде: «Нехай жид, абы не соглашатель». А у Пасманика этого порока нет ни капельки. Что же касается воплей Чайковских, то, право, даже досадно: когда Вы перестанете считаться с мнением высокопочтенных упокойников, очень превосходных, но имеющих один великий недостаток: их забыли похоронить, а тела их обратились чрез то в живые мощи и оракульствуют. А если последуют чьи-либо нежелательные поцелуи, то ведь можно и ладонью по губам. Кто это Филиппов? Новая фигура?

Вчера получил, после должайшейго перерыва, длинное письмо от Бурцева. Изнемогает от безмолвия, бессилия, от неимения рогов на лбу при неугомонном желании бодаться. Относительно великих князей тоже в глубоком разочаровании! Не знаю Ваших отношений, а почему не подхватить бы сего престарелого юношу в «За свободу»? Ежели Пасманик, то почему не Бурцев? [Владимир] Льв[ович] невозможен там, где он хозяин и распоряжается самостоятельно, а в узде и изредка весьма полезен.

Увы! Впал в ересь: мне очень понравилась декларация Ник[олая] Ник[олаевича]. Крайне сожалею, что она вышла из уст великого князя и главы монархистов, но ведь нельзя не сознаться, что за три года эмиграции я не слыхал, чтобы кто-либо из партийных вождей говорил так просто, прямо, бескорыстно и честно, настояще, патриотически. А так как я знаю, что он не жулик, то значит говорит искренне, можно верить. И, Боже мой, как же он переполошил всю компанию Керенского! «Дни» больше ни о чем не пи-

шут². Я писал Арцыбашеву, что не худо бы ему заняться этим курьезом.

Ну, знаете ли, если зреть вверху горы Виктора Чернова, то лучше и впрямь принести присягу Николаю Николаевичу, поелику я ниже в том не уверен, чтобы Чернов оказался лучше Зиновьева с К°. Нет, ну их всех вместе в хорошее место. Подарил бы знакомому черту, да совестно: назад приведет.

Да, хорошо бы съехаться и нам с Вами, да и еще несколькими человекам, которые знают, что ни великие князья, ни Керенские, ни Черновы, ни меньшевики «не дадут нам избавления», и, съехавшись, подумать вкупе и влюбое, что же делать, как же быть, чем же горю пособить. Вон Бурцев то же самое пишет. И сын из Праги. И гельсингфорцы. Но нищие мы. На том все срывается.

Арцыбашев ворчит, что я не присылаю статьи о Муссолини. А я написал, да не понравилась. Переделал и уже запечатал было к отправке, — нет, подумал и распечатал, — не то. Надеюсь теперь справится³. Пишу статью о «Коне вороном», но она у меня неожиданно распозлзлась в целый трактат о терроре, и теперь я измышляю, как ввести сие наводнение в берега⁴.

Вышла в «Гранях» вторая часть моей «Непоседы»⁵. Лучше бы не выходила! Писано в 1913-1915, переписано в 1921-22, — появляется в 1924! Это называется родиться на свет прямо с бородой, даже седой, пожалуй. Не посылаю Вам экземпляра, извините, по той горестной причине, что прислали мне их... пять штук! Два утащили иногородние сыновья, один послал Масарику и остался при двух! Хорошо с нами обращаются наши господа издатели!

Работаю лениво и вяло. «Соломония Бесноватая»... беснуется!.. В действительности бесновалась 11 лет, — кажется, намерена не менее того и на бумаге.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Иллария Владимировна просит передать Вам привет! Все-таки раскачайтесь как-нибудь приехать к нам на передышку. У нас летом, вопреки жуткому безденежью, будет, кажется, небезынтересно. Ждал я к себе Масарику, да вчера получил от него cartolina из Таормины, что он возвращается в Прагу и не приедет. Жаль. О многом я собирался ему напеть, чего на письме не упишешь.

Ну, будьте здоровы! А что Деренталь? Давно я не имею от него вестей.

Ваш Ал.А-в

¹ «Те, кто близок для меня по взглядам, — писал Бурцев Амфитеатрову в упомянутом письме от 24 мая 1924, — совершили и совершают величайшие преступления против демократии и дела свободы и тем самым

поддерживали и продолжают поддерживать так или иначе большевизм, — и вот почему я продолжаю бороться с ним. Те же, с кем в данный момент приходится работать, в сущности очень далеки мне. У них нет никакого глубокого желания борьбы с большевиками. У них нет жертвенности. Это люди мертвые. Носятся с такими никчемными и мертвыми людьми, как Ник[олай] Ник[олаевич]. Многие из тех, кто еще недавно шел со мной рядом в "Общем деле", позорно бросили меня в самых ужасных условиях».

² Речь идет об интервью, данном вел.кн. Николаем Николаевичем американскому корреспонденту в мае 1924. Там, в частности, говорилось: «Мы не должны здесь на чужбине *предрешать* за русский народ коренных вопросов его государственного устройства. Они могут получить разрешение на русской земле в согласии с чаяниями русского народа». Не имея возражений на это заявление по существу, «Дни» предпочитали его рассматривать как тактический ход в стремлении монархистов заручиться поддержкой в финансовых кругах Запада для планируемой борьбы за власть в России. Этому интервью посвящены передовые «Дней» 11 мая 1924 — «Снова талдычат»; 15 мая — «Да или нет»; перепечатка ст. Е.Е. Лазарева «По поводу одной декларации» — 16 мая; письмо Л.Ф. Магеровского — 20 мая и передовая в вып. за 21 мая — «Раз и навсегда».

³ Статья Амфитеатрова о Муссолини была заказана ему редакцией ЗС как специалисту по фашизму. «Два его сына — фашисты, и один даже близок к Муссолини», — мотивировал свой выбор автора Арцыбашев в письме к Савинкову 25 апреля 1924 (ГА РФ. Ф.5831. Оп.1. Д.23. Л.4). Симпатии к фашистской Италии и лично к Муссолини звучали на страницах ЗС постоянно. Философов назвал Муссолини «гениальным», фашизм — «орудием борьбы здоровых национальных демократических начал против уродливого интернационализма большевиков», а приход фашистов к власти в Италии — «историческим событием громадной важности» (Еще одна годовщина.// ЗС. 1923. 7 ноября. С.2). Решение Муссолини признать СССР де-юре в ЗС практически не комментировалось, если не считать весьма мягкий фельетон А.Дикгофа-Деренталя (Не в этом дело!// ЗС. 1924. 21 января. С.1). Сам Савинков утверждал: «По одну сторону баррикады — фашизм, по другую — коммунизм. Посередине — болото. /.../ В нем можно только тонуть, но плавать по нем нельзя» (О фашизме.// ЗС. 1924. 22 мая. С.2), — называя «болотом» либерально-демократические и социалистические круги русской эмиграции, быстро распознавшие родство обоих тоталитарных режимов.

⁴ Речь идет о ст. Амфитеатрова «*Два Коня*» (ЗС. 1924. 21 и 22 июля). В ней автор, объявляя «террор против злоторящей власти» «героическим подвижничеством» и объясняя этим свою резкую отповедь «Коню Бледному» в 1909, вместе с тем высказывал сомнения в целесообразности индивидуального («личного») террора против большевиков: «Представим себе даже, что выискался бы какой-нибудь неразборчивый фанатик-белогвардеец, не утерпел бы, чтобы не прекратить существование товарища Рыкова. Что же из этого воспоследовало бы? Да решительно ничего. Са-

мое большее, что вместо выведенной из строя редьки хвостом книзу воткнули бы какую-нибудь редьку хвостом вверх». Несмотря на эти разногласия, Амфитеатров называл «Коня Вороного» «книгой будущего», а неблагоприятные отзывы критики объяснял громким политическим именем Савинкова-Ропшина. Предполагавшееся продолжение «Двух Коней», вероятно, написано не было.

⁵ Речь идет о публикации второго тома четырехтомной хроники «Сестры» в изд-ве «Грани» (Берлин, 1923). Положительная рецензия на это произведение появилась в ЗС (1923. 9 сентября).

37. Савинков — Амфитеатрову

10.VII.[19]24. Paris

Давно Вам не писал, дорогой и глубокоуважаемый Александр Валентинович, ибо был в отъезде. Ну-с, читаю «Русскую газету» и «Вечернее время» и в сотый раз узнаю, что у меня нет совести, что я гонюся за рекламой, что благодаря мне гибнут люди и прочее, тому подобное¹. Скажите, почему мы так любим обливаться друг друга помоями даже тогда, когда казалось бы... Нечего Вам говорить, что «разоблачения» «Русской газеты», по крайней мере, в части, касающейся нас, на 95% вздор, а что до утверждения, что «нет ничего», то о сем помолчим. Пусть «нет ничего» — ведь помощи я ни у кого не прошу, и никогда никому ничего не обещал. Ну, да черт с ними!

Прочел залпом многое множество «За свободу». Спасибо Вам огромное, что пишете. Газета ничего себе, но не русская, а эмигрантская, и информации мало, да и в иностранной политике перебор (надо бы определенно вести фашистскую линию). Вот скоро буду на месте и переговорю подробно с Д[митрием] В[ладимировичем], Порт[угаловым] и Арц[ыбашевым]. Хотелось бы и Вас повидать, очень бы хотелось, но как я Вам уже писал, черт Вас дернул поселиться в стороне от всякой проезжей дороги. Все мечтаю о «богатстве» (не выклянченном), но до сих пор еле-еле сводим концы с концами там, а чтобы уделить что-либо сюда, не приходится и думать, хоть маленькие гроши газета и получает оттуда. Без этих грошей наверное бы погибла давно. Однако мечты все остаются мечтами... Трудное это дело, Александр Валентинович, каким «рыцарем подполья» ни будь. Кстати, зазорного в таком «рыцарстве» по нынешним временам я не вижу ничего и даже, наоборот, если бы был моложе, то им бы гордился немного. Вообще мне иногда кажется, что все кругом сошли с ума. Вот, напр., Оберовский Съезд². Даже не решились сказать «боремся с коммунистами», а придумали длинную формулу с фиговым ли-

стком страха ради иудейского. Доживем до того, что прохвостами будут считаться те, кто не поклонился Зиновьеву-Радомысльскому и Каменеву-Розенфельду. Хоть плачь.

Как Вы поживаете? Немного завидую Вам. Ведь у Вас солнце, море, цветы, цикады, по вечерам лягушки поют. Кланяйтесь Вашей многоуважаемой супруге и верьте в мое искреннее к Вам уважение и сердечную преданность.

Б.Савинков

¹ Редактором газ. «*Вечернее время*» был Борис Алексеевич Суворин (1879-1940). В 1911-1917 она издавалась в Петербурге, в 1918-1920 — в Новочеркасске, Ростове, Харькове, Курске, Новороссийске, Феодосии, Симферополе. С 20 апреля 1924 возобновилась в Париже. Поддерживала вел.кн. Николая Николаевича. Об отношении к Савинкову см., напр.: Лялин А. Процессы савинковцев.// *Вечернее время*. 1924. 28 июня. С.2. Откликаясь на ленинградский процесс над группой бывших чл. НСЗРС, автор возмущается не столько жестокостью советского правосудия, сколько поведением самого Савинкова, который, по мнению газеты, в целях «дешевой рекламы» молчаливо санкционировал «выдумки чекистов» о наличии в России организации своих адептов. «*Русская газета*» — ежедневная газета такого же направления (Париж, 1923-1925, ред.-изд. Г.А. Алексинский, Е.А. Ефимовский и А.И. Филиппов). В июне 1925 оба издания слились в «*Русское время*», выходившее под ред. Б.Суворова и А.Филиппова до 1928.

² 23 июня 1924 в Париже прошла учредительная конференция «Международной лиги борьбы против III Интернационала»; президентом Лиги был избран швейцарский адвокат Теодор *Обер* (1878 - после 1948), бывший представитель Швейцарии в Международном бюро Красного Креста, прославившийся своим участием в лозаннском процессе над убийцами Воровского. Его речь в защиту организатора покушения Аркадия Полунина (ЗС. 1923. 19 и 20 ноября) сыграла важную роль в оправдании подсудимых и стала программой новой организации. «Активная» часть русской эмиграции ожидала, что Лига станет органом, координирующим в мировом масштабе борьбу (в т.ч. и вооруженную) против СССР, однако этого не произошло: к середине 1930-х деятельность этой организации была практически свернута, хотя формально она просуществовала до конца 1940-х, т.е. пережила роспуск Коминтерна.

38. Амфитеатров — Савинкову

Levanto. 1924.VII.21

Дорогой Борис Викторович,
жизнь столь убийственно гнусно, что я даже в «За свободу» написал, не разживутся ли прислать деньжонок бедному литератору, коего кредиторы поклялись удушить. Из-за бесед с тако-

выми милостивыми государями не отвечал Вам некоторое время. Нет, все-таки я Вам удивляюсь, как много придаете Вы значения словесам эмигрантской печати. Вот-то уж наплевать с высокого, но зеленого дуба! Любезностью Ельца¹ (слыхали Вы о таком?) стал я получать из Софии «Русь» и в полном ужасе от сего органа². Не в идеях дело, а в бездарности и порнографии. Ну, если монархисты ничего лучше высидеть не могут, — то, значит, им вовсе крышка. Неужели и парижские монархические органы столь же богомерзки? Все-таки же там в Париже у них имеются и литераторы, и публицисты, а «Русь» эта на Брешко-Брешковском идет — предел духовной нищеты!.. Нет, как поглядишь да посравнишь, то огорчаться не приходится: «За свободу» — лучшая газета, к[о]то[рая] есть в эмиграции (парижских не знаю). И не огорчайтесь, что она «эмигрантская». Эмиграции сейчас очень нужен твердый орган независимой мысли. Если бы я мог достать какие-нибудь деньги, то приехал бы в Париж издавать газету под названием «Центр» или «Ноев ковчег». Потому что, как ни верти, а это нужно.

Пасманик хорошо пишет. Деренталь совершенно забыл о моем существовании, а я, в отместку, читаю его роман с середины, п[отому] ч[то] № с началом пропал, и ровно ничего не понимаю.

Кончил большую главу «Соломонии Бесноватой» — о попах XVII в. 160 страниц! Ужас! Пишу о Муссолини и кончаю «Коня Вороного» — вторую и третью статьи.

Вообще, графоманствую весьма. Подгоняет мысль, что скоро останусь без моей рабочей библиотеки. Половина ее уже уложена для отправления в Прагу. Хочу во что бы то ни стало заставить моего друга Масарика купить ее, хотя, кажется, ему не очень-то этого хочется³.

Очень уж у нас тепло, — того гляди, мозги в голове начнут таять. Из России ни слуха, ни духа! Словно все там повыверли. А может быть, так оно и есть. Как-то пройдет и второй голод.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Пишите, покуда я не подох!

Ваш Ал.А-в

¹ *Елец* Юлий Лукьянович (Лукич) (1862-?) — писатель и историк, в 1920-е жил в Софии.

² «Русь» — газета монархического направления, выходившая в Софии в 1922 (закрыта болгарскими властями на №51) и в 1923-1927. Ее основатель — И.М. Каллиников (1892-1924, убит в Софии), редактор — С.С. Чазов. Ориентировалась на вел.кн. Николая Николаевича.

³ В 1923 правительство Чехословакии купило библиотеку Амфитеатрова, разрешив ему при этом пользоваться частью уже купленных книг для завершения начатых работ.

39. Савинков — Амфитеатрову

24.VII.[19]24. Paris

Дорогой Александр Валентинович,

одновременно получил Ваше письмо от 21-го и первую Вашу статью о «Конях». Что касается письма, то думаю и придумать не могу, как Вам помочь: все еще живу в водосточной трубе, в сущности подаянием, и о лучшем будущем только мечтаю. Но оно придет, это лучшее будущее... По крайней мере меня в этом уверяют мои друзья. Сии друзья не здесь, а у черта на рогах, и в этом трудность. На днях опять уезжаю и, может быть, на этот раз из моего коммивояжерства и выйдет какой-либо толк, даже и в смысле хлеба насущного. Очень был бы рад получить от Вас до отъезда еще письмо. В Вас я ощущаю *друга*, а у меня друзей за границей немного. Тем более я ценю, что Вы не забываете обо мне. Думаю, что и Вы не сомневаетесь в моем большом к Вам уважении и искренней привязанности. Эта привязанность началась, когда я Вас впервые увидел: в Петрограде, за обедом, в «Медведе». Был еще и Самсонов... Но о Самсонове говорить не буду.

Что до статьи, то позвольте с Вами не согласиться: этих прохвостов надо бить, бить и бить. Весь вопрос в «технике». По одиночке били (мелких перебили в провинции без конца), толку не вышло. Ну, а если бы, например, не в розницу, а оптом? Неужели Вы бы и тогда сказали, что не стоит? Воображаю, как негодует на Вас Арц[ыбашев]. Он встает и спать ложится с «одной молитвой на устах»... Каюсь, я молюсь тем же святым, и не только молюсь. Но денег нет, людей «першей кляссы» почти нет¹, «прохвосты» были всегда хитры, а стали еще хитрее и т.д. и т.д. Но я памятую твердо, что стена прошибается только лбом, и ковыряюсь, ковыряюсь, ковыряюсь. Тут уж не до жиру «Коня бледного», быть бы живу, как в «Коне вороном». «Моральное оправдание», «не убий» и проч. хороши у себя в кабинете (Вы бы посмотрели, что у меня за «кабинет»...), ну, а чуть выйдешь на улицу, посмотришь кругом, да вспомнишь, да сообразишь, да подумаешь, так «в зобу дыхание спирается», и уже не до того, «дорого» или «дешево», а просто красно в глазах. Никогда у меня так красно в глазах не бывало при царе, как бывает теперь. Мне иногда кажется, что все это злой и тяжелый сон. Вот уж сеяли капусту, а выросло черт знает что!.. Ну, а кроме того, согласитесь, всегда очень по-

лезно, когда с[укин] с[ын] знает, что лично на него имеется кнутик. Ох, дай Бог мне этот кнутик свить и еще больше дай Бог кнутиком этим кого следует и как следует хлестнуть²...

Но, может быть, я «изъездился», а молодых на это амплуа что-то как будто нет...

Книга Бурцева замечательна. Она необыкновенно правдива, необыкновенно скромна и, что всего удивительнее, необыкновенно беззлобна. Ведь Чернов и Натансон едва Бурцева не слопали с рожками и ножками, и лопали-то чавкая, причмокивая и приговаривая «мерзавец, мерзавец, мерзавец». Помню я эти кошмарные дни. Вдвойне кошмарные: из-за Азефа и из-за Бурцева. Что Азеф провокатор я не верил, но что Бурцев честнейший человек, я знал. А выходило так, что даже если Азеф провокатор, то Бурцев все-таки заслуживает распятия и заушения. Сколько мерзости внесли в Партию Натансон и в особенности Чернов!³

Повесть Дер[енталя] — фильм для синема. Напечатана она без моего согласия. Ее бы американцам продать, а не в «Свободе» печатать⁴.

Будьте здоровы. Сердечно Ваш

Б.Савинков

¹ «Люди першей кляссы» — в 1920-е конспиративная кличка Владимира Григорьевича Орлова (1882-1941). Соученик Савинкова по Варшавской гимназии, он окончил в 1904 юридический ф-т Варшавского ун-та и стал служить по ведомству Министерства юстиции. С 1912 — судебный следователь по особо важным делам Варшавского окружного суда. По некоторым данным — в 1912-1915 внедрился в революционные организации и работал за границей, в т.ч. — в США. В 1915-1917 — военный следователь при Ставке ВГК, участник расследования крупнейших шпионских дел того времени: Мясоедова, Сухомлинова и др. В 1917 — один из инициаторов расследования большевистских связей с германским Генштабом. Вероятно, летом 1917 возобновил знакомство с Савинковым и подружился с Бурцевым, став на долгие годы одним из его главных информаторов. В январе (?) — сентябре 1918 — по заданию ген. Алексеева — под фамилией Орлинского служил в Наркомюсте «с разведывательными целями»: содействовал выезду офицеров с большевистской территории в Добрармию, собирал сведения о видных большевиках. Он же устроил на работу в Петроградский угрозыск офицера британской разведки С.Рейлли. Одновременно О. работал на союзнические и германскую разведки. После разоблачения большевиками (сентябрь 1918) бежал 1 октября через советско-финскую границу, был ранен. В начале 1919 — в контрразведке группы Добрармии в Одессе. Летом — осенью 1919 — нач. Контрразведывательного отделения Генштаба ВСЮР. В 1920, служа в Севастополе (нач. разведывательной части при Особом отделении генштаба Русской армии ген. Врангеля), выдвинул идею создания Международного регистрацион-

ного бюро «для борьбы с большевистской агентурой в мировом масштабе». Осенью 1920 безуспешно пытался выехать из Варшавы в Париж: несмотря на усилия Савинкова, Рейлли, Бурцева, а также настойчивые апелляции О. к его собственным связям со спецслужбами Франции, власти этой страны отказали ему в визе. В 1921-1929 О. находится в Берлине, владелец частного информационного бюро, собиравшего сведения о Коминтерне и ВЧК-ОГПУ. В 1921 пытался объединить усилия НСЗРС с деятельностью правых эмигрантских организаций в Германии. В 1922 участвовал вместе с Савинковым и Рейлли в подготовке покушения на Чичерина при его проезде через Берлин по пути в Геную и обратно. Выполнял поручения Бурцева, собирая в германских полицейских архивах сведения об Азефе. Снабжал информацией также Рейлли и боевую организацию А.П. Кутепова. Участвовал в фабрикациях знаменитого «письма Зиновьева», публикация которого в октябре 1924 послужила поводом к падению в Великобритании лейбористского правительства Мак-Дональда. В феврале 1929 в Берлине с подачи ОГПУ уличен в фабрикациях и продаже фальшивых документов и арестован. После скандального процесса (1-11 июля 1929) осужден на 4 мес. тюрьмы и вскоре выслан из Германии. По материалам суда выпустил кн.: Orloff Wl. Mörder, Fälscher, Prowokateure. Berlin, 1929. Поселился в Бельгии, продолжал сотрудничать с Бурцевым, хотя и отошел от деловой активности. Умер в Берлине.

Упоминание его клички в частном письме (заведомо непонятное для корреспондента) показывает, *каких помощников* не хватало Савинкову в среде русской эмиграции. Ср. в письме Орлова к Бурцеву от 26 февраля 1925: «Откинув в сторону все рассуждения об этничности или незтичности моих действий, /.../ перехожу на активизм и выхожу из комнатной работы на улицу. /.../ Предполагаемые действия подрежут большевикам крылья в Европе» (ГА РФ. Ф.5802. Д.454. Л.37).

² Впоследствии Амфитеатров, процитировав этот абзац, добавлял: «Делал человек кнутик, а сделал кадило! Обещал лбом стену прошибить, а вместо того стукнул им об пол в земном поклоне...» (Кое-что о Савинкове. // ЗС. 1924. 1 октября).

³ В кн. В.Л. Бурцева, о которой идет речь, — «Борьба за свободную Россию: Мои воспоминания» (Т.1. Берлин, 1923), одним из главных сюжетов является разоблачение Азефа и третейский суд, который в 1908 в Париже рассматривал иск руководства ПСР по этому поводу к Бурцеву (С.255-274). Ко времени выхода книги уже были опубл. воспоминания Савинкова на ту же тему (Былое. 1917. №1-5/6; 1918. №1-3, 6). В них, написанных в 1909, ни слова не говорилось о внутренних разногласиях между представлявшими в третейском суде ЦК ПСР Савинковым, Черновым и Натансоном. Мировая война развела патриотов Бурцева и Савинкова с интернационалистами Черновым и Натансоном, поэтому Бурцев в своих мемуарах отделяет Савинкова от других руководителей ПСР. Свой комплиментарный отзыв о кн. Бурцева в письме к Амфитеатрову Савинков потом пересказал и самому историку при их последней встрече.

⁴ Имеется в виду повесть-сценарий А. Дикгофа-Деренталия «Под игмом Дракона» (ЗС. 1924. 1, 2, 3, 4, 8, 14, 23, 25 и 27 июля). В 1923 автор безуспешно

пешно пытался пристроить свое произведение в какое-либо американское изд-во или для съемок в Голливуде с помощью С.Рейлли, находившегося тогда в Нью-Йорке. 7 декабря 1923 тот писал Савинкову: «Я не хотел руководствоваться своим собственным мнением, поэтому перевел выдержки из нее [т.е. рукописи Деренталя. — *Публ.*] вслух знакомому издателю. Он всецело со мной согласился. Она совершенно невозможна. Как могли *Вы* думать, что здесь напечатают подобную галиматью? Ведь это тихий ужас во *всех* отношениях. Ни искры таланта! Последний «желтый» журнал — и тот не напечатает. Даже в самом апогее моды на пинкертоновские романы (вроде тех, которые покойная газ[ета] "Копейка" печатала продолжениями) — такого хлама *не* напечатали бы. О фильме, понятно, и говорить нечего /.../. Умоляю Вас, не показывайте этого письма А[лександр]у Ар[кадьевичу] — не хочу его огорчать. Скажите ему, что хотите» (ГА РФ. Ф.5831. Оп.1. Д.170. Л.138-138об.).

40. Савинков — Амфитеатрову

27.VII.[19]24. Paris

Дорогой Александр Валентинович,

Д.В. Философов переслал мне Ваше к нему письмо с примечанием, что денег в Варшаве нет. Посему я вылез из кожи и посылаю Вам во вторник 29/VII 850 фр[анков] франц[узских]¹.

Будьте здоровы.

С искренним уважением

Б.Савинков

¹ В письме к Философову от 16 июля 1924 Амфитеатров просил денег у ЗС в качестве аванса. См.: ГА РФ. Ф.5831. Д.21. Л.29-29об. и Д.204. Л.128.

41. Амфитеатров — Савинкову

Levanto. 1924.VII.29

Дорогой Борис Викторович,

очень я рад, что Вы так хорошо написали о Бурцеве. Он из тех людей, о которых сказано — «только труп его увидя, как много сделал он, поймут»... Что-то он мне не пишет. Хорошо было бы пристегнуть его к газете. Очень он совпадает с линией.

О взгляде моем на противобольшевицкий террор подождите судить до следующих «Двух коней». Они застоялись в конюшне, потому что «Конь вороной» с приездом моих сыновей, по обыкновению, сбежал, и только сегодня утром Daniele с торжеством возвестил мне, что обрел его между своими композициями.

Уж очень омерзительны и жутки дела. Послезавтра жду буквально «экономической смерти». Между тем, если каким-то чудом перескочу, — во что, впрочем, нисколько не верю, — то появились шансы выплыть и после некоторого барахтанья, может быть, даже и процвести со временем.

Послал в Варшаву вторую и третью статью «Civis Romanus» (о Муссолини). Пред четвертой стою в затруднении, хотя она уже написана. Приходится говорить о его декрете против печати, который был совершенно необходим¹. Так вот не знаю, как бы провести свою линию, чтобы необходимость эта стала для читателя русского ясна и не возопил бы он, с либеральной привычки, гласом мельгуновским: о, ужас! Дошли до оправдания цензуры и мер против свободы слова! Мне-то все равно, что будут на меня собак вешать, да чтобы читателя с толку не сбить. Поэтому еще и еще повникаю.

Ну, вот. Далеко ли вы едете? Желаю Вам счастливого пути и скорого возвращения. В газетах видел, что большевицкая филерская компания охотилась за Фирст[енбергом]. Вас это не коснулось какую-нибудь неприятностью?

До свидания. Живы будем, так увидимся. А надо бы как-нибудь ухитриться выжить. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал.А-в

¹ Между первой (Civis Romanus. I.// ЗС. 1924. 20 июня. С.1-3) и второй (Civis Romanus. II./ ЗС. 1924. 5 августа. С.2-4) ст. Амфитеатрова о Муссолини прошло полтора месяца. Этот перерыв был вызван похищением и убийством фашистами 10 июня парламентария-социалиста Д.Маттеотти, вызвавшим бурю возмущения во всем мире. Амфитеатров откликнулся на это событие двумя статьями: «Интермедия (к Civis Romanus)» (ЗС. 1924. 10 и 11 июля), в которых тогдашнее положение в фашистской партии сравнивал с кризисом в ПСР после разоблачения Азефа. Сравнивая Муссолини с Гарибальди, Амфитеатров писал о нем: «Не романтик он, бредящий воскрешением старины, но органический римский гражданин, Civis Romanus, те есть преемственный представитель самого трезвого и здравомыслящего из политических народов». Окончание этой серии статей (Civis Romanus. III и IV) появилось в ЗС 8, 13 и 14 августа 1924. Упомянутый декрет (их было два: 8 и 10 июля 1924) был ответом на антифашистскую кампанию в печати, развернутую оппозицией после гибели Маттеотти, и предусматривал возможность административного закрытия периодических изданий. Кроме того, отныне запрещалось редактировать газеты лицам, имевшим парламентскую или иную неприкосновенность, а также ликвидировался институт «зиц-редакторства». Попытке оправдать это нововведение (внутренне нележкой для такого бескомпромиссного защитника свободы печати, каким был всегда Амфитеатров) была посвящена его ст. Civis Romanus. IV.

Дорогой Борис Викторович,

Вчера только что отправил Вам письмо, а вечером принесли письма и от Д.В. Философова, к[ото]рый мне также сообщает, что переслал мое письмо Вам. За приятное уведомление не то что спасибо, а сверх, чрез и т.д. спасибо! Буду ждать с бессовестным нетерпением. Ужасно стыдно брать деньги из источников, кои сами еле-еле струятся. Если бы не совершенная крайность, то я не обратился бы к «За свободу». Но совсем меня задушили. То, что Вы мне так мило посылаете, не может нас выручить, но, авось, даст побарахтаться, а кто барахтается, тот еще не утонул. Тем более, что Д[митрий] В[ладимирович] обещает в начале августа прислать еще, сколько газета осилит. Если в августе мне удастся собрать тысячи четыре лир, то вот я и вылез на берег и отряхнусь, вроде мокрого пуделя, с наилучшими упованиями. Всего досаднее, что крушение происходит действительно у берега. Нашелся компаньон, хороший знакомый, солидный малый, к тому же командир местных фашистов, который, затеяв куроводство в широких размерах, предложил нам войти в его дело в половине, причем мы свой пай вносим имеющимся обзаведением с птицей и четвероногими вкуче, а он деньгами в размере оценки нашего инвентаря. Дело это уже совершенно столкновано и контракт выработан с обеих сторон, но, ежели завтра или послезавтра я буду объявлен несостоятельным, да еще на грошовую сумму, то, конечно, компаньон мгновенно спятится и *verfallen die ganze Postojke!*¹ А это единственный способ, чтобы ослабить петлю на шее, а может быть, и вовсе ее снять, потому что сбыта у нас сколько угодно, да, по совершенному отсутствию капитала, сбывать-то нечего: никогда не можем вовремя отвечать предложением на спрос. Требуют сотню яиц, а мы в состоянии дать дюжину. Требуют кур, а мы не смеем продавать, чтобы не лишиться наседок и несушек. И т.д. А между тем все превосходно поставлено и труда стоило жене и сыну Роману прямо-таки гигантского. Если мы как-нибудь вывернемся завтра (напр., если не опоздают посланные вами 850 фр., то, я полагаю, оттянем погибель на несколько дней), то, с устройством этого дела, я буду, по крайней мере, спокоен в том отношении, что у жены, сына и Сабины² не отнимут этого источника пропитания, бо меня — хоть и в тюрьму сажай: не заплачу. Терпеть — так терпеть до конца.

Вот. До свидания. Еще, еще и еще благодарю Вас. Желаю всего хорошего.

Ваш Ал.А-в

¹ Конец всей постройке (искаж. нем.).

² Амфитеатрова *Сабина* Александровна — дочь писателя. Об обстоятельствах ее бегства из России в 1923 — в письмах Ю.А. Григоркова и А.Н. Фену к Амфитеатрову, находящихся среди Amfmss.

43. Амфитеатров — Савинкову

Levanto. 1924. VIII.3

Дорогой Борис Викторович.

Сим Вас уведомляю, что 850 фр[анков] получил. Подлая почта, считая по курсу 15 августа, выдала за них только 972 лиры вместо 1003, за что и предана мною проклятию. Сердечное Вам спасибо. Жизнь удивительная. Играем вроде Феди в «Коне вороном» в акульку¹. Вчера я получил длинное и очень интересное письмо от Бурцева, где он с большой сердечностью пишет о свидании с Вами². Ах, уж это окаянное безденежье у всех порядочных людей. Уж как надо было бы съехаться да поговорить нам всем. Хотя с другой стороны, если договоримся до дела, а дела будет не на что делать, то станет еще грустнее. До свидания. Еще и еще благодарю Вас. Ах, кабы выиграть в акульку! Всего Вам хорошего.

Ваш А.А-в

¹ Игра в акульку и выигрыш в нее — в повести «Конь Вороной» символы отчаянного риска и везения. Общая прощальная тональность письма и настойчивое повторение слов об «акульке» показывает, что Амфитеатров ясно понимал, о каком «коммивояжерстве» писал ему Савинков в предпоследнем письме (№39), хотя и не знал деталей предполагаемой поездки в СССР (в частности, того, что Дикгоф-Деренталь собирался сопровождать своего патрона). О своей растерянности после советских сообщений 29-30 августа 1924 о «покаянии» Савинкова, о телеграммах в Париж Дикгофу-Деренталю с просьбой объяснить происходящее — А. рассказал через полгода (Записная книжка.// ЗС. 1925. 1 и 2 апреля).

² Письмо, о котором идет речь, было написано Бурцевым 29 июля и содержало развернутый анализ нравственно-политических установок автора в свете событий 1917-1918. Подробно останавливаясь на своих драматических отношениях с кадетами и эсерами, Бурцев выделяет такого же «непартийного», как и он сам, Савинкова, с которым «можно хорошо спорить, когда вы с ним даже не согласны». Воспоминания Бурцева о деле Азефа, условия моральной допустимости террора, оценка «Бесов» Достоевского, — таковы, по словам Бурцева, основные темы его последней беседы с Савинковым. Однако ряд фактов указывает на то, что разговор не ограничился теорией, как пытается представить дело в письме к Амфитеатрову сам Бурцев. Он был одним из немногих парижских друзей и старых знакомых Савинкова, кому тот сообщил о своем намерении

отправиться в СССР. Упомянутая беседа, состоявшаяся между ними в конце июля 1924, ввиду грянувшего поворота в судьбе Савинкова, обстоятельно комментировалась затем в печати обоими участниками разговора. См.: Из письма В.Л. Бурцева о Савинкове.// ЗС. 1924. 24 сентября. С.2; Бурцев Вл. Торг, измена, предательство.// Там же. 15 октября. С.2-3; Савинков Б. Открытое письмо к В.Л. Бурцеву.// Народная мысль (Рига). 1924. 17 октября; Ответ В.Л. Бурцева Б.В. Савинкову.// Новые русские вести (Гельсингфорс). 1924. 26-28 ноября. Бурцев подчеркивал исповедальный характер состоявшейся встречи со стороны Савинкова, вспоминал, как отговаривал его от поездки и предупреждал об опасности провокации, и оставался одним из немногих в русской эмиграции, кто исключал возможность предварительного сговора Савинкова с большевиками. Тем резче он клеймил Савинкова за отступничество на процессе и после него, называл его «большевицким рабом». Савинков представлял дело так, что приходил «посоветоваться по организационным вопросам» и сообщал о якобы высказанном Бурцевым во время встречи желании съездить в СССР. После гибели Савинкова Бурцев вернулся к этой теме в ст.: В сетях ГПУ: Исповедь Савинкова.// Иллюстрированная Россия (Париж). 1927. №42(127). 15 октября. С.1-7. Он придавал этому сюжету настолько большое значение, что — возобновив в 1933 сборники «Былое» — включил туда в качестве единственного оригинального материала пореволюционного периода письмо Савинкова и свой ответ ему. См.: Былое (Париж). 1933. №2. С.56-68.

***ИЗ ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖИЗНИ***

Борис Пастернак
ПИСЬМА К КОНСТАНТИНУ ЛОКСУ

Публикация Е.Б. и Е.В. Пастернак

Историк литературы Константин Григорьевич Локс (1889-1956) принадлежит к числу людей, связанных с Борисом Пастернаком длительной дружбой. Они вместе учились на философском отделении историко-филологического факультета Московского университета, участвовали в одних и тех же семинарах Г.Г. Шпета по Юму, С.И. Соболевского по «Этике» Аристотеля, Г.И. Челпанова по экспериментальной психологии. После занятий бродили вместе по Москве, беседовали.

В мемуарной «Повести об одном десятилетии (1907-1917)», написанной в военные зимы 1941-1943 годов в Москве, Константин Локс рассказал, как Пастернак, встречаясь с ним в эти годы, «обрушивался потоком афоризмов, метафор, поэзия здесь присутствовала как нечто подразумевающееся и не подлежащее отсрочке»¹. Они вместе заходили в Греческое кафе на Тверском бульваре, где Пастернак читал ему свои стихи и записывал их на клочках бумаги. Локс уносил эти листки домой, чтобы потом прочесть еще раз и постараться понять их смысл.

Некоторые из таких листков хранились потом у его ученицы Светланы Суховаловой. Там в частности осталось несколько вариантов стихотворения «Февраль. Достать чернил и плакать...». С посвящением Константину Локсу оно открывало собой первую публикацию стихов Пастернака в маленьком, изданном вскладчину альманахе «Лирика», вышедшем весной 1913 года.

Вспоминая в очерке «Люди и положения» о встречах с Локсом в литературном кружке «Сердарда», который собирался у поэта Юлиана Анисимова, Пастернак писал, что Локс впервые показал ему стихотворения

¹ Рукопись находится в РГБ. Отрывки опубликованы в «Вопросах литературы» (1990. №2). Цитируем по машинописи из семейного собрания. Далее материалы семейного собрания даются без ссылок.

Иннокентия Анненского, ему тогда совершенно неизвестного, потому что увидел в них признаки родства с «писаниями и блужданиями» самого Пастернака. След этого разговора сохранился в тексте стихотворения «Февраль...», где для передачи первого приближения весны, талого черного снега и голых деревьев с грачами на ветвях Пастернак взял метафору «черная весна», которая использована Анненским в названии страшно-го стихотворения 1906 года о смерти.

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.

Вероятно, именно на это сходство указал Пастернаку Локс, чем и объясняется, что стихотворение было посвящено ему.

В бумагах Пастернака 1910-х годов, которые сохранились у его брата, есть набросок письма к Локсу, написанного 23 декабря 1912 года. В нем теплые и темные дни оттепели конца декабря тоже названы «черной весной», причем эта ассоциация повторена дважды, как композиционный музыкальный прием: «О какая удивительная "черная весна" теперь! /.../ И опять черная весна!»

В «Повести об одном десятилетии» Локс красочно рисует собрания кружка в мезонине старого дома в Мало-Толстовском переулке у Юлиана Анисимова, а после его женитьбы на Вере Станевич — в квартире на Молчановке. Зимой 1912-1913 года Локс снимал комнату в той же квартире.

Пастернак познакомил Локса со своими родителями. И тот отметил некоторую напряженность его домашней жизни в семье, нежелание огорчать родителей неприятными разговорами о неопределенности своего будущего.

Поездка в Германию для того, чтобы познакомиться с самым значительным явлением современной философии и утвердиться в выборе профессии, стала последним преодолением соблазна «обезличивающей регистрации со стороны жизни» в пользу полного неизвестности пути в литературу.

В «Охранной грамоте» Пастернак связал рождение мечты о Марбурге с разговором в «обледенелом скворешнике» Café gres со своим однокурсником Дмитрием Самариним в феврале 1912 года. Именно тогда он впервые услышал от подсевшего к ним с Локсом Самарина рассказ не о философской школе, а влюбленное описание самого города, «его старины и поэзии». Когда в апреле мать предложила ему съездить за границу на сэкономленные ею 200 рублей, это представлялось уже вполне предпрешенным.

Открытка, отправленная Локсу из Марбурга, написана вскоре после торжественного зачисления Пастернака в студенты университета, которое сопровождалось пожеланием ректора, чтобы дыхание поэзии, овевающей этот город, стало обетом молодости. Удивительно, как преданно выполнил Пастернак этот обет. Он развивает в открытке тему драматической живописности городка и определяет фигуру и мысль Германа Ко-

гена, главы философской школы, его удаленностью от позитивизма и благополучия.

«Властное предрасположение» Марбурга к красоте и поэзии сделали для Пастернака самоочевидным выбор в пользу «исключительного положения искусства». Приехав для занятий философией, он резко порывает с ней после того, как получил предложение от Когена сделать в Германии философскую карьеру.

Зима 1912-1913 года после возвращения из Марбурга была временем наибольшей близости Пастернака и Локса. Они вместе готовились к окончанию университета, писали свои кандидатские сочинения. Локс зачастую оставался ночевать в гостинице у Пастернаков, точнее вместе проводить ночи за книгами. В «Повести об одном десятилетии» он с интересом вспоминает подробности сдачи государственных экзаменов. После их окончания он сразу уехал к себе домой в уездный город Сураж Черниговской губернии. Пастернак проводил лето на даче, снятой родителями по Курской железной дороге. Этим временем он датирует начало своих профессиональных занятий литературой. В очерке «Люди и положения» он воссоздает обстоятельства жизни на даче в имени Молоди и работы над стихотворениями книги «Близнец в тучах».

Письма Пастернака к Локсу лета 1913 года продолжили разговор, завязавшийся у них при окончании университета. Локс получил предложение преподавать в женской гимназии Потоцкой. После долгих обдумываний возможности службы в банке Пастернак удовлетворился зарплатком домашнего учителя.

«В общем, мы оба оказались в роли бальзаковских героев, — вспоминал Локс, — то есть должны были завоевать будущее».

В письме от 10 июля 1913 года Пастернак рассказывает Локсу о профессионально заинтересованном чтении Бальзака и Гофмана.

Потом он часто возвращался воспоминаниями к этой поре своей юности, подобные ситуации описаны им в «Повести», в «Докторе Живаго» и в «Охранной грамоте». О городе, как «необозримо огромном вступлении в жизнь каждого», написано в заметках Юрия Живаго, этой теме посвящено стихотворение «Гамлет».

Осенью по возвращении в Москву Пастернак поселился отдельно от родителей, сняв маленькую комнату в Лебяжьем переулке. Он бегал по урокам и готовил к изданию свою первую книгу стихов. Она печаталась в издательстве «Лирика», которое организовали члены кружка, собиравшегося у Анисимова.

К этому времени относятся серьезные занятия Пастернака английским языком. Он брал уроки у англичанки, к сожалению, ее имя нам неизвестно. Раньше она была гувернанткой сестер Высоцких, а теперь жила на Пречистенке в доме богатого коммерсанта Морица Филиппа, занимаясь с его 10-летним сыном Вальтером. Пастернак хотел научиться читать английских поэтов в подлиннике, свидетельством этому служит письмо к Локсу с выписками и переводами из Джона Китса. Эти занятия отразились также в дарственной надписи Локсу на «Близнеце в тучах», где Пастернак цитировал Уильяма Блейка:

The ruins of Time build mansions
in eternity...

W.Blake

Руины (фрагменты) времени слагают
обитатели вечности...

В.Блэк

Дорогому... инокулятору этой книги,
Константину Локс, истинному другу
с любовью и благодарностью.

Б.Пастернак

21.XII.913²

Пастернак называет Локса «инокулятором», благодаря его за близкое участие в составлении книги, — как бы прививку живых соков в ее организм.

В «Повести об одном десятилетии» Локс писал, что в «Близнеце в тучах» нашла себя «новая форма символизма, все время не упускавшая из виду реальность восприятия и душевного мира». В отличие от символистов, которые создавали новую проекцию деталей, Пастернак «не искажал, а только перемещал вещи и их контуры». «Помимо скрытого смысла, стихотворения имели свою собственную музыкальную стихию, осложнявшую этот смысл новой семантикой не логического, а музыкального характера». В этом Локс видел причину непонимания и неверной оценки первой книги Пастернака.

Издательство «Лирика» просуществовало около года. Поэт Сергей Бобров, тяготившийся антропософией и мистицизмом, которые все более распространялись в кружке, воспользовался постепенно назревавшим конфликтом между его участниками, тянувшимися в разные стороны. С согласия Пастернака и Асеева, которые сознавали несамостоятельность вкусов кружка и отсутствие каких-либо перспектив, Бобров от имени «Временного экстраординарного комитета Центрифуги» разослал членам кружка письмо с извещением о прекращении деятельности издательства.

Это произошло 22 января 1914 года. На предыдущем собрании Пастернак занял примирительную позицию, стараясь снять обидный для Анисимова характер их выхода из кружка и защищая его от нападок Боброва, желавшего немедленного разрыва. Но он попал между двух огней и «оскорбительный тон отдельных стилистических замечаний», сделанных по его адресу, ясно говорил о нарастающем неодобрении.

Впечатление было вскоре усилено при встрече с поэтом Николаем Мешковым, которого привел к Анисимовым Сергей Дурылин. Дух обновленно-славянофильской философии, который объединял большинство членов кружка, после разговора с Мешковым подтвердил Пастернаку его «коренную непоправимую чужеродность в глазах многих и многих», — как писал он Локсу 27 января 1914 года.

² Собрание Е.В. Суховаловой. Теперь — РГАЛИ.

Разбуженное в нем «чувство гордости и раздражения» толкнуло его к Боброву, и он согласился подписать составленный им «декрет», чтобы опровергнуть «позорную славу вечной тихости и смирения затравленной касты».

Оскорбительная записка, посланная разгневанным Анисимовым, заставила Пастернака вызвать его на дуэль. Это было 27 января — годовщина трагической дуэли Пушкина. Пастернак просил Локса быть посредником, Асеева — секундантом. Дуэль была назначена на 29 января, день смерти Пушкина и день рождения Пастернака. Анисимов принес необходимые извинения. Дуэль не состоялась.

Начало войны 1914 года Пастернак воспринял как крушение мира и всеевропейскую трагедию. Об этом свидетельствуют его письма того времени, в ряду которых находится и письмо к Локсу. В нем сказалось жгучее беспокойство за друга, по возрасту подлежавшего призыву. Пастернак проводил лето на Оке недалеко от Алексина. Он был учителем в доме поэта-символиста Юргиса Балтрушайтиса и занимался с его сыном Жоржем. Незадолго до начала войны в конце мая он ездил на призывную комиссию в Москву, где получил освобождение из-за сломанной в детстве ноги, сросшейся с укорочением.

Вспоминая в «Повести об одном десятилетии» чувства, обуревавшие его в августе 1914 года, Локс писал, что впервые тогда ощутил «зависимость своей судьбы от судьбы государства»:

«В руках гоголевских персонажей оказались судьбы нации. Что делать? Как быть? Идти на войну, защищать отечество? /.../ Вокруг слышались самые разнообразные суждения. Память о японской войне и наших неудачах была еще свежа /.../ Все привыкли к лени и благополучию, частные интересы в стране, лишенной общественного воспитания, приученной после революции 1905 года ругать правительство и не доверять ему, были сильнее патриотических чувств — отсюда хаос и смута в душе /.../ Так размышлял я, гуляя по саду, и, выйдя на улицу, не заметил никакой разницы в настроении у народной толпы. Войну обсуждали по-деловому — долго ли продлится, побьем ли мы немца и т.п. За свою тысячелетнюю историю народ привык к тому, что всякий серьезный спор решается с глубиной в руках /.../ Конечно, воевать не хотелось, но что поделаешь, воля Божья — закон, так повелось, естественная ненависть к другой национальности, позарившейся на наше достояние, и вот наши легионы потекли к границам, где их ожидали такие испытания».

Книгоиздательство «Центрифуга» ознаменовало свое открытие выпуском альманаха «Руконог», полемический задор которого был обращен против «Первого журнала русских футуристов», объединившего под своей обложкой поэтов «Гилеи» и «Мезонина поэзии».

Написанная по заказу Боброва статья Пастернака «Вассерманова реакция» была посвящена поэту Вадиму Шершеневичу, в свое время не принятому в «Лирику». Теперь он в критическом отделе «Первого журнала русских футуристов» позволил себе власть поиздеваться над отвергшими его «лириками». В «Вассермановой реакции» Пастернак определял стихи Шершеневича как пример «ложного футуризма», вызванный

к жизни требованиями дурного вкуса публики. К истинному футуризму он относил Хлебникова и с некоторыми оговорками Маяковского. В «Грамоте» и в разделе «Руконога» «Книжные новости» содержались прямые оскорбления по адресу «Журнала», его авторы назывались предателями и самозванцами, организаторами треста русских бездарей.

В письме к Боброву от 16 июля 1914 года Пастернак вспоминал, как неизвестно кем переименованным пришел к нему Бобров, получив ответный ультиматум, подписанный Маяковским, Большаковым и Шершеневичем. Сидевший у него Локс поддержал его совет Боброву отказаться от письменных переговоров и смело пойти на личные объяснения. Встреча враждующих сторон блестяще описана у Пастернака в «Охранной грамоте». Яркое впечатление от знакомства с Маяковским было подкреплено на следующий день случайной встречей с ним на Тверском бульваре. Пастернак издала заметил его под тентом Греческой кофейни и показал Локсу. Он играл с Ходасевичем в орла и решку. Пастернак подошел к нему и представил Локса. Маяковский предложил им прочесть свою «Трагедию».

«Вернувшись в совершенном потрясении тогда с бульвара, — писал Пастернак в "Охранной грамоте", — я не знал, что предпринять /.../ Если бы я был моложе, я бросил бы литературу».

Письма лета 1914 года подтверждают это намерение. Он отказывал Боброву в материале для следующего сборника Центрифуги, сторонясь «духа затхлой и узкой партийности». Он более не желал принимать участие в полемическом «угаре невежественности и самого неблагоприятного нахальства», будучи недоволен собой и тем, «во что постепенно превратился в последние годы»³.

В письмах к Локсу, посланных в конце 1916 и начале 1917 года, продолжен разговор о надеждах на положительную программу Центрифуги. Во втором сборнике, который вышел в апреле 1916 года, были помещены несколько стихотворений Пастернака и теоретическая статья «Черный бокал» о художественной родословной футуризма. К участию в третьем сборнике Пастернак настойчиво привлекал Локса в надежде на его вкус и широту взглядов. Но теперь он не шел на поводу у Боброва и твердо отстаивал свое собственное понимание. «Не грызись там слишком, — писал он ему. — Боюсь, подведешь ты меня там чем-нибудь таким, что для меня участие в альманахе сделаешь невозможным. Ну, вот к примеру хоть — травлей Маяковского».

В ответ на просьбу Боброва написать о неловкости «извозчичьего» стиля Маяковского и заняться чистой его фразеологией, Пастернак отозвался восторженной статьей о Маяковском как ярком примере становления современного художественного дарования.

В «Повести об одном десятилетии» Локс писал о своей книге об искусстве, которой хотел придать «форму свободного диалога, позволяющего отступления в разные стороны». Об этой книге он много разговаривал с Пастернаком и показывал уже написанные куски. Она должна была называться «Катехизис небезразличного в искусстве», но так и не была окончена.

³ Здесь и далее письма Пастернака Боброву: РГАЛИ. Ф.2554. Оп.1.

Стремясь ободрить Локса в работе над книгой, Пастернак писал ему из Тихих Гор, куда уехал осенью 1916 года: «Верьте мне, это очень хорошая книга, ее непременно надо закончить и издать; она сплошь существенна, нагнетена, лаконична. Вы находите в ней краткие формулы и определения для многого такого, что сейчас до неузнаваемости замутнено символистической фразеологией».

Локс вспоминал, как в один из холодных осенних вечеров, когда он сидел над своей книгой, желая «написать о символизме и реализме, о догмате и мифе, о поэзии и прозе и так далее», к нему зашел Бобров, «довольно злой, изящный, но полный полемического жара». Он «готовил третий альманах и был озабочен двумя книгами, на которые, по его мнению, следовало дать ответ. То были "Борозды и межи" Вяч. Иванова и книга Андрея Белого о Штейнере и Гете. Антропософов, свивших прочное гнездо в квартире Анисимовых, я не любил и охотно взялся за эту тему», — писал Локс.

Приготовленные им для третьего сборника Центрифуги статьи о Белом и В.Иванове были отданы в свое время Боброву и остались, как и весь сборник, не изданными. По-видимому, статья была вызвана не столько книгой Белого, как пишет Локс, а его докладом на эту же тему, на котором присутствовали Локс и Бобров. Книга вышла позже, и откликнуться на нее Бобров попросил Пастернака, надеясь найти у него поддержку своим полемическим замыслам.

Но не тут-то было.

«К чему нам разбирать Андрея Белого? — писал ему в ответ Пастернак 3 февраля 1917 года. — Эта антропософия до литературы никакого касательства не имеет. — Неужто же за всякое поминание символизма нам все еще по старой памяти хвататься?»

Перед отъездом в Тихие Горы Пастернак сдал в типографию свою вторую книгу стихов «Поверх барьеров». Приехав на Каму в первой декаде октября 1916 года, он был поражен удивительной красотой огромной реки и ровной теплой безоблачностью солнечной погоды. Он попробовал записать свои впечатления в стихах.

«Я видел, как коченеет Кама. Этого не опишешь. Лучше и не пытаться», — сообщал он Локсу. Эти картины стали содержанием двух стихотворений, которые, однако, в «Поверх барьеров» не вошли и были впервые опубликованы только через пять лет в журнале «Жизнь» (1922, №1) под названием «Над Камой»:

Не стало туманов. Забыли про пасмурность.

Часами смеркалось. Сквозь все вечера

Открылся, в жару, в лихорадке и насморке

Большой горизонт — и дворы озирали.

И стынула кровь. Но, казалось, не стынут

Пруды, и — казалось с последних погод

Не движутся дни, и казалось — вынут

Из мира прозрачный, как звук, небосвод.

С первых дней Пастернак взялся за перевод трагедии английского поэта Чарльза Алджернона Суинберна «Пьер де Шателляр» из трилогии о

о Марии Стюарт. Работа была завершена к середине ноября. В январе 1917 года он писал Локсу о том, что переводит третью трагедию из этой трилогии, которая осталась не окончена. Рукопись «Шателера» предполагалась к изданию во «Всемирной литературе» в 1920 году, но была потеряна петербургской типографией.

Похожей была судьба и других работ, написанных этой зимой. Они не сохранились, исключением оказались посланные Боброву статьи об Асееве и Маяковском, стихотворения «Два посвящения» и «Наброски к фантазии "Поэма о ближнем"». Третий сборник Центрифуги издан не был, рукописи остались в бумагах Боброва и были опубликованы в 1965 и 1990 годах.

Работа в конторе завода отнимала много времени. Кроме того, Пастернак занимался с сыном директора завода, Володей Карповым. Он мечтал написать книгу прозы, в которую должны были войти несколько новелл. В рождественские дни им овладело радостное предчувствие нового. Обещание конца сидения в конторе. Праздничные дни. Для изголодавшегося по работе этого было достаточно. В ночь после Рождества он начал писать новеллу, которую закончил через неделю.

«Я не дал еще ей названия. Она оригинальнее "Апеллесовой черты" и по сюжету и по письму и сильнее по вложенному в нее темпераменту. 9-го [января] вечером, позавчера, я читал ее Пепе [Збарскому], которому она очень понравилась», — писал он об этой новелле родителям.

Вероятно, это «История одной контроктавы», сохранившаяся в рукописи и изданная посмертно в 1972 году. Другая новелла, которую Пастернак написал вслед за первой, называлась «Карета герцогини». Работа над ней была прервана внезапно налетевшим лирическим замыслом «Поэмы о ближнем». По-видимому, толчком к ней, пробудившим воспоминания, явились разговоры со Збарскими. Рукопись первых глав была послана Боброву и долгое время сохранялась у него. Продолжение работы, о которой Пастернак писал Локсу («вдвое против посланного Сергею больше»), — неизвестно. Отрывки из неизданной поэмы в переработанном виде публиковались в 1929 году в «Новом мире» и вошли в сборник «Поверх барьеров» 1929 года. Во втором из них («Я спал. В ту ночь мой дух дежурил...») речь идет о том самом ночном пробуждении, которое так взволновало Пастернака и о котором он писал Локсу 13 февраля 1917 года.

В последних числах декабря вышла задержанная в типографии военной цензурой вторая книга стихов Пастернака «Поверх барьеров». Не имея возможности читать корректуры, Пастернак понадеялся на Боброва, но тот не имел возможности отнестись к этому серьезно, и книга вышла с огромным количеством опечаток. Автор старательно исправлял их в дарственных экземплярах. Один из них он надписал и послал Локсу:

Дорогому другу Косте,
в палату самоненавистничества
от выписавшегося
С любовью Б.Пастернак

Тихие Горы. 14.II-17.

С советом по его примеру
признать себя здоровым
связать белье в узелок
выйти, вдохнуть полной грудью
облако, другое, —

Боря⁴.

Эта надпись метафорически передает основную мысль посланного двумя днями раньше письма. Пожелание избавиться от мучительного комплекса неполноценности сопоставлено здесь с состоянием человека, превозмогшего болезнь. Это сравнение было использовано Пастернаком позже в известном стихотворении 1918 года и относилось уже к тому времени, когда он осознал конец отношений с героиней любовной лирики 1917 года Еленой Виноград и почувствовал необходимость выздороветь:

Весна, я с улицы, где тополь удивлен,
Где даль пугается, где дом упасть боится,
Где воздух синь, как узелок с бельем
У выписавшегося из больницы.

Локс вспоминал, что впервые видел «Поверх барьеров» еще осенью у Боброва и отметил, что стихотворения, посвященные войне, были искажены цензурой.

«Остальные в каком-то смысле передавали внутренний смысл разбушевавшихся стихий /.../ В ней все было перевернуто, разбросано, разорвано, и некоторые строфы напоминали судорожно сведенные руки».

К сожалению, не сохранилось письмо Локса, так поразившее Пастернака, в котором он писал о «дифирамбизме» «Поверх барьеров». Впоследствии когда Пастернак готовил к переизданию свои ранние стихи, он переделал многое из этой книги и, желая усилить ее «дифирамбизм», убирал диссонирующие с ним элементы тоски и одиночества. Локс не одобрял эти изменения и в «Повести об одном десятилетии» писал, что они совершенно исказили «эту замечательную книгу».

Вскоре после возвращения Пастернака из Тихих Гор, в марте 1917 года, Локс встретил его на улице в счастливом приподнятом настроении. Он приступил к работе над историческим романом о Великой французской революции. По-видимому, на этот замысел он намекал Локсу в письме от 27 января, когда писал о своих планах на лето, требовавших занятий в Румянцевской библиотеке. Локс запомнил книги, взгромоздившиеся на столе, с подробными планами Парижа той эпохи, особенностями быта и нравов. Пастернак читал ему начало одной главы. От этой работы осталось две сцены, написанные стихами и напечатанные в газете «Знамя труда» в 1918 году под названием «Драматические отрывки».

Осенью 1917 года Пастернак начал писать прозу. Теперь это была современность. Сохранившееся начало романа посвящено теме становления героини, росту самосознания. В середине октября он читал его Локсу. Позже оно было опубликовано как повесть «Детство Люверс».

⁴ Собрание Е.В. Суховаловой. Теперь — РГАЛИ.

Во второй главе «Посторонний» на примере случайной гибели случайного человека Пастернак рисовал процесс становления сознания героини, формирования абстрактного момента. Обостренный голос совести как чувства собственной греховности заставлял ее видеть в себе причину смерти «постороннего», которого она, заметив впервые и запомнив, стала встречать потом на каждом шагу. Не случайно, что «идея третьего человека», человека случайного и без имени, стала центральным моментом освоения мира в главах, писавшихся осенью и зимой 1917-1918, когда широко распространилась практика «революционного правосознания».

О «безусловном метафизическом запрете, лежащем на убийстве» как об основной характеристике живого человека Пастернак писал в письме Локсу еще 20 июля 1913 года. Тем летом в связи с чтением «Майората» Гофмана и романов Бальзака у него определилось понимание того, что «встречные и прохожие люди — сборища разных я, что они абсолютны и оригинальны» и наделены «самым резким свойством, в мире, свойством оживленности».

Вспоминая о «Детстве Люверс» в «Повести об одном десятилетии», Локс останавливает внимание только на «изумительном проникновении в психологию девочки, перед которой раскрывается мир», не вникая в смысл зарождения в этой психологии абстрактного момента одушевленности. Поминание этого было в то время опасно, в чем лежит причина того, что повесть, по замечанию Локса, «была недостаточно понята и оценена современниками». Написанная Локсом в 1925 году рецензия на сборник прозы Пастернака тоже ограничивалась характеристикой медлительности тяжелого сюжета «Детства Люверс», обновившего отдельные частности. Единственной фабулой повести Локс называл «громкий во весь голос разговор о том, о чем мы не умеем говорить или говорим только шепотом. Человек медленно прорастает сквозь дремучую толщу мира, его на каждом шагу окружают неслыханные чудеса, очень, впрочем, обычные — улыбка матери, сияние звезды и более прозаический свет лампы» (Красная Новь. 1925. №8. С.286).

В 1922 году Пастернак ездил в Берлин, где вышла его четвертая книга стихов «Темы и вариации». Автор послал ее Локсу, женившемуся на Нине Всеволодовне Завадской, с теплой надписью:

Дорогим Косте и Нине Локсам
в память прошлого, в знак настоящего и в залог будущего,
как непрерывным проводом
переплетенных постоянной преданностью
автора.

29.I.23. Берлин.

Б.Пастернак

Новое издание книги «Поверх барьеров» открывалось стихами из альманаха «Лирика» 1913 года. При перепечатке стихотворение «Февраль. Достать чернил и плакать...» подверглось некоторым изменениям. Было снято посвящение, но образ «черной весны» остался сохранен. Надписывая дарственный экземпляр книги Локсу, Пастернак объяснял:

Дорогому Косте Локсу,
которому было и осталось посвящено

первое стихотворение книги,
в благодарность за долгую дружбу
и за Анненского, которого он мне открыл.
Б.П.

6.Х.29⁵.

Через несколько дней после получения книги Локс опубликовал в «Литературной газете» (28 октября 1929) рецензию на нее, в которой он не мог скрыть, что его огорчили новые переделки старых стихов.

Пастернак с неизменным участием относился к Локсу, ценя в нем тонкого знатока европейской литературы, стилиста и критика. Но с возрастом ему уже не приходилось спрашивать его советов и им следовать, а Локсу не всегда были понятны перемены, которые происходили с его старым другом. Постепенно время и разница литературных интересов и занятий разводили их врозь, бывшая близость распалась.

Занявшись после университета преподаванием, Локс стал блестящим педагогом. После работы в нескольких частных гимназиях, в 20-е годы он преподавал в Высшем литературно-художественном институте имени Брюсова, заведовал там кафедрой прозы. Регулярно печатался как критик в журналах «Красная новь», «Интернациональная литература», «Новый мир», «Знамя». После войны преподавал в ГИТИСе, переводил с французского романы и повести Бальзака, Мериме, Стендаля.

Его по-прежнему близко интересовала литературная судьба Пастернака, они периодически встречались и достаточно знали о жизни друг друга. От этого времени сохранилась небольшая записка с обещанием скорой встречи. Но в последние годы Пастернак резко сузил круг своих друзей и всецело отдался писанию романа «Доктор Живаго», как исполнению своего пожизненного долга и в первую очередь долга перед поколением, тех самых мальчиков 1910-х годов, вместе с которыми он начинал свой путь в науке, философии, искусстве. Он отказывался от всего, что отрывало его от работы, волновало воспоминаниями о неосуществленном, отсекал былые привязанности.

В 1955 году сидя у постели больного Локса, его близкий друг Евгения Филипповна Кунина позвонила Пастернаку по телефону. Она записала жестокие слова, которые услышала в ответ:

« — Меня нет. Есть работа, есть то, что я должен сделать... Вы хотите сказать, Женя, что я негодяй?

Ну, что было отвечать, — вспоминала Е.Ф. Кунина. — Больно было и за Константина Григорьевича, брошенного в тяжелую для него минуту — последнюю пору жизни, ”за невмещением в поставленные себе рамки“ — прежним другом. И за Бориса Леонидовича — целиком, до душевной удушки, отданного призванию. Он был прав — очень жестокой правотой. Он был — он ощущал себя — заложником Вечности, у Времени в плену».

Это было то время, когда спешно дописывались последние главы романа, в эпилоге которого «состарившиеся друзья», сидя над тетрадью стихов Живаго, мечтали о будущем «просветлении и освобождении».

⁵ Собрание Е.В. Суховаловой. Теперь — РГАЛИ.

«И книжка в их руках как бы знала все это и давала их чувствам поддержку и подтверждение».

Евгения Филипповна Кунина в 1979 году передала нам 11 писем Пастернака, которые сохранились у Локса, и машинопись его «Повести об одном десятилетии». Два письма 1917 года были опубликованы в «Вопросах литературы» (1972. №9). Открытка из Марбурга — в сборнике «Памятники культуры. Новые открытия» (1990). С исправлением ошибок эти тексты для полноты картины включены в предлагаемую подборку.

Произведения Пастернака, включенные в Собрание сочинений в пяти томах («Художественная литература», 1989-1991), даются без ссылок.

1

[Marburg. 19.V.1912]

Сегодня праздник, и у меня нет открытки с видом под рукой. Простите поэтому, дорогой Костя, что эта записка не будет соответствовать своему происхождению. Мне трудно представить себе место на земле, иллюстрированное в большей степени, чем Марбург. И это не та поверхностная живописность, о которой мы говорим, что она восхитительна или прелестна. Испытанные, окрепшие в веках красоты этого городка, покровительствуемого легендой о св.Елисавете (нач. XIII столетия), имеют какое-то темное и властное *предрасположение*. К органу, к готике, к чему-то прерванному и недовершенному, что зарыто здесь. С этой чертой оживает город. Но он не — оживлен. Это не живость. Это какое-то глухое напряжение архаического. И это напряжение — создает все: сумерки, душевность садов, опрятное безлюдье полдня, туманные вечера. История становится здесь землей. Это знают, это чувствуют все: ректор, производя торжественное зачисление несметной толпы студентов (и меня и меня и меня), пожелал нам, чтобы дыхание поэзии, овевающей город святой Елисаветы, унесли мы с собой как обет молодости¹. Коген — сверхъестественное что-то. Он часто как-то зло и горестно чудит. В семинарии не знают тогда, что делать. В нем много драматического. Я не знаю ничего, что было бы дальше от позитивизма, уравновешенности и благополучия, чем его мысль и его фигура. *Чисто* философская курия, очень немногочисленная, представляет с[обой] редкое, величавое явление. Все это люди, в своем непрерывном, ежедневном росте ушедшие по плечи в какое-то небо идеализма. У подо-

швы этого хребта (ничего общего с корпорациями и чернью!!) чудачит горсть художественных *enfants terribles*. Это представители декаданса. Один из них молится на Когена; но Шелли, Свинберн и Эсхил, на которых он воспитался, заставляют его терроризировать кофейни с цитатами из Верлена на устах. С ним я познакомился. Я думал о вас.

Мой адрес: Herrn V.Pasternak. Marburg a/h Gisselbergerstr. 15/II.

Напишите мне закрытое письмо. Как Ваша статья о Леонтьеве².

Открытка датируется по почтовому штемпелю Марбурга (новый стиль).

¹ Торжественное зачисление в студенты происходило в старинном актовом зале университета «aula» 18 мая 1912 года. Пастернак описывал это событие в письме к сестре Жозефине: «После многих имен я услышал свое, подошел к ректору, пожал ему руку и мне вручили имматрикуляцию и лист, что я: "durch Handschag feierlich gelobt habe" [рукопожатием торжественно посвящен] и т.д. То есть я теперь действительный студент Марбургского университета в такой же мере, как и Московского» (Памятники культуры. Новые открытия. 1990. С.58).

² Статья Локса о Константине Леонтьеве, по-видимому, не была окончена.

2

[23 декабря 1912]

Дорогой Костя.

Мое письмо выйдет личным, неинтересным, жалующимся. Просветите его светом сочельника, в который Вы возьмете его в руки.

О какая удивительная черная весна¹ сейчас! Мой урок увлекает меня в самую глушь Разгуляя²; немецкая семья готовится к елке, это заметно по освещению, по состоянию печей и затиший, по распределению крови в сосудистой ткани их склеротических щек, и еще по тому, что вынесены ковры из кабинета. О какой странный час этот час урока. Куда не закатывается только время! Мне кажется, оно подкатывается под самый Разгуляй, и тогда его ищут везде, и это — сумерки; и когда отчаиваются в поисках, ищут уже с фонарями; и вдруг его находят, часам к восьми; и тогда его выкатывают снова с застав к циркулирующим центрам.

Английская раса брошена как вызов; это идея, при помощи которой можно дать сжатое определение ее национальных черт.

Обращаясь к ней, надо *поднять* ее, это долг благородства. Это поднятие народа на большую высоту не должно быть смешиваемо с теми преувеличениями, которые говорят об отсутствии меры, а потому и о недостатках оценки. Байронизм или Бердслеизм, или эстетизм, или, наконец, Эдгаризм Бодлера³ — все эти виды тонкого пользования намеками, данными самою нацией, оказывающей эти влияния. Своим превосходством она говорит только о своем желании поравняться с другими.

Таков мой второй урок.

Как мало обещает сочетание слов «Игорь Северянин». Между тем после двусмысленностей, колеблющихся между косметикой и акосмизмом следует поэма, развернутая во всем великолепии ритмики и мелодичности, которая составлена из названий мороженого, пропетых гарсоном по площади под нестройный, плещущий гомон столиков. В этом стихотворении при всей его вычурности, — на уровне первобытных наблюдений, — схвачена печаль разнообразия, — всякого разнообразия — не покоренного целостностью. Что же касается дальнейших стихотворений, то в них уже — открытое море лирики. Пришлось забыть об «Эстетике», ее серой обивке, ее мертвенности. Как жаль, что Вы не успели побывать на этом «четверге»⁴.

И опять, «черная весна».

О как возвращаются эти состояния! Как забывшие захватить что-то, принадлежащее им, незамеченное тобою. Зачем я чувствую так свое бессилие! Силой воли, если ее чувствуешь в себе... «одоляется» у тебя природа и вообще вся цепь впечатлений — питаются ею, и наконец, благодатно покоряют тебя твоим же собственным оружием. Бессилие, напротив, есть какая-то неприступность человека, перед которой отступают все впечатленья.

Ну, вот Вам и страничка резонерства. Сейчас отдышусь, отру шею и виски, и буду продолжать.

Письмо осталось недописанным и не было отправлено. Датируется днем накануне рождественского сочельника и по упоминанию вечера Игоря Северянина, состоявшегося в обществе «Свободной эстетики» 20 декабря 1912 года.

¹ «Черная весна» — название стихотворения Иннокентия Анненского 1906 года. См. об этом в предисловии.

² Пастернак зарабатывал уроками в богатых домах. По-видимому, имеются в виду уроки с сыном немецкого промышленника и коммерсанта Эдуарда Соломона, Иоанном (Бубчиком). Другой урок — возможно — в доме Мориса Филиппа, где Пастернак занимался с сыном хозяина Валь-

тером, а сам учился английскому у его гувернантки. Слова об английской расе вызывают ассоциации с героиней «Повести» Пастернака (1929) Анной Арильд. См. также о занятиях английским в предисловии.

³ Эдгаризм Бодлера — имеются в виду переводы стихов Эдгара По на французский язык, сделанные Шарлем Бодлером.

⁴ Речь идет о вечере Северянина в «Свободной эстетике» (см. выше). В полном соответствии с наблюдениями, сделанными на этом вечере, Пастернак писал в очерке «Люди и положения»: «Северянин /.../ распевал свои стихи на два-три популярных мотива из французских опер, и это не впадало в пошлость и не оскорбляло слуха. Его неразвитость, безвкусица и пошлые словоновшества в соединении с его завидно чистой, свободно лившейся поэтической дикцией создали особый, странный жанр, представляющий, под покровом банальности, запоздалый приход тургеневщины в поэзию».

3

Молоди
[20.6.1913]

Дорогой Костя!

Я вам писал в первые же дни. Несколько вечеров подряд выходил я, с пустой тоскою в сердце, на Пречистенский бульвар, который белел какой-то свернувшейся и брошенной оболочкой наших экзаменов. Поразительно быстро стало все это отдаленным прошлым. Может быть я ускорил это превращение. Почти вслед за вами снялся и я с прискучившего места и целую неделю до самого переезда наших провел в полнейшем уединении¹. Но оно было совершенно бесплодно до сих пор. Книги ваши, как и пальто на вате и пр. — будет лежать у нас, застрахованное от моли и от соблазнов ломбарда. Во всяком случае спасибо вам большое за блестящую вашу мысль, которая могла родиться только после года непрестанной богемы.

Я писал вам в первые же дни. Потом мне показалось, что мне не о чем писать, потом я с сожалением убедился в справедливости этого, потом я целые дни проводил в траве, отгоняя слепней, избегая муравейников, и старался не думать о том, что я опустошен окончательно и что самое умение закидывать приманку для улавливания космической благодати в свои руки оставило меня. Потом все переменялось, и переменялось еще раз.

Но знаете, здесь прекрасно как-то свыше сил, и без обиняков и примечаний. Дом Екатерининского времени. Комнаты невероятно велики и тех уже размеров, когда несколько кресел у письменного стола, лампа, и человек за книгой образуют отдельную, вну-

треннюю группу среди прочей пустыни. Но все же *свою* комнату делю я с братом. Правда, это не детская уже. Здесь неизреченно хорошо. Как мне поверить, что все это чудо «за моим подоконником» так же чудесно и у соседей, и дальше, и вероятно у Вас. Что Вы делаете, как себя чувствуете, как проводите время, благосклонен ли к Вам ваш ангел-хранитель? Может быть он сопутствует нам только до получения выпускного свидетельства. Во всяком случае я оставлен всеми богами.

Хотя здесь церковь вблизи, тоже старинная, парящая как-то в высоте, куда она увлекла за собою версты необъятных лесов.

Но погоды пасмурные, с укориженно светлыми, безответными вечерами. Они не оставляют ни следа за собой, несмотря на то, что я прилагаю все старания. О нет, это неправда. Я ничего не делаю. Я рассуждаю теперь только во сне. Но у меня все же философская жилка: вы поймете, как пагубна эта черта при таких условиях.

Писем не запирают, как запирают *cafés*. Но я расстаюсь с Вами, потому что мои намерения вероятно ясны уже для Вас: это письмо ради ответа, которого я буду ждать с нетерпением.

Зачем я в таком случае писал? Да, правда, зачем было писать это. Мне хочется вас видеть. Но если бы мы встретились, я дал бы Вам говорить первому. Вы бы не начинали? Все-таки это было бы лучше.

Ах да, мой адрес:
ст. Столбовая Моск. Курск. ж.д.
имение Мблоди, Бородина
мне

Все наши, как всегда, очень порывисто выражают Вам свои чувства и пожелания.

Ваш Боря.

Письмо датируется по почтовому штампею на конверте.

¹ Пастернак 7 июня 1913 года получил выпускное свидетельство и уехал из Москвы в Молоди 9 июня.

Бедный Костя! И мне как-то стыдно от сознания своей свободы и временной обеспеченности. Надо однако пересилить в себе это чувство. Мне трудно писать, испытывая его. А лишнее пись-

мо, полученное Вами, послужило бы для Вас развлечением. Да и мне хочется писать.

Вы на кондиции¹. Но это не начало той обезличивающей регистрации со стороны жизни, которой мы оба так боимся. Все большие люди классической Германии начинали так. Так начинают учителя, но так же начинали и гуманисты.

Еще в городе, вскоре по Вашем отъезде, начался и у нас длинный разговор о моей предполагаемой карьере. Я буду искать какого-нибудь секретарского или корреспондентского места в каком-нибудь коммерческом деле. Помните железный закон Рикардо?² Федя³ говорит (и это явилось вместе с тем ответом на мой запрос о Муни)⁴, что множество юристов и людей со специальным образованием просят приставить их к банку, но эти предложения сильно превышают спрос. Требования специальные: знание новых языков практическое, с обязательностью английского среди них. Затем банковские должности нечто вроде таблицы о рангах: поступают чем-то вроде мальчиков и движутся дорогой повышений. Федя и сам, как оказывается, начал с чего-то такого. За какую работу усадит он меня? Он может, пожалуй, доверить мне переписку этикеток, но ту же работу может сделать и артельщик. Задачи посложнее требуют его объяснений и указаний, но банк не учебное заведение.

Я себе представляю впереди такой melange: част[ный] урок, секретарство или корреспонденция и литературное рукоделье.

А пока, свободное лето. Не одиночество, правда, и что еще хуже — нечувствительный, как давление атмосферического воздуха на кожу — гнет обычных, установившихся соотношений в семье, с какой-то моральной немислимостью превращений в тебе. Ты все тот же брат, сын, сожитель по комнате и т.д., о тебе спрягаются глаголы в будущем времени... и все равно, предсказания ли это или мягкие принуждения — ты уже занят, оккупирован заранее и уже заранее использован в известном вкусе.

Но у меня святой отец, и может быть, да наверное, такая же мать — и у меня опускаются руки.

Но свобода, та, которая добыта сейчас одинаково мною и Вами, свобода с печатью Учебного Округа в уголке — она нисколько не дар случайный, дар напрасный⁵. Она мне очень нужна сейчас и еще более нужна будет вскоре, и я впиваюсь в нее руками. Мне не работается. Но это ничего, я не боюсь.

Книга Серг[ея] Пав[ловича] давно лежит уже на почте здесь, о чем я дней 15 назад был извещен повесткой⁶. Но почта в 12 верст[ах] отсюда, и не было попутной okazji. Завтра соберусь специально туда.

Читаю немного, и как-то антологически, по кусочкам. Но за это письмо я взялся, закрывши Гофмана, которого перечитываю в оригинале. Разумеется: — Э.Т.А., а не покойный, сколько помнится, Виктор⁷. Это тоже величина, которая подлежит литературной переоценке. Он умнее Бальзака, с чтением которого у меня перемежалось поглощение его новелл, что же касается реализма (метафизического) и художественности, то он остывает гораздо медленнее последнего, и с ним нельзя расстаться на полдороге, предоставив ему одному скитаться в его собственном замысле. Но за ним следуешь до самого конца, и даже полусумасшедший этот карьерист и визионер отстает за тобой и ставит точку раньше, чем ееставишь ты, его читатель.

Нельзя затеять письма о «Золотом Горшке» или «Доже и Догарессе». Но если чтение «Майората» предшествовало письму или даже вызвало его, можно простить себе невольное многословие. Вообще, преступление под руками романиста — это событие, где эффекты и мотивы одновременны. С точки зрения композиции, убийство Гордиев узел драмы. В «Майорате» преступление что-то вроде окиси, и ее реактив — реальность. *Θαυμασία*⁸ философа стерилизует представление в пользу истинного, *напряженно истинного* бытия. Но это до крайности редкие наития. Есть его суррогаты.

Я помню одно октябрьское пасмурное утро, когда можно было выйти на улицу в обед, почувствовав себя на рассвете. И этот рассвет не сходил с горизонта, он не грозил солнцем и не обещал его. Даже и не «пленившись... заботой детей, прудящих бег ручья» можно было испытать окаменелость времени. С большими усилиями старался я вызвать в себе веру в то, что встречаемые и проходящие люди — сборища разных «я», и что они абсолютны и оригинальны, что можно начать с каждого из них как с центра тот рассвет, который конически заключался мною самим. Передо мною шагало существо, которому я присваивал самое резкое свойство в мире, свойство оживленности и называл его самым острым словом в свете: живым. А между тем, это наименование и мысль, заключенная в нем, лежали вперемежку со всеми остальными мыслями, как тупое холодное оружие в хламе, не прорывая их. Это шило оказывалось возможно утаить в том мешке. И вдруг мелькнул пред сознанием безусловный, метафизический запрет, лежащий на убийстве, и я в то же самое время ощутил, как одно из тысячи моих безразличных действий, совершенно однородное с ними движенье моей руки встречается с каким-то слоем иного порядка и периода; лучше, что это движение попадает в ту сферу, где обрывается эмпирическое... и предо мной зашагала, в своем вопло-

щении, метафизическая эта *невозможность*. «Убийство с знаком отрицания» — вот где, значит, острое это понятие живого существа прорезало безразличие остальных представлений и вырвалось, одинокое, наружу. Тогда мне показалось, что все эти смежные, переводные я разделены между собою пролитием крови. Кровью под знаком отрицания.

Вот какой особенностью отличаются преступления у Гофмана. Эдг. По обращается с ними как с психологическими категориями. Для Гофмана они порождения онтологической *Θαυμασίη*, бороздящие бытие там, где оно — клеточно по своему строению, где оно — во множестве монад, жизней, личных эпопей. Философское изумление напрягает бытие до сути. Новелла достигает того же подстановкою преступления в быль.

Одна только предоставившаяся сейчас возможность послать на почту может заставить меня послать Вам эту настойку из нафталина. Впрочем есть еще время крепким рукопожатием исправить содеянное.

Ваш Боря.

Письмо датируется по почтовому штемпелю на конверте. Ответ на не сохранившееся письмо Локса.

¹ Локс жил в имении И.И. Листовского учителем его сына.

² Закон английского экономиста Давида Рикардо (1772-1823) касался трудовой теории стоимости.

³ Федор Карлович Пастернак (1880-1978), троюродный брат Бориса Пастернака, банковский работник, сотрудник Credit Lyonnais в Москве.

⁴ Муни (псевдоним, наст. имя Самуил Викторович Кисин, 1885-1916) был женат на сестре В.Я. Брюсова Лидии Яковлевне. Локс познакомился с ним у Брюсова и писал в «Повести об одном десятилетии»: «Муни был высокий, с огромной черной бородой, вид имел библейский. Он стоял на юридическом факультете и писал хорошие стихи, которые, впрочем, при жизни не печатал. /.../ Муни погубил его ум, выжигавший все вокруг, как серная кислота». В.Ходасевич, близко друживший с Муни, посвятил ему очерк в своей кн. «Некрополь».

⁵ Парафраза первой строки из стихотв. А.С. Пушкина 1829 года:
Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?

⁶ Извещение о пришедшей на его имя бандероли с книгой стихов С.Боброва «Вертоградари над лозами» Пастернак получил 2.7.1913.

⁷ Виктор Викторович Гофман (1884-1911), поэт, прозаик, критик, одно время близкий Брюсову и Бальмонту. Самоубийство создало ему жертвенную славу поэта, сгоревшего в огне своего призвания.

⁸ Удивление (греч.)

Дорогой Костя!

Пересылаю Вам отрывок из письма Китса к Рейнольдсу, движимый сходством его мыслей с Вашим собственным образом жизни. Простите за безвкусицу перевода, которую можно объяснить себе крайней поспешностью чтения (книгу нужно вернуть через два часа).

«Дорогой мой Рейнольдс!

У меня явилась мысль, что человек мог бы провести жизнь в сплошном наслаждении такого рода: пусть он прочтет в один прекрасный день какую-нибудь страницу, исполненную поэзии или отрывок утонченной прозы, пусть он отправится затем бродить без цели, не оставляя мысли об этой странице, пусть он согласует с нею свои мечты, размышляет о ней, сживется с ее жизнью, прочит, на ней основываясь и видит ее во сне... как сладостно будет ему это... усердное бездействие... И никогда скупое это пользование благородными книгами не будет каким-то видом неуважения к писателям. Потому что почести, оказываемые людьми друг другу — быть может одни пустые безделицы в сравнении с благодеянием совершенным великими творениями при их только пассивном существовании. Память не должна почитаться познанием. Многие, этого не подозревая, имеют самобытный ум, — они сбиты со своего пути Привычкой. В последнее время мне кажется, что каждый может, подобно пауку, выткать изнутри, из самого себя, свою собственную воздушную цитадель»¹.

Затем он говорит о том, что своеобразие каждой души при таком неуклонном удалении от соседней грозит уделом полной непонятности. Но опасность эта — только мнимая. Доведя свою исключительность до абсолютных размеров, каждый в этой абсолютности встретит однажды покинутого соседа.

Следуют две наивных строчки, которые хотят уверить Вас, что эти мысли были подсказаны поэту в одно весеннее утро неугомонным дроздом, избавившим его от бесполезных угрызений совести.

«Он сказал мне, что я прав давно уже не дотронувшись до книги.

О ты, с единой книгой из лучей,
 Что тьму заветную питали, ночь за ночью,
 Да будет день тебе тройной зарей...
 Не требуй знания — нет знания у меня
 И все же песнь мою исторгло зноем

Не требуй знания — нет знания у меня
И все же вечер внемлет...

.

Тот бодрствует, кто мнит себя во сне...»

Теперь я знаю, кто вы такой. А затем, обнявшись с Вами, напоминаю Вам, что завтра, в 5 ч. мы увидимся у Анисимовых.

Ваш Боря.

11.I.914

¹ Письмо Джона Китса своему другу Джошуа Рейнольдсу, художнику и теоретику искусства, датируется февралем 1818 года. К нему приложено знаменитое стихотворение дрозда:

O thou whose only book has been that light
Of supreme darkness, which thou feddest on
Night after night, when Phoebus was away!
To thee the Spring shall be a triple morn.
O fret not after knowledge! I have none,
And yet my song comes native whith the warmth
O fret not after knowledge! I have none,
And yet the evening listens. He who saddens
At thought of idleness cannot be idle.
And he's awake who thinks himself asleep.

В переводе Пастернака, очень близком и точном, выпущена предпоследняя строка. Весной 1941 года Пастернак написал свое собственное стихотворение о дроздах, закончив его строфой, непосредственно связанной с тем сходством, которое он обнаружил между рекомендациями Китса по поводу «усердного безделья» и образом жизни художественной богемы, которая была близка Локсу:

Таков притон дроздов тенистый.
Они в необранном бору
Живут, как жить должны артисты.
Я тоже с них пример беру.

6

[27 января 1914]

Дорогой Костя!

Все же Вы бы, может быть, урвали часок, чтобы лично зайти к Юлиану¹. Резкость записки, отправленной ему, никак не имеет целью нанести ему новое оскорбление: я хочу, чтобы извинение с его стороны, которое могло бы послужить одним из двух, одина-

ково для меня желательных разрешений этого столкновения, не было подачкой разжалобленного оскорбителя. А так как в подобных случаях линия, разделяющая этот вид удовлетворения от полного и безусловного, стерта до неразличимости — пробным камнем полноты извинения будет служить тон независимости моей записки.

Ссылка на якобы подразумевающееся безмолвное заявление подобного же рода по адресу С.П. и Николая² никуда не годна, и лучше бы Юлиан не утруждал себя такою попыткой объяснения. Посылать подлеца одному отдельному человеку, опираясь на безмолвное убеждение в том, что все люди сплошь подлы, не значит устанавливать справедливое согласие и равенство между своими ближними.

Я не знаю, как быть с тем роковым, противоречащим истинному положению дел недоразумением, которое выросло на почве моего последнего посещения Ан[исимовых], когда и самая мысль о выходе казалась мне обидною для них и ввергала в состояние крайней нерешительности.

Так же как и встреча с Мешковым³, лишний раз подтвердившая мне коренную, непоправимую чужеродность мою в глазах многих и многих, и фанфара того весеннего дня, пробудившая во мне чувство гордости и раздражения, и последовавшее за тем подписание «декрета», поступок, которым я хотел опровергнуть позорную славу вечной тихости и смирения затравленной касты, так же, как и вечное колебание мое в глазах Сергея, который воспринимает Юлиана под никогда недопустимым для меня углом художественного ничтожества (да Вы и сами ровно год тому назад были свидетелем того, как я разошелся с ним, а затем вслед за этим и с Вами в своем мнении о нем), — все это сознание только обостряет для меня сознание низкой несправедливости оттуда: им не пришлось выбирать, им слишком хорошо запомнился образ того колеблющегося, которого остановил первый безобидный шаг и первая неловкая ситуация в собрании, когда казалось претенциозной бестактностью обращать общее внимание на себя и чудилось в этом притязание на краеугольную значительность собственного положения.

Все это, говорю я, принадлежит мне: эти мысли занимают меня сейчас, когда у меня так много свободного времени и так мало охоты чем-либо заняться.

Юлиану, может быть, и не следовало этого говорить. Да, конечно, иначе призрак разжалобленности опять перейдет мне дорогу. Но Вы, может быть, охватите значительность настоящей минуты и Ваше обычное великодушие подскажет Вам, что записки

недостаточны в данном деле и Ваш личный визит в Ржевский ред-костно неизбежен. Я понимаю докучливость моей просьбы слишком хорошо, чтобы не страдать вдвойне за все это.

Но Юлиан должен знать, что я нуждаюсь в немедленном и ясном и исчерпывающем инцидент до конца извинении. Обращение к человеческим чувствам здесь недопустимо; мой характер, мое рождение и тысяча других причин обратили бы такое движение в черту оскорбительной слабости. Да такое движение и невозможно сейчас: вот отчего я и предоставляю на Ваше всецело усмотрение, знакомить ли Юлиана с истинной подоплекой того моего посещения и настоящим побуждением, внушившим мне мысль подписать такой, — абсолютно официальный, ни к кому в отдельности не обращенный вызов. Передраги последнего года, оскорбительный тон отдельных стилистически-этнографических замечаний и, наконец, встреча с Н.Мешк[овым] таковы, что, должен признаться, моя подпись не только *не подделана*, но она с такою же правдоподобностью могла бы быть *единственной* подписью под этим листом, обращенным к неопределенно хилому — келейно подъяческому целому. Жаль только, что Сергей не был в числе адресатов и что Вы не были исключены из этого числа, рядом с Николаем. Все это может остаться в стороне от Юлиана.

Немедленное извинение, которое должно было бы последовать *сегодня же*, настолько это вопиюще нелепо и противоестественно и как-то не может быть поддержано живым днем да еще и следующим. Или же, в противном случае, обращение к «полю», что необыкновенно освежающе отразилось бы на нестерпимом застое последних недель. Кстати, я этим настолько не шучу, что в случае отказа Юлиана и по этому второму пункту я считал бы свои предположения о действительности по наименьшему сопротивлению доказанными во всей разительности такого доказательства.

Простите за это излишнее многословие; мне не хочется перечитывать написанного, и Вы встретите здесь следы ненужной рассеянности. Поторопите Юлиана.

Я, конечно, и не думал посещать их после происшедшего. Да и возможно его извинение несколько бы не изменило моих намерений на этот счет. Но единственно возможная наша встреча должна произойти не дальше 29-го. Завтра, может быть, я на день отправлюсь в деревню. К вечеру извинение должно быть готово. Я был бы благодарен Вам за *такое* посредничество. Юлиан передаст Вам письменное извинение. Николай готов на посредничество в другом деле, он видел меня и знает, что отговаривать меня от этого бессмысленно и бесполезно.

Целую вас

Ваш Боря

Дорогой!⁴ Не откладывайте этого дела в долгий ящик, и как только сможете (неужто этого нельзя сделать тотчас же после В[ашего] обеда), сходите к Анисимовым; он должен знать, что и моя записка дань уважения к нему, что я не могу шутить с ним, как когда-то можно было шутить с Шершеневичем⁵. В 3 ч. — 3 1/2 мой телефон 1-37-57, с 4 — 7 ч. — 5-39-03, и вообще я дома в это время, с 7 до 8 5-05-09 и затем снова дома.

Письмо было послано с нарочным и не имеет почтового штемпеля на конверте. Оно датируется по упоминанию 29 января как последнего срока для встречи.

¹ Юлиану Павловичу Анисимову. Об инциденте с Анисимовым см. предисловие.

² С.П. и Николай — Сергей Павлович Бобров и Николай Асеев, подписавшие вместе с Пастернаком «декрет» об упразднении книгоиздательства «Лирика».

³ Поэт Николай Михайлович Мешков (1885-1939). В рецензии на книгу его стихов «Снежные будни» (М., 1911) В.Ходасевич характеризовал ее как скучную, «от которой зевается» и которая ничем не может взволновать читателя («Московская газета», 2 сентября 1911).

⁴ Отдельная записка, написана на визитной карточке Бориса Пастернака и вложена в тот же конверт.

⁵ Вадим Шершеневич. Имеется в виду статья Пастернака «Вассерманова реакция», напечатанная в сборнике «Руконог» в 1914 (см. предисловие).

7

Ст.Средняя, Сызр.-Вяз. ж.д.
Калужской губ. Имение Бер
23/VII 1914.

Дорогой Костя!

Совсем скоро, недели через две¹, когда я найду Вас и брошусь Вам навстречу, не знаю, как примете вы меня — и эта мысль, сейчас пришедшая в голову мне, пугает и томит меня, и только потому я и нарушил мое молчание. Костя — ведь вы не служили? Где вы в ужасные эти дни? Скоро ли в Москву и где остановитесь? Господи, как глупо это все в письме! Оттого я и не писал Вам.

Как легко назвать вас по имени, предварительно обмакнув перо в чернила! Настолько неправдоподобно легко, что приходится усомниться в действительности этого имени и искать прибежи-

ща в полном имени-отчестве. Какая ложь эти письма с их обращениями! Я отказался от них, но вы не знаете этого, и пока я не отпускаю вас ни на шаг от себя в своих чувствах, вы успели уже, быть может, порешить нашу связь, или, а это еще хуже было бы, испытали горечь мнимой утраты. Господи, какой вздор! Дайте же мне поцеловать Вас.

Ваш Боря

Милый, я чувствую, — вы недовольны. И это-то все, вероятно изумляете вы, две-три хлестаковски-обидных строчки?! Как быть мне, чтобы умилосердить вас? Разве сесть и писать вам о тех, душу до последних ее закоулков, опустошающих событиях, которые одинаково известны вам, как и мне, и о картинах разорения, отчаяния, сельских проводов, запустения в усадьбе и вообще обо всем том, что с такими же, вероятно, чувствами, как и я, вы наблюдаете и у себя, в Сураже?² Но ведь это невозможно, нельзя так, литература эта недопустима потому, что мое нетерпеливое желание увидеть вас наконец — сама жизнь, и сама жизнь, в свою очередь, то, описанием чего сейчас невольно заполняешь свои письма. Не лишнее, конечно, подивиться лишний раз мерзопакостности немцев. Как видно, нравы Гевтбургских леших ни в чем не изменились за эти тысячелетия.

Еще раз до свиданья. Мне ни о чем не хочется писать вам, бывают случаи, когда коренная стилистически-формальная ложность сношений совершенно недопустима в моих глазах — и вот один из таких случаев.

Ваш Боря.

¹ Начало войны застало Пастернака под Алексиным. Он приезжал в Москву в первых числах августа.

² Локс находился в городе Сураже черниговской губернии. О его чувствах по поводу начала войны см. предисловие.

Дорогой Костя!

С радостью узнал сейчас от Сергея, что готовите Вы атаку на антропософов¹. В добрый час! Вообще большим облегчением для меня было узнать о Вас с чужих слов — Вы недоумеваете? Объяснюсь. Странное место занимаете Вы в моей душе. Вы ближайший сосед моему воображению, а оно настроено, вообще сказать, трагически. Ах, Вы должны понять это. Любой беспокойный вымы-

сел на Ваш счет дается мне с той же легкостью, с какой родятся такие фантазии относительно близких людей. Оттого-то и трудно так писать Вам. Я давно уже хотел адрес Вам свой сообщить. Откуда это тяжелое сознание личной ответственности за свои слова, от которого, по отношению к Вам, мне никогда не избавиться? Я вижу Вас залитым таким-то и таким-то светом, и небезразличен нагрев атмосферы, которой дышите Вы. И знаете, только почувствовав и себя в условиях одноименно конкретных, я улучаю возможность прямо с Вами заговорить. Как будто сношения с Вами доступны мне только в тех случаях, когда и мое воображение объединяет нас. Вы догадываетесь верно, что так оно есть и сейчас.

Все это, знаю, очень смешно. Еще того смешней аспирирующий тон, каким сделаны эти признания. Ничего не подделаешь: услышать трезвое и спокойное упоминание о Вас было истинным для меня облегчением.

Что Вы подделываете. Атакуйте богоугодное это заведение, это угодно Богу. Контора отымает у меня 5 часов, 1 1/2 часа уходит на занятие с Карповским мальчиком². Остальные часы пожраны и будут еще с месяц пожираться Суинберном³. Я видел, как коченеет Кама. Этого не опишешь. Лучше и не пытаться. Были ли Вы на лекции Андрея Белого?⁴ Если были, напишите мне о своем впечатлении и по возможности о тезисах, если, на Ваш взгляд, они существенны и не бутафоричны, как сказал бы, верно, Сергей. Видели ли Вы мою книгу в корректуре?⁵ Вы хотели, кажется, посмотреть. Напишите мне о ней, мне очень хочется Ваших мыслей, для коих книжка явится поводом или точкой приложения. Укажите мне на главные мои и ее недостатки, и, если у нас с ней есть и достоинства, упомяните и о них. И не забывайте меня. Мой адрес: Тихие Горы, Вятской губ., Елабужск. уезда, зав. П.К. Ушкова, Б.И. Збарскому⁶ для меня.

Крепко обнимаю Вас. Да не останется сие без ответа.
Ваш Б.Пастернак.

P.S. Письма идут сюда около 10-ти дней. Примите это в расчет при переписке со мною, если Вы ее желаете и не станете бойкотировать меня, отмалчиваясь. Как идут Ваши работы? Пишете ли? Что Сергей? Кланияйтесь ему и М.И.

Привет Вере Николаевне и Мих. Павловичу⁷. Пишите, очень прошу Вас.

¹ Для третьего сборника Центрифуги Сергей Бобров заказал Локсу критическую статью по поводу доклада Андрея Белого «Гете и Рудольф

Штейнер», состоявшемуся в октябре 1916 года. Книга Белого «Гете и Рудольф Штейнер в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том "Размышлений о Гете"». М., «Духовное знание», 1917 — вышла во второй половине ноября 1916 года.

² Сын Льва Яковлевича Карпова (1879-1921), директора химических заводов Ушковых, где работал Пастернак, знаменитого химика и в то время члена партии эсеров.

³ Пастернак переводил с английского трагедию «Пьер де Шателляр» из трилогии о Марии Стюарт Чарлза Алджернона Суинберна.

⁴ Об этой лекции на тему «Гете и Рудольф Штейнер», которая послужила поводом для решения Боброва «атаковать антропософов», см. выше.

⁵ «Поверх барьеров». Локс ознакомился с книгой у Боброва после отъезда Пастернака. См. предисловие.

⁶ Борис Ильич Збарский (1885-1954) работал инженером на заводах, биохимик, член партии эсеров, впоследствии организатор бальзамирования тела Ленина. Пастернак приехал в Тихие Горы по его приглашению.

⁷ Вера Николаевна и Михаил Павлович Столяровы. В «Повести об одном десятилетии» Локс вспоминал о свадьбе подруги Веры Станевич и поэта и философа Столярова (1888-1937), которая состоялась в Дедове, имени близких родственников Владимира Соловьева с участием Сергея Михайловича Соловьева, недавно принявшего сан священника.

9

[12.I.1917]

Дорогой Костя!

Я очень перед Вами виноват. Но все же, согласитесь, не в такой степени, как Вы предо мною.

Отчего Вы оставили совсем без ответа то мое письмо, которое Вам было написано месяца два назад?¹ Для меня это с месяц уже как стало загадкой, с тех самых пор, как я перестал ждать от Вас отклика на него. Меня это огорчает, но и только: я хочу сказать, что Вас это ни к чему ровно не обязывает. И, примирясь с этой мыслью, уже не стану задавать Вам вопросов в этом письме. Надо уметь лелеять хоть тень надежды на то, что на них последует хоть тень ответа; а Вы в этом смысле друг ненадежный. Сергей часто пишет мне о Вас, и однажды из одной такой реляции я узнал о Вашем недоумении по поводу моего, — как говорят в таких случаях, — молчания. За это-то недоумение и хватаюсь я сейчас, вознамерившись побеседовать с Вами, дорогой мой; а то за разгадыванием «молчания» *Вашего*, не имея в руках я Вашего недоумения,

я наверное потерял бы всякую веру в то, что для Вас мое существование не вовсе безразлично. Как ни запутан этот период, синтаксически он безупречен; иными словами, вопрос этот можно почитать исчерпанным. Я встретил Нов[ый] год (как нельзя было бы тут поставить точку!). Каждый естественно ждет окончания фразы: обстоятельства образа действия. Обстоятельства! Вот: — шампанское, 80 человек народу обоего пола, ужин после первых, чай после вторых петухов; разъезд в восьмом часу утра. Образ действий? — Нюно — это — неудобно. Новый год я встретил сносно, но скучно. Теперь скажу Вам серьезно. Я верю в этот год. Сейчас Вы уличите меня в эгоизме. Хорошо. Я верю в этот год, он начался для меня недвусмысленно хорошо: три первых дня его сплошь (лучше сказать трое суток — я спал в течение этого времени дробным каким-то сном в четыре приема, не проводя различий между ночью и днем) — трое суток — мною владела какая-то осточертелая осатанелость, я многое набросал, одну вещь (вроде новеллы, только получше) закончил и переписал, многое в себе и себе выяснил². Вру. Это все было 26-го и 27-го декабря — когда конторы как не бывало. Но 48 рождественских этих часов так на 16-й год не похожи! Вот отчего я начал с них этот 17-й год. Может быть, это его ворс, и выделка? Может быть, вся штука того же качества, что и этот образчик? Я посвящу Вам эту вещь, если не напишу лучшей.

В этом году... Но, Костя, я суверен! Мне хочется работать, я знаю и чувствую, что могу, и, если это угодно Богу, я буду много и часто выступать. Центрифуги, думаю, я не опозорю, дело ЦФГи³ считаю я делом родным, и если у ЦФГи есть еще деньги, мои выступления будут выступлениями ЦФГи.

Книжка моя пестрит опечатками. Злит это меня немало⁴. Но Сергей так прекрасно ее издал, что, глубоко растроганный его заботами, я этого недостатка сразу и не заметил, а заметив, тут же как-то и забыл. А более всего подкупает меня в Сергее его непредубежденность в отношении ко мне. Он, конечно, страшно преувеличивает в своем воображении размеры моих данных. Но, имея полное право игнорировать мою индивидуальность (я ничем ее еще не проявил, а между тем становлюсь в позицию, не зависящую ни в чем от программы футуризма) — он — (это, Костя, проявление благородства очень высокой марки) — он *правом этим ни разу не воспользовался* и веры моей в мое дело ни разу ни в чем не пошатнул. Напротив. Мне приходится часто, и не из скромности одной, его сверхмерный пыл охлаждать. Я не говорю о Вас, Костя. Это ведь явно излишне. Вы первый сказали мне, что мне надо делать, и взяли меня под свою защиту, когда в этом

была нужда. Излишне говорить также, какие это все во мне вызывает чувства. Прозу, — если я когда-нибудь научусь писать — прозу писать научили меня Вы.

Отчего Вы лишаете меня Ваших писем, Костя? Я так ждал их от Вас. Или я и впрямь совсем Вам не нужен? — Костя, я прерываю это письмо на полуслове. Я уже не раз писал Вам за это время и расписывался до бесконечности. А так как это форма для писем неподходящая, то Вы их не получали. А я все же хотел бы до Вашего слуха долететь. Целую Вас крепко. Любящий Вас

Б.Пастернак

Письмо датируется по почтовому штемпелю.

- ¹ Имеется в виду письмо от 30 октября 1916 года.
- ² Вероятно, «История одной контроктавы». См. предисловие.
- ³ ЦФГ — марка книгоиздательства «Центрифуга».
- ⁴ «Поверх барьеров» были изданы в Москве в отсутствие Пастернака, и он не имел возможности держать корректуры.

10

[28.I.1917]

Дорогой Костя!

Спасибо Вам большое за Ваши добрые ко мне чувства. Письмо Ваше получил я вчера и, как часто это со мной в жизни бывает — в на редкость урочное, нужное время. Я по уши зарылся опять в работу по переводу Свинберна (III-ей драмы)¹: она до крайности длинна и велеречива; один лишь первый акт растянут на 60 без малого страниц, и, исключая немногие эпизоды, довольно, надо-таки признаться, скучноват этот 1-ый акт.

А я, как это всегда у меня водится (заставить себя работать каким-нибудь иным способом не могу и не умею), пошел на пари с моей же собственной суеверностью, что если, дескать, переведу я 60 страниц в 10 дней сроком, то будет то-то и то-то; а если нет, то мне будет так плохо, что род этой недоли и злосчастья уже и в предвкушении его просится в сказку. Мне оставалось еще два дня работы и всего 8 непереуевенных страниц. И тут во мне что-то прямо-таки по-кобыльи уперлось и — ни с места. Целые сутки потратил я на покушенья этого вселившегося в мою трудолюбивую душу беса; его невозможно было сдвинуть с места ни лаской, ни угрозами. Я вконец отчаялся пари свое выиграть. Печальные перспективы проигрыша и его провиденциального значения открыва-

лись мне. Это до такой степени тоскливо было и глупо (я не шучу), что бежать самого себя хотелось! В таком состоянии бабьей растерянности и уныния застало меня Ваше письмо. Тороплюсь Вам ответить в особенности еще и потому, что на другой или третий день по отсыле Вашего письма Вы получили, вероятно, мое заказное, которое должно было прозвучать для Вас тоном незаслуженной укоризны².

Вы очень верно выделили в «Барьерах» существеннейшее их начало: дифирамбическое. Помнится, я уже в весенние свои беседы с Лундбергом³ (это когда предполагалось наше с Вами сотрудничество в подыхавшем Современнике) — говорил ему о том, что уже и у символистов, а у футуристов тем более, за очень немногими исключениями, совершенно не оправдана самая условность поэтической формы; часто стихотворение, в общем никакого недоумения не вызывающее, его вызывает только тем единственно, что оно — стихотворение; совершенно неизвестно, в каком смысле понимать тут метр, рифму и формальное движение стиха. А все это не только должно быть в поэзии осмыслено, но больше: оно должно иметь *смысл*, превалирующий надо всеми прочими смыслами стихотворения. Когда говорят, что наибольшим значением в губернии пользуется губернатор, то на практике понимается это так, что кто бы то ни был, если он губернатор — есть величина по губернии значительнейшая; тогда как на самом деле это должно было бы пониматься так: никто кроме значительнейшего в губернии губернатором быть не может.

Все что говорилось в дни нашей юности о примате формы над содержанием, звучало так, будто форма не только существует, но вдобавок даже и обладает уже этим превосходством своего значения; тогда как на самом деле эти рассуждения были полусонными выражениями прямо противоположной мысли: что если форма может быть создана (даже и состоящая в прямом потомственном родстве с когда-то живыми предками) — то она может быть создана только в виде живого — иррационально осмысленного своею способностью самоподвижности организма. Я ни на минуту не задумаюсь поставить прямое равенство между тем, что называют вдохновением (оно существует), и тем, чего не называют осмысленностью формы. Нельзя писать в той или другой форме; но нельзя также писать и так, чтобы написанное, в приливах и отливах своих формы не дало: т.е. не подсказало созерцателю своего упрощенного, моментального, родного, однопланетного, земного и близкого самой моментальности внимания очерка; потому что нет того дива на земле, перед которым стало бы в тупик диво человеческого восприятия; надо только, чтобы это диво

было на земле, т.е. в форме своей указывало на начало своей жизни и на приспособленность своего сожития со всей прочей жизнью. Это и есть то, что Вы назвали дифирамбизмом «Барьеров». Очень верно и удачно. А Ваши слова о «развернутых голосах трагедии» бьют в больное как раз мое место. Принимаю я их как редкостно чуткое и щедрое пожелание. Спасибо Вам, Костя. Я многим обязан Вам. Вы это знаете. От Вашего письма веет очень плохо скрытой грустью. Не шадите Вы себя, Костя. В каждом человеке — пропасть задатков самоубийственных. Знал и я такие поры, в какие все свои силы я отдавал восстанью на самого себя. Этим можно легко увлечься. И это знаю я. За примерами далеко ходить не приходится. В строю таких состояний забросил я когда-то музыку⁴. А это была прямая ампутация; отнятие живейшей части своего существования. Вы думаете, редко находят на меня теперь состояния полной парализованности тоскою, — когда я каждый раз все острее и острее начинаю сознавать, что убил в себе главное, а потому и все? Вы думаете, в эти нахлыни меланхолии — сужденье мое заблуждается, вы думаете, на самом деле это не так, и в поэзии — *мое* призванье?

О нет; стоит мне только излить все накипевшее в какой-нибудь керосином непросветленной импровизации⁵, как жгучая потребность в *композиторской биографии* настойчиво и неотвязно, как *стихийная претензия*, начинает предъявляться мне потрясенною гармонией, как стряшимся несчастьем. Это так навязчиво! Опешенность перед долголетнею ошибкой достигает здесь той силы и живости, с какой на площадке тронувшегося поезда вспоминают об оставленных дома ключах или о печке, оставшейся гореть в минуту выезда из дома.

Я бегу этих состояний как чумы. Содеянное — непоправимо. Те годы молодости, в какие выносишь решенья своей судьбы и потом отменяешь их, уверенный в возможности их восстановления; годы заигрывания со своим *дацлов*'ом⁶ — миновали. Я останусь при том, за чем застанет меня завтра 27-ой день моего рождения. — Ну, вот так бывает всегда. Не ясно ли Вам, что я, что называется, договорился? Торжественность последнего моего заявления по импозантности своей напоминает ископаемое. Я говорю, так бывает всегда. Нет того, горько освещенного яркой тоской чувства, которое не отбрасывало бы своей четкой тени. Его тень — ирония мировой задушевности; сама тоска смеется над ним.

Целую вас крепко.

Б.П.

Пишите мне чаще, Костя. Что у Вас с рукой было? Какой ужас! Конверта нет. Спрошу у соседей.

Письмо датируется по упоминанию дня рождения Пастернака: 29 января 1917 года. Ответ на не сохранившееся письмо Локса.

¹ Пастернак переводил третью драму из трилогии Ч.А. Суинберна «Мери Стюарт». По-видимому, работа осталась неоконченной.

² Имеется в виду письмо от 12 января 1917 года.

³ Евгений Германович Лундберг (1887-1965), писатель, журналист, заведовал критическим отделом в журн. «Современник», куда пригласил сотрудничать С.Боброва, Пастернака и Локса. В 1915 году в №5 «Современника» был напечатан перевод Пастернака комедии Г.Клейста «Разбитый кувшин», вскоре журнал прекратил существование.

⁴ Пастернак серьезно занимался музыкальной композицией с 1903 по 1909 годы, когда отказался от профессии композитора.

⁵ Привычку к музыкальным импровизациям Пастернак сохранял до 1931 года. В молодости он любил импровизировать в темноте, то есть не зажигая лампы (не просветляя керосином).

⁶ Демон, гений-хранитель (греч.)

13.II.1917

Дорогой Костя! Простите, что так долго не отвечал Вам на доброе Ваше письмо. Карповы¹ привезли его 3-го, и вот уже более недели прошло со дня его получения мной, а я никак не собрался написать Вам. Были неприятности, меланхолия нахлынула страшная, потом взялся за продолжение начатых «проз»², потом вдруг налетело что-то такое, в чем я и сейчас себе ясного отчета дать не могу, и под гонением этого последнего я стал без передышки писать какую-то крупную вещь в стихах. Говорю какую-то, так как и сам не предвижу, как в целом сложится у меня эта «Поэма о ближнем». Часть ее отослана вчера Сергею³, и Вы найдете ее у него уже и сегодня, если только почта не отколет какой-нибудь штуки в стиле прежних своих коленец (одно письмо Бобровское шло, например, дольше двух недель). Я просил его напечатать эти наброски в III ЦФГ взамен никуда не годных «2-х Посвящений»⁴. Писал я эти отрывки с большим увлечением, и меня очень интересует, что Вы мне о них скажете. Но что бы ни сказали Вы, я эту вещь буду продолжать, уже и сейчас она в черновике вдвое против посланного Сергею больше. Это, конечно, не то, что виделось Вам, по незаслуженной мною щедрости Вашей, дорогой мой, в моем, Вами идеализированном будущем; — говорю сознательно: потому что и сам я *наметил* себе на лето (буду в Москве

заниматься в Румянцевской) совсем иную вещь, на иных началах покоящуюся, с иными, нежели «поэма» эта, традициями связанную и т.д.⁵ Это, словом, не то. Но это первая попытка выйти за тесные границы лирической миниатюры (которую так легко самому автору разбить под тяжелую руку — как, спрашиваете Вы? — подозрением в произвольности, хотя бы, в импровизационной случайности возникновения и т.д.). Затем, приводит меня за этой работой в хорошее возбуждение то, что в этот на всей моей бытности первый обширный у меня загон врывается все жизнеспособное из — чуть не сказал: «Барьеров» — но в Барьерах очень немного крупного скота; за удалением вовсе безногого останется только несколько жеребят. Из чего же в таком случае? — Но это мало занимательно и смешно. Бросим этот разговор.

К маю думаю быть в Москве⁶. Если б Вы могли до того времени остаться! Мне так хочется, так необходимо Вас повидать! Сергея-то я увижу. Вы тоже должны на неделю хотя бы остаться. Я б ликеру привез. Мы бы у Сергея заседание ЦФГ устроили; военный совет марки Cugaçao de Chipre или Д.О.М.! А? Честное слово. И смаковали бы глоток за глотком ближайшую будущность издательства и его ближайшую, по счастью уже не полемическую только и зависимую, но положительную и спокойно-независимую программу. А? Вы только марку назовите мне и останьтесь на первые числа мая в Москве. Сергей пишет мне о новой Вашей книге «О естественном человеке»⁷. Он хвалит ее; говорит: *«очень приятно и остро»*. Что это такое, Костя? Отчего Вы мне о ней ничего не пишете? Отчего не заканчиваете Вашего «Катехизиса *Небезразличного в искусстве»*? Верьте мне, это очень хорошая книга; ее непременно надо закончить и издать; она сплошь существенна, нагнетена, лаконична. Вы находите в ней краткие прекрасные формулы и определения для многого такого, что сейчас до неузнаваемости замутнено символистической фразеологией, и то не по вине ее *касательства* до всех этих тонкостей; до всех этих тонкостей она и коснуться-то бессильна, потому что и не подозревает о их существовании; не по глазу они ей; но тонкости все эти, тем не менее, символистической фразеологией замутнены; потому что водянистость этой фразеологии паводком разлилась по лицу всей критики, всей теории, — всего — *horrible dictu*⁸ — «интеллигентского словаря» наших дней! — Ах, неисправимый самоненавистник Вы, Костя; бросьте это. Меня это обижает, наконец. Вы просто слушать меня не желаете, или не верите мне. То и другое — одинаково, конечно, лестно. Вы не можете? Вам противна книжка? Какая наивность! Вы наверное забываете, что в каждом из нас живет отвратительный ленивый пошляк,

который иногда лорнетирует нас после обеда и, подчас остроумно, критикует. И это-то животное считаем мы (по наглости его) — аристократом в нас! Черт Вам с его аристократизмом! Да будь он хоть Д'Альгеймом!⁹ Довольно с Вас того, что этот торчащий в Вас барон ни одной строчки не написал из всех написанных Вами; шагу не ступил на Вашем пути; где он пропадает, когда Вы любите, например; — блистал ли Вам в такие минуты высокоаристократический его лорнет? Как? Только *не врите*. Или учтивей: не заблуждайтесь. Вы не смотрите, что важностью осанки он в Барбэ¹⁰ самого пошел или взыскательностью — в Флобера. Я знаю, что *не он*, торча и в этих (только посредственность его не замечает и этим *невниманием своим этого солитера убивает*) — и в Барбэ и во Флобере — писал о фанфаронаде и дэндизме; об аристократической нетерпимости «стиля без помилованья». *Не он*. Конечно, в Пушкине сидел Онегин — простите за азбучность — я даже на сию одну минуту пожалею, что не прочнее он в Пушкине сидел, потому что сиди он в нем и Барбароссою¹¹ в горе, то и в таком случае я сказал бы: Так. Но Онегина написал *не он*, а Пушкин. «Онегиных» Онегины не пишут.

Вот еще экземпляр, в другом немножко духе. Сергей. Как нравятся Вам «Алмазные леса»?¹² Пойдите. Мне он делает такую надпись: «Дорогому Боре — не обижайся, коли скучно будет». А как *это* Вам нравится? Пойдите, не будь такой надписи, не говори Сергей о своих печалях и сомнениях, — как легко было бы мне тогда ему о книге написать. Мне она не только нравится; сильно и просто мне нравится, напр[имер], — Маяковский; но мне еще более нравится то, как нравится мне она. Вы не понимаете? А это очень просто. Нечто подобное я испытал, читая насвеже в первый раз «Оксану». Я об этом писал Сергею в свое время. Свежесть и своеобразие этого впечатления я, по несвойственности его нашей современности и мне, пропитанному ею, — утратил, не удержал. «Алм[азные] леса» это впечатление воссоздали и напомнили мне о нем. Выйди они раньше, я своей статьи об Асееве так бы писать не стал¹³. Теперь я хватился, да поздно. Николай прочтет многое такое в статье, что к нему относится только атрибутивно, его уродует, стилизует, искажает. Вовсе не образность у него существенна. И не всегда она самостоятельна. По счастью, в «Алмазных лесах» ткань яснее и проще. Вы правы были, сказав Сергею, что в книге много задушевности. В ней все — задушевность. Но я все же не раскрыл Вам смысла моей фразы о том, как нравится мне она. Многие из нас (я в том числе) делаем все от нас зависящее, чтобы сделать совершенною редкостью тип чтения не воспроизводящего, чтения про себя, когда читатель, напад на

углубленность авторских *смыслов* и убедившись в *разъяснимости* их, не как в одной понятности только в современном значении этого слова, — отдается этой игре, как особому наслаждению; игре проникновения в автора, характер того движения, с каким это проникновение совершается и может быть совершено, коэффициент *разъяснимости* — придает характер всей книге, — это ее дыхание. Таков в идеале Баратынский. Но не Языков, конечно. Это составляло сущность Коневского. Сейчас это редкость. Говорю Вам, «Алмазные леса» напомнили мне только Николая, разве. Не книгу его, не жанр — но только род пользования такой поэзией. Но Николай сложнее. Он слишком, подчас, многосоставен. Может быть, «Алмазные леса» слабы? Эту мысль надо отбросить при первом же появлении ее. Требования грубой силы к этому роду искусства непредъявимы. Зачем делать такие надписи? Многие очень тонко — все поразительно *чисто*, тою чистотой лиризма, которая тоже утеряна. Не ее ли устыдившись — (несчастное малодушие, которому подпадаем в известное время все или почти все мы, мальчишки) — бросил Сергей эту линию? Я не знаю, что пишет он сейчас. Но вести эту линию и дальше следовало. Замечательно! О чем ином, как не о прелести участия этой линии в эпике жизни говорит книжка? А предисловие? — Что же делает автор? Бог дал ему способность разыскать это волокно во всем плетеве всех прочих; автор, силою положения не мог видеть это волокно *непоэтически*; Богу угодно сделать его поэтом *так*, а не как-нибудь еще. Что же, говорю я, делает автор? Ведь он знает, где и как пробегает это волокно. Вот и можно, значит, теребить и колоть его, дергать в стороны и вивисецировать. — Вот что общего между Вами, Костя, и Сергеем. Вы не сердитесь на меня, Костя, но как это все тяжело мне и больно. Как страдают от этого отношения! Кстати о Сергее. Настолько же, насколько легко мне было писать Вам о нем, настолько трудно будет ему. Я уже сказал Вам, почему. И не знаю, когда он письма от меня дождется. Во всяком случае, и половины того, что я Вам о нем пишу, — от меня он не услышит: *лучшей* половины. Виновата надпись. Игнорировать ее — не могу. Весь разбор получает характер разубеждающе «Да что Вы! Напротив!» Кланяйтесь, Костя, ему от меня. Пусть не сердится на меня, если письмо мое запоздает. Сам виноват. Помните, Костя, что я люблю Вас искренне и Вы многое из сказанного мной должны мне простить. Как и он. Все это похоже на какое-то послание по епархии, и мне даже немного стыдно. Крепко целую Вас. Ваш Боря.

Привет Вере Николаевне и Мих. Павловичу. Что они поделывают.

Ответ на не сохранившееся письмо Локса.

¹ Лев Яковлевич и Анна Самойловна Карповы ездили в конце января в Москву.

² Начатые «прозы» — две новеллы, которые Пастернак писал той зимой: «История одной контроктавы» и «Карета герцогини».

³ Часть «Набросков к фантазии "Поэма о ближнем"», посланная Боброву, впервые опубликована в 1965 году. Рукопись была подарена Бобровым А.А. Петрову. Продолжение поэмы неизвестно. См. предисловие.

⁴ Посланные в III сборник Центрифуги (III ЦФГ) «Два посвящения» сохранились в архиве Боброва, впервые опубликованы в 1989 году.

⁵ Имеется в виду исторический роман (или трагедия) из времен Великой французской революции. От этого замысла сохранились «Драматические отрывки». См. предисловие.

⁶ Пастернак вернулся в Москву в марте 1917 года, вскоре после Февральской революции.

⁷ Книга Локса «О естественном человеке» неизвестна, вероятно осталась недописанной, в его архиве не сохранилась, как и упоминаемый ниже «Катехизис Небезразличного в искусстве». См. предисловие.

⁸ Страшно сказать (лат.)

⁹ Д'Альгейм — русский баронский род эльзасского происхождения, получивший свое достоинство от императора Священной Римской империи Карла V.

¹⁰ Барбе Д'Оревильты (1808-1889) — французский писатель, создавший своим остроумием и изысканностью одежды образ дэнди. Самые знаменитые его книги «О дэндизме» и «Лики дьявола».

¹¹ По легенде император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса (ок.1125-1290) не умер, и спит, сидя на троне, и ждет, что его разбудят, когда Германия окажется в опасности и надо будет ее защищать.

¹² Сергей Бобров. Алмазные леса. Книгоиздательство «Центрифуга», 1916.

¹³ Рецензия Пастернака: «Николай Асеев. Оксана. Стихи 1912-1916 годов. Центрифуга. 1916» была написана 3 января 1917 года.

24 февр. 1952

Дорогой Костя!

27-го наверно Вы именинник¹, — с днем ангела Вас. Зина², слыша, как я попросил позвонить Вас через две недели, возмутилась, сказала, что Вы обидитесь и больше не будете звонить, и, оказывается, правильно все предсказала. Простите меня.

Но в промежутке я чуть не окачурился и все это время проводился с рентгенами и врачами. При свидании расскажу подробнее. Давайте повидаемся в эту субботу или воскресенье вечером. Но для того, чтобы обоюдно во всем удостовериться, все же позвоните нам, пожалуйста, в субботу от 3-х до 4-х.

Не сердитесь, Костя, я очень хочу Вас видеть.

Ваш Б.

¹ 27 февраля (18 февраля по старому стилю) отмечался день равноапостольного Кирилла, учителя словенского (во крещении Константина).

² Зинаида Николаевна (1896-1965) — жена Пастернака.

ПИСЬМА АНДРЕЯ БЕЛОГО К Н.И. ПЕТРОВСКОЙ

Публикация А.В. Лаврова

В своих «Воспоминаниях» Н.И. Петровская сообщает: «А.Белый писал мне длинные письма (часто, как потом убедилась, отрывки из готовящихся к печати статей). К сожалению, ни одного я не сохранила. После нашего разрыва, весной 1905 года, мы с В.Брюсовым привязали к этим письмам камень и торжественно их погрузили на дно Саймы. Так хотел В.Брюсов»¹.

Такая участь постигла, однако, не все письма Андрея Белого к Петровской: несколько из них уцелело (в основном те, которые, по каким-то причинам, отложились в архиве Белого — т.е. либо не были отосланы, либо возвращены автору). Даже это, относительно незначительное, их количество позволяет непосредственно ощутить — хотя бы и мимолетным прикосновением — субстанцию той «мистериальной» любви, представление о которой составляется, как правило, по ретроспективным свидетельствам Белого и Петровской (естественно, в своих мемуарных признаниях — намеренно или невольно — ретуширующих пережитую реальность) и по ее художественному преломлению в романе Брюсова «Огненный Ангел»².

¹ Жизнь и смерть Нины Петровской. Публ. Э.Гарэтто.// Минувшее. Исторический альманах. Т.8. Paris, 1989. С.36. Во вступительном очерке Э.Гарэтто к этой публикации содержатся основные биографические сведения о Н.Петровской.

² Об отражении взаимоотношений между Белым, Петровской и Брюсовым в сюжетных коллизиях, выстраивающихся между героями «Огненного Ангела» (соответственно — графом Генрихом, Ренатой и Рупрехтом) см.: С.С. Гречишкин, А.В. Лавров. Биографические источники романа Брюсова «Огненный Ангел».// Ново-Басманная, 19. М., 1990. С.530-589. См. также: З.Г. Минц. Граф Генрих фон Оттергейм и «московский ренессанс». Символист Андрей Белый в «Огненном Ангеле» В.Брюсова.// Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. М., 1988. С.215-240.

Весь текст одного из писем Петровской к Андрею Белому (с датировкой: 28 января — вероятно, 1904 года) представляет собой цитату из стихотворения Фета «Alter ego»:

У любви есть слова, — те слова не умрут;
Нас с тобой ожидает особенный суд...³

«Особенный суд» предрекает в связи с совершенно особенным характером взаимоотношений, их связавших. Во второй половине января 1904 г. эти взаимоотношения приобрели «романический» характер, но вырастали они из чайний мистического союза, из попыток осуществить «трапезу душ», которую Белый не мыслил совместимой с «земным», телесным соединением. Познакомился он с Петровской (женой С.А. Соколова, основателя символистского издательства «Гриф») в марте 1903 г., душевно сблизился осенью того же года. «...Моя дружба, крепнущая, с Н.И. Петровской, которой внушаю мысли о пути и эзотерике», — вспоминает Белый об октябре 1903 г.; в записях же о декабре, констатируя укрепление этих отношений, он признается: «Испуг перед Н.И. Петровской, в которой замечаю "эротизм"»⁴. Андрей Белый, прорицавший о сокровенных жизненных тайнствах, возглавлявший мистический кружок «аргонавтов», тогда казался Петровской «теургом, осиянным свыше», — и много лет спустя она признавала, что обязана ему открытием неизведанных глубин реальности: «А.Белый научил меня "прозревать" за явлениями косного земного мира»⁵. Вместе с тем влечение к эзотерическим сферам, которые приоткрывались в общении с Белым, сочеталось у Петровской с вполне земным чувством, которое она подавить в себе не могла и не стремилась.

Посвященный Андрею Белому ее рассказ «Последняя ночь» (впервые опубликованный в 1904 г. в «Альманахе "Гриф"») констатирует непримиримое противоречие между запредельным, «голубым» «зовом бесконечной любви», мечты, тайны и дисгармоничным, «красным» «воем, свистом невидимых вихрей», символизирующих стихию «земных», телесных страстей⁶. В рассказе (датированном октябрём 1903 г. — временем сближения Белого и Петровской в «мистериальных» упованиях) торжествует порыв к идеальному, к «светозарному белоогненному лику» — т.е., уже почти буквально, к «огненному ангелу», являющемуся Ренате из брусковского романа; в действительности же возобладал соблазн «невидимых вихрей» любви «посюсторонней». Белый стремился перевести эти отношения в регистр чисто духовного союза; Петровская — натура мятущаяся, эмоционально безудержная и внутренне противоречивая — надеялась обрести в них всю полноту жизненных переживаний, сочетать от-

³ РГБ. Ф.25. Карт.21. Ед.хр.17. Далее письма Петровской к Белому цитируюсь по этому источнику.

⁴ Андрей Белый. Ракурс к дневнику. — РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.100. Л.19об., 20, 20об. Подробнее о взаимоотношениях Белого и Петровской см.: Новобасманная, 19. С.540-545.

⁵ Минувшее. Исторический альманах. Т.8. С.40, 37.

⁶ См.: Юлия, или Встречи под Новодевичьим. Московская романтическая повесть конца XIX — начала XX века. М., 1990. С.218-221.

кровения молитвы с откровениями страсти. Она ждала от пророчествующего кормчего «аргонавтов» живого и яркого чувства, Белый же предпочитал в общении с нею ускользать в теоретические отвлеченности (свидетельством чего служит его письмо к ней от 21 июня 1904 г., представляющее собой своего рода небольшой трактат на тему о спиритизме: доверие Петровской к этой «практической» дисциплине, обесценивающей контакт с потусторонним миром, и неприятие ее Белым вполне согласуются с содержанием образов персонажей «Огненного Ангела» — Ренаты, общающейся с «демонами», и графа Генриха — вдохновенного мистика, чуждого магии).

«Ускользания» Белого от тяготящих его отношений выражались и в прямых «бегствах» — поездке в Нижний Новгород во второй половине марта 1904 г., переселении летом того же года в семейную усадьбу Серебряный Колодезь. «...Главное: утомление "романом" с Н.И. Петровской, с которой я состою в деятельной переписке, — вспоминает Белый об этой поре; — я стараюсь в письмах обращаться к ней, как к ребенку, стараюсь бережнее с ней обходиться, а сам только и думаю о том, как бы положить окончательный предел "эротическому" моменту в наших отношениях⁷. Петровская, безусловно, переживала эти симптомы отчуждения крайне остро. Немногие из сохранившихся ее писем к Белому изобилуют упреками, переполнены внутренней болью. Вот одно из наиболее характерных:

Дорогой Борис Николаевич,
вот мучительно жду Вас, замираю при каждом звонке, и какой-то больной истомленный призрак в душе с отчаянием ломает руки... Мне нет к Вам даже тех путей, которые так доступны и легки были когда-то — через пространства, через мир... Вы и *так* не хотите меня!

Ах, отчего мы так далеки и не знаем друг друга и не слышим голосов?

Если Вы ушли просто и обычно, как уходят люди, потому что все лежало *лишь здесь*, в ярких, но быстротечных переживаниях, — я понимаю конец такой любви и знаю ее жестокие непреложные законы. Скажите, что это так, — и пойму я и схороню последнюю иступленную надежду. Тогда, знаю, в душе проснетесь такая же здешняя гордость, и она умертвит все слова, все замкнет в молчаливую муку. Но если другое... Ведь я все-таки не знаю ничего, и Вы — странное Существо, живущее вне жизненных законов. Моя любовь к Вам прошла великий искус, великое страданье. И, верьте, я могу отречься от всей ее здешней яркости легко и радостно, но только бы быть с Вами, опять почувствовать Вашу жизнь рядом с своей. О, слишком много горя! Разве можно жить всегда в такой напряженной безысходной тоске?

Вы отвергали меня, отрекались, уходили, а во мне ни на миг не слабела все та же беспредельная любовь, на всю жизнь, на-

⁷ А.Белый. Материал к биографии. — РГАЛИ. Ф.53. Оп.2. Ед.хр.3. Л.46об.

всегда до последнего часа, когда я так же буду звенеть все о Вас и для Вас.

Если нет в Вас той роковой непобедимой отчужденности, которую оставляет *здесь* ушедшая любовь, если Вы *сами, сознательно*, во имя другого чего-то создали ее, — я зову Вас с последней силой отчаяния!

Ну посмотрите мне в глаза, слушайте душу, — нет там ни одного туманного, грешного желания, лишь вечный Обет, какие бы муки ни легли на пути. Я уже не знаю и не чувствую себя. Во мне только Ваша воля, Ваша жизнь и страдание без Вас.

Н.

Белый относит окончательный разрыв «романических» отношений с Петровской к августу 1904 года⁸. Последствия их, однако, сказывались и в последующие месяцы и годы — и в обстоятельствах любовного союза Петровской и Брюсова, и в новых психологических эксцессах, свидетельствовавших о том, что общение с Белым оставило во внутреннем мире Петровской незаживающие раны. Одно из таких свидетельств — письмо Петровской к Белому от 31 января 1905 г., закачивающееся словами:

Я не знаю, что дает такую власть одному над душой другого. Тайна эта так же велика и свята, как тайна смерти. Она владела миром во все века. И думаю я, что Христос пришел не отнять эту радость, а только восполнить и освятить во имя Свое.

Ты же разрываешь, нарушаешь, делишь, вместо того чтобы принять ее святую полноту.

Ты говоришь обидные слова — «монополия на христианскую любовь»...

Должно быть, не знаешь еще, что любовь все отдает и ничего не требует взамен и ничем не хочет владеть. О, я знала все эти твои слова еще когда ты уезжал. Уходишь?.. Уходишь опять? Прощай.

Письмо Андрея Белого к Н.И. Петровской от 9 августа 1903 г. печатается по автографу из фонда Петровской в РГАЛИ (Ф.376. Оп.1. Ед. хр.5); остальные письма — по автографам, хранящимся в архиве Андрея Белого в Отделе рукописей Российской гос. библиотеки (РГБ. Ф.25. Карт.30. Ед.хр.13).

⁸ Там же. Л.48об.

[Москва. Весна 1903 г.]

Многоуважаемая Нина Ивановна, отвечаю Вам столь же откровенно и искренно, столь же *просто*, как и Вы мне писали. Я очень ценю те побуждения, которые заставили Вас так писать. С своей стороны я повторю, что не питаю лично к Вам ничего *тяжелого, смутного*, и весь вопрос сводится к тому, приятно ли Вам меня видеть.

Вообще мне будет трудно ввиду занятий¹ бывать часто у Вас и Сергея Алексеевича², но *все же* от времени до времени мне было бы приятно заглядывать к Вам, если, *конечно*, Вам не будет это неприятно.

Остаюсь готовый к услугам искренне уважающий Вас
Борис Бугаев.

¹ Подразумеваются занятия в Московском ун-те. 22 мая 1903, по завершении государственных экзаменов, Белый получил удостоверение об окончании университета по естественному отделению физико-математического ф-та.

² С.А. Соколов (псевдоним — Сергей Кречетов; 1878-1936) — муж Петровской; поэт, владелец и руководитель изд-ва «Гриф».

Серебряный Колодезь,
9-го августа 1903 г.

Многоуважаемая Нина Ивановна, это ужасно, что Вы пишете обо мне. Я такой же борющийся, порывающийся, как и все. Не считайте порывание к *голубому* за уже совершившееся ухождение. Ведь и разбойник, и мытарь должен так говорить о голубом пути. Ведь иная речь о небе показатель отчаяния, а отчаяние — хула на Духа Святого. Более чем кто-либо я знаю о «*безобразных чудовищах, стерегущих эту дорогу*» (это из Вашего письма)¹. Ужас и хаос — имя этим чудовищам, и более всего мне приходилось и приходится бороться с ними и предупреждать. Но что ужас и хаос не безбрежны, что безбрежность их — оптический обман, показатель еще незнания нами сущности этих ужасов, показатель остановки внутреннего пути в черте хаоса — это я *действительно знаю*. Это сознание и снимает излишнее бремя, тяжесть, ужас, уныние с нашей души, показывая, что если все разбивается об ужас, *то сам ужас еще не неуязвим*.

Видя со всех сторон наплывание мрака, мы в состоянии сами *ударить на мрак*... Если Вы хоть раз дерзнете вместо убегания от ужаса сразиться с ним хотя бы молитвой, Вы увидите в душе Вашей дуновение чуда. *Невидение* в жизни чудесного есть действие серого тумана, о котором мне писал Сергей Алексеевич. Но туман этот — *в наших глазах*. Проникновение в душу Истины зажжет эту дымку — фату уныния — миллионами *желто-красных* огней, создаст в глазах картину мировой горячки («*Горячка пришла*»)... См. Кнут Гамсун «*Драма Жизни*»)². Но и это обман. Не обман — сонно-сладкая белизна усмиренных среди голубых всплесков волн «*скачущих в жизнь бесконечную*» (Откр.)³ — голубых отражений бездонно детских глаз, которые и создают мираж неба.

Вообще чем больше спадает повязка с глаз, тем ближе видишь, что первоначальная картина множества сущностей (идей), которая так пестрит и тешит взор *впервые проснувшегося к Жизни из жизни*, — тоже обманчива. Все узнанное еще недавно *как сущность* оказывается только более тонко прикрытым отношением явлений. Такой образ характеризует мои слова: относительность явлений имеет складки, ложится складками. Начало складок и есть та первоначальная относительность, которая скоро всем становится явной. Тогда линия углубления складок начинает казаться сущностями (такова сущность отчаяния, черта, хаоса, ужаса, бреда, безумия, Души мира, ангелов). Но и это оказывается только покровами, случайно приблизившимися к сущности благодаря именно не прямой, а складчатой линии относительно. Тут-то и начинается искание сокровенного в сокровенном (эзотеризма в эзотеризме).

Обнаруживается, что я знаю лишь себя, да еще я должен знать Того, кем я обусловлен. Это познание открывается в молитве и любви к Богу. Вот единственно неотносительное знание. Каждый человек есть *нечто аналогичное* мне, обязанное познавать Бога. Поскольку мы объединены этой идеей, постольку возможно общение между нами.

Вы противопоставляете мистической влюбленности в Душу Мира земной образ любви. Но если сама Душа Мира есть только углубленная относительность, то насколько относительна эта земная любовь. Если влюбленность в Душу Мира есть *последнее звено* всякой земной любви, выход из Нее к Богу, то перенесение ее на земной образ есть величайший ужас — астартизм, который и пытается провозгласить Розанов⁴. Нет, лучше пускай уж земная любовь не претендует на небесность. Пусть это будет *необходимым* язычеством (той почвой, на которой выросло христианство). Ведь окончательно осуществиться полнота христианских прозре-

ний может лишь тогда, когда будет «новая земля и новое небо»⁵, пока же оно — воинственно, временно, оно всегда еще неокончательно, с язычеством. Мысль о языческом характере земной любви (если эта любовь не абсолютно мистического оттенка) предохранит от источника величайших, духовных срывов — компромисса между Божественной и небожественной любовью. Мы устали от компромиссов. Неужели *видение* должно опять быть связано?.. Нет, величайшее прозрение мира не должно приближать к срединности. Нет, в христианстве воистину вознесение личности. Трудность да победится молитвою и любовью ко Христу!..

Остаюсь готовый к услугам уважающий Вас

Борис Бугаев.

P.S. Вы спрашиваете о моем /.../⁶ Но у меня с собой /.../⁷ нет. Постараюсь лично [пере]дать Вам в Москве. Не забываю, [что С]ергей Алексеевич обещал мне свой.

¹ Цитируемое письмо Петровской в архиве Белого не сохранилось.

² Реплика Простолюдина в начале III действия пьесы (см.: Кнут Гамсун. Драма жизни. Перевод с норвежского С.А. Полякова. Изд. 2-е. М., «Скорпион». 1906. С.73). Белый написал рецензию на этот русский перевод «Драмы жизни» (Новый путь. 1903. №2. С.170-172).

³ В указанном источнике приводимых слов нет.

⁴ Ср. суждения Белого о В.В. Розанове в письме к А.Блоку от 19 августа 1903: «Я ценю Розанова, но и он не вытанцовывается ни во что (боюсь, как бы не оказался и он пустоцветом). В самом деле: хотя бы в вопросе о браке: дает ряд глубинных созерцаний (с которыми я не согласен очень часто), бросает их мимоходом, высвечивает то здесь, то там жизнь /.../» (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940. С.47).

⁵ Откр. XXI, 1.

⁶ Угол листа с текстом оторван.

⁷ Угол листа с текстом оторван.

[Москва. Осень 1903 г.]

Многоуважаемая Нина Ивановна!

Постараюсь на днях зайти к Вам, но при всем желании не могу назначить дня. У меня бездна дел и своих, и маминых, и относительно библиотеки отца¹. Кроме того: хочется еще самому сосредоточиться на чем-либо. Для этого у меня остается вечер, который тоже далеко не всегда мой (часто у меня бывают знакомые

и товарищи)². У меня есть дело до Сергея Алексеевича. Вероятно, буду у Вас сегодня, завтра, *но днем*. Что же касается вечера, то я лучше зайду к Вам не назначая срока. А то могу и обмануть.

Остаюсь глубокоуважающий Вас и готовый к услугам

Борис Бугаев.

¹ Отец Белого, Николай Васильевич Бугаев, скончался 29 мая 1903. В октябре 1903, согласно свидетельствам Белого, ученик отца, профессор Л.К. Лахтин «обращается с просьбой к маме: отдать математическую библиотеку отца в Университет; мама соглашается», после этого Белый взялся «за составление описи библиотеки» (Андрей Белый. Материал к биографии. — РГАЛИ. Ф.53. Оп.2. Ед.хр.3. Л.40об.).

² Подразумеваются «воскресенья» у Белого, начавшиеся с октября 1903: «Собрания бурные, многочисленные, по 25 человек; ряд дебатов, прений, чтение стихов» (Андрей Белый. Ракурс к дневнику. — РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.100. Л.19об.).

4

Серебряный Колодезь.

21 июня [1904 г.]

Милая, дорогая Ниночка.

Глубокое спасибо за те разъяснения, которые Ты мне дала. Мне нисколько не скучно писать и читать о спиритизме¹. Наоборот: чрезвычайно интересно узнать Твое отношение к нему. Вот почему опять возвращаюсь (Ты простишь?) к этому пункту, потому что мне хотелось бы вкратце объяснить Тебе основания моего отношения к спиритизму (как самостоятельному направлению, могущему давать материалы для религиозно-мистического пути). Я не стану говорить о спиритизме в общем смысле, ибо здесь он уже *спиритуализм, религия, мистика*. Нет, я хочу коснуться того «*спиритизма*», который заявляет права на «*особое существование*» наряду с другими мистическими течениями. *Только о нем я и буду говорить.*

Начну с Твоих слов: «*Здесь уместно бы было говорить еще о пути совершенства духов, о перевоплощении. Но ведь все это ты назовешь ненаучным вздором...*»

Я не преувеличиваю значение науки. Если Ты знаешь меня, то, конечно, согласишься. Еще менее я позитивист, ибо позитивизм, касаясь системы наук, должен пренебречь несоизмеримостью методов, присущих различным дисциплинам, чтобы истолковать, например, явления цикла «*b*» в терминах цикла «*c*».

Позитивизм — здание, построенное на песке: песчинки — тоже камни, только маленькие. Каждый камешек соответствует науке на последней стадии ее дифференциации. Если здание, построенное и равное $\frac{1}{10}$ этого камня, можно считать устойчивым, то здание, построенное на миллиардах таких камешков, — *будет зданием, построенным на песке. Таков позитивизм. Я нарочно подчеркиваю это, чтобы ты не упрекала меня в позитивности.*

Но, допуская относительность каждой отдельной науки и совершенную призрачность системы таких наук, я, как естествовед (а следовательно, хотя бы элементарно знакомый с приемами научных методов), должен признать за этой относительностью *характер точности*. Если наука нам дает формулу $\frac{a}{b} = 2c$, то я, хотя и не зная цифрового значения a , b , c , все же безусловно должен принять отношение между этими буквами за *истинное*. Относительность науки зависит от формализма ее методов, но, с другой стороны, усвоение характера этого формализма сообщает нашему разуму устойчивость. Наука дает нам экстракт из того, что в несовершенном виде именуется «*здравым смыслом*». Математические символы, эмпирические законы природы, порой как бы нарушая здравый смысл (открытие Коперника и т.д.), на самом деле лишь упорядочивают его — это все кристаллы самоочевидности. Всякая деятельность, не ставящая ребром вопроса о неизбежности (априорности) методов, которыми пользуется наш разум для построения теорий и объяснений эмпирических фактов (в данном случае «*феномены*» спиритизма), — всякая такая деятельность после больших или меньших колебаний непременно укладывается в общие нормы научных методов. Если известному циклу явлений стремятся дать разумные догматы, уясняющие данный цикл, вопрос о применении к нему научных методов есть вопрос только времени.

В смысле признания методологической точности научных результатов я поклонник науки. В смысле же признания за этими отношениями абсолютных прав на нашу психику — враг.

Вот почему, если я начну нападать на спиритизм*, *то со всякой точки зрения мне представляются неистинными: не сами феномены, а методы их уяснения.*

Если спиритизм — одна из зачаточных наук, мистицизм, обволакивающий его, должен исчезнуть.

Если же спиритизм всегда будет повит «дымкой мистицизма» (так Ты пишешь), он должен оставить все эти стуки и феноме-

* В узком смысле [Прим. автора].

ны, ибо их констатирование не дает оснований к выводу о сообщениях с духами.

И вот почему:

На протяжении нескольких столетий от средневековых схоластиков и до наших дней господствует деление свойств окружающего нас разнообразия на *акциденцию* и *субстанцию*. В понятии об акциденции объединяли преходящее разнообразие свойств вещей, в понятии о субстанции — выражали мысль о неизменной основе всего. Мы видим стремление ученых и философов к отысканию и определению единой, мировой субстанции, а также разделению предметов на форму и содержание. То субстанцией называли дух, то материю с ее неизменными, чисто механическими законами. С формой между прочим отождествляли тело, с понятием о содержании — душу. И наоборот: формой оказывался разум, содержанием — материя.

Ряд блестящих научных открытий дал возможность, опираясь на точные результаты, составить естественную картину мирового процесса, в основе которого лежали физико-химические законы, приведенные к числу и мере (*здесь связь физики с математикой в механике*). Получалась сама собой механическая картина развития жизни. Физиология растений и животных без остатка оказалась разложимой на естественные процессы, обнаружилась связь между психическими факторами и их физиологической основой. Получилась стройная система механических, последовательно усложняемых отношений. Дух и материя с этой точки зрения различались не качественно, а, так сказать, количественно, и явилась возможность называть механикой всякую разумную целесообразность. И если возможно говорить о *духе* с этой точки зрения, то этим понятием обозначается форма, выражающая род порядка, в который приводится материя восприятия, т.е. порядок движения материальных частиц (сущность).

С другой стороны, Декарт, Лейбниц и др. признавали за индивидуальной душой характер духовной субстанции. По Лейбницу душа — простая, первичная сущность, монада. Вся действительность — бесконечное разнообразие сопряжений этих живых единиц (монад). Но, допуская закон непрерывности, признавая *реальное* взаимодействие внешних и внутренних факторов, разнообразие психических процессов можно допустить лишь при условии взаимодействия моей монады-субстанции (сущности, души) с другими субстанциями. А эти взаимодействия устраняют самостоятельность монад, и душевный атом (монада) теряет значение носителя душевной личности. Далее: Кант блестяще выводит идею о душе из умозаключения, ложно образующего формальное

определение моего «Я», в реальное понятие о пребывающей, простой сущности. Ценные физиологические исследования Вундта², а также философское развитие идей Канта Шопенгауэром привело к единственно возможному способу рассмотрения нашего «Я»; а именно: *как хотения, воли.*

Душа и тело различны не сами по себе, а по методам рассмотрения. «Нечто», рассматриваемое с точки зрения непосредственного метода (интуитивно) как душа, с точки зрения внешнего наблюдения — «бездушная» природа. Ты пишешь: «Желанный дух стал свободен от тела». И это типично для спиритизма, разрывающего «нечто» единое на тело и душу вместо того, чтобы внутренним преобразованием освободиться от форм познания, мучительно дробящих «единое» на «многое». Тогда можно говорить о преображении, воскресении тела, или о материализации души.

В одном случае метод логический, лежащий в основе всех научных методов. В другом случае интуитивный символизм переживаний, оформливающий религиозное откровение.

Результаты применения обоих методов абсолютно несоизмеримы. Тут ведь пропасть бо́льшая, чем расстояние планет друг от друга, ибо с одной стороны разворачиваются миллиарды столетий и верст, а с другой все эти миллиарды — только содержание моего «Я». В одном случае — самостоятельный предмет; в другом — мое переживание. Оба метода правильны. Один дает точность переживаний; другой — точность отношений.

Смешивая методы, получаем «ни то ни се — ни Богу свечки, ни черту кочерги».

Как же я должен рассматривать физические феномены спиритизма? Если *это мое переживание*, т.е. если я применяю к ним психологический метод (по существу мистический), мне совершенно безразлична вся эмпирическая сторона спиритизма (в узком смысле), и я прямо вступаю в сношение с духами высшего порядка, раз я сын Божий, брат Христов. Пророческие голоса, *слуховые галлюцинации Иоанны Д'Арк³ ведь были осмысленны* (они касались судьбы Франции) — на что мне хамики, за что меня сажают в спиритизме сперва в лакейскую с существами низшими сравнительно со мной? Да и наконец, что это за деление духов на высшие и низшие — на чем оно основано? На духовном созерцании, на откровении: *но тогда результаты откровения неприемлемы с необходимым в начале эмпиризмом*, ибо в одном случае физический феномен является действием моей психической работы, а в другом моя *работа истолкования* феномена является действием самого феномена. То, что в одном случае причина, в

другом действии. Закон причинности в обоих методах навыворот. Применяя к одному и тому же феномену *одновременно* оба метода, получаю следующее:

причина — действие — сокращая, получаю полный
действие — причина

нуль в смысле объяснения. Отсюда моя теоретическая боязнь смешения методов, ибо это есть *середи́нная серость, черт с насморком, круглое ничто*. В этом же смысле смешение методов есть одно из проявлений хаоса: «*ich liebe estь des oranges*», — вот это что; но часто специально знающие цикл одних методов поймут «*я люблю*», другие «*есть*», третьи «*апельсины*». Одни строят на «*я люблю*» теорию, другие на «*есть*», третьи на «*апельсины*». Вот тут-то и происходит *смешение, полная путаница* в разумном отношении к спиритизму (я не о мистическом), и так как Ты мне писала, *объясняя*, то я и отношусь к объяснению с единственно возможной *в этом случае* точки зрения: логической. Говоря о «*хаосе*», говорю с формальной точки зрения. Говоря с иной точки зрения, так понимаемый хаос, конечно, связан с иными руслами хаоса (проявления хаоса весьма разнообразны, но они объединимы в самой общей формуле, и эта формула — смешение методов). И поэтому весьма возможно, что я писал Тебе о разных проявлениях хаоса, для краткости, а может быть и небрежности, называя их прямо *хаосом*. Прости.

Итак, смешение методов недопустимо ни с научной, ни с мистической точки зрения в спиритизме, а Ты пишешь: «*Открывается в спиритизме длинный ряд ступеней познания*». Что ты здесь разумеешь под *познанием*? Какое *познание*? Разумное? Но в таком случае, как бы ни был велик ряд ступеней этого познания, он должен быть объединен *методом*, для того чтобы я мог непогрешимо (со всех точек зрения) согласовать первоначальные данные *познания с конечными*. Далее Ты поясняешь, что физические феномены — *первая необходимая ступень*. Стало быть, дальнейшие ступени — психические переживания. Но из вышесказанного *это невозможно без смешения методов, т.е. без хаоса, серединности*. В одном случае *познание* понимается в одном смысле, в другом случае — в совершенно ином, и совместное объединение этих «*познаний*» без основательного знакомства и творчества в «*области теории познания*» (самая серьезная область философии) невозможно, ибо между этими познаниями есть некоторая *коренная разница*. Я могу 100 лет упражняться в области феноменов материализации, стуков и т.д., и все же ни на шаг не подвинусь в произвольном творчестве их и управлении ими (теургизм). Если же физические феномены рассматриваются, как объективные, а не

моими переживаниями вызванные, то они тотчас подпадают под рубрику неизвестных доселе законов природы; и в этом случае я не могу смешивать методы и давать внутреннее объяснение тому, что без сомнения объяснимо и научно (т.е. *относительно, но зато точно в своей относительности*). Зачем тогда в изучение фактов вмешивается с научной точки зрения проблематическое и недоказуемое существование *духов*. В современной психологии и философии нет и помину о тех взглядах, которые *душе* приписывают значение абсолютной субстанции. И вдруг еще: «*Духи средние, высшие, низшие*»? Ведь это равносильно фетишизму?

А раз выступает на сцену *вера в духов*, наука складывает руки, ибо для нее все это — туманная, давно потерявшая смысл, фантазия. Но и мистика не может согласиться с необходимостью внешних феноменов. Ни Христос, ни Будда, ни пророки не устраивали сеансов, а если и производили чудеса, то они имели явно прообразовательный смысл, т.е. были *символами*, а не *феноменами**: во всяком случае, все это внутренние факторы, и значение феноменальной реальности их третьестепенное («*Род лукавый, род прелюбодейный, чудес просите и чудеса не даются вам*»)⁴. Важно, что чудеса-символы-галлюцинации происходили вдруг *без сеансов, без преднамеренности*. Не нужно бояться слов *самогипноз, галлюцинация* в применении к чудесам, ибо «*теория познания*», столь суровая к некоторым сторонам спиритизма, дает основание полагать, что методы наук, приводящие к теории гипноза и галлюцинации, *сами суть только галлюцинации*. Мир символических, *прообразующих*, а также *преобразующих* (чудес) деланий освобождается, но эмпирическая сторона спиритизма разбивается вместе с научными методами, как одна из наук в зачаточном состоянии.

Дорогая Нина, еще раз пойми меня: *безусловно я не нападаю на спиритизм*, верю, что Ты, вкладывая везде спиритуалистическую подкладку, разбираешься, и для Тебя, конечно, безопасен спиритизм; в данном случае я нападаю на формальную сторону спиритизма, поскольку он *сам в себе довлеющее направление*, отделенное от общерелигиозного руслу своей *эмпирической подкладкой*. В данном случае мои нападки не существенны, а формальны (*и с этой стороны безусловно правильны*); основания их, в общем, те же, что и основания моих нападков на *теософию*, которая, будучи тоже замкнутым направлением, претендует на какие-то общелогические основания, не желая считаться с тысячелетней

* Здесь уместно подробно коснуться определения *феномена* и *символа*, чтобы показать их коренную разницу, но боюсь, что письмо разрастется. [Прим. автора].

кристаллизацией логики в науке и философии. Оба направления, противопоставленные друг другу, хаотичны благодаря смешению методов.

Остается сказать нечто об «*офицерах*». Еще Декарт был офицером⁵; а ныне очень много молодых и старых военных, получивших солидное научное образование, и я не вижу оснований с военным мундиром непременно соединять *глупость или необразованность*.

Но довольно, довольно, Ниночка. Прости меня, я слишком многое написал. Мне хотелось только показать Тебе, что я 1) все-таки прав, теоретически настаивая на разделении методов, и что Ты не совсем верно поняла основания моих нападков, 2) я несколько не заражен скепсисом, в знак чего поручаю духам ветра осыпать Тебя моими поцелуями.

Милая, милая, — все это несущественно. Люблю, молюсь, радуюсь на Тебя. Целую Твой образочек.

О, какая радость мне увидеть Тебя, милая, милая.

Заглянуть в Твои глаза, и без слов улыбаться, улыбаться...

Милая.

Христос с Тобой — Он с Тобой, и я спокоен.

P.S. Не можешь ли сообщить мне подробнее о трудах Майерса: какие его сочинения и где их можно достать? Я знаю, есть труд, напечатанный Обществом психических исследователей, Майерса, Лоджа и (кажется) Падмора «*Fantasmes of the living*» (кажется так)⁶, что значит: «*Прижизненные призраки*» — труд известный, но заключающийся только в собраниях фактов, а я *ведь не о фактах*. Мне об этом труде в свое время много говорил покойный М.С. Соловьев⁷, так что понятие о нем у меня совершенно ясное.

P.P.S. Итак, 30[-го] я буду у Тебя. Увидимся? 29-го выезжаю⁸.

¹ Письмо Петровской, на которое отвечает Белый, в его архиве не сохранилось. «Спиритическая» тема, заданная в этом письме, была подготовлена обстоятельствами их общения весной 1904. О мае 1904 Белый вспоминает: «Бываю у „Грифов“; /.../ в доме у „Грифов“ начинаются спиритические сеансы; Н.И. [Петровская] оказывается сильным медиумом; в спиритическом кружке принимают участие Соколовы, Ланг, Брюсов, композитор Ребиков /.../; я отношусь чрезвычайно враждебно к этому кружку, как и вообще к спиритизму» (Андрей Белый. Материал к биографии. Л.46). Петровская, вспоминая о деятельности спиритического кружка, отмечает: «Меня стали неудержимо манить „спиритические тупики“. Прочитав немало спиритических и теософских книг, я хорошо знала, придерживаясь конечно круга принятых идей, к каким отрицатель-

ным последствиям ведет бесцельное проковыривание дырок в занавесе, отделяющем потусторонний мир. /.../ Но неудавшееся преобразование жизни оставалось в душе зияющей дырой. Если не удалось преобразить, может быть уже исказить-то удастся, думала я злорадно» (Жизнь и смерть Нины Петровской.// Минувшее. Т.8. С.61).

² Вильгельм Вундт (1832-1920) — немецкий психолог, физиолог, философ, один из основоположников экспериментальной психологии. Его труд «Основания физиологической психологии» (1874) Белый перечитывал в июне 1904 (Андрей Белый. Материал к биографии. Л.46) в ходе работы над статьей «О границах психологии» (см.: Андрей Белый. Символизм. Книга статей. М., 1910. С.31-48).

³ Жанна д'Арк (ок.1412-1431) уверяла, что к подвигу спасения короля, крестьянства и Франции ее призвали голоса архангела Михаила, св.Мargarиты и св.Екатерины.

⁴ Неточная цитата. Ср.: «Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему» (Мф.ХII, 39, XVI, 4).

⁵ Рене Декарт по окончании иезуитской школы поступил в 1617 на военную службу, где находился, с перерывами, до 1628, участвовал в нескольких походах и сражениях.

⁶ Имеется в виду издание: Edmund Gurney, Frederic William Henry Myers, Frank Podmore. Phantasms of the living. 2 vol. London, Society for Psychical Research, 1886. Этот труд посвящен исследованию телепатии и галлюцинаторных явлений. Его подготовили авторы сочинений по экспериментальной психологии Эдмунд Гёрней (1847-1888), Фредерик Уильям Генри Майерс (1843-1901) и Френк Подмор (1856-1910). Английский физик и автор религиозно-философских сочинений Оливер Джозеф Лодж (Lodge; 1851-1940) к написанию этой книги отношения не имел.

⁷ Михаил Сергеевич Соловьев (1862-1903) — педагог, переводчик; брат Вл.С. Соловьева и издатель его сочинений; один из духовных наставников Белого в юношеские годы.

⁸ Ср. запись Белого об июне 1904: «Конец июня захватывает меня в Москве, где я встречаюсь с Н.И. Петровской; и опять — начинается старый, меня тяготящий, знойный "плен"; я бываю почти каждый день у нее» (Андрей Белый. Материал к биографии. Л.47).

5

[Первая половина июля? 1904 г.]¹

Дорогая, милая Нина.

Ты пишешь о том, чтобы я был счастлив, и тогда *мое* счастье станет Счастьем мира². Никогда не соглашусь с этим, потому что ныне все мое счастье в том, чтобы раствориться в общем, мировом счастье. Быть гражданином мира, спокойно и сознательно

трудиться на пользу и благо человечества — *первая* ступень этого «моего» счастья, остальные ступени приложатся или не приложатся к «этой первой» ступени — не могу знать, да и знать не нужно. Исполнять мне свой долг труда и работы — необходимо. Все мы связаны в одно великое звено, и наша задача — уяснить, утвердить и не обрывать звенья, которые нас связывают друг с другом. Верю — мы связаны для Вечности. Верю, что нет нас, отдельных, обособленных, а все мы, поскольку обращены к Вечности, обращены к Единному Источнику, давшему всем единый закон свой, исполняя который приближаемся с Верой, Надеждой, Любовью к Нему — Источнику всякой любви. Я не понимаю любви к людям, как таковым; любовь к Богу в людях должна выражаться 1) укреплением существующей, данной Богом связи между собой и людьми, т.е. *Законом*, 2) продолжением этой связи *благодатью*. Так что *благодать* и *закон* обусловлены друг другом. Нет *благодати* без закона. Нет закона без *благодати*. Закон потому и закон, что *определяет* и, определяя, необходимо ведет к отречению. Но все *отрекаются во Имя*. Это — необходимая, безусловная стадия: ее нельзя обойти. Отрекаются, умирая (война, Порт-Артур)³. И в отречении-то Истинная Свобода. Идеал всякого развития — переплавить минутную «*вспышку*», «*восторг*» в *инстинкт*, *привычку*, ибо только так ближе подойти к вечной свободе в Господе. Вогнать *закон* в инстинкт значит сделать его *благодатью*. Да, это так!

Много работаю, читаю. Верю — мы близки друг другу. Радуюсь близости. Да, будет!

Христос с Тобой! Он — радость радости, начало и конец, закон и благодать. Буду в Москве 19, 20, 21[-го]; в первые же дни моего пребывания в Москве непременно зайду⁴.

Еще раз хочется сказать: Христос с Тобой.

¹ Письмо написано Белым, скорее всего, в Шахматове, подмосковном имении Бекетовых, где он гостил у А.Блока в середине июля 1904.

² Это письмо Петровской в архиве Андрея Белого не сохранилось.

³ Имеется в виду одно из наиболее значительных событий русско-японской войны — оборона русской военно-морской крепости Порт-Артур (в Китае, в заливе Бохайвань Желтого моря) с 27 января по 20 декабря 1904.

⁴ Пребывание Белого в Москве было кратковременным; 19 июля он выехал в Серебряный Колодезь. В этот день он писал А.Блоку из Москвы: «Вчера для меня совершился перелом в жизни. Молю Господа об укреплении духа, чтобы достойно пройти мне назначенный путь» (Алек-

сандр Блок и Андрей Белый. Переписка. С.103). Таким образом, встреча и решающее объяснение с Петровской произошли 18 июля. Ср. записи Белого об июле 1904: «В Москве я резко рву с Ниной Ивановной и возвращаюсь в Серебряный Колодезь»; об августе того же года: «...я заявляю Н.И. Петровской, что я — *неумолим*; у нас происходит пренеприятная сцена объяснения» (Андрей Белый. Материал к биографии. Л.48, 48об.).

А. Белый и П.Н. Зайцев
ПЕРЕПИСКА

Публикация Дж. Мальмстада*

3 мая 1928 г. Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев, 1880-1934) написал своему близкому другу Р.В. Иванову-Разумнику о намерении составить литературное завещание сразу после своего возвращения с Кавказа, чтобы в случае его смерти «все бумаги и все права на них» попали в руки самых близких ему людей, тех, кто понимал и ценил его творчество. Белый назвал Иванова-Разумника, К.Н. Васильеву, А.С. Петровского, Д.М. Пинеса и Петра Никаноровича Зайцева, «самопожертвенно оказавшего мне "рой" таких услуг, что я перед ним в долгу неоплатном (в смысле разговоров с редакциями, вплоть до гонораров); если я живу в Кучине благополучно и даже еду на Кавказ, все это — Петр Никанорович!» Но как выясняется из письма Белого самому Зайцеву (от 13 апреля 1927 г.), в жизни Белого тот играл роль гораздо более важную, чем просто поверенного в литературных и издательских делах:

Как же хорошо и жить, и работать, когда есть в людях отклик братства: когда *душа жива* в людях; и человек человеку — не волк, а — брат. И во-вторых: позвольте, опять-таки не официально а по человечеству, по-просту, горячо обнять Вас и сказать «*спасибо*» за то, что Вы мне сделали и с таким самопожертвованием делаете. Вы, Петр Никанорович, человек *большой*, очень *большой*: не в каком-либо специальном разрезе, а опять-таки по человечеству. Это такой редкий дар: *доброе* выявить в напряже-

* Research for this publication was supported in part by a grant from the International Research and Exchanges Board (IREX), with funds provided by the National Endowment for the Humanities and the United States Information Agency, and by Fulbright-Hays Faculty Research Abroad awards. None of these organizations is responsible for the views expressed.

нии и в сосредоточенности моральной фантазии до... пересечения его с красотой; есть *добрые* люди; но большинство из *добрых* еще не *красивые*, т.е., не *прекрасные*; *прекрасный* человек не *добрый* человек; и не красивый (хотя бывает и красивым, и добрым); *прекрасный* человек — это тот, в ком — редкое пересечение добра и красоты; добро, изваянное в красоту, *прекрасно*; это пересечение и разумел Платон, когда употреблял выражение kalos-k'agathos (добро-красивый). Красивость без добра чаще всего сфера, которую Шопенгауэр определял, как «*прелестное*»; «*прекрасное*» — сфера той красоты, пронизанной горными вершинами добра, которую он называл сферой «*высокого*».

По свидетельству Белого, они познакомились в апреле 1918 г. (хотя встречались и раньше, в «ритмическом кружке» при издательстве «Мусагет» осенью 1911 г.)¹, а к концу этого года Зайцев уже принял на себя роль устроителя произведений Белого в печать. Этому способствовали его широкие контакты в московском издательском мире. Всем писателям было чрезвычайно трудно печататься в тяжелые годы разрухи и голода, но Белый, который был необычайно «неуклюж» во всех практических делах, особенно нуждался в таком ходатае; он легко мог бы погибнуть, если бы друзья не пришли на помощь. Не менее важным поводом для сближения Белого с Зайцевым служил тот факт, что в эти годы последний часто посещал московское отделение русского Антропософского общества, где слушал лекции и курсы. Неизвестно, стал ли Зайцев членом Общества формально, но его стихи этих лет навеяны антропософскими образами, а среди самых близких ему людей числились видные члены московского Общества.

¹ В замечательной вступительной статье, датированной 19.VII.23 и написанной Зайцевым для составленной им «Антологии "Молодой московской поэзии"», мы находим: «Кроме этих открытых организаций, были некоторые более замкнутые кружки [в Москве]. Наиболее значительным из них был кружок молодых поэтов при книгоиздательстве "Мусагет". Кружок работал под общим руководством А.Белого над теорией стиха, занимался исследованием ритма стихов русских поэтов и вел правильную кружковую работу, собираясь еженедельно для сообщений и докладов о работе членов. Кружком велась также работа по изучению творчества французских символистов, и отдельные члены кружка занимались переводами стихов из изучаемых поэтов. Эта работа велась под руководством Эллиса, прочитавшего в кружке в 1911-1912 целый курс по Ш.Боллеру. Кружок работал также над теорией Символизма и ставил общие вопросы искусства. В этот кружок входили: Ю.П. Анисимов, Н.Асеев, С.Бобров, С.Дурылин, П.Зайцев, С.Клычков, Б.Пастернак, Дм.Рем, С.Рубанович, А.Сидоров, В.Станевич, М.Цветаева, С.Шенрок и др. Из более известных тогда поэтов там бывали: Б.Садовской, С.Соловьев и В.Ходасевич. Кружок существовал до 1913 года и распался с отъездом Белого и Эллиса за границу, отчасти же ввиду наметившихся к тому времени у отдельных членов кружка расхождений» (ИМЛИ. Ф.15. Оп.1. №4, машинопись с подписью автора). В №6 имеется содержание антологии, а в №7-43 автографы (главным образом, машинопись) стихов, предназначенных для антологии. Антология, показывающая и вкус и хорошее знание Зайцевым литературной жизни Москвы, так и не была опубликована.

Сближение Белого с Зайцевым перешло в тесную дружбу после возвращения Белого из-за границы (где он провел два года) в октябре 1923. Если К.Н. Васильева и Р.В. Иванов-Разумник занимали самое центральное место в личной и умственной жизни Белого в эти годы, такое же место в его практическо-литературной жизни принадлежало Зайцеву, которому он, как хорошо понимал сам Белый, не только постоянно помогал (хотя нервность Белого и его раздражение, когда Зайцев не сразу исполнял его просьбы, легко оттолкнули бы другого человека, имеющего меньше «героической» терпимости; впрочем, многие из корреспондентов Зайцева жаловались на его «забывчивость»), но которому он во многом пожертвовал себя. Обо всем этом свидетельствует их переписка и воспоминания Зайцева, к сожалению, только отчасти опубликованные².

Из этих источников читателю легко будет самому нарисовать для себя историю отношений Белого с Зайцевым в 1920-1930 гг., и не стоит ее здесь повторять. Но кто же был этот деятельный участник московской литературной жизни двадцатых годов, человек, которому суждено войти в историю русской литературы не как писателю, а как другу и помощнику Белого, Брюсова, Пастернака, Булгакова, Есенина, Пильняка, А.Толстого, Волошина, Тихонова и целого ряда других писателей; как инициатору литературного кружка на своей квартире в Староконюшенном переулке, из которого образовалась издательская артель «Узел»?³ В 1923 г. Зайцев написал краткую автобиографическую справку для своей так и не

² Петр Зайцев. Московские встречи. (Из воспоминаний об Андрее Белом). Предисловие Юрия Юшкина, публикация и примечания В.Абрамова. // Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988. С.557-591. Воспоминания не только опубликованы отрывочно, но ряд неточностей мемуариста не исправлен. Например, К.Н. Васильева не уехала в Берлин весной 1923, когда услышала от вернувшейся в Москву из заграничной поездки М.М. Шкапской о положении там Белого (с.560-561): Васильева была в Берлине уже в январе 1923; Белый играл очень активную роль в постановке своей инсценировки «Петербург» и был на многих репетициях в МХАТ'е II, вопреки утверждениям Зайцева, что Белого не пускали в театр до генеральной репетиции (с.568); Белый выступал на вечере, посвященном памяти Есенина, 2 января 1928 (не «1927 года», с.569), и т.д. Об арестах Зайцева в тридцатые годы ни слова не сказано. Вся публикация, можно сказать, выдержана в тоне «предгласности». В моем предисловии и в примечаниях к письмам цитируются воспоминания Зайцева по полной копии. В этих случаях страница не приводится.

³ См.: Лев Горнунг. Встреча за встречей. По дневниковым записям. Публ. К.М. Поливанова. // Литературное обозрение. 1990. №5. С.102. В другой записи (неопубликованной) от 27 сентября 1923 Горнунг пишет: «Зайцев жил в доме №5 по Староконюшенному переулку в подвальном этаже, где у него было две комнаты, и одна из них довольно большая, в которой стал собираться наш поэтический кружок, названный "Зайцевским", по имени хозяина. Дом был большой, доходный, принадлежавший раньше купцам Коровиным, и в подвальной квартире были сухие высокие комнаты, окна были выше тротуара»; в записи от 3 января 1926: «В эти годы НЭПа, когда разрешались разные частные организации, группа поэтов решила организовать свое издательство для печатания стихов, которые не могли быть напечатаны в государственном издательстве из-за недостатка сотрудников и общей загруженности учреждения. /.../ У нас в Москве решила объединиться для этой цели целая группа поэтов, которые для начала вносили какой-то

опубликованной «Антологии Молодой московской поэзии»: «ЗАЙЦЕВ, Петр Никанорович, родился 14 декабря 1889 г. в г.Иваново-Вознесенске. В Москве с 1903 г. Первые стихи напечатаны в 1908 в альманахе "Сполохи". В 1910 г. вошел в кружок молодых поэтов при книгоиздательстве "Мусагет" (в нем тогда были: С.Бобров, А.Сидоров, Дм.Рем, С.Рубанович, Б.Пастернак, В.Станевич, С.Дурылин и др.). В 1923 г. в Государственном Издательстве вышла книга стихов "Ночное солнце". Принадлежит к символической школе»⁴. В автобиографической справке, которую Зайцев составил два года спустя для отдела «Библиография. Указатели» антологии «Русская поэзия XX века», вышедшей в Москве в 1925 г. под редакцией И.С. Ежова и Е.И. Шамурина, он по цензурным соображениям, опустил самую интересную деталь этого самоопределения («при-

взнос. Книжки предполагались небольшие, не более одного типографского листа, и не требовали больших затрат. Этому нашему издательству было решено дать название "Узел", марку издательства поручили придумать художнику-граверу Владимиру Андреевичу Фаворскому. В организационную группу "Узла" вошли София Парнок, Борис Пастернак, Бенедикт Лифшиц (ленинградец), Абрам Эфрос, Александр Ромм, Вера Звягинцева и Лев Горнунг» (вариант этой записи издан в публ. «Из хроники одной дружбы» Горнунга: Наше наследие. 1989. №2. С.92). В своих воспоминаниях о Белом Зайцев пишет: «Собравшийся у меня в Старокоюшненном кружок поэтов мне удалось превратить в издательскую артель "Узел". В кружок входили талантливые поэты: София Парнок, Павел Антокольский, Борис Пастернак, Бенедикт Лифшиц и другие. Несколькое позднее к нам пришел Сергей Шервинский, Владимир Луговской, Илья Сельвинский. Теперь, работая в ВЦСПС и постоянно держа тесную связь с типографией, я смог обеспечить наш кружок полиграфической базой. "Узел" выпустил десять очень чистенько изданных больших книжек разных авторов в общем картонном футляре».

⁴ «Био-библиография поэтов», 1923 г. Машинипись с правкой Зайцева, 33 лл. (ИМЛИ. Ф.15. Оп.1. №5). Зайцев включил следующую справку о Ходасевиче, которую стоит привести полностью, так как Ходасевич никогда не публиковал своей автобиографии в такой форме (текст не имеет ничего общего с «О себе», опубл. в берлинском журнале «Новая русская книга», 1922, №7): «ХОДАСЕВИЧ, Владислав Фелицианович (Из автобиографии): родился 16 мая 1886 г. в Москве. Отец — литовец, мать — еврейка. Поэт младший в семье (3 брата и 2 сестры, все много старше). Благодаря старшему брату рано пристратился к чтению. Читал очень много, обладал исключительной памятью (теперь очень не люблю читать). Выучился чтению на 4-м году. Первые стихи — 6-7 лет, также "комедии" и "драмы" (в прозе). В 1896 г. поступил в гимназию, учился очень хорошо, окончил в 1904 г. — без медали, за "разрашающее влияние на товарищей", выразившееся в упорном "декадентствовании". За русские сочинения хотели исключить из 8-го класса. Первые сознательные литературные интересы — в 6 кл. гимназии. Прекрасные учителя: В.И. Шенрок, Тор Ланге, Георг Бахман, М.Д. Языков — поэты. Впрочем, в 5-7 классах мечтал о сцене (теперь не люблю театра никакого). В 1904 г. поступил в Университет на филолог. ф-т, кот. бросил в 1907 не кончив. В 1904-1905 г. — знакомство с Брюсовым, Бальмонтом, Белым, с которым очень хорошие отношения с 1907 г. Он один из самых важных людей в моей духовной биографии и один из самых дорогих мне людей вообще. Он — да поэт С.В. Киссин (Муни), умерший в 1916 г. Печататься начал ужасно плохими стихами в III альманахе "Грифа" (февраль 1905 г.). Потом "Весы", "Золотое Руно", "Перевал" и пр. В 1908 г. вышла первая книга стихов "Молодость". Вторая — "Счастливый Домик" в 1914 г. В 1920 г. "Путем зерна". В 1922 г. "Тяжелая Лира"».

надлежит к символической школе»). В этой последней справке он лаконично сообщает: «*Петр Никанорович Зайцев* — родился 14 декабря (ст.ст.) 1889 г. в г.Иваново-Вознесенске. Писать начал с 13 лет, сознательно — с 1909-1910 г. Первое печатное выступление — стихотворение "Тишина", помещенное в сборнике "Сполохи" 1907-1908 г. Отдельно издано: *Ночное Солнце*. Гос. Изд-во. М. 1923»⁵.

В Москве в ноябре 1955 г. Зайцев написал гораздо более подробную автобиографию:

Родился 14 декабря (ст.ст.) 1889 г. в г.Иваново-Вознесенске (Иваново, областной) в семье ремесленника-переплетчика. В 1901 г. кончил начальную школу и с 12 лет начал работать в конторе. Через год перевели на работу в Москву. С 1903 г. жил постоянно в Москве, до 1915 года работал в конторе. С 1908 по 1911 г., совмещая работу с учебой, прошел курс за 8 классов гимназии, а в 1911 г. поступил в Московский Археологический институт, сдал экзамены за два курса, третьего курса не кончил.

Началом литературной деятельности считаю 1913 г., когда начали печатать мои стихи: в большевистской газете «Правда», «Новом журнале для всех», «Новом Сатириконе», «Проталинке» (журнал для детей) и в других изданиях. В 1915 г. в сборнике «Бельгийские поэты» (издание «Универсальной библиотеки») напечатано несколько моих переводов.

С 1915 г. перешел на газетную работу (рецензии и заметки о театре, о книгах).

В 1918 г. вступил в Московский профессиональный, позднее — Всероссийский союз писателей. Участвовал в литературной жизни Москвы.

В 1918-1919 гг. работал секретарем журнала «Рабочий мир», с литературным отделом, организационно участвовал в литературном журнале «Сирена». Стихи и статьи этого времени печатались мною в журналах.

В 1921-1922 гг. работаю редактором Литературной секции Государственного издательства и секретарем литературной газеты «Московский понедельник»⁶, а с 1922 по 1925 г. — секретарем издательства «Недра».

С 1923 г. состоял членом и председателем Ревизионной комиссии Всероссийского союза писателей. Позднее входил в Культкомиссию правления Союза писателей и принимал участие в работе правления до 1929 года.

⁵ Машинопись этой справки находится в фонде Зайцева в ИМЛИ: Ф.15. Оп.1. №45. В конце справки находим фразу, опущенную в тексте антологии: «Стихи в Альманахе "Наши дни"».

⁶ «Московский понедельник» — первая советская газета московских литераторов, доход от которой шел в пользу голодающих Поволжья» (см.: Известия. 1922. 6 июля. №148). Газета, редактируемая П.И. Лебедевым-Полянским, просуществовала недолго (с 1 июня по 12 ноября 1922).

В эти годы вышла книга моих стихов «Ночное солнце», а в Московском Художественном театре Втором была поставлена моя пьеса «Фрол Севастьянов».

В 1930-1932 гг. участвовал в поездках писательских бригад по Советскому Союзу. В московских и местных газетах и журналах печатались мои стихи, статьи и заметки на материале поездок.

В 1933-1938 гг. работал редактором и литконсультантом Гослитиздата, вел там и в литературных кружках московских вузов работу с молодыми начинающими авторами.

С 1938 по 1949 г. занимался педагогической деятельностью.

В настоящее время готовлю к печати новую книгу стихов. Вместе с тем пишу литературные воспоминания, охватывающие большой период советской литературы, с 1918 по 1940 год. Начал работу над ними в 1949 году. Привожу черновые записи в порядке. Некоторые главы: «Маяковский», «Есенин», «Брюсов» — отработаны, над другими продолжаю работать.

В резерве лежит пьеса «За кулисами», требующая доработки⁷.

Два года спустя Зайцев еще раз приступил к автобиографическому очерку

Зайцев, Петр Никанорович
(автобиография)

Родился 14 декабря 1889 года в гор. Иваново-Вознесенске (теперь обл. город Иваново) в семье ремесленника-переплетчика. Мать — домашняя хозяйка.

В 1901 году окончил начальную школу. В январе 1902 г., когда исполнилось 12 лет, поступил на работу в контору одной из ивановских фабрик учеником. Через год, в 1903 г. меня перевели в московскую контору этой фабрики, и с этого года Москва стала мне второй родиной. В том же году непроизвольно, нечаянно написал первое стихотворение. Открылись глаза: умею делать то, что умеют делать далеко не все и могут делать только те, кого называют поэтами. Начал писать, и с 1907 года — все чаще и больше.

С детства, едва научившись грамоте, полюбил книгу, и она с детства, на всю жизнь, стала моим другом и спутником, источником радости и предметом страсти. Ремесло отца, переплетчика книг, сыграло в моей жизни большую роль. Еще больше стал я читать в Москве и особенно — с 1905 г. И здесь открылось другое: у меня нет культуры и очень мало знаний. Продолжая работать в конторе, начал учиться по вечерам на курсах и прошел курс за 8 классов гимназии. А после курса гимназии потянуло и к высшему учебному заведению. В 1911 году поступил в Московский Археологический институт, в котором занятия происходили

⁷ РГАЛИ. Ф.1610. Оп.1. Ед.хр.6; машинопись с подписью автора.

по вечерам. Сдал успешно экзамены за два курса. Чтобы пройти третий курс и закончить институт, надо было бросить работу. Этого я сделать не мог, не имея никакой поддержки со стороны, и института поэтому я не закончил.

Работая днем, вечерами учась, я продолжаю писать, овладевая техникой. И продолжаю по-прежнему много читать. Стихи связывают меня с литературной молодежью, завязываются литературные связи. Меня очень рано начинают печатать: с 1907 года — в альманахах «Спологи», в 1908-1909 годах — в журнале «Весна» и в других журналах и газетах. В 1913 году мои стихи печатают: большевистская газета «Правда», журналы «Новый Сатирикон», «Новый журнал для всех» и журнал для детей «Проталинка» (1915 г.). В том же 1915 г. мои переводы с французского напечатаны в сборнике «Поэты Бельгии» (издание «Универсальной библиотеки»).

В 1915 году оставляю контору в Китай-городе, перехожу на другую работу — статистиком в Обществе хлопчатобумажных фабрикантов, здесь короче рабочий день. Эта работа связывает меня с московскими газетами. Днем работая в Обществе, вечерами начинаю работать в большой московской газете «Утро России», пишу хронику, даю репортаж и рецензии о театре, о книгах. Но с Китай-городом моя связь не прерывается до февраля 1917 года. За 15 лет моей работы в китай-городских подворьях у меня накопилось много любопытного и ценного материала. В 1948-1949 гг., вспомнив совет писателя Вл. Ал. Гиляровского, знаменитого «Дяди Гиляя», который он дал мне в 1914 г.: «присматриваться к жизни и нравам Китай-города» — «это драгоценный материал!» — я сделал много черновых записей о московском «Сити». Их предстоит обработать.

В октябре 1916 г. меня призывают на военную службу, но в феврале 1917 года освобождают по недостаточности зрения: рядовому солдату в очках служить в армии нельзя.

После Октябрьской Революции, с марта 1918 по август 1919 года, работаю с В. П. Волгиным в журнале «Рабочий мир», одном из первых советских журналов для рабочих⁸. После Октября, организационно участвую и печатаюсь в журнале «Сирена», выходящем в Воронеже под ред. поэта В. Нарбута⁹. Мои стихи и статьи печатаются в ряде журналов с первых лет Октября.

В начале 1918 года вступаю в Московский профессиональный союз писателей. С 1918 г. активно участвую в литературной жиз-

⁸ См. также: ИМЛИ. Ф.15. Оп.1. №46: «Известия» — Редакция газеты Воронежского губ. исполнит. комитета совета рабочих и крестьянских депутатов. Извещение Зайцеву П.Н. о зачислении его сотрудником газеты 21 октября 1918 г. «С 15 октября Вы зачислены сотрудником "Известий" с окладом жалованья 450 руб. в месяц».

⁹ Письма от редакции «Сирены» к Зайцеву находятся в ИМЛИ. Ф.15. Оп.1. №47.

ни Москвы и в деятельности литературных организаций: «Московское книгоиздательское товарищество писателей», «Литературное звено», «Дворец Искусств», «Союз поэтов». В Московском Пролеткульте провожу одно время семинар по журналистике для студийцев Пролеткульта.

В 1919 г. призван в ряды Красной Армии, направлен в Тулу, в 43-ю стрелковую дивизию. В феврале 1920 г. после ее расформирования направлен в Москву, в распоряжение ПУР'а. В 1921 г., в связи с ликвидацией фронтов, меня демобилизуют. По заданию Главполитпросвета, с Агитпоездом имени Ленина еду политпросветработником в Зап. Сибирь (Кузбасс и Кемерово), возвращаюсь из этой поездки осенью 1921 г.¹⁰

С ноября 1921 по сентябрь 1922 г. работаю литературным редактором в Госиздате, а потом секретарем литературной еженедельной газеты «Московский понедельник»¹¹.

С сентября 1922 г. по январь 1925 г., организовав с Н.С. Ангарским и В.В. Вересаевым издательство «Недра», работаю там секретарем и заведующим редакцией.

В 1923 году меня избирают в руководящие органы Всероссийского союза писателей, и до 1929 года я принимаю активное уча-

¹⁰ См. письмо Николая Михайловича Мешкова Николаю Ивановичу Забубену об устройстве своего «друга, поэта» П.Н. Зайцева, приехавшего от ЦК писчебумажников в качестве лектора и культинструктора, 30 октября 1921. (ИМЛИ. Ф.15. Оп.1. №50).

¹¹ См. письмо В.Я. Брюсова Зайцеву от 29 июня 1922:

Уважаемый т.Зайцев!

Верьте, что я каждый день мучился, вспоминая свое обещание Вам. Но дела, дела и дела меня одолели совсем. Все эти дни я до поздней ночи сидел во всяких заседаниях Главпрофобра, Гуса, Института и др. Простите. Пошлю Вам два стихотворения, — оба *совсем не газетные*. Но иных *нет*. Одно из них, «К новому», из моей книги «Дали», которая, как Вы знаете, должна выйти со дня на день; поэтому не знаю, удобно ли его печатать в газете. Но оно все же более «газетное». Второе — совершенно свободно и будет перепечатано лишь не скоро, но боюсь, что газетным читателям оно не под силу. Выбирайте, как хотите, или забракуйте оба, я в претензии не буду.

Статья для Вашей газеты мною *написана*. Надо только ее переписать и доставить Вам. В ней строк 100, 120. Кажется, просто сделать, а вот для меня это почти невозможно. Но постараюсь.

Ваш Валерий Брюсов.

P.S. Извините, что вот сейчас никак не вспомнил Вашего отчества.

(ИМЛИ. Ф.15. Оп.1. №24).

Стихотворение «Карта Европы в 1922 году» («Встарь исчерченная карта...») было опубликовано в «Московском понедельнике», 1922, 12 июня, №1; «К новому» («Красное знамя, весть о пролетариате...») в №3 от 3 июля 1922. Оба были перепечатаны в сб. «Дали» (1922). «Умильные слова» («Июньских сумерек лесная...») — в №5, 17 июля; «Хвала зрению» («Зелен березами, липами, кленами...») — в №8, 7 августа; «Атом» («Быть может, эти электроны...») — в №14, 18 сентября. Все три стихотворения вошли в сб. «Меа» (1924). Статья «Почему должно изучать Пушкина?» появилась в №6 газеты от 24 июля.

стие в работе правления Союза писателей. Членом Союза состою вплоть до его роспуска в 1932 году.

В 1923 году выходит моя книга стихов «Ночное солнце» в издании ГИЗ.

В 1928 году МХАТ Второй ставит пьесу из жизни вузовской молодежи «Фрол Севастьянов», написанную мной и молодым писателем И. Рудиным.

В 1930-1932 годах в составе писательских бригад совершаю ряд поездок по СССР¹².

Мои стихи, статьи, очерки и корреспонденции с мест с 1918 по 1934 год печатаются в советских журналах, сборниках и газетах «Правда», «Известия», «Комсомольская Правда» и других московских и местных газетах.

В 1933-1935 году работаю редактором и литконсультантом в Гослитиздате, веду работу с молодыми авторами, провожу литконсультации и руковожу литературными кружками.

Обстоятельства личной жизни вынуждают меня резко изменить весь строй моей жизни. С 1935 по 1945 год живу вне Москвы. Но литературной работы не прерываю. Пишу стихи, продолжаю работать над Пушкиным. В 1937 году на периферии, в одном из крупных совхозов читаю лекции и провожу беседы о Пушкине, ставлю на клубной сцене инсценированную мной поэму Пушкина «Цыганы» и пьесы местных авторов.

С 1938 года переключаюсь на педагогическую работу и по 1948 год работаю преподавателем русского языка и литературы в средней школе. В связи с этим заочно прохожу и успешно заканчиваю, уже в годы Великой Отечественной войны, второй ВУЗ — Моск. Обл. Педагогический институт по литературному отделению (1940-1944 г.).

В 1949 г. оставляю педагогическую работу в школе, но еще продолжаю работать (зав. научной библиотекой научно-исследовательского института по антибиотикам). Все еще занятый службой, работой в школе, в библиотеке, с 1945 г. начинаю приводить в порядок свой литературный архив и начинаю подбирать и копить материалы для задуманной литературной работы.

В 1948 году начал работать над своими «Литературными воспоминаниями». Ввиду трудных квартирных условий, работал ночами, на кухне, чтобы не беспокоить домашних.

И только в 1955 году, оставив работу и перейдя на пенсию (210 рублей до октября 1956 г. и 520 рублей с октября 1956 г.), я

¹² См., например, заявление в Президиум секции краеведов ВССП от члена Секции П.Н. Зайцева о желании работать над изучением бытовой, хозяйственной и промышленной жизни одного из районов Советского Союза, датировано 22 апреля 1931. (ИМЛИ. Ф.15. Оп.1. №59). В нем Зайцев пишет, что желает «работать по вопросам краеведения» и «хотел бы работать по Казахстану или по Иваново-Вознесенской области». См. также примечания к письмам Белого Зайцеву 1930 г. о поездке Зайцева с писательской бригадой на фабрику «Сокол» осенью 1930 г.

получил возможность заниматься несколько больше литературной работой. Но квартирные условия по-прежнему неудовлетворительны.

Сейчас продолжаю работать над «Литературными воспоминаниями». Написано мною за годы с 1948 по 1956 год довольно много. Но все написанное, за небольшими исключениями, требует обработки и, главное, — переписки на машинке. В прошлом 1956 году привел в порядок свои «Дневники» с 1910 года, закончив их 1934 годом. Переписанные начерно на машинке, они составили том в 15-20 листов печатных. Столько же, если не больше, лежит у меня в папках, ожидая обработки и переписки¹³.

Сравнивая эти автобиографии — первая написана до знаменитого разоблачения «преступлений Сталина» Хрущевым в 1956, а вторая год спустя — со справками двадцатых годов, обнаруживаем очень показательные и вполне сознательные «опущения»: об участии в мусажетском кружке нет ни слова; о приверженности к символистской поэзии, разумеется, ничего не сказано; нет даже упоминания имени Андрея Белого, который к этому времени остается еще достаточно одиозной литературной личностью. И во второй автобиографии есть только туманный намек на центральные события в жизни автора (они не упоминаются и в предисловии к фрагментам из его воспоминаний о Белом, опубликованным в 1988 г.): его арест и ссылка в Казахстан в 1931 г. и второй арест и ссылка надолго в 1935 («обстоятельства личной жизни вынуждают меня резко изменить весь строй моей жизни»). Оба ареста произошли из-за дружбы Зайцева с Белым и его окружением.

В неопубликованной части своих воспоминаний о Белом Зайцев пишет: «В середине февраля 1930 г., после партийной чистки, застрелился Витольд Францевич Ахрамович-Ашмарин. В газетах ничего не печатали о его смерти. Перед концом он оставил письма на имя Сталина у Солца. Говорят, во время чистки ему был поставлен в упор ряд вопросов. Упрекали за издательство "Мусажет", в котором он сотрудничал когда-то, и его католичество. Хоронили тайно, без всякой огласки. В последнее время он работал в ЦК ВКП(б) по редактированию секретных материалов. /.../ — А вы член партии? — спросил меня Ахрамович. — Если нет, вам легче. У меня гораздо труднее. Я член партии и — католик». В другом месте Зайцев пишет: «Новый год 1930 начался под знаком серьезных мероприятий правительства в отношении крестьянства, колхозов и кулацких элементов. /.../ Началась партийная "чистка" во всех советских учреждениях и организациях. Она коснулась и беспартийных служащих: /.../ Для проверки дел и людей были образованы отряды "летучей кавалерии" из рядов комсомольской молодежи. Им дано было право беспрепятственно входить в любое учреждение, требовать ключи от шкафов и столов и проверять их содержание. /.../ Непременным секретарем

¹³ ИМЛИ. Ф.15. Оп.1. №44. Машинопись, датирована 2 апреля 1957, с правкой и подписью автора.

Академии Наук вместо С.Ф. Ольденбурга был назначен В.П. Волгин, мой старый знакомый еще по журналу "Рабочий мир", который мы с ним вели в 1918-1919 годах. Академик Е.В. Тарле был в это время сослан в Казахстан, в Алма-Ату и оттуда впоследствии выручен В.П. Волгиным как талантливый и ценный ученый. Я в то время сам был в Алма-Ате и, уезжая в Москву, привез Волгину письмо от Тарле». Но здесь Зайцев забегает по времени вперед: он был в Алма-Ате, потому что в мае 1931 г., когда были разгромлены остатки московского антропософского движения, его арестовали и сослали в Казахстан, откуда он вернулся только в начале 1932 (об этом аресте см. примечания к письмам Белого к нему за май 1931 г.).

Продолжая свои воспоминания, Зайцев пишет: «Множились концентрационные лагеря на Севере и в Сибири. Становилось правилом "очищать" Москву и другие крупные города арестами под праздники Октября и 1-го мая. Лубянка, Бутырки и Таганка переполнялись людьми свыше всякой меры. /.../ Когда мы заговорили о текущих событиях, Белый серьезно сказал:

— Надо заковать себя в сталь, Петр Никанорович, надо держаться, как держатся солдаты в окопах, несмотря на то, что каждая минута угрожает гибелью.

Он предчувствовал, предугадывал многое из того, что развернулось перед нами в последующие годы. /.../

Заговорили о положении в стране. — Пастернак полон искреннего оптимизма, будущее представляется ему в радужных красках. Не потому ли у него такое настроение, что он мало общается с людьми, мало что знает и слышит, всецело занятый своей писательской работой? А может быть наоборот, — знает гораздо больше, чем я, потому и говорит с такой уверенностью. О, если бы так!»

В 1935 Зайцев был арестован во второй раз и просидел до 1938 года за организацию контрреволюционной деятельности. Ему инкриминировались связи с Белым и чтение своим знакомым произведений Белого.

В 1950-е Зайцев еще не рисковал об этом писать, так что самая откровенная его автобиография содержится в следующих документах, отправленных в Москву в 1940 г.: письмо к «рабоче-крестьянскому графу» А.Н. Толстому, петиция в Верховный Совет СССР и ответы на нее:

а). Депутату Верховного Совета СССР Алексею Николаевичу Толстому:

Глубокоуважаемый Алексей Николаевич!

Я принял к сведению Ваши указания, касающиеся редакции моего ходатайства в Верховный Совет СССР, и заново написал его, дополнив биографическими сведениями о себе.

Но и в новой редакции я все же был вынужден писать о связи моего дела с именем Б.Н. Бугаева. Я не мог этого избежать, так как все следствие по моему делу с начала до конца велось в линии моих отношений к Б.Н. Бугаеву, его жене Клавдии Николаевне и кругу лиц, которые были с ним в той или иной степени связаны.

При аресте у меня было отобрадено больше десятка книг А.Белого, книга Эллиса «Русские символисты» (Бальмонт, Брюсов, Белый), книга Вяч.Иванова «Борозды и межи» и несколько рукописей и писем Б.Н. Бугаева. На первом же допросе следователь НКВД поставил мне в вину чтение стихов А.Белого в литкружке. В центре всего следствия стояли философские воззрения А.Белого и тех, кто с ним был связан.

Вот почему я и не мог избежать упоминания в своем ходатайстве имени Б.Н. Бугаева и его жены Клавдии Николаевны.

Если эта новая редакция не вызовет с Вашей стороны существенных возражений, я очень прошу Вас оказать мне поддержку в моем обращении в Президиум Верховного Совета.

Помогите мне вернуться к моей семье, от которой я оторван пять лет!

С глубоким уважением к Вам П.Зайцев. 26 июля 1940 г.

Мой адрес: пос. Детчино Тульской области. Детчинская средняя школа, Петру Никаноровичу Зайцеву.

Адрес моей жены: Москва, Сретенский бульвар, д.4/9, кв.7. Марии Сергеевне Зайцевой.

P.S. О моем деле будет звонить моя жена. В случае Вашего согласия поддержать мое ходатайство, она придет к Вашему секретарю за отзывом, чтобы передать его В.И. Лебедеву-Кумачу, который обещал поддержать меня своей характеристикой и передать мое ходатайство в Президиум В.С.

б). В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Зайцева, Петра Никаноровича,
поселок Детчино, Тульской обл.,
Детчинская средняя школа.

Ходатайство о снятии судимости.

Особым Совещанием НКВД СССР 26 августа 1935 г. я осужден по ст.58 п. II (к.-р. группировка) к заключению ИТЛ на 3 года. Наказание я отбыл и 28 апреля 1938 г. был освобожден.

Основное, что мне ставилось в вину НКВД, это мои знакомства и отношения с людьми, в той или иной степени связанными с писателем Андреем Белым при его жизни: с его близкими, с людьми, разделявшими его философские воззрения или интересовавшимися его творчеством.

А.Белый умер в 1934 году. После его смерти я сохранял отношения с его женой и ее семьей (сестра, мать, тетка — старухи), помогая жене покойного писателя закончить его литературные дела. Я решительно отрицаю, что эта семья являла собой к.-р. группировку, тем более, что никто из ее членов репрессирован не был.

Мне ставилось также в вину чтение произведений А.Белого среди молодежи. Его произведения (отрывки из романа «Петербург» и стихи из книги «Пепел») я приводил на занятиях литературного кружка, как руководитель лабораторной работы, для сопоставления с творческими приемами других писателей. Эти произведения были напечатаны в советских издательствах, имели санкцию Главлита и не были изъяты из обращения. Их публично исполняли чтецы и артисты с эстрады перед тысячной аудиторией советских слушателей. Обвинение в пропаганде произведений А.Белого с не меньшим основанием могло быть предъявлено десяткам советских чтецов и артистов.

Я человек, вышедший из рабочей среды, родился в 1889 г. в г.Иваново-Вознесенске. Отец был переплетчиком, работал по найму. С 12 лет я начал трудовую жизнь. Работал в конторе фабрики сначала в Иванове, потом в Москве. Работая в конторе, без всякой материальной поддержки с чьей бы то ни было стороны подготовился на аттестат зрелости (8 классов гимназии) и окончил 2 курса Московского Археологического института. В те же годы начал писать. В 1913 году мои стихи печатались в большевистской газете «Правда».

В Октябрьскую революцию и в годы Гражданской войны я занимался литературно-редакционной работой и служил в Красной Армии. В октябре 1917 г. работал секретарем редакции журнала Московского областного продовольственного комитета, в 1918-1919 гг. — зав. редакцией литературным отделом массового рабочего журнала «Рабочий мир». В 1921-22 гг. служил в 43 дивизии и в агитпропе Политуправления РКФСР.

С 1921 по 1931 г. непрерывно работал в области литературы: писал и печатался, был редактором литотдела Государственного издательства (1921-1922 гг.), секретарем издательства «Недра» (1922-1925), с 1923 по 1930 г. вел большую общественную работу в Союзе писателей. В 1928 г. МХАТ-II поставил мою пьесу «Фрол Севастьянов». С 1933 по 1935 работал в Гослитиздате рецензентом, переводчиком и литконсультантом.

У меня 33-летний, ничем не запятанный трудовой стаж. Я член профсоюза с 1917 г., в 1935 году состоял членом Месткома писателей при Гослитиздате.

По возвращении из лагеря я поселился в гор. Ефремове Тульской области, в июле 1939 г. по рекомендации Ефремовского РОНО Тульский ОНО назначил меня преподавателем русского языка и литературы в старших классах Детчинской средней школы, где я и продолжаю работать. Я состоял заочником на литфаке Московского областного пед. института по повышению квалификации.

Я чувствую себя безупречным перед Советской властью и партией. Я честно работал в области литературы до ареста и честно работаю сейчас на доверенной мне работе советского учителя.

В 1935 году старое руководство НКВД осудило меня на 3 года лагеря по ст.58 п.П. Эти 3 года я отбыл, я работал в лагере, не имея замечаний, и был проведен в ударники. Но позорное пятно судимости по ст.58 и сейчас тяготеет надо мной. Эта статья и судимость по ней тяготит меня как преграда, отделяющая меня от остальных честных граждан Советского Союза, как непримиримое противоречие со всем моим существом последовательно, до конца советского человека и честного работника на ответственном участке идеологического фронта.

Ходатайствую перед Президиумом Верховного Совета СССР о снятии с меня судимости и прошу дать мне возможность еще с большей энергией работать на пользу горячо любимой родины.
П.Зайцев.

26 июля 1940 года. (копия)

в). В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
Михаилу Ивановичу Калинин

Многоуважаемый Михаил Иванович!
Посылаю Вам прошение Зайцева Петра Никаноровича, осужденного в 1935 году на 3 года лагерей, отбывшего срок и сейчас работающего на советской службе. Так как он считает себя, и по видимому, совершенно оправданно, непричастным к обвинению, предъявленному ему в 1935 году, и чистым перед советской властью, партией и правительством, он обращается к Вам с горячей просьбой о снятии с него позорного пятна судимости, которое до сих пор тяготеет над ним.

Депутат Верховного Совета СССР А.Толстой. (копия)

г). Комиссия при Президиуме Верховного Совета СССР
по рассмотрению заявлений о помиловании
Москва, Берсеневская набережная, д.2/20

Депутату Верховного Совета СССР
тов. Толстому А.Н.

9 августа 1940 г. №К-28657

Сообщаем Вам для сведения, что по делу Зайцева П.Н. нами затребованы дополнительные материалы. По рассмотрению результаты сообщим.

Зам. Секретаря Комиссии А.Селянин.

9 декабря 1940.

Сообщаем Вам для сведения, что ходатайство гр. Зайцева Петра Никаноровича о снятии судимости постановлением Комиссии от 21.XI.1940 г. отклонено, о чем гр. Зайцеву сообщено.
Секретарь Комиссии А.Козлов¹⁴

Дошли бы власти до самого Белого в 1935 г.? Никто не может ответить на этот вопрос с уверенностью. Его жену и ее семью в это время не трогали. (Да и не нужно было: власть имущий союз писателей так похабно распорядился с ней после смерти мужа, дал ей столь мизерную пенсию, что она жила всю жизнь в полной нищете; без помощи друзей она просто умерла бы с голода.) Но как пишет Зайцев в своих воспоминаниях, уже в конце 1932 года, когда Белый встретился на одном из редакционных собраний журнала «Новый мир» с В.В. Куйбышевым, тот заметил ему: «Как жаль, что Вы, товарищ Белый [sic!] не с нами». Там же Зайцев приводит и запись из своего дневника от 23 августа 1933: «Сегодня на собрании начинающих писателей во Дворце Труда на Солянке два пьяных дурака В.Александровский и Я.Бердников /.../ распространили злой и глупый слух о том, что умер Андрей Белый. Говорили, что им сказали об этом в Горкоме писателей. Я не поверил, как не поверили и сидевшие рядом Г.И. Чулков, Д.Д. Благой, С.Я. Штрайх. Но уже пополз проклятый слухок и дальше». Зайцев сразу поехал к Белому и нашел его беседующим с Густавом Густавовичем Шпетом (расстрелян в 1937 г.). Зайцев также приводит другую запись из дневников, относящуюся к августу 1933 г.: «Кроме дурацкого слуха, пущенного Александровским и Бердниковым, о чем я писал выше, появились и другие слухи. В "Вечерней Москве" дней восемь тому назад (говорил Левин из "Советской литературы" и Вл.Пяст подтверждал) появилась глупая, неуклюжая заметка об архиве *посмертных* произведений Андрея Белого. Торопили заживо похоронить, сволочи!»

8 января 1934 г. Белый умер. 10 января в 3 часа дня состоялась кремация, а 18 января урна с пеплом Белого была захоронена на новом кладбище Новодевичьего монастыря. Зайцев сразу стал помогать Клавдии Николаевне с таким же самопожертвованием, с каким помогал ее мужу, с последствиями чего мы уже знакомы¹⁵.

19 мая 1959 г. Зайцев набрасывал свои «общие мысли» «К теме "Андрей Белый"», но получился только беглый фрагмент:

¹⁴ Оригиналы хранятся в ИМЛИ. Благодарю К.М. Поливанова за предоставленные мне копии с них. См. также публ. Е.Ю. Литвин «Что же с нами делают?..» (Письма А.Н. Толстому — депутату Верховного Совета СССР).// Звенья. Исторический альманах. Вып.1. М., 1991. С.505-527.

¹⁵ В своих воспоминаниях Зайцев пишет: «Через год-два, после смерти Бориса Николаевича, она [Клавдия Николаевна] так символически одаривала его друзей и близких. Мне она отдала — все внешнее, материальное, облекающее Бориса Николаевича: его шубу, шапку, коричневую шляпу, костюм и ботинки, до галстука включительно; Борису Леонидовичу Пастернаку вручила очки Бориса Николаевича; Г.А. Санникову подарила, помнится, библию по-русски».

Необычайна судьба Андрея Белого как писателя. Кажется, ни один из писателей не встречал такой противоречивой критики, такого противоречивого приема, как Андрей Белый.

С одной стороны, — «гениальный писатель» (оценки А.Блока и Вячеслава Иванова), с другой — «какой-то графоман, а не писатель» (В.В. Вересаев. Устные высказывания, какие я слышал от Викентия Викентьевича Вересаева, — однажды в разговоре с ним у него на квартире в феврале 1918 года, без свидетелей, а другой раз во Всероссийском Союзе писателей, в кулуарах, — верней на лестничной площадке второго этажа Дома Герцена, в разговоре В.В. Вересаева, Н.К. Гудзия, Федора Жица (критика) в связи с оценкой творчества Леонида Макс. Леонова. См. мои дневники).

Это было и в первые годы:

Профессорская Москва называла его: «декадентшиша!»

И поднимали на щит с первых шагов: изд-во «Скорпион» (Брюсов), журналы: «Новый путь» (П.П. Перцов), «Мир искусства»...

Каждая новая книга при выходе встречала двойной хор:

- 1) восторженных ценителей и восторженные хвалы,
- 2) бешеное улюлюканье и травлю.

Так было до Октябрьской революции. Так было и в советские годы.

Андрей Белый неясен, непонятен читателям. Непонятен и невпрочет он критикам... — по форме и по содержанию. Неприемлем и по форме, и по содержанию¹⁶.

Наконец, за четыре года до смерти, в 1970 г., Зайцев приступил к написанию своих воспоминаний о Белом, как он в них пишет: «Весною 1966 года мне попала в руки книга К.Мочульского "Жизнь и творчество А.Белого"¹⁷. Автор Константин Мочульский, бывший петербуржец, эстет, после 1917 года уехавший за границу и ставший эмигрантом. Книга в основном содержательная и обстоятельная, написана тактично, без маленьких выпадов против Советской России. Но в ней вовсе не освещен последний период жизни и творчества Бориса Николаевича, с осени 1923 года. Мало того, Мочульский пишет, что сведения о жизни Белого в это время совершенно отсутствуют.

Вот почему я, так близко знавший Андрея Белого именно в этот период, решил привести в порядок старые записки и опубликовать свои воспоминания, не претендующие на анализ ни сложной натуры Бориса Николаевича, ни его творчества и продиктованные исключительно глубокой преданностью ему при жизни и такой же глубокой верностью его памяти после смерти».

¹⁶ РГАЛИ. Ф.1610. Оп.3. Ед.хр.15: П.Н. Зайцев. Статьи о Д.Бедном, А.С. Пушкине, А.П. Чехове и др. Наброски.

¹⁷ Константин Васильевич Мочульский. Андрей Белый. УМСА-Press. Париж, 1955. С предисловием Бориса Зайцева о Мочульском.

Письма Белого, которые публикуются впервые (публикации отрывков из них отмечаются в примечаниях), находятся в фонде П.Н. Зайцева в РГАЛИ. Ф.1610. Оп.1. Ед.хр.16. 133 л. Письма печатаются в хронологическом порядке и пронумерованы, что нарушает последовательность, в которой дана нумерация их в архиве и самим Зайцевым (эта последняя не принимается в расчет и только иногда оговаривается). Авторский синтаксис и пунктуация сохранены. Случайные опiski и некоторые постоянные неправильности правописания Белого («плаж», «гостинница», «гиганский») поправлены без оговорок. Место хранения писем Зайцева, из которых далеко не все сохранились, указано в примечаниях к каждому из них. Почти все документы написаны чернилами; исключения оговариваются в примечаниях. Выражаю благодарность директору и сотрудникам РГАЛИ за возможность ознакомиться с фондами Белого и Зайцева. Также приношу свою благодарность Владимиру Гитину за тщательное чтение всей публикации и ценные замечания по ее поводу.

Зайцев — Белому

Москва. Ноября 28 1918.

Глубокоуважаемый и дорогой Борис Николаевич!

Несмотря на то, что Ваша книга стихов скоро выходит у Кожебаткина¹, мне из нее все же хотелось бы взять для «Сирены» несколько стихотворений (2-3), чтобы напечатать их в ближайшем №.²

Поэтому, препровождая Вам сверстку Вашей книги, я очень бы просил Вас выбрать то, что еще не было напечатано и что Вы разрешите взять для Сирены. Когда Вы отметите, я к Вам приехал бы сам или в пятницу пришел бы в Пролеткульт³ за книжкой чтобы выписать оттуда разрешенные Вами стихотворения, а всю книжку отдать обратно А.М. Кожебаткину, который просил вернуть ее ему.

Гонорар в Сирене установлен для поэтов старшего поколения 3 р. Но я буду писать, чтобы он был повышен до 5 р. за строку.

А затем я очень бы просил Вас дать для «Сирены» что-нибудь из Вашей прозы и статью о чем Вам угодно⁴.

Глубоко Вам преданный и искренно уважающий

П.Зайцев.

P.S. У меня есть некоторое сомнение в том, установили ли Вы окончательно для себя возможность дать что-нибудь для «Сире-

ны». Если еще не установили, то, быть может, получение от Вас материала удобнее будет отложить до выхода №1-го, который у меня будет на днях, и я его Вам пришлю.

В противном случае я боюсь Вас стеснить.

П.З.

(ГБЛ. Ф.25 /А.Белый/. Карт.15. Ед.хр.16. Письмо написано на бланке: П.Н. Зайцев — Представительство Редакции литературно-художественного двухнедельника «СИРЕНА» /Воронеж/).

¹ Имеется в виду сб. стихов «Звезда», который Александр Мелентьевич Кожебаткин (1884-1942), владелец изд-ва «Альциона», довел до гранок (РГАЛИ. Ф.53. Оп.2. Ед.хр.1) в 1918 г., но вопреки упоминанию о нем в кн. «Русские советские писатели. Поэты. Библиографический указатель. Т.3. Ч.1. Безыменский — Благов» (М., 1979): «№4а: *Звезда*. Новые стихи. М., «Альциона», 1919. 72 с.» (С.115) — никогда не вышел в свет. Только «госиздатовское» издание было выпущено в 1922 г. Ср. письмо Белого Д.М. Пинесу от 6 апреля 1927: «Никогда "*Звезда*" не была издана "*Альциной*"; рукопись в ней гнила энное количество месяцев, пока я чуть не силком ее вырвал у Кожебаткина /.../ может быть, он и собирался в будущем выпустить, может быть, под шумок успел и набрать, но... я видел: что он медлил со "*Звездой*" для какой-то — в который раз! — спекуляции» (РГАЛИ. Ф.391. Оп.1. Ед.хр.109).

² Стихотворения «Христиану Моргенштерну» («Ты надо мной — немым поэтом...») и «Антропософии» («Твой ясный взгляд, в нем я себя ловлю...») впервые были опубликованы в ж. «Сирена. Иллюстрированный двухнедельник». Воронеж. 30 января 1919. №4-5. С.6-8; перепечатаны в сб. «Звезда».

³ Осенью 1918 Белый вел беседу-семинарий по воскресеньям в литературной студии московского Пролеткульта, а также читал там курс лекций «Ритмика». В феврале-апреле 1919 он читал там курс лекций «Теория слова».

⁴ Ср. воспоминания Зайцева о Белом: «Еще в 1918 году мне удалось помочь Белому устроить в журнале "*Сирена*", выходившем в Воронеже под редакцией поэта В.И. Нарбута, рассказ "*Иог*"» (Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи, воспоминания, публикации. М., 1988. С.568). «Иог» был опубл. в №2-3 (1918) журнала.

Зайцев — Белому

Москва, 23 июня 1921 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Пишу Вам по очень срочному и важному делу. Вчера я беседовал с одним видным работником Наркомата Рабоче-Крестьянской Инспекции и в разговоре случайно коснулись Вас (в связи с

антропософией). Этот работник — мой хороший знакомый, узнав, что я знаком с Вами, спросил, в каких условиях Вы живете. Я, зная его очень хорошо и давно, как культурного и милого человека, не стал скрывать этих условий и рассказал ему в общих чертах, как живут в настоящее время писатели вообще и в частности Вы¹. Тогда он сообщил мне очень любопытную вещь, что один из молодых поэтов (открою Вам, кто это: Борис Пастернак)² заключил через Лито и Луначарского договор с Госуд[арственным] Издательством о продаже своих сочинений не только готовых, но и задуманных, на основании которого ему уплачивается ежемесячно по 200.000 руб. Государством. Формально — это аванс в счет гонорара, но фактически — субсидия писателю со стороны Государства. И этот работник Р.К.И., *определенно интересуюсь Вами*, предлагает свое содействие и даже посредничество в деле заключения такого же договора между Вами и Наркомпросом. При этом письме я прилагаю проект заявления, которое Вам, Борис Николаевич, нужно будет написать и подписать, а затем переслать мне сюда очень скоро, чтобы я мог немедленно пойти с ним к Луначарскому или передать его этому работнику. Он имеет, между прочим, большой вес в Наркомпросе, с ним Луначарский очень считается и почти наверное не откажет ему в просьбе, ввиду некоторых обстоятельств, о которых здесь говорить не буду.

Если бы Вы, Борис Николаевич, согласились войти в такого рода сношения с Наркомом и Госиздатом, то я лично и этот мой знакомый (Иван Федорович Попов)³ приложили бы все усилия к тому, чтобы наше предприятие осуществилось. Я советовался (в очень общих чертах) об этом деле с Клавдией Николаевной и Алексеем Сергеевичем⁴, и они одобрили мое намерение написать Вам по этому поводу. *По существу Вас* этот договор, мне представляется, связывать не будет: Гос. Издательство неработоспособно и печатать ничего не будет. Гржебин и Заграница остаются свободны для Ваших книг и после заключения договора⁵. Между тем последний определенно обеспечивает Вам фикс 300-500 тысяч, а мы будем стараться и больше.

По получении Вашего заявления, если Вы согласитесь на это, я немедленно начну хлопоты. А когда на Вашем заявлении будет резолюция Луначарского и разрешение на ассигновку со стороны Рабкрин, а это очень важно и это со стороны И.Ф. Попова вполне обеспечено, я срочно напишу Вам, и тогда Вам б[ыть] м[ожет] будет целесообразнее приехать сюда лично для выполнения всякого рода формальностей. Но я узнаю все подробно предварительно и тогда напишу: м[ожет] б[ыть] Вам и не надо приезжать в Москву. Заявление от Вас хорошо было бы получить как можно ско-

рее, например, 30-1-3 июня: т[ак] к[ак] я собираюсь скоро ехать в Сибирь до осени, и всю подготовительную работу мне бы хотелось провести до отъезда.

Это письмо я пошлю Вам или заказным, или с «оказией». Его передаст Вам Яков Михайлович Лебедев. Он с прошлой осени начал работать в кружке М.П. Столярова и Клавдии Николаевны⁶. Рекомендую Вам его как человека очень милого и близкого духовно. Он пишет.

Мне очень жаль, Борис Николаевич, что я не сумел увидеться с Вами до Вашего отъезда, и очень больно от мысли, что я как-то не умел при встречах говорить с Вами о том, о чем нужно было говорить, а не о внешнем. Я виню себя за неумелость.

В последнее время редко с кем встречаюсь из О[бщест]ва, чувствую тяжесть отрыва. Но внешние события и условия пока непреодолимы. С осени м[ожет] б[ыть] я буду жить в центре. Тогда, вероятно, удастся установить связь.

Пока не знаю, о чем больше писать. Я буду ждать Вашего ответа на мое предложение. Мой адрес: Москва, Семеновская Застава, Измайловский Камер-Коллежский вал, д.64. Если обстоятельства вынудят меня выехать в командировку до получения Вашего письма, я передам дело кому-нибудь из О[бщест]ва: Клавдии Ник[олаевне], Алексею Сергеевичу или кому они укажут. Дома я тоже накажу по поводу пакета от Вас. Если Я.М. Лебедев скоро поедет обратно, то б[ыть] м[ожет] Вы отдадите письмо для меня ему.

Желаю Вам всего хорошего!

Искренно преданный и душевно Ваш

П.Зайцев.

[на обороте листа карандашом написано:]

Дорогой Борис Николаевич!

Т.Лебедев пока не едет в Питер. Посылаю Вам заказным и прошу тоже выслать заказным ответ.

Но независимо от этого т.Лебедев, если он скоро поедет, зайдет к Вам в Питере для разъяснений дел.

С глубоким уважением к Вам.

Искренно преданный

П.Зайцев. 25.VI.21.

[В приложении к письму написан образец заявления для Белого:]

Хорошо, если бы вместе с заявлением были присланы еще 2 листа, не заполненные текстом, но подписанные Вами, на случай переписки, изменения и т.д.

П.З.

Народному Комиссару по Просвещению
Анатолию Васильевичу Луначарскому

Бориса Николаевича Бугаева
(Андрея Белого) Петроград,
Морская ул., гост. Спартак

Заявление

Предлагаю приобрести для Государственного Издательства приготавливаемые мною к печати нижеследующие лит[ерату]рные работы: 1) (название) — размером X печатных листов, 2) (название) — размером X печатных листов и т.д.

В случае согласия на приобретение от меня указанных работ, прошу выплачивать мне гонорар за них авансами в размере пятисот тысяч (500.000) руб. ежемесячно.

В обеспечение авансов предлагаю заключить между Народным Комиссариатом по Просвещению или учреждением, им указанным, и мною, Борисом Николаевичем Бугаевым (Андреем Белым) договор о представлении мною в условленные сроки установленного количества литературного материала при условии выплаты мне гонорара ежемесячными авансами, начиная с момента заключения договора.

Б.Бугаев (Андрей Белый)

[СПБ] Петербург
[23] июня 1921 г.

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.188)

¹ В июне 1921 Белый жил в Петрограде, куда приехал в конце марта 1921, в гостинице «Спартак». «Зубы, переутомление, усталость, неприятности; все растущая трудность совместить работу в библиотеке с "Вольфилой" и с писанием; /.../ В конце месяца надрываюсь (служба). Беру отпуск на два месяца; и уезжаю к Раз[умнику] Вас[ильевичу] в Детское Село» (А.Белый. Раккурс к «Дневнику». Материалы к биографии за 1899-1930 гг. Составил для личного использования. 1 документ на 168 листах. — РГАЛИ. Ф.53 /А.Белый/. Оп.1. Ед.хр.100. Июнь 1921. Далее: РД, без указания листа). В октябре он уехал за границу, не получил того «аванса» от Госиздата, о котором Зайцев здесь пишет.

² Зайцев был в приятельских отношениях с Б.Л. Пастернаком (1890-1960) и позднее был близко с ним связан по разным издательским делам. Два из его трех писем Зайцеву (ИМЛИ. Ф.15. Оп.2. №105) опубл. в кн.: Л.Флейшман. Борис Пастернак в двадцатые годы. Мюнхен. [1981]. С.62 и 113-115. Приводим первое из трех писем, написанное, по-видимому, в 1919; оно написано на визитной карточке Пастернака:

Благодарю Вас, Петр Никанорович, за обе услуги (мне и Ивану). Расписки прилагаю. Если не сбился в счете, то должен буд-

то 6 р. Вам сдачи (104 + 150 + 100 = 354, а послано 360, — видите — соображаю: cogito ergo reconvalesco). Но у меня не было мелочи и это останется за мной. Непременно, как только сможете соберитесь ко мне. И непременно предупредите по телеф[ону]. Да не откладываете, смотрите, до моего выхода на волю: перспектива вся меняется и тогда я Вас только *наполовину дома* прииму, тогда как теперь я тут *дома всецело*. А первое будет приятнее мне и Вам. В течение двух еще дней Вас будут ждать ржаные лепешки которые быстро переплывают Стикс и мрут повально. Если думаете собраться завтра в воскресенье, то после 3-х, ибо утром завтра у меня куча частных посетителей. Еще раз спасибо. Жму руку. Ваш Б.П.

³ И.Ф. Попов был управляющим инспекцией просвещения Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин). См. письмо А.В. Луначарского (1875-1933) к нему от августа 1921 — в публ. И.Смирнова «Письма А.В. Луначарского» // Новый мир. 1965. №4. С.249.

⁴ К.Н. Васильева (урожд. Алексеева, с 1931 — Бугаева; 1886-1970) — см. пятое примечение к первому письму Белого Зайцеву. А.С. Петровский (1881-1958) — старый друг Белого и его «вечный спутник по жизни» (выражение Белого). О нем см. прим. к моей публикации воспоминаний М.Н. Жемчужниковой о московском антропософском обществе (Минувшее. Париж. 1988. Т.6. С.30).

⁵ Зиновий Исаевич Гржебин (1869-1929) — художник, совладелец (с С.Ю. Копельманом) изд-ва «Шиповник» (1906-1918), владелец «Изд-ва З.И. Гржебина», выпустившего две книги Белого в Берлине в 1923: «На перевале. I. Кризис жизни. II. Кризис мысли. III «Кризис культуры»; «Стихотворения». В январе 1920 Белый подписал с Гржебиным договор на собрание сочинений и в июле 1920 подготовил план издания в двадцати томах (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.103), но план не осуществился.

⁶ Имеются в виду разные кружки московского Антропософского общества по изучению антропософских проблем; см. четвертое прим. к письму №1 Белого Зайцеву. О М.П. Столярове см. прим.9 к письму №2 Белого Зайцеву.

Белый — Зайцеву

1

27/VI 1923
Bad Harzburg¹

Милый Петр Никанорович! Только вчера Ваше письмо и книжечка стихов² дошли до Б[ориса] Ник[олаевича] и напомнили мне, как давно и много раз я хотела Вам написать. Но приходилось столько писать, что желание мое так и не приводилось в исполнение. И вот теперь — Вы невольно напомнили о себе. Хочется по-

слать Вам эти несколько строк, хотя теперь мы уже вероятно скоро увидимся. Послезавтра я возвращаюсь в Берлин³, чтобы начать отсюда хлопоты по отъезду. — В общих чертах о моей жизни здесь Вы знаете; остальное: будут темы многих разговоров. Бор[ис] Ник[олаевич] очень обрадовался, узнав, что Вы бываете на пятницах⁴. Многое мы с ним здесь пережили — о многом переговорили. Хочу надеяться, что самое тревожное для него уже прошло⁵. Его встреча с Ш[тейнером] была так прекрасна, так благодатна, так гармонична... Лучше, глубже — едва ли можно себе представить⁶. В этом какой-то залог будущего. Я знаю, милый Петр Никанорович, что Вы любите Б[ориса] Н[иколаевича] по-человечески просто и хорошо. И мне хотелось сказать Вам об этой встрече. Что бы ни было дальше, но главное утверждено. Разрыва с Софией быть не может. Какие же формы эти отношения примут? во что отольются фактически? покажет будущее. В него хочется верить. — Европа тяжка сейчас. Настроение гибели и катастрофы. Процесс идет головокружительно быстро. И невольно вовлекает и набрасывает свою тень на душу. — Последний месяц я здесь в Harzburg'e — в горах — очень отдохнула. Места прекрасные: горы, леса, ручьи. Но гулять пришлось мало: безумная погода. Все сдвинулось с мест. За месяц: ни одного дня без дождя. Все же вырывала каждую минутку, и бежала: слушать плеск ручья по камням, плеск деревьев ветвями по ветру, даже шум дождя... Пленяли линии гор, музыкально подвижные, вечно новые в своих сочетаниях и переходах, меняясь от каждого шага и поворота дороги... — Кончаю. Спешу передать Б[орису] Н[иколевичу], который просил оставить место ему. Всего лучшего; до встречи. Спасибо, что вспомнили меня так хорошо. Мне очень хочется с Вами о многом поговорить. — Еще раз всего, всего лучшего, милый Петр Никанорович.

Кл[авдия] Вас[ильева]

Если бы знали Вы, как отсюда особенно любишь Россию, как трудно вдали от нее. Само по себе это было большим испытанием для меня. Иногда я без ужаса не могла подумать о «далях пространства», лежащих между мной и Россией. Здесь очень «страшно» в Европе.

[приписка Белого:]

Гарцбург 27 июня [1923 г.]

Дорогой Петр Никанорович,
только вчера получил Ваше письмо и книжечку «Стихов». Книгу превнимательно изучу и тогда Вам напишу. Большое спасибо за память. И за стихи.

Пишу из Гарцбурга.

Холод, чуть ли не снег. Ужасно скучаю по России: трудно в Берлине, как я, просидеть 1 1/2 с лишним года⁷. Очень помню друзей. С удовольствием приехал бы в Россию. Может, — и приеду. Трудно жить с берлинскими русскими: часто одолевает тоска⁸. Еще раз спасибо Петр Никанорович за хорошие слова и за память.

Крепко жму руку и остаюсь

Искренне преданный Борис Бугаев.

На письме адрес: Russland. Россия. Moskau. Москва. Арбат. Староконюшенный пер[еулок] д.5 кв.45. Петру Никаноровичу Зайцеву. На обороте конверта адрес отправителя: Abs[ender]. С. Wassiliewa. Berlin W. Kleist-str[asse] 31. Pens[ion] Baranovsky. Frau K. Muratowa. Оба адреса написаны рукой К.Н. Васильевой. 5 штемпелей Bad Harzburg'a: 27.6.23. Два штемпеля Москвы: 4.7.23 и 3.VII.23. Клавдия Николаевна писала главным образом по новой орфографии, а Белый по старой.

Зайцев приводит (не вполне точно) приписку Белого в своих воспоминаниях: «Московские встречи (Из воспоминаний об Андрее Белом)»./ Андрей Белый. Проблемы творчества. С.561.

¹ «Июнь [1923 г.] — Гарцбург — Холод, уныние, неуют; беседы с К[лавдией] Н[иколаевной] о Москве; я кладу решение: какою угодно ценою вернуться в Россию. В Гарцбурге пишу ответ Лейзегангу на его статью о Штейнере; и разом, единым махом почти весь III том «Начала Века». 3 тома готовы. Июль — Гарцбург — В самом начале месяца едем в Берлин» (РД).

² П.Н. Зайцев. Ночное солнце. Стихи. М. Гос. изд., 1923. Стихотворение «В пути» (в разделе «Тайное Село») посвящено Белому, а в разделе «Посвящения» имеется сонет «Андрею Белому»:

Плащем летучим плечи окрылив,
Уносишься, — внезапный, как виденье.
И вот — уже над ширью желтых нив
Твой плещет плащ, и в даль струится пенье.

Души невыразимое кипенье
В стремительный преобразив порыв,
Ты — вот — летишь на тайное служенье,
Стихийный дух, осуществленный миф!

Зачем же здесь твой беспокойный гений,
Какой мечтой эфирный гость пленен:
Не сменой ли полетов и падений?

Но что для Духа жизни бледный сон,
И все люциферические бури,
Когда в душе источники лазури!

7 стихотв. Зайцева опубликованы в антологии И.С. Ежова и Е.И. Шамурина «Русская поэзия XX века» (М., 1925), с.279-280. Среди них «В пути».

³ Слова «Послезавтра я возвращаюсь» подчеркнуты Зайцевым синим карандашом.

⁴ Разнообразные кружки московского отделения русского Антропософского Общества собирались по пятницам в бывшей квартире Б.П. и Н.А. Григоровых на Садовой Кудринской (д.6, кв.2). «В этом помещении Общество и оставалось до самого его закрытия в 1923 году. Здесь происходили и регулярные еженедельные собрания членов Общества, где читались циклы лекций Штейнера и велись по ним беседы /.../ Здесь же занимались и некоторые кружки начинающих под руководством членов Общества» (М.Н. Жемчужникова. Воспоминания о московском Антропософском Обществе.// Минувшее. Т.6. С.16).

⁵ 14 ноября 1922 Ходасевич писал М.О. Гершензону: «Чувствует он [Белый] себя очень плохо. Вы, вероятно, знаете безобразную и безвкусную историю его жены [Аси Тургеневой] с Кусиковым (sic!), — какую-то жестокую и истерическую месть ее — за что? одному Богу это ведомо толком. Белый очень страдал и страдает. Прибавьте к этому расхождение если не с антропософией, то со Штейнером — и Вы поймете, как плохо бедному Б.Н. Он много пил и пьет. Только невероятное здоровье (внутреннее и физическое) дают ему силу выносить это». 29 ноября 1922 он же писал: «Берлин — Бедлам /.../ Его [Белого] очень задергали в Берлине. Жена пишет ему злобно-обличительные послания. Мать умерла. Добронравные антропософы пишут ему письма "образумивающие", по антропософской указке, которая стоит марксистской. /.../ Он сейчас так несчастен, как никогда не был, и очень трудно переносит одиночество» (ГБЛ. Фонд Гершензона. Выражаю благодарность И.Андреевой за предоставление мне копий этих писем).

К середине января 1923 Клавдия Николаевна Васильева приехала в Берлин, чтобы «спасти» Белого от «безобразий» его жизни в немецкой столице и вернуть его к антропософской работе в России: «радость: приезд в Берлин К.Н. Васильевой. Засаживаюсь дома. Нигде не бываю. Провожу вечера с К.Н.» (РД). Ср., например, очерк «Андрей Белый» В.Ф. Ходасевича в кн. «Некрополь» или воспоминания М.Н. Жемчужниковой (с.51). Белый сам назвал время до приезда Васильевой «периодом моего берлинского обморока», когда он жил «в сплошном бреду» (Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития. [1928]. «Ардис», 1982. С.115), а в своем «автобиографическом письме» (1927) Р.В. Иванову-Разумнику он писал об «окончательном значении для меня К.Н., которая в период кризиса и переоценки для меня "антропософии" мне стояла, как путеводная "звезда"» (Cahiers du monde russe et soviétique. Vol.XV, 1-2, 1974. С.80). О Клавдии Николаевне см. мое предисл. в кн.: К.Н. Бугаева. Воспоминания о Белом. Беркли, 1981, а также воспоминания М.Н. Жемчужниковой (с.21-22).

⁶ В «автобиографическом письме» Иванову-Разумнику Белый таким образом описывает свое примирение с «доктором», т.е. с Рудольфом Штейнером (1861-1925), основателем и руководителем Антропософского

Общества: «23 год открывается: пожаром "Гетеанума" (с которым я был так связан); и — тотчас: приездом в Берлин К.Н., появившейся для меня в самую опасную минуту протрации; с этого начинается незаметное пресуществование болезни в медленное выздоровление: с желания выздороветь; в нашем общении с К.Н. (январь — до июля 23-го) вызревает во мне жажда 1) вернуться в Россию (оживает тема "Москва"); 2) оживает "доктор" (К.Н. невольно мирит меня с ним); в марте 23 года доктор мне "все" объясняет, что казалось неясным» (Cahiers du monde russe et soviétique. С.80).

23 марта 1923 Белый вместе с К.Н. Васильевой ездили в Штуттгарт на антропософскую «Школьную неделю»: «Рефераты на Штуттгартской неделе (при Вальдорфской Школе). /.../ Живу в Штуттгарте у Унгера; беседы: с Унгером, Гейдебрандт, Стракошем, Унгером, Юли, Асей, Аренсоном, Драхенфельс, Ваксмутом и т.д. Свидание со Штейнером. 30 марта. 31 марта едем в Берлин» (РД). В рукописи кн. Белого «Воспоминания о Штейнере», законченной в январе 1929 и опубл. в 1982 (Париж), имеется посвящение: «Клавдии Николаевне Васильевой посвящаю то, что ею вызвано к жизни. Автор» (ГБЛ. Ф.25. Карт.4. Ед.хр.2).

⁷ Белый приехал в Берлин 19 ноября 1921.

⁸ «Июль [1923 г.]. Берлин. Я живу в неуютной трущобе у Anhalter Bahnhof /.../ Около 20-х чисел еду ее [К.Н. Васильеву] провожать в Штеттин, а оттуда не заезжая в Берлин еду на море: в Альбек. Альбек — Грустная, пустая жизнь: сижу у моря и жду погоды, т.е. разрешения вернуться в Россию. Август. Альбек — Беспутно грустный, постылый месяц: заела тоска. Сентябрь. Альбек. Едва доживаю здесь. Берлин. Поселяюсь в русском пансионе /.../ то же томительное ожидание отъезда. /.../ Октябрь. Берлин. — То же томление. Ссора с Ход[асеви]чем. /.../ Томление. Наконец: получил визу. Прощальная беседа с группой писателей. Приблизительно 23-го выезжаю из Берлина через Ковно-Ригу в Москву» (РД). Белый приехал в Москву 26 октября. О первой его встрече с Зайцевым в 1923 см. воспоминания Зайцева, с.561-563.

Зайцев — Белому

Москва, 25 июня 1924

Дорогой и добрый Борис Николаевич!

Из рассказов и писем узнал, что в Коктебеле живется не плохо. Очень радуюсь за Вас, Кл[авдию] Ник[олаевну] и других.

Здесь тихо.

Были Пушкинские дни. Но прошли они очень вяло.

В Москву в начале июня приехал Вяч[еслав] Ив[анович] Иванов. В Большом Театре состоялся вечер, где он произнес речь о Пушкине¹. Но вечер прошел как-то бледно и незаметно. Затем состоялся вечер у памятника Пушкину, на Тверском Бульваре. Поэты читали стихи, Сакулин произнес речь, что-то говорили

другие². Но все это как-то было стыдливо, по-домашнему, а не всероссийски. Право, можно подумать, что официальной России стыдно, что у нее был Пушкин...

Годовщина не была отмечена, кажется, ни среди молодежи, ни среди школьников-детей.

Вяч. Иванов выступал в Р[оссийской] Академии Худ[ожественных] Наук два раза с докладами — о Пушкине и формальном методе и о Дионисийстве³.

Он получил разрешение уехать за границу. Живет в Москве, ожидая приезда сына из Баку⁴. По-прежнему милый и обаятельный. Я с ним только бегло встречался на улице. У него не был и не говорил с ним по-настоящему.

Встречаюсь с Б.Л. Пастернаком. Он не потерял надежды на журнал «трех Борисов»⁵.

Об А.С. нового ничего не слышно⁶. Возможно, что скоро кое-что узнаю. Тогда постараюсь известить.

Как Вы себя чувствуете и что делаете? Удастся ли Вам работать? Если в Коктебеле хорошо, то Вы, вероятно, не будете очень спешить с отъездом. И тогда м[ожет] б[ыть] я Вас застану, когда приеду. Я то буду в августе.

Деньги в ЦЕКУБУ я получу на днях⁷. Послать Вам их по почте в Коктебель или оставить до Вашего приезда в Москве? Б[ыть] м[ожет] Вы напишете мне об этом.

И кстати позвольте из той суммы, которую я получу, удержать 2 руб. для наших общих нужд, о которых мы говорили с Кл[авдией] Ник[олаевной]. Надеюсь, Вы не будете сердиться.

По поводу долга Коппеловича Ник[олай] Павл[ович] ведет с ним переговоры⁸. На днях я увижусь с Н.П. Напишу Вам об этом в следующий раз.

У меня в Москве был в гостях петербургский поэт Н.Тихонов, читал хорошие стихи. Он очень жалел, что не застал Вас в Москве, а не мог приехать раньше, чтобы послушать «Петербург»⁹.

Всем нашим кланяюсь.

Передайте, пожалуйста, мой привет Максимилиану Александровичу и Марии Степановне!¹⁰

Искренно и душевно Вам преданный

П.Зайцев.

(ГБЛ. Ф.25. Карт.15. Ед.хр.16)

¹ Торжественный вечер, на котором выступил Иванов (1866-1949), Луначарский и Сакулин, происходил 6 июня 1924 (о нем см. газеты «Правда» и «Известия» от 7 июня). Ср. письмо Гершензона Шестову от 4 июня 1924: «"Событие" у нас — приезд Вяч. Ив[анова] — 6 июня — 125-я го-

довщина рождения Пушкина; по этому случаю Общ[ество] Люб[ителей] Росс[ийской] Слов[есности] устраивает в Большом театре грандиозный вечер — и выписало В.И. для произнесения речи. Он согласился, и дней 5 назад приехал [из Баку. — *Ред.*] один» (Минувшее. 1988. Т.6. С.300-301). В письме к Федору Степуну от 30 июня 1963 О.А. Шор сообщала: «Он говорил о "Цыганах" и о необходимости для России вновь обрести свой религиозный лик» (римский архив Иванова; см.: Лидия Иванова. Воспоминания. Книга об отце. Париж, 1990. С.120).

² *Возложение писателями венка на памятник Пушкину.* 6-го июня всероссийский союз писателей и поэтов, почти в полном своем составе собравшись во дворе дома Герцена, направился к памятнику Пушкина, на который были возложены венки: от имени всероссийского союза писателей — поэтом Сергеем Есениным и от союза драматических писателей — Разумовским.

Председатель русского общества любителей словесности П.Н. Сакулин [1868-1930. — *Ред.*] отметил, что мятежный дух Пушкина близок к нашей революционной эпохе и что великий поэт является надеждой нашего будущего.

Затем были прочтены стихи, посвященные Пушкину, Сергеем Есениным, Сергеем Городецким, Петром Орешиним, Зенкевичем и Казиним» (Известия. 7 июня 1924 г. №128 /2163/).

³ Ср. письмо Гершензона Шестову от 16 июня 1924: «У меня в Академии он читал при огромном стечении публики очень хороший доклад; овациям конца не было» (Минувшее. Т.6. С.302).

⁴ «Он приехал с целью выхлопотать себе командировку с содержанием, и наверное получит ее; тогда он осенью уедет с Лидией и Димой» (письмо Гершензона Шестову от 4 июня 1924.// Минувшее. Т.6. С.301). «Вяч[еславу] Ив[анови]чу О.Д. Каменева в одно утро устроила командировку за границу» (письмо Гершензона Шестову от 16 июня 1924.// Там же. С.302). 28 августа 1924 Иванов с дочерью Лидией (1896-1985) и сыном Дмитрием (р.1912 от брака с В.К. Шварсалон) уехали за границу, где и остались навсегда.

⁵ Журнал «трех Борисов», т.е. Бориса Николаевича Бугаева, Бориса Андреевича Пильняка и Бориса Леонидовича Пастернака остался неосуществленным замыслом Пильняка. См. письмо Белого Иванову-Разумнику, цитированное в прим. ко второму письму Белого Д.К. Богомилскому (первое приложение).

⁶ По всей вероятности, Алексей Сергеевич Петровский. В письме к Иванову-Разумнику от 17 июля 1924 Белый писал: «да, огорчение: заболел Петр Никанор. Зайцев в Москве (как и А.С.); не знаю толком, что с ним».

⁷ ЦКУБУ, т.е. Центральная комиссия улучшения быта ученых, — начинание М.Горького.

⁸ См. письмо №2 Белого к Зайцеву и прим.6 к нему.

⁹ В июне 1924 Николай Семенович Тихонов (1896-1979) проездом на Кавказ провел несколько дней в Москве, где виделся несколько раз с Пастернаком. До своего отъезда в Коктебель Белый три раза читал сцены из своей инсценировки романа «Петербург»: 3 мая у М.А. Чехова, 25 мая в кружке поэтов и 27 мая у Б.А. Пильняка.

¹⁰ М.А. Волошин (1877-1932) и его вторая жена, М.С. Волошина (1887-1976). См. запись Льва Владимировича Горнунга от 21 марта 1924: «Сегодня в литературном кружке у Петра Зайцева был вечер Максимилиана Волошина. Волошин читал свои стихи последних лет, нигде не напечатанные. Это был первый приезд в Москву после 1917 года» (Л.Горнунг. Встреча за встречей. По дневниковым записям.// Литературное обозрение. 1990. №5. С.102).

Белый — Зайцеву

2

[7 июля 1924 г. Коктебель]

Дорогой Петр Никанорович, спасибо за хорошее милое письмо. Очень Вы обрадовали тем, что намереваетесь приехать в Коктебель. Здесь — очаровательно; но весь темп жизни — животный, не умственный; целый день наполнен прогулками, или лежанием на пляже¹. С июля настала такая духота и жара, что двигать руками, ногами и мыслями можно лишь с шести-семи дня до 6 часов утра. С шести утра до шести дня — полное изнеможение и духота, в которой нельзя даже спать. Живем все же чудесно: невыразимо хороши окрестности Коктебеля; приезжайте: мы Вас прокатим на паруснике к таким местам, что Вы ахнете. М.А. Волошин приглашает Вас к нам и передает Вам привет².

Милый Петр Никанорович, у меня к Вам, конечно, и «увы», — ряд просьб. Просьба первая: у меня нет денег (ведь меня на пути на вокзал обокрали: украли ремни [так!] в которых были белье, две подушки, плед, одеяло, кое-какая одежда, сапоги, зонтик и 7 червонцев, которые я засунул [туда]); в Коктебеле кое-какие были расходы экстра; и в результате всего сейчас живем на последние пять червонцев; поэтому: прошу очень Вас до отъезда Вашего из Москвы осведомиться по телефону у Каллистраты Анищенко³ (Москва, Рождественка, 4, Госиздат, ред[акция] журн[ала] «Книга о Книгах») посланы ли мне 15 червонцев, которые я должен был получить в начале июля; в случае, если оной не окажется, то позвоните по телефону к Николаю Эдмундовичу Хелминскому (Вторая Мещанская д.4 кв.10 тел.4-73-47) и спросите у него: высланы ли мне заказным денежным письмом 15 червонцев (по переводу в

Феодосии деньги не выдают); и если не высланы, то чтобы скорей выслали, ибо денег нет вовсе (эти деньги — аванс за роман, который должен представить)⁴. Кроме того: деньги, Вами полученные из Це-Ку-Бу если можно передайте П.Н. Васильеву⁵, — дабы он передал их Андрееву, едущему в Коктебель к жене; П[етр] Н[иколаевич] посылает с ним кое-что Кл[авдии] Ник[олаевне]. Кроме сего: передайте Н.П. Чернявскому, чтобы если можно, он деньги взыскал с Коппелёвича⁶, ибо расходы мои в ближайшем будущем в Москве — очень большие: надо купить подушки, плед, одеяло, украденные в пути (а то не в чем спать). Видите Петр Никанорович, я опять удручаю Вас. Заранее бесконечно Вам благодарен. И — в самом деле: приезжайте в Коктебель; очень этим обрадуете; мы с Вами пойдём на Карадаг, поплывём к «Разбойничьей бухте» и т.д. Жизнь в Коктебеле чудесная. И Макс в этой жизни — неповторяем; я все более и более начинаю любить его и Марию Степановну, его жену⁷.

Итак, — всем нашим привет: мы собираемся с Кл[авдией] Ник[олаевной], если обстоятельства позволят, задержаться здесь до сентября⁸.

Остаюсь искренне любящий Вас и преданный

Борис Бугаев.

Передайте, если увидите М.П. Столярова, ему особый привет и передайте, что его я особенно близко ощущаю сейчас⁹.

(Дата по штемпелю: Феодосия. 7.7.24. Штемпели Москвы: 10.VII.24; 11.7.24).

¹ 27 мая 1924 Белый вместе с К.Н. Васильевой выехал из Москвы. 31-го они приехали в Феодосию, а 1 июня в Коктебель (РД). «Июнь. Коктебель. /.../ У Волошина почти каждый вечер чесание языком (беседы); лежание на пляже — тоже *sui generis* ”диспут“. /.../ Сентябрь. Коктебель. Та же праздная жизнь: чесание языком, море, купанье, прогулки, камушки, фокстрот, мяч, джазбанд, кинематограф» (РД). Воспоминания Белого о Максимилиане Александровиче Волошине в Коктебеле («Дом-музей М.А. Волошина») опубл. в «Звезде» (№5, 1977) и перепечатаны в кн. «Воспоминания о Максимилиане Волошине» (М., 1990). См. также воспоминания К.Н. Бугаевой о Белом (с.66 и 139-142): «В Коктебеле Б.Н. собирался провести все лето, с тем именно, чтобы пожить в тишине и основательно поработать. /.../ Но жизнь в Коктебеле сверх ожидания сложилась так, что ни о какой работе нельзя было и думать». См. также воспоминания Зайцева о Белом (с.565-567).

² «А в августе, по воле случайности, и мне удалось побывать в гостеприимном доме М.Волошина. М.Волошин встретил меня радушно. Тучный, в белой хламиде, с полынным веночком на курчавой ”голове Зевса“, он изучал щедрую благожелательность. Я был устроен в его библиотеке,

куда мы поднялись по деревянной лестнице, идущей мимо сплошных книжных полок. А.Белый поселился на "палубе" — галерее второго этажа, в двух комнатах со светом из дверей» (Зайцев. Московские встречи. С.565). 13 ноября 1924 Волошин писал Зайцеву: «Этой зимой я едва ли выберусь из Коктебеля. Летом жду Вас к себе, милый Петр Никанорович. Теперь Вы дорогу знаете. Приезжайте лучше пораньше и на более долгий срок». 17 декабря того же года он пишет: «Вы правы: все наши встречи проходили до сих пор среди такой суеты и толкотни, что некогда было ни подойти, ни посмотреть друг другу в глаза по человечески — и в Москве и в Коктебеле — (в очень горячую пору Вы были) но Вас я уже давно отметил для себя, как человека мне внутренне близкого». Там же: «Неужели Борис Николаевич уже успел закончить свой роман? Или он читает лишь отдельные главы? Каков он? Я глубоко ценю романы Б.Н., но тайно молюсь Богу, чтобы он не написал его снова гекзаметром, как все свои последние книги» (ИМЛИ. Ф.15. Оп.2. №32; два письма Волошина Зайцеву полностью напечатаны в третьем приложении). В ноябре-декабре 1924 Белый читал отрывки из первых двух глав романа «Москва» у разных московских писателей, в том числе у Б.Б. Красина и у Б.А. Пильняка.

³ По-видимому, украинский писатель Каллистрат Романович Анищенко, в то время член редколлегии журн. «Книга о книгах».

⁴ 14 апреля 1924 Белый при посредничестве Б.А. Пильняка подписал договор на роман «Москва» с издателем Н.Э. Хелминским (у Белого в письме стоит «Холминскому»). Договор хранится в РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.342; он вместе с перепиской Белого с Хелминским приводится во втором приложении к этой публикации. Договор был расторгнут в конце 1924 — начале 1925.

⁵ Васильев Петр Николаевич — врач, первый муж К.Н. Алексеевой, антропософ. В письме Иванову-Разумнику от 16 августа 1928 (РГАЛИ. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.19) Белый писал: «Петр Николаевич человек благородный, честнейший и силящийся сознанием стать на уровне проблемы *Пути*: увы, — у него слабая воля и *страстное* ревнивое сердце; он мучается нашей близостью с К.Н. тем сильнее, чем яснее видит, что сказать тут нечего. Он прекрасный человек, умный доктор, изумительно музыкально одаренный».

⁶ Николай Павлович Чернявский — юрист, антропософ. О нем см. воспоминания М.Н. Жемчужниковой (Минувшее. Т.6. С.23). Коппелёвич — по всей вероятности, работник издательства или член правления Всероссийского союза писателей.

⁷ «Но я увидел его [Волошина] в диапазоне всех даров лишь в Коктебеле, в 24-м году, где я прожил у него три с половиной месяца. /.../ Вся обстановка коктебельской жизни в доме, художественно созданном Волошиным, и в быте, им проведенном в жизнь, вторично выявила мне М.А. Волошина в новом свете, и я обязан ему хотя бы тем, что, его глазами увидевши Коктебель, *его* Коктебель, я душой прилепился к этому месту»

(Белый. Дом-музей М.А. Волошина./ Воспоминания о Максимилиане Волошине. С.509). О М.С. Волошиной (урожд. Заболоцкой, 1887-1976) см. предисловие В.П. Купченко и З.Д. Давыдова к публ. ее воспоминаний «Дом Поэта» в кн.: Панорама искусств 13. М., 1990. С.150-152.

⁸ «Около 11-го сентября едем с К.Н. в Москву. 12-го. Феодосия. 16-го. Москва» (РД).

⁹ Столяров Михаил Павлович (1888-1937) — философ, литератор, помощник председателя (А.Белого) в Совете московского отделения «Вольфилы», член совета московского Антропософского Общества. О нем см. воспоминания Жемчужниковой (Минувшее. Т.6). 6 писем Столярова Зайцеву (1924-1927) находятся в ИМЛИ (Ф.15. Оп.2. №133). Содержание их в основном — просьба пристроить его работы из-за острой нехватки денег.

3

Коктебель. 12 июля 24 года

Дорогой Петр Никанорович,
получили ли Вы мое письмо с рядом просьб? Пользуясь случаем еще раз повторяю их. Вследствие того, что меня обокрали теперь сижу без денег. 15 червонцев (аванс за роман), которые должны были мне выслать к 1-му июля, я до сих пор не получил; сижу в критическом положении.

Ради Бога: 1) Передайте деньги из Це-Ку-Бу П.Н. Васильеву, дабы он передал их мужу Андреевой (Влад[имиру] Филипповичу), едущему в Коктебель. 2) Самое важное: уведоьте Николая Эдмундовича Хелминского (а может быть Холминского), что я в критическом положении жду присылки 15 червонцев (нечем платить за пансион); его телефон 4-73-47 (Вторая Мещанская д.4 кв.10); если его нет в Москве, то милый справьтесь у тов[арища] Каллистраты Анищенко (Москва, Рождественка, 4, Госиздат, ред[акция] журн[ала] «Книга о Книгах») высланы ли деньги; и если нет, то чтоб немедленно выслали, ибо сижу совершенно без денег. Ради Бога, выручите меня. Простите за беспокойство.

С радостью ждем Вас в Коктебель. М[аксимилиан] А[лександрович] зовет Вас. Надеюсь, до скорого свидания в Коктебеле.

Любящий Вас Борис Бугаев.

Пусть меня уведомят телеграммой о высылке: Адрес: Крым. Коктебель (близ Феодосии) дача Волошина. М.А. Волошину. Для Б.Н. Бугаева (А.Белого).

Письмо было отправлено в Москве (штемпель: Московское Ж.Д.П.О. На Курском вокзале 15.7.24). На обороте конверта штемпели Москвы: 15.VII.24; 16.VII.24; 16.7.24.

[1924 г.]

Дорогой Петр Никанорович,
вот письмо А.М. Гуревич; я оставляю его нераспечатанным; прочтите тексты всех 3-х писем и впишите адрес «Недр»¹, которого у меня нет в письме моем личном, адресованном Гуревич (не в письме-доверенности); или вложите этот адрес в виде приложенной бумажки; далее, запечатайте большой конверт и передайте его по назначению; за все буду Вам чрезвычайно признателен.

Борис Бугаев.

Письмо написано на клочке бумаги. На конверте (без марки): Петру Никаноровичу Зайцеву. В верхнем левом углу проставлено карандашом, по-видимому, Зайцевым: №4. С этого письма Белый перешел на новую орфографию.

¹ А.М. Гуревич была связана с изд-вом «Международная организация помощи борцам революции» (МОПР, 1923-1929). (См. также письмо №7). С 1922 по 1925 Зайцев служил секретарем изд-ва (акционерного общества, паевого товарищества) «Недра». «В январе [1925 г.] я ушел из "Недр" и ушел без достаточно серьезных поводов. Я просто устал от нервозности Н.С. Ангарского» (Воспоминания Зайцева о Белом, рукопись). (Об издательстве см.: М.О. Чудакова. Архив М.А. Булгакова. Материалы для творческой биографии писателя. // Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 37. М., 1976. С. 37-46). В это время Белый вступил в переписку с разными издательствами и издателями о возможной публикации своих произведений. «Конец месяца [сентября 1924 г.] грустен. Ищу работы. Переговоры с Пильняком и Лежневым. Пишу 2 фельетона (не приняты). Вижу, что забаррикадирован на всех путях» (РД).

Дорогой Петр Никанорович,
очень прошу Вас ввиду моего отъезда из Москвы получить за меня академическое обеспечение за март¹; обыкновенно бумажка, удостоверяющая, что обеспечение выдается, получается мною после 25 марта. Выдача происходит пять-шесть дней. Не имея возможности следить за днями выдачи (ввиду отъезда) я очень прошу Вас навести справки о дне выдачи. Буду Вам крайне, крайне признателен. Простите тысячу раз за беспокойство.

Остаюсь искренне Вам преданный и уважающий

Борис Бугаев.

Москва. 20 марта 25 года.

¹ Когда Белый вернулся в Москву в конце октября 1923 г., он жил несколько дней на квартире В.О. Нилендера, а к 1 ноября переселился на завод Анилтреста (на Бережковской набережной) «к Анненковым, ибо деться — некуда» (РД). «Анненков был директором химического завода, на территории которого и находился белый двухэтажный особняк против Новодевичьего монастыря. Совсем недалеко, казалось, был и Долгий переулочек, где обитала Клавдия Николаевна... Но попробуйте — без лодки! В 1923 году Бережковская набережная была глухим захолустьем. От Дорогомилковского моста и Киевского вокзала пешком надо было идти по грязям и хлябям в сырое время года. А летом — пыль и избитая булыжная мостовая. Путь проходил по незастроенным, малолюдным и подозрительным местам. С наступлением темноты, особенно в темные осенние вечера, ходить там было просто опасно: могли раздеть и ограбить» (Воспоминания Зайцева о Белом. С.563). Белый должен был оставаться там весь 1924 год ввиду отсутствия квартиры. В январе 1925 он писал: «Длится та же безотрадная жизнь у Анненковых в комнате с разбитым окном, в атмосфере скандалов, устраиваемых В.Г. Анненковой, этого исключительного по жестокости человека; я совершенно расшатан этой жизнью, ни читать, ни правильно работать в такой обстановке нельзя» (РД), а в феврале: «Начинается нечто невозможное между мной и В.Г. Анненковой; я не могу допустить, чтобы в моем присутствии истязали ее дочь. Одна мысль, куда бежать из Анненковской квартиры /.../ Все более и более с К.Н. задумываемся о том, где найти пункт на земле, где бы можно было просто укрыться от злобы "мира сего". Задумываем ехать вместе жить в Сергиев Посад: отдохнуть от Москвы» (РД). (Ср. в воспоминаниях Зайцева о Белом: «Выяснилось, что хозяйка квартиры на Бережковской человек крайне нервный. Отношения между хозяйкой и "жилцом" стали натянутыми. Впоследствии в романе "Москва" Белый вывел эту хозяйку под именем М-м Эвигкайтен». — С.564). Все это продолжалось и в начале марта: «С Анненковыми все хуже и хуже; формально объясняюсь с В.Г., но — решаю твердо: у них *не жить*. /.../ Едем с К.Н. в Сергиев Посад — негде остановиться. А.А. Великанова, которой муж профессор, гидролог [Михаил Андреевич Великанов, 1879-1964], работает в кучинской гидростанции, приглашает нас в имеющиеся у них в Кучине 2 комнатки в научной колонии (бывшее имение Рябушинского)» (РД). 24 марта Белый вместе с К.Н. Васильевой уехали в Кучино (Нижегородской ж.д.), где они оставались до 17 апреля 1925.

6

Дорогой Петр Никанорович,
огромная просьба к Вам: я на днях уезжаю в деревню¹ и не могу быть в курсе получек из Це-Ку-Бу.

Очень прошу Вас, пока Вы в Москве сделать эту услугу мне: получать для меня; и при случае передавать П.Н. Васильеву, с которым я буду в ближайшем контакте; особенно мне нужны май-

ские деньги (ввиду летних расходов); по получении их, передайте П.Н. Васильеву; он сумеет доставить на дачу².

Буду рад, если позвоните мне по телефону: в субботу вечером или в воскресенье. В понедельник — не дома. Во вторник, вероятно, еду.

Заранее горячее спасибо.

Ваш Б.Бугаев. 23 м[ая] 25 г. [Москва]

На конверте (без марки) приписка Белого карандашом: Дорогой Петр Никанорович, — приписываю: очень мне важно, чтобы справились в Це-Ку-Бу о сроках получения. Простите. Б.Бугаев.

В верхнем левом углу конверта карандашная помета Зайцева: 1925 г.

¹ В конце апреля 1925 Белый с К.Н. Васильевой сняли «дачу в Кучине у Левандовского» (РД), туда они переехали 25 мая (понедельник). В августе «Левандовский указывает нам на домик Шиповых. Мы с К.Н. снимаем в нем две комнатки на зиму; так начинается мне мой *”таинственный остров”*, Кучино, откуда я изредка с опаской, ныряю в столь опостылевшую мне Москву» (РД). «Числа 16-го [сентября] переезжаем к Шиповым. Здесь оканчиваю вполне *”Москву”*. Не будь Кучина, ее не написал бы» (РД). «Две комнаты Бориса Николаевича были отделены перегородкой от комнат хозяев. В первой устроилась Клавдия Николаевна, там же была и столовая. За ней — кабинет Белого» (Воспоминания Зайцева о Белом. С.567). Белый продолжал жить там же в Кучине (Железнодорожная ул., 7/40/) до апреля 1931.

В неопубл. части своих воспоминаний о Белом Зайцев пишет: «К осени они окончательно переехали в новое жилище, к Шиповым. /.../ С ужасом вспоминал теперь Борис Николаевич беспокойную жизнь на Бережковской, поздние возвращения из города по снегу и грязи, вынужденные ночевки у И.С. Рукавишника на улице Воровского или у Бориса Пильняка. Там привечали его. /.../ Но случилось и так, что придет Есенин *”под мухой”* и начнет язвить Бориса Николаевича: то напомнит *”Асю”* и ее берлинский роман со своим другом Кусиковым, то еще что-нибудь особо болезненное для Белого. Он словно напрашивался на ссору. Правда, в его тогдашней манере держаться это было — задирать людей. *”Иней алкоголя”* уже сильно проступал в его отношениях с окружающими.

Борис Николаевич отмалчивался. Но знаю, что однажды его нервы не выдержали, и после шуточек Есенина он горько разрыдался. Однако узнав о страшной смерти Есенина, он искренно скорбел о поэте».

² «Июнь [1925 г.] — Кучино — Весь месяц живем тихо, вдвоем с К.Н.; это сказывается на работе; пишу всю 4-ую главу *”Москвы”*. К концу месяца в Кучино переселяется П.Н. Васильев: тяжелая жизнь *”втроем”*; опять затор в работе. Июль — Кучино — Частые наезды гостей; /.../ гости и П.Н. Васильев — мешают; к концу месяца П.Н. уезжает. Становится сразу нормально: пишу» (РД).

[середина августа 1925 г. Москва]

Дорогой Петр Никанорович,

опять беспокою Вас: опять — просьба. Очень стыдно: был сегодня в Це-Ку-Бу; сказали, что денег нет; будут выдавать за август 28-го до 30-го (т.е. собственно, — один день), а я уж 2 дня в Москве; завтра — уезжаю. Будьте добрым, — получите за меня: буду сердечно благодарен.

Еще: Лежнев¹ будет Вам звонить за тем, чтобы узнать у Вас имя и отчество Гуревич (я потерял и адрес, и имя отчество) с которой он сносится дабы перевести ей деньги для высылки мне рукописи²; сообщите ему ее имя, отчество, а также адрес Берлинский ее места службы (т.е. Внешторга).

Еще раз простите.

Отдохнули ли? Очень хотел бы видетсья с Вами.

Сердечно любящий Борис Бугаев.

Письмо без даты, подложено в архиве в конец единицы хранения под номером 76 (общее количество писем — 77). Его можно датировать по содержанию: в 1925 г. 28, 29 и 30-го августа приходились на пятницу, субботу и воскресенье. Таким образом, если иметь в виду замечание Белого, остается предположить, что речь идет о 28-м (как единственном рабочем дне). К сожалению, такое же распределение чисел по дням недели (28, 29, 30 — соответственно суббота, воскресенье, понедельник) было и в 1926. В середине августа 1926 Белый также на несколько дней поехал из Кучино в Москву, но в день его приезда в столицу, 13 августа, на него «наехал трамвай» (РД; вывих левой ключицы). 29 августа он писал Иванову-Разумнику уже из Кучина: «Да вот, а вслед за ним [Т.Г. Трапезниковым] чуть и я не отправился на тот свет: трамваем сшибло; чудо, что цел остался; весь трамвай меня настиг, когда я шел посреди рельс: настиг сзади; он быстро несся; вероятно кондуктор думал, что я перебегаю дорогу, а я в думках ушел куда-то и не ведал, что трамвай мчится на всем скаку на меня; вдруг страшный шум, вид трамвая в 2-х шагах от меня, сознание (молниеносно), что предпринять ничего уж нельзя; и — бац: ослепительный удар, чудом выкинувший меня с рельс, как футбольный мяч; я кубарем завертелся и свалился; первые полчаса думал, что умираю: *вышибло* дух; совсем не понимаю, как это меня таскали по приемным pokojам с милиционером; едва попал на Плющиху; и тогда обнаружилось — вывих, трещина на лопатке, немая рука и отшиб мускулов спины, руки, плеча, частью груди; две недели страданий; и вот, как будто налаживается; опять овладеваю рукой (делает милая Кл.Н. массаж мне); завтра еду на осмотр к хирургу» См. также «Воспоминания о Белом» К.Н. Бугаевой (С.54-59).

¹ Лежнев И. (наст. имя: Исаак Григорьевич Альтшулер; 1891-1955) — литературовед, публицист. В 1922-1926 организатор и редактор журн.

«Новая Россия» (сначала — «Россия»), после закрытия которого он был выслан из СССР. В 1933 ему было разрешено вернуться на родину. В 1925-1926 Белый печатался в журнале «Новая Россия». В 1924-1925 он переписывался с Лежневым о возможности опубликования «Москвы» там же. См. воспоминания Зайцева о Белом, с.563-564. К августу 1925 «кабальный договор», как выразился Зайцев, с Лежневым на опубликование романа и в журнале, и отдельным изданием давно был ликвидирован (см. письма IV и V Белого к Д.К. Богомильскому в первом приложении).

² При выезде из Берлина осенью 1923 Белый оставил у своего издателя С.Г. Каплуна (Сумского), много рукописей, в том числе «берлинский вариант» «Начала века». 10 декабря 1928 Белый писал П.Н. Медведеву: «...спасибо за любезное предложение [опубликовать "Начало века" Лениотгизом. — *Ред.*], но оно — не осуществимо по ряду причин. Основная в том, что "Начало века", три тома коего написано, не имеет первого тома, отхваченного у меня за границей, уже набранного к моменту моего отъезда в 23 году, но — канувшего в Лету. С трудом выцарапал 2 тома (второй и третий), но...» (А.Белый. Письма к П.Н. Медведеву. Публ. А.В. Лаврова. // Взгляд. М., 1988. №1. С.431-432). Кроме I тома, пропала также первая половина II тома. Рукопись второй половины II тома и III тома «Начала века» хранится в фондах Белого в РГАЛИ (Ф.53. Оп.1. Ед.хр.25-28) и ГПБ (Ф.60. Ед.хр.11-14).

8

21 ноября 25 г. [Кучино]

Дорогой, милый Петр Никанорович,
Опять судьба меня загоняет в Москву; так складываются дела, что в субботу вечером и в понедельник утром надо быть в Москве; и стало быть на воскресенье не стоит приезжать. Верьте, что мне очень грустно, что — так; и надеюсь, что Вы не примете лично; с «Петербургом» запустил дела с «Москвой»; и вот надо мне быть в «Круге», а до этого чуть поработать над рукописью¹; рукопись у Васильевых; думаю воскресенье воспользоваться приездом; и поработать над рукописью.

Я все же очень мечтаю, что следующее воскресенье мы увидимся у меня, что Вы приедете утром; проведем денек; вообще совершенно исключительные случаи, что эти 2 воскресенья я в Москве. Обычно в этот день меня всегда можно застать в деревне; и я очень мечтаю о том, что Вы приедете в ближайшее же воскресенье, т.е. 29, или в одно из следующих.

Остаюсь искренне любящий Вас и преданный

Борис Бугаев.

Письмо написано карандашом.

¹ Белый окончил основную работу над романом «Москва» в сентябре 1925. С того же месяца, по просьбе Михаила Чехова, он активно участвовал в постановке своей инсценировки «Петербурга» во МХАТ-II. Генеральная репетиция состоялась 10 ноября («провал», РД), премьера — 14-го. См. мое послесловие к первой публикации пьесы: «Гибель сенатора (Петербург). Историческая драма». Беркли, 1986. С.203-207. «Переживаю нечто ужасное; с 15-го ноября до 15-го декабря нервно заболеваю; мы с К.Н. замыкаемся в Кучине; из полного отчаяния начинаю писать свой «Кучинский Дневник». Приходит нам невидимая помощь. Конец месяца усиленно читаю Апостола Павла. /.../ Конец месяца [декабря] — успокоение, просветление, усиленные умственные интересы» (РД).

Работа Белого над подготовкой окончательной рукописи «Москвы» отражается в его переписке с Давидом Кирилловичем Богомильским (р. 1887), тесно связанным с изд-вом «Круг» — см. первое приложение к данной публикации. «Для издания романа предложил свою помощь Б.Пильняк в переговорах с А.К. Воронским. /.../ Близость к А.Воронскому делала Б.Пильняка мощным «тараном». Кроме того, на помощь себе он привлек других членов правления издательства «Круг». Общими усилиями брешь была пробита» (Воспоминания Зайцева о Белом. С.569). Отрывки из первой части романа появились в двух выпусках (IV, V) «Альманаха артели писателей «Круг»» в 1925. Издательство выпустило роман отдельным изданием в 1926, в двух частях: первая часть — «Московский чудак», вторая — «Москва под ударом».

9

[конец июня 1926 г. Кучино]

Дорогой Петр Никанорович, простите, что беспокою Вас просьбой и вопросами; но — вот в чем сила: по возвращению из Ленинграда нашел у себя от Це-Ку-Бу опять ту же анкету (опросный лист), который мы с Вами наполнили¹. И опять я не знаю, заполнять ли его, или нет? Это вопросный лист для научных работников, желающих получить акад[емическое] обеспечение. Мы же заполнили с Вами его в начале мая. А вторичный бланк получил от 24 мая 1926 года. Может быть, Вы забыли его передать? Если нет, что делать? Заполнять вторично? Черкните ответ и передайте П.Н. Васильеву; он 1-ого июля будет в Кучине и может мне передать Ваше письмо².

Во вторых. Получил уведомление, что выдача обеспечения за май была произведена от 18 по 23 мая. Я был в это время в Ленинграде; если Вы получили его, то я был бы благодарен, если бы Вы присоединили его к записке; если нет, черкните, как получить.

Был бы рад Вас видеть в Кучине. Где Вы проводите лето? Шлю сердечный привет и извиняюсь за беспокойство.

Борис Бугаев.

Письмо написано карандашом; может быть датировано по содержанию.

¹ «10 мая [1926 г.] еду в Ленинград. Ленинград — Жизнь у Спасских; очень много читаю, роюсь в библиотеке Б.Г. Каплуна, в которой хорошо представлено искусство; прочитываю: истори[ю] живописи ренессанса; читаю кого-то из современников ренессанса (автор 16 века — не "Вазари") по теории перспективы; читаю историю музыки; историю зодчества и скульптуры (все для нужд книги ["История становления самосознующей души"]); извлекаю отовсюду материалы и из библиотеки Каплуна и из библиотеки Р.В. Иванова, в Детском, куда ежду с ночевками. Жду не дождусь К.Н.; часто вижусь с Сологубом; вижусь с Кузминым, Е.П. Ивановым, Мейером, проф. Аскольдовым. /.../ Июнь — Ленинград — Та же жизнь /.../ 15-го. Радостное возвращение К.Н. [из-за границы]: встреча. 17-го. Едем в Москву: Кучино. 18-го. Кучино. Я в Кучине, куда переезжает К.Н. В Кучине живет А.С. Петровский» (РД).

² «Июль — Кучино — Гостит П.Н. Васильев. Живем четверкой: К.Н., П.Н., Петровский и я» (РД).

Зайцев — Белому

1/X 192[6 г.]

Дорогой Борис Николаевич!

Оставляю Вам: 1) книгу Булгакова «Дьяволиада» — подарок автора, который был очень растроган Вашим вниманием¹, 2) записку от О.Д. Форш. Она сама уехала в Питер². И затем книги: Гладкова «Цемент» и Леонова «Барсуки»³. Последние две книги из библиотеки. Если можно, не задержите их прочтением.

Из Цекубу деньги я получил и передал их здесь Все[володу] Ник[олаевичу] (60 р.). Я еще не был в «Круге».

Сегодня б[ыть] м[ожет] увижусь с А.Н. Тихоновым⁴, обязательно переговорю с ним о деньгах. Завтра Вы сами будете в Круге или мне зайти? М[ожет] б[ыть] Петр Николаевич мне об этом позвонит. Мой *телефон служебный* 5.82.65.

Очень хочется увидаться с Вами и с Кл[авдией] Ник[олаевной]. Если позволите, я приеду к Вам на буд[ущей] неделе во вт[орник], среду, четверг. Желаю Вам всего хорошего.

Пред[анный] Вам

П.Зайцев.

(ГБЛ. Ф.25. Карт.15. Ед.хр.16. Письмо написано на бланке: В.Ц.С.П.С. Редакционно-Издательский Отдел. Служебная записка №. Датируется по содержанию.)

¹ «Среди немногих сохранившихся в архиве Булгакова книг его личной библиотеки — "Московский чудак" А.Белого с дарственной надпи-

сю автора: "Глубокоуважаемому Михаилу Афанасьевичу Булгакову от искреннего почитателя, Андрей Белый (Б. Бугаев). Кучино. 20 сент. 26 г."» (М.О. Чудакова. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд. М., 1988. С.296). Как видно из письма, Булгаков (1891-1940) в свою очередь подарил Белому свой сборник. В воспоминаниях о Белом Зайцев пишет: «Но еще до появления повести ["Роковые яйца"] в "Недрах" часть читателей успела с ней познакомиться. Два раза еще в 1924 году Булгаков читал ее у меня, в Староконюшенном, сначала кружку поэтов, потом — кружку людей, близких А. Белому и Клавдии Николаевне, и сами они были на этом втором чтении. Помню, что Борис Николаевич очень хвалил молодого автора». Там же Зайцев пишет: «Прекрасно отзывался о М.А. Булгакове, считая его талантливым писателем, с прекрасной выдумкой, подлинным остроумием. Ему нравилась фантастичность, сатиричность, злость Булгакова».

² Осенью 1926 Ольга Дмитриевна Форш (1873-1961) попросила Белого помочь ей устроить пьесу-пантомиму «Скоморох Панфалон» или у Мейерхольда, или у М.А. Чехова (см. письмо Белого Иванову-Разумнику от 26 ноября 1926). Она познакомилась с Белым в Петрограде в 1920-1921, когда была постоянной участницей заседаний «Вольфицы», где вела кружок по теории творчества и выступала с докладами (см.: Н. Гаген-Торн. О встречах с О.Д. Форш. / Ольга Форш в воспоминаниях современников. Л., 1974. С.121-127; там же напечатаны воспоминания Зайцева о ней, где он пишет: «Из позднейших встреч с нею в Москве мне запомнились больше других встречи в 1926 году» (с.67). Статья Форш о «Петербурге» («Пропетый гербарий») напечатана в сб. «Современная литература» (ред. Иванов-Разумник) в 1925. Форш вывела Белого («Инопланетный гастролер») в своем романе «Сумасшедший корабль» (1931) — о знаменитом Доме Искусств.

³ «Барсуки» Л.М. Леонова вышли в 1924, «Цемент» Ф.В. Гладкова — в 1925. Переписка Белого с Гладковым опубликована в кн.: Андрей Белый. Проблемы творчества. С.753-772.

⁴ О А.Н. Тихонове см. второе примечание к десятому письму Белого Зайцеву.

10

Дорогой Петр Никанорович,
Посылаю Вам книгу. Еще хочется обременить Вас покорной просьбой, раз Вы такой милый; но пользуясь тем, что Вы в Москве и, стало быть, имеете возможность сноситься с «Кругом» по телефону, а главное *в телефоне*, я и позволю себе Вас под-обременить. Вот в чем дело: у меня в «Круге» остаток 300 рублей, который ввиду нашего отъезда в Батум с К[лавдией] Н[иколаевной] надо получить в марте месяце¹, о чем я и писал Тихонову; но, по видимому (это мне сказали в «Круге») надо мне перманентно на-

помянуть; в «Круге» очень любезно меня ориентировали: получить за март 300 рублей *порциями можно*, но именно порциями. Мне сказали, — приезжайте каждую неделю; и — напоминайте; но ведь я уже *напомнил*; оказывается, — мало: таких «*вельмож*», как Тихонов, надо *ловить, ждать, нижайше* кланяться².

Нина Алексеевна Свешникова обещала помочь беде³; и *поднапоминать*, если Вы будете тоже *поднапоминать*; мне посоветовали написать доверенность Вам на получение по 10 червонцев, или больше; стало быть: 300 рублей можно получить Вам при условии поднапоминания.

Между нами: какая скотина А.Н. Тихонов! Что это за жесты, требующие чтобы писатели «*нижайше*» наведывались. Мне советуют приезжать и *осведомляться*, а я уже написал Тихонову, что мне — *крайняя нужда* до отъезда в Батум получить; ведь этот *остаток* после выхода романа в августе я дополучаю 7 месяцев; и все таки: человеку нужно, а *сразу* не дают: по 10 черв[онцев] дают, а 30 сразу нельзя выдать.

Милый, мне очень нужно перед отъездом мобилизовать эти 300 рублей, ибо предстоят покупки, костюм, билеты (очень дорогие), взносы и т.д. и 2 месяца минимум прожития там (не знаю какие там цены), так что я знаю, что *выколотить* из Круга эти «300» рублей надо.

И вот, — хороший, добрый Петр Никанорович, войдите в контакт с Ниной Алексеевной, обещающей содействие; доверенность на получение лежит в «Круге»⁴. Остается лишь вовремя получать «*царственную*» подпись Тихонова — выдать; для этого, как мне сказали, надо в марте *напоминать*, а для этого достаточно лишь сноситься по телефону.

Буду глубоко благодарен Вам за эту большую дружескую услугу. Жду Вас всегда в Кучино; остаюсь искренне любящий и преданный

Борис Бугаев.

28 февр[аля] 27 года. [Москва]⁵

Письмо, по-видимому, было написано в Москве и оставлено для передачи Зайцеву, так как на конверте нет марки. У Васильевых, где Белый всегда останавливался, когда приезжал в Москву, не было телефона.

¹ 21 марта 1927 Белый записал в РД: «Москва. Переутомление. Читаю о теории Бора. Был у Михина: разговор о Батуме. Решаем с К.Н. ехать в Батум». Они выехали из Москвы 7 апреля и 13-го приехали в Цихис-Дзири, где и остались. 16 и 30 апреля они совершили поездки в Батум.

² Александр Николаевич Тихонов (1880-1956; псевд.: А.Серебров, Н.Серебров) — писатель, издатель и редактор ряда журналов («Летопись», 1915-1917; «Русский современник», 1924-1926) и издательств (горьковское изд-во «Парус», «Всемирная литература», «Academia» и др.). В 1926 возглавлял правление кооперативного изд-ва «Круг». В воспоминаниях о Белом Зайцев пишет: «Борису Николаевичу постоянно платили меньше, чем другим. Сам Белый не умел себя защищать и отстаивать свои интересы».

³ Н.А. Свешникова работала в двадцатые годы в «Круге», в тридцатые в изд-ве «Федерация» и в Госиздате. В РГАЛИ находятся письма ей и Тихонову и экземпляры книг «Второе рождение» и «Повесть» с дарственными надписями Пастернака.

⁴ Среди доверенностей, выданных Зайцеву Белым на получение гонорара, академического пайка и т.д. и хранящихся в РГАЛИ (Ф.1610. Оп.1. Ед.хр.45), находим следующую от руки Зайцева: «Доверю получить мне причитающуюся часть гонорара, в счет общей суммы, за 2-ю часть романа Москва, П.Н. Зайцеву. Борис Бугаев [подпись]. Подпись П.Н. Зайцева: П.Зайцев [подпись] удостоверяю Борис Бугаев (А.Белый) [подпись]. 16 Августа 1926».

⁵ «26-го [февраля 1927] Москва. Встреча с Жилкиным. 4) [т.е. четвертое выступление Белого за месяц февраль]. Читаю на тему: "Христос". Тоска. 27-го. Разговор с Громовым. Был у Чехова. 5) Читал у Чехова интимные воспоминания. Тоска. Читаю "Воспоминания" Станиславского. 28-го. Кучино. В Москве был у Беляева: подписал контракт с Театром Мейерхольда. Вернулся в Кучино разбитый. Письмо Спасским. Читаю книгу Томсона о корпускулах» (РД). В неопубликованной части своих воспоминаний о Белом Зайцев приводит его реакцию на книгу «Моя жизнь в искусстве»: «Андрей Белый отозвался о ней резко отрицательно. Клавдия Николаевна была согласна с его оценкой. К.С. Станиславский в своей работе обобщал весь опыт, накопленный за целую четверть века (1900-1925) его реформаторской работы в Художественном театре. Андрей Белый в оценке книги исходил из своего понимания искусства как новатор, а не как реформист. /.../ Резкость оценки Белого и Булгакова (в "Театральном романе") понятна: они возражают против незыбленности системы».

[конец марта 1927 г.]¹

Дорогой Петр Никанорович,
выручите меня из беды. Чувствую себя разбитым, полупростуженным, измученным. Между тем с меня взяли расписку в участии на Благотв[орительном] Вечере Поэтов. Вы сами понимаете, — куда мне выступать в «ораве» всех течений, в Цирке, — для кого, для чего, с кем? Все бессмысленно; между тем: чтобы не было

недоразумений, надо их предупредить, а то у меня вырвали согласие и взяли расписку в том, что — явлюсь. Не можете ли Вы какнибудь *до вечера* перебросить записку в «Союз» (Дом Герцена). Лучше всего передать т.Бабанову, который у меня в Кучине был; он там сидит в приемные часы.

Ужасно извиняюсь перед Вами; но, милый, — выручите.

Буду сердечно Вам благодарен. Приезжайте к нам. Всегда рад. Остаюсь искренне любящий

Борис Бугаев.

¹ Датировано на основании содержания (в архиве письмо помещено под номером 18 среди писем 1927 г., а на конверте, без марки, Зайцев писал «17»). 27 марта 1927 Белый записал в РД: «Читаю механику Михельсона. Был Бабанов». 21 и 22 марта там же: «Переутомление». Белый не участвовал в вечере, организованном Всероссийским Союзом писателей, правление которого находилось в Доме Герцена, особняке с флигелями на Тверском бульваре. (Там жили некоторые писатели: Мандельштам, Пришвин, Клычков. У Булгакова в «Мастере и Маргарите» он проходит как Дом Грибоедова. Сейчас в здании находится Литературный институт.)

12

[30 марта 1927 г. Москва]¹

Дорогой Петр Никанорович, милый, будьте такой добрый: передайте Никитиной конверт и пакет²; в нем — все нужные материалы. И еще: попросите ее сохранить фотографические карточки, ибо все они — уникамы; очень жду Вас в Кучине; есть о чем *очень* поговорить³. Буду весьма рад. Я могу не быть в Кучине в понедельник 4-го и воскресенье 3-го; буду 31-го, 1-го, 2-го; и вероятно: 5, 6, 8.

С благодарностью возвращаю Вам книги.

Любящий Вас

Борис Бугаев.

¹ На конверте (без марки) Зайцев написал карандашом «1927 г.» и «18». Датируется по содержанию: 28 марта Белый записал в РД: «Отвечаю на анкету [автобиографическую справку] Никитиной». На другой день роман «Крещеный китаец» вышел в издании «Никитинские субботники» тиражом 5000 экземпляров. 30 марта Белый был в Москве, где он, по-видимому, оставил анкету и это письмо для Зайцева. С 31 марта по 2 апреля он было в Кучине, а 3-го (воскресенье) опять в Москве. 4 апреля (понедельник) он был в Кучине: «был П.Н. Зайцев» (РД).

² «25-го [января 1927 г.]. Москва. Заход к Зайцеву, заход к Никитиной [Евдоксии Федоровне, 1895-1973]. /.../ 28-го. Оформляются литер[атурные] дела с Никитиной. /.../ 5-го февраля. Мой доклад на "Субботниках" "Гоголь и Мейерхольд" [о постановке "Ревизора"]» (РД). В 1927 кооперативное изд-во «Никитинские субботники» выпустило роман «Крещеный китаец», второе издание «Москвы» (в двух частях) и сборник «Гоголь и Мейерхольд» со статьей Белого под тем же названием. Время от времени в 20-е годы Белый присутствовал на литературных заседаниях, происходивших на ее квартире. На с.279 пятого тома «Краткой литературной энциклопедии» воспроизводится картина К.Ф. Юона (1930) «Никитинские субботники»; среди участников Белый (сидит второй слева от хозяйки).

³ Белый, по всей вероятности, хотел говорить о том, что он назвал «травлей Чехова»: «31-го [марта 1927 г.]. Кучино. Узнал о травле Чехова. /.../ 2-ое апреля. Реакция на "вонь" статьи в "Новом Зрителе"» (РД). 4 апреля Белый имел долгий разговор с В.А. Громовым и В.Н. Татариновым «о мхатском инциденте» (РД). О возмутительной кампании, поднятой против Михаила Чехова и МХАТ II, начавшейся с опубликования открытого письма актера МХАТ II М.П. Чупрова «Настало время» в «Новом зрителе» (№12, 22 марта 1927) см.: Летопись жизни и творчества М.А. Чехова. // М.Чехов. Литературное наследие в двух томах. Т.2. М., 1986. С.481-485.

13

Цихис-Дзири 13 апр[еля] 27 г.

Милый, дорогой Петр Никанорович,

Позвольте мне еще раз от всей души — горячо-горячо — благодарить Вас за от сердца исшедшие слова Ваши, когда Вы, 7-го апреля, помянули меня своим добрым словом¹; хочется сказать «*спасибо*» не от официальной благодарности: по человечеству и по братству. Как же хорошо и жить, и работать, когда есть в людях отклик братства: когда *душа жива* в людях; и человек человеку — не волк, а — брат. И во вторых: позвольте, опять таки не официально а по человечеству, попросту, горячо обнять Вас и сказать «*спасибо*» за то, что Вы мне сделали и с таким самопожертвованием делаете. Вы, Петр Никанорович, человек *большой*, очень *большой*: не в каком либо специальном разрезе, а опять таки по человечеству. Это такой редкий дар: *доброе* выявить в напряжении и в сосредоточенности моральной фантазии до... пересечения его с красотой; есть *добрые* люди; но большинство из *добрых* еще не *красивые*, т.е. не *прекрасные*: *прекрасный* человек не добрый человек; и не красивый (хотя бывает и красивым, и добрым); *прекрасный* человек — это тот, в ком — редкое пересечение добра и красоты; добро, изваянное в красоте, *прекрасно*; это пересечение

и разумел Платон, когда употреблял выражение kalos-k'agathos (добро-красивый)². Красивость без добра чаще всего сфера, которую Шопенгауэр определял, как «*прелестное*»; «*прекрасное*» — сфера той красоты, пронизанной горными вершинами добра, которую он называл сферой «*высокого*»³.

И от этой сферы — прямой переход к Цихис-Дзири, где мы с К[лавдией] Н[иколаевной] приютились⁴; горные снежные вершины окаймляют морской горизонт справа и слева; справа — вечно-снеговые вершины Кавказского хребта (на горизонте); слева — горы Анатолийские, т.е. Турция; и тоже, пока они в снегу; за плечами торчит гребень горы, очень близкой; и пока он убелен снегом; впереди и несколько внизу (5 минутный спуск) — море, которое и вчера, и сегодня лазурилось и было легко, воздушно и прозрачно, как воздух; гладко же, как зеркало; лишь сейчас налетела буря; и оно вероятно взбушует (пишу ночью: ничего не видно). В ближайшем обстании — субтропический мир; у меня под балконом (второй этаж) — полукруг пальм; и одна лапы своей кроны прямо выбрасывает мне на террасу; кругом: рододендры, олеандры, магнолии, азалии; азалии — невыразимо красно-розовые; магнолии — зацветают; розовые деревья цветущего персика; поднимаются какого-то индийского вида стебли бананов; четыре [так!] суток безостановочно летели на юг; под Москвой — снежный покров; с Тулы до Харькова — мозглый туман таянья; но — голая, вязкая, сырая почва; с Харькова до Ростова: просох до... первых цветиков и до первой лимонной бабочки; у Минеральных Вод — два пленительных конуса Эльбруса; еще — юго-восточнее: предгория Дагестана; и цепь снеговых гор — за ними; с другой стороны — степь; и — Терек; здесь, на одной станции установил, что в направлении к снегам в 60 верстах Ведень, а в 100 с небольшим — Гуниб: места исторические: «*В полдневный зной в долине Дагестана*»⁵, — это поднялось... Еще южнее Баку, Муганская степь; под Тифлисом вспыхнула зелень и розовые миндали и лиловые в закате воздуха (все — лиловое); еще ночь, Сурамский Перевал; и — Аджария; и вот мы с К[лавдией] Н[иколаевной] под Батумом, в очаровательной местности; сегодня уже легкий напёк головы: ходили в летнем; но неделю-две еще будут всякие сюрпризы: от жаров до холодов; холода после Москвы не так смущают, как уже теперь, в апреле, Солнце: с ним надо быть осторожным; нам сняли великолепное помещенье; и очень дешево; огромная комната у К[лавдии] Н[иколаевны], передняя; от передней лестница во второй этаж, в полубашенку: в мою комнату с видом, от которого пьянею два дня⁶; и все это — совершенно отдельно; и вход отдельный; у К[лавдии] Н[иколаевны] большая, каменная веран-

да; у меня — балкон. А стоит (пока лишь) в месяц: 5 червонцев: просто даром за такое помещение!

Ну, записался. Я ведь пишу для адреса. И еще, чтобы с дороги еще раз поблагодарить Вас: черкните, получили ли адрес. Сердечно жму руку. К[лавдия] Н[иколаевна] сердечный шлет привет.

Борис Бугаев.

P.S.⁷

Штемпель (по-видимому, Чаквы): 3.4.27. На обороте конверта штемпели Москвы: 25.IV.1927; 25.4.27. В архиве к письму подложен отдельный клочок, на котором написано: *Чаква* (около Батума). Дача Соловьевой. [Цихис-Дзири — зачеркнуто]. Лидии Павловне Сильниковой. Для Б.Н. Бугаева.

¹ Имеется в виду выступление Зайцева на праздновании дня 25-летия литературной деятельности Белого в Москве, в интимном кругу: «7-го [апреля]. Москва. Уезд на Кавказ. День 25 летия литер. деятельности. Собрались: Моисеев, Трапезникова, Петровский, Е.Н., Галя, Даня, Татаринов» (РД).

² О значении этой концепции для Белого см.: К.Н. Бугаева. Воспоминания о Белом (с.265-268). Термин, часто встречающийся и у Аристотеля (в «Этике») и у Платона (напр., «Горгий», «Менон»), встречается у Белого в статье-некрологе, посвященной памяти художника В.А. Серова: «Красота и добро сочетались в единство им: он имел скрытый пафос морального творчества, моральной фантазии: был прекраснейшим человеком... в себе сочетающим гармонически красоту и добро; точно был он весь создан осуществлять Платоново выражение *Kalokagathos*, о котором написано множество абстрактнейших комментариев» (Русские ведомости. 1916. 24 ноября. №271).

³ Ср. «Да — люблю; оголенность есть знак вышины; горы, крытые лесом, — прелестные; только! "Высокое" предпочитаю "прелестному"; прав Шопенгауэр» (Ветер с Кавказа. 1928. С.94). «Reizend» — «прелестное»; «hoch» — «высокое».

⁴ «13-го [апреля 1927 г.] Цихис-Дзири. Отдача впечатленьям» (РД). С 8 по 12 апреля длился переезд Белого и К.Н. Васильевой поездом на Кавказ, где они оставались до середины июля. В Цихис-Дзири они снимали две комнаты на даче, принадлежащей Д.И. и О.А. Ростовцевым. Книга «Ветер с Кавказа» (своего рода дневник кавказского путешествия 1927 г.), опубликованная в 1928, повторяет (иногда буквально) описания в письмах. Книга открывается записью «Цихис-Дзири. Апреля 13-го».

⁵ Первая строка стихотв. Лермонтова «Сон» (1841). В аule Гуниб сдался царским войскам Шамиль. См. также «Ветер с Кавказа», с.10-11.

⁶ «Два дня» подчеркнуто синим карандашом Зайцевым.

⁷ Постскрипtum отсутствует.

27 мая [1927 г. Боржом]¹

Дорогой Петр Никанорович, — писал Вам большое личное письмо в апреле; ждал, что ответите. Получили ли? Теперь пишу только деловое. Вышлите из денег, следуемых, как гонорар от Изд. «*Никитинские субботники*» (200 р.)² на имя Михаила Павловича Михина, по адресу: *Чаква* (близ Батума). Дача Соловьевой. М.П. Михину, а не мне, *потому что*: в первой половине июня едем по черноморскому побережью и не знаем, где проведем вторую половину июня (на Новом ли Афоне, в Гаграх ли); но на возвратном пути через Батум-Тифлис будем в Чакве (в начале июля); Михин тогда передаст деньги; деньги нужны, *потому что*: Военно-Грузинская, поездка на Бермамут и возвращение по Волге; наконец: около недели в Тифлисе, где задержаться придется; очень надеюсь, что перевод Михину будет к первому июля; боюсь, что без присылки денег не хватит на обратное возвращение; придется задержаться до августа в поездке, ибо 1 1/2 месяца в Цихис-Дзири пропали: сидели без солнца в дождях и туманах; хочется погреться, покупаться и посмотреть Кавказ³. Итак: жду присылки. Передайте через кого-нибудь моим кучинским старикам 5 червонцев за помещение (от 15 мая до 15-го июня)⁴. На днях напишу лично Вам. Привет из Боржома. Остаюсь искренне любящий Борис Бугаев.

Почтовая открытка. Штемпели: Боржом. 28.5.27; Москва. 1.VI.27.

¹ «27-го [мая 1927 г.]. Дождь. Тихие прогулки по Боржому; вечером уезд [в Цихис-Дзири]» (РД).

² См. письмо №12, прим.2. Среди доверенностей, выданных Белым Зайцеву, есть одна, подписанная 20 сентября 1927 г., уполномочивающая Зайцева получить сентябрьский гонорар за книги «Москва» и «Крещеный Китаец» (РГАЛИ. Ф.1610. Оп.1. Ед.хр.45).

³ «Странствую в снах: очень странствовать хочется; манит Кавказ; но он — непроходим: всюду ливни; в горах — идет снег; а в долинах — затопы; милейшая наша хозяйка, печально качающая головою на нас, О.А.Р., нас утешила: ей старожил этих мест говорил: "Сорок лет здесь живу, а *такого* не видывал. Не понимаю, что стало с природою". Я — понимаю: приехали мы, чтоб погреться; само собой: надо надать холодов; мне — везет» («Ветер с Кавказа», с.45-46). Ср. РД: «29-го апреля. Нелепицы климата. /.../ 1-го мая. /.../ Раздражение на климат. /.../ 5-го мая. Тоска по солнцу. /.../ 16-го мая. Злая, бледная погода. /.../ 17-го мая. Гроза утром. Мрачным юмором борюсь с дождем: "Кавказ" — "заезд"».

⁴ Елизавета Трофимовна и Николай Емельянович Шиповы, домохозяйка и домохозяин Белого в Кучине. О них см. воспоминания К.Н. Бугаевой (с.252 и др.) и воспоминания Зайцева о Белом (с.567).

Цихис-Дзири. 9 июня 27 года¹

Дорогой Петр Никанорович,

Письмо Ваше получил. Писал Вам открытку из Боржома, куда захали из Тифлиса. Получили ли ее? Вкратце повторю ее содержание. Мы с К[лавдией] Н[иколаевной] решили задержаться: ведь мы весны не видали; до конца мая были непрерывные дожди; начали купаться с июня лишь; и сейчас: день солнце, день — дождь². Сюда надо ехать осенью; обстоятельства так складываются, что придется быть, вероятно, в Тифлисе в двадцатых числах июня; из Тифлиса проехать Военно-Грузинской на Туапсе; и морем до Нового Афона, где хотим провести июль (хотя бы недели три); оттуда же через Сталинград Волгой³; ввиду всего этого надо иметь в запасе деньги; а потому: очень прошу Вас выслать мне 200 рублей; проще всего: вышлите мне денежным письмом по адресу: Чаква (близ Батума). Дача Соловьевой. Лидии Павловне Сильниковой для Б.Н. Бугаева. Петр Николаевич так посылал для К[лавдии] Н[иколаевны]; и письмо выдали Л[идии] П[авловне]. Приходится давать адрес Лидии Павловны, потому что в Цихис-Дзири почта не организована; и во вторых: с 19 июня мы ликвидируем Цихис-Дзири; и едем пытаться счастья на Новый Афон; авось там будет сухо. В батумском районе лето дождливое; на этом клочке земли небо под войлоком туч; весной лили дожди; а сейчас начнется полоса тропических ливней с малярией и прочими неудобствами; но, кажется, сперва еду в Тифлис и кружным путем заеду за вещами. Лидия Павловна передаст деньги.

Мы уже были в Тифлисе; провели несколько дней с Мейерхольдами⁴. Кстати: тот текст моей статьи о Мейерхольде, который передан мне, исковеркан донельзя: ремингтонистки чорт знает что сделали; себя не мог узнать; и Мейерхольд говорит, что читал, но — ничего не понимает, до того текст искажен; между тем: стоит только сверить с переданной рукописью: надеюсь, что эта сверка была и что текст в печати не выйдет искаленным⁵. Кстати: как дело с «Ленгизом», который предложил переиздать «Голубя»?⁶ Снеслись ли Вы с ним. И — что они ответили? Простите, дорогой Петр Никанорович, за эти обременяющие *опять Вас* вопросы и просьбы. Мне очень стыдно Вас удручать. Еще: думаю, что в Никитинский сборник о Мейерхольде хорошо было бы напечатать маленькую статью о «Ревизоре», появившуюся в органе Пикассо (по-французски); она — коротка, но ее очень стоило бы напечатать, как мнение органа Пикассо (да и самого Пикассо), считающего, что «Ревизор» — чудо сценического воплощения;

будучи в Тифлисе, я перевел эту статейку и оставил Мейерхольду, который хотел выслать Вам⁷. Был между прочим на «Лесе»; стыдно сказать: в первый раз. Мы с К[лавдией] Н[иколаевной] были «Лесом» потрясены совершенно. Вс[еволод] Эм[ильевич] показывал мне проэкт постановки «Москвы». Удивительно! Если ему удастся поставить, это будет новое завоевание не только в сфере сцены, но и: в сфере драматургии; драматурги смогут иначе писать. Все 17 картин «Москвы» будут на сцене даны одновременно; с таким макетом можно одновременно пускать: и рынок, и аудиторию, и дом Мандро, и улицу, и кабинет профессора; а это дает возможность уничтожить антракты, ввести перманентное действие; и связывать все *сцены*, все места действия аккордами сцен; Мейерхольд дает спираль сцен. Я, воодушевленный макетом, хочу переработать текст по *спирали*; мы много говорили об этом в Тифлисе⁸.

Что сказать о Цихисдзирском нашем бытии? Ведь это места древнего Руна; мне, старому аргонавту, под старость лет таки пришлось ступить на этот берег⁹. Природа — роскошна: сверх всякой меры; все в цвету; то — благоуханье флер-д'оранжа, то — лимонный запах белых магнолий, цветы которых с чайный подносик, каскады пурпурных роз; вместо сорной травы отовсюду сейчас из земли прут бамбуки; в нашем саду агава выбросила соцветие (еще не расцветшее); это, пока, шест в 2 с половиной сажени: [в этом месте рисунок автора, изображающий маленького человека перед большим распустившимся соцветием. — *Ред.*] изображаю себя перед соцветием; размер соблюден; листья бананов с добрую сажень. Каждый день дивуешься роскошеству, но... — роскошество как-то не радует, а — страшит; Аджаристан — не место отдыха; природа здесь враждебна человеку; земли, окаймляющие Батум (и наши в том числе) представляют собой редкие на земле уголки (они — на перечет: Батум, Новая Гвинея, уголки Мексики и т.д.), где сохранились климатические условия третичного периода (до человеческого, допотопного); восприятие допотопной природы для человека 20 века мучительно; есть что-то аномальное в климате; у меня впечатление, что зима, осень, лето и весна сменяют друг друга по несколько раз в день; в лощинах — ледяной, сырой ветерок; на солнце — геенское пекло; смесь сырого и душного парника со сквозняками Невского Проспекта; идешь гулять, — нагружаешься одеждами на все климаты; утра — лазурны, ясны; к полдню — пекло; с 5 до 7 сыро и холодно; с ночи начинается шквал: рев, вой, свист; и шелест пальмовых листьев — не наш, чужой, угрожающий, и тютчевское: «*О страшных песен сих не пой*» и «*Час тоски невыразимой*»¹⁰ — переживаешь

каждую ночь. Отдохнуть — нельзя. Оттого-то и поедем мы отдыхать на Новый Афон. Допотопная природа ужасает.

Главное мое утешение собирание камушков на берегу; как и в Коктебеле, мы перегрузились десятками рассортированных коробочек; могу устроить выставку пляжа¹; ломаем головы, как с собой вести груз камней; бросить — невозможно: ведь это десятки часов ползания на коленях; и — дома: отбора, сложения по орнаменту; у нас же маленькие чемоданы; наконец додумались; пересылаем в маленьких ящичках посылками; так дешевле; а с собой тащить, имея впереди Военно-Груз[инскую] дорогу и Волгу, слишком обременительно.

Кстати: напишите скорей, когда Вы в Сочи; дайте точный адрес дома отдыха; около первого июля ведь мы в Туапсе; и плывем мимо Сочи, Гагры на Новый Афон. Непременно встретимся, — хотите в Гаграх? И Вам недалеко; и — нам. Очень хотелось бы вместе провести денек, два. А для этого, — черкните точно: Ваш сочинский адрес и числа, когда там будете.

Ну, обрываю. Еще раз простите за хлопоты; денег жду очень. Попав на Кавказ, надо по возможности его использовать: поездить. А то, — когда второй раз соберешься: ведь и жизни осталось не много. Обнимаю Вас. Искренне любящий Борис Бугаев. К[лавдия] Н[иколаевна] шлет Вам самый сердечный привет.

На конверте штемпель Батума: 14.6.27. Московские штемпели: 19.6.27; 19.VI.1927.

¹ «9-го июня [1927 г.]. Письма Зайцеву и Е[лене] Н[иколаевне] [Кезельман, сестре К.Н.]. Тот же байронизм» (РД).

² «30-го мая. Купанья. Камушки. 31-го. Отдаемся природе: погода опять портится. /.../ 2-го июня. Вознесение. Грусть: дождь. 3-го. Солнце: тепло. Цветут магнолии. 4-го. Изучаем будущий маршрут. Записан конспект мыслей к тифлисской лекции («Читатель и писатель») и конспект о "Слове". 5-го. Купанье. Тревога, разрыв с Англией; эскадра перед Цихис-Дзири. Страна аргонавтов. 6-го. Троп[ическая] духота. Влетела ласточка. Шквал. Мысли о Байроне и Лермонтове. 7-го. Шквал, жар; тревожные ночи. 8-го. Дождь, как из ведра. Мысли о человеке-горилле. Байронизм в душе» (РД).

³ Из этих планов только поездка по Волге состоялась в середине июля.

⁴ «15-го мая. Приезд к нам Мейерхольда и Райх в гости: зовут в Тифлис» (РД). «Только что стал я обдумывать, что нам пора собираться в Тифлис ознакомиться с городом, мне иметь встречу с В.Э. Мейерхольдом, чтоб договориться о ряде деталей "Москвы" ("Москвы" — драмы); узнав из газет, что гастрологи театра — в Тифлисе; ввиду ряда гнусностей

климата мы порешили ускорить наш выбег в Тифлис; нам навстречу В.Э. и З.Н., взявши отпуск, явились в Аджарию; и безо всякого адреса нас отыскиали» («Ветер с Кавказа», с.54).

19 мая Белый с К.Н. поехали поездом в грузинскую столицу. «Тифлис. Остановились у Мейерхольдов. М. покупает мне штаны [см. "Ветер с Кавказа", с.34-35, 68]. Базар; вечером на "Ревизоре". Сила впечатления. Были на Горе Давида. 20-го. Жар, ослепительно: поездка с М. в Бот. Сад; разговор о макете "Москвы" [см. "Ветер с Кавказа", с.55]. Впечатления Тифлиса. Вечер за кулисами, в театре у М. 21-го. Прогулка с К.Н. в горы (над Тифлисом). Обед с Гариным, Лакшиной. Впечатление от "Леса". 22-го. Сердечная беседа нас (я, К.Н.) с Мейерхольдом. Дружба с ним и с Райх. 23-го. Поездка в "Загес". Вечером — на горе Давида. [Встреча со Шкловским — зачеркнуто.] Ночь — впечатление от диспута. Переговоры с Эскиным о моих лекциях» (РД). 24-го мая Белый уехал в Боржом, а 28-го в Цихис-Дзири. Переписка Белого с Мейерхольдом (1874-1940) частично опубли. в кн.: В.Э. Мейерхольд. Переписка. 1896-1939. М., 1976; одно письмо Зинаиды Николаевны Райх (1894-1939) Белому опубли. в «Russian Literature Triquarterly», 1975. №13.

⁵ Имеется в виду статья «Гоголь и Мейерхольд», изданная в сб. «Гоголь и Мейерхольд» («Никитинские субботники», М., 1927), с.9-38. Там же были опубли. статьи Зайцева, Леонида Гроссмана, Льва Лозовского, Мейерхольда и М.М. Коренева, а также Михаила Чехова — о постановке «Ревизора» в ТИМе (премьера состоялась 9 декабря 1926).

⁶ См. письмо Белого А.К. Воронскому от 19 января 1927: «Да и кстати: передайте Петру Никаноровичу "Серебряный Голубь", который вам, вероятно, не нужен» (Литературное наследство. Т.93. 1983. С.611). См. также: «Доверенность. Доверяю Петру Никаноровичу Зайцеву вести все переговоры с Ленотгизом по вопросу об издании моего романа "Серебряный Голубь"; в случае необходимости заключать договор, а также и получать в случае заключения договора гонорар за книгу. Подпись Петра Никаноровича Зайцева. П.Зайцев [подпись] удостоверяю. Борис Бугаев (А.Белый). 4 апреля 27» (РГАЛИ. Ф.1610. Оп.1. Ед.хр.45). Роман переиздан не был.

⁷ Ср. «Я что-то нигде не наткнулся на этого рода разбор; нет, — наткнулся: в французском журнале, в журнале... Пикассо... Там высказались: "Ревизор" Мейерхольда есть новая главка в истории изобразительности» («Ветер с Кавказа», с.86). Имеется в виду статья «Le "Revisor" de Gogol réalisé par Meyerhold», опубли. в журн. «Cahiers d'art», №2, 1927, с.75-76 и написанная основателем и редактором журнала Christian Zervos. Журнал активно пропагандировал искусство Пикассо (1881-1973), но нельзя его назвать «органом Пикассо». Перевод Белого не был включен в сб. «Гоголь и Мейерхольд».

⁸ См. статью: С.Воронин. Из истории несостоявшейся постановки драмы А.Белого «Москва» // Театр. 1984. №2. С.125-127. Там воспроизводится план постановки «по спирали». О макете см. «Ветер с Кавказа», с.55, 77-78.

⁹ «Сама он Колхида: *та самая*, пламенная, с яркокрасной, коричневой, золотожелтой землею *"руном золотым"* (залежь охры)» («Ветер с Кавказа», с.28-29) и «Кутаис, утаившийся в ярких ландшафтах и в мифах (как-то: грот Язона)» (там же, с.58). 16 мая 1927 Белый записал в РД: «Вспоминаю *"Арго"*», т.е. свои ранние сочинения, связанные с мифом (стихи «Золотое руно» и лирический отрывок в прозе «Аргонавты» в сб. «Золото в лазури», 1904); 5 июня: «Страна аргонавтов». Летом 1927 в Цихис-Дзири он написал стихотв. «В стране золотого руна» (впервые опубл. во втором томе полного издания стихотворений Белого. Мюнхен, 1982. С.191-193; см. также «Аргонавты», с.193-195 и «Аргонавты», с.249-257, там же). Об «аргонавтизме» молодого Белого см. статью: А.В. Лавров. Мифотворчество «Аргонавтов» // Миф—фольклор—литература. Л., 1978.

¹⁰ «О! страшных песен сих не пой...» — первая строка второй строфы стихотв. «О чем ты воешь, ветр ночной?». «Час тоски невыразимой» — седьмая строка первой строфы стихотв. «Тени сизые смешались».

¹¹ «Каменную болезнью болею; коробочки: в них — лежат камни» — см. «Ветер с Кавказа», с.14-15, 22, 52-53. См. также «Воспоминания о Белом» К.Н. Бугаевой (с.140-142).

16

Владикавказ. 11 июля 27-го года.

Дорогой, милый Петр Никанорович,
Простите, что не ответил на Ваше милое, обстоятельное письмо тотчас, хотя первым же жестом было желание — откликнуться; во первых, в Цихис-Дзири были неприятности, о которых расскажу, когда приеду¹; во вторых: был занят подготовлением к тифлисским лекциям, 2м публичным («*Читатель и писатель*», «*Личность и поэзия Ал.Блока*») и одной — в «*Дворце Искусств*» для груз[инского] союза писателей и спецов «Ритмический жест *Медного Всадника*». Вот с этим жестом и пришлось повозиться: одно *вычисление* чего стоит². Далее уехали в Тифлис; и вся тифлисская неделя прошла так, что не было ни одной минуты свободной; лекции, поездки, беседы, общение с рядом поэтов и писат[елей] Грузии, среди которых не мало интереснейших, очень вдумчивых и весьма культурных людей, музеи, наконец — сам Тифлис³. 2-го читал последнюю лекцию⁴, а 3-го утром — Военно-Груз[инская] дорога, которая чего-нибудь да стоит: 200 верст изумительных, непередаваемых по силе впечатлений в 12 часов! Нас ехало 17 человек — все писатели, провожавшие нас⁵; попав во Владикавказ и оставшись одни — решили, что нельзя уехать *так просто* и что 12ти часовой пролет по В[оенно]-Гр[узинской] дороге — обида для нее и огорчение для нас; неожиданно для себя оказались под «Каз-

беком», где и прожили четверо суток⁶. Теперь едем в Сталинград, чтобы Волгой вернуться. Вероятно в Сталинграде придется ожидать не у моря погоды, а у *реки парохода* или — свободных мест, ибо *записи* на места с Кавказа нет.

Все это — заминки, задержки, непредвиденно удлиняющие путь, так что не знаем, удастся ли к 20-му июля попасть в Москву; в среднем, считаю, что от 18-го до 23-го таки *будем*⁷.

И вот, милый, опять просьба к Вам: ввиду задержек и того, что мы 5 раз проехали Дарьяльским Ущельем (а меньше *нельзя* ибо значительней места я в жизни своей не видел, и оно, как и Казбек, обеспечивает зарядом дум, впечатлений, будущих книг — на годы) — ввиду этого, возможного сидения в Сталинграде, волжского пути и т.д. — ввиду всего, подвиздержусь к моменту приезда в Москву, а в Москве — тотчас расходы (дрова на зиму, платы, взносы, кое-какие покупки и т.д.). Я и прошу Вас со всем стыдом, ибо понимаю, как все это *скучно*, концентрировать мне все, что мне полагается в смысле гонорара от Никитиной и Цекубу, включая июль. Это меня весьма выручит.

По приезде расскажем лично о громадном впечатлении от нашей жизни в Аджарии, Грузии и т.д. Мы переполнены впечатлениями, полны благодарности к Воен[но]-Груз[инской] дороге, Тифлису, Казбеку, смывших несколько трудное житье в Цихис-Дзири, оздоровивших и освеживших нас.

Итак, — надеюсь на Вашу необычайную доброту, которой Вы обычно меня дарите.

Остаюсь искренне любящий и преданный Вам

Борис Бугаев.

P.S. К[лавдия] Н[иколаевна] шлет сердечный привет.

Заказное письмо. Штемпель Владикавказа: 11.7.27. Штемпели Москвы: 14.VII.1927; 15.7.27. Часть конверта, где Белый приводит свой адрес, оторвана; осталось: [Гра]нд-Отель. №18.

¹ «23-го [июня 1927 г.]. Обыск у Ростовцевых: арест его и брата жены (я — понятой). Утешаю семью» (РД). 1 сентября 1927 Белый записал в РД: «Был у Луначарского (просил за Ростовцевых)».

² «4-го июня. Изучаем будущий маршрут. Записан конспект мыслей к тифлисской лекции ("Читатель и писатель") и конспект о "Слове". /.../ 11-го. Сгущение полит. горизонта. Работаю над ритмич. жестом Пушкина. 12-го. Ожидают войны. Работа с ритмом. 13-го. Вычисление кривой жеста "Полтавы". Вечером прогулка по верхней дороге; чудо цвета гортензий. 14-го. Голубые, атласные, лунные ночи; прогулки ночами с К.Н. Ритм "Медн. Вс." 15-го. Ритм. Жаркие разговоры с К.Н. о

русской эвритмии; ее разбор "Бури" Пушкина и "Телеги" (фигуры). 16-го. Ритм. Купанье. Сон об Анне Алексеевне [матери К.Н.]. Ритм "Медного Всадника". 17-го. Сны. Исчисляю кривую "Медного Всадника". Беседа с К.Н. об эвритмии. 18-го. Ритм "Медн. Вс.". Беседы об эвритмии. Запись о кривой. 19-го. Беседы с К.Н. о русской эвритм[ии]. Разбор кривой "Медн. Вс." 20-го. Запись лекционного конспекта. 21-го. Чудная погода. Готовлюсь к лекциям. /.../. 23-го. /.../ Мысли о лекции "Блок". 24-го. Готовлюсь к лекции о Блоке. В гостях у нас Ильяшенко (мой двоюродный брат)» (РД). Ср.: «Но в Грузии Фета не вспомнишь. Кого вспомнишь? Пушкина. /.../ Грузия для пушкиниста» («Ветер с Кавказа», с.61).

³ «26-го [июня]. Отъезд [из Цихис-Дзири]. Проводы нас с цветами. 27-го. Тифлис. У Мутафовой. Вечером беседа с Анановым и Петроковским. 28-го. Встреча с Табидзе и Яшвили. Вечером лекция 1) "Читатель и Писатель". Публичная лекция. 29-го. Осмотры музеев с поэтами. Поездка в Мцхет и Коджоры. Беседа в "Белом Духане". Встреча со Шкловским. Землетр. в Крыму. 30-го. Готовлюсь к лекции: 2) "Блок". Моя публ. лекция. После нее до 3 часов ночи сидим в Летнем саду с грузинск. поэтами. /.../ Июль. 1-го. Тифлис. Меня хвалят в газетах. Домашний банкет в честь нас у Яшвили. Застольная беседа» (РД).

⁴ «2-го [июля]. Отправляем вещи в Москву. Сервированный стол у Мутафовой: Ананов, Петроковский. 3) Читаю доклад "Медный Всадник" во Дворце Искусств» (РД). О теме лекции см. «Ветер с Кавказа», с.194-197.

⁵ «3-ье [июля]. Тифл[ис]-Владикавказ. Переезд с поэтами через хребет (Военно-Груз. дорога)» (РД).

⁶ «4-ое [июля]. Владикавказ. Прогулки. Прощание с поэтами. Заказали машину к Казбеку. 5-го. Поездка на Казбек. Сняли комнаты. Вернулись во Владик[авказ]: условились с фазтоном. 6-го. Казбек. Приехали с фазтоном. Видение "старца". 7-го. Прогулка наверх, мимо аула, к кладбищу. Прогулка к Шату. Ночью гроза. 8-го. Симфония облак. Лекция Преображенской. Прогулка за Терек. 9-го. Прогулка к Сиони. Последний вечер. Луна над Тереком. 10-го. Владикавказ. Спустились на фуре в город. Вечером из бот[анического] сада любовались хребтом. 11-го. Переезд. Минер[альные] Воды» (РД).

⁷ «12-го [июля]. Переезд. 13-го. Царицын. Ожидание парохода. 14-го. Пароход ["Чайковский"]. Картина Волги. 15-го. Мысли о России. Прошли Саратов. 16-го. Прошли Вольск. 17-го. Подошли к Самаре. 18-го. Мысли о рельефе и России. 19-го. Прошли Богородск. Были в Казани. Прошли Казань. Пожар. Мещане [см. «Ветер с Кавказа», с.285]. 20-го. Райские картины берегов. Чебоксары. Васильсурск. 21-го. Нижний. Весь день прогулки. Вечером прогулка над Волгой. Музей. Иконы. 22-го. Уехали к ночи из Нижнего. 23-го. Москва. Остановились у Васильевых» (РД).

Москва. 23 июля 27 [года]

Дорогой Петр Никанорович,
Очень хотелось бы Вас увидеть; Ваше последнее письмо не застало; получил его в Москве, куда оно было послано; буду у Васильевых сегодня вечером.

Завтра утром — еду в Кучино. Могу быть в Москве в начале недели¹. Очень хотелось бы повидаться; и очень есть о чем переговорить.

Остаюсь искренне уважающий и любящий

Б. Бугаев.

Письмо написано карандашом.

¹ 24-го июля Белый «забегал к Чулково. Разговор с А.И. Ходасевич. ("Влады" предатель)» (РД). 25-го вместе с К.Н. «вернулись в Кучино с Е[леной] Н[иколаевной]» (РД). Белый в Москву не поехал; 3-го августа у него в гостях был Зайцев. В это время Белый, главным образом, работал над переделкой своей инсценировки «Москвы» для Мейерхольда по «спирали» макета постановки.

Кучино. 27 сент[ября] 27 года.

Дорогой Петр Никанорович,
Только что Вы уехали, как у меня разыгрались глаза¹. Вижу, что не могу до окулиста работать с книгами; да и по другим причинам, о которых скажу при личном свидании, лучше мой доклад отложить; шлю телеграмму об этом, чтобы подождали с оппонентами²; в субботу буду у Вас от 7 до 8-ми³. Очень надеюсь на никитинский гонорар.

Извините, дорогой, что вчера сразу не сообразил: здоровье как-то плохое; сегодня плохо чувствую себя; и нервно, и физически. Остаюсь искренне любящий и преданный

Борис Бугаев.

Почтовая открытка, отправленная «Спешной почтой» (№738). Четыре штемпеля Салтыковки: 27.9.27. Штемпель Москвы: 28.9.27.

¹ «26-ое [сентября 1927 г.]. Необычный жар: 32°. Болят глаза (выглед их на сборе листьев). Был П.Н. Зайцев. 27-го. Глаза болят. Лихорадка. Не читаю. Играли в дурачки. 28-го. /.../ Жара. Дышать нечем. Чувство исжитости» (РД).

² Доклад Белого состоялся только в конце октября 1927, после обстоятельной подготовки: «22-ое октября. Уехала К.Н. Проверка вычислений "Медного Всадника". 23-ье. Был П.Н. Зайцев с Г.А. Назаревской. Разговор о Крыме, Коктебеле, Максее. 24-ое. Вычисления "Всадника". Письма Разумнику. Важные переживания (Серафим). 25-ое. Приезд К.Н. Важный разговор (о Серафиме). Вычисления "Всадника". 26-ое. Мне 47 лет. Вычисления "Всадника". 27-ое. Невралгия, зубы. Вычисления "Всадника". 28-ое. Весь день вычисления: пишу схемы, таблицы. 29-ое. Москва. Ужасный день. Разговор в вагоне с проф. Великановым. 1) Читаю доклад у Никитиной "Жест Всадника" (возражают Жиц, Благой, Вересаев, Чичерин, проф. Шувалов: скандал с Шуваловым). У Кл. Ник. 2) припадок с дыханием. Тревога. 30-го. Москва. К.Н. ничего. Был на концерте "Росфили". Оттуда к Никитиной: объяснения» (РД). Белый с К.Н. вернулись в Кучино 1 ноября. 5 ноября Белый начал работу над книгой «Диалектика ритма и "Медный всадник"» (РД).

³ В субботу, 1 октября 1927, Белый был в Москве, но, по-видимому, не у Зайцева: «Был у глазного профессора. Был у Мейерхольда. Встреча с Барбюсом (вышло неприлично)» (РД).

19

[27 ноября 1927 г. Москва]

Дорогой Петр Никанорович,
К Вам придет Берендгоф за этой тетрадкой стихов; мало того, что он требовал предисловия, *торопил* с написанием, он *требует* теперь возвращения рукописи¹. Ведь это значит: тащит меня в Салтыковку, ибо в Кучине отделения нет. Возвращаю тетрадку через Вас; пусть он зайдет за ней к Вам.

Об этом пишу. Итак буду у Вас вероятно в субботу.
Остаюсь любящий Вас Борис Бугаев.

Письмо датируется на основе карандашной пометки Зайцева в верхнем правом углу: «27 ноября 1927 г.». На конверте (без марки) Зайцев писал: «О Берендгофе». Ср. РД: «24-ое [ноября 1927]. Был Зайцев. Работа. /.../ 27-ое. Москва. Что-то вроде припадка удушья. Поехал в Москву. Разговор с О.Н. Анненковой. 28-го. Кучино. Утром разговор с Мейерхольдом (у него). Вернулась К.Н. Работа».

¹ Ср. письмо Белого Н.С. Берендгофу (р.1900):

Кучино. 27 ноября 27 г.

Многоуважаемый Николай Сергеевич,
Ваша рукопись будет передана Петру Никаноровичу Зайцеву, у которого Вы сможете ее обратно получить.

С приветом. Борис Бугаев.

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.6. Ед.хр.13; копия, сделанная не рукой Белого. Оригинал, идентичный с копией, также находится в РГАЛИ. Ф.1030 /Берендгоф/. Оп.2. Ед.хр.4).

В 1927 вышли «Стихи о городе» (М., Всерос. союз поэтов) Берендгофа, а в 1928 «Цех поэтов» выпустил его сборник «Бег». См. «Ветер с Кавказа»: «Я — в диком испуге: страшнее всего для меня появленье "поэтов"; куда ни приедешь — "поэт": не один, а с огромным пуком, чтоб читать; /.../ Оставляет: стихи — никудышные; и — начинается попытка: в крупнейших письмах он требует критики» (с.143).

Зайцев — Белому

Дорогой и милый Борис Николаевич!

Я успел сегодня вечером поговорить с Г.А. Санниковым¹. Он не возражает против замены статьи о Медном Всаднике отрывками из Кавказского Дневника, находя, что это будет очень интересно и ценно². Я полагаю, что он заранее уверен и в согласии Редакции (т.е. в частности и Вс[еволода] Иванова)³. И он просит Вас дать эти главы 1-2 [печатных] л[иста] в ближайшие дни, чтобы они могли попасть в февральскую книжку. Не успеете ли Вы их привезти в воскресенье? Хотя это уж очень малый срок, думаю, что не успеете. А тогда к моему приезду в четверг.

Душевно преданный Вам

П.Зайцев.

5 января 1928⁴

(ГБЛ. Ф.25. Карт.15. Ед.хр.16)

¹ В 1927-1931 поэт Григорий Александрович Санников (1899-1969) служил заведующим редакцией «Красной нови». Белый, который познакомился с ним в октябре 1918, когда тот слушал его курс в студии Пролеткульта, имел разговор с Санниковым 3 декабря 1927 в Москве (РД). Некоторые письма Белого Санникову и записи Санникова о Белом, которого он называет своим «первым и, пожалуй, единственным литературным учителем», приводятся в публикации Д.Г. Санникова «Каждому свой черед» (Наше наследие. 1990. №V. С.91-98).

Зайцев был знаком с Санниковым с середины двадцатых годов, когда служил секретарем изд-ва «Недра». Ср. письмо (без даты) Санникова Зайцеву:

Дорогой Петр Никанорович!

Вы уже меня извините за самовольство. Поэму из этой папки я взял. На ней следующая резолюция: «Написана не плохо, но печатать ни в коем случае нельзя». А[нгарский].

Так и предполагал. Видимо, для хороших стихов в Вашем альманахе места не бывает. Что же делать, буду печатать там где любят хорошие стихи.

Не обижайтесь на нескромность.

Ваш Г.С.

(ИМЛИ. Ф.15. Оп.2. №121).

² По поводу статьи о «Медном всаднике», никогда не публиковавшейся в «Красной нови», см. прим.2 к письму №18 Белого Зайцеву. Белый начал перерабатывать свой «кавказский дневник» в книгу только 10 января 1928: см. прим.2 к письму №20 Белого Зайцеву.

³ Всеволод Вячеславович Иванов (1895-1963) был привлечен к сотрудничеству в «Красной нови» по рекомендации Горького, который передал А.К. Воронскому повесть Иванова «Партизаны». Этой повестью в 1921 открылся первый номер журнала. Вскоре после того, как Воронский был отстранен от руководства «Красной новью», осенью 1927 Иванов вошел в состав редколлегии и возглавил в журнале отдел прозы (первый номер, который он подписал среди других членов редколлегии, — №12 за 1927).

⁴ «5-ое [января 1928 г., четверг]. К.Н. простудилась. Мысль о любви, Боге. Был Зайцев» (РД). Зайцев был у Белого в Кучине в следующий раз в субботу, 11 февраля 1928. В письме к Мейерхольду от 12 марта 1928 Белый писал: «Зайцев бывает у меня почти каждую неделю по четвергам» (РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1160).

Зайцев — Белому

Дорогой и хороший Борис Николаевич!

Марина очень любезно согласилась поехать к Вам сегодня вместо меня, чтобы взять у Вас рукопись для Тихонова и — самое главное, главы для передачи в Кр[асную] Новь¹. Надо было сдать их 5 марта, чтобы они успели пойти в апрельскую книжку. Иначе — в майской они, возможно, уже не смогут быть напечатаны, так как в мае может выйти вся книга в «Круге».

Я болен ангиной. И до сих пор еще не решаюсь выходить и выезжать, боюсь осложнений. Но в четверг я все же надеюсь к Вам выбраться, если буду чувствовать себя удовлетворительно. Очень хочется. Возможно, что я к четвергу успею подписать договор с Субботниками на «Ритм[ический] Жест» и с Тихоновым на «Кавказ»². Субботники обещали договор приготовить на этой неделе и дадут ответ относительно аванса (в 300 р.); по всей вероятности, положительный.

Возвращаю Вам случайно попавшие в рукопись «Кавказа» посторонние материалы. Простите, что не сделал этого раньше. Вероятно, Вы их искали.

Пересылаю с Мариной 2 книги³. М[ожет] б[ыть] Вам их интересно будет пересмотреть.

Пока всего доброго!

Искренно преданный и любящий Вас П.Зайцев.

6 марта 1928

(ГБЛ. Ф.25. Карт.15. Ед.хр.16)

¹ Ср. запись от 22 февраля 1928 в РД: «Работа ("В[етер] с К[авказа]"). Были Зайцев и Марина Баранович. Об Ареопагите (мысли)». Марина Казимировна Баранович (1901/1902-1985) была машинисткой, печатавшей рукопись книги «Ветер с Кавказа» (см. следующее письмо Белого Зайцеву). Ср. запись Льва Горнунга от 10 июня 1948: «Марина Казимировна Баранович в молодости, кажется, была артисткой (помню, как она однажды читала с эстрады стихотворение "Ланята молятся" немецкого поэта Моргенштерна, в переводе Юлиана Анисимова), потом работала переписчицей на машинке и в 1948 году весной читала мне первые главы романа "Доктор Живаго"» (Встреча за встречей.// Литературное обозрение. 1990. №5. С.107). Приезд Баранович в Кучино 6 марта не отмечен в РД («Читаю "Дневник" Блока: в ужасе от него»). Зайцев приехал в Кучино в четверг, 8 марта: «Был Зайцев. Киплю Блоком (много записано о нем)». (РД).

² О книге «Ритмический жест и "Медный всадник"» см. письмо №22, прим.1, и письмо №27, прим.2. Договор на книгу «Ветер с Кавказа» был подписан только в апреле 1928.

³ Возможно, что упоминаемые Зайцевым книги — это «Воспоминания» Л.А. Тихомирова, которые Белый начал читать 11 марта, и воспоминания Горького, которые он начал читать 18 марта (РД).

Белый — Зайцеву

20

Кучино. 7 марта 28 года.

Дорогой Петр Никанорович,
Спасибо Вам. Выздоровливайте: не простудитесь, смотрите; теперь осложнения донимают.

Посылаю для «Красной нови»¹ три отрывка на выбор, или для напечатания всех, но в первую голову надо, чтобы Тихонов это знал и чтобы «Красная Новь» не закладывала в долгий ящик: надо, чтобы книга вышла после журнала².

Передайте Тихонову, что книга — готова и что остатки ремингтона допечатываются; книга имеет до 260 ремингтонных страниц, что составляет приблизительно 13 печатных листов.

Пишу лишь два слова, чтобы передать М.К. Еще: очень настаиваю на авансе из «Круга» в 300-500 рублей, ибо иначе не сумеем уехать, а в этом году нужен отдых: разболелся, устал³; предстоят длинные мучения у зубного доктора⁴; взнос фин-инспектору и т.д. Это касается уже того, чтобы в «Субботниках» не забывали ежемесячного.

Простите, что все с дразгливыми делами.

Желаю здоровья и спокойствия.

Остаюсь искренне любящий

Борис Бугаев.

P.S. Книга вся готова: готов любую минуту сдать; может, сдать всю; когда М.К. допечатает конец.

На конверте (без марки) Зайцев карандашом написал: 7/III 1928 г.

¹ «Красной нови» — дважды подчеркнуто.

² Имеется в виду книга «Ветер с Кавказа», над которой Белый начал работать 10 января 1928 (РД). В статье, опубл. в сб. «Как мы пишем» (1930), Белый говорил: «...я использовал свой личный дневник, переделав его в книгу "Ветер с Кавказа" /.../ я переписывал свой дневник, наводя на него легкий литературный лоск и использовав прежние достижения "Белого"; работа /.../ пустяковая в сравнении с художественной; ведь писал публицист; в итоге — очерки, подобные открыткам с видами» (с.10). 3 марта он кончил главу «Казбек», а 4-го правил «ремингтон» книги (РД). 8-го в Кучине был Зайцев. На следующий день Белый «кончил "Ветер с Кавказа"» (РД), хотя 12-го он записал в РД: «Кучино. Работа ("В. с К.") Читаю [воспоминания Л.А.] Тихомирова. 13-ое. Отдыхаю». Переговоры с новым изд-вом «Федерация», в которое вошло изд-во «Круг», и с журн. «Красная новь» (тесно связан с «Кругом» — см. предисловие Е.А. Динерштейна к публикации: А.К. Воронский. Из переписки с советскими писателями.// Литературное наследство. Т.93. С.536-540) уже велись в начале 1928. «Кавказские впечатления (Отрывки из книги)» появились в №4 «Красной нови» за 1928, а книга «Ветер с Кавказа» вышла 21 августа 1928 (РД) (Издательство «Федерация». Артель писателей «Круг». Тираж 4000 экз.) Черновой автограф рукописи находится в РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.42.

³ См. РД: «25-ое [января 1928 г.]. Второй раз с билетом в кармане не поехал в Ленинград. Ангина. 26-ое. Работа ("В. с К."). Был доктор. /.../ 29-ое. Работа. Плохо чувствую (болезнь продолжается). /.../ 31-ое. Доктор. Работа ("В. с К."). /.../ 29-ое февраля. Усталость от работы».

⁴ 20 и 21 февраля 1928 Белый писал в РД: «Зубы». 28-го он «ездил к "Зубихе" (О.М. Ушакова)» (РД). Он был у нее в Москве 20, 24 и 28 марта и 4, 11, 21 и 28 апреля: «впечатление бреда. Мучила Ушакова (зубы). Разговор с Воронским» (РД).

[конец марта 1928 г.]

Дорогой Петр Никанорович,
Спасибо, голубчик, за хлопоты.

1) У Пильняка буду днем в первый день¹.

2) Спасибо за договор; подпишите².

3) Относительно Вышеславцева³ не могу сказать (ведь очередная суматоха)⁴; скажу в субботу.

4) Милый, заходите в Долгий⁵, лучше в субботу, часов в 6-7; а то воскресенье у Пильняка.

Простите за почерк; спасибо Вам за все.

До скорого.

Борис Бугаев.

Письмо, написанное очень спешно карандашом, датируется по содержанию (в архиве ошибочно помещено среди писем 1927). Зайцев поставил «16» и на письме, и на конверте без марки.

¹ 30 и 31 марта 1928 Белый был в Москве: «30-ое. Москва. Разговор с Орешиним. Встреча с проф. Шамбинаго. Был у Зайцева (разговор с Санниковым)» (РД). В воскресенье, 1 апреля, он не был у Пильняка, а вернулся в Кучино: «Впечатление липкой бессмыслицы (Москва)» (РД). У Пильняка (наст. фамилия Вогау, 1894-1938, расстрелян), проявлявшего в те годы большую активность для устройства литературных дел Белого, он был только в воскресенье 15 апреля: «Москва. Пасха. Был у Пильняка. Разговор с Воронским. Дети Сун-Ян-Сены [так!]

² 10 апреля 1928 договор с изд-вом «Круг» на книгу «Ветер с Кавказа» был подписан.

³ 5 января 1928 Зайцев был у Белого в Кучине, а на следующий день Белый в первый раз позировал для портрета художнику Николаю Николаевичу Вышеславцеву (1890-1952). Белый познакомился с ним 25 января 1927, когда читал свою драму «Москва» у Зайцева в присутствии В.В. Казина, С.Д. Кржижановского, В.Моисеева, С.Д. Мстиславского, Б.Л. Пастернака, А.С. Петровского и С.А. Полякова. Белый еще позировал ему в Кучине 10, 17 и 24 февраля, 2, 16 и 23 марта 1928. (РД). В понедельник 23 апреля Белый записал в РД: «Был у Зайцева с К.Н. (там — Вышеславцев)». Литография портрета (с датой 1928), который Белому совсем не понравился, с дарственной надписью художника Зайцеву (с датой 1929), находится в РГАЛИ. Ф.1610. Оп.1. Ед.хр.51.

⁴ Уже в марте 1928 Белый начал думать о поездке на Кавказ: «20-го. Был у Ушаковой. Думы об отъезде (Афон или Коктебель?); 29-го. /.../ Думы об Армении» (РД). 10 апреля он записал в РД: «Работа. Мысли о Кавказе»; 12-го: «У К.Н. трудности с отъездом; разговор об этом». 14-го «у К.Н. разрешилось с Кавказом» (РД) и Белый начал хлопоты, главным

образом связанные с устройством своих литературных дел до отъезда на юг. 15 апреля он был у Пильняка, где имел разговор с Воронским (см. прим.1), а 26-го «был в Москве, в "Красной Нови". Разговор с Раскольниковым, Вс.Ивановым, знакомство с Асеевым» (РД). 27-го была «укладка», а с 1 по 3 мая «предотъездные сборы». 4 мая они с К.Н. выехали из Москвы. В Тифлис приехали 8 мая.

⁵ Квартира Васильевых находилась в Долгом пер. (впоследствии — ул. Бурденко), на Плющихе (д.53, кв.1).

22

[до 15 апреля 1928 г.]

Дорогой Петр Никанорович,
Христос Воскресе, — с наступающим праздником!

Отдавая рукопись «Ритма» в Издательство Никитиной¹, поставьте им на вид, чтобы они *бережнее* были с текстом до набора; я нашел рисунки в беспорядке; чья-то рука ворошила бесплодно, создавая путаницу; если они *отложили набор*, то уж *отложили бы* рукопись; а то печатать не печатают, а рукопись теребят!

Во вторых: может быть, позвоните Санникову с просьбой о бумажке от «Красной Нови» для Армении². Буду очень благодарен.

Еще раз хороших праздников.

Весь Ваш

Борис Бугаев.

Письмо датируется по содержанию и по заметке синим карандашом Зайцева на конверте (без марки): «Пасха 1928 г.». Пасха была 15 апреля 1928.

¹ Имеется в виду книга, получившая впоследствии название «Ритм как диалектика и "Медный всадник"». Предварительная работа над темой книги («кривая» ритма Пушкина) занимала Белого летом 1927 (первая запись в РД относится к 11 июня: «Работаю над ритмич. жестом Пушкина») и осенью 1927 (см. письмо №18, прим.2). 29 октября он читал доклад «Жест Всадника» на собрании у Никитиной, а на следующий день имел «объяснения» с ней, по всей вероятности, о напечатании книги и переиздании «Петербурга» в ее издательстве. Он начал писать 5 ноября 1927: «Весь день работа; пишу книгу "Диалектика ритма"» (РД). В ноябре он усиленно работал над книгой и читал исследования Томашевского и Шенгели. «25-ое. Перелистываю литературу о ритме (стопочка книг, брошюр). /.../ 29-ое. Работа. Чтение литературы "предмета"» (РД). В конце месяца он записал: «Весь месяц писал книгу "Диал. ритма" и вычислял». Он закончил книгу 23 декабря 1927 и 25-го в Москве у Васильевых «читал отрывки из книги "нашим". Петровский хвалил» (РД). См.: РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.72: «Диалектика ритма». Исследование. Окон-

чательная редакция книги «Ритм как диалектика». Автографы. 22 декабря 1927 г. В заметке «Вместо предисловия» Белый писал: «В заключение приношу горячую благодарность П.Н. Зайцеву самоотверженно проверившему мои счетные таблицы и указавшему мне на иные из погрешностей счета».

² Белый имел разговор с Санниковым у Зайцева 30 марта 1928 и на следующий день встретился с ним и Б.Л. Пастернаком. До своего отъезда на юг Белый договорился с журналом о напечатании очерка об Армении.

Тифлис. 16 мая [1928 г.]

Дорогой, милый Петр Никанорович,
Простите, что пишу на клочке бумаги; почтовая бумага заложена; уже ночь, а завтра едем в Эривань¹. Все эти дни — в мыслях о Вашей пьесе. Как сошла премьера? Пока не видел рецензий: читал «Правду» за 11-ое и «Известия» за 12-ое; не встретил рецензий. Но где-то видел, что пьеса уже объявлена 6 раз². Напишите подробно о том, как сошел спектакль, как публика, как пресса, как игра артистов и как Ваше авторское самочувствие? Будем ждать с нетерпением.

И потом, — что с Пастернаком? Мысль о его болезни не дает покою³; если будет возможно, передайте ему по телефону пожелание скорейшего выздоровления: надеюсь, что слух об операции — только «слух».

Простите, дорогой друг, что краткость письма, обусловленная отъездными хлопотами, заставляет меня кратко перейти к делам моим, в которых Вы с таким самопожертвованием мне помогаете. У меня уже ряд деловых просьб к Вам: 1) Когда выйдут «Кавказские впечатления», вышлите в спешном порядке 5 экземпляров на имя Паоло Яшвили, которого я предупрежу; «кавказцы» живо интересуются книгой по отрывкам из «Красной Нови»⁴; и, минимум, 4 экземпляра я *обязан* им (Робакидзе, Яшвили, Тобидзе, Леонидзе)⁵; пятый сохраню себе. 2) На тот же адрес, тому же Яшвили вышлите 3 экземпляра «*Петербурга*», когда выйдут обе части⁶. 3) Когда будете в Кучине, у меня огромная просьба: в одном из завязанных книжных пакетов (стоящих на этажерочке, что на полу) лежат экземпляры «*Крещеного Китайца*»: пошлите 3 экз[емпляра] тому же Паоло Яшвили⁷. Впрочем, часть экземпляров «*Китайца*», кажется, у Вас на хранении; тогда пошлите

Ваши; итак: жду 5 экз[емпляров] *«Кавк[азских] Впеч[атлений]»*, 3 *«Петербург»*, 3 *«Китайца»*. Я должен хоть книгами отблагодарить грузинских писателей, оказывающих мне просто братское гостеприимство: они устроили нас на июнь в прекраснейшей местности, в верхней Имеретии, в полной деревенской глуши, чтобы нам отдохнуть⁸; сюда из Армении поедем писать очерк об Армении; и — отдыхать. Поэтому-то жду книг, чтобы поднести им. Книги и письмо мне напишите на адрес Паоло Яшвили: Грузия. Тифлис. Улица Джугашвили, 7. Паоло Яшвили (с просьбой передать Б.Н. Бугаеву).

Во вторых: согласно контракту я имел право получить 600 рублей при подписании договора, а получил 300 всего; после правки корректур я имею право получить еще около 600 рублей. Все это дает мне право ожидать, что *«Круг»* мне в течение июня хоть часть следуемых сумм выплатит; мне, как путешествующему и испытывающему дороговизну гостиниц, просто *стыдно* не заплатить: подчеркните это *«Кругу»*; и когда получите с них, то в течение июня вышлите мне в Сачхери полученную с *«Круга»* сумму. Неделя гостиничной жизни в Тифлисе, 2 недели такой же жизни в Армении — все это подистощит; и деньги будут нужны *весьма*; неужели издательства созданы для того, чтобы подводить писателей неисполнением договоров? Я очень рассчитываю на Вас. Но до нашей открытки их Сачхери, не высылайте денег туда, ибо в последнюю минуту может обнаружиться, что нам неудобно ехать в Сачхери и тогда вопрос о нашем местожительстве останется открытым.

Кстати: сообщите *«Кругу»*, что корректура будет вестись в Москве⁹; я рассчитываю на корректора в Москве (помните, — мы условливались об этом?). *«Круг»* ждет извещения моего об адресе моем; *Вы вовремя известите его, что корректура будет держаться в Москве по рукописи, которую «Круг» должен представить вместе с корректурами. О корректоре: опять вся надежда на Вас, дорогой друг, что Вы вовремя найдете корректора, дабы мне не пришлось платить дефицита.* (Помните, — тоже условились.)

Дорогой друг, простите, что напоминаю Вам о том, о чем мы договорились в Москве еще. Теперь я всецело завишу от наших с Вами уговоров, т.е. — от Вас.

От точности выполнения этой программы зависит наша жизнь на Кавказе. Программа жизни еще неустойчива; сами не знаем где будем. Например: поездка в Кахетию, или поездка Абас-Туман — Батум — зависит от грузинских друзей. Ввиду этой неустойчивости и в смысле *времени* и в смысле места надо иметь

запас денег, а это зависит от «Круга» и отчасти от Вашей дружеской помощи. Если июнь проведем в Имеретии — сможем лишний месяц прожить на Кавказе, что очень важно для моего здоровья; если нет, — все станет втридорога; и стало быть: вопреки желанию, — поездка укоротится; до Сачхери жду больших для нас трат; и потому: «Круг» должен выполнить свои обязательства.

Субботники тоже должны платить жалованье, но этот запас — для кучинской жизни (осень).

Вот, милый друг, спешные пункты. Простите, что пишу только о делах. О дорожных впечатлениях — после. Надеюсь на Вас. Желаю Вам хорошо устроиться в Кучине. Вашей супруге, Марии Сергеевне, привет. Обнимаю Вас. Остаюсь любящий Борис Бугаев. К[лавдия] Н[иколаевна] шлет привет.

Заказное письмо. Штемпель Тифлиса: 17.5.28. Три штемполя Москвы: 22.5.28. Адрес Белого: Грузия. Тифлис. у.Салалаки. Национальная гостиница, №14.

¹ 16 мая 1928: «Тифлис. Бега и хлопоты. Читаю Линча (об Армении). 17-ое. Вечером у Яшвили. Отъезд в Армению. 18-ое. Эривань. Впечатления» (РД).

² 16 февраля 1928 Зайцев «читал сцены своей пьесы» (РД) Белому в Кучине. 25 марта «Новый зритель» опубликовал беседу с Ю.Родианом (псевдоним Исаака Семеновича Белого; он же Илья Рудин) и Зайцевым об их пьесе «Фрол Севастьянов» в «Хронике» тринадцатого номера журнала (с.14):

МХАТ II прорабатывает написанную нами пьесу из жизни вузовской молодежи «Фрол Севастьянов». Главный герой пьесы — Фрол Севастьянов — студент-медик, только что окончивший университет. Перед ним стоит значительнейшая дилемма современности — совершенствоваться в науке или уехать в родной уезд и, как надлежит передовому человеку, творчески прошедшему через революцию и гражданскую войну, — быть как бы доктором по всем «внутренним болезням» деревни.

Сомнения в выборе того или иного решения осложняются для Фрола его любовью к художнице Елене, втянутой им в культурную производственно-художественную работу на текстильной фабрике.

Пьеса развертывается на фоне жизни студенчества, которое по существу и является собирательным героем пьесы. Студенчество, в среде которого Фрол пользуется большим авторитетом и любовью, не только как талантливый, но и глубоко принципиальный человек и крепкий товарищ, — активно вмешивается во

внутренний конфликт Фрола и помогает ему разрешить стоящую перед ним острую для наших дней дилемму.

В пьесе выведен ряд типов современного студенчества, показана профессорская среда, и наряду с этим выведен отец Фрола — крестьянин. Сюжетом пьесы, написанной совместно Ю.Родианом и П.Зайцевым, послужил рассказ Ю.Родиана под этим же названием. Ему принадлежит текст пьесы, а Зайцеву — проработка пьесы и участие в создании отдельных сцен.

Пьеса написана по заказу МХАТ II, причем авторы в процессе работы пользовались указаниями и пожеланиями театра.

Премьера состоялась 8 мая (режиссер — В.А. Громов, художественный руководитель постановки — М.А. Чехов, художник — Б.А. Матрунин), с В.В. Готовцевым в главной роли (подробно см. «летопись» во втором томе «Литературного наследия» М.А. Чехова, с.495-497). Пьеса шла еще шесть раз (10, 12, 13, 15, 16 и 17 мая). Не было рецензий ни в «Правде», ни в «Известиях». Ю.В. Соболев рецензировал пьесу в «Вечерней Москве» (цит. по вырезке без даты в папке материалов о пьесе, хранящейся в Центральной научной библиотеке СТД в Москве, директору которой В.П. Нечаеву приношу благодарность за его любезную помощь): «Все это вопросы большой социальной значимости. Но как сумбурно они поставлены! Как бесполезно они художественно оформлены! /.../ Авторы /.../ драматически неопытны /.../ Спектакль не был победой актеров. И понятно почему: нельзя фальшивую музыку заставить звучать гармонично». Рецензент «Нового зрителя» (Б.Рейх) также критически отнесся к пьесе: «МХАТ II выбрал пьесу, пытающуюся затронуть серьезный вопрос, стоящий теперь в центре общественного внимания, — отказ врачей ехать в деревню. Пьесой этот важный вопрос логически (но не художественно) правильно разрешается. /.../ Но... зрителю суждено при этом пройти мучительный путь, на котором он встречает уродливость, промахи и ошибки как со стороны постановщика, так и авторов. /.../ С идеологической двойственностью сочетается и художественная слабость» (№22 /229/. 27 мая 1928 г. С.6-7).

Белый смотрел пьесу в Москве 22 сентября 1928, после своего возвращения с Кавказа. Ср. открытку Зайцеву от Е.Ф. Никитиной: «Как Ваш спектакль? Была премьера? Удачно? Радуюсь и поздравляю. Передайте мой привет Борису Николаевичу» (12 мая 1928. ИМЛИ. Ф.15. Оп.2. №96).

² О дружбе Белого с Б.Л. Пастернаком (1890-1960) см. вступ. статью Е.В. Пастернак и Е.Б. Пастернака к публ. «Из переписки Бориса Пастернака с Андреем Белым» // Андрей Белый. Проблемы творчества. С.686-706. 23 июля 1928 Белый писал Пастернаку: «Сильно порадовали меня своим письмом; и — главное: порадовали словами о себе; уезжая (накануне отъезда) я узнал о том, что у Вас — осложнение гриппа; и признаться: очень беспокоился: и в пути, и на Кавказе, пока Петр Никанорович не успокоил меня» (Ук. соч., с.694). В своих воспоминаниях о Белом Зайцев пишет: «Очень высоко Борис Николаевич ценил и по-человечески любил Б.Л. Пастернака».

⁴ «Кавказские впечатления», т.е. «Ветер с Кавказа», с подзаголовком «Впечатления», вышел в августе 1928. «Кавказские впечатления (Отрывки из книги)» были опубликованы в четвертом выпуске «Красной нови» за 1928.

⁵ Белый познакомился с поэтом Паоло Яшвили (1896-1937, расстрелян) 10 июня 1927 (см. «Ветер с Кавказа», с.144-147), а с его «сиамским близнецом» Тицианом Табидзе (1895-1937, расстрелян) 24 мая 1927 (см. «Ветер с Кавказа», с.112, 166-170). Летом 1927 он также познакомился с другими грузинскими писателями, в том числе Колау Надирадзе, Гафриндашвили, Арсеношвили, Катарадзе (см. «Ветер с Кавказа», с.190) и Георгием Леонидзе (1899-1966). Он познакомился с Григолом Робакидзе (1884-1962, умер в эмиграции) только 9 мая 1928, так как последний был за границей, в Берлине, во время пребывания Белого в Грузии в 1927 (три письма его Белому, 1930-1931 гг., были опубл. в «Литературной Грузии», 1989, №6). См. также: Андрей Белый и поэты группы «Голубые роги» (Новые материалы).// Вопросы литературы. 1988. №4; J.Магаротто. *Andrey Bely in Georgia: Seven Letters from A.Bely to T.Tabidze.*// *Slavonic and East European Review*. Vol.63. No.3. July 1985.

⁶ Договор с изд-вом «Никитинские субботники» на переиздание романа «Петербург» был подписан 14 ноября 1927. Предисловие было подписано 12 декабря 1927. Вышел в 1928 (в двух частях: ч.І, 255 стр.; ч.ІІ, 270 стр.) в количестве 5000 экз.

⁷ Крещеный китаец. М. «Никитинские субботники», 1927.

⁸ «8-ое [мая 1928 г.]. Тифлис. Встреча с Табидзе, с Яшвили, с Г.С. Киреевской. 9-ое. Разговор с Киреевской. Были в Ботан. саду. Вечером у Табидзе с грузинами (Гудиашвили, Шаншиашвили). Знакомство с Робакидзе. Толчок. 10-го. У нас Галя. Вечером у Ингарокв. 11-го. Поездка с Галей в Коджоры. Пожар в Кутансе. 12-го. Отдыхаем. 13-го. Уеждаем с Яшвили и Табидзе в Имеретию. 14-го. Схвители. Приезд-разговор с Котэ Абдушели. 15-го. Прогулки. Отъезд. 16-го. Тифлис. Бега и хлопоты [далее см. прим.1 к этому письму]» (РД).

⁹ Имеется в виду корректура книги «Ветер с Кавказа», выпущенной изд-вом «Круг» — «Федерация».

Тифлис. 29 мая. 28 года.

Дорогой Петр Никанорович,
пишу телеграфно (лаконично), ибо 3 часа ночи; завтра с утра до вечера хлопоты; в ночь — уеждаем¹. Подробно писал 2 недели назад о всех деловых пунктах. Теперь лишь напоминаю: в течение июня необходимо мне получить максимум из следуемого мне, ибо только этот месяц — точный адрес; далее — адрес опять неопределен, а письма ползут точно их везут не в поезде, а на перекладных.

Итак: следуемое мне 1) по договору после корректуры книги о Кавказе следует мне 25% гонорара, плюс недоплаченные 300 рублей; то есть: около 900 рублей; 2) С Никитиной — 200, плюс недоплаченные 100 (ибо получил при отъезде не 200, а 100 рублей).

Итак: формально имею право по уговорам минимум на 1000 рублей; согласен на 500-600; но теперь надо *точно*: в течение июня получить не менее 500, ибо далее возможно, что месяц а то и более не будет точного адреса, ибо не знаю где и сколько проживем. Мотивирую: весь месяц живем в гостиницах — не по своей вине; Армения и Тифлис *таки* подистощили; и только теперь устроились на июнь в Имеретии, в деревне, при горах. Адрес: Грузия. Шаропанский уезд. Сачхери. Котэ Абдушли. Б.Н. Бугаеву. После: не то Кахетия, не то Севан², не то море, не то горы, не то — дешевая жизнь, не то — дорогая. Кто не устроен на курорте, кто не сидит на месте, — подвержен всем случайностям. Эривань стоила нам (2 комнаты — 10 рублей в день) дорого, несмотря на любезность армянского правительства, предоставившего автомобиль³. Поэтому: в июне необходимо быть максимально забронированным средствами (на июль и даже август).

Обо всем этом подробно писал 2 недели назад. Пока — нет ответа от Вас.

Тоже писал подробно о корректуре (помните наш уговор о платном корректуре моей книги: надеюсь, корректуры правятся, ибо в противном случае *плачу убыток*).

Жду скорого письма и *денег* до 20 июня; милый, — нажмите на издателей, не медля, ибо повторяю: письма идут безумно долго: из Эривани в Тифлис написанное письмо шло... 8 суток?

Из Сачхери напишу Вам лично и «человечно» (об армянских впечатлениях, людях, природе и пр.). Сейчас пишу телеграфно, лишь напоминая то, что писал 2 недели назад; если 14 дней нужно, чтобы получить ответ, то постарайтесь, голубчик, тотчас же по получению письма что-либо предпринять в денежном отношении.

Сердечно порадовал успех Вашей пьесы (понаслышке и письмам), а не по газетам, за которыми не мог следить.

Напишите подробно о своем самочувствии как автора.

Неужели, в самом деле, письма так ужасно медленно идут?

Еще раз, дорогой Петр Никанорович, простите за лапидарность письма; оно — от сбега: здесь весь день по часам разобран; писать некогда; надеюсь отдохнуть от смены людей и впечатлений в деревне и спешно написать очерк об Армении, которая утомила, ибо 1) природа, 2) люди, 3) музеи, 4) чтение книг, 5) произ-

водства; нагрузка впечатлениями — максимальная; еще не утряслись.

Итак, обнимаю Вас, милый Петр Никанорович; остаюсь сердечно любящий и горячо благодарный

Борис Бугаев.

Заказное письмо с адресом Белого: Грузия. Тифлис. Сололакская ул. (Белый раньше писал «Салалаки»). Гостиница «Националь». №15. Штемпель Тифлиса: 30.5.28. Штемпели Москвы: 4.6.28; 5.6.28.

¹ «29-ое [мая 1928 г.]. Встреча с Гогоберидзе, Лундбергом, Мстиславским. 30-ое. Мы у Лундбергов. Вечером отъезд. 31-ое. Схвители. Водворились» (РД).

² Начало этой фразы (до «не то Севан») подчеркнуто Зайцевым карандашом.

³ «Тут звонок от Сарьяна, что — будет машина, "Мравяновская" (Наркомпрос) [Мравян А.А., 1886-1929, с 1923 нарком просвещения и заместитель председателя СНК Армении]; превосходно, но... как же? Ведь послана "вцикская" (только сказали мне); да, из поля — две машины возникли!» («Армения». Ереван, 1985. С.39).

См. РД дальше: «18-ое [мая 1928 г.]. Эривань. Впечатления. 19-ое. Встречи с Шагинян, Сарьяном. Музеи. Электростанция. Арарат. 20-ое. Поездка в Эчмиадзин и в Айгер-Лич [оросительная станция]. Читаю Брюсова (об Арм[ении]). 21-ое. Обед у М.Шагинян. 22-ое. Разговор с Ягубьяном. Вечером мы у Таманова. 23-ье. Осмотр с Сарьяном предприятий [хлопкового, карбидного заводов и мастерских ФЗУ]. 24-ое. Эривань-Караглис. Утром отъезд на машине через Севан. Осмотр предприятий Еленовки. Поездка на Севан. Церкви. Переезд через Семеновский перевал. Обед в Дилижане. Впечатление Караглиса. 25-ое. Тифлис» (РД). Более подробно см. очерк Белого об армянском путешествии 1928 г. в кн.: Андрей Белый. Армения. Ереван, 1985. Там же приводится переписка Белого с М.С. Сарьяном, отрывки из писем Иванову-Разумнику и краткие выписки из писем Зайцеву (с.112-113).

25

Схвители. 2-го июня [1928 г.]¹

Дорогой друг, — привет Вам из чудного уголка Имеретии; скоро пишу подробно; эта открытка лишь корректив к адресу для денежных переводов; для перевода адрес: *Грузия. Шаропанский уезд. Сачхери. Дом Акакия Церетелли (у Котэ Абдушели). Борису Николаевичу Бугаеву.* Здесь — до июля; это — единственный точный адрес; далее — не знаю, где будем; прежде всего напишите ответ, что получили мои письма; и напишите, сколько можно мне в тече-

ние июня выслать; ведь деньги, полученные в июне, пойдут на июль, плюс, может быть, август; итак жду писем и в течение июня денег. Милый, простите за эти земные заботы, без которых покой и отдых души, столь нужный нам, не осуществимы. Не пишите на адрес Яшвили, который уежжает. Сердцем Ваш. Борис Бугаев.

Почтовая открытка. Штемпель Сачхеры (у Белого всегда «Сачхери»): 3.6.28. Штемпели Москвы: 8.VI.1928; 9.6.28.

¹ «1-ое [июня 1928 г.]. Схвители (Имеретия). Устраиваемся. Прогулки. 2-ое. Охватывает задумье. Прогулки» (РД).

26

Схвители. 12 июня 28 года¹

Дорогой Петр Никанорович, с чувством большой неловкости я Вам пишу, потому что, как ниже увидите, содержание письма суть *«житейские волнения»* для Вас, с благородным самопожертвованием столь мне помогшим и помогающим; но, раз я *именно вследствие Вашего прекрасного отношения* в этих месяцах отрыва от Москвы и невозможности себе самому помочь завишу от Вас, Вашей хотя бы открытки, — то не обидьтесь на то, что в *четвертый раз* я письменно обращаюсь все с тем же к Вам, не получая ровно никакого ответа; меж тем, — уже прошел месяц.

Неужели за весь месяц нельзя было мне послать хотя бы открытку с двумя фразами: *«Письма получил, отвечу»*? Месячное молчание Ваше заставляет меня полагать, что *три письма пропали (два заказных)*; а этот факт и вызывает в *четвертый раз* повторение все того же. Я уже Вам писал, что по причинам, о которых коротко не скажешь, только июнь месяц я имею постоянный адрес (*именно: Грузия. Шаропанский уезд. Сачхери. Дом Акакия Церетелли (у Котэ Абдушели). Мне*). В начале июля мы вынуждены уехать, куда — не знаем: либо на о[стров] Севан, либо под Батум, либо на Новый Афон, либо... — почему я знаю: не я виноват, что всюду на Кавказе едешь на риск: остаться без помещений, устроиться дешево, или платить в день за помещение чуть ли не по червонцу, как это имело место в Эривани, отчего мы поскорей и уехали из нее (месяц жизни в гостиницах нас подорвал); теперь устроились во всех смыслах прекрасно, но это не житье у себя, а... гостеприимство, оказанное нам, которым *нельзя злоупотреблять*; что будет в июле, — не знаю; но знаю, что не хотелось бы

возвращаться в Кучино к августу; а может быть и придется, если от Вас ни звука не получу. Совершенно понятно должно быть (и для Вас, и для издательства), что моя забота получить деньги здесь, или удостовериться, что они Вами уже получены для меня, — вызывается именно неопределенностью дальнейших наших странствий и фактом постоянного адреса на июнь, — *здесь*; ибо если мы снимемся и начнем терпеть неудачи с попыткой устроиться, метаясь по Кавказу, то и Вам будет неудобно сноситься со мной; мне же это будет и неудобно, и плачевно. Поэтому я и просил (*дважды*) хоть открыткой известить меня о судьбах недоданных и следуемых гонораров моих (у Вас ли они), а также о получении Вами письма.

Не знаю, что думать, ибо в течение месяца более, чем можно, ответить: остается думать, что письма пропали — все, что — невероятно, или, что Вы, устав от хлопот по моим делам, не хотите мне отвечать; последнее я понимаю, но... поймите и Вы, что в данный момент оставлять меня в недоумении, значит: создавать такие трудности в нашем путешествии, после которых остается... вернуться в Кучино.

Резюмирую в *третий раз* то, что два раза уже писал подробно и без чего дальнейшее пребывание на Кавказе есть знак вопроса для нас: я жду полочки не менее 500 рублей, которые легко по моим вычислениям получить (1. Никитина должна 200 р., плюс 100 р., недоданных при отъезде, а «Круг» 300 рублей, тоже недоданных; итак, — вот уже 600 рублей; кроме того: корректура книги о Кавказе должна уже быть готовой, — 17-го мая набор должен был быть готов; и стало быть: по *контракту* мне опять-таки следует получить с «Круга»; вопрос же о правке корректур урегулирован нами: *Вы обещали найти платного корректора*). Итак: на 500-600 рублей имею все права; они — не аванс, а — *долг мне, подчеркиваю*, — более необходимый, чем когда-либо, ибо *наше лето на нем построено*. Вот я и жду, что Вы 1) известите меня открыткой (о получении писем и о деньгах) 2) вышлите их, или сюда (до июля), или в место, где мы будем (по телеграмме). Письма — ползут; сегодня 12-го июня; 29-го мая написал Вам последнее за[азное] письмо²; ввиду Вашего *неответа* на 3 письма в течение месяца, я убедительно, дорогой, прошу Вас немедленно послать открытку сюда (если не телеграмму) с извещением о письме ли, высылке ли денег; 3) наконец, — я надеялся бы и на письмо: впрочем, взволнованный Вашим молчанием, вызванным, может быть, тем, что Вам надоело возиться с моими делами (что — вполне понимаю); но, — что стоило Вам это сказать *до отъезда*; я мог бы тогда как-нибудь поступить иначе, лично условясь с издателями;

а то теперь — я, так сказать, в плену у Вашей доброты; и хотите, или не хотите Вы, — от Вас завишу всецело: *не подведите меня*. Ведь писать 5-ое письмо в пустоту — бессмыслица! Тотчас ответьте.

Не пишу Вам ничего об Армении, ибо строю очерк, который надеюсь кончить в 20-х числах³, чтобы к 1-ому июлю прислать в «Красную Новь» (по уговору с Раскольниковым)⁴.

Не спрашиваю Вас о пьесе, ни о том, где Вы живете, ибо спрашивать и не получать ответов как-то... смешно. Надеюсь, что, если найдете досуг, поделитесь со мной и своими планами, и житьем-бытьем; в последнем случае хотел бы знать, — напечатают ли мою статью о ритме⁵.

Простите, дорогой друг, за кажущуюся деловую сухость письма; она от — повторения все того же, просто отнимающего и время, и место у личных впечатлений; и рад бы был поделиться ими, а вот приходится писать о скучных вещах. Скажу лишь, что нам хорошо, живем в очаровательной местности; идут дожди, и мы — сидим: я все эти дни усиленно пишу армянский очерк.

Остаюсь сердечно любящий Вас

Борис Бугаев.

Поймите, что если бы даже нельзя выслать денег или получить, то *тем паче* Вы должны *вовремя* известить об этом, ибо это все играет роль в плане жизни *теперь именно, в июне!*⁶

Марии Сергеевне от нас с К[лавдией] Н[иколаевной] сердечный привет.

К[лавдия] Н[иколаевна] Вам кланяется.

P.S. Получил 3 письма из Армении (от Шагинян, Сарьяна, Фортунатова)⁷ вот о чем: на о[зере] Гокче есть пустынный остров Севан, совершенно невероятный по красоте и задумчивости; там живет лишь старый монах, да 2 женщины, ухаживающие за коровами⁸. Там *нас устраивают*: но после 15-го июля туда *неудобно* ехать, а после 1-го в *Сачхери* *неудобно* заживаться. До 1-го июля я *твердо* должен иметь от Вас письмо — *здесь* (о деньгах, — сколько можете мне *послать*; это — минимум: конечно, получить их к 1-ому было бы желательно); позднее: трудно Вам дать адрес: на Севан *почта не ходит*; на станции Груздороги, где мы хотели задержаться в начале августа — *тоже с почтой плохо*. Единственная возможность — со мною сноситься — это *Сачхери*. Вы молчанием ставите нас в *ужасное положение неопределенности*, могущее не только лишить нас Севана, но и усадить куда-нибудь в неинтересный и *дорогой* курорт, или — отправить в Кучино. Раз уже задержка в деньгах в Каире (по рассеянности «*Мусагета*») 1) ли-

шила меня *единственной возможностью* в жизни увидеть развалины Египта 2) Ожидание в Каире денег пять недель стоило 600 рублей⁹.

Дорогой, пишу это ввиду Вашего *вопиющего* молчания в ответ на мои волнения.

P.P.S. Ввиду Вашего молчания пишу и Санникову (об авансе), и Тихонову; это — *последняя моя просьба ответить!*¹⁰

[На отдельном клочке бумаги:]

Шлите, если понадобится, на адрес Тициана Тобидзе: Грузия. Тифлис. Грибоедовская, д.18. Тициану Тобидзе. Для меня. (Яшвили уежжает на дачу).

Заказное письмо. Штемпель Сачхери: 13.6.28. Два штемполя Москвы: 18.6.28.

¹ «3-ье [июня 1928 г.]. Восхищаюсь Имеретией. Начинаю работу над очерком "Армения". 4-ое и 5-ое. Дождь. Туман. 6-ое. Овладевает мрачная шутливость. Дождь. 7-ое. Прогулка. Денежные тревоги. 8-ое. Я стал Кифой Мокиевичем. 9-ое. Читаю Толстого. К.Н. увлекается Байроном. 10-ое и 11-ое. Дождь. Читаю Толстого. 12-ое. Мысли о смерти» (РД). В каждой записи: «Работа» и общая запись: «Медленное писание очерка "Армения"».

² Фраза, начиная с «29-го мая...», приписана позднее в правом верхнем углу листа.

³ Белый начал писать «Армению» 3 июня 1928 (см. прим.№1). 20 июня он записал в РД: «С отвращением кончаю "Армению". Письмо от Яшвили», а 22-го: «Доделал "Армению". Гроза».

⁴ 26 апреля 1928 в московском помещении «Красной нови» Белый имел разговор с Федором Федоровичем Раскольниковым (наст. фамилия Ильин, 1892-1939), советским дипломатом, журналистом, писателем, сменившим А.К. Воронского на посту редактора журнала в 1927. (О нем и о его «открытом письме Сталину», опубл. в парижской эмигрантской прессе 17 августа 1939, см. статью Василия Поликарпова в «Огоньке», №26 (3127), 27 июня — 5 июля 1987; см. также воспоминания вдовы Раскольникова: Минувшее. Т.7. 1989. С.58-111). Приглашение Белому участвовать в «Красной нови» объясняется переменой в редакции, как пишет Зайцев в своих воспоминаниях: «Летом 1927 года, когда А.К. Воронский находился в очередном отпуске и жил вне Москвы, в редакцию "Красной нови" Отделом печати ЦК были назначены для укрепления партийных позиций журнала новые лица: Ф.Ф. Раскольников, Васильевский и В.М. Фриче. Но хоть его имя и было названо, в "Красной нови" он так и не появился».

Вернувшись из отпуска, А.К. Воронский узнал о переменах в редакции, происшедших в его отсутствие. Он предпочел уйти совсем из ред.

”Красной нови“. Секретарь ред. поэт В.В. Казин тоже подал Раскольникову заявление об уходе. Вместо него Раскольников пригласил поэта Г.А. Санникова.

Перемены в журнале вызвали большие разговоры в литературных кругах. Писатели, печатавшиеся в ”Красной нови“ при Воронском, отказались участвовать в журнале при новом редакторе. Этот отказ поставил Раскольникову в затруднительное положение. Ждали, как выйдет из трудности редакция и сам Раскольников. Все думали, что уже на сентябрь у него не будет нового материала и нечего будет печатать.

Но, вопреки ожиданиям, в сентябрьской книжке появились Сергеев-Ценский, Н.Никитин, С.Буданцев, А.Аросев, а в октябрьской — С.Малашкин, П.Антокольский и другие. Блокада журнала не удалась. /.../

Новая редакция ”Красной нови“ даже поэту Вячеславу Ивановичу Иванову послала в Прагу [так!] приглашение дать стихи для журнала, и Иванов прислал их. Но теперь ”Красная новь“ не спешила эти стихи печатать. Литературным материалом она оказалась обеспечена.

В своих воспоминаниях о Белом Зайцев рассказывает о вечере (22 апреля 1929), на котором Белый читал главы из романа «Москва» в редакции «Красной нови»: «О Раскольникове, который молчал весь вечер, Борис Николаевич заметил: — Трудно ему. Дипломат... Но ведь мичман? /.../ ”Мичмана“ Белый упомянул потому, что это было общепринятое прозвище Ф.Ф. Раскольникова, ”мичман от революции“. Алексея Николаевича Толстого одно время называли: ”рабоче-крестьянский граф“, а Сергей Дмитриевич Мстиславский в театре Вахтангова носил прозвище ”корнета от революции“».

⁵ См. прим.1 к письму №22.

⁶ Абзац вписан позднее (стрелка идет от подписи к нижней части предыдущего листа, куда вставлена приписка).

⁷ См. прим.3 к письму №24 и очерк Белого «Армения» в кн. «Армения» (1985). Письма от М.С. Шагинян (1888-1982), М.С. Сарьяна (1880-1972) и М.А. Фортунатова («Все же главенствующее значение Севана есть экспорт форелей /.../ разведение форелей и лимнологические изыскания — задания станции, руководимой М.А. Фортунатовым») («Армения», с.72) — не отмечены в РД.

⁸ «Забыл, что громадное озеро Гокча (”Севан“ по-армянски), длиной до 75 километров, есть чаша, которой подножье — хребет» («Армения», с.70). 29 июня 1928 Белый писал Сарьяну из Тифлиса: «Еще — вопрос к Вам: воображение наше разыгралось после посещения Севана; пожить на острове кажется почти что несбыточным сном; /.../ безопасно ли жить на Севане?» (там же, с.83).

⁹ «Мы в Египет приехали на три недели [в марте 1911] и хотели проехать до нильских порогов, посетивши Люксор, Ассуан, но несчастное разгильдяйство мусаетского секретаря Кожебаткина нас не только лишило поездки, оставив без денег, но и заставило пять недель ожидать этих денег в раскаляемом день ото дня и овеваемом хамсином Каире» (Между двух революций. М., 1990. С.397). См. также письмо А.С. Пет-



Б.А. Садовской. 1910-е.



В.Я. Брюсов. 1900-е.



М.Ф. Лихардопуло. 1911.



Ю.К. Балтрушайтис. 1900-е.



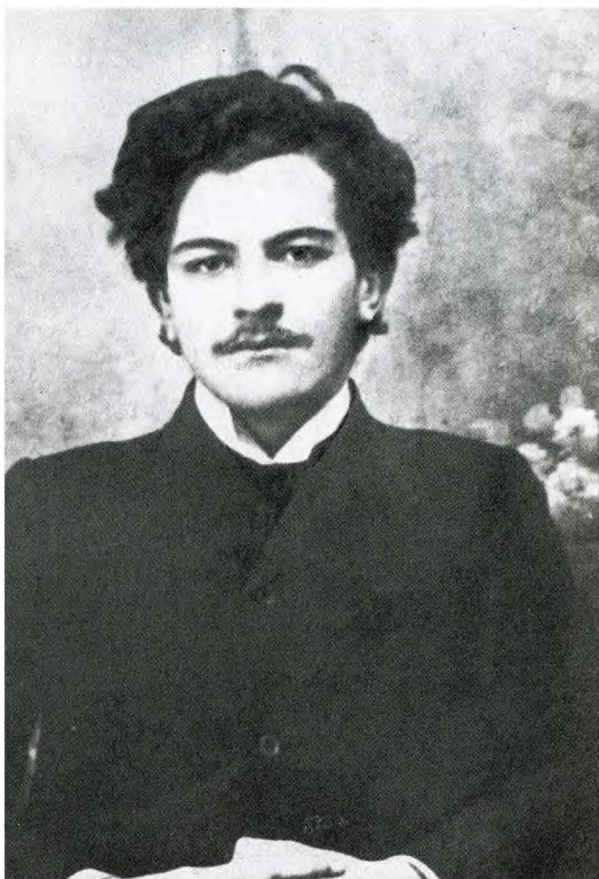
Артельщик «Весов» В.А. Курников с невестой. 1909.



Б.А. Садовской. Конец 1920-х.



Б.Л. Пастернак 1910-е.



К.Г. Локс. 1910-е.

П.Н. Зайцев. 1920-е.



П.Н. Зайцев. Рис. Л.В. Горнунга. 1923.



На вечере памяти Э.Г. Багрицкого. Сидят в президиуме справа налево:
Ю.К. Олеша, А.Е. Адалис, Селивановский, В.Э. Багрицкий (сын поэта).
1934. (РГАЛИ. Ф.1399, Оп.1. Ед.хр.33. Л.1).



М.М. Шкапская. Надпись: «Милым Алексею Михайловичу и Серафиме Павловне Ремизовым от всего сердца. 08.03.23. М.Шкапская».
(РГАЛИ. Ф.420. Оп.4. Ед.хр.57. Л.21).



А.Е. Адалис. Шарж И.Игина. 1960-е.
(РГАЛИ. Ф.2781. Оп.1. Ед.хр.9. Л.1).



М.М. Шкапская. Шарж неизвестного художника. 1930-е.
(РГАЛИ. Ф.2182. Оп.1. Ед.хр.673. Л.2).



А.И. Оношкович-Яцына. Около 1914.



Дом Ф.А. Оношкович-Яцыны (Крюков канал, 7).



М.Л. Лозинский. 1920-е.

А вы живите без фигуранта,
Триштыр публичной сцени!
Пусть ходит без рубашки Мама,
Бабушка несет ибидея шрани,
' Зато гайт, что дайт, то шидна,
И ибидея, и ибидея!

А. И. Оношкович-Яцыны

ровскому от 15 (2) марта 1911 в публ. Н.В. Котрелева «Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого» // Восток-Запад. М., 1988. С.161-163.

¹⁰ «P.P.S.» — у Белого поставлено в начале письма из-за нехватки места на последнем листе.

27

[20 июня 1928 г. Схвитори]

Дорогой Петр Никанорович,
Спасибо за обстоятельный ответ. Пишу опять спешно, телеграфно в ответ на пункты Вашего письма. Жду очень деньги в Схвитори, потому что последний срок 7-ое июля; дальше оставаться здесь нельзя; сегодня 20-ое; если бы Вы послали 15-го по телеграфу, может, было бы лучше, ибо письма идут 7-8 дней; 25-26 уеждаем в Кутаис, далее в Они; и далее за Они: в горное местечко Шови, где либо дорого, либо дешево, либо *нельзя*, либо можно устроиться; получи я деньги до 26-го, я мог бы задержаться в Шови на 2-3 недели; теперь же: или надо ждать денег, либо проперев в автомобиле более 100 верст и найдя помещение переть назад за денежной повесткой; вот, дорогой, о чем я волновался. На Кавказе — все так: ничего нельзя узнать издали; в дурацких путеводителях лучшие места не указаны; кроме проплеванных курортов с больными (где кстати все места заранее разобраны) «*Путеводители*» не упоминают ни о чем¹; надо самому розыскивать; для этого надо иметь с собой деньги, а не ждать их; или надо путешествовать пешком, с палочкой, перелезая через ледники; но наши слабые сердца, багаж и т.д. отрезают нас от таких путешествий.

Все это вот к чему, дорогой: деньги должны притти до 7-го июля *непрерменно*, иначе мы останемся в дураках где-то между Арменией и Северным Кавказом ища места, где можно пристроиться; где же тут сноситься и ждать денег: дашь адрес, а потом попадешь в блошью дыру с протекаемой крышей, или в отэль, дерущий в день по 7 рублей за комнату: в эдаких ожиданиях либо протратишь все, либо измаешься. Возможность удачно и экономно съездить зависит от свободы и быстроты поисков с деньгами в руках. Итак: крайний срок нашего пребывания 7-го июля; значит крайний срок посылки — 1-го. После не пересылайте, а ждите нового адреса, которого пока нет. Но письмом известите: сколько у Вас для отсылки денег.

Это мука, что делают издательства.

Никитина мне обещала издать ритм²; если не издадут³, я — *взору* на весь «СССР»: человек 12 лет не может ничего сказать

ничего [так!] о ритме!! Ведь это же — издевательство!!! Почему Жирмунский может⁴, а я — нет!!!! Книга была мне заказана; и *должна выйти*: я 3 месяца убил на нее. А теперь этот подвох.

С собранием сочинений Вам виднее: ничего не могу сказать.

«*Крещеный китаец*» пришел на 5ый день по получению от Вас письма.

Шлю на днях Вам «*Армению*» (на 3 печ[атных] листа для «Красной Нови»), — Вам потому, что, может быть, можно ремингтонировать (в 2х экземплярах); дорогой, известите Санникова; и ремингтонируйте, если «*Кр[асная] Новь*» не перерешила в принципе напечатать; он — *удался вполне*⁵; переписано вполне четко (К[лавдия] Н[иколаевна] переписывала); если они удовольствуются рукописью, то можно не ремингтонировать⁶; но (в случае ремингтона) надо соблюдать *ради ритма* мои окончания⁷; если пишу сочинен«*ье*», надо писать «*ье*», а если «*ние*», то «*ие*». Все наборщики и ¹/₂ ремингтонисток не соблюдают моих окончаний, калеча мне ритм.

Очень надеюсь на Вас, дорогой.

Скоро пишу подробно; эта *летучка* вынуждена тем, что спешно отсылаю. Фатально, что около 2х месяцев мы переговариваемся о сроках высылки; это потому, что ожидание точного срока получки или уведомления связывает меня *по рукам*: *все лето*⁸.

Оттого и не остается места для личного. Надеюсь на днях в подробном письме Вам сказать о себе; теперь — один сплошной вопрос: когда придут деньги? Еще раз спасибо Вам за все. Марии Сергеевне от нас с К[лавдией] Н[иколаевной] сердечный привет. Моим старикам тоже. Остаюсь искренне преданный

Б.Бугаев.

Адрес: Грузия. Шаропанский уезд. Сачхери. Дом Акакия Церетелли (У Котэ Абдушели). Мне⁹.

Заказное письмо, датируется по содержанию. Штемпель Сачхери: 21.6.28. Штемпели Москвы: 27.6.28. 28.6.28.

¹ Ср. «Ветер с Кавказа», с.178: «Просто Кавказа не знают: и зря туда едут, наметив сеть пунктиков, официально знакомых: курорты, Батум, Сочи, Гагры, Сухум и т.д. Я понимаю, съезжаются в "официальные" пункты — больные: лечиться, а мы, отдыхающие, не больные, — зачем же мы едем в "больные" места, мимо дач на Военно-Грузинской дороге и мимо Коджор? Потому что не знаем, куда нам приткнуться себя: и — не туда попадем». Ср. также очерк «Армения», с.6: «Я роюсь в путеводителе /.../ не отмечено все, что реально для нас, путешественников: только цифры статистики; с ними знакомство верней в специальных отчетах; проезжий, имеющий в распоряжении месяц для отдыха, будет

искать описание мест, где он мог отдохнуть бы; но — тщетно: он их не найдет; они — спрятаны: глупо промчавшись в вагоне за поиском их, мимо них, он, здоровый, ненужно приткнется к курорту, куда приезжают лечиться; отсутствие элементарнейших сведений для путешественников и ужасный разброс сообщений почти возмутительны в путеводителе; мне его бросить приходится; не угрызешь его цифр; с ними я ознакомлюсь на месте; не выжмешь мне нужного из распреснятины микроскопических петитов; и золотокрасный его переплет, набавляющий цену, — подвох, о котором кричу благим матом».

² См. письмо Е.Ф. Никитиной Белому от 23 апреля 1928:

Дорогой Борис Николаевич, добрый день!

Сегодня — первое настоящее весеннее утро, на солнышке 18°. Кто умеет — уже чирикает. Настроение стало хорошим, и даже я не так «чувствую сердце», как все эти месяцы...

Благодарю Вас за привет и ласку: только Вы умеете так особенно тепло сказать слова сочувствия. Бодрее и светлее становится на душе после Ваших строк...

В воскресенье я уезжаю на юг — в Сочи. Буду лечиться в Маесте. Желаю Вам тоже поскорее выбраться из Москвы, получше поправиться, отдохнуть и набрать сил для осени.

Книжку, о которой Вы говорите мне в письме, я беру «под свою защиту». Она *наверняка* выйдет осенью. Я представляю Ваше настроение, волнения и думы по поводу судьбы своей основной работы... Я прослежу за ее внешним оформлением и буду очень-очень рада праздновать выход ее в свет — вместе с Вами, милый-милый Борис Николаевич. Единственно, что надо иметь в виду и издательству и автору, что материальных благ никакая книга не принесет (по крайней мере в первом издании). А в дальнейшем — у нас так часто бывает теперь — книга будет и оценена, и отмечена, и «принесет деньги».

Издавать ее будем в сентябре, когда я вернусь из отпуска.

Сейчас я еду на май — только.

Июнь и июль буду в Москве.

На август поеду долечиваться к морю. В ближайшую субботу у нас будет последний вечер в этом сезоне. Если будете в городе и свободны, — загляните в наши края. У меня лежат для Вас кое-какие книжицы... Желаю всего-всего доброго!

Ваша Евдоксия. 23/IV 1928

(ГБЛ. Ф.25 /Белый/. Карт.21. Ед.хр.3. Вверху листа рукой Белого написано карандашом «Никитина»).

В сентябре 1928 рукопись «Ритма как диалектики» была взята из изд-ва «Никитинские субботники» и передана в изд-во «Федерация». 18 октября 1928: «Принята в Фед[ерацию] "Диал. ритма". /.../ 27-го октября: Договор с Федерацией» (РД).

³ Белый написал «не» два раза.

⁴ В январе 1925 Белый оппонировал Виктору Максимовичу Жирмунскому (1891-1971) в Гос. Академии Художественной Культуры (см. РД), а в декабре 1927, в связи со своей работой над книгой «Ритм как диалектика», читал его работы: «7-ое [декабря 1927 г.]. Читаю "Стиховедение" Жирмунского. /.../ 9-ое. Работа. Жирмунский. /.../ 14-ое. Работа. Жирмунский. /.../ 26-ое. Читал Жирмунского» (РД). Имеется в виду книга «Введение в метрику. Теория стиха» (1925), в которой Жирмунский подверг теорию Белого о метрике, изложенную в кн. «Символизм» (1910), критике. Белый ответил ему в своей книге, что вызвало ответную статью Жирмунского: «По поводу книги "Ритм как диалектика". Ответ Андрею Белому» // Звезда. 1929. №8. С.203-208.

⁵ Ср. РД: «20-ое [июня 1928 г.]. С отвращением кончаю "Армению". /.../ 22-ое. Доделал "Армению"». С 3 по 20 июня было «медленное писание очерка "Армения"» (РД), опубликованного в восьмом номере «Красной нови» за 1928.

⁶ Ср. РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.41. «Армения». Очерк. Автограф (черновой) и печатный (из журнала «Красная новь») с разночтениями. Машинописи нет.

⁷ «Ради ритма» — дважды подчеркнуто.

⁸ «Все лето» — дважды подчеркнуто.

⁹ Адрес у Белого поставлен в начале письма из-за нехватки места.

Продолжение следует.

АМЕРИКАНСКИЕ ПИСЬМА К.Д. БАЛЬМОНТА

Публикация Ж.Шерона

Жизнь русских писателей, оказавшихся на чужбине после революции, мало изучена. Судьба К.Д. Бальмонта после его выезда за границу совсем незнакома литературоведам, хотя он много писал и за двадцать два года в эмиграции издал восемь книг своих стихов, роман, сборник рассказов, две книги эссе, множество переводов и напечатал сотни статей в эмигрантской прессе. Однако многое осталось неопубликованным¹, а эмигрантский архив Бальмонта вообще пропал. При недостатке архивных материалов каждая находка дополняет наши скудные данные об этом периоде жизни поэта. В Гарвардской библиотеке хранятся 150 писем и открыток Бальмонта к семье известного журналиста Эдмунда Нобля (Edmund Noble, 1853-1937). В данной публикации впервые приводятся двадцать пять из них, любезно предоставленные Гарвардским университетом.

Эта эпистолярная дружба возникла в 1925 году, когда знакомый Бальмонта Леонид Тульпа², секретарь «Общества распространения полезных знаний среди иммигрантов в Соединенных Штатах» (Society for the Distribution of Useful Knowledge Among Immigrants in the USA), и казначей Общества доктор В.Баудич решили помочь Бальмонту, находившемуся в бедственном финансовом положении. К этому делу были привлечены разные люди и организации, в том числе композитор Сергей Кусевицкий. Доктором Баудичем даже был создан специальный фонд, который занимался помощью Бальмонту³. Среди прочих фонд обратился за денежным пожертвованием к бостонскому жителю Эдмунду Ноблю.

Россия и русская литература всегда были близки Ноблю. Жена его — Лидия Львовна Пименова-Нобль — была русской, родом из Астрахани.

¹ В последней книге Бальмонта — «Светослужение» (Харбин, 1937) перечисляется пятнадцать работ, готовых к печати.

² Леонид Тульпа в 1915 был домашним учителем первой дочери Бальмонта. В эмиграции пытался писать стихи (см.: Перезвоны. Рига. №40. 1928. С.128).

³ Фонд несколько раз печатал призывы о помощи Бальмонту в американских газетах, см., напр.: Boston Transcript, дек. 1924; 28 апреля 1926; 17 марта 1927. После смерти д-ра Баудича в 1929 фонд просуществовал еще три года.

Сам Эдмунд Нобль два года (1882-1884) представлял в России главные английские газеты. Наряду со своей журналистской деятельностью он занимался также поэзией и философией⁴, а Лидия Львовна писала по философским вопросам. У Ноблей было две дочери — Лилли и Беатриса. Лилли — молодая поэтесса, знавшая несколько языков, в том числе и русский (она родилась в Санкт-Петербурге).

Лилли Нобль взяла на себя труд познакомить американскую публику с творчеством Бальмонта. Она напечатала первую на английском языке статью о поэте⁵ и делала все, что могла, для облегчения его трудной эмигрантской участи. Она же пыталась напечатать статьи Бальмонта в «Нью-Йорк Таймс».

Общение с семьей Ноблей принесло поэту большое удовлетворение, и это чувство было взаимным. 6 января 1926 г. он пишет Лидии Львовне: «Большое спасибо Вашему дорогому Эдмунду Ноблю за его доброту, а милая Лилли совсем очаровала душу мою своею чуткою внимательностью. Какое она прекрасное существо. Да пошлет ей Судьба много счастья». Л.Л. Нобль, в свою очередь, пишет ему: «Константин Дмитриевич. Сколько радости принесло нам Ваше письмо! Слово луч солнца с далекой, милой родины ворвался в нашу жизнь... Да и как же иначе? /.../ Для меня лично Вашей поэзией исчерпывается всемирная, вековая мудрость. Она — красота и истина». Бальмонт положительно отзывался о переводах Лилли его стихотворений: «Перечитывая Ваши переводы моей "Америки" и особенно "Я в этот мир пришел..."», я еще и еще восхищаюсь Вашим даром передавать так близко и так музыкально. Моя заветная мечта — увидеть целый том К.Д. Бальмонта в переводе Лилли Нобль. Да сбудется эта греза!» (Письмо от 20 октября 1925 г.). Со своей стороны, Бальмонт перевел несколько стихов Лилли, а одно из них — особенно нравившееся ему «У ключа, где растут незабудки» (*The Brook Where Forget-me-nots Grow*) — опубликовал в парижских «Последних новостях» (26 ноября 1925 г.) со следующим пояснением: «Лидия Нобль — молодая американская поэтесса, отличающаяся мелодической напевностью стиха, как можно видеть из прелестного ее стихотворения о Незабудках, переданного по-русски размером подлинника. В видной литературной газете Бостона "Boston Transcript" она поместила также отличные переводы сонетов К.Д. Бальмонта». Готовился сборник Бальмонта на английском и русском языках, но из-за внезапной смерти Лилли в декабре 1929 г. это издание не осуществилось. Мать и отец Лилли собрали и издали в память дочери сборник ее стихов⁶. В него вошло 67 оригинальных стихотворений плюс восемь переводов из Бальмонта и ранее опубликованный очерк о нем⁷.

⁴ Данные о Э.Нобле взяты из: *Who's Who in America*. Vol.19 (1936-1937). Chicago. 1936. С.1826; Anshel E. *The American Image of Russia, 1775-1917*. New York, 1974. С.165-169.

⁵ Noble L. Balmont — A Famous Russian Poet in Exile.// *Boston Evening Transcript*. 23 January 1926.

⁶ См.: Noble L. *Poems*. Boston: The Christopher Publishing House, 1930.

⁷ В рукописи осталось 25 стихотворений Лилли в переводе Бальмонта.

Сам Бальмонт посвятил Лилли две большие статьи⁸, где привел множество своих переводов из ее стихов. Поэзия Лилли оценивалась Бальмонтом очень высоко: «Изящные английские строки Лилли Нобль легко укладываются в строки русские, не только потому, что она зачаровывает русского поэта, который невольно хочет ее переводить, но и потому, что в ее поэтической чувствительности много близкого сердцу русскому»⁹. Столь же высоко оценивал Бальмонт и переводческий дар Лилли: «Исключительно-точные и напевные переводы Лилли Нобль таких моих стихов, как "Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце", "Меж подводных стеблей", "Золотая рыбка" и сонеты к Скрябину, и ее тонкий, полный своеобразных сближений и определений, очерк, посвященный мне, — это такой подарок, какие редко свершают в жизни поэты»¹⁰.

Со смертью Лилли связь Бальмонта с семьей Нобль не ослабла, но еще больше упрочилась общей памятью о Лилли¹¹. Лидия Львовна продолжала помогать Бальмонту, посылая ему деньги и нужные для работы книги. Одиноким поэт чрезвычайно дорожил этим вниманием, как явствует из его писем того времени: «Дорогая Лидия Львовна. Спасибо Вам за ласковое письмо и за новый подарок. Вы так мило заботитесь о нас, как это может только родной человек, — и вдвойне, и тройне это ценно в дни, когда чудится, мы всеми оставлены и забыты» (письмо от 28.09.1931). «Милая и родная Лидия Львовна. Очень-очень признательно Вам сердце мое. Каждый раз, когда я получаю Ваше письмо, оно приходит как весть ласковой души к душе, а "памятки от Лилли" спасают нас от голода, ибо, увы, он уже настойчиво стучится к нам в двери. Так трудно стало жить, что прямо не знаю, как дальше мы будем выпутываться и удастся ли выпутаться из всех грозных стягивающихся узлов. /.../ Я радуюсь, когда Вы описываете, как Вы радуетесь моим стихам, но и грустно чувствую тогда, как мало сейчас в мире людей, радующихся стихам».

В 1934 скончалась от сердечного приступа Лидия Львовна, а тремя годами позже — ее муж. Последнее письмо Бальмонта (от 2 марта 1937 г.) адресовано уже младшей дочери Ноблей Беатрисе, которой поэт хочет оказать душевную поддержку: «И Вы теперь совсем одна на свете. Как жаль, что мы не вместе. Вам было бы легче». Вскоре после этого у Бальмонта началась сильнейшая душевная депрессия, из которой ему уже не суждено было выйти.

⁸ Бальмонт К. Звениащая струна. // Последние новости. 3 февраля 1931; Бальмонт К. Звезда утренняя. // Сегодня (Рига). №56, 1931. Бальмонт намеревался еще написать о Лилли (см. письмо от 3 марта 1931 г.: «Я напишу и еще что-то о Лилли. Мне кажется, что я впервые, только теперь, за эти два месяца увидел, понял и почувствовал всю красоту, тонкость и силу души Лилли. Третьего дня ночью, вместо того, чтобы кончать одну срочную работу, я неудержимо думал о Лилли, перечитывал ее стихи, волнующие меня, как живой ее голос».

⁹ Бальмонт К. Звениащая струна.

¹⁰ Бальмонт К. Звезда утренняя.

¹¹ В Гарвардской библиотеке хранится экземпляр книги Бальмонта «В раздвинутой дали» (Белград, 1929) с надписью: «Дорогому и родному другу Лидии Львовне Пименовой-Нобль, с преданностью и с мыслью о живой, хотя ушедшей, милой сестре моей, Лилли Нобль. К.Бальмонт. Капбретон. 1930. 25 января».

To Lydia Noble.

54, rue d'Assas, Paris VI.
1925. 3 марта

Уважаемая Соотечественница,

Мой дорогой друг, д-р В.Баудич, высокие душевные достоинства которого Вы знаете, рассказал мне о Вас в своем последнем письме. Я счастлив знать, что имя мое Вам нечуждо, и вдвойне рад, что между Вами, дочерью России и прекрасной страны Эдгара По, и мною, вечно тоскующим о России и мечтающим о тех местах, где проходил создатель «Ворона», «Аннабель-Ли» и «Лигейи», есть внутренний путь¹.

Я буду рад при первой возможности послать Вам какую-нибудь из своих книг, а пока посылаю одно из последних моих стихотворений, «Звездная Всеночная». И еще — «Зима».

Прошу передать Вашей маме мой почтительный и признательный привет.

Вспомните меня когда-нибудь, когда вдохновение будет Вам журчать стихом. А я буду помнить, что в могучей стране свободы, лесов и великих рек есть красивая, нечужая мне душа.

К.Бальмонт.

P.S. Я очень хотел бы знать Ваши переводы «Сонетов Солнца»².

St.-Gilles-sur-Vie, Vandée.
1925. 1 мая.

Мой юный друг, Лидия Эдмундовна — или, лучше, просто, Лилли — мне не хочется, чтоб Вы подумали, что самое начало нашей поэтической чрез-океанской дружбы отмечено как бы небрежностью с моей стороны: я отвечаю Вам не сразу. Но в письме к Вашей маме я объясняю причину этого. Мне было очень радостно получить эти ласковые, такие прямые, такие правдивые письма — и такие близкие, — как будто уже давно мы дружны с Вами и с Вашей мамой. Но ведь в сущности так оно и есть. Многое из того, что мы любим, мы любим одинаково. Мы не знали друг друга, а между тем глаза наши не раз глядели в одну и ту же сторону — и одно и то же нас радовало. Я не очень верю в разделяющую силу пространства.

Ваши стихи «To Free Russia»³, кроме отдельных строк, мне мало нравятся. Я думаю, что такой разряд поэзии увлекает в

рассудочность, а рассудочность величайший враг поэзии. Но мне очень нравятся Ваши переводы двух сонетов, особенно «Death»⁴. Я всегда полагал, что лучшая школа для поэта, желающего выработать свой стих и свой отдельный талант, это — выбрать любимого поэта на другом языке и переводить его. В моей юности такими братьями-учителями были для меня Ленау, Гейне, Гете⁵ и в особенности Шелли⁶ и Эдгар По. Из них любимцем и доселе остался Эдгар По.

Я был бы поистине счастлив, если б мое творчество могло Вам послужить таким источником выработки своего стиха, Вашего, — находждением собственного Я. И это было бы двойным для меня счастьем, если б через Вас меня узнала Америка, страна, с которой связано много моих мечтаний и воспоминаний⁷.

Светлый привет Вам.

Искренно Ваш
К. Бальмонт.

3

St.-Gilles-sur-Vie, Vandée
1925. 1 мая.

Дорогая Лидия Львовна,

Меня очень обрадовали Ваше письмо ко мне от 3-го апреля и письмо Вашей милой дочери Лилли, которой я пишу отдельно. Простите меня, что я отвечаю так медленно. Но я получил Ваши письма в разгаре предотъездных хлопот. А уехав из Парижа, я попал в такое неуютное местечко Бретани, что пришлось оттуда бежать и искать чего-нибудь иного. Лишь три дня тому назад я поселился наконец, до глубокой осени, в красивом, глухом уголке Вандеи, и радуюсь на тишину и на могучий Океан. Без Океана уже больше не могу жить. Он дает моим мыслям и моим попыткам то оправдание и то просветление, которые Вы находите для себя в философских размышлениях.

Я напишу Вам подробно о Вашем интересном очерке «The ethereal body»⁸. Естествознанием, историей религий и попытками разгадать тайны Духа и Плоти я всегда был зачарован, с детских дней. Но для меня — лично для меня — кажутся убедительными лишь два талисмана: — Любовь (Любовь-Страсть и Любовь-Понимание, Любовь-Жалость) и Творческое Созерцание. Для меня этими двумя исчерпывается все.

Как у Вас, так и у меня число потерь неисчислимо. Да, и у меня один брат умер от сыпного тифа и другой, мой любимец, напоминавший мне моего отца, умер в Сибири от возвратного

тифа⁹. А сколько еще близких погибло. С другими — в невольной долгой разлуке. Часто бывает очень тяжело ждать рассвета. Но, как говорит Шелли в «Prometheus Unbound»¹⁰, часы освобождения мчатся и, пока мы говорим, они придвинулись. У нас есть это утешение, и его не в силах отнять никто.

Всего лучшего Вам.
Ваш К.Бальмонт.

4

С.-Жиль. 1925. 19 мая.

Мой юный друг, как я радуюсь Вашим письмом, и как это сказочно для меня: еще недели тому назад я не знал ни Вашего имени, ни того, что Вы существуете где-то за Океаном¹¹, который сейчас поет в мое окно, что только он разделяет нас, но что между нами целое море мыслей, поэзии, чувств, которые нас соединяют. Да. И этот Океан, что поет в мое окно, он тоже не разделяет нас. Я на одном его берегу, Вы на другом, и мы обращены друг к другу нашими лицами, а между нами вольный воздух, свободный простор и чистый свет.

Жаль, что у меня нет крыльев чайки. Я прилетел бы к Вам, не прокричал бы чайкой, а спел бы соловьем и жаворонком.

И спасибо доброму колдуну д-ру Баудичу, что он дал нам узнать друг друга.

Ваш «The Singer»¹² очень хорош, и я хотел бы, чтоб Вы сделали невозможное и перевели все «Сонеты Солнца». Для поэта ничего нет невозможного. Герои драм Кальдерона и Тирсо де Молина любят восклицать: *Me gustan a mi los imposibles*: Мне нравится невозможное¹³. Этот возглас я полюбил, когда выковывал свой стих и свою судьбу, — и он мне помог многое выполнить, что я считал превышающим мои силы.

Любите ли Вы стихи Теннисона¹⁴ и Суинбёрна¹⁵ о Море? В них есть эта морская вольная душа, любящая разрушать все преграды.

Спасибо Вам и за прелестное Ваше стихотворение «Ручей, где растут незабудки». Я думаю, что я его переведу. Оно нежно и благоуханно. Вы послали мне его 1-го мая. А я 1-го мая писал здесь «Весну» и посылаю ее Вам.

Поклонитесь от меня Вашей маме. Я напишу ей на днях.

Привет Вам. Буду ждать от Вас строк.

Ваш
К.Бальмонт.

P.S. Что Вам понравилось больше в «Мое — Ей»?¹⁶

С.-Жиль. 1925. 10 июня.

Дорогая Лидия Эдмундовна,

Как долго идут письма в Америку и обратно. Мне хочется получить письмо от Вас, но знаю, что оно еще не может придти. Я знаю — и все-таки нетерпеливлюсь.

Посылаю Вам мой очерк о Скрыбине¹⁷. Если бы Вы захотели перевести его на английский язык и напечатали в Бостоне, это было бы и для меня, и для Вас, друзей Скрыбина, большою радостью.

Мне хочется перевести Ваши «Незабудки» — и я даже уже перевел их — но еще не посылаю, ибо это, в конце концов, не перевод, а перепев — по чисто-техническому обстоятельству: — ведь по-русски нет хороших рифм к слову незабудка.

Я был бы так счастлив получить Вашу фотографию, если б Вы захотели ее послать. Я могу послать Вам свою, если Вы захотите ее иметь.

Прошу передать мой сердечный привет Вашей маме. Пишу ей отдельно и посылаю новые стихи.

Сейчас ночь. В открытое окно шумит Океан. Мне грустно, что Вы так далеко.

Ваш

К.Бальмонт.

С.-Жиль. 1925. 4/17 июня.

Милая Лилли, и Вам, и дорогой Вашей маме я пишу подробно через 2-3 дня и посылаю свой портрет, и посылаю свой роман, где описано мое детство и начало юности¹⁸, и посылаю Вам все, что найду, чтоб помочь Вам написать Ваш очерк.

Спасибо Лидии Львовне. Спасибо Вам.

Получив Ваше письмо, я весь день радовался Солнцу и жизни. Потом, вечером, решил наконец записать давно сделанный мысленно — я всегда пишу стихи мысленно и лишь записываю их, когда они готовы — перевод Ваших очаровательных «Незабудок». Потом... я почему-то произнес про себя: «Awfully!»¹⁹, схватил Ваш листок, закурил папиросу «Capstan» (это мои любимые), упал на кушетку (совсем не в обмороке) — и через десять минут перевел Ваши строки вновь, — если не ошибаюсь, гораздо лучше, чем в первый раз.

Друг мой, предпоследняя строка может читаться иначе: «И минута придет — обручит нас она». Как Вам более нравится? Напишите — так я и напечатаю.

Сегодня день моего рождения. Я живу почти один. И подарков у меня мало, но много-много цветов: — испанский дрок, белые розы, белые гвоздики, красные маки, голубые цветы — «надежда кавалеров», белый львиный зев, нежно-голубая «любовь в тумане».

Но я дышу Незабудками Лилли!

Ваш К.Бальмонт.

7

С.-Жиль. 1925. 11 июня.

Дорогая Лидия Львовна,

Я обещался Вам написать о Вашей интересной философской работе. Но я не умею об *этих* вопросах говорить *так*. Не только не умею — Вы поймите меня — и не хочу уметь. Мой путь иной, как мой язык другой. Однако же, мое «Семизвездие»²⁰, которое вчера и сегодня держало меня в необычайном подъеме и не дало мне сегодня спать, есть *прямой ответ Вам*. Я знаю, что и Вам, и Вашей милой дочери оно очень понравится — и я душой с Вами.

Получил очень милое письмо от Баудича, и в торопливых, не совсем для меня ясных, словах его чувствую, что Судьба послала мне в лице Вас и в лице Вашей дочери редкостных друзей, и мне такое счастье это знать в моей пустынной, часто трудной жизни. Мне жаль, что такое расстояние между нами. Мы бы говорили — сколько бы мы говорили — и наши часы озарялись бы улыбкой. Хорошо, когда душа встречает душу.

Да пошлют Вам звезды много счастья.

Ваш К.Бальмонт.

8

С.-Жиль. 1925. 18 июня.

Дорогая Лидия Львовна.

Простите меня, что это письмо пишу Вам на машинке, но я натрудил руку писанием, а так как она некогда была сломана, мне запрещено утомлять ее слишком и приходится иногда писать этими безжизненными знаками.

Я вчера писал Вашей очаровательной Лилли, которую радость знать заочно, а быть около нее — конечно, счастье. Я представляю себе, как Вы ее любите, ее прямой, жизнерадостный нрав,

ее тонкую угадчивость, ее беззлобную, но острую насмешливость. А сколько в ней еще светлого, что влечет, и что я угадываю, здесь, через голубую преграду Океана, но что мне хотелось бы когда-нибудь узнать лично, как редкостную радость.

Я послал ей перевод ее стихотворения, которым я заморожен, но предпоследняя строка там переведена несколько иначе, а после суток размышления и колебания я безусловно знаю, что данный лик этой строки вернее, и утверждение ее, конечно, сделалось теперь неизбежное. И это ближе к тексту. Когда перевод появится в печати, я пошлю, а написанный моею рукой, в этом новом виде, я пошлю Лидии Эдмундовне дня через три.

Мне хочется сказать Вам, милая Лидия Львовна, что я глубоко благодарен судьбе за то, что она послала мне в моей пустыне — в жестокой пустыне — дружбу трех таких существ, как доктор Баудич, Вы и Ваша дочь. Таинственным образом это устроил мой давнишний хороший знакомый, ставший в письмах мне как сын родной, сибиряк, Леонид Тульпа. Баудич и Вы возникли в моей жизни в такую трудную пору, что я не знаю, что бы было бы дальше. Я видел пред собой отчаяние и гибель, ибо здешняя жизнь — тупая и безжалостная. Та помощь, которую Вы мне оказали, вместе с этим удивительным доктором Баудичем, и тот свет, который исходит от каждого его письма, от каждого Вашего письма и милой Лилли, что и мила мне, как радостная птичка в расцветшем кусте, — всего этого я не сумею Вам рассказать. Вот, я молча смотрю Вам в глаза, крепко сжимаю Вашу руку — и душой желаю, чтоб снова Вы увидели пленительный изумруд Вашего родного Каспия, первого моря, которое я увидел 22-х-летним юношей, после первого моего путешествия на Кавказ, возвращаясь домой, в Шую Владимирской губернии, Каспийским морем и Волгой. Я никогда не смогу забыть, что стало в моем дрогнувшем сердце, когда я из окна вагона, издали, увидел волшебную полосу особенного зеленого цвета. Это — причащение и откровение. Так как это было первое впечатление, я могу его сравнить лишь с восторгом, который овладел мной, когда в Тихом океане, в 1912-м году, я увидел изумрудные лагунные моря вокруг атоллов²¹.

До свидания. Да пошлет Вам и Лилли Тот, Кто все видит, много счастья.

Ваш К. Бальмонт.

С.-Жиль. 1925. 24 июня.

Милая Лилли, я радуюсь возможностью послать сегодня Вам мой портрет, а Вашей маме и Вам мой роман «Под Новым Сер-

пом», который почти сплошь автобиография. Я счастлив, что, читая его, Вы заглянете в мое блаженное детство, в краешек моей юности (это — еще не написано целиком) — заглянете в мою душу. Мне хорошо — моей душе хорошо — от Ваших внимательных ласковых глаз.

Я скоро напишу Вам еще, и Вас прошу чаще мне писать, хоть понемногу. В моей жизни достаточно много тревоги и грусти, а когда я читаю Ваши строки, мне делается — правда — 17 лет и хочется улыбаться, смеяться, говорить и петь.

Посылаю Вам также разные мои писания, и очерк Тэффи²², — которые, кажется, могут помочь Вам писать обо мне. А независимо от этого — могут Вам доставить удовольствие.

Дерзаю обратиться к Вашей маме и Вам просьбу. Если за последние лет 7 в Америке вышли какие-нибудь интересные книги о легендах и нравах Океании (Самоа, Маори, Фиджи, Папуа, Ява)²³, а также о памятниках Мексики и Майи (Юкатан)²⁴, не пошлете ли мне 2-3 книги, если они не очень дороги? Это не очень *инсолентно*, что я причину беспокойства? В Париже я не мог добиться никакого толку.

В следующем письме напишу, какие мои строки люблю больше всего.

Мой привет Вашей маме. Много счастья Вам.

Ваш К. Бальмонт.

P.S. Пока я Вам пишу, полнеба залито Солнцем, а полнеба свинцовое и гремит гром.

10

С.-Жиль. 1925. VII.20

Мой милый друг Лилли,

Я буду писать Вам на днях подробно, а сейчас посылаю Вам мой очерк об Италии, свою книгу «*Quelques Poèmes*»²⁵, и очень благодарю Вас за такое милое письмо, за домашние фотографии, где Вы с мамой, и за отличную фотографию, где Вы в Вашей ученой шапочке (я вспомнил свои дни и месяцы в Оксфорде), и где в Ваших светлых — мне родных — глазах столько юной гордости и солнечной жизнерадостности.

Какую область знания любите Вы больше всего? Я изучал в жизни многое, но за последние годы я более всего увлекаюсь Естественноведением, — Геологией, Зоологией, в частности Энтомологией, Океанскими глубинами. Это — с одной стороны. А с другой, мое давнишнее пристрастие — История Религий, Фольклор, Доисторические изыскания.

Если бы человечество не сошло с ума (вот уже 12 лет, как длится это сумасшествие), я бы непрерывно путешествовал. Я видел многое, но сколько еще осталось неувиденным и непережитым. Центральная Африка, Перу, Южная Америка, Китай, Сиам, Индокитай, Южный Полюс и Северный Полюс. Ах, горько об этом думать. Если бы не проклятая Война и трижды проклятая Революция, я уже за эти 12 лет увидел бы все перечисленное. Теперь, верно, это потеряно навсегда. И только внутренняя сила еще держит душу на должной высоте, несмотря на все враждебные обстоятельства.

Лилли, шлю Вам горячий привет. И Вашей маме.

Светлых снов и звонких песен Вам.

Ваш К.Бальмонт.

11

С.-Жиль. 1925. 22 сентября.

Дорогая Лилли,

Большое спасибо Вам за добрую память и прекрасные Ваши подарки. Я получил отличную книгу Lewis Spence, *Atlantis in America*, я ее сейчас читаю. Это очень интересный автор, и все его книги, по заглавиям, кажутся мне заманчивыми. Но мне совестно, что Вы растрчиваетесь на эти подарки. Отдохните от трат.

Я не сразу отвечаю Вам, и пишу сейчас лишь несколько строк. Я сейчас занят сложной работой. Эти последние два месяца я занимался чешским языком. Читал книги великого поэта Чехии Ярослава Врхлицкого, и перевел из него около 30-и вещей²⁶. Пошлю Вам одну, «Прносятся тучи»... Уверен, что Вы придете от нее в такой же восторг, в каком я и от этой вещи и от целого ряда поэм Врхлицкого. Вы его полюбите, я пошлю Вам еще переводы, он будет близок Вашему сердцу, в котором вместе с англосаксонскою кровью течет и бьется славянская.

Спасибо Вам и Лидии Львовне за последние письма. До скорых новых строк.

Волшебный трилистник с четырьмя лепестками — в моей памятной книжке.

Ваш К.Бальмонт.

12

Париж. 1926. 13 февраля. Ночь.

Милый мой друг Лилли, от всего сердца привет Вам и признательность за прекрасный праздник, который Вы мне подарили

— с тем великолепным размахом, который живет в Вашем русском и американском сердце — просто в Вашем сердце, Лилли, а я его знаю немножко.

Только Вы одна по-настоящему приласкали и приветили мой жизненный праздник, мой заверченный круг. Русские люди сейчас поглощены несчастьями и политикой. Они почти не видят меня, как не видели в начале моего пути. Все последние месяцы мне это было очень больно, хоть я сам себе в том не признавался. Вы стерли эту боль, и я снова горд. Вы читали статьи обо мне русских журналов, — они поверхностные и пустяшные. А Ваш очерк, продиктованный истинной любовью к моей поэзии, — продиктованный весенним Вашим поэтическим сердцем, — для меня — как душистый грозд винограда, как тяжелая красочная перевязь цветов, как родной мой сад, полный пения птиц.

И спасибо за незаслуженный мною, и так растрогавший меня, чек. Вы знаете, что я с ним сделал? Мне не стыдно сказать: на мне давно был изношенный костюм, — я отправился в магазин Old England, где когда-то одевался в лучшие дни, и на мне сейчас изящный черный вестон. По испанской поговорке, — я мальчик в новых башмаках, — предел довольства.

Я пишу Вам подробнее через несколько дней, и посылаю маленькие подарки через три дня.

Привет Вашим. Светлый привет Вам, мой друг, Лилли.

Ваш К. Бальмонт.

P.S. Если возможно, я просил бы еще целых 10 экземпляров Вашего очерка. У меня уже почти все расхватили, а мне хочется послать близким и друзьям в Россию, Литву, Польшу, Латвию, Норвегию, Англию, Италию, Японию.

Мы будем вместе путешествовать!

13

Париж. 1926. 15 июня.

Мой милый, дорогой друг, Лилли, я с болью в сердце узнал из письма Вашей мамы, что Вы больны. Мой лучший друг тяжело болен! Как я хотел бы сейчас быть с Вами, сидеть около Вас, поправить Вам подушку, дать Вам напиток, взять Вас за руку, посмотреть Вам в глаза, прочесть Вам звучный стих, сказать Вам тихонько незабываемое слово.

Я напишу Вам больше скоро — как только смогу. Эти недели, что Вы были тяжело больны, я здесь переживал тяжелую внутреннюю драму. Не странно ли? Но об этом после. Сейчас тучи как будто расходятся.

Мы все еще здесь, но, кажется, скоро наконец уедем. Шлю Вам заметку о моем празднике в Праге. Знаю, что Вы порадуетесь за меня. И «Вечерние Говоры» Врхлицкого. Правда, прелестно?

Лилли, моя нежность с Вами.

Ваш К.Бальмонт.

14

Мидзу. 1926. 7 октября.
Неправдоподобно-летнее яркое Солнце.

Лилли, сестра и друг,

Вот наконец моя книга «Будем как Солнце»²⁷ Вам отослана. Иного экземпляра, чем этот, я добыть для Вас не мог. Это мой собственный экземпляр, — дней счастливых, — из него я, — для разных выступлений, когда по России ездил в истинном триумфе любви и славы, — вырезал несколько страниц, и где они теперь, кто смог бы сказать. Рукою Мирры²⁸, Елены²⁹ и своей я восстановил их. На адресе написано «Epreuves typographiques», чтоб не было почтовых осложнений (рукопись — в печатной книге!).

Я еще раньше послал бы книгу. Но я боялся, что чрезмерные строки в отделе «Зачарованный грот» могут смутить Вас³⁰. Но мне кажется, поэт имеет от Бога дозволение петь свои чувства.

Больше всего я люблю первую и последнюю страницу.

Лилли, братский привет!

Ваш К.Бальмонт.

15

1926.XII.14

Моя милая Лилли, я задержал до сегодня посылку очерка, которого Вы ждете, и Вы поймете меня. Говорить о себе — мучительно-трудно, а как бы можно было тут себя обойти? Я еще не сказал многого, что нужно бы сказать и что, быть может, в предисловии или примечании Вы скажете. Встреченная, впервые, критиками жестокою насмешкой певучесть моего стиха стала общей чертой позднейших поэтов: Блока, Белого, Северянина, Кузмина, Анненского, Есенина. На слова Бальмонта написано (вне сравнения) больше романсов, чем на слова какого-либо русского поэта, когда-либо жившего: их около 400 (есть по 20-и романсов на одни и те же стихи). Лучшими я считаю Черепнина, Стравинского, Рахманинова, Прокофьева, Глиэра, Крейна, Гнесина, Танеева³¹. Черепнин положил на музыку почти целиком детские песенки моих

«Фейных Сказок»³² и Малайские заклинания из «Белого Зодчего»³³. Скрыбин, когда писал свою поэму Экстаза, зачитывался «Будем как Солнце» и «Зеленым Вертоградом»³⁴. Вот, как факт, я должен Вам все это сообщить, забывая свою скромность.

Привет Вам ласковый.

Ваш К.Б.

16

Закопанэ. 1927. 29 мая.

Дорогая Лидия Львовна,

После путешествия с лекциями и вечерами поэзии по всем главным городам очаровательной Польши³⁵ я вернулся в деревенский дом Марии Каспрович отдохнуть пред возвращением в Капбретон³⁶. И я, и Ел.К., мы от сердца благодарим Вас и супруга Вашего за добрую память. Напишу подробнее, когда немного отдохну от долгого ряда триумфов, а также и огорчений, увы, неизбежных в жизни.

Всего лучшего всей Вашей семье, которая уже навсегда будет для меня родной.

Сердцем Ваш

К.Бальмонт.

17

Zakopane, Harenda.

1927. 29 мая.

Мой милый друг Лилли,

Я очень виноват пред Вами, что так долго не писал, но клянусь, это было невозможно. С тех пор как я попал в Польшу, мне так же трудно стало написать хоть коротенькое письмо, как было бы Вам трудно соблюсти душевное спокойствие, переходя Вашу американскую улицу в бедламе автомобилей. За эти 1 1/2 месяца я объехал почти всю Польшу, прочел ряд лекций, усладился (мученически) несколькими десятками банкетов в честь Вашего скромного друга, говорил десятки экспромтов в прозе и в стихах по-русски, по-польски, по-английски и по-французски, познакомился с сотнями людей, встретил несколько полек, при мысли о которых мое сердце бьется немножко скорее обычного, написал по-польски очерк о Каспровиче³⁷, написал по-русски несколько стихотворений, полюбил Польшу, как можно любить только волшебницу, ... и вот...

и вот, собираюсь через 1 1/2 недели вернуться в Капбретон, я ра-

буюсь моему Малому Коттэджу, но поеду туда с опустошенным и растерзанным сердцем.

Спасибо за всю ласку милой сестры, за письма, за книги, за переводы, которые, надеюсь, не пропадут. Думая о Вас, всегда исполняюсь нежностью. Помню.

Ваш К.Бальмонт.

18

Капбретон.
1930. 7 января.

Дорогой друг Лидия Львовна,

Я только что горестно узнал, из письма Леонида Тульпы, о безмерном горе, постигшем Вас. Вашей Лилли, нашей Лилли, больше нет! Я не в силах этому поверить. Конечно, она только ушла, а не умерла, потому что смерти нет. Но разлука с любимым существом — и на время неведомое — это самое жуткое и горькое, что есть в нашей жизни. Лилли только начала свою жизнь, ее ждал пышный умственный и творческий расцвет. И вот красивое растение сорвано безвестной рукой.

Я потерял в Лилли ласковую, добрую сестру. Ее отец потерял в ней любящую дочь и верного друга. Но Вы, утратив ее, потеряли свет очей.

Примите, и Вы, и Эдмунд Нобль, и от Елены Константиновны, и от меня, выражение душевного горя и преданной дружбы.

Ваш К.Бальмонт.

P.S. Я ничего не говорю Вам, что я потерял, утратив одновременно братски ко мне относившегося д-ра Баудича.

19

Капбретон.
1930. 8 июня.

Дорогой друг Лидия Львовна,

Спасибо Вам сердечное за Ваше, исполненное тоски и все же ласковое, письмо. Я не мог ответить Вам сразу, ибо кончал две книги, посвященные Болгарии³⁸. А теперь, через 3-4 дня, уезжаю в Париж и оттуда в Ковно, — Литва пригласила меня, как друга и поэта Литвы, участвовать в великом празднике Музыки и Песни в котором, кроме всех литовских поэтов, будут участвовать несколько тысяч певцов и певиц Литвы³⁹. Как порадовалась бы за меня Лилли! Я пробуду в Ковно, верно, до половины июля. Мой адрес там: Lietuva, Kaunas, Liudas Gira, K. Balmontui, Duonelaicio, 18; 1⁴⁰.

Как хорошо Вы задумали почтить память милой Лилли! Я счастлив, грустно-счастлив, что в этой памяти я с нею соединен. В сердце моем ее ласковый лик живет и не умрет.

Шлю Вам две замечательные болгарские песни. Я плакал, перепевая их по-русски. И Ваши слезы брызнут на них. Но это будут светлые слезы. Ведь Лилли жива и где-то теперь, собирая незабудки, любит нас.

Эдмунду Ноблю и Беатрисе мой привет.

Верьте Солнцу и Звездам.

Елена Конст. и я, мы целуем Вас.

Ваш К.Бальмонт.

20

Capbreton, Landes.

Malgré tout.

1930. 28 июля.

Дорогой друг Лидия Львовна,

Дорогие друзья Эдмунд Нобль и Беатриса,

Не однажды глаза мои затенились светлою росой, когда я читал тонкие, проникновенные стихи нашей драгоценной Лили-Лилли, ее глубокие строки обо мне, Ваши глубокие, пронзенные слова о ней. Да: An enduring splendor of Love and Light. — A play of word color. — An undying essence that endureth forever⁴¹.

В душе Лилли всегда ворожили, паутинной тонкости и звездного, мудрого изящества, духом ее в запредельном уловленные и ею, как флейтой и скрипкой, пропетые строки: —

When you were you
And I was I,
I swung your swing
Far up in the sky⁴².

К таким душам, как Лилли — одна среди тысячи! — устремлен лучший стих, певца «Облака», Шелли: —

I change, but I cannot die⁴³.

И вот у меня нет слов. Но, думая об участии Лилли, я гадаю по книге «Poems by Lydia Noble» — и мне открылось наудачу: —

Inscrutable as Budda
On his lotus leaf⁴⁴...

И я гадаю по книге стихов Шелли и мне открылось в «Юлиане и Маддало»: —

Thy work if finished; I am left alone⁴⁵.

Но мой стих говорит:

Бог и я — нас в мире двое.

Лилли — в лучезарном Сиянии.

Ваш К.Бальмонт.

21

Капбретон.

1931. 19 апреля.

Дорогая и родная Лидия Львовна,

Вчера получил Ваше Пасхальное письмо и в нем Пасхальный подарок. Спасибо. Я напишу Вам подробно, как только смогу. А сейчас готовлюсь к своему «Славянскому Вечеру», который должен состояться в Париже 30-го апреля, с участием артистов русских, болгарских, сербских, чешских и польских⁴⁶.

Ваш издатель, — как я уже давно учуял, — форменный мошенник и негодяй, — scoundrel.

Шлю Вам «Стихи о Музыке» Лилли, они божественно-хороши. Послал их в «Последние Новости».

Русским очень плохо сейчас во Франции, где тоже кризис. Все стало случайно, шатко и трудно.

Письма Ваши — пронзительные, да иными и быть не могут.

Поклонитесь от меня Беатрисе. Она умная и чуткая.

Я рад, грустно рад, что Вы видите мое сердце, знаете, как я люблю Лилли, и находите утешение в этом невянущем чувстве моем.

Ваш К.Бальмонт.

P.S. Профессор русского языка в Любляне, в Словении, Н.Ф. Преображенский, Ваш земляк, волжанин, сейчас по стихам Лилли, которыми восхищается, изучает английский язык.

22

Капбретон. 1931. 21 мая.

Дорогая Лидия Львовна,

Большое спасибо Вам и Эдмунду Ноблю за хорошую статью в «Boston Transcript» о двух моих книгах, посвященных Болгарии⁴⁷. Очерк подробный, четкий и дает настоящее представление о книгах. Спасибо.

Ездили мы в Париж и пробыли там две недели. Дела наши от этого не распутались, а, к сожалению, запутались еще больше. Как я горько сострил, любовь к славянам — не прибыльное заня-

тие⁴⁸. Прибыльные дела, вообще, увы, вне моих способностей. Лишь бы нам вовсе не погибнуть от человеческого бездушия.

Светлых мыслей и светлых дней Вам.

Елена Константиновна кланяется.

Ваш К.Бальмонт.

23

Капбретон. 1931. 3 июня/21 мая.

Дорогая и родная Лидия Львовна,

Сегодня день Константина и Елены, а три дня тому назад мы получили Ваши дивные дары — часики Лилли, ее прелестную булавку с незабудками и обрадовавшие нас, в нашей скудости, десять долларов. Не знаю, как благодарить Вас за эту радость и нежность прикосновения к вещам, к которым прикасалась и которые носила на себе Лилли. Для нас обоих это — часть ее живого присутствия. Я нежно и благоговейно поцеловал и ту, и другую вещь. Булавку я буду носить в галстук в особо торжественных случаях. Часики тонко тикают на моем ночном столике, и мы лишь изредка смотрим на них, но не пользуемся ими запросто. Когда я их открываю и смотрю на них, мне кажется, что Лилли со мной, что она около меня.

Два посмертные ее стиха — они оба очень хороши — я пошлю тем лицам, на которые Вы указываете.

На днях я пошлю Вам, наконец, ее «Марш оловянных солдатиков»⁴⁹. Когда я был теперь в Париже, я читал его тем артистам, которые участвовали в моем Славянском Вечере, и он произвел на них очень сильное впечатление. Много бы еще она написала тонко-упоительных и сильных вещей, если бы жила долее.

Мы жалеем о ней. Но ей лучше, чем нам. Жизнь тяжелое испытание.

Елена Константиновна благодарит и целует Вас. Привет мой Эдм. Ноблю и Беатрисе.

Ваш К.Бальмонт.

24

60, rue Cécile Dinant,

Clamart, Seine.

1932. 3 октября.

Дорогая и родная Лидия Львовна,

Мы совершенно обласканы Вашим письмом. Сердечное Вам наше спасибо. Мы только что переехали в новую квартиру. Она дешевле и лучше. Но самый переезд всегда стоит дорого. Третьего

дня мы получили 600 франков из сербского посольства⁵⁰, и 250 франков (памятка Лилли) от Вас. 400 фр. тотчас заплатили за квартиру Мирры, 200-300 фр. тотчас ушли на уплату части долгов и необходимые покупки, на остающиеся деньги Вашего дара живем, имеем возможность есть. Доброе Ваше сердце да посетят светлые чувства.

С фондом для меня, который составил доктор Баудич и продолжать который ему обещала, когда он умирал, Mrs. Bailey, дела обстоят плохо, из-за кризиса, и она может помогать нам лишь изредка. Но письма ее дружественны. Рассказываю это не для того, чтобы посягать на Вас. У Вас в доме тоже нет курочки, которая несла бы золотые яйца.

Как трогательно, что Беатриса, при всей своей нервности, помогает Вам по хозяйству. Но так грустно, что Вы хвораете, и хотелось бы мне отдать Вам добрую половину своего здоровья, которое, хоть я и очень нервный, всю жизнь служит образцово.

Иметь свой дом — такая радость и такая защита, что расстаться с ним никак нельзя.

Большое спасибо Вам за книгу Findlay «On the edge of the Etheric». Должен ли я Вам вернуть ее, когда прочту? Я уже начал ее читать, и мне очень интересно с ней ознакомиться.

Шлю Вам «Неравенство». Я пишу мало, но все-таки иногда стихи прилетают ко мне.

Милый, ласковый друг наш, да приходит к Вам во сне Лилли, чтоб хватало сил переживать испытания нового дня.

Елена целует Вас. Привет дому Вашему.

Любящий Вас

К. Бальмонт.

25

Clamart. 1934. 22 июля.

Милая и родная Лидия Львовна,

Пишу Вам сейчас лишь несколько слов, чтоб поблагодарить Вас. Третьего дня Елена, перед сном, сказала: «Я не знаю, что мы будем завтра есть. Денег у нас больше нет, а в долг я не могу брать, не могу!» Бедная и замученная, мне ее было жалко. Я улыбнулся и веселым голосом сказал: «Завтра у нас будут деньги». — «Откуда? — уныло сказала она. — Неоткуда получить». Со странной уверенностью я ответил: «Ты забыла нашего доброго друга. От Лидии Львовны». В половину 9-го, утром, звонок, ласковое письмо от Вас, и в нем памятка, 5 долларов. Родная наша, ведь я лишь хотел утешить Елену, — а Вы магически взяли да и утешили

ли. Ах, как я весело и радостно потянулся в постели и как я счастлив был весь этот день и счастлив и сейчас, — чувствую, что Вы тут, здесь, что Вы нас любите, заботитесь о нас, даже тогда, когда Вы совсем больны и имели бы полное право заботиться только о себе. Эта душевная ласка, исходящая от Вас, это умение из-за Океана быть вовремя около печали и беды, да благословит Вас за это Небо!

Но как горько, что Вы хвораете! И так серьезно это! Все же верю в волжскую силу Вашей крови. Всем сердцем жду и жажду Вашего выздоровления.

Милой Беатрисе, которая, конечно, хорошо ухаживает за Вами, наши приветы.

Шлю Вам «Колдовские цветы» и «Боль и воля» Шайковича⁵¹. «Кукушкин сапожок» дошел до Вас?

Елена Вас благодарит и целует.

Всего Вам светлого.

Ваш К.Бальмонт.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ До революции было издано собрание сочинений Эдгара По (1809-1849) в пяти томах в переводе Бальмонта: М., 1901-1912.

² К.Бальмонт. Сонеты солнца, меда и луны. М., 1917.

³ «К свободной России» (англ.) / Noble L. Poems. С.106-108.

⁴ «Смерть» (англ.) — перевод одного из сонетов из сб. «Сонеты солнца, меда и луны» (с.209).

⁵ Стихи немецких поэтов Николауса Ленау (1802-1850), Генриха Гейне (1797-1856) и Иоганна Вольфганга Гете (1749-1832) неоднократно переведились Бальмонтом. См.: Бальмонт К. Сборник стихотворений. Ярославль, 1890. С.79-140; Бальмонт К. Из чужеземных поэтов. СПб., 1908. С.56-94; Бальмонт К. Из мировой поэзии. Берлин, 1921. С.146-170.

⁶ Бальмонтские переводы из Перси Биши Шелли (1792-1822) составляют три тома: СПб., 1903-1907.

⁷ В 1905, возвращаясь домой после поездки в Мексику, Бальмонт остановился в Америке. Он посетил западную и северную часть Америки, побывав в Сан Франциско и Нью-Йорке. Его американские впечатления были опубликованы на страницах журнала «Золотое руно» (№1, 1906. С.72-76).

- ⁸ «Эфирное тело» (англ.).
- ⁹ У Бальмонта было шесть братьев.
- ¹⁰ «Освобожденный Прометей» (англ.).
- ¹¹ Бальмонт в своих произведениях и письмах писал с заглавной буквы имена существительные, которым придавал большое значение. При публикации писем мы придерживаемся его орфографии.
- ¹² «Певец» (англ.) — перевод еще одного бальмонтовского сонета.
- ¹³ Испанские драматурги XVII в. Тирсо де Молина (1571-1648) и Кальдерон де ла Барка (1600-1681) очень важны для понимания творчества Бальмонта, особенно Кальдерон, чьи пьесы Бальмонт переводил. См.: Сочинения Кальдерона. Вып.1-3. М., 1900-1902, а также новейшее изд.: Педро Кальдерон де ла Барка. Драммы. Пер. Константина Бальмонта. Т.1-2. М., 1989.
- ¹⁴ Бальмонт перевел множество стихов Альфреда Теннисона (1809-1892). См.: К.Бальмонт. Из чужеземных поэтов. С.30-35. Теннисону он посвятил специальную статью (см.: К.Бальмонт. Избранное. М., 1980. С.584-589).
- ¹⁵ Алджернон Чарльз Суинберн (1837-1909), английский поэт.
- ¹⁶ Бальмонт К. Мое — ей: Россия. Прага, 1924.
- ¹⁷ Бальмонт К. Звуковой зазыв (А.Н. Скрябин). // Последние новости. 17 мая 1925. (№1553). С.2-3. Перепечатано в: Бальмонт К. Избранное. С.622-628.
- ¹⁸ Бальмонт К. Под новым серпом. Берлин, 1923.
- ¹⁹ Ужасно (англ.).
- ²⁰ См.: Бальмонт К. В раздвинутой дали: поэма о России. Белград, 1930. С.73-74.
- ²¹ Кругосветное путешествие Бальмонт совершил в 1912.
- ²² Тэффи. О Бальмонте. // Последние новости. 2 апреля 1925. С.3.
- ²³ Об интересе Бальмонта к фольклору Океании см.: Рождественская И.С. Фольклор Океании в сказках К.Д. Бальмонта.// Русский фольклор. Вып. XVIII. Л., 1978. С.96-114.
- ²⁴ Свои лирические впечатления от посещения Мексики в 1905 Бальмонт включил в книгу «Змеиные цветы» (М., 1910). Часть книги занята переводом древнего литературного памятника майя «Пополь-Вух».
- ²⁵ Balmont C. Quelques Poèmes. Traduits du russe par A.D. Holstein et Rene Ghil. Paris, 1916.
- ²⁶ Ярослав Врхлицкий (Vrchlický, 1853-1912), чешский поэт. Переводы из него были изданы отдельной книгой: Врхлицкий Я. Избранные стихи. Перевод с чешского К.Д. Бальмонта. Прага, 1928.
- ²⁷ Бальмонт К. Будем как солнце. М., 1903.

- ²⁸ Мирра Константиновна (1907-1970), вторая дочь Бальмонта.
- ²⁹ Елена Константиновна Цветковская (1880-1943), третья жена Бальмонта.
- ³⁰ Цензура выбросила восемь стихотворений из раздела «Зачарованный грот» за непристойность. См.: Markov V. Kommentar zu den Dichtungen von K.D. Bal'mont 1890-1909. Köln/Wien, 1988. С.139-140.
- ³¹ Нотография на слова Бальмонта см.: Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года). Справочник. М., 1966. С.48-60.
- ³² Бальмонт К. Фейные сказки. М., 1905.
- ³³ Бальмонт К. Белый зодчий. М., 1914.
- ³⁴ О взаимоотношениях Скрябина и Бальмонта см.: Кржимовская Е. Скрябин и русский символизм.// Советская музыка. 1985. №2. С.82-86.
- ³⁵ Бальмонт посетил Польшу в апреле-мае 1927, где выступал с лекциями в Варшаве, Белостоке, Лодзи, Вильне, Гродно, Львове, Кракове, Познани. В конце мая Бальмонт провел две недели у вдовы поэта Яна Каспровича (1860-1926) в Закопане.
- ³⁶ Бальмонт жил в Капбретоне на северном побережье Франции с 1926 по 1932.
- ³⁷ Balmont K. Jan Kasprowicz: poeta duszy polskiej. Czestochowa, 1928.
- ³⁸ Бальмонт К. Золотой сноп болгарской поэзии: народные песни. София, 1930; Бальмонт К. Соучастие душ. София, 1930.
- ³⁹ Бальмонт провел в Литве две недели в 1930 (21 июня — 6 июля).
- ⁴⁰ Переписка Бальмонта с известным литовским поэтом Людасом Гирой (1886-1946) отчасти опубликована, см.: Вопросы литературы. 1975. №3. С.238-254.
- ⁴¹ «Лилли, живому присутствию, длящемуся блеску любви и света, который она для нас оставила на земле, эта книга посвящена ее матерью и отцом». Полный перевод Бальмонта родительского посвящения Лилли в ее книге стихов. См.: Noble L. Poems. С.5.
- ⁴² Когда я был я,/ Когда ты была ты,/ Я качель закачал/ В синеве высоты (англ., перевод К.Бальмонта).
- ⁴³ Изменяюсь, но вечно живу (англ.). Бальмонт использовал эту цитату из Шелли в своей книге «Только любовь» (М., 1903). См.: Markov, op. cit., С.202.
- ⁴⁴ Неисследимый, как безмолвный Будда,/ На лотосовом мыслящий листе (англ., перевод К.Бальмонта).
- ⁴⁵ Работа окончена; я остался один (англ.).
- ⁴⁶ О подробностях этого вечера см.: Львов Л. Славянский вечер К.Бальмонта.// Россия и славянство (Париж). 25 апреля 1931 (№126).

⁴⁷ Статью не удалось обнаружить.

⁴⁸ Бальмонт в это время очень активно переводил из разных славянских литератур. См.: Cheron G. K. Bal'mont — A Champion of Slavic Culture. // American contributions to the Tenth International Congress of Slavists: Sofia, September, 1988. Ohio (Slavica), 1988. С.97-109.

⁴⁹ См.: Noble L. Poems. С.50-52.

⁵⁰ Бальмонт, как и некоторые другие писатели русской эмиграции, получал денежную помощь от югославского правительства.

⁵¹ Бальмонт был в дружеских отношениях с сербским поэтом Иваном Шайковичем и активно переводил его стихи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Л.Нобль

У КЛЮЧА, ГДЕ РАСТУТ НЕЗАБУДКИ

(Перевод с англ. К.Д. Бальмонта)

Есть забвенный простор, в нем багряный пожар,
Маки страсти, их пламени жутки.
Но заветный мой сад, вечных полон он чар
У ключа, где растут незабудки.

Есть из роз цветники, огнецветный наряд,
Аромат их алеет в рассудке.
Но цветник цветников, где не меркнет мой взгляд,
У ключа, где растут незабудки.

Есть предел, где цветы — как лазоревый стих,
И в воде отраженья их чутки.
Там я ближе всего к небу глаз дорогих,
У ключа, где растут незабудки.

Не навек ты вдали, не навек я одна,
День и ночь — ночь и день — это сутки.
И минута придет, — обручит нас она
У ключа, где растут незабудки.

ПИСЬМА А.Е. АДАЛИС К М.М. ШКАПСКОЙ

Публикация А.Л. Евстигнеевой и Н.К. Пушкаревой

У нас с вами, говорят, одна литературная судьба.

Автор и адресат публикуемых ниже писем не принадлежат к числу поэтических имен первого и даже второго ряда. Но, однако, для любого исследователя литературы XX века имена А.Адалис и М.Шкапской находятся в контексте истории литературы, сопрягаются с известными литературными именами, поскольку их участие и в литературном процессе, и в культурной жизни общества не подлежит сомнению. Тем более интересны письма, написанные как бы на переломе эпохи, которая вначале допускала различные направления в творчестве, а затем жестко унифицировала его. Поэтому попытка сравнить в некотором роде творческие биографии двух женщин-поэтов, судьба которых им самим казалась во многом схожей, представляет интерес, тем более, что до сего времени их биографиям не уделено достаточного внимания.

Настоящая фамилия Адалис — Ефрон, была получена ею в удочерившей ее семье. О приемных родителях сведений не обнаружено, а о рано умерших родных отце и матери Адалис упоминала в одном из писем: «Древняя рыцарская кровь моей матери слишком хорошо соединилась с простолюдинской и к тому же еврейской кровью отца» (письмо №1). По сведениям, сообщенным сыном Адалис В.И. Сергеевым¹, отец, Высковатов Алексей Тихонович, был служащим, погиб в сибирской ссылке в 1905 г., а через год умерла ее мать. Сама Адалис уточняла эти скудные сведения в анкете члена Мосгорисполкома, составленной в 1934 г.: «Отец — попеременно кустарь, служащий, мать — учительница»². Родилась Аделина Ефимовна в Петербурге (так считает ее сын, так сказано в Краткой литературной энциклопедии) в 1900 году. Интересно сравнить сведения двух коротких биографий, написанных в 1925 и 1945 годах: «Я родилась в 1899 г. в имении моей бабушки на Литве в Беловежской Пуще.

¹ Русские-советские писатели. Поэты. Библиографический указатель. Т.1. М., 1977. С.53.

² ГЛМ. РОФ 9882/1-110. КП 55344/1-110. Ф.368. Оп.1. Д.1.

Детство жила в Литве, а еще в Петербурге и Одессе. Училась в гимназии, потом в Новороссийском университете, окончила, училась еще в Театральной школе. Я пишу стихи с 8-ми лет. А лет с 10-ти называла себя поэтессой, чем очень потешала взрослых. Так и привыкала»³. «Детство провела в Одессе, там и училась. Гимназию закончить не успела, сдала потом экзамен в трудовой школе. /.../ Мечтала о сцене, но бедность родителей не дала возможности учиться как следует. С детства работала: то давала уроки младшим детям, то работала на фабрике клейщицей, упаковщицей»⁴. Таким образом можно наблюдать за эволюцией требований, предъявляемых эпохой человеку, и то, как исправлялась прожитая жизнь в ответ на эти требования.

Начало творчества Адалис связано с вступлением в группу одесских поэтов: «Году в 18-м, если не раньше, я узнала о существовании группы поэтов: Багрицкий, В. Катаев, Олеша, Шишова и др., познакомилась с ними, — они приняли меня в группу, Багрицкий был моим первым учителем стихосложения»⁵. Группа носила название «юго-западной школы» (первый сборник Багрицкого назывался «Юго-Запад») или «южно-русской поэтической школы» (определение Шкловского). Адалис посещала одесские литературные кружки «Зеленая лампа» и «Коллектив поэтов». Позднее она будет вспоминать об этом времени следующим образом: «В ту пору по Одессе ходили и контрабандисты, и искатели приключений, и "стивенсоновские" моряки. Но контрабандисты были, в действительности, рабами тусклых, круглобрюхих скупщиков... Искатели приключений занимались карманной рулеткой и шантажом зубных врачей. /.../ А матросская жизнь была однообразна и сурова.

В ту пору в Одессе глухо кипела подпольная жизнь будущей революции; на Молдаванке, на Пересыпи, в нескладных матросских квартирках и в душных переплетных мастерских, и в подвалах на Старопортофранковской — были явки молодежи, героев и бунтовщиков, не организованных еще для политических выступлений... Много тех ребят полегло потом в партизанских боях. Но ни Иоська Гершенгорн, заякка, ни подручный слесаря Петя Курцев, ни другие такие же не были похожи на Уленшпигеля и Гоодзака, у них не было знамен, ни фаготов, и пароли их были смешны, вроде "ключ". И не подходили к тем ребятам ни широкозеленое слово "Фландрия", ни слово "Пикардия", в котором цвел шиповник и синели рыцарские пики, и атели на закате башенные зубцы... Счастлив тот, кого сказочные слова не увели от прямого дела, кто твердо знал и песню, и правду. /.../ В доисторические времена нашего детства поэзия была еще проклятием и безумием. /.../ С конца марта до конца мая в Одессе дуют перед закатом золотые ветра... Имитируя холмы Шотландии и умбрийские предгорья, покрывались розовыми, как вереск, сорняками бугры приморских дорог... Имитируя Марсель и Барселону, порт разноязычно бранился и благоухал смолой, а на уличных перекрестках, на теплом и сыром ветру, исступленно дрались рванцами школьники,

³ ГЛМ. РОФ 9555/15. КП 54835/15. Ф.349. Оп.1. Д.15.

⁴ ГЛМ. Там же.

⁵ ГЛМ. Там же.

а лавки "восточных сладостей" торговали поддельным турецким шербетом... По вечерам в раскрытые окна грязных перенаселенных домишек тянуло медовым ароматом с блаженных островов, — но то был запах сорного клевера и каши, цветущих на неведомых задворках наших трущоб; он заглушал до утра селедочную вонь бакалеек и трупный запах мясных. Огромная голубая луна плыла в одесском небе. За великолепным городским театром белел, как Акрополь, музей древностей; памятник Пушкину стоял перед колоннадой бывшей городской думы... Мы шлялись табуном, крича стихи или издеваясь друг над другом. Здоровые, полуголодные ребята, мы были злы, веселы и раздражительны. Нас вел Эдуард? Что скрывать? Нас томили голод, зависть к богатым, хитрые планы пожрать и пошуметь на счет презираемых жертв — богатых студентов и наивных или полусумасшедших старух. Нас томила неимоверная жадность к жизни, порождающая искусство, та жадность, когда цвет халвы, недоступной губам, уже становится цветом воспеваемой аравийской пустыни, и смазливая лавочница снится мраморной, качающейся на волнах... Нас томило предчувствие великой судьбы, тайная и неясная мечта об участии Колумбов и полководцев.

"Бригантины", "Каравеллы", "Персиды", "Афродита", "Стрелец", "жареный кабан на вертеле", "Туманность Андромеды" — упоительные слова владели нашим отрочеством. Бригантинами мы именовали паршивые ланжероновские лодчонки. Мы чувствовали себя преувеличенно сильными, ловкими и красивыми»⁶. Если отбросить ложно-романтический пафос, столь свойственный времени написания этих воспоминаний (а написаны они были через год после смерти Э.Багрицкого, т.е. в 1936 году), то остаются совершенно искренние признания в голоде, зависти к богатым и мечте «об участии Колумбов и полководцев». Каждый из них реализовывал эту мечту по-своему.

Эта атмосфера определила дух ее творчества этого периода. Как писала Адалис в автобиографии 1925 г.: «Раньше, не понимая толка в поэзии, причисляла себя к южно-русской поэтической школе. Но благодаря ей овладела все же мастерством старинного стиха»⁷.

В 1920 году начинается новый период в судьбе Адалис. Об этом она пишет позднее в своей биографии 1945 г.: «В Москву я уехала в 1920-м году по командировке Губпечати в Центропечать, а также на учебу в ВУЗ по разверстке. В Москве я познакомилась с поэтом и ученым Валерием Яковлевичем Брюсовым. Он оказал на меня большое влияние — занимался со мной историей, историей культуры и философией, латынью. Близкие отношения не мешали быть ему строгим учителем — к 1923 году я подготовилась к сдаче диссертации на право преподавания в высшей школе и получила дальнейшую тему для соискания ученой степени. Еще раньше (1922 г.) я одновременно училась и преподавала в Л.Х.И.»⁸.

⁶ РГАЛИ. Ф.1334. Оп.1. Ед.хр.1109. Л.2-7.

⁷ ГЛМ. РОФ 9555/15. КП 54835/15. Ф.349. Оп.1. Д.15.

⁸ ГЛМ. Там же.

В воспоминаниях О. Мочаловой есть строки, посвященные знакомству Адалис с Брюсовым: «О знакомстве с Брюсовым рассказывали так: она встретила с Валерием Яковлевичем у общих знакомых на вечере. Брюсов сидел мрачный, вялый. Он говорил, что нездоров, плохо себя чувствует. Адалис приняла живое участие в его заболевании желудочно-кишечного характера, дала ряд советов, как справиться с неполадками обмена веществ. Брюсов был удивлен, что молодая женщина так просто, по-домашнему, говорит с ним, знаменитым поэтом, о низших проявлениях организма. А затем был роман. Адалис сопротивлялась, но, по словам насмешников, "уступила под влиянием президиума". Ходили и такие шуточки: "Адалис, Адалис, кому Вы отдались? Бр-р-р... Брюсову..." Адалис цинично-откровенно сообщала посторонним в Союзе поэтов: "Валерий пахнет финиками и козьим молоком..." Или что-то вроде»⁹.

Существует еще одна версия первой встречи Брюсова и Адалис¹⁰. Время их знакомства указывает сам Брюсов в стихотворении, посвященном Адалис:

В год третий после Октября,
В разгаре яростного лета,
Когда вечерняя заря
Жгла предвечерие рассвета;
В лесу безмолвном я бродил,
Где тени зыбко расплывались,
И тишь полночную будил
Веселым окликом: Адалис!¹¹

Одновременно с учебой, а позднее и с преподаванием в ВЛХИ (подробно о ВЛХИ см. прим.39). Адалис служит в Наркомпросе (1920-1925), в издательстве Большой Советской энциклопедии, а также является ректором и преподавателем поэтического техникума (II государственного техникума, или 2 Государственной профессионально-технической школы поэтики). Техникум был первым средним учебным заведением такого рода, и особенности эпохи определили характер его деятельности и его чрезвычайное своеобразие. Он размещался в двух комнатах большой коммунальной квартиры, которые в это время Адалис, по-видимому, снимала (кв. №1 в доме №24/27 по Садово-Кудринской ул.). Занятия техникума начались 15 октября 1921 г. Всего техникум просуществовал одно полугодие (1921/1922 г.). Среди преподавателей были С.М. Соловьев (греческий и латинский языки и семинарий по Брюсову), М.П. Малишевский (ритмика и метрика), В.Я. Брюсов (история русской литературы), П.Г. Антокольский (теория театра), Т.М. Левит (семинарий по Пушкину, практическая поэтика), А.Адалис (вольная композиция), А.И. Ромм (история поэтического языка), Я.О. Зунделевич (семинарий по Тютчеву).

⁹ РГАЛИ. Ф.273 /О.А. Мочалова/. Оп.3. Ед.хр.24. Л.6.

¹⁰ В.Шершеневич. Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910-1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С.462-464.

¹¹ В.Брюсов. Из неизданных стихотворений. // Литературное наследство. Т.85. М., 1976. С.56.

В РГАЛИ сохранилось письмо Адалис к Пастернаку с приглашением участвовать в работе техникума¹². Описание работы этого учебного заведения см. в воспоминаниях В.Фефера «Брюсов в "школе поэтики"»¹³.

В начале 1920-х годов Адалис принимает участие в поэтических вечерах, которыми была так насыщена в это время культурная жизнь Москвы. В.В. Фефер, учившийся сначала в поэтической школе (техникуме), а затем в ВЛХИ, посвятил несколько страниц своих мемуаров так называемым смотрам поэтических школ, которые проходили в Политехническом музее в сезон 1921/22 гг. В частности он подробно вспоминает один из этих смотров, на котором «Адалис сняла с себя ярлык "неоакмеистики" и заявила себя синтетисткой, очевидно, под влиянием недавнего выступления Брюсова в Союзе поэтов»¹⁴. Фефер имеет в виду выступление Брюсова этого периода, которые чуть позднее легли в основу его статьи «Синтетика поэзии», напечатанной в сборнике «Проблемы поэтики» (М.-Л., 1925), вышедшем под редакцией самого Брюсова.

Примерно в это же время Адалис является секретарем Всероссийского союза поэтов, о чем свидетельствует ее письмо к Андрею Белому, относящееся к началу 1920-х годов¹⁵.

В эти первые годы ее жизни в Москве происходит становление ее таланта. О.Мандельштам в своей статье «Литературная Москва» (1922 г.), сравнивая поэзию Цветаевой и Адалис, отдает явное предпочтение последней: «Безвкусица и историческая фальшь стихов Марины Цветаевой о России — лженародных и лжемосковских — неизмеримо ниже стихов Адалис, чей голос подчас достигает мужской силы и правды»¹⁶.

Смерть Брюсова переживалась Адалис не только как личная драма, она стала переломом на ее литературном пути. В 1925 она, по ее словам, переходит «на газетную работу», много ездит в качестве корреспондента «Нашей газеты», «Известий», «Правды» по Средней Азии и Закавказью. Именно в эти годы отмечен ее переход от поэзии к переводам, прозе и очеркам. В это же время она выходит замуж за И.В. Сергеева. У них рождается сын, затем дочь. Тем не менее, несмотря на явный отход от поэзии, ее первый поэтический сборник (А.Адалис. Власть. Стихи) выходит в Москве в 1934 году, и О.Мандельштам, который ее ценит достаточно высоко как поэта, публикует в Воронеже рецензию на ее стихи. В ней Мандельштам отмечает, прежде всего, ее поэтический метод, которым впоследствии Адалис продолжает пользоваться в своей работе очеркиста: «Прелесть стихов Адалис — почти осязаемая, почти зрительная — в том, что на них видно, как действительность, только проектируемая, только задуманная, только начертанная, набегаёт, наплывает на действительность, уже материальную... Сады, гитары и море Италии идут на опи-

¹² РГАЛИ. Ф.379. Оп.1. Ед.хр.31. Л.1 и об.

¹³ В.В. Фефер. Брюсов в «школе поэтики». // Литературное наследство. Т.85. М., 1976. С.813.

¹⁴ Там же. С.811.

¹⁵ РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.145. Л.1.

¹⁶ О.Мандельштам. Сочинения в 2-х тт. Т.2. М., 1990. С.276.

сание шахтерского городка, который возникает чуть южнее завода. /.../ Даже мысль о том, что лирическая работа совершается только поэтами, дика и чужда для Адалис. /.../ И вот Адалис всеми силами старается доказать, что за нее лирически думают и чувствуют все те, кого она называет товарищами, друзьями. /.../ Книга ее одновременно и гордая, и робкая — одна из первых ласточек социалистической лирики, избавляющей поэта, то есть лирически работающего конкретного человека, от хищнической эксплуатации чувств, снимающей с него ревнивую заботу о поддержании своей исключительности»¹⁷.

Следует отметить, что в 20-е и в начале 30-х годов Адалис находится в довольно близких отношениях с О.Э. и Н.Я. Мандельштамами, о чем свидетельствует тот факт, что среди немногих слушателей «Четвертой прозы» была и она¹⁸. Очевидно также, что эти отношения не были безоблачными, и в книге воспоминаний Н.Мандельштам, написанной много позднее, когда у нее была возможность эти отношения переосмыслить, дается подчас беспощадная характеристика Адалис и ее взаимоотношений с людьми¹⁹. Возможно, что причину этого можно искать не только в жесткости времени, но и в личных качествах Адалис, особенностях ее характера (см. также прим. №27 к настоящим письмам).

В 30-е, а затем в 40-е годы все больше времени Адалис уделяет поэтическому переводу. С этим связан эпизод, о котором упоминает О.Мочалова в своих мемуарах: «Дальше было много разговоров о переводе Адалис поэмы Турсун-заде "Индийская баллада"». Перевод был превосходный, превышающий текст автора. Турсун-заде получил за эту вещь звание лауреата. Но Адалис была права, когда в Союзе писателей отстаивала себе половину его премии. "Индийскую поэму" по-русски написала она. Адалис уже стала почтенным, признанным именем, именем автора многочисленных статей, переводчика республиканских поэтов, редактора переводных стихов, редактора прозы, в частности переизданного Чехова. Выходили и ее собственные сборники стихов. На одном из ее выступлений в Гослите с чтением новой книги ее назвали поэтом гражданского мужества. Ее поэтической тенденцией стало тогда отталкивание от личной лирики ради широких общественно-политических тем»²⁰.

В основном она переводила поэтов Средней Азии и Кавказа, тех регионов, которые она изучила, путешествуя там еще в качестве корреспондента центральных газет, где, благодаря этому, она имела подчас живые и дружеские связи с переводимыми авторами. В Государственном Литературном музее хранится письмо Адалис к Б.К. Губареву (1948 г.)²¹, ответ на читательское письмо, в котором Адалис говорит о своих сомне-

¹⁷ Подъём. Воронеж, 1935. №6; цит. по: О.Мандельштам. Сочинения в 2-х тт. Т.2. М., 1990. С.313-314.

¹⁸ См.: С.В. Василенко и Ю.Л. Фрейдин. О «Четвертой прозе» Осипа Мандельштама. // Родник. 1988. №6. С.27.

¹⁹ См.: Н.Мандельштам. Воспоминания. М., 1989. С.62, 287; Н.Мандельштам. Вторая книга. М., 1990. С.148-149.

²⁰ РГАЛИ. Ф.273 /О.А. Мочалова/. Оп.3. Ед.хр.24. Л.10.

²¹ ГЛМ. РОФ 9897/5. КП 55367/5. Ф.370. Оп.2. Ед.хр.5.

ниях в занятиях переводами, а также о своих творческих планах: «Все эти годы я очень много переводила с языков братских республик — так много, что ко мне стали относиться, как к хорошей переводчице, и мне стало трудней, чем прежде, печатать свои новые — непереводные стихи. Либо сама я стала писать хуже... И случилось не так давно, что несколько новых моих стихотворений приписали другому автору, нерусскому. Я о нем эти стихи написала, а вышло, будто я их перевела. Почему и как — рассказывать долго, скучно и нелегко. Доказать свое право и правоту я не сумела. Бывает всякое на свете. А помочь этому уже нельзя. Теперь Вы будете, вероятно, встречать в печати мои статьи, очерки, а стихи вряд ли. Переводить не хочется.

Но книги пришлю Вам непременно. А вот будут ли еще новые книги, после нее, — сомневаюсь. Так что Ваше письмо — может быть, последнее читательское письмо ко мне, а мое к Вам — последнее письмо поэта. Но это — не предмет для особого огорчения. Думаю я сейчас о том, как много знаний нужно молодежи, хочу заняться популяризацией всяких знаний — и литературных и философских и даже... географических, биологических и проч. Ведь я успела на своем веку много прочитать, много узнать и обдумать». В этом письме сквозит разочарование и одновременно желание найти выход из очередного кризиса, который она переживает. Те же ноты отчетливо слышны в написанном за три года до этого письме к И.Эренбургу (7.08.1945): «...я воображала — мне будет позволено писать, печатать свободные записки поэта. И когда этот детский расчет провалился, я трезво осознала себя вне печатной литературы: уступить и продолжать печатать только переводы — не могу»²².

В 60-е годы тем не менее вышли три книги ее стихотворений: Новый век. М., 1960. 103 с.; Города. М., 1962. 139 с.; До начала. Новые стихи. М., 1966. Смерть ее в 1969 году не имела большого резонанса.

Заключая биографию Адалис, хотелось бы привести слова О.А. Мочаловой, в которых дана оценка ее творчества: «Ранние стихи Адалис производили неопределенное впечатление поисков, перекрестных влияний, сумбурности. Но воспитанная на высоких образцах классической литературы, она выработала в себе требовательное отношение к художеству слова. /.../ На мой взгляд, три ее последних сборника стихов служат выражением высшей литературной школы.

Это мастерское овладение формой, взвешенность слов, предусматривающая все возражения, это тонкое острое перо в твердой руке. Молодой автор должен считаться с книгами Адалис, с высоким уровнем ее умения.

Стихи Адалис — игра интеллекта, остроумие, колкость, но также и холодность, неспособность увлечь, зажечь, глубоко взволновать. /.../ Думается, вольно или невольно, Адалис пошла на большой внутренний компромисс. Она слишком захотела быть человеком в ущерб фантастическому миру существ и сфер, который в ней жил. /.../ Мир ее игр мог быть остр и необычен. Злое вероломство, на которое она была способна,

²² РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.1190. Л.1-2.

в умной поэтической форме выиграло бы, оборотясь в дикие сказки. Адалис побоялась быть собой. Приближенный ей человек сообщил мне, что она была верующей, вопреки взятой на себя роли. Но верующая во что? Путей и перепутей здесь много»²³.

Литературная судьба адресата А. Адалис М. Шкапской при всех ее различиях с судьбой первой, тем не менее имеет с ней большое внутреннее сходство. Ее поэтическое творчество высоко ценилось М. Горьким и П. Флоренским, но она тоже, может быть, даже еще в большей степени, отходит от него и начинает заниматься газетной работой. «Замолчанной» называет ее в своей статье Б. Филиппов²⁴. Сама Шкапская, рассказывая о своем жизненном пути, осмысливая его, писала: «Писать о своей жизни — пожалуй труднее, чем прожить ее, особенно человеку, который всегда ощущал себя в руках собственной судьбы, а не ее в своих руках»²⁵.

В автобиографии Шкапская писала: «Родиться мне пришлось в Петербурге (3 октября 1891 г.) на Вознесенском проспекте петербуржанкой в четвертом поколении, старшей в многодетной семье маленького питерского чиновника Михаила Петровича Андреевского. Отец мой по мужской линии происхождения священническо-дворянского, по женской — крестьянского (бабка еще родилась крепостной), коренной русский без примесей. Мать чистокровная немка, дочь скрипача из оркестра Мариинского театра Адольфа Неймана и внука берлинского гончарного фабриканта Карла Гейнера.

Выросла в большой нищете в тех петербургских трущобах, о которых часто не знают многие, называющие себя петербуржцами — в районе Колтовских, Газовых и Сурских в непосредственной близости к общественной свалке городского мусора, которая для меня и других детишек местной бедноты была источником существования: там мы собирали щепки для отопления наших углов, консервные жестянки и тряпки для продажи тряпичникам. С 11-ти лет я уже на своих ногах. Отец сошел с ума, мать парализная, надо кормить семь человек. И кроме основной профессии тряпичницы — я статистка в украинской труппе по 1 рублю за выход, составительница прошений и писем на почте, в промежутках случайная переписка, стирка, поденщина. И наряду с этим страшная жажда учиться, трудное и беспорядочное прохождение гимназии (Петровской), из которой каждое полугодие собирались вышвырнуть как вредный и беспокорный элемент. Не выкинули — оказалась слишком способной — дали кончить. После гимназии — два года медицинского факультета. /.../ Еще в гимназические годы мы с мужем²⁶ участвовали в революционных, марксистских кружках. Впервые я была арестована в 1912 году, вторично в 1913 году была взята вместе с мужем по делу Витмеровской организации среднеучебных заведений. Муж был выслан админи-

²³ РГАЛИ. Ф.273 /О.А. Мочалова/. Оп.3. Ед.хр.24. Л.11-13.

²⁴ Б. Филиппов. О замолчанной. Несколько слов о поэзии Марии Шкапской. // Вестник РСХД. 1971. №100. С.273-280.

²⁵ РГАЛИ. Ф.2182. Ед. хр.673

²⁶ В 1910 вышла замуж за студента Г.Шкапского [Прим. М.Шкапской].

стративно в Повенецкий уезд, высылка была заменена нам выездом за границу. Наше дело имело большой общественный резонанс, был запрос в Гос[ударственную] Думу, о витмеровцах писал в свое время Ленин. Всем витмеровцам была московским филантропом Шаховым предоставлена заграничная стипендия, и мы с мужем имели возможность закончить образование во Франции, в Тулузе. Он инженер-электрик, у меня — право преподавания языка и литературы у нас и за "границей"²⁷. Кроме того, я прослушала один курс китайского языка в Школе восточных языков в Париже»²⁸.

В Париже состоялись первые литературные встречи: с Волошиным, Минским и Эренбургом. К этому времени относятся и первые публикации ее стихов в толстых журналах и корреспонденции в русские газеты.

«В 1916 году срок высылки истек, мы вернулись в Россию. Еще с 1910 года я начала печатать отдельные стихотворения в периодической прессе, по возвращении продолжила литературную работу и была разъездным корреспондентом петроградской газеты "День"».

В 1918-1919 гг. работала в Продовольственной управе в Петрограде по карточному снабжению города. В 1919-1920 гг. по этой же статистической линии работала в г.Новочеркасске (организация карточного снабжения сразу по приходе Красной Армии). В 1921-1923 гг. работала в Музейном отделе [Наркомпроса. — Публ.] в Петрограде, разъездным инструктором по принятию на госучет церковных и помещичьих ценностей. Лишь в 1923 г. перешла на чисто литературную работу»²⁹.

«В 1920 же году осенью в Петрограде возник Союз поэтов по инициативе В.Я. Брюсова, который уже создал московское отделение Союза. Нашим председателем был А.А. Блок, который проявил много энергии в смысле укрепления Союза в советском духе. Время было еще трудное, много сил отнимали у нас заботы, пайки, дрова и т.п. Александр Александрович часто со своей печальной улыбкой предостерегал нас от того, чтобы "мешки за спиной" не заслонили бы от нас благородного революционного смысла эпохи, о которой потом "веками будут слагаться легенды"³⁰.

«Меня приняли в Союз еще до выхода в свет первой книги стихов, я представила ее черновик комиссии под председательством Блока, была принята единогласно и введена в правление. Оставалась я в Союзе до конфликта Блока с Гумилевым, после которого Блок ушел из Союза, а за ним и многие из нас. В дальнейшем я уже входила в Союз писателей»³¹.

Любопытно, что на обороте заявления Шкапской о приеме ее в Союз поэтов от 20.07.1920 есть среди других рекомендации как Блока, так и Гумилева³². В разногласиях между Блоком и акмеистами, которые группировались вокруг Гумилева, Шкапская была на стороне Блока. «Только

²⁷ Шкапская закончила Faculté des Lettres pour les étrangers.

²⁸ РГАЛИ. Ф.2182 /М.М. Шкапская/. Оп.1. Ед.хр.157. Л.6-8, 31.

²⁹ Там же. Л.31.

³⁰ Там же. Л.35.

³¹ Там же.

³² РГАЛИ. Ф.2182. Оп.1. Ед.хр.140. Л.86.

много лет спустя поняла я, как много сделал для меня в то время Блок, почему так настойчиво предостерегал от Гумилева и всего того, что было связано с ним, как просто запретил мне войти в "Цех поэтов", где я собиралась совершенствоваться в теории стиха, как политически умно и верно направлял мою (да и всю работу Союза в целом) и как откровенно радовался, когда после организованного им, Блоком, моего совместного с ним выступления в Доме искусств Гумилев отказался подать мне руку за содержание одного из моих стихотворений»³³.

У Н.К. Чуковского есть несколько строк, посвященных М.Шкапской, в которых говорится также и о литературном салоне, который в 1924 году был у нее в доме: «Это была очень милая женщина, средних лет, писавшая стихи, жена инженера, мать двух прелестных мальчиков. Жила она на Петроградской стороне, и у нее тоже был литературный салон вроде наппельбаумовского, но поменьше, и посещали ее преимущественно литераторы, обитавшие на петроградской стороне. Среди частых ее посетителей были Н.С. Тихонов, живший на Зверинской, Ю.Н. Тынянов, живший на углу Большого и Введенской. Бывал у нее и В.А. Каверин — живший там же. Я зааживал к ней редко, потому что жил от Петроградской стороны далеко. По-видимому, я в тот раз пошел к ней только для того, чтобы послушать Волошина»³⁴.

В то же время, что и у Адалис, в 1925 году, происходит отход Шкапской от поэзии. «Между тем через несколько лет замкнутое существование в литературной среде перестало меня удовлетворять, не хватало притока жизненных впечатлений. Не удовлетворяли меня и мои стихи. Очень трудно в одном и том же жанре сразу найти новые формы, соответствующие новому, созревающему в тебе содержанию.

Поэтому с 1925 по 1932 год я опять перешла на очерковую работу. Семилетнее пребывание разъездным очеркистом в "Правде" и одновременно в ленинградской вечерней "Красной газете" снова позволило мне окунуться в жизнь. /.../ В результате этих поездок появились три моих больших книги художественных очерков»³⁵.

В 1932-1936 гг. Шкапская, по приглашению Горького, работает над историей завода им. Карла Маркса (бывший Лессер). В 1937 она в связи с работой мужа переезжает в Москву. В годы войны пишет очерки, после 1945 работает в изданиях Антифашистского комитета советских женщин, пишет для радио. Умерла Шкапская в сентябре 1952 года.

Сама Шкапская в конце жизни так оценивала свое поэтическое творчество: «Стихов сейчас больше не пишу — поэт я лирический, а нашей эпохе нужны иные, более суровые ноты. И потом кажется мне, что и поэт я ненастоящий, и в литературе такой же случайный человек, как и во всех других областях жизни»³⁶. Эта самооценка в какой-то мере переключается с оценкой творчества Адалис, данной Мочаловой.

³³ РГАЛИ. Ф.2182. Оп.1. Ед.хр.157. Л.35.

³⁴ Н.К. Чуковский. Литературные воспоминания. М., 1989. С.127.

³⁵ РГАЛИ. Ф.2182. Оп.1. Ед.хр.157. Л.35-36.

³⁶ Там же. Л.11.

Как уже говорилось, Шкапская чувствовала себя человеком, который «всегда ощущал себя в руках собственной судьбы, а не ее в своих руках». Очевидно такому мироощущению весьма способствовало время, в котором она жила. Следует упомянуть, что один из ее сыновей после войны был репрессирован и скорее всего погиб в лагере. Но, возвращаясь к Адалис и сравнивая этих двух женщин, мы находим весьма схожий с предыдущим психологический портрет Аделины Ефимовны, который дает ее муж, И.В. Сергеев, в письме к той же Шкапской от 6.02.1931: «...Вы правы, Ая неорганизованный, беспомощный человек и самое главное — без определенной цели. Генеральная линия Айиной жизни — линия наименьшего сопротивления»³⁷. Нам кажется, что это полное и точное определение ее характера со всей очевидностью выразилось в публикуемых письмах Адалис. Письма датированы 1924-1931 годами и как бы распадаются на две части, противопоставленные друг другу логически. Первая часть, письма, датированные 1924-1925 годами и посвященные взаимоотношениям с Брюсовым, по их мироощущению можно назвать, в какой-то мере, постсимволистскими. Но, взглядевшись пристальнее в их атмосферу, находишь, что все это только оболочка, под которой скрывается выхоленная сердцевина, что в конечном итоге выглядит пародией на символизм. Тем интересней следить за той резкой переменой образа жизни, взглядов, которые произошли в течение одного-двух лет и о которых мы читаем в последних четырех письмах, датированных 1929-1931 годами.

Письма А.Е. Адалис к М.М. Шкапской хранятся в РГАЛИ, ф.2182, оп.1, ед.хр.201, л.1-26, среди документов М.М. Шкапской. Кроме того, в других фондах довольно широко представлены художественные, публицистические произведения Адалис, рецензии на них, письма и др. Следует подчеркнуть, что отдельного фонда Адалис ни в РГАЛИ, ни в других архивах не сформировано. Письма относятся к малоизвестному периоду ее жизни, содержат информацию о литературном творчестве, насыщены автобиографическими подробностями. Все это позволяет рассматривать их в качестве нового содержательного источника о поэтессе и переводчице.

³⁷ РГАЛИ. Ф.2182 /Шкапская/. Оп.1. Ед.хр.466. Л.1-2 об.

29 или 30-го сего года
[зима 1924]

Я только что получила и прочитала Ваше письмо. Оно очень обрадовало меня, хотя «пламенный круг» — это страшно, к тому же я не понимаю таких слов. Мне кажется всегда, что достаточно одного слова, совсем не магического, одной улыбки, чтобы все предметы вернулись в свою скорлупу и все чувства в свои ножны.

Хотите слушать, дорогая, как я жила все это время? 3-и месяца я не оставалась сама собой ни на минуту. Во-первых, Борис¹, во-вторых, новая и ненужная приятельница, в-третьих, ... китаец Ма-лю-си с трубкой, лампочкой и опиумом. А в свободные полчаса — квартирная хозяйка. Ночью? — Вся компания ночевала у меня. Неделю тому назад я пожелала прекратить это и прекратила в один день. Бориса нет. Трубки нет. Опиум? Я глотаю его по чуть-чуточке ежедневно. Увы, привыкла.

Я не пишу. Я не пишу больше. Это ужасно. Может быть, я начну писать сегодня.

Мне кажется, что как в «Вильгельме Мейстере»² меня взялась проучить за что-то некая поучительная и разумная масонская ложа. He'las! В этой масонской ложе, очевидно, состоит всякая «издрянь», вроде Асеева³ и Брика⁴. Тихонов⁵ тоже там. Тихонов, по крайней мере, отказался печатать мои стихи в «Русском современном»⁶: неинтересны, мол. «Там» лучше знают. Что касается моих врагов, это просто мальчишка Кауричев⁷ и девчонки: Чалая⁸, Настя, Зубова⁹, Рукавишникова¹⁰, но они имеют влияние на аппарат Госиздата¹¹. А впрочем, все ерунда! Вы можете немножко помочь мне. Это просто и безболезненно. Мои стихи (9 шт[ук])¹² сейчас в Питере у Замятина¹³, Чуковского¹⁴ и Тихонова (он сегодня выезжает в Питер). Попросите Чуковского посмотреть мои стихи *скорее* и прислать обратно. Все равно не пойдут, а здесь в Москве попробую продать еще куда-нибудь. Там же «Карта полушарий»¹⁵.

Я охотно пришлю Вам свои новые стихи в одном из следующих писем. Только 5 стихотворений или 6, к сожалению. Сейчас лень. Поговорим о молодости. Это старая история. Ежедневно после обеда, чая или поцелуя я чувствую переизбыток этого качества. Что касается смерти, прошедшей мимо, Вы неправы. Но удивительно! С детства у меня такое чувство, будто самое страшное прошло мимо, и началось посмертное существование, где все к лучшему и все возможно! Подумайте об этом за меня, потому что мне самой думать об этом жутковато.

Собираюсь, кажется, попутешествовать это лето: Туркестан, Кавказ, Крым¹⁶. Наконец! Ведь с детства я хотела быть капитаном корабля или Ливингстоном¹⁷, и все мое развитие прошло под этим знаком. А в церкви я крестилась только за плавающих-путешествующих.

Но я влюблена, влюблена, как сумасшедшая, влюблена до упаду и безнадежно. Он и смотреть на меня не хочет. Наконец! Поволнуемся и помужествуем. Увидим, как чувствует себя Вертер¹⁸. Но и объект я выбрала! Милая! Соберите своих чад и домочадцев, чертяк, стихи, телефоны и шелковые чулки. Скажите им, что в Москве живет Леонардо-да-Винчи, заведующий Госиздатом Отто Шмидт¹⁹. Смейтесь, смейтесь, как бы мне не пришлось бежать от безнадежной любви в Калифорнию или Клондайк.

Только что я прервала письмо на целых два часа: ко мне пришел Борис Михайлович Зубакин. Он просит кланяться Вам. Дружба с Зубакиным меня очень утешает и радует, я его очень люблю.

Не дружите слишком с Ритой Райт²⁰, потому что она чрезвычайно хороший человек, настолько хороший, что может предать и огорчить. Это не парадокс и не злоязычие.

Насчет мертвого ребенка — правда²¹ (мне очень жаль разочаровывать Вас в своей серьезности), это прошло легко, прошло мимо, не задев ни души, ни тела.

А насчет страдальческой гримасы, пожалуй, правда, и тайна сия настолько же литературно напыщена в выражении, насколько проста.

Попробуйте понять возможно прозаичнее вот что: мое тело, несмотря на его мускулистость и гибкость, слишком слабо и дрябло для эмоций, которыми я одержима, а эмоции (душа то бишь) слишком дряблы и хрупки для напора интеллекта. Просто и неприятно. Весь ужас в том, что никак не могу дегенерировать понастоящему, согласно времени и общественным условиям. Ведь древняя и рыцарская кровь моей матери слишком хорошо соединилась с простолюдинской и к тому же еврейской кровью отца. Судите сами. Я изнемогаю от переизбытка жизненной силы, а к тридцати, тридцати пяти годам у меня будет, вероятно, артериосклероз или подагра.

Ах, у Вас, у матери, как долго я должна заслуживать прощения за то, что так легкомысленно отнеслась к «мертвому ребенку»? Но Вы сами, любимая, хотели узнать меня — расплачивайтесь.

Никому не заикайтесь о Шмидте. И так добрая четверть Москвы знает об этом и посмеивается.

Ура! Я буду сегодня писать стихи! Ощущаю «беспокойство, похожее на вдохновение». На Ваше ли письмо?

А почему бы Вам не приехать в Москву денька на три? Остановиться у меня? Почему нет? На этот вопрос Вы должны ответить. Мне хочется говорить с Вами громко, а «пламенный круг», он подождет. Он может стать за три дня отсутствия жертвы спасительным кругом.

Мария! Мне сейчас надоело думать о бесполой любви, поэтому не могу объяснить истории с Борисом. Всею свое время и панта рей (не умею написать по-гречески). Когда-нибудь расскажу много занятого по пунктам и повествовательно. Может быть, в следующем письме.

Теперь же я занята организацией подсознания у детей и народных масс и фрейдистской оппозицией Фрейду²² же. Ведь оппозиции всегда пользуются достижениями оппонированного. За каждое заседание получаю по три серебряника. За письменное предательство учителя — доклад — тридцать (sic!), служу в Госиздате (sic!²) — в Больш[ой] энциклопедии²³. Покупаю материал на платья, туфли и чулки, духи на вес, опиум и простоквашу с сахаром. Воистину дегенерировать трудно! Гуляю по Кузнецкому и нравлюсь иным из его аборигенов.

До свиданья. Кланяйтесь кому хотите.

Я люблю Вас.

Айя²⁴.

2

[апрель 1924]

Дорогая Марья Михайловна!

Вот Вам мое письмо. Ваше я получила дней 8 тому назад. Не могу сказать: обрадовалась ли я больше, сконфузилась ли! Я рада писать Вам и рада всяческим своим неприятностям, подвигнувшим меня, наконец, на письмо. Дело в том, что не будучи способной по своему характеру на бескорыстные (в духовном отношении!) поступки, вроде писания писем в равнодушном состоянии, я нуждалась в сильной эмоции. Она есть. Ур-ра! Борис уехал на одну неделю, один день, один час и одну минуту; со дня его отъезда прошло уже 2 1/2 недели. Во-вторых, мои отношения с московской литературной братией испорчены вконец Настенькой, которую Борис покинул и которая по недомыслию мстит за это мне. В результате синдикат что ли моих врагов поклялся закрыть мне доступ во все издательства и редакции, дабы выжить из Москвы.

Это отнюдь не экзальтация, это правда.

Госиздат отверг мою книжку стихов²⁵, найдя ее ... антихудожественной и слабой технически!!! Sic.

Дорогая! Если Вы уважаете меня, хотя бы немножко, *прекратите всякие заботы и вздохи* о моей книжке, ибо на Вас посыплются всевозможные неприятности, как они уже посыпались на Брюсова и профессора Гловенку²⁶. Баста! Надо писать и складывать в стол. Мое от меня не уйдет.

Что касается моей вины в этом новом скандале, она обидно невелика. То, что люди считают меня сплетницей и лгуньей, принимает вид рока. С первых лет гимназии, всегда. Вам одной говорю я это. Действительно, язык мой длинен и болтается²⁷, но до лжи, до злости, до садизма (?!) далеко. Вы сами понимаете, как далеко: просто нет дороги.

Я не знаю, чем объяснить все это. Завистью? Фи! Это достойно Привидения Большой Оперы, закулисных интриг и прочей отжившей ерунды. Непониманием толпы? Тоже стыдно немножко. Недалеко до жалоб графоманов: затирают молодое дарование. Чем же еще? Может быть, я действительно черт знает кто и не даю себе отчета в этом. Во всяком случае, Вы одна знаете о том, как сильно я огорчена. Ведь мне уже 24 года, и столько работы позади! И впереди столько жизни, молодости и работы, а не изданные книжки тормозят и лежат на плечах.

А дело было так: Настенька сделала предложение Борису; Борис, усталый от Сусанны Мар²⁸, согласился. Я радовалась, мечтая об утопических формах семьи. Постепенно выяснилось, что Борис идет на попятный. Я, признаться, сыграла в этом небольшую роль. Как всякая женщина, я, подрывновывая, ловко давала возможность Борису видеть Настины недостатки (женские). Брак, если это можно назвать браком, расстроился. Борис уверяет, что мыслил его и сначала, как житье-бытье не вместе, а рядом, в двух смежных комнатах. Я прибавляю — если квартира коридорной системы. Настя решила, что во всем виновата я. Она страшно самолюбива, страшно. Из самолюбия она рассказала знакомым, что вся история была моей постановочкой, что Борис сделал предложение, а не она, чтобы посмеяться, что я играла им и ею, как марионетками. Я хвалю тех людей, которые возмутились. Не поверить ей нельзя. Как можно не поверить хмурому и молчаливому человеку?

Вы видите, как я взволнована? Я не могу пользоваться эпистолярным стилем и расписывать по нотам мою московскую жизнь. Черт! Черт! Черт!

А с Борисом у меня странно: не то роман, не то нет. Я пишу

хорошие любовные заклинания, сильные. Посылаю ему очаровательнейшие письма. Вы не поверите после подобного письма, но это так. «И грим иногда бывает полезен».

Перед отъездом он сделал мне предложение и декларацию в любви. Но вместо себя посылает телеграммы: «Приеду завтра», «приеду понедельник», «приеду четверг». Ничего не понимаю.

Я пишу не дома. Я в веселой компании. Только что я узнала, что могу быть счастлива, по крайней мере, с Борисом. Узнала от женщины, которая его любила. Она говорит: «Он не мужчина». Вы понимаете. Какое поле для любовных построений, какой мир полудуховных удовольствий. А? Все мое следующее письмо к Вам я посвящу истолкованию этих странных и неестественных (на первый взгляд и по синтаксической небрежности) восторгов. Кроме того, это значит, что я могу сохранить обоих — Валерия и Бориса. А может быть, еще кого-нибудь и еще кого-нибудь? Я органически не умею выбирать, заменять, ни изменять. Я хочу всего и много. Кажется, я способна вместить много. А не способна — погибну, только и всего.

Что касается рока, он у меня двуликий. И второе лицо его исполнено лукавейшей доброты. Обходить препятствия он мне помогал всегда до сих пор. Обходить препятствия и быть совершенно счастливой, как дура, как барашек, где-то на стороне. Итак, я не бросаюсь в прорубь. Оригинальный проект памятника зимней бедной Лизе: разреженным зимним воздухом Москва-река сохраняется в мерзлом состоянии. Прорубь хранит свою девственную форму. Memento mori! Здесь погребена Çi gît. Но мне не дают кончать письмо. Они дерутся. Меня угощают морфием или вином — на выбор — не хочу ни того, ни другого.

До свидания. Целую нежно. Всегда Ваша Адалис.

P.S. Кланяйтесь Рите Райт и Fimousseчке.

3

[май 1924]

Курьез!

Это письмо написано месяца полтора тому назад. Обстоятельства с тех пор переменились очень мало, чувства — очень и очень. Новые стихи, новые любви, пасха, 1 мая и т.д. Посылаю устаревшее письмо и сажусь писать новое.

Почему так легко писать письма и так невозможно ходить на почту?

Но я очень люблю Вас и очень помню.

Всегда Ваша Адалис.

[май 1924]

Дорогой друг Мария!

Я пишу Вам и сержусь оттого, что завтра письмо должно еще полежать на моем столе (праздник, и почта закрыта).

Что сказать о себе? Я занимаюсь завоеванием Германии²⁹, и солнце Аустерлица жарит немилосердно. 30° жары; приехал Чуковский, он очень мил, Тихонов тоже (!!); я получила деньги в «Современнике»³⁰ и купила *dépilatoire*, чего своим врагам не желаю: кожу дерет, а волосы не вылезают.

А Германия? А? Величественная страна!

Kolossal! Wunderbar! Unmöglich!

Она не поддается. Она изредка подкатывает меня на автомобиле — и это все. Но я люблю ее. Итак, Deutschland über alles.

Я начала с того, что написала трагедию: «Тысяча и одна Вальпургиева ночь»³¹, где Фауст — он, а я — Шехерезада-Гретхен. И сказав, что ее написала группа Мандельштамов, подстроила так, что он получил ее. Она очень смешная и злая, повествует о Госиздате, Энциклопедии и многом другом. Говорят, он был очень доволен. Во вторник я увижу его, вероятно, на заседании. Решительно, этот Tiergarten, заросший собственной бородой, пленил меня!

Теперь о романтике: говорят теософы и оккультисты, этот год под знаком Венеры, и я чувствую это на себе. Люблю, как тысяча испанцев. Во-первых, Валерия, во-вторых, Tiergarten. Моя нежность к В[алерию] переходит границы. Не обращайтесь внимания на шуточный тон, это у меня зубы точатся со времени «Вальпургиевой ночи». Моя комната заряжена любовью, как электричеством. Печальные гитаро- и лютнеобразные стихи льются, как вино. Духи, помады, пудры, *dépilatoire*, валерьянка, цитронанилин, напоминающий своим названием нежнейший из музыкальных инструментов, чернильницы, высохшие, как горла умирающих соловьев. Гафизы выстроились на моем столе. Белые, как лед, и палевые чуть-чуть, как fleur d'orange, блузки перекинута через спинки стульев, как убитые лебеди и бекасы через плечо охотника. Лампочка для опиума, еще недавно священная, валяется в углу радиатора в варварском вкусе. Статьи для энциклопедии шелестят на окне, как платаны и вязы. И среди всей этой пышности я, умирающая и простирающая к Вам голые руки!

Я люблю двоих (признаться, Валер[ия] покрепче, как и следовало ожидать). Адски занимательно! Увы! Моя германофилия, кажется, безнадежна. опишите: кто его друзья в заграничном

представительстве?! Что именно Вы привозили ему?! И т.д. и т.д.

Я окончательно бросила опиум, поэтому чувствую себя очень плохо (он ведь вырабатывает в крови какие-то токсины). Пожалуйста меня.

Не Вы ли виной тому, что «Современник»³² купил у меня стихи? Напишите правду.

Простите мне всю эту мешанину из Саади³³, Верлена³⁴, Вербицкой³⁵ (бр... бр...), жары, Госиздата и Адалис! Ах, да, еще из токсин и антитоксин опия. Если бы не они, я выдумала бы что-нибудь хорошее.

Большая просьба к Вам сообщить адреса видных, но более или менее молодых, петроградских писателей, дабы они могли получить такую же повестку, какую Вы только что вытащили из конверта вместе с этим взбесившимся письмом. Если Вам трудно сделать это (адреса), то не надо, если легко, сделайте *непрерывно*. Главным образом, адреса тех, кто начинается на буквы А, Б, В, Г. Потом и всех остальных. Ахматову³⁶ тоже. Если Вы не соберетесь, напишите мне адрес Вагинова³⁷: на то он и юноша, чтобы делать такие вещи. А Ваш *curriculum vitae* пришлите, как можно скорей.

Я хочу получить длинное письмо, очень длинное. Если получу, напишу еще длиннее и пришлю стихи.

Любящая Айя Адалис.

P.S. Умоляю! Срочно выслать любовное заклинание!!

А.А.

Радиограмма №13.

На плохой бумаге пишу для скорейшего эффекта и сочувствия. Серьезно, пришлите мне его непременно в следующем письме.

А.А.

5

25 октября 1924 г.

Маричка!

Не могу не ответить Вам, хотя это трудно. Мне страшно хочется видеть Вас и рассказать Вам все. Разговариваю я так же как прежде, смеюсь и острою. Уже пишу стихи.

Плакала я только до тех пор, пока он не умер³⁸. На вторую ночь я осталась одна с ним в зале института³⁹ (это была ночь 10-го, на которую у нас было назначено свидание). Я читала ему Пушкина и целовала его: свидание, так свидание.

Говорят, слух функционирует 45 часов после смерти, значит, он слышал.

Хороший, позитивный материализм дает человеку необычайное спокойствие, ясновиденье и веру в бессмертие. Я любила атомы — атомы существуют. А дух — игрушка, пар и не его жалеть. Мне только хочется поскорее «с прахом прах соединить». Выбираю медленное самоубийство, года на четыре, три.

Остальное устно. Поговорим о Западной Европе⁴⁰ и ее гибели. Я влюблена в нее по-прежнему. Она необычайно почтительна. Что-то будет? Хотя... Она все-таки очень суха и, вообще, как ахматовские герои... Сейчас я больна, а она не навещает. Хочу наслаждений! Боже мой, жить осталось так мало (это твердо решено). В цивилизованных странах висельнику дают ужин, вино и женщину. Я тоже хочу.

В остальном я стала чем-то вроде святой (веселой и легкой святой) от материализма. Экстазы, которые Вы предсказывали, я уже знаю — они будут через год, через два. А я-то не верила. Я иногда прорываюсь за черту (это интеллектуальное, трезвое, острое состояние), на оккультные штуки не похоже.

Постараюсь писать хорошие стихи. Вероятно, скоро приеду погостить: я должна рассказать Вам о последних днях и стихах В[алерия] Я[ковлевича].

До свидания. Люблю Вас.
Айя.

6

11 февраля 1925 г.

Дорогая! Милая!

Можно быть холодным, рассудочным, погрязшим в недоразумениях человеком, но писать письма столь подчеркнуто равно и двоедушные нельзя! Вопросы? Я не отвечала на них, потому что автографа, кроме множества писем, у меня нет, а перед смертью я В[алерия] Я[ковлевича] не видала; мне было стыдно признаться в этом. Стыдно, не знаю почему и за кого.

Живу внешне по-прежнему, если не считать занятий биологией: должна же я знать, как чувствует себя В[алерий] Я[ковлевич]. Меня беспокоит, что его мозг заспиртован, не знаю, приятно ли так полумертвой природе. Не считайте это сумасшествием! *Nonny soit qui mal у pense* — это диалектический материализм. Скоро от биологии перейду к химии и кристаллографии.

Люблю его совсем так, как прежде; привычка не видеть его также создает любовный комплекс, как привычка видеть. Стихи пишу. Работаю хорошо.

Обзавелась юношей. Будучи красивым донельзя, дельцом и меценатом по натуре и без пяти (нет, уже без двух) минут моим любовником, он развлекает мои вечера, и с ним хорошо, хотя не очень. За последние дни он испортился: требует брака и грозит чуть ли не самоубийством. Мне становится тягостно; может быть выйду замуж — жить-то ведь осталось недолго, а стихам, энциклопедии и двухтомным призракам это не помешает.

Получив Ваше письмо, я уложила саквояж и собралась на вокзал, но чичисбей мой отложил на завтра (ехать, мол, иначе как в международном, не может, а деньги задержались); водил меня за нос два дня, и теперь невозможно бросить службу. Досадно до слез. Мариечка! Может быть, мы выедем в субботу, а обратно в понедельник, остановимся в Европейской. Оставьте эти дни свободными для меня. Во всяком случае, если я не приеду, ждите томика стихов к будущему вторнику и, знаете что, родная, я отдам Вам одно из писем, только маленькое и незначительное, конечно.

Шагинян⁴¹, если правда ей немного интересно, предупредите, что пришлю и что кроме того приглашают ее работать в энциклопедии по восточной литературе, о чем пишу подробно, лишь только дадите мне ее адрес.

В Москве мне везет, начинает везти на славу. Даже смешно немножко и жаль, что В[алерий] Я[ковлевич] не дождался: ему дико хотелось этого.

Вам могу дать денежный заказ. Скоро юбилей (400 лет) крестьянских войн на Западе. Пишите сценарий или поэму. Пьесу можно, но хуже. Рублей 500-700. Постараюсь провести. Можете расспросить меня подробно, если беретесь писать.

Писала я Макс⁴². Не ответил чегой-то. Коктебельцев⁴³ выдаю редко. Крепко ли Вы меня разлюбили или на время? Жду письма.

Целую.

Адалис.

7

[октябрь 1925]

Мариечка!

Не пишу потому, что не о чем хорошем писать: очень скучно без Валерия Яковлевича.

Стихи новые есть, много, лень переписывать. Вероятно, приеду на праздники в Питер. Вышел сборник «Поэтика» с моей статьей⁴⁴. Если вдуматься, статья очень ничего, при беглом прочете — никуда не годится. Вышла «Россия» с моими стихами⁴⁵. Много стихов я продала и для следующих номеров⁴⁶.

Служу, учено-секретарствую⁴⁷, делаю бешеную карьеру — забавно.

Германию вижу ежедневно: ее сместили⁴⁸, и осталась она только у нас в энциклопедии. Сидит в соседней комнате и разговаривает по телефону. Статуя Афины Паллады⁴⁹ (Паллада Макропигос, по примеру Венеры Каллипигос) приходит в гости к ней и ко всей энциклопедии. Неприятно! Сейчас Пал[лада] Макропигийская принесла елку (!!!), Германия явится следом за ней в комнату, где я сижу.

Не явилась. Понимаете, Мариечка, я все еще влюблена. Неужели, «я из рода бедных Азров»?⁵⁰ и прочая пакость? Что мне делать? Безвкусица невероятная.

Могу рассказать об еще большей безвкусице: у одной из своих обожательниц (такие развелись в Москве) я потребовала подарить мне револьвер. Сегодня она принесет сломанный. Положу для пышности в письменный стол. Nonny soi qui mal y pense.

Я влюблена. Самое ужасное, что любовь эта «поэтична» в прямом и худшем смысле слова. «На узкой лестнице замедленные встречи» — раз, «и загадочных, древних ликов на меня поглядели очи»⁵¹ — два. До Ахматовой дошла. Довели. Умираю. «Я из рода бедных Азров». Похороните меня в белых цветах и так далее.

А говоря серьезно, опять-таки я влюблена. Он — нет. Как же быть-то? Быть-то как же? Я думаю пойти на последнее: написать ему холодное, суровое, разумное и логичное письмо на тему... что по зрелом размышлении о своей жизни, я мол, решила иметь ребенка; и, обсудив положение, выбрала для продолжения рода именно его, Германию. Какой великолепный скандал может выйти! — это в худшем случае, а в лучшем — я сделаю аборт... или не сделаю его. Ваше мнение об этой затее?

Решительно, я приеду в Питер. Удерживают меня от этого следующие соображения: придется ехать одной — Одоевского-то⁵² нет! Ехать одной — значит думать все время о последней поездке с В[алерием] Я[ковлевичем]. Могу ехать с институтом⁵³, но тогда меня заставят выступить на вечере памяти В[алерия] Я[ковлевича]. Не хочу. Не удобно. Если все эти соображения уладятся — я через три дня у Вас. Если нет — пишите много и подробно.

Меня очень беспокоит Ваше здоровье, напишите об этом тоже.

Получаю письма от Макса, никак не могу ответить и досажую на себя. Шенгели⁵⁴ почти не выдаю теперь. Дружна очень с Шервинским⁵⁵.

Живу у себя дома, курю опиум — нашла прелестного китайского боя, приходят разные люди. Спать одна в комнате не могу. Неужели никогда не смогу? Иногда мне кажется, что В[алерий] Я[ковлевич] еще выздоровеет. Заверить могу, что печаль от времени не утихает; и почему принято думать, что утихает, — не пойму.

Пожелайте мне сильно и страстно вот чего: вступить на германскую территорию. (Заканчиваю письмо, как Наполеон).

До свидания. Целую.

Айя.

8

[зима 1929]

Моя дорогая!

Я не помню, были ли мы достаточно близки для того, чтобы я могла Вам писать обо всем том, о чем собираюсь писать. Допустим, были.

Сначала официальная часть.

Я стихов не пишу теперь: те, что Вы читали — старые стихи. Я пишу статьи, очерки и большую повесть⁵⁶. Я езжу по белу, верней, по красну свету. По крайней мере ездила до прошлого года. Моя зона — Средняя Азия и Закавказье: не то Закавказье, где персики, а то, где пустыня и Баку — Джульфинский Хаос. У нас с Вами, говорят, одна литературная судьба.

У меня сын⁵⁷, ему два года. Маленький, очень толстый, очень своевольный, очень плакатный сын, будто бы даже красивый. Отец моего сына Иван Владимирович⁵⁸ (Вы его знаете: длинный и в пенснэ, тоже красивый). Я живу с Ив[аном] Влад[имировичем] и сейчас, живу очень несчастливо.

Кроме того, занимаюсь совсем особым делом: постройкой социалистического быта на территории полутора квадратных верст с населением в 7.000 человек и 2.000 детей: мне даден 3-ий замоскворецкий рабочий городок. Это, конечно, главное после сына.

Какие же тут стихи? Не хватает времени и животного тепла. Работаю постоянно в «Революции и культуре»⁵⁹. Выпустила книжку среднего достоинства «Песчаный поход»⁶⁰. Где напечатаю повесть — не знаю⁶¹. Буду ли ездить — не знаю, но не ездить уже не могу. Совсем не могу. Сейчас 22° мороза, а мне мерещится Туркмения и электрофикация всего отрезка от Иски — Чарджуя до Бердхы. (Знаете ли эти места?) А сильный мороз, как сильный зной — по виду.

Как Вы устраиваетесь с детьми, когда ездите? Впрочем, это уже неофициальная часть. Так как же Вы устраиваетесь с детьми? Как мне устроиться? Можно ли ездить с сыном? На это *обязательно* ответьте в своем письме. Я представляла себе, что буду таскать за собой няньку, потому что я в уходе за детьми, как мужчина, как отец; и отца, потому что сынишка привязан к нему. Это дикое зрелище. И вдобавок, я мать очень беспокойная, всего сумасшедше боюсь: scarлатины, кори, землетрясений, микробов — всего, кроме простуды. Научите меня.

Теперь немножко о другом. Милая, я живу чудовишно. Я живу среди страшных и безумных людей, которые ненавидят меня страшной и убийственной ненавистью за... «безбожие», за «коммунизм», за открытые форточки зимой; за то, что сынишка говорит: «Ленин», за то, что он не крещен; за то, что по-моему, scarлатина — от заразы, а не от судьбы; за то, что я работаю ночью; за то, что мой отец — еврей; за то, что я «странная какая-то»; за то, что у меня нет хорошей шубы. Я живу с человеком, который хохочет, когда его сына учат говорить, что «коммунисты — воры»; и учит его сам говорить: «Айя — дура», «Айя, убирайся вон». Я дала бы выколоть себе один глаз, привить туберкулез, я согласилась бы голодать весь остаток жизни, чтобы этот человек мирно ушел от меня. И сын любит его больше, чем меня, не может быть долго без него, потому что я, как мать-хозяйка, мать-няня, никуда не гожусь. Я умею только любить сына до смерти и зарабатывать для него деньги, а тетешкать и нянчить я не могу.

Я живу в комнате за кухней, без отдельного хода даже. Своей жилплощади у меня до сих пор нет, несмотря на то, что мне «даден» целый городок новых корпусов. Я живу, снимаю комнату, в чужой семье, и нянька сына — из этой семьи. И иначе быть не может, пока я живу со своим мужем.

Вот пишу и дивлюсь. Милая, несмотря на большую работу, на дикую волю к счастью, я страшно опустилась, обленилась, ослабла. Я сижу в чужой кухне, у чугунной печки, сижу часами и курю папиросу за папиросой. По кухне бродят эти «страшные и темные люди», готовят обед, разговаривают, а я сижу. У меня нет силы уйти на работу или гулять; а из комнаты я сделала, в сущности, детскую сына.

Пелось в русских песнях о злой свекрови, о золовках злых, о муже — «темнее ночи». Так я и живу. Ведь свекровь — всего-навсего квартирная хозяйка, а золовки — ее дочери, служащие в учреждениях и... выходящие замуж с приданым и по сватовству. Но так мы живем, по чужим семьям, обдирающим за угол, как

за дворец, издевающимся, презирающим мещанским семьям, которые сдруживаются с мужем «темнее ночи», а мне колют глаза за то, что «захотела жить по-новому». Как это вышло, Маруся? Как это могло случиться?

А Валерия Яковлевича тот, с кем я живу, обзывает матерными, нечеловеческими словами.

Хорошо, конечно, было бы умереть, но как вырастет Володька? И, кроме того, не хочется умирать.

Бытовое и очерковое письмо вышло, однако! Вот, что значит перейти на прозу.

Теперь о литературе. О литературе могу писать одно: сложись моя жизнь чуть-чуть человечнее, чуть-чуть лучше, как бы я писала теперь? В повести есть у меня замечательные куски, удивительные планы, а не хватает сил сделать прозу ровно-прекрасной. Просто не хватает сил. Когда надо работать, ложусь спать; когда разрешается какая-нибудь сцена в повести, случается скандал дома, слезы, брань — все такое. Это жаль. Выйдет, должно быть, неровная и туманная повесть. Уходят рабочие дни, рабочие ночи, тратится энергия, забывается, что хотелось сказать; и из листов десяти готово всего три, три с половиной. Да и те были лучше «сквозь магический кристалл»⁶².

Время уходит страшно, непоправимо. И я боюсь, что случайно как-нибудь умру, знаете почему? Потому, что я никогда не слыхала о такой жизни, как моя. Потому что моя жизнь как-то не в порядке вещей, а вещи любят порядок. И среда, в которой мне приходится существовать, вытолкнет, наконец, мою жизнь, противную ей, как инородное тело. Прямо с работы я попадаю в среду оголтелых мещан.

Мне очень, очень хотелось бы видеть Вас. Площадка Вашей лестницы, Ваши комнаты, Ваши Алтай и Север, Ваши вещи (мебель, книги, одежда), Ваше место работы (не знаю, где), Ваши рукописи, ребятишки представляются мне светлыми и блестящими. Такая ли Вы, как были? Полная и легкая, как длинные воздушные шары, которые называются «колбасками»? У Ваших мальчишек узкие, косоватые, зеленые глаза? Что делают люди, которые у Вас бывали? Уедете ли Вы ранней весной, вероятно, очень далеко?

Милая, в следующем письме я расскажу Вам про такую автономную Нахичеванскую республику и про город Нахчеван (Нахичевань) на Араксе. Об этом и моя повесть⁶³. Обязательно напомните мне об этом Вам написать, а если Вам можно, побывайте там. Это на самой границе с Персией, где Джульфа, погранпосты, контрабанда и в военном поселке заготовлено аккуратное

кладбище «для товарищей, погибших на посту». Впрочем, обо всем этом в другой раз и много.

А еще я хочу Вам рассказать про Памир (районы бывшей Восточной Бухары — Дарваз, Роушан, Шугнан). И еще про Туркмению, где зной железный и белый, как мороз, а верблюды червонно красного цвета. А еще про наманганское землетрясение много чего и много чего про города Тебриз (Тавриз) и Мешид (Мешкад) в Персии.

Две строки зачеркнуты. Зачеркивать невежливо, но о том, что я зачеркнула, тоже напишу.

А пока, до свидания. Письмо перечитывать не буду, а то еще, чего доброго, не отправлю. Это было бы ужасно, если учесть мою лень и способность делать интервалы между письмами в три года. Я хочу сказать, что собиралась бы писать другое письмо, исправленное, дополненное и сокращенное, очень долго. Лучше уж начну новую переписку с Вами (старая оборвалась, кажется, в 26-м году?) именно с этого, может быть, неприлично откровенного письма.

До свидания, дорогая.

Мой адрес: Москва, Большая Серпуховская ул., д.38, кв.15.

Ваша Айя.

9

[1929]

Дорогая!

Письмо получила. К Бахам⁶⁴ не пойду. То, что Вы пишете о поэтах, ко мне не относится: перестало относиться тотчас же после смерти Валерия Яковлевича. Я и богема — это не совместимо до конца.

Я боюсь людей, которые живут искусством, и презираю их, как кастратов, как когда-то презирал крестьянин актеров. Может быть, презрение — это сильно сказано: надо быть очень твердым и большим человеком, чтобы презирать. Говоря просто, я их ненавижу. Бах — ученый — это мне импонирует, но Бах или дочь Баха — собиратели нечестных и сумасшедших людей — это не менее страшно, чем какие-нибудь «Никитинские субботники»⁶⁵.

Я боюсь и мне противно. А жаль. Мне очень хотелось бы подышать «чистым воздухом», которого, несомненно, у Бахов очень много; но вряд ли они раздадут его поэтам. Курица — не птица, артист — не человек.

Что случилось вслед за Вашим письмом? Ах, да, мне надо было провести антирелигиозную кампанию в рабочем городке. Про-

вела. Тогда жизнь дома стала совсем невозможной. Случайно у Володьки⁶⁶ нарвал палец на ноге и сделался жар. Все ходили и говорили, что бог наказал меня. Это была «нечаянная радость» для верующих христиан и даже евреев (в квартирах на моей лестнице). Потом у нас в квартире закричали, что у него скарлатина, и потребовали отправки в заразную больницу. На другой день все прошло. «Велико долготерпение бога», — воскликнула нянька. Омерзительнее и ужаснее всего — лицемерная жалость, «мягкость», высокомерное сочувствие этих людей к «наказанному богом». Если у Володьки будет хотя бы насморк, его обязательно отправят в скарлатинозный барак, то есть, конечно, захотят отправить. Знаете ли Вы любимую поговорку Брюсова: «лицемерие христианской культуры»?

Но рождестве, к счастью, прошло. Может быть, меня оставят в покое. Хотя вряд ли: предстоит неделя кооперации. Тяжело жить, Маруся! Я хотела бы устроиться в доме-коммуне⁶⁷, но у меня нет сил добиваться этого. Если я надолго уйду из дому, волнуясь за Володьку.

Таких людей, как мой муж, не выморозит никакой Октябрь. Мой муж — вполне и глубоко советский человек. Он общественник. Я не могу понять, почему он не вступает в партию. Вот как обстоит дело. Он просто жесток и глуп. К жестокости и глупости присоединяется неврастения, не простая советская неврастения, а дворянская хандра. По происхождению он, что называется, классовый враг. Это безнадежно. То, что можно Чичерину⁶⁸, того нельзя Ивану⁶⁹, да еще дураку.

Он обожает ребенка, заботится о нем больше, чем я; но он ближе к людям типа нашей квартирной хозяйки, чем ко мне. Они лучше понимают друг друга, у них больше ассоциаций. Она — бывший деревенский кулак; он — сын бывшего миллионера, председателя инженерного съезда, шахтовладельца. Да будут они прокляты, Маруся, классовые враги.

Он верен мне, он не сходится ни с одной женщиной; ему очень трудно с кем-нибудь сойтись: он не любит открывать свое подсознательное лицо, а без этого в любви нельзя. Ведь он, вдобавок, сентиментален.

Маруся, как мне быть? Как я могу умереть, бросить Володьку? Вы говорите о любви к детям; мне кажется, что в мире нет материнской любви, равной моей. Это, конечно, только кажется. Или, может быть, Володька так уж хорош сам по себе. Что он очень хорош, говорят все от консультаций и врачей до прохожих на улицах. Вероятно ли, чтобы он выжил? Бывает ли такое счастье?

Боюсь все-таки, что мне придется как-нибудь при случае решиться на самоубийство. Сделайте тогда, Маруся, что-нибудь для моего сына. Не бросайте его без присмотра среди чужих и страшных людей. Вы добрый и умный товарищ.

Простите, что я пишу только о себе. Два года, Маруся, два года я ни с кем не говорила откровенно. Ясно, что тороплюсь выговориться. А молчала я два года потому, что с товарищами по работе говорить о личных делах не могу — все равно никто не поможет.

Смешно это — попасть в без году тридцать лет в положение комсомолки, которую надо «спасать», к которой надо «чутко относиться», как пишут молодежные журналы. Если буду жива, Маруся, буду писать Вам впредь не о своих личных делах, а о чем-нибудь более интересном, вроде вопросов литературы, философии и всякой метафизики. Если жива не буду, вспомните о моем мальчишке.

Хуже всего то, что все способы самоубийства связаны с хлопотами. Маленькая иллюстрация к моей хозяйственной беспомощности: не знаю, как завязывают петлю. Нет по-моему человека, который не умеет повеситься. Дичь! На нашем языке это называется «мелкобуржуазное воспитание». Оно делает женщин удивительно неприспособленными.

Почему, Маруся, бережно собирают железный лом, грузят на телеги, грузовики; лом заживет новой жизнью, ему помогут, а человек должен валяться там, где валяется; или же встать и пойти сам, без посторонней помощи? Человеку помочь — невозможно.

Ну, пока, всего. Это последнее «личное» письмо. Мне становится совестно.

Ваша Айя.

10

19 декабря 1930 г.

Дорогая Марья Михайловна!

В письме ничего не расскажешь. Мне пришлось сейчас (в эту зиму) слишком круто, вывернуться одна не могу. Разрешите мне приехать на два-три дня к Вам в Ленинград, быть может, там мне легче будет ориентироваться и устроить своего сына.

Недели три тому назад я родила еще девочку, очень хорошую, она не у меня, а в институте младенца на Солянке⁷⁰, так как у меня нет квартиры.

В Москве нет даже номеров в гостиницах, в Ленинграде, говорят, есть. Хоть несколько дней передышки! Пишите по адресу: Москва, Главный почтамт (Мясницкая), до востребования, Адалис.

Мне очень не хочется жить в Москве, не могу больше. Как Вы думаете, Маруся: если в Ленинграде негде жить, может быть, можно жить в деревнях под Ленинградом? Искать в Москве мне до смерти опротивело, и нет больше сил. Если же мне негде будет жить, муж заберет у меня мальчика и испакостит его; либо же мальчик должен замерзнуть на улице со мной вместе! В письме не расскажешь. Разрешите перебыть у Вас два-три дня⁷¹. Пишите до востребования, жду.

Адалис.

11

6 января 1931 г.

Дорогая!

Ваше письмо лежало на почтамте очень, очень долго. Я не могла зайти за ним: жизнь моя, так сказать, не поддавалась описанию, а конкретно — я не могла ни на минуту оставить мальчонку. Спасибо.

Если решу остаться жить, приеду в течение ближайших трех-пяти дней. Нигде в мире не нашла, как выражается Володька, «нашего домика», то есть места, где можно спокойно постелить для него постельку и расставить на полу игрушки. Нигде — от Алма-Ата до станции Шилово б[ывшей] Рязанск[ой] губ[ернии]. Космический жилкризис и потрясающая беспомощность.

С Ваней разошлась. Крошка живет и будет жить в «Показат[ельном] инстит[уте] наблюдения за ранним возрастом». Мальчик у меня. Все расскажу устно: страшно сложно, бесчеловечно и тяжело. Для меня сейчас мысль о Вас и Ленинграде, как жизнь сначала. Ночью обдумаю: в силах ли начать и, если да, еду. Долгий-долгий срок в три дня для сбора вещей со всех концов Москвы — самого необходимого.

Мысль о смерти — чисто рассудочная, без склонности к самоубийству и с огромным насилием над собой. Если бы я могла рассказать Вам все, стало бы страшно легко и ясно, но писать слишком длинно, а таскать измученного мальчишку только ради разговора — ужасно.

Если приеду, то приеду начинать жить.

Маруся, я приеду. Привет Рите, и помогите мне.

До чего трудно писать усталому человеку! Если бы можно было поговорить! Но я приеду. Не может быть, чтобы отдохнув

часок и хорошо подумав, я логически решила умереть. Вероятно, это усталость говорит, а не ясный разум.

Что касается скарлатины, то всегда боялась ее и боюсь, как готовенькой смерти (не столько скарлатины, сколько того, что его отвезут в заразную больницу и оставят без меня), но не сейчас же мне пристало бояться проблематичной скарлатины.

Я приеду, если останусь жива, на этих же днях. Остаться живой очень хочу, хотя измучилась, как, наверно, никто из людей, которых Вы знаете, знали когда-либо или будете знать.

Спасибо. Айя.

Письмо взяла только сегодня днем. Мой адрес, если хотите еще что-нибудь успеть написать: Москва, Мясницкий проезд, д.2, кв.15. Зубному врачу Евгении Филипповне Куниной для Адалис.

Здесь очень славные приятели, но очень слабые, совсем беспомощные и больные, приютили нас на несколько дней.

До свидания.

А.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зубакин Борис Михайлович (1894-1937?), поэт-импровизатор, археолог, по словам М.Горького, «кажется, бывший архиерей или что-нибудь в этом роде» (см. письмо Горького Валентине Ходасевич из Сорренто от 2.08.1927; цит. по: Вал. Ходасевич. Таким я знала Горького.// Новый мир, 1968. №3. С.46). Являлся инициатором возрождения в России масонского ордена розенкрейцеров, в котором носил сан епископа Богори II (одним из членов ордена была А.И. Цветаева). Был близок к Брюсову и его окружению. По свидетельству И.Н. Розанова, 15 ноября 1924 года на заседании «Никитинских субботников», посвященном памяти Брюсова, где выступали с воспоминаниями о поэте С.В. Шувалов, И.Н. Розанов, Л.П. Гроссман, а также читали стихи, посвященные памяти поэта, Вера Клюева, В.Кириллов, И.А. Новиков, — с чтением стихов выступал и Б.М. Зубакин (см.: И.Н. Розанов. Встречи с Брюсовым.// Литературное наследство. Т.85. М., 1976. С.760). В конце 1920-х был арестован по делу, о котором упоминает в своих воспоминаниях В.Т. Шаламов (см.: журн. «Юность». 1987. №11-12, сокр. вариант). Можно предположить, что «мистические» ассоциации Адалис, упоминаемые в этом письме, возникли на почве ее общения с Б.М. Зубакиным.

² Имеются в виду романы И.В. Гете (1749-1832) «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795-1796) и «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1821-1829).

³ Асеев Николай Николаевич (1889-1963), поэт, автор стихотворных сборников, агитационных стихотворений (совместно с Маяковским), стихов для детей, воспоминаний и путевых записок.

⁴ Брик Осип Максимович (1888-1945), стиховед, теоретик литературы, писатель, драматург.

⁵ Тихонов Алексей Николаевич (псевд. А.Серебров, Н.Серебров, 1880-1956), писатель, заведующий изд-вом «Всемирная литература», позже работал в изд-вах «Круг» и «Academia». По профессии А.Н. Тихонов был инженер-горняк. Любопытный «сравнительный» портрет «доброе друга всей ее жизни» периода 1920-х годов дает Рина Зеленая: «Внешне он был похож на Замятина — писателя, в те годы сразу завоевавшего известность и любовь читателей. Оба одеты с элегантною простотой, не с иголки, примерно одного роста, с одинаковой манерой говорить, спокойно держаться. Стоя рядом, они совсем не были похожи, но их путали всегда и все» (Р.Зеленая. Разрозненные страницы. М., 1981. С.39). См. о нем также прим.6.

⁶ «Русский современник» (1924), литературно-художественный журнал. Всего вышло четыре книги в Ленинграде и Москве. Ведущая роль в редакции принадлежала Е.И. Замятину и А.Н. Тихонову. Членами редколлегии кроме них значились: М.Горький (практически не участвовал), К.И. Чуковский, А.М. Эфрос.

⁷ Кауричев Николай Сергеевич (1899-1937), писатель, окончил ВЛХИ. Репрессирован.

⁸ Вероятно, имеется в виду Чаяла Зинаида Акимовна (наст. фамилия Антонова, ум. 1971), писательница. Комиссар 1-го «железного» стрелкового полка в гражданскую войну. После войны в драматургии работала над темой революции. Автор книг «Проблемы театра у Дидро» и «Антон Серов» (о летчике).

⁹ Лица неустановленные.

¹⁰ Рукавишникова Нина Сергеевна, жена поэта И.С. Рукавишника (1877-1930). В начале 1920-х заведовала секцией ТЕО НКП. Юность ее прошла в передвижном цирке, откуда богатый Рукавишников увез ее шестнадцатилетнюю в свое имение на Волге. «Высокая, статная, черноволосая голова на короткой шее, длинные серые глаза, опущенные густыми ресницами. На широком лице большой рот и странная улыбка» (Э.Шуб. Крупным планом. М., 1959. С.43). Возможно, была знакома с Адалис еще до ее приезда в Москву, так как, по свидетельству В.Шершеневича, «долгие годы Рукавишников был женат на какой-то брюнетке, купеческой дочери из Одессы» (см.: Вадим Шершеневич. — В кн.: Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С.453-454).

¹¹ Государственное издательство РСФСР (Госиздат), первое книжное государственное издательство в России, созданное по инициативе Горь-

кого и Луначарского в 1919. Первым руководителем был В.В. Воровский, в 1921-24 — О.Ю. Шмидт. С 1921 после реорганизации Госиздат объединил крупнейшие советские издательства. Поскольку А.В. Луначарский, бывший наркомом просвещения, находился в дружеских отношениях с четой Рукавишниковых и был частым гостем этой семьи, утверждение Адалис небеспочвенно.

¹² В №4 за 1924 год «Русского современника» было опубликовано два стихотворения А.Е. Адалис: «Смерть» («И человек пустился в тишину...») и «Поэт» («То было под сенью всяких ботинок...»).

¹³ Замятин Евгений Иванович (1884-1937), писатель, с 1932 в эмиграции. См. также прим.6.

¹⁴ Чуковский Корней Иванович (наст. имя: Корнейчуков Николай Васильевич, 1882-1969), писатель, детский поэт, литературовед, переводчик, критик.

¹⁵ Произведение с таким названием в печати не появлялось.

¹⁶ Летом 1924 Адалис жила в доме Волошина в Коктебеле, где в это же лето жили В.М. Инбер, Е.Л. Ланн, А.П. Остроумова-Лебедева, В.Я. Парнах, Е.Г. Полонская, С.М. Соловьев, Н.К. Чуковский, Г.А. Шенгели, С.В. Шервинский, М.М. Шкапская, а также Брюсов и А.Белый, принимавшие активное участие в праздновании именин М.А. Волошина 17 августа. А.Белый в письме к Р.В. Иванову-Разумнику от 8 декабря 1924, вспоминая о коктейльском лете, писал, что застал там множество гостей, среди которых перечислял Адалис, Брюсова и Шкапскую, а говоря о Брюсове, отмечал: «Он был очень хил: ходил, опираясь на палку, и кашлял, но был примиренный и тихий, какой-то грустящий, точно он примирялся с миром, с писателями...»

¹⁷ Ливингстон Давид (1813-1973), английский путешественник, исследователь Африки, автор книг «Путешествия и исследования миссионера в Южной Африке» (Лондон, 1857) и «Последние дневники Давида Ливингстона по Центральной Африке» (1874).

¹⁸ Имеется в виду герой романа И.В. Гете «Страдания юного Вертера» (1773-1786).

¹⁹ Шмидт Отто Юльевич (1891-1956), ученый-математик, астроном, геофизик, путешественник, вице-президент Академии наук, государственный деятель. В 1913 закончил физико-математический ф-т Киевского ун-та. В 1916 опубликована его магистерская диссертация «Абстрактная теория групп», которая до сего дня считается одной из лучших работ по классической алгебре. Сразу после октября 1917 Шмидт начал работу в Наркомпроде, потом в Наркомфине, а с 1920 — в Наркомпросе. В этот период он сблизился с А.В. Луначарским. В 1921-1924 был директором Госиздата, в 1924-1941 — главным редактором БСЭ. В писательской среде Шмидт пользовался большим уважением, круг его интересов был связан с музыкой, живописью, театром (был членом художественных советов

Камерного театра и Театра им. Е.Б. Вахтангова). Алиса Георгиевна Коонен, актриса Камерного театра, писала о нем: «Отто Юльевич Шмидт был одним из тех людей, которого, если посчастливилось с ним встретиться, не забудешь. Он обладал даром притягивать к себе сердца, людей тянуло к нему. В самом его облике, в умных глазах, в открытой улыбке, в широких точных жестах было огромное обаяние... В театре его очень любили, вернее, были влюблены в него» (А.Коонен. Страницы жизни. М., 1975. С.370). В 1930-е имя Шмидта стало легендарным, приобрело мировую известность, с ним связаны такие события, как подвиг челюскинцев, походы ледоколов «Седов» и «Сибиряков», организация станции «Северный полюс-1» на дрейфующей льдине.

²⁰ Рита Райт (наст. имя Раиса Яковлевна, по мужу — Ковалева, 1898-1989), писательница, переводчик, автор воспоминаний о Маяковском, Пастернаке, Ахматовой. Закончила ВЛХИ.

²¹ На этот счет существует свидетельство О.Мочаловой в ее воспоминаниях «Литературные спутники»: «В эти годы Адалис ходила беременная ребенком Брюсова. С циничной откровенностью описывала состояние зародыша внутри себя. Предавалась наркотикам. Ребенок родился мертвым» (РГАЛИ. Ф.273 /О.А. Мочалова/. Оп.3. Ед.хр.24. Л.7).

²² Фрейд Зигмунд (1856-1939), австрийский врач-психиатр и психолог, основатель психоанализа.

²³ В 1925 по постановлению ЦИК СССР от 13.02.1925 было начато издание Большой Советской энциклопедии, которое было осуществлено в 1926-1947 в 66 томах.

²⁴ По свидетельству О.Мочаловой, это уменьшительное имя обязано своим существованием ей (см. воспоминания Мочаловой «Литературные спутники» — РГАЛИ. Ф.273. Оп.3. Ед.хр.24. Л.7).

²⁵ Первая книга стихов Адалис вышла в 1934 (А.Е. Адалис. Власть. Стихи. М., «Советский писатель», 1934. 67 с.).

²⁶ В тексте, вероятно, описка. Очевидно, имеется в виду Гливенко Иван Иванович, профессор Московского ун-та по романской филологии, заведующий Главнаукой Наркомпроса. В 1922 был привлечен к работе по составлению однотомного словаря современного русского языка, задуманного Брюсовым, в качестве руководителя.

²⁷ Подобная самооценка подтверждается и следующим свидетельством О.Мочаловой: «Рассказывали, что в институте она организовала издательское общество, которое провоцировало влюбленных, расстраивало дружеские отношения, оклеветывало. Но она имела большое влияние на окружающих» (РГАЛИ. Там же. Л.7). См. также далее по тексту письма.

²⁸ Мар Сусанна Георгиевна (наст. фамилия Чалхушьян, 1900-1965), поэтесса, переводчик. В 1920-1921 примыкала к группе «ничеговоков».

²⁹ Имеется в виду О.Ю. Шмидт.

³⁰ См. прим.6.

³¹ Судьба этого шуточного произведения неизвестна.

³² См. прим.6.

³³ Саади (наст. имя Муслихаддин Абу Мухаммед Абдаллах, между 1203 и 1210-1292), персидский поэт, прозаик, мыслитель.

³⁴ Верлен Поль (1844-1896), французский поэт-символист.

³⁵ Вербицкая Анастасия Алексеевна (1861-1928), писательница. Основные темы произведений: проблемы семьи, отношения между полами.

³⁶ Ахматова Анна Андреевна (наст. фамилия Горенко, 1889-1965), поэт.

³⁷ Вагинов Константин Константинович (Вагенгейм, 1899-1934), поэт, писатель. В 1920 демобилизован из армии. В начале 1920-х стал членом «Цеха поэтов», «Звучащей раковины», группы «Островитяне», затем — «Союза поэтов». В 1921 посещал семинар поэзии Дома искусств, которым руководил Гумилев (см.: Н. Чуковский. Что я помню о Блоке.// Новый мир. 1967. №2. С.231). По оценке того же Н.Чуковского: «К.К. Вагинов был один из самых умных, добрых и благородных людей, которых я встречал в своей жизни» (Н.К. Чуковский. Литературные воспоминания. М., 1989. С.179), «его все полюбили, да и нельзя было его не полюбить: такой он был мягкий, деликатный, вежливый, скромный и внимательный к каждому человеку» (там же, с.185). Очевидно, именно в силу этих качеств, а совсем не его возраста Адалис предполагала, что Вагинов выполнит ее возможную просьбу.

³⁸ В.Я. Брюсов умер 9 октября 1924 года.

³⁹ Высший литературно-художественный институт (1921-1925), учебное заведение, созданное по инициативе и стараниями В.Я. Брюсова, который был первым ректором института. Брюсов считал, что талантливых молодых людей следует обучать «технике словесного искусства». Институту подготовлено около 90 выпускников, среди них: Д.Алтаузен, Е.Благинина, А.Гершензон, М.Голодный, В.Наседкин, М.Светлов и др. Институт действовал недолго, на его основе (сразу же после его закрытия) возникли Высшие государственные литературные курсы и Институт живого слова с аналогичными задачами. После смерти Брюсова ин-ту было присвоено его имя. Брюсов был одновременно и одним из преподавателей института: читал лекции и вел семинарские занятия. Вот некоторые их темы: «Античная литература», «Энциклопедия стиха», «Латинский язык в связи с общим языкознанием» и др. Адалис была сначала студенткой ВЛХИ (до 1923), а потом преподавала там теорию поэзии, вела семинар по футуризму, пушкинский семинар. Выпускница ВЛХИ журналистка Е.Б. Рафальская вспоминала о своем поступлении в институт: «За сто-

лом [приемной комиссии. — *Публ.*] посредине комнаты сидело человек 6-7. Среди них я сразу узнала Брюсова по портретам. ... Рядом с Брюсовым сидела молодая женщина с прекрасными серыми глазами и высоким лбом, но с очень ее портившей некрасивой нижней частью лица. Это была Адалис, не то еще студентка, не то уже ассистентка Брюсова, его, кажется, последняя любовь» (Е.Б. Рафальская. Из окна поезда жизни. Воспоминания. — РГАЛИ. Ф.1329).

⁴⁰ Имеется в виду О.Ю. Шмидт.

⁴¹ Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888-1982), писательница, критик.

⁴² Волошин Максимиллиан Александрович (Кириенко-Волошин, 1877-1932), поэт, критик, художник, переводчик. Знакомство Адалис с Волошиным относится к январю-апрелю 1919, когда последний находился в Одессе и участвовал в деятельности союзов искусства. В дальнейшем известны их встречи в марте 1924 в Москве, когда Волошин приезжает за получением у наркома просвещения А.В. Луначарского разрешения на создание в коктебельском доме бесплатного дома отдыха для писателей, а также летом того же года в Коктебеле, где Адалис вместе с другими писателями жила в его доме.

⁴³ См. прим.16.

⁴⁴ А.Е. Адалис. Второй план. — В кн.: Проблемы поэтики. М.-Л., 1925. С.81-94.

⁴⁵ А.Е. Адалис. «Четверть века приходит к концу...» Стихотворение. // *Россия*. 1925. №4. С.100.

⁴⁶ В журнале «Россия» стихи А.Е. Адалис больше не публиковались.

⁴⁷ Очевидно, имеется в виду работа в Наркомпросе и Всероссийском Союзе поэтов.

⁴⁸ О.Ю. Шмидт работал в Госиздате до 1924 г.

⁴⁹ Лицо неустановленное.

⁵⁰ Строка из стихотворения Г.Гейне «Азр» (1846, из сборника «Романцero». 1851), источником которого послужила книга Стендаля «О любви» (1822). Корни сюжета восходят к арабскому поэту Ибн-Аби-Адглату (ум. 1375).

⁵¹ Строки из стихотворения «Как велит простая учтивость...» (3-я часть стихотворения «Смятение». 1919) из книги Ахматовой «Четки» (1914).

⁵² Лицо неустановленное.

⁵³ См. прим.39.

⁵⁴ Шенгели Георгий Аркадьевич (1894-1956), поэт, переводчик, литературовед. В Москве с начала 1922. Читал лекции в ВЛХИ. В 1925-1927 был

председателем Всероссийского союза поэтов, сменив на этом посту В.Я. Брюсова. Работал редактором в Гослитиздате, сотрудничал в БСЭ, составляя и рецензируя статьи по поэтике. Летом 1924 жил в Коктебеле у Волошина.

⁵⁵ Шервинский Сергей Васильевич (1892-1991), писатель, переводчик. Летом 1924 жил в Коктебеле у Волошина.

⁵⁶ А.Е. Адалис. Страна, встающая из развалин. [Нахич. АССР]. Смена. №16.

⁵⁷ Сергеев Владимир Иванович (р.1927), писатель, переводчик, поэт, сын Адалис и И.В. Сергеева.

⁵⁸ Сергеев Иван Владимирович (1880-1964), писатель. Закончил военное училище, позже преподавал черчение в школе, работал электриком. Совместно с Адалис ездил в Среднюю Азию. После поездки появилась кн.: И.В. Сергеев, А.Е. Адалис. Абджет хевез хютти. Роман приключений. М.-Л., 1927. 224 с., о которой в воспоминаниях О.Мочаловой есть отзыв: «Книга умная, искусная, но не из тех, какие берутся в жизнь» (РГАЛИ. Ф.273. Оп.3. Ед.хр.24. Л.1-13).

⁵⁹ В течение 1929 Адалис опубликовала в журнале «Революция и культура» следующие статьи и рассказы: «Люмпен-пролетариат на окраине (Письмо из Коканда)» (№9/10), «Вопросы хурджума» (№12), «О клубной работе на Востоке» (№15), «О качестве комментария» (№17), «Без призора» (№18), «О кухарке, которая не управляет государством» (№19/20), «Детские технические станции» (№23/24).

⁶⁰ А.Е. Адалис. Песчаный поход. Очерки. М., Федерация. 1929. 135 с.

⁶¹ См. прим.56.

⁶² Строка из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина (гл.8, строфа L).

⁶³ См. прим.56.

⁶⁴ Имеется в виду Бах Алексей Николаевич (1857-1946), ученый, основатель школы советских биохимиков, действ. член АН СССР с 1929. Участвовал в народовольческом движении, с 1885 по 1917 жил в эмиграции, в июне 1917 с семьей вернулся в Москву; его жена, Бах Александра Александровна, а также одна из дочерей — Ирина Алексеевна Бах-Балаховская, которая вместе с мужем до 1925 жила в Париже, затем по приглашению родителей вернулась в Москву и осталась там с семьей. Обладая большими административными и материальными возможностями (Бах руководил в это время Биохимическим ин-том), семья Бахов часто и охотно помогала нуждающимся. Так, в марте 1920 ими была фактически спасена В.Н. Фигнер, погибавшая без средств в провинции. А.А. Бах нашла ее в критическом состоянии и перевезла в Москву.

⁶⁵ «Никитинские субботники» — московское литературное объединение, организованное и возглавляемое с 1914 Никитиной Евдоксией Федоровной (1895-1971). Первоначальное название — «Литературные суббот-

ники» (до 1921). На протяжении более полувека существования «Никитинских субботников» Е.Ф. Никитина собирала рукописи, автографы, портреты и др. материалы, относящиеся к истории русской и советской литературы, и в 1957 передала их в дар государству. В 1968 «Никитинские субботники» стали филиалом Государственного Литературного музея, а Е.Ф. Никитина — заведующей и хранителем. При «Никитинских субботниках» существовало издательство с одноименным названием.

⁶⁶ См. прим.57.

⁶⁷ Так называемые дома-коммуны, или дома — рабочие коммуны, являлись одним из первых опытов революционного преобразования быта. В таких домах управление, а частично и обслуживание переходило в руки общественности. Как правило, жильцами подобных коммун являлись рабочие, иногда другие слои населения, лояльно настроенные по отношению к революции. Первым в Москве и, очевидно, в стране домом-коммуной стал дом Эльпит-Рабкоммуны (Большая Садовая ул., д.10), описанный М.Булгаковым в его рассказах и в романе «Мастер и Маргарита».

⁶⁸ Чичерин Георгий Васильевич (1872-1936), государственный и партийный деятель, по происхождению дворянин.

⁶⁹ См. прим.58.

⁷⁰ Показательный институт наблюдения за ранним возрастом.

⁷¹ О переезде в Ленинград см. письмо И.В. Сергеева к М.М. Шкапской от 6 февраля 1931 (РГАЛИ. Ф.2182 /М.М. Шкапская/. Оп.1. Ед.хр.466. Л.1-2 об.).

ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
МАРГИНАЛИИ

А.И. Оношкович-Яцына

ДНЕВНИК 1919-1927

Публикация Н.К. Телетовой

Этот дневник вела поэтесса. Первая тетрадь начата в 16 лет, последняя — семнадцатая, обрывается за месяц до 32-летия автора. А всего она прожила неполные 40 лет. Ее смерть — 18 октября 1935 года — при всей трагической нелепости (на воле от тифа) видится из будущих десятилетий как логичная: она завершает многолетние связи Ады Ивановны с близкими друзьями, арестованными и выбывшими в начале 30-х годов из ее биографии, а вскоре и совсем из жизни.

Поэты Мария Никитична Рыжкина и Михаил Дмитриевич Бронников, постоянное общение с которыми облегчало голод и холод 1920-1922, вошли в жизнь Ады Ивановны в то время, когда старый круг гимназических подруг и товарищей ее братьев — лицейстов и пажей — не только разомкнулся, но и почти полностью исчез. Одни погибли на войне 1914 года — Сталь, Игорь Вадимович Энгельгардт, другие эмигрировали — среди них «сиамский близнец» Ады — Маруся Обух-Вошатынская, братья Витусь и Янусь Стравинские.

В безвестность начало погружаться и имя Ады Ивановны, лишь скудные сведения «Краткой литературной энциклопедии» напомнили имя поэтессы и переводчицы, указав датой ее появления на свет 7 января 1897, хотя родилась она 6 января 1896. Наиболее живучая ассоциация связывала ее имя с Киплингом — в 1922, а затем в 1936 вышли ее переводы, обратившие на себя внимание читателей.

Дневники ее не были известны до последнего времени, когда сын Ады Ивановны решил вернуть память матери, ее друзей и времени. Параллельно с этим в Отделе рукописей РНБ обнаружилась одна тетрадь дневника М.Н. Рыжкиной конца 1920 — начала 1921¹. Их совместная публикация восстанавливает давно умолкнувший диалог двух подруг-поэтесс.

Знатная польско-литовская семья Ады Ивановны появилась в Петербурге, видимо, в 1863, когда дед поэтессы Феликс Антонович Оношкович-Яцына, женившись на русской Олимпиаде Васильевне Орловой, покинул Литву для службы в столице Российской империи. В Петербурге Фе-

¹ Ф.1000. Оп.2. №1187.

ликс Антонович имел отличный пятиэтажный дом. Инициалы хозяина («Ф.О.») до сих пор сохранились на фронтоне (Крюков канал, 7, против колокольни Никольского собора). Здесь в основном и жили его потомки.

Одним из пяти сыновей Феликса Антоновича был Иван Феликсович (1843-1913), к концу жизни — действительный тайный советник, председатель Общества помощи пострадавшим в русско-японской войне солдатам и их семьям, председатель Народного общества трезвости в Стрельне, управляющий делами Александровского комитета о раненых, член Ученого комитета Министерства народного просвещения, с 1912 — гласный Санкт-Петербургской городской Думы.

Комитет помощи располагался на Кирочной, 2, а казенная квартира, где он жил с начала XX века, находилась в доме рядом — Кирочная, 4.

Женился И.Ф. в 1890 на Станиславе Иосифовне Висьмонт (1863-1927), изящной польке, несколько деспотичного нрава. У них было трое сыновей и дочь — Ада Ивановна, или, правильнее, Олимпиада Ивановна, окрещенная в честь бабушки, умершей за год до появления внучки.

Братья Ады учились в привилегированных заведениях. Старший — Сергей (р. 1893) — в Лицее, который закончил в предпоследнем выпуске (май 1916), второй — Николай (1898-1918) — в Пажеском корпусе (выпуск — февраль 1917), младший — Иван (Джон, р. 1901) — учился в гимназии, собираясь сдать экзамены в Лицей. Но шел уже 1916 год, и план не реализовался. Сама Ада с золотой медалью закончила в 1913 гимназию Л.С. Таганцевой и вскоре стала сестрой милосердия: началась Первая мировая война.

В доме Оношковицей, помимо слуг, жили гувернантка и подруга Ады — Зозо (полное имя неизвестно), бонна — маленькая немочка из Гапсалы, которую на русский лад называли Мария Ивановна (с прочным прозвищем Ниби или Нибелунги), воспитатель мальчиков Вильгельм Адольфович Лаубе (называемый Ласточка). Упоминается в дневниках и управитель дома в Петербурге и имения Кикенки вблизи Стрельны — Мариан Пашкевич, из небогатой польской шляхты.

После смерти Ивана Феликсовича его вдова с детьми переселилась в дом деда на Крюковом канале. Впоследствии (конец 1917 — 1918) старший брат Ады Сергей оказался в эмиграции, и Оношковицы получали письма вначале из Парижа, затем — из Индокитая. В 1918 от тифа умирает Николай, а в мае 1921 последние родные Ады Ивановны — мать и брат Джон — покидают Петроград, отправляясь в литовское семейное поместье Двервецы близ Россиен (ныне Расейнай).

Сама Ада Ивановна остается в Петрограде. С весны 1920 она занимается в студии М.Л. Лозинского при Доме Искусств. 15 октября 1922 выходит замуж за Евгения Евгеньевича Шведе (1890-1977), моряка, преподавателя Военно-морской академии. 22.03.1924 у них рождается сын Николай.

Безмятежная, рассеянная жизнь — гости, танцы, театры, поездки за город, путешествия в Новгород и Крым, а каждым летом на дачу, сожаления о разлуке с родными — на этой ноте обрывается последняя тетрадь дневника. Утеряны последние страницы. Следующие тетради уничтожены. Аресты, обыски, допросы, начинаются, по-видимому, в 1931, когда

уволен из Публичной библиотеки муж Рыжкиной Петерсен. Арестован в 1932 Бронников и отправлен на Беломорканал. Вскоре из города высылается и Рыжкина...

Что записывала с 1928, что замарывала густой черной краской Ада Ивановна, чтобы вскоре и вовсе уничтожить целые тетради своих записей? Сама ли она уничтожала их или — после ее смерти — муж, Евгений Евгеньевич? Этого мы не знаем. Содержат лакуны и тетради ранних лет, и публикуемые ныне и охватывающие события между 1919 и 1927. Первая густая краска появляется в тетради №5, где речь идет о случайном соседе на торжественном обеде² — Александре Павловиче Кутепове (1882-1930):

9 ноября 1916 г.

Обед у Макшеевых. Мой кавалер слева — [Кутепов] с черной короткой бородкой, живыми, умными, слегка татарскими глазами, гладко стриженной головой, энергичный и сильный. Сразу приходит на ум: Стенька Разин. Справа какой-то солидный полковник.

— Я бы хотела ярких событий в жизни, чтоб было что вспомнить на старости лет, но что сделаешь против судьбы?

— Все-таки можно отчасти подчинить ее себе! — отвечает Кутепов. — Вы хотите событий? Удирайте во Владивосток!

— Чтоб меня вернули по этапу?

— А что ж? Вот Вам и приключение!

— Не чересчур интересное. /.../

— Выпьем за то, чтоб до 8 ч. вечера 8 ноября 1917 года Вы бы испытали много интересного, оригинального. Вот, например, ново: сделайте кому-нибудь сами предложение. Мне однажды сделали такое предложение: я даже индюшку под стол уронил!

Вдруг мой сосед справа обращается ко мне:

— Вы не находите, что у него [Кутепова] тип Пугачева? Он бы хладнокровно утопил княжну в Волге.

— По-моему, это было дело рук Разина, — шепчу я [Кутепову].

— Я тоже думаю! — отвечает он, смеясь.

Что? Обед уже кончен? Играет трио.

— [Кутепов] удрал, не простившись, — сообщает Оля³.

Ну, конец, теперь скука, — думаю я.

Фамилия «соседа слева» вымарана, но в одной фразе она, незамеченная автором, сохранилась, благодаря чему мы и узнаем, что это Кутепов.

Эта пятая тетрадь и далее подвергается вивисекции; запись от 1 марта 1917 (страница 340) обрывается, а затем в тетрадь на место последних листов, вкладываются странички другого формата, с укрупненными буквами, при помощи которых делается конспект первоначальной записи. Он занимает 6 листочков и охватывает события с 1 марта по 22 июня 1917.

Шестая тетрадь — безмятежное плавание по Волге (24.06.1917-28.08.1917), почти без упоминания событий исторического лета. Тетрадь

² В доме генерал-лейтенанта профессора Федора Андреевича Макшеева.

³ Дочь хозяина дома, подруга А.О.

оборвана на полуфразе — на записи петроградских впечатлений августа 1917.

Тетради №7 нет. Причина утраты записей за конец 1917 и весь 1918 год — по-видимому, страх. Тетрадь №8 (1919 год) погружает нас в атмосферу холода и недоедания, которые уже стали чем-то почти естественным. Эта тетрадь и две последующих — целы. Они охватывают период с марта 1919 по август 1921. Здесь: служба Ады Ивановны в некоем Петроснабе Райкомлеса на Б.Морской, 33, в качестве той канцелярской единицы, название которой выработало время, — «сов. барышня». И здесь, как в гимназические годы, а затем в пору службы сестрой милосердия, вокруг Ады вихрится живая и даже веселая жизнь. Тому способствует наука флирта, усвоенная ею в ранней юности: цветы от тайнственного поклонника — «Синей птицы»; стихи, ей посвященные; бесчисленные диалоги, как бы любовные, но и презрительно-равнодушные со стороны Ады Ивановны. Крещенная в православие и не знавшая языка своих предков, она, тем не менее, унаследовала от них способность танцевать до упаду, легко воспламенять воображение мужчин и подчинять своему обаянию женщин. Этому уделено досадно много страниц, наполненных именами товарищей всех трех братьев, затем попутчиков в путешествии по Волге, позже — сотрудников по службе. Пробуждение личности ощущается в записях 1920 года. Этому, видимо, способствует начало занятий (с 13 марта) в студии М.Л. Лозинского. Тетрадь №10 завершается записью 27 августа 1921.

Одиночество Ады Ивановны в Петрограде конца 1921 и всего 1922 вызвало особый приток дневниковых записей — целые три тетради менее чем за полтора года. На эти месяцы падают и многие важнейшие события в ее жизни: поездка в сентябре 1921 с Лозинским в дом творчества Холомки на Псковщину (бывшее имение кн. Гагариных), где они общались с художниками В.Милашевским и М.Добужинским; почти открытое признание М.Л. его отношений с А.О. в Петрограде, когда 10 ноября они вместе появляются в доме Николая Эрнестовича и Эльзы Яковлевны Радловых на годовщину их свадьбы, подписывая вдвоем шуточные стихи:

...В мороз, для многих неудобный
И жгучий, как одеколон,
Явились литератор сдобный
И поэтесса на поклон.

Они пришли из Рукавички
В невероятнейший из дней,
Когда, забыв свои привычки,
Барон, при множестве огней,
Справлял на занятые пички
Девятилетний юбилей.

Девятка! Символ тайн священных!
Девятка! Счастье игрока,
Число заветов для блаженных,
Селедок в год на едока.

Здесь же, на юбилее в доме Радловых, Ада Ивановна познакомилась с супругами Шведе. В январе 1922 происходит какой-то публичный эпизод выяснения кто кому кем приходится, завершившийся для Лозинского болезнью, а для Ады Ивановны — разрывом и уходом к другому человеку — Е.Е. Шведе. События начала 1922 Н.Н. Берберова назовет в своих мемуарах «шницлеровским хороводом», когда «в воздухе чувствовалась цепь романов, сломанных браков, новых соединений»⁴.

В атмосфере Дома Искусств, действительно, происходит «хоровод»: от Е.Е. Шведе уходит жена Надежда Константиновна к художнику Н.Э. Радлову. К жене Радлова Эльзе Яковлевне равнодушен Н.Оцуп. Она скоро умрет, а Оцуп уедет за границу. Его жена уходит к моряку Васильеву. Много времени спустя оставленная мужем Ольга Константиновна Васильева станет четвертой женой овдовевшего Шведе. При этом дружеские отношения продолжают связывать и бывших супругов и бывших любовников. Постоянными визитами обмениваются супруги Радловы и супруги Шведе; сохраняются приятельские отношения Ады Ивановны и Лозинского, дружба всех членов Студии... А гибель и отъезды многих участников этого «хоровода» лишь заставляют оставшихся еще теснее спланиваться, острее чувствовать жизнь.

1922 сопровождается и внешним успехом: Лозинский выпускает второе издание своего сборника «Горный ключ» и отдельной книгой перевод трагедии Леконт де Лиля «Эринии». Ада Ивановна — «Избранные стихотворения» Киплинга, прочно обеспечившие ей известность переводчика.

Три тетради дневника, посвященные всем этим событиям, — уничтожены. Причина, на этот раз, не политическая, а вполне интимно-личная.

Безмятежным и радостным возбуждением встречается 1923 год — и Адой Ивановной и ее мужем Евгением Евгеньевичем (в тексте дневников он выступает под бесчисленными именами: Бой, Джим, Женя и всевозможными производными от них). Этому году посвящена тетрадь №14.

Надо полагать, что по простой небрежности не сохранилась тетрадь №15, вобравшая материал с января по декабрь 1925 года. И, наконец, последние тетради — №16 и №17. Первая из них дошла в хорошем состоянии и охватывает ровно год — 1926. Хуже с №17. Она начинается со страницы 33, записи от 15 марта 1927. Затем изъяты (или утеряны) страницы 57-64 — начало мая 1927. Не сохранился и конец тетради — возможно, что это одна страница: записи от конца декабря 1927.

Таким образом, из 17 тетрадей отсутствуют пять с половиной и куски семнадцатой.

Последние восемь лет жизни Ады Ивановны почти неизвестны. Хотя фотографии тех лет передают радостное лицо, южные поездки, купания, яхты, — душевная жизнь поэтессы остается почти неведомой, разве отдельные штрихи. Так, ко дню ее 33-летия М.Л. Лозинский дарит ей стихотворение «Царице полюса»:

Какие песни вихревые,
Какие песни торжества,

⁴ Октябрь. 1988. №10. С.177.

Какие струнные и злые
В ее душе звенят слова,
Когда, окидывая взглядом
Морозный блеск своих полей,
Она любит парадом
Затертых льдами кораблей.

Мечтая о посмертной публикации ее стихов, Е.Е. Шведе нашел возможность переслать их копии Максиму Горькому. За несколько месяцев до смерти писатель дал характеристику присланной рукописи и совет, к кому обратиться относительно издания. Отметим, что рекомендованный Горьким редактор — Н.Н. Накоряков (1881-1970), возглавлявший в 30-х годах ГИХЛ, в 1937 был арестован и освобожден лишь через двадцать лет. Однако об издании стихов А.И. Оношкович-Яцыны речь ни тогда, ни позже уже не шла. Горький писал в своем отзыве Е.Е. Шведе:

Стихи Ады Шведе понравились мне своею простотой, искренностью, гармонией формы и содержания. Лично я хотел бы видеть их изданными, но опасаясь, что редактора в ГИХЛе найдут их старомодными и недостаточно современными. Все же советую Вам послать рукопись в Москву, ГИХЛ, Николаю Никандровичу Накорякову. Желаю Вам всего доброго. М.Горький.

P.S. В письме Накорякову можете — если желаете — сослаться на мой отзыв. М.Г. 20.III.36.

P.P.S. Снимите фамилию Оношкович-Яцына, оставьте только Ада Шведе и дайте коротенькие сведения об авторе. М.Горький.

Письмо это Е.Е. Шведе передал в музей Горького в Москве, откуда тогда же, в конце 30-х годов, прислали ему фотокопию текста.

Дневники Ады Ивановны не были рассчитаны на издание, и в чем-то их интимность этим объясняется: жизнь города и страны лишь изредка просачивается в ее женский мир. Центр тяжести ее интересов — жизнь, проявляющаяся в бесчисленных сборищах друзей, беседах с интересными людьми, постоянном общении. Литература отражается в записях скорее как процесс, так, она описывает состояние вдохновения, рождения ритмов, рифм. С этим связано и отношение к природе, которая воспринимается не как погода скучных людей, но как часть собственного мироощущения. Определенная легкомысленность, или, скорее, легкость, некий инфантилизм восприятия отличают не одну Аду Ивановну. Это в большой степени был стиль тех годов. Возможно, что здесь сказывалась своя логика: иммунная необходимость — слишком тяжелым было все вокруг. Отчасти облегченность всего тона Ады Ивановны — отсюда, от напряжения подсознательных, сопротивляющихся трагическому душевных сил. Трудно сказать, сколь велик объем того, что она оставляла «в уме», опасаясь обыска, но наличие самоцензуры несомненно.

Публикуемый текст сокращен. Купюры отмечены знаком /.../. Вымаранные слова, когда их удавалось прочесть восстановлены с подстраничными ссылками. Отсутствующие даты даны в тексте в квадратных скобках. Переводы иностранных слов — в подстраничных примечаниях.

ТЕТРАДЬ №8
(с 5 марта по 20 сентября 1919 г.)

[Около 20 марта 1919 г.]

А мы торгуем с остервенением!... Ужасно больно! Вот как сбылись мои мечты о том, чтобы не знать, что будет завтра!

Страшно одно: мама — растерянная и слабая, Джон — мальчуган и нет опоры ни в ком. Все умерли, разъехались, исчезли. Даже такую сильную женщину, как Елена Андреевна Костко, смяло — умерла! И вдруг я — плыви против течения и не дай утонуть еще двоим! Боюсь, что не справлюсь.

24 марта 1919 г.

Мы всеми способами освобождаемся от вещей, чтоб легче было в дороге². Однако, думается, что чемоданы были не лишними. Отделались и от них, даже довольно оригинально. Только мы пообедали и разбрелись по своим норам, как звонок, и является солдатик с продовольственными предложениями за баснословные цены. Мы все трое решаем, что это — посланник небес, и нам уже мерещатся куличи из белой муки!.. Джон вызывается пойти с ним. Они забирают все чемоданы (милый, милый, с которым я ездила по Волге!) и уходят. А я из всей оставшейся муки жарю оладьи. 7, 8, 9... Мама начинает волноваться. 10... Начинаю волноваться и я. К 11 является Джон без типа, без продуктов и без чемоданов. Доставил он их к местожительству солдата на Софийскую ул., дал их ему для наполнения земными благами и бесплодно прождал его у ворот два с половиной часа.

Ничего не оставалось, как смеяться и дразнить его рикшей. Но смех был сквозь слезы. Чемоданы — целое состояние. Где их и достать теперь? А лето — близко, близко отъезд!

31 марта 1919 г.

На службе треволнения по поводу новых ставок. Я смотрю на всех (и на себя в том числе) откуда-то сбоку. На пять секунд вырвавшись из болота, была на «Золотом петушке», но без entrain*, не одеваясь, не предвкушая.

Увы, старость — не радость. А после смерти Коли мне 700 лет.

9 апреля 1919 г.

Мы пошли с Джоном смотреть на «просвещение трудовой массы» в Зимний дворец. На /.../ лестнице /.../ деревянные будки, поставленные на площадках и обклеенные афишами.

* Вдохновение (фр.)

Высота, ширина необъятная. Я полчаса стою перед картиной «Въезд Александра II в Плоешти в 1877 году».

Но «публику» приглашают в Николаевский зал, и косматый жидок вылетает на эстраду: «Товарищи! Дело в том, что из-за отсутствия тока кинематографа быть не может, и мы угостим вас концертом! До сих пор музыка была достоянием буржуев, трудовой класс довольствовался граммофоном и гармоникой. Но время изменилось и /.../ артисты с радостью несут свои таланты рабочему народу, кот[орый] понимает музыку глубже, тоньше и лучше!»

Вылетел второй жидок, с размаху ударил по клавишам, и загремела «Рапсодия» Листа.

И рабочий народ, с треском и грохотом роняя стулья, двинулся к выходу: «По домам, товарищи!»

— Джон, — в восторге шептала я, — что бы я дала, чтобы все ушли.

Но треть осталась.

«Рапсодия» кончилась, и снова вылетел первый жидок; только теперь его кок в поэтическом беспорядке падал ему на нос, и голос хрипел от ярости:

— Тов[арищи]! Неужели вы не понимаете, что уходя во время исполнения, когда артист выливает свою душу, можно сказать, — вы плюете ему в лицо!

Но и тут товарищи не поняли и уходили партиями во время всех номеров.

12 апреля 1919 г.

На дворе промозглая весна и на душе — ужасно. И зачем я на Божьем свете? Неинтересная, ненужная, лишняя?.. Не люблю людей, особенно веселых, и завидую мертвым. Сколько их больше, чем живых! Коля, мой любимый мальчик!

20 апреля 1919 г.

Несмотря на страшную усталость, пошли с тетей Наташей³ к заутрене. Темень была непроглядная, по случаю Пасхи большевики погасили последние фонари. Дул холодный, сырой ветер. Щелкали выстрелы. Мы шагали под руку, стараясь не попадать в лужи.

— Что за романтическое время, — улыбнулась я, — сейчас мне почему-то вспоминаются «Гугеноты»⁴. Церковь является гонимой. Выстрелы* /.../

* Далее лист вырван.

2 мая 1919 г.

Я стирала, гладила, пилила, а потом усердным маникюром стирала следы невзгод со своих ногтей. Воскресло настроение, воскресла и Муза. За «Сказанием о падишахе и 8 девах» последовало «Второе сказание, или что наделала весна». Конечно, сам падишах ничего не знал и не ведал⁵.

7 мая 1919 г.

Следующий день был полон политических новостей. По случаю ультиматума Финляндии была объявлена всеобщая мобилизация⁶. Опять стали ждать белых, и все пошло вверх дном.

18 мая 1919 г.

Сегодня я преинтересно осмотрела фарфоровую выставку в Зимнем дворце.

19 мая 1919 г.

Тетя Наташа переехала к дяде Юзе, и мы расползлись по всей ее квартире. Завтра с десяти до двенадцати я дежурю в подъезде*. А на душе тревожно. Белые под Гатчиной. Идут на Красное. Что день грядущий нам готовит?

27 мая 1919 г.

Сегодня, шагая на службу, окрыленная только что прочитанной газетой, довольно веселая, несмотря на бессонную ночь из-за безумной зубной боли, я увидела на Адмиралтействе, что еще очень рано, и уселась читать, но весна, l'herbe tendu** etc. не давали мне покоя и, отложив книгу, я стала скармливать какому-то очаровательному голодному колли, с пушистой рыжей шерстью, мой завтрак.

Однако, легкомыслие! — Боже, шах!..

Смущает мысль о продаже Стрельны⁷. Мама хочет. А больно. Конец еще кусочку старой жизни.

6 июня 1919 г.

Белые разбиты***. Все мерзко!.. Ломаю голову над вопросом, зачем же судьба так странно употребляет этот источник: сперва он шалил и танцевал, потом изнывал от голодовки...

— Ада Ивановна, будьте добры заменить экспедитора и ехать со мной на Гутуевский остров печатать люки со жмыхами на «Коммунисте», — заявил шах.

* Вырван лист.

** Пробивающаяся трава (фр.)

*** Два эти слова густо вымараны.

На самом конце мола, у черта на куличках, — «Коммунист» со жмыхами. Я усаживаюсь на гранитной набережной в обществе белоснежной козы, бездонного неба и синей воды, а шах лезет на пароход печатать люки. На Канонерском острове щелкает соловей. Я закрываю глаза и, кажется, начинаю дремать от усталости.

— Я не слишком долго? — появляется шах.

— Слишком скоро!.. Я — без ног!

— Ничего, — бодрит он, — сейчас отдохнем на «Эскильтеупе».

Шведы — чудесные. Я болтаю по-немецки и почти что не протестую, когда они накладывают мне по пять кусков сахара на чашку какао. На столе два бисквита. Как единственной даме их кладут мне. Бедному шаху — nichts!*

— Делили горе, так уж и радость давайте делить, — великодушно передвигаю я один из них шаху. Небеса награждают героинь! Шведы лезут под сидение, достают целую пачку бисквитов и дарят мне целый мешочек какао.

Были вдвоем в Исаакиевском соборе, где любимая икона Корсунской Божьей матери.

Мы на цыпочках пошли к свечнику. И в то время, как мы с двух сторон ставили свечи, мне показалось, что есть надежда на благословенный отъезд, что возможно избавление, что Она не оставит. Хотелось приложиться, но было стыдно шаха, покосилась на него, стоит смиренно, полугрустно... Я набралась мужества, быстро взошла по ступеням, а когда сходила вниз, шах крестился по-католически, и я подумала, что и он, бедный, молится об отъезде.

15 июня 1919 г.

Ночью был обыск. Ходили какие-то типы с огарками и рылись в вещах, ничего не нашли и ушли, оставив хаос и беспорядок.

28 июня 1919 г.

А ночью опять был обыск.

3 июля 1919 г.

Комиссариат. Обыск и никого не выпускают... Обыск кончен. Можно расходиться. От ухаживаний шаха вооружилась большим китайским костяным ножом в железной оправе, который мы нашли с Доброславским в каком-то старом шкафу и который во время обыска был очень долго и подозрительно осмотрен и потом забыт на столе.

Д.И.Богданов-Березовский⁸, Джон и я отправились на концерт.

* Ничего (нем.)

14 июля 1919 г.

Мы опять уезжаем. На этот раз окончательно! Я бы хотела быть уже на месте. Ввиду скромности наших капиталов и нескромности нашего багажа дорога меня пугает /.../ Я боюсь отъезда, и мама права, называя меня «тормозом». Остаться — гибель.

— Шах, прощайте! Уезжаю в милую старую Литву.

Мы сидим и тихо говорим о «наших» краях. Мы ведь земляки.

— Когда увидите первую литовскую сосну — обнимите и поцелуйте ее от меня... Когда вы будете стоять на зеленом холме, поклонитесь на все четыре стороны и скажите, что это я кланяюсь земле Жмудской. А когда вы доживете до глубокой осени и будете знать, что в Петрограде все по-старому, без перемен, вспомните, что меня уже нет в живых.

Милый мой шах!

23 июля 1919 г.

Шах нашел нам покупателя на Стрельну, и я отправилась с ним показать ему печальные останки наших владений.

/.../

Погода стояла чудесная. Мы ехали с Дав.Дав. Поташинским, покупателем, в трамвае и чудесно болтали. На даче мы встретили кусты крапивы выше тальи, хаос и запустение. — О, поле, поле, кто тебя усеял? — вздыхал Д.Д. Поташинский. В углу, в чаще розовых кустов распустилась одна красная роза, Д.Д. кое-как добрался до нее.

— Вашим добром бью челом! А как у вас относительно денег на дорогу?

— Же бы бардзо, то не!

29 июля 1919 г.

Взяла отпуск на две недели... Никак не уехать!

2 августа 1919 г.

Наши финансы поют романсы, больше, чем когда-либо. Живем одним днем! Наскребем 200 р. на ужин, а вместо обеда глотаем гнусный коммунистический суп. Сейчас отправляюсь на Покровку⁹ торговать разным хламом. Делала это уже два раза. Это далеко не так страшно, как кажется. Но сегодня, по случаю пустоты в желудке, что-то очень не хочется. Если бы папа знал, чем придется заниматься его дочке. Если бы Коля видел!

Отъезд назначен на восьмое, но такая масса «но», что я даже не пытаюсь верить в его возможность. Настроение не плохое, нет: смесь апатии и любопытства. Для более активных чувств положительно нет сил!

9 августа 1919 г.

С отъездом порядочная канитель. То не хватает того, то другого. Оказалось нужно еще какое-то разрешение, которое можно получить через Чудина, с которым шах знаком по какой-то комиссии. Маруська пристала: — Пойдем к нему, пойдем!

— Ну, ладно! Твоя инициатива, ты и докладывай, а то я заговорю блеющим голосом.

На двери красуется №50, и я стучу. Шах, изумленный, взъерошенный, типично холостяцкий:

— С Чудиным у меня чисто деловые отношения!

— Ну, Бог с Вами, дайте мне обстриг «Постановления»¹⁰ из газеты и мы побегим.

Но он останавливает мой пыл.

— Это казенная газета и может еще пригодиться и другим. Спишите себе.

— Нет, спасибо.

25 августа 1919 г.

Скука! Хандра! Белые не идут! Где же интересные люди?.. Хоть бы взорвали Петроград и нас отправили в преисподнюю...

15 сентября 1919 г.

Начали мои дамы сетовать на уплотнение. К Паппе¹¹ хотят устроить какую-то матросню, а нам каких-то глухонемых старушек, что почти что равноценно. Пошли посмотреть их квартиру. Крюков канал, 4, на углу Мойки. Чудесный вид в окно. Деревья, вода, руина Литовского замка, Голландия¹².

17 сентября 1919 г.

Вчера я явилась на службу в час. В лучезарном настроении, т.к. по случаю повышения ставок купила себе новую шляпу.

Марианна, взволнованно и любопытно сверкая глазами, подает мне письмо. Разрываю конверт и читаю стихотворение, написанное аккуратными полупечатными буквами:

«Ах, если бы на цветы да не морозы,
И зимой бы цветы расцветали.
Ах, если бы на нас да не коммуна,
Ни о чем бы мы не тужили!»

Ничего не понимаю.

— Нет, ты посмотри! — И Марианна тащит меня в угол, где лежит огромный букет хризантем¹³.

20 сентября 1919 г.

Совсем запарились с переездом. Каждый вечер таскаем вещи, спускаясь с 5-го этажа и поднимаясь на 4-ый и адски устаем¹⁴.

(с 23 сентября 1919 по 17 августа 1920 г.)

12 октября 1919 г.

Я отправляюсь в самую заднюю комнату /.../.

Луна заливает бледной лавой развалины Литовского замка и полуголые деревья. И чудится, что уже выпал снег. Я шурюсь, улыбаюсь и впадаю в транс. Рифмы легкие, скользящие, слишком быстрые роятся и кружатся вокруг. Я не записываю, стараясь просто запомнить, не хочется вылезать из кресла, выползая из мрака.

18 октября 1919 г.

Белые взяли Красное Село. Положение серьезное, Троцкий пишет о возможных сражениях на улицах города.

20 октября 1919 г.

«Красная газета» гласит, что положение Петрограда угрожающее. Можно ходить только до восьми часов. Театры и кино закрыты. Цены выросли до безумия: масло 1200 р., капуста 75 р., мука 300 р., яйца 500 р. У нас запасов нет, и поэтому положение тоже угрожающее.

/.../ Тяжелый, как взрыв, выстрел. Через десять минут второй... Очевидно, стреляют с красных судов из Морского канала. Это шестнадцатидюймовки. Небо все в красных и желтых полосах, жуткое, зловещее. Белые отвечают легкой артиллерией.

21 октября 1919 г.

В пять тридцать меня разбудила канонада. Были видны в окно желтые вспышки.

На рынке хоть шаром покати. Я с трудом достала 13 фунтов капусты по 60 рублей.

За два часа сверхурочных дают один фунт черного хлеба. А у нас в комиссариате ничего.

25 октября 1919 г.

Вчера красные взяли Царское Село¹⁵. Петроград ершится баррикадами, проволочными заграждениями и т.п.

7 ноября 1919 г.

Коммунисты справляют свою вторую годовщину. Есть от чего всем увериться в справедливости на земле! /.../

А вчера у Джона было два билета на «Разбойников», но я потеряла свой. Без билета меня не впустили. Выйдя из театра, я собралась, конечно, домой... Но очутилась на Николаевском мосту.

Нева спала платиновым сном, и дремали черные силуэты кораблей, разукрашенных флагами. По небу, словно светлые мечи, скрещивались и расходились лучи прожекторов.

14 ноября 1919 г.

Уволена по сокращению штатов. И я гуляю по Петрограду наперегонки с ветром в поисках нового места. Ничего не может быть кошмарнее «нанимания». Вечером сносно живется. Мы все трое спим в одной комнате, разделенные занавеской. Эту одну комнату мы топим каждый день, и в ней царит рай земной, то есть 8°. В столовой -5°, а в бывшей спальне Джона -3°.

Предлагают работу на книжном складе у Николаевского вокзала, а трамваев с будущей недели не будет. Зима предстоит такая, что те, которые выживут, могут конкурировать на бессмертие! Я надеюсь, что мы будем в их числе.

20 ноября 1919 г.

Я завинтилась в платок, повязалась передником и погрузилась в стряпню. Темнота, клубы пара, наши фигуры, вечно сталкивающиеся, обжигающиеся, мешающие, — все напоминало чертову кухню.

22 ноября 1919 г.

За эти дни я буквально сбилась с ног и не только в переносном смысле, т.к. валенки собственноручного производства (из войлока гладильной доски) колоссальных размеров. Между рынком и самоваром сыграю четыре такта вальса, между стряпней ужина и чисткой картошки проглочу главу «Фарера»¹⁶, на ходу, мимолетно! Леониду Николаевичу Куну во вторник я доставила удовольствие, взвалив на него 48 фунтов тыквы.

18 января 1920 г.

У Кунов говорили о снятии блокады /.../ представляли гаммы нарастающего счастья в виде электрического света на весь день, прислуги, белой булки с маслом etc.

25 января 1920 г.

Нашего начальника П.А. Оцупа¹⁷ и начальника части снабжения Альшванга арестовали за участие в собрании эсеров. Через некоторое время мы узнали, что они оба расстреляны. Было грустно представить себе дон-кихотскую фигуру Оцупа с полубезумными голубыми глазами и встрепанной бородкой и четырехугольную злую челюсть Альшванга, нервный тик и властолюбивую походку, а затем стенку, пули и конец. Были люди, работали, действовали, а их взяли и уничтожили так просто, так легко. Вскоре, чуть ли не на следующий день был отменен расстрел!

27 января 1920 г.

Открытка от Маруси. Первая открытка была от 1 января, полная отчаяния. Умерла Бронислава Игнатьевна!

Вторая от 17-го была написана из теплушки перед отъездом на родину к Янусю¹⁸.

29 января 1920 г.

Еще открытка от Маруси. На этот раз уже с границы. Последний привет. Одинокая, печальная, измученная, едет она к жениху, а жених этот — только Янусь!.. Несносно добродетельный, близорукий Янусь! Но все-таки она на границе. Какой ценой! Это другой вопрос... Когда и как встретимся мы снова?

2 февраля 1920 г.

Пища св. Антония. Температура Северного полюса. Настроение пойманной форели /.../ В роковое утро 28 января я попала на облаву и была «приговорена» к принудительным работам в воскресенье 1 февраля.

Исторический документ при сем прилагается.

«Циркулярное распоряжение.

Настоящим объявляется, что распоряжение [так. — *Публ.*] Чрезуптопа сотрудники Райлескома задержанные военным караулом 28 сего января у входов в здание занимаемое Райлескомом, как опоздавшие к началу занятий, должны в воскресенье 1-го февраля с.г. к 10 ч. утра явиться в Райлеском для отправления на принудительные работы.

К неявившимся будут применены самые строгие репрессивные меры. Явке подлежат следующие 29 сотрудников /.../»

Но я предъявила докторское свидетельство о распиленном пальце и считала себя освобожденной.

Сегодня в 12 час. является вооруженный караул. 5 негодяев с зверскими тупыми физиономиями и винтовками за плечом. Являются за мной и Мих.Ив. Курилкой¹⁹, но нас отстояли, и мы снова принялись за работу.

В 2 часа снова явление. На этот раз, чтоб арестовать тех же героев дня. Я гляжу на них, разиня рот. И... стараюсь поверить, что меня арестуют и... не могу!..

— Уходи ты, ради Бога, домой, — шепчет мне Ида, — хочешь сидеть 3 дня в комендатуре?

Степа (наш рассыльный мальчик), как маленький испуганный мышонок, вынес мне пальто в коридор.

Я сбежала с лестницы. Внизу несколько типов с винтовками караулили выход! У меня даже сердце не екнуло, я с каким-то совершенно бессознательным мужеством, хладнокровно прошла

мимо них и очутилась на улице. Было 3 часа. Я уже давно не освобождалась так рано. Хочется использовать неожиданный отпуск, и в самом лучшем настроении я поехала к Ниби²⁰.

Пили кофе и болтали. Ниби ахала при одной мысли о том, что я целый день провела в роли преступницы...

Но самое сильное впечатление было впереди... Подходя в 6 часов к нашему дому, я увидела у подъезда автомобиль, а современная мудрость гласит: — никогда не входи в дом, перед которым стоит автомобиль.

В моей голове промелькнуло десятка с два разных соображений, но окончательный вывод был таковой:

— Если меня ловят, то рано или поздно поймают! Это — неминуемо.

И стала взбираться наверх, предварительно сняв браслет и зажав деньги в кулак, чтобы, в случае чего, сунуть все это маме. Но наверху все было спокойно, и только Муня встретила меня звонким:

— Слава Богу! — т.к. ожидали самое худшее, зная, что я ушла в 3 и где-то пропадала.

Таковы дела наших дней!

Да, теперь дюжина слов о Курилке.

Летом на выставке в Зимнем Дворце была его картина: женщина с безмерно тоскующими, затуманенными слезами глазами держит чашу, через края которой льются капли крови на ее прозрачные пальцы. Я отчетливо запомнила эту картину, особенно глаза женщины.

/.../ Что еще меня огорчает — это мои царапины, ожоги, порезы etc. Ничего не заживает, и каждый день прибавляет что-нибудь новое. Когда я смотрю на свои руки, то с грустью вспоминаю белые холеные лапки /.../, которые я с удовольствием представляла под губы желающих...

Занимаемся с Джоном пилкой дров. Это сразу умиротворяет мой гнев... Превращаясь в часовой механизм, бессознательно-мерными взмахами качаешься, как маятник, взад и вперед. Действует убаюкивающе, усыпляюще и в то же время живительно. Потом, когда выпрямляешь спину, чувствуешь, что в жилах еще много крови, в сердце молодости, в душе — бодрости.

А главное — тепло!

Передохнешь... и снова, как кустарная игрушка — медведь и кузнец — раз-два, раз-два, вперед-назад.

Их всех современных неприятностей эту я переносу легче всего.

9 февраля 1920 г.

Вчера у нас в Райлескомое был митинг-концерт на тему «Интеллигенция и советское строительство». Нас обвиняли в трусости и предательстве, ставили нам в вину голод и холод, сравнивали с варварами, сжегшими Александрийскую библиотеку...

Вышел на эстраду Максим Горький, добрый и мудрый, как старый гимназический швейцар. Он протягивал к нам руки и звал нас к себе, тех, которые подрыли гранитные своды, тех, которые подготовили пути, потомков декабристов и революционеров 1905 года, которые снова должны были спасать... Он даже пустил слезу... Может быть, лицемерную... Потом был очень удачный концерт.

16 февраля 1920 г.

Лекция «Экономическое возрождение России». Будущее рисовалось довольно оптимистическими красками.

28 февраля 1920 г.

Последние три дня я ходила одурманенная, ошалевшая, пламенно влюбленная в пару очаровательных туфель. Но... «видит око, а зуб неймет». Где ресурсы?

Напрасно я искушала сапожника брошкой и умоляющими взглядами! Напрасно обшарила все свои закрома, извлекла на свет Божий заветный фонд николаевских денег, вступила в комбинации с жидами... Напрасно... Заветная цифра оставалась недостижимой.

— Надо уметь желать, — говорила я себе, лежа в постели и сознавая всеми фибрами души, что без туфель мне свет не мил и март чернее ноября.

— Надо уметь желать, — говорила я себе, стоя на Покровке со старыми сапогами и лепешками (которые четыре дня сберегались мною от ужина с твердостью спартанца) в качестве товара.

Сапоги пошли за две тысячи, но это ничему не помогло! Лепешки не искусили никого. С нечеловеческим альтруизмом я отправилась торговать солью в пользу починки Джониных сапог. Тут дело пошло на лад, и я так увлеклась, что несколько раз делала лестницу домой, снова возвращалась на Покровку и наработала шесть тысяч.

Но моим делам было не легче.

— Надо уметь желать! — Ида забрала продавать мою галстучную булавку. Сапожник ждет с туфлями до завтра. Быть или не быть? Со всеми этими комбинациями и оборотами не попала на службу... Рада, что хоть Джону что-то устроила, и день не прошел даром. Но мое уменье желать не оправдало себя. Последнее

усилие — звонок к Ниби в надежде на некоторый кредит. Но, пощупав почву, я кротко перешла на более безобидные темы. Не хватило духу. Буду о другом. Надо отвлечься... Шла, и весна заливала нас целыми снопами сверкающих улыбок и превращала отвратительно заплывающий пролетарский «Проспект 25-го октября» в золотую дорогу.

На службе: «Ада Ивановна, Вам привет от кого-то, кто некогда безумно о Вас вздыхал» — от шаха. А я думаю сосредоточенно: «Что бы еще продать?»

Передо мной списки служащих, я гляжу на столбцы фамилий и думаю: «Что придумать? Кому бы продать душу?»

Сосу вставочку...

— Знаете, Ада Ивановна, — басит огромный Мейер, — я куплю эти туфли и поставлю их у себя на письменный стол. По крайней мере Ваши мысли с утра до ночи будут возле меня. Увы!

Достаточно было и других событий за эти дни. У Макши умерла мать. Мы с Муней поехали с *visite de condoléance**. /.../

Мы у Макшеевых на кухне. Макша окончательно безжизненная в малиновом платье мелет просо. Екатерина Карловна из бело-розовой фарфоровой маркизы превратилась в серого гуттаперчевого гнома. Генерал с взъерошенной седой бородой, как потерявший голову домовой, говорит коротко и просто:

— Вот у нас какой казус!

Я боюсь, что у меня слишком веселые глаза и слишком горят щеки для этой грустной кухни. Я боюсь, что надо будет идти в комнату к мертвой Эмме Карловне²¹.

8 марта 1920 г.

Джон на днях выпил спирту на четыре с половиной тысячи в компании половых, приказчиков etc, впрочем, его товарищей по службе. Никто его ни в чем не обвинял. Я ничего не испытывала, кроме легкого физического отвращения, а так как у меня болело горло, то я упорно молчала.

Во имя красоты можно все простить, но стакан спирта в кругу половых — это как-то не укладывается.

16 марта 1920 г.

Последние дни мне все уши прожужжали на службе моим «тантантом». Бунина решила меня «лансировать»** и через свою знакому дала несколько моих стихов Волынскому, который, прочитав их с карандашом в руках, пожелал меня повидать.

* Визит соболезнования (фр.)

** От французского *lancer* — пустить в ход.

В субботу тринадцатого я явилась в Дом Искусств с вихрем самых разнообразных чувств. Доминирующее из них было — зеленоглазая надежда. Неужели люди узнают обо мне? Неужели я буду тучей, которая играет какую-то роль в мировой светотени, а не маленьким облачком, тающим бесследно?

В большой пустой комнате меня встретил маленький человек с двумя кусочками вопросительных знаков вместо бровей и необыкновенно взъерошенными и необыкновенно прозрачными волосами над пергаментным худым лицом. В окно заглядывал косой луч уходящего солнца и голые деревья с Мойки.

Волынский сидел на кровати, ничем не покрытый матрас которой был завален книгами, рубашками etc. Я — на единственном стуле.

— Дарование у Вас несомненное: гибкость и легкость фразы, много тонкости, изящества и удивительно меткое попадание в далекую цель.

Я чувствовала, как за моей спиной ангел легкими пальцами переворачивал страницу моей жизни.

— Обещайте для начала, что вы придете завтра на лекцию Андрея Белого о Толстом.

И я на другой день с горящими от давки и интереса щеками слушала восторженного, безумного и вдохновенного Андрея Белого. Он говорил больше о иогах, чем о Толстом, и голос, полный бархатного энтузиазма, вонзался в душу:

— Чувства велики, ум выше чувств, но выше всего чистый разум.

Затем был антракт. Волынский дал читать свою книгу о Достоевском. Мысли вертелись то возле черной шапочки на седых кудрях Андрея Белого, то возле сухощавой фигурки Волынского.

На следующий день я опять была во Дворце Искусств на вечере поэтов. Выступал «изысканный жираф» — Гумилев. Маленький, замученный, талантливый Кузмин. Молодые начинающие поэты. Метал искры пронизывающими глазами Белый, окруженный сиянием своих длинных, как лучи, тонких пальцев.

Меня сильно утомила однообразно-певучая и в то же время резкая форма декламации. Из молодых понравился некий Нельдихен²², в котором по внешнему виду и по деталям стихов я угадала моряка. Чувствовалось, что паутина стихов плетется всегда около действительных эпизодов. Не выступало ни одной женщины, но потом какая-то поэтесса:

Белые и красные дерутся!
Мы не отдадим Пулковое...

— я выбежала на улицу, не дослушав... Было темно, ни зги на земле. Но в небе — миллиарды звезд. — Сколько их, поэтов. Зачем еще я! — Отчего не я единственная умею нанизывать слова в какие-то кружевные ожерелья!

Однако сегодня я проснулась с мыслью: — Была не была. Надо записаться в Студию²³. Я обещала Волынскому работать. *Qui vivera — verigo**.

12 апреля 1920 г.

Пасха. Исповедалась в пятницу, после исповеди вышла на дождь в таком упойтельном состоянии, что прямо не знала, какой трюк выкинуть, сняла шляпу и, подставив голову под прохладные капли, галопировала по лужам, счастливая, как новорожденная шука.

В субботу пекли и стряпали до остервенения, почти как в старое время, и встретили Пасху в изобилии плодов земных.

20 апреля 1920 г.

Аккуратно слежу за семинарием по переводу стихов у Лозинского. Объектом всеобщей любви является Мих.Леон. Лозинский, большой, высокий, близорукий, с патетическим голосом и аккуратным пробором. Ко мне он отнесся чрезвычайно мило и написал мне удостоверение в стихах, чем поднял меня в глазах всех студистов. Мы переводим у него *L'Himne aux arbres Adolphe Retté***.

Нас шесть девиц и один косоглазый старынуля. Есть одна милая дева с Волги — Галина Рубцова — две золотые косы и нечто à la Tourgueneff, остальные окончательно неинтересны²⁴.

1 мая 1920 г.

Первое мая — праздник пролетариата!*** Чук, остроумный и длинноногий, читает английскую литературу²⁵. Наслаждаюсь на его лекциях. На последнем четверге²⁶ за студийным чаем Ив.Рукавишников²⁷ удостоил нас поговорить «об искусстве, как он его понимает»: живой, даже не карикатурный Дон Кихот, скорее смягченного типа, со светлой, длинной, острой, как клинок кинжала, бородкой и остроконечными белоснежными воротниками на черной куртке и какими-то тоже донкихотскими сапогами.

— Точка — не есть еще жизнь! Точка не существует иначе, как в воображении.

В стихах было много мистики: спиральных дорог, лунных тайн etc. Голос бесцветно-вялый.

* Кто живет — тот должен жить (лат.)

** «Гимн деревьям» Адольфа Ретте (фр.)

*** Вырван лист.

На той неделе была на прощальном бенефисе Дриго. Шла «Арлекинада». Я была в «студийной» ложе. Вокруг меня неутомимые поэты чиркали экспромты, оды и сонеты, на сцене порхала маленькая Люком, было почти что хорошо. Но хуже всего — ЦУСНАБ (моя служба). Хочется спеть: «ЦУСНАБ, проклятьем заклеенный!»

9 мая 1920 г.

В четверг [6-го] был вечер национальных поэтов, то есть студистов. Я попала в список. И вот за большим столом, возглавляемым Гумилевым, Лозинским и Пястом, среди бесконечного количества молодых поэтов я с быстротой express'a, как бывало в гимназии, не декламирую, а болтаю «Осенним вечером» и «Veja di flog».

Пяст, который очень язвительно поддразнивал читающих, обязательно хотел еще меня послушать и требовал повторенья. Я не повторила, но была ужасно довольна. Потом тесная компания «сливок студии» силой вернула меня в гостиную, и мы общими усилиями сочиняли длинный и страшный роман. Я чувствовала себя уже совсем как дома. Вчера Чуковский назвал «мастерским» перевод, который мы сделали с Т.Мих. Владимировой.

20 мая 1920 г.

Повышение по службе в ЦУСНАБе. Мама и Джон, два старых честолюбца, наслаждаются моим «высоким» положением.

А в студии много интересного. То Амфитеатров, седой и похожий на Тараса Бульбу, читает своего «Ваську Буслаева», то мы сидим избранным кружком у Чуковского во «Всемирной Литературе»²⁸ /.../, то переводим у Лозинского, а за окнами в тополях²⁹ так чирикают воробьи, что мысли улетают за тридевять земель и нет сил думать о рифмах.

Все Куны под домашним арестом, а Леонид — на Гороховой. Через два дня арест сняли, а Леонид сидит до сих пор.

25 мая 1920 г.

В воскресенье [23-го] мы отправились с Джоном в Стрельну. Было жарко. Я сидела на полу теплушки и читала Киплинга. Джон стоял хмуро надо мной и твердил: «В первый и последний раз». Наконец приехали. Были у папы на могиле³⁰. Потом выбрались в поле и через кочки и болото стали пробираться к морю. Ветер раздувал юбку, по морю бежали барашки, пахло сыростью, солью и облаками. Мы легли на сырую землю, если пирог с пшенной кашей и молчали. Но на меня напала непоседливость, и я потащила Джона к нам в ветхозаветную Кикенку³¹ посмотреть

на дом. Верно во сне видела я когда-то большую двухэтажную дачу со стеклянными балконами, сад с дорожками, крокетным плацем и скамейками, вишни, фарфоровые розы и полянку ландышей.

Наяву лежала груда кирпичей, немного обрывков железа, все поросло крапивой, ледник провалился, от сарая, где жила моя коза, не осталось и следа.

В том саду две яблони в одинаковом отчаянии простирали изломы своих ветвей к небу, роняя бледно-розовые ароматные слезы. Мы сидели на леднике, как на руинах Помпеи. Джон — мрачный, я — недоуменная. Было жалко: папу, маму, тетю Наташу, Джона, Ниби, еще кого-то.

30 мая 1920 г.

В четверг [27-го] в студии, с Лозинским во главе, долго и забавно фантазировали разные детали из жизни наших предков, во втором измерении. Хохотали до слез. В пятницу Чуковский в пух и прах раскритиковал мои стихи. Обругал меня «лентяжкой».

6 июня 1920 г.

На днях состоялась экскурсия нашей студии на шлиссельбургском пароходе в «Островки». Мы купались в Неве и ходили босиком. Чуковский был совсем игрушечный папа, милый, ласковый, заботливый. Немного портили картину наши специфические поэты, которые по обыкновению ко всему припутывали рифмы, размеры etc. Лозинский не смог поехать с нами из-за какого-то заседания.

Третьего после лекции Лозинского подсел Гумилев, и так как официального четверга не состоялось, то мы сами устроили чай в столовой. Гумилев читал свои недоконченные стихи, потом отрывки из альбома одной американке, в которую он был влюблен.

Глупый, глупый картонажный мастер,

Что ты думал, делая альбом!

Для стихов о самой хрупкой страсти

Толщиною в целый том³².

В промежутках мы (шесть дев) упорно молчали, мешая чай ложечками, и я страдала за всех шестерых. Лозинский смягчал такие моменты милыми остротами и прибаутками, но все-таки выходило, что мы или феноменальные невежды, или феноменально глупы.

Вчера до десяти вечера копали гряды. Сегодня спина точно в синяках. «Шах» не только в Польше, но даже с двумя миллионами николаевских денег, данных ему для пропаганды.

Нет никого-никого на целом Божьем свете, для кого я была бы светом в окне. (Такова философия человека, в течение четырех часов делавшего грядки накануне!)

20 июня 1920 г.

Вчера мы с Эммой en deux* были в Павловске, слушали Чайковского и мечтали /.../ и где-то далеко рисовалась тетя Люда, желанная и милая, и Дубисса, и дом...

21 июня 1920 г.

К четырем часам день вливается в хорошее русло. Во-первых, мы получаем повидло. Во-вторых, я иду на вечер Блока.

Вот он, немного смущенный, где-то успевший загореть, с сухим и невыразительным бритым лицом и опущенными углами рта. И голос его обволакивает серой паутиной дивные строчки и ползет такой же беспощадно-холодный в самых лирических местах, как и его лицо, и его серый костюм, и вся поза...

Мы выкатываемся студийной гурьбой. С Чуковским поворачиваем налево кругом и шагаем большими шагами по Мойке.

— Давайте зайдем в Александровский сад, — предлагает он. Он даже хочет, чтобы я написала ему стихи о службе в «Чукоккалу».

Назавтра я иду во «Всемирную Литературу», он хочет мне дать какую-то литературную работу.

22 июня 1920 г.

Чуковский задал нам с Памбочкой³³ азбуку в картинках для детей.

19 июля 1920 г.

Мы все встретились на пороге Публичной библиотеки в субботу семнадцатого. Мы — были: Лозинский — величественный, огромный и солидный, как шестистопный ямб. Катя Малкина, юркая, забавная, непоседливая, как белка. Раиса Ноевна Блох с некрасивым веснушчатым умным лицом, черными, еще более короткими волосами, чем у меня³⁴. Мария Никитична Рыжкина (она же — Памбэ), ужасно милая, остроумная и четырехугольная особа, и я. Все это стадо сперва водворилось во второй номер трамвая, потом в поезд Приморской жел. дор. и устремилось в Тарховку. В Тарховке на вокзале нас встретила уже целая компания, и мы устремились на нашу студийную дачу. Она стояла среди сосен — белая с коричневым шпилем. Внутри не было ничего, кроме разломанных стульев и массы соломы. Мы разгрузились от запа-

* Вдвоем (фр.)

сов и отправились к морю. Мужчины отошли влево, мы — вправо. У меня волосы спутались в бешеный вихрь, и только Лозинский хранил все тот же несокрушимо-величественный вид и все так же безукоризнен был его пробор.

Часть расположилась на сеновале, часть готовила чай, часть убежала кататься на лодке на Разливе. Я была среди последних. Бегали наперегонки. Я взяла первый приз. И наконец усталые, возбужденные и веселые, мы уселись за круглым столом в саду пить чай. /.../

— Пол-первого, — заметил кто-то солидно. И через полчаса мы все с увлечением таскали себе солону для ночлега.

Солома мягко шуршала в нашем углу, где я пыталась заснуть между Катей и Раисой Ноевной. А за окном ветер шептался с сонами о чем-то знакомом и невозвратно-далеком. /.../

Зевая и ежась, я вылезла на балкон мыться. Свежее утро охватило меня с ног до головы и напомнило что-то деревенское, дачное и хорошее из области минувшего.

После чая мы опять пошли к морю. Дорога шла лесом. Иглы и шишки резали мне босые ноги, было больно и смешно. В воде я еще порезала себе ступню о камень, после чего мы решили, что не стоит гулять, а лучше лежать на песке и загорать.

Солнце пекло неумолимо, Maître*, большой и длинный, тяжелой тушей лежал среди серии босых и обутых девичьих ног. Изредка набегали шутки. Потом мы со смехом констатировали, что Maître спит. Он сильно загорел и это придало ему необыкновенно молодой и здоровый вид. Глядя на его богатырскую фигуру, никто бы не поверил, что это лежит ученый, «чудотворная икона», которого ничем не вывести из себя и который сдержан всегда донельзя.

Ужасно не хотелось домой. Меня разморило, глаза слипались, в теплушке было душно. /.../

Ведь это день 3-го Интернационала, и ночью мы целой компанией идем смотреть празднество.

Странная ночь. Облака всклокочены, связаны в узлы, спутаны, взъерошены. Нева плещет на ступени и что-то шепчет. Воют сирены хором бешеных визгливых измученных и жадных голосов, точно стая демонов несется в воздухе.

2 августа 1920 г.

В малиновой гостиной заняты все стулья и кресла и сидят на ковре. Два окна закрыты ставнями, а на фоне третьего колючий,

* Учитель, мэтр (фр.)

сутулый, в лиловой куртке — Ремизов, он читает. И голос его звучит таинственно и уютно. Я слушаю с большим удовольствием и жалею, что нет рукоделья.

В большой столовой мы все «лозинята» сгруппировались в углу и углубились в маленький томик Леконт де Лиля. За столом: Чуковский, Пяст, Вольтинский, Гумилев, Оцуп, Георгий Иванов, Полонская. А у окна в большом и тяжелом, как он сам, кресле — Лозинский читает свой перевод «Эриний»³⁵.

Тишина. Изредка мы поднимаем головы, и мое потрясенное «здорово!» сливается с благоговейным «великолепно» Раи (все это шепотом!).

Затем в зале звонко взлетают отточенные рифмы. Это — Гумилев.

Я сижу, широко открывая глаза. Все тело ноет, словно в синяках. Кожа изъедена комарами, исцарапана морскими камнями и сожжена солнцем. Вчера мы были в Тарховке. Поехали в субботу [31 июля] той же компанией.

Меня охватила непоседливость, и я отправилась одна открывать новые земли. Сперва шла по берегу, по шуршащему песку. Потом стал засасывать лес, и я завернула под сосны. Пел дрозд. Кололись иголки. Пахло смолой и дымом невидимого костра. Попадались окопы, блиндажи и проволочные заграждения.

Так я дошла до пруда, сплошь заросшего белыми лилиями. Мужественно опустила ногу в черную воду, она сразу ушла по колено. Под ступней словно змеи поползли стебли, вверх побежали пузыри, запахло гнилью, тлением, болотом. Я опустила вторую ногу. Ближайшие зеленые листья исчезли под водой, цветы закачались, ныряя и всплывая. Я рвала букет, а стебли, скользкие и тягучие, как резина, вырывались из пальцев и не хотели покидать черную воду.

Капля упала мне на щеку. По веткам зашептал дождь. Я вспомнила о наших на берегу и о своих туфлях. Круто сделав налево кругом, побежала назад.

— Ада! Ада! — зазвучали голоса. — Иду-у-у! — Вот и они... В руках неньюфары спутались с какими-то лесными цветами. Мы идем домой новым путем, плутая по просекам, прыгая через канавы, качаясь на срубленных соснах.

Уже темнело, когда мы все уселись за круглым столом в саду. Пока растапливали плиту и делали чай, мы улеглись на скамейке головами на колени друг к другу. М.Л. читал нам Henri de Regnier³⁶.

После чая решили идти на Разлив смотреть луну. Сели на мостках и затихли. Я спустила ноги вниз. Прямо из воды торча-

ла мачта затопленной яхточки. Луна играла с тучами и бросала картинную дорожку на озеро.

Легли в 4-м часу. Следующий день гуляли. Я строила дом из морских камней: круглую башню. Лозинский сделал крышу из тростника и поджег. Стены остались нерушимы среди пепла и золы.

Нашли местное божество. Серое поваленное дерево с ноздрей на конце и большим рогом на лбу — не то крокодил, не то исхудавший носорог. На нем вырезано: Е.Гнатенко. 15/VIII.1916 г. 15-го придем справлять день рождения Гнатенки!

7 августа 1920 г.

Мои именины. Боже, как грустно!

В четверг [5-го] я познакомилась с Сергеем Городецким... Он мне не понравился. Лицо — хищной птицы. Зубы — хищного зверя. И говорит обо всем со страшным апломбом.

Вчера, в пятницу, пришел Лаубе³⁷. Говорили о прошлом, подтрунивали над новыми слухами о выступлении Финляндии.

Во сне Двервезы и Витусь³⁸, и, проснувшись наутро, я ощутила невыразимую пустоту, страшную жажду увидеть Марусю.

17 августа 1920 г.

Я шла еще полузаспанная на службу, когда Александра Евстафьевна³⁹ неожиданно заявила:

— Адочка, я хочу Вас соблазнить переехать в нашу квартиру на углу Прядильной. Вам будет удобно. Квартира уютная, библиотека чудесная, рояль и фисгармония. Вестовой Леонида Николаевича будет ходить в кооператив — маме будет легче! Соглашайтесь!

Единственным недостатком квартиры было то, что надо было жить вместе с Леонидом.

Вечером я отправилась посмотреть квартиру и сразу же погибла в библиотеке. Книг была масса, безумно интересных по всем отраслям искусства, философии и истории.

Я стояла на лестнице, жадно перелистывая страницы, и соседство Леонида казалось мне такой ничтожной и вполне выносимой неприятностью.

— Я уже переехала душой! — заявила я.

Так решил этот вопрос.

В субботу мама позвала к телефону — это был Maître, который неожиданно атаковал меня, желая прочесть мои стихи.

Мы болтали около часа. У меня гораздо больше апломба, когда его не вижу...

/.../ Я отправилась в Шлиссельбург (точнее в Лобаново) с экскурсией Севконснаба. Было непринужденно и весело.

Ехали 4 часа. Так как пароход был закрытый, то вылезли на крышу, причем искры прожгли мне платье и шапку, а Каценеленбогену⁴⁰ костюм. Приехали часа в 2. В лесу была масса брусники и грибов. Мы бегали, играли в горелки и пели. Как-то забежали с Каценом вперед и отдыхали у дороги. Лениво разговаривали. Облака таяли и снова нарастали в большие клубы.

ТЕТРАДЬ №10

(с 30 августа 1920 по 27 августа 1921)

30 августа 1920 г.

Горят леса, и Петроград утопает в молочном тумане, в котором растерянно блуждает горячее бледно-розовое задыхающееся солнце. Какое-то бредовое ощущение /.../ Целая бездна отделяет беспечного Морица от Морица — девушки с встревоженной душой, которая пишет сегодня.

Итак, 19 августа мы поехали в Тарховку впятером — дружная компания, которую я прозвала «рукой». Мизинец — ртутная Катя, безымянный — он же Макс, он же Памбз; средний — солидная, добродетельная Рая, я — указательный. И большой — Pousse — Лозинский.

Там Maître читал Уэльса «Калитка в стене». Она открывалась, когда действительность остро давала себя чувствовать. Герой вошел однажды и упал в известковую яму, когда хотел покинуть обычное. Вошла бы я в зеленую калитку, если бы знала, что благодаря этому потеряю большое, реальное, будущее счастье?

Когда мы поднялись наверх, то перед сном улеглись на соломе в комнате Maître'a.

Я лежала первая от окна, потом — он, потом — все девочки.

Я заложила руки под голову. Вдруг мне показалось, что Maître положил голову на мой локоть, я не могла сказать наверное, т.к. рука затекла от неудобной позы и не двигалась /.../ Мне показалось, что открылась зеленая калитка в сад сновидений, где пантеры играют в мяч.

В пятницу 27 августа опять покатали в Тарховку в том же составе «руки». Я придумала Maître'у прозвание *Chère-folle*⁴¹. Он читал что-то об орхидеях⁴², куря трубку с крепкой махоркой.

В городе туман, белый, душный, от дыма горящих лесов.

16 сентября 1920 г.

Жизнь моя полна внутренних и внешних событий, и нет ни минуты сесть за дневник и разобраться в себе и в окружающем.

Служба иногда обдаёт меня мучительным жаром отвратительной житейской сутолоки, иногда я чувствую, что вся эта работа непосильна и убийственна, иногда хочется кого-то побить и излить свою усталую досаду, но я нашла теперь хорошее лекарство. Беру «Горный ключ» моего милого светлого Шерфоля⁴³ и обливаю себя холодным душем светлых слов.

Шерфоль был у нас в воскресенье [12-го]. Я не могу передать словами, как все было. О шахе было писать легко и просто. О Шерфоле я не умею писать. Может быть потому, что все это слишком хорошо, чтоб можно было поверить наяву, может быть, это все слишком невероятно...

Он разбирает мои стихи строчка за строчкой, как профессионал бесстрастно, хвалил и бранил. Потом он пошел в кабинет позвонить брату и был такой близкий и родной.

Когда я легла спать после его ухода, мне стало вдруг страшно: какая пустошь образуется в моей жизни, когда он уйдет из нее, а он уйдет, он должен уйти несомненно.

Теперь я не пропускаю ни вторников, ни четвергов. Почти каждый вечер он звонит, милый, сердечный...

Скоро переезжаем к Леониду Николаевичу.

26 сентября 1920 г.

Мы сидели в пятницу [24 сентября] в поезде — Макс, Мориц и Шерфоль. Вышли — появилась Инна Рождественская⁴⁴ с возгласом: «вот и я!». Это было ужасное разочарование, и я без смеха не могла смотреть на лицо Шерфоля. Вот и приехали!

Милая дача, на которой пережита целая вечность! Пошли в лес. Оранжевые просветы между черными соснами, смягченные потускневшие краски, тайна вечеряющего леса и вдруг яркое пятно малахитовой лужайки.

Мы вышли на берег, где на песке дремал наш местный бог, старый верный Гнатенко. Справа небо догорало блестящими солнечными смерчами, разлетались, не меняя формы, облачные эринии, волоча по кровавому небу серые плащи и сизые крылья, — медленно, медленно наползал всепоглощающий черный пепел.

Прямо неожиданно близко выступал Кронштадт с большой мономаховой шапкой собора. А слева светила японская луна, круглая, ясная, холодная, бросая на воду горсти серебряных плескающихся рыбок, кот[орые] все ближе и ближе подбегали к нам беспокойной стайкой.

Я сидела на боку Гнатенки, грела замерзшие руки о трубку Шерфоля и чувствовала его взгляд на своем лице. И, забывая,

что это не жизнь, а сказка минутная, с головой зарывалась в призрачное счастье.

Шли обратно через лунный лес. Казалось, вот-вот войдешь в такую чашу, что и не выбраться больше, но деревья расступались, раздвигались, и луна плела светлые тропинки по мхам и травам. Ш[ерфоль] открыл пруд, неподвижный, как осколок черной эмали, — его не было днем.

Мы медленно приближались к дому, но дачи не было, просвечивало небо, пустое, ночное...

И только в двух шагах выступила она из-за деревьев.

Ужин был феноменальный — картошка, жаренная на масле, которую мы все дружно ели из общей сковороды. Было жарко от плиты и «камышового» чая.

— Пойдемте на луну освежаться!

И мы бродили по лунной дороге, залезали на пустую белую дачу с колоннами, похожую на храм, смотрели на звезды. Ш[ерфоль] показывал нам созвездие, похожее на двоеточие, кот[орое] казалось ему необыкновенно унылым.

— А по-моему, наоборот, — заявила я, уже влюбленная в тайное продолжение двоеточия. — Какие возможности открывает двоеточие, какое счастье скрывается за ним... что-то будет сказано дальше...

Около трех пришли домой. Ш[ерфоль] пришел к нам в гости. Непрошенная Инна моментально заснула — это были, очевидно, чары Гнатенки!.. А мы лежали. Шер пикировался с Максом. Перед уходом к себе он крепко укутал меня своим пледом «тигровой породы» и пошел к себе мерзнуть под одним пальто. Я слабо протестовала.

Мы проснулись в первом часу дня. Инна уехала с 4-часовым поездом. И наконец мы очутились втроем в составе «малой руки».

Провели еще день в Тарховке. Проснулись в четверть двенадцатого. Надо было торопиться, т.к. наш поезд отходил в час. У Шера было заседание, и это был единственный поезд, который его устраивал. Решено было, что мы с Максом поедем побродить на Острова, а к пяти часам придем в гости к Шеру.

Мы смотрели у него в кабинете его любимых китайцев на стекле, барельефы, отвратительную китайскую собачку типа гусеницы, украшающую его письменный стол, потом пили чай из музейных чашек, позолоченных внутри, в которых чай был похож на красное вино.

Оказалось, что Гумилев звал Шера на какую-то обольстительную выпивку, но тот отказывался, так как уехал из Тархов-

ки из-за какого-то скучнейшего заседания и честно хотел выполнить программу. Как ни звал его Гум по телефону, как ни уговаривали мы с Максом, он остался тверд, как гранит.

28 сентября 1920 г.

Последний семинарий Шера перед отъездом его в дом отдыха на две недели в Царское Село. Мы — en petit comité*: Макс и Мориц и он. Переводить не стоит, и он читает нам свои собственные переводы. В этой области он единственный: schön и treu**, вещи несовместимые для нас, грешных. Изумляешься, как он перевоплощается в Leconte de Lisl'a. Но я молчу и только мысленно пою ему дифирамбы.

— Завтра юбилей Кузмина. Вы не собираетесь, Макс и Мориц?

— Я вряд ли смогу.

— А я наверняка нет, — басит Макс.

— А я должен быть, неудобно.

— Нет. Я не пойду. Еще столько дела в квартире! Такой хаос!

Шагаю под звездным небом домой и не знаю, не засосет ли меня завтра на Кузмина какая-то неведомая сила?

30 сентября 1920 г.

Когда я попала в битком набитый душный зал, где на эстраде что-то читал, запинаясь, маленький ненастоящий Кузмин, сразу охватила удивительно родная атмосфера.

Вот в углу черная голова Раи, Лева Лунц, Катя, а между Радловым, Чудовским⁴⁵, Анной Радловой⁴⁶, Оцупом, Гумом и К° — Шерфоль.

Кузмин дочитывал рассказ, по-видимому, что-то интересное о двух близнецах, но, опоздав к началу, я ничего не могла понять. Дребезжащий голос звучал откуда-то издали, глотались и слова. Я бросила тщетную попытку постигнуть, в чем дело, и занялась тем, что рассматривала профиль Шера. Кузмин кончил, и начались вокальные номера. Второе отделение. Я теряла представление о времени и месте, слушая Александрийские песни. Затем на эстраде пели старинные раскольничьи «духовные песни», похожие на нестеровские рисунки — «пятница, красота христианская». Я знала, что Шеру они нравятся больше Александрийских песен, и когда Катя спросила его об этом — так и оказалось.

* В малом составе (фр.)

** Прекрасный и верный (нем.)

1 октября 1920 г.

Шер с банкета в честь приехавшего в Петроград Уэльса и рассказывает много интересного. Амфитеатров сказал чудную речь, которую Горький даже предпочел не переводить для Уэльса на английский, что-то вроде следующего:

«Вы попали в лапы доминирующей партии и не увидите настоящую жизнь, весь ужас нашего положения, а только бутафорию. Вот сейчас — мы сидим здесь с Вами, едим съедобную пищу, все мы прилично одеты, но снимите наши пиджаки — и Вы увидите грязное белье, в лучшем случае рваное или совсем истлевшее у большинства. Знакомясь с нашей жизнью, снимайте побольше пиджаков».

Шкловский, *enfant terrible**, ругал Антанту. А сам Уэльс говорил о нашем *bad gouvernement***, что М.И. Бенкендорф⁴⁷ дипломатично пропустила, переводя — *most strange experiment**** как «великий опыт».

Шер сказал: «Вы самая живая из живых. Я самый мертвый из мертвых. Вы не знаете меня мертвым. Вы так чудесно воскресили меня. Когда я с Вами, во мне клокочут какие-то молодые силы!»

Рассматривала его ладонь. Линия судьбы всю ее пересекла. Линия ума кончалась звездой. Я родилась под знаком Луны и ей подчинена. Л. говорит, что в Ц[арском] С[еле] будет и Ахматова: «Мы были очень большие друзья. Она странная. Ищет себе муку мученическую... Теперь нам как-то не о чем говорить».

5 октября 1920 г.

Каюсь, что жду четверга и его приезда. Больше всего на свете я соскучилась по Марусе. И что бы я дала, чтобы она была здесь. Мой сиамский близнец!

9 октября 1920 г.

Шерфоль переводил *Magicienne*⁴⁸. Я окончательно не могла переводить... После лекции [7-го] мы направились в зал, где Блок читал что-то очень скучное о Короле Лире⁴⁹. По дороге в меня вцепился Каценеленбоген, и я совершенно нелогично вдруг обрадовалась.

Была у Кунов. Я штопала чулки, вернее тщетно пыталась их штопать...

Сегодня у нас был феноменально уютный и феноменально голодный вечер. Мы съели все самые заваливавшиеся сухари и кор-

* несносное дитя (фр.)

** дурное правительство (англ.)

*** более чем странный опыт (англ.)

ки!.. Вчера была читка всех пьес (Муйжеля, Струве и моей), написанных к Юбилею⁵⁰. Был пирог с капустой, который интересовал меня гораздо больше... Никому из восьми мужчин, слушавших пьесы кроме меня, и в голову не могло прийти, что я, веселая, оживленная, в светлых замшевых сапогах (остатки прежнего величия!) еще сегодня не обедала, да и не буду обедать.

Так я сижу в кресле. Вокруг комната по-осеннему уютная. Медленно начинает темнеть. Начинаю перебирать грудку книг на столе. Под *Fleurs du mal* Baudelaire'a* тоненькая тетрадка в оранжевой обложке.

Мы были свет, мы были волны,

Мы были утренний туман...

На память о Тарховке. М.Л.⁵¹

[Из Дневника М.Н. Рыжкиной. Далее: М.Р.]

20 октября 1920 г., среда

Мориц сманил меня в балет на «Спящую красавицу». Пошла, конечно, особенно потому, что Мориц собирался сманить с собой и Солнышко. Этого сделать не удалось, так как его не могли отыскать, но в общем было отлично. Балет славный.

21 октября 1920 г.

Хандрила в Университете, т.к. ни Платонов, ни Зелинский⁵² не читали, а одной в праздной студенческой толпе мне всегда невмозготу. С удовольствием, в промежутке между часами их лекций, занимаюсь в «дисциплинке». Мих.Леон. не будет бывать у нас по четвергам, так как Союз поэтов устроил свои четверги, и, конечно, он будет там, у нас же (лозинят) вероятно будет «малое эрми-тажное собрание» по вторникам.

24 октября 1920 г., воскр.

Новоселье у Морица. «Рука» в полном составе. Обратное возвращались с ним вдвоем. Разговор о моем творчестве... Начать мне на лотос и на жизнь.

[А.О.]

25 октября 1920 г.

После обмена быстрыми рукопожатиями без всяких посторонних разговоров сразу сели за перевод *Heredia* в течение трех часов. Шер рассказывал мне волшебные вещи о том, что он в Царском был со мной вдвоем и что на ризе священника в Федоровском соборе были инициалы А.О. — альфа и омега!⁵³

* «Цветы зла» Бодлера (фр.)

— В воскресенье, когда придет «рука», ты приходи пораньше...

До прихода «руки» он рассказывал мне об акмеизме и Мандельштаме. Потом рисовал нам гербы.

[М.Р.]

27 октября 1920 г., среда

Во вторник [26-го] на переводе был Мандельштам. Он очень интересен по внутреннему содержанию, и лицо /.../ у него недюжинное... С Маїт'ом они большие приятели. Морица не было, что нас с Мих.Леон. изрядно огорчило.

[А.О.]

29 октября 1920 г.

Убеждала себя, что должна отказаться от Ш[ера] и не мутить его горный ключ.

С чердака украли все белье. У меня фактически одна рубашка, которая была на мне.

[М.Р.]

30 октября 1920 г.

Мориц болен и не был в Студии во вторник и четверг. Ни у него, ни у нее нет телефонов. О четверге. Был вечер национальных поэтов. Ни весело, ни скучно. Мих.Леон. сманил /.../ с середины. Сказал: Макс самый умный палец из всей руки (после Ады и после него). Не велика честь быть догадливее младенца Кати и Райсы с ее «нет, этого не может быть».

2 ноября 1920 г.

На переводе опять присутствовал Мандельштам, почему Маїт'ик после занятий устроил чтение стихов. Читал Мандельштам, читала Маїтре, читала Рада Густавовна (Кулибаба)⁵⁴, читали студисты, среди них Мориц.

До того ходили смотреть памятник Николаю I, ранее подробно рассматривали «Медного всадника», когда Мориц спросил: «Вы встали на цыпочки и поцеловали копыто коня?» — «Нет — я почтительно наклонился и поцеловал его, — ответил Он. (Теперь М.Л. этого не делает). — Тот конь — Россия, а этот — Третье отделение», — был остроумный ответ.

Теперь, когда есть «рука», не страшно уйти в темноту, — она меня пожалеет.

3 ноября 1920 г.

По средам в Студии читает Гумилев, но ввиду его отъезда Маїтре должен был его заменить, и все верные лозинята in corpore

явились на лекцию. Maître, чужой и официальный, говорил чуждые вещи, ходил, склонив голову набок, и чертил на доске графики ямба. «Каждому метру свойственно претерпевать видоизменения», — сказал метр, что вызвало смех сидевших за ширмой Макса и Морица — к вящему негодованию Галины Васильевны.

21 ноября 1920 г.

Maître именинник в квадрате, т.к. сегодня день Михаила Архангела и вечер Леконт де Лиля. Правда, последний только в Доме Литераторов. Читали Левинсон, Гумилев, Рождественский и Maître. Господи, как он удивительно переводит! Только диву даешься да языком щелкаешь! Он был мил, весел, элегантен. По случаю дня его ангела на вечере была Татьяна Борисовна, Григорий Леонидович и Maître'ова мать — славная старушка, на которую сын очень походит⁵⁵.

29 ноября 1920 г.

Катя Малкина покинула семинарий от влюбленности в Maître, о чем ему написала. Рая — о собаке, готовой умереть за хозяина. По словам Морица, «один Макс не доказан». Когда Мориц сказал ему, что Ранса влюблена в него, он ответил: «Ну, что Вы! Зачем говорить такие неприятности!»

[А.О.]

1 декабря 1920 г.

По вторникам и четвергам мы виделись в Студии, в пятницу он бывал у нас. Были вдвоем на свадьбе знакомых. Я подумала: может быть, Бог и создал нас друг для друга, но среди массы иных дел забыл об этом. Но нельзя же предаваться горьким мыслям на свадьбе!

Наутро я проснулась — лучезарная, с таким избытком энергии, что прямо не знала, что с собой делать. Потащила Джона в Александро-Невскую Лавру к Матвею Блаженному молиться. Было тихо, безлюдно. Я чувствовала себя такой бесконечно живой и счастливой среди всех этих крестов и памятников и мертвецов.

3 декабря 1920 г.

В четверг Курилко позвал к себе посмотреть мастерскую и лекции. Пришлось целую вечность стоять на трамвайной остановке, и наконец оказались перед его картинами.

Обе его вещи я помню еще с выставки в Зимнем Дворце, но теперь, увидев их снова, я холодела в качалке и чувствовала полную способность разреваться, глядя в глаза матери с чашей крови в руках.

Потом смотрели коллекцию миниатюр и тельных крестов и ели «английские» бутербродики в столовой, завешанной иконами, сидя на стульях времен Алексея Михайловича.

Сегодня Maître'ик был у меня на службе. После его визита в 100 раз лучше слушала Анну Мейчик у нас в клубе, и малиновое варенье в обществе остальных членов культпросветкомиссии показалось в 200 раз вкуснее.

Корнилов, коммунист и женоненавистник, неожиданно «пошел гулять в мою сторону» и проводил меня до самых ворот. И у ворот мы еще постояли с полчаса, дебатировав на политические темы. Он искренне верит в коммунистическую мечту и в мировую революцию.

А я горячо доказывала ему их реальную несостоятельность.

5 декабря 1920 г.

Сколько раз бедный мой ангел-хранитель закрывает себе лицо крыльями, чтобы не видеть наших поцелуев, и делает пометку черным грифелем на странице моих преступлений.

[M.P.]

13 декабря 1920 г.

Были в гостях у меня Мориз и Maître. Живу я в бывшем кабинете отца, где скопился холод⁵⁶. /.../

Куда он не пойдет, чтоб повидать Аду. Милые мои Морчик и Maître'ик! Люблю я вас обоих — любите хоть немного и вы Макса. Право, он хороший, хоть и неудачник.

15 декабря 1920 г.

Раиса принята в Союз поэтов⁵⁷.

[A.O.]

15 декабря 1920 г.

В субботу был Maître'ик. Пятница перенеслась на субботу.

Стали говорить о моих стихах. И он так жестоко разбирал их в отношении формы (вопли моей души!), что было и больно, и смешно.

— Варвар ты немецкий! — улыбалась я.

В воскресенье я проснулась с мыслью о том, что вечером мы встретимся с варваром у Макса. И довольно долго не вставала, думая о нем. Когда, наконец, я высунула большой палец правой ноги из-под одеяла, был уже пятый час и горело электричество. Я села читать «Иесте Берлинг»⁵⁸.

Пробило 7 часов и надо было идти к Максусу и... не хотелось. Я вдруг почувствовала, что способна променять реальное счастье на мифическую «зеленую калитку» и удрать с Иестой Берлингом от волков, предоставив Шерфолю Максусу.

Мама заглянула ко мне.

— Ты не пойдешь? Я рада, что «поэтическая блажь» прошла, и вы снова руководитель и ученица.

И вдруг стало страшно от мысли, что он будет когда-нибудь только руководителем. И я отправилась к Максусу быстрыми шагами.

У Максуса топили камин и было чудесно. Мы вышли вместе, а пока мы были у Максуса, настала зима и все было бело и сыпал мокрый мелкий снежок.

Вчера /.../ успела попасть в Студию. После лекции я задержала Шера на лестнице, чтоб дать ему стихи, и он сразил меня ликующей новостью:

— Знаете, пчелоглазый, — (с'est moi, donc!*), — я начал писать стихи о вине...

— Вот чудесно!

Он сказал только две первые строчки, но у пчелоглазого голова закружилась от двух слов. Тут подоспели остальные, и он весь вечер декламировал по-латински.

Господи, как я рада, что Майт'ик начал писать! Только бы не бросил! /.../ В субботу он сказал, что он ничего не помнит. А у меня стенограммы всех разговоров в голове, в сердце, в печени.

Вот один разговор у печки:

— Скажи, про тебя сказала Анна Ахматова:

Как не похожи на объятъя
Прикосновенья этих рук.

— Нет, не думаю. Отчего ты спрашиваешь?

— Ты любил ее? — (Боже, какой вопрос, он обжег мне губы каленым железом).

— Нет! Не любил... Не хотел ее любить! Мы потом были большие друзья.

— А она тебя? — мне показалось, что я только подумала, но я спросила. Откуда взялось мужество!

— Да.

Это чужие тайны. Я пишу их потому, что весной уеду на Литву, разорву свою душу на две части и сожгу свой дневник!

* Это я-то! (фр.)

Сероглазый шах предсказал, что ценою страдания купив душу, я стану писать «большие» стихи. Милый Шерфоль! Ты предтеча этих страданий... Одна мысль о разлуке с тобой невыносима, но я уеду! Может быть, самое важное, чтоб я написала большие стихи?

[М.Р.]

20 декабря 1920 г.

Вот-вот со мной что-то случится.

Поэт — как же. Гумилев прозвище мое знает и на улице кланяется, с Блоком как-то раз за руку поздоровалась, с Чуковским при встрече целуюсь, Лозинский в доме бывает и полуименем зовет, но они будут уходить втроем (М.Л., А.О. и Рая) или вдвоем в Союз, а я буду плавать в студийной бездарной тине с Зив, Каукаль⁵⁹ и пр.

22 декабря 1920 г.

Сегодня были впятером на Всенощной Рахманинова в Капелле. Бронников — заммизинец⁶⁰. Было хорошо. Взгляд упорно искал образов, а рука складывалась в крестное знамение, но религиозное чувство, не находя себе удовлетворения, как-то замирало в воздухе... После Всенощной пошли в Дом Искусств, за оставленными портфелями. Попросили Бронникова поиграть, устроились в Сан-Суси, где теперь помещается живописная студия. Потом, как всегда, Мориц с Бронниковым пошли направо, а мы все трое налево. М.Л., беседуя по дороге до Михайловской улицы, где живет в гостинице Европейская, говорит: — В этом вся прелесть нашего времени — вьемся, как плющ среди развалин.

23 декабря 1920 г.

Решила читать наш коллективный оевнге* с Владимиром Познером⁶¹ — «Четвертый вечер поэтов». В Доме Искусств всяческие перестановки. Стало ужасно неудобно. Передняя вместо канцелярии, а канцелярия в Колонном зале.

М.Л. проверяет наши переводы для журнала «Дом Искусств». Бронников хотел играть, ушел к Чуковскому за нотами. Нот не было, решили расходиться. Собираемся ехать на Рождество 7-8 января в Тарховку в составе трех пальцев.

[А.О.]

29 декабря 1920 г.

Были всей компанией в Певческой капелле на Всенощной Рахманинова.

* Произведение (фр.)

Домой явилсяследователь по поводу покражи и безапелляционно заявил, что как «рабочий и коммунист» он видит, что мы ни в чем не нуждаемся, хотя видел-то он одну смену белья на двоих. Сознание, что вот такой хам имеет право что-то решать в вашей судьбе, было страшно оскорбительно, и я страдала так, как будто мне дали пощечину.

[М.Р.]

30 декабря 1920 г.

Сидели в Сан-Суви. Бронников играл. М.Л. рисовал учениц. Меня изобразил с круглым лицом в профиль, но вместо лба, носа и подбородка вензель Е П и подпись «И.Левицкой, 1782». Сговаривались о встрече нового года. Начнем в Доме Искусств, а потом пойдем в «рукавичку». Так как нас только трое, то есть Негг Lampel, Мориц и аз многогрешный, то может быть мило.

1 января 1921 г.

Встреча прошла незаметно, М.Л. не пришел, так как очень больна его дочь Наташа, а Мориц отправился ко мне домой.

«Русофесор» вступил в новый год. А двадцатый год был все же очень хорошим и ярким годом!

[А.О.]

1 января 1921 г.

Боже, в каком настроении проснулась я 30-го!

Накануне Гумилев сидел на нашем переводе, после которого захотел послушать моих стихов, чем я его и угостила /.../ Гум сказал, что «несомненно талантливо», но нужна «школа». Макс и Рая засыпали меня поздравлениями. Сам непогрешимый Гум!!!

31-го каталась на автомобиле, и был чудесный мороз и все великолепно, но часов в 7 вечера, когда я позвонила Максу — Как обстоят дела? — Ответ был таков: — У Maître'a очень больна девочка. Так что вряд ли он будет.

У меня сердце сжалось от беспокойства, но я сказала в трубку: — Макс, приходите все-таки. Я буду независимо от Maître'ика...

Я вошла в комнату перед концертным залом в полдевятого и сразу увидела Макса, который, выразив одобрение моему туалету и общему виду, dokonчил:

— А Инна встретила Maître'ика, у его девочки менингит, он просил передать, что не будет. Сказал ей: «У меня дочка умирает...»

Я сидела в кресле, и Скрябин до боли царапал мне душу, а в сердце росло беспокойство и страх:

— Боже мой! Неужели это он расплачивается за нашу любовь?

Мы не встречали нового года, я пошла ночевать к Макс, и до трех часов мы сидели у камина и к каждой фразе припевом звучало: Бедный Maître!

Дома мама сказала, что менингит у детей почти всегда безнадежен. И я стояла у холодной двери балкона и плакала отчаянно о девочке, о нем, о себе! Уж лучше бы как-нибудь обменять ее на меня. Все равно мне уж больше не хочется жить.

3 января 1921 г.

Макс ничего не знал. *Pas des nouvelles — bon nouvelle**.

И вдруг звонок. Maître'ик!

Девочке гораздо лучше. Может быть это даже не менингит. И есть большая надежда на поправку.

И он не разлюбил меня и не окаменел снова; и ему не хватало меня в эти тяжелые минуты и он верит, что и моя помощь тут была. Господи, только бы ничего не изменилось к худшему. Одним словом, я воскресла из мертвых.

[M.P.]

4 января 1921 г.

Второго вечером мне звонил Maître. К великому счастью, его девчурке лучше, и сегодня вечером он вероятно будет в Студии. Слава Богу! Но как перевернуло нашего бедного Maître'ика! Я не узнала его голос по телефону, а вчера, зайдя в библиотеку, была свидетельницей зрелища совершенно невероятного. Он заглянул только на минутку, небритый, усталый, с красными глазами. Разговаривая с нами о первых припадках у девочки, он вдруг сморщился и всхлипнул.

[A.O.]

10 января 1921 г.

На следующий день я видела Maître'ика в студии. Он пришел на два часа.

И в сочельник он все-таки был у нас /.../. Зажгли елку, погасили электричество и сидели все четверо, такие совершенно родные.

Милая маленькая Ниби уезжает 14-го в Гапсаль. Увидимся ли еще?

* Отсутствие новостей — уже хорошая новость (фр.)

16 января 1921 г.

Новый год по старому стилю встречали неожиданно у Кунов. /.../ На следующий день необходимо было увидеть Maître'a, чтобы совсем погасить тот Новый год, с ручьями слез. Отправились с Максом в Библиотеку под предлогом переговоров о маскараде, который должен был происходить на следующий день в Доме Искусств.

Когда мы, бесшумно ступая валенками, вошли в зал, где Рая разбирала карточки, я увидела Maître'ика, который сидел спиной и что-то писал⁶².

Я испытала робость перед даром человечеству, собранным там, — явилась шумная, звонкоголосая, с «муфтиками», шалостями, а стала тихой и благоговейной.

Все «умы» руки были заняты маскарадом и добыванием костюмов.

Мне предложила одна сослуживица чудесный настоящий японский костюм. Правда, к моему типу нечто неподходящее, но на безрыбье и рак — рыба, я с благодарностью взяла его. Две хризантемы на голове, лиловое кимоно, вышитое белыми цаплями и розовыми цикламенами, лиловые чулки и деревянные скамеечки вместо туфель.

Дома при примерке меня раскритиковали.

— Ничего общего с японкой. Совершенно не твой тип!

— Конечно, я понимаю, что японка должна быть лирической, нежной и маленькой, но что ж делать? Я сама бы предпочла быть цыганкой, ковбоем или Морицем.

И вот в половине одиннадцатого я поднимаюсь по лестнице на своих скамеечках, в обществе Макса, который в мужском боярском костюме и маске, совершенно не изменивших облика.

В зале — концерт. Народу уже довольно много, но костюмированных мало. Я присела на скамеечке у окна, совершенно не зная, что с собой делать, когда ко мне подошел серый капуцин, завязанный веревкой, и сказал незнакомым голосом: — Это мое место. Я здесь сажу.

— Но мне здесь уютно, — ответила я, с грустью услышав, что моя попытка изменить голос не удалась.

— Для капуцинов нет тайн, — продолжал монах, вдруг самым дорогим в мире голосом докончив: «А.И.О.Я.».

— Вы знаете — поразительно! — восхитилась я. Он как-то уменьшил рост, совершенно изменил походку и, главное, голос.

На горизонте показался Макс. И, присев невдалеке, стал прислушиваться. Монах поговорил с ним и ушел. Макс спросил, ничего не подозревая:

— Гейша, Вы видели зуава? Я убеждена, что это Maître.
Я не стала разубеждать.

Понемногу публика съезжалась. «Ласточка» в костюме черного Пьеро. Веселье было какое-то притянутое за волосы, и я холодно поедала ужин и пирожные, которыми угощал «Ласточка». От маски было жарко, я все время дрожала за свой костюм, танцевать было невозможно из-за давки. Стоило мне открыть рот, как меня узнавали. Нашлась Рая в монашеской рясе с «*cor ardens*»⁶³ на груди.

Она искала исключительно Maître'a. Я делала вид, что не знаю, где и что он.

Наконец, когда его инкогнито все-таки было раскрыто, решили снять маски, а я заменила свои скамеечки белыми туфлями. Стало легче, но вся Рука ходила влюбленной свитой за Мишем и нельзя было сказать ни слова.

Улучив какую-то секунду, я шепнула ему:

— Что ж, так весь вечер и будем ходить стадом? Я хочу Вас для себя на минуту.

— Мне тоже надо много Вам сказать. Пойдемте в зал.

Мы с трудом пробрались через толпу смотрящих на танцы и сели; но не успели открыть рта, как, словно по щучьему велению, из-под земли вырос Макс, откуда-то сбоку подошла Рая — теперь уже в белом платье, — и выскочила из толпы Катя.

Первый раз в жизни я почувствовала, что Рука может довести меня до бешенства, а *imperturbable*'ный* Maître провозглашал «Да здравствует Рука!»

— Катя, хотите я представлю Вам кавалера? — и, воспользовавшись этим предлогом, я ушла с Катей. И занялась болтовней с первым подвернувшимся знакомым в красной гостинной. Подошел Миш.

— Куда от них бежать? — жалобно шепнула я.

Мы сели в маленькой столовой у камина. Миш пошел за чаем. В рамке двери появилась белая меланхолическая фигура Раи. Благословляя отсутствие Maître'a, я усердно пряталась за масками. Рая постояла и исчезла. Миш еще не успел вернуться, как явился Макс. И мрачно встал рядом у стенки. Maître пришел с двумя стаканами, при виде Макса стал упорно предлагать ему один из них, и Макс догадался ретироваться. Только мы взглянули друг на друга, как из правой двери влетела Катя.

— А Макс и Рая вас ищут.

Это становилось похоже на фарс.

* Невозмутимый (фр.)

— Мы уже их видели! — с мэтрической выдержкой сказала я.
— И — enfin seuls!!!*

Миш прочел мне свою рецензию о моих стихах, которую я подаю в Союз поэтов, чтоб попасть в число его членов. Мы сговорились относительно кануна Крещения, чтоб устроить гадание у него в Рукавице и чудесно поболтали, пока опять все не сошлись к нам.

Самое главное было то, что я ему нравилась с моими хризантемами и цаплями и цикламенами!

/.../ «Ласточка» сидит и ждет в вестибюле, когда я соблаговолу идти домой. А я... «за зеленой калиткой»!

Мы сидим в комнате перед залом, где исполняют какие-то пародии, и Миш говорит мне такие великие и страшные слова /.../

Зачем он себя мучает мыслью о том, что я «перевернусь на каблучках», а ему придется жить до смерти, а жить без меня хуже смерти? Да ведь и я не могу без него!

Джон и «Ласточка» зовут домой. Как ужасно уходить от него!

17 января 1921 г.

Почти не спала... Всю ночь просыпалась от странного чувства: казалось, что пухнет сердце и мешает своим присутствием.

Последний раз, когда он был, опять произошла трагедия! Я поставила мокрые сапоги в духовку, а мама затопила плиту и устроила крематориум. Сапоги погибли во цвете лет, остались только пылающие каблучки... /.../

25 января 1921 г.

Пришло письмо от Маруси. Она с 8 апреля замужем, пишет: «Мы влюблены по уши друг в друга...» Счастливые! Хотя — по уши в Януся? А затем: «Ст[анислав] Эд[уардович] тоже здесь. Мы иногда встречаемся и вспоминаем Петроград и тебя; ему здесь очень одиноко и тоскливо».

26 января 1921 г.

Дома вижу на столе бутылочку чернил. Это я вчера жаловалась на то, что пишу кофе, и Леонид Николаевич уже оказывает внимание. Жалко, что он такой безнадежный /.../ Ужасно хочется скорее весну. Я уже предвкушаю ту бездну стихийной радости, которую принесет мне солнце!

31 января 1921 г.

Я села читать «Петербург» А.Белого. И надо же, в главе «Опять печальный и длинный» было сказано: «Место, куда Миша

* Наконец одни (фр.)

ушел безвозвратно, пустело в светлом круге, и не было никого, ничего, а только ветер и слякоть»⁶⁴. (Теперь я, пожалуй, и не найду этого места!) Стало смертельно жутко! Речь не шла о герое романа. Почему Миша? Почему Белый назвал этого «грустного и длинного» именно так? И вывел его на одну секунду, на полстраницы, чтоб сказать о нем десять фраз и одну такую страшную?

2 февраля 1921 г.

С наслаждением вывожу самоварчик, чтоб написать февраль. Уже что-то предвесеннее!

Миш передал записку: «Это не счастье, а другое, что больше и страшнее счастья. Это уносят за могилу. Мы связаны с тобою страшным таинством и имени ему не знаем».

Сегодня вечером первое заседание Цеха поэтов. Вдруг телефон, Maître: — А.И., у меня к вам экстренное дело. Диктуйте мне скорее Ваши стихи. — В чем дело? Зачем? — Мы сейчас Вас будем баллотировать в члены и нужны Ваши стихи. Причем имейте в виду, что это происходит по инициативе Гумилева. — Да ну! Какой он милый! Я ужасно тронута! — Это Вы — милая, а не он! — И я диктую. Он там стенографически записывает. И обещает позвонить о результатах. Опять звонок. — Позвольте Вас приветствовать!

Итак, я — член Цеха.

6 февраля 1921 г.

Вчера был маскарад в Институте истории искусств. В час погасили электричество и при свете керосиновых ламп продолжали дальше веселиться. Танцы.

Потом пришла Рада Одоевцева, и мы устроились у камина en quatre* (плюс — Гумилев). И этот последний час у пылающих дров (был уже седьмой час) остался красивым в памяти. Я иногда чувствовала себя прегордо. Вот, мол, я какая! «Генерал!» — как говорит Maître'ик. Думала ли я, что так будет когда-нибудь! Поэт среди поэтов! А камин трещал, разбрасывая искры, освещая Гума в черной плюшевой пелеринке Одоевцевой и с моей маской в виде шапочки, кружевом вверх, на голове, и Раду в черном платье с угловатыми белыми плечами и забавно всклокоченной милой головкой, и Maître'a рядом со мной с белым пластроном, большого и элегантного, и вокруг какую-то неведомую публику. Гум читал свою «Песенку»:

Весь мир лишь луч от лика друга,
Все остальное тень его.

* Вчетвером (фр.)

А Maître читал, смакуя до глубины души каждое слово:

Так много милого, что сердцу не снести
Счастливой памятью накопленного груза.

Потом проболтала я двенадцать строчек, продиктованных моей досадой на Maître'a в ту субботу, когда я не попала на «Жизель»:

Я для тебя не свет в оконце,
Тебе я жизни не дороже.

И мило картавила Рада о «не добром и не злом поэте». Это был мой третий камин в этом сезоне.

Морозы. Дома 7°. У нас отняли паек на службе.

[М.Р.]

8 февраля 1921 г.

Зелинский еще не читает. Занятия кончаются там полседьмого, так что немного опаздываю в Студию, где начало в семь. Передала М.Л., положив в его руку, лисицу — игрушку для дочери. Был тронут.

К концу занятия нам удалось перевести только одну строку Dogaresse. Читала пьесу о лешем «Заколдованный лес»⁶⁵.

[А.О.]

10 февраля 1921 г.

Во вторник ходили с Maître'ом в Дом Литераторов писать свои стихи для журнала Цеха и рисовали к ним иллюстрации⁶⁶. Застали там Рождественского, который усердно изображал облака, закаты и радуги. Потом пришел Ходасевич и гневно отказывался от художественного творчества. Мы с Maître'ом корпели за двумя столами. Приятно увидеть впервые свет под одной обложкой с Maître'иком!

В среду было мое первое цеховое заседание. Сперва ужасно не клеилось. Не было комнаты, было холодно и неудобно⁶⁷. Буфет был закрыт, и Мандельштам помчался куда-то в пространство искать пропитание.

Наконец уселись в канцелярии за длинным зеленым столом. Налево от меня Maître, потом Георгий Иванов — низколобый, шепелявый, jeune homme'истый, какой-то не внушающий доверия; Мандельштам, сверкающий чернью и золотом во рту, с острыми невидящими глазами, вдохновенный, сумасшедший и невообразимо забавный; потом Гум с продолговатыми каменными глазами и птичьими веками, в эскимосском пальто, весь похожий на большую готтентотскую птицу, вот сейчас начнет «чертить ногами

знаки»⁶⁸. Потом Рождественский, неоперившийся, чем-то похожий на Джона; Ходасевич, весь черный, как надгробный памятник, даже и воротничок как будто и не белый, мрачный, молчаливый и серьезный. С ним рядом Николай Оцуп, «как яблочко румян», самоуверен, весел и как-то неприлично молод. Между ним и мною Ирина Одоевцева с диккенсовским воротничком и веснушчатый носиком.

Я среди всей этой компании чуть-чуть робинзонистая и полная любопытства.

Первая читает Одоевцева длиннейшую историю своей души-саламандры. Ее более или менее бранят. Гум застывает как духовный отец. Оцуп из кожи лезет вон и мудрствует лукаво. Я то ропливо проглатываю конфету и читаю свой тарховский «Марс». На меня накидываются, что это скорее пейзаж первобытной земли, чем Марса, что носороги (бедный Гнатенко!) совсем не основательны, что с таким же успехом это могли быть единороги, что впрочем даже и на Земле не может быть такого пейзажа (бедная Тарховка!). Гум защищает моих носорогов. Maître — меня.

НА МАРСЕ (1920)

Берег светло-серый весь порос бурьяном,
Змеи, носороги крадутся по нем.

Мы идем по Марсу, мы идем туманом
К голубым озерам; может быть, дойдем.

Корчатся деревья в судорожных схватках,
Солнце виснет в небе розовым цветком.
Здесь мы поселимся в маленьких палатках,
Будем жить, питаясь лунным серебром,

В вечном покаянье, в послушанье строгом
Ждать и твердо верить: будут чудеса.

Будем поклоняться мудрым носорогам
И за белладонной уходить в леса.

Клятва неразрывно нас навеки свяжет
И ничто на свете не разлучит нас!
Если кто полюбит, никому не скажет:
Губ не приоткроет, не поднимет глаз.

А когда до неба разрастутся травы
И не будет солнца, и замрут ключи,
Нас задушат в петлях черные удавы
И покроют ртутью лунные лучи.

Я мужественно читаю «Нежданного»⁶⁹. И первый раз в жизни ощущаю свои стихи отдельно и самостоятельно существующими

ми, где-то помимо меня. Как будто это не я и не мое, а так, выставка кроликов, которых я вырастила.

Оцуп безапелляционно заявляет, что это даже не стихи, а только отдельные хорошие строчки (негодяй!), а Maître отвечает, что как раз наоборот, это стихи, но есть очень плохие строчки.

(Каюсь, что когда очередь дошла до Оцупа, я не без удовольствия убедилась, что его стихи медного гроша не стоят!)

После меня читал Maître свой —

Неодолимый бред

Пустынной площади и ветра золотого

(то же, что на маскарade). В Гуме сразу почувствовался противник страшный отвлеченности «метрических» стихов. Ходасевич мрачно сипел: «Есть стихи, которые могут быть написаны и могут быть не написаны, но вот эти именно стихи не могут быть не написаны, потому что они есть жизненная необходимость. Это не стихотворное упражнение, а стихи в высшем смысле этого слова».

Благоговел Рождественский.

Г.Иванов говорил: «Это такая крепкая спайка слов, что ни одного ни выкинуть, ни переставить нельзя».

Я сосала конфету и думала, что Maître всегда должен сам читать свои стихи, потому что его голос, ласкающий каждое слово, делает эту спайку нерушимо-звучащей.

Высовывая кончик слишком большого языка между зубов, Г.Иванов читает свои совсем женские, неожиданно приятные стихи:

Прощай, мой друг! Не забудь, мой друг!

Я представляю себе его музу вроде m-me Рекамье, в платье *empire indolante** и влюбленной в свое тело.

Вылетает сумасшедшая Кассандра Мандельштам, она уже ласточка, беженка, все, что хотите. Страшная толпа московского Геркуланума хоронит «ночное солнце», а он вдруг начинает хохотать в самом серьезном месте, и я хохочу до слез, глядя на него.

Гум провозглашает свою Эльгу⁷⁰. Рождественский смущенно слушает нападки на свой «Золотой рог». Ходасевич напрасно ждет похвал своей старухе с санками, дровами и горестной кончиной. Г.Иванов острит:

— Я подумал, не та ли это старуха, что приютила «малютку, который посинел и весь дрожал».

* Холодного ампира (фр.)

И, наконец, к моему великому и грешному удовольствию, Оцуп с места в карьер увязает со своими китайцами, кофейниками и репейниками.

Maître спрашивал в письменной форме: Адусь, Вам не скучно?

А я от души отрицала. Правда, так как дело происходило на пустой желудок (были конфеты, чай и папиросы), я ужасно устала. Но все они чудесные!

[М.Р.]

13 февраля 1921 г.

Болела и не была на маскараде, а Мориц успел пройти в Союз (дело в формальностях), быть избранной в «Цех», что уже значительно выше, пленить Гумилева и повеселиться на Зубовском маскараде.

Они были своей «цеховой» компанией — Maître, Мориц, Гумилени и Кулибаба.

В четверг десятого я должна была быть в первый раз после перерыва в Студии, побывав предварительно, как всегда, в Университете на Зелинском.

Оттапливание аудиторий — роскошь совершенно недоступная в Российской, Советской Федеративной, а в этот день не дали и свету, так что я не знаю более макаберного дня, чем этот. Холод... Мрак... Закутанный в плащ поверх шубы Зелинский... Пятнадцать околоченных уродов, теряющихся во мраке и составляющих всю его аудиторию.

Впрочем, эта обстановка, на мой взгляд, как нельзя больше подходила к содержанию лекции, ибо добрались мы в этот раз до классического изречения: *Mediovibus esse poētis, non homines non Dei/ Non concessere columnae* (посредственный поэт не мил ни человеку, ни Богу)⁷¹. Видит Бог, что ни одно из положений Горация еще не встречало в моей душе сильнеешего отклика, чем это.

Вольно или невольно, под влиянием ли темноты, препятствовавшей ему читать дальнейший текст, или потому, что этот вопрос ему близок, но Зелинский очень подробно остановился на этих строках. Совет его: половину себя отдать поэзии, а второй половиной служить науке.

Затем шла по льду через Неву в Студию. После занятий у Думы, как всегда, мы с Maître'ом расстались.

[А.О.]

14 февраля 1921 г.

В пятницу на службу ко мне явился Миш:

— Я по экстренному делу. В половине второго у Исаакия панихида по Пушкину, и я пришел за Вами.

Раз-два. И я прямо из хаоса петроснабских дел попадаю в высокую тишину Исаакиевского собора. Идея панихиды принадлежит Мандельштаму. Он бродит под колоннами, выпятив колесом узенькую грудь, уморительно-торжественный. Тут же невыспавшийся, измученный Ходасевич с женой. Невероятно грязная, как всегда, Павлович. Еще кто-то незнакомый.

Служит древний, древний батюшка, и диким басом поет псаломщик. Хорошо, что я тут. Ведь я не только именем Божиим крещена, но и именем Пушкина.

И опять я в Петроснабе и кувырком лечу на заседание тарифно-расценочной комиссии.

Вечером предстоит торжественное чествование памяти Пушкина в Доме Литераторов. Днем я зашла туда за билетом и при выходе нос с носом столкнулась с Maïr'ом.

Вечером мы рядышком сидим на чествовании. За большим столом на эстраде что-то говорит старый орангутанг Кони. Maïr'e рассказывает мне на ухо то, что было до меня: вот этот, между Кони и Анной Ахматовой.

— Анной Ахматовой? — Я уже не слушаю, а жадно смотрю. Черная густая низкая челка, широкое, немного цыганское лицо, черное платье с высоким воротником и пестрый платок на плечах. Я придвинулась к окну, чтоб лучше видеть.

Странно, почему он не хотел ее любить? А меня... Захотел? Или тут хочешь не хочешь — ничего не поделаешь? Что со мной-то было бы, если бы он любил ее? — И смотрю, смотрю.

Теперь читает стихи Кузмин, с зализанными височками, кокетливо опираясь ручкой о кафедру. Теперь говорит Блок, такой славный в белом свитере, я все это слышу, великолепно слышу, но вижу только черную челку да широкий овал подбородка.

Вот она чему-то улыбнулась. Лицо стало наивное, детское какое-то, милое ужасно.

Как же это так он ее не любил? Разве можно сравнить ее со мной? Она такая «настоящая» и, конечно, лучше меня, гораздо.

Перерыв. Мы все в битком набитой комнатке, где выставка. Одоевцева картавит:

— Вам нравится Анна Ахматова?

Та только что прошла мимо. И я теперь совсем хорошо разглядела нос с горбинкой и светлые, пустые и грустные глаза. Знаю, отчего они — пустые!

— Очень, — отвечаю Одоевцевой. — У нее чудесное лицо!

— Да, милое, только совсем простое, я думала, гораздо лучше, — дергает плечиком Одоевцева.

— Она прежде была очень хороша, — шепелявит Георгий Иванов.

А она разговаривает с Майтр'ом. Я рассеянно толкую о чем-то с Гумом, а где-то в глубине думаю о Мише и о ней. И кажется мне, что они оба из какой-то страшной и высокой жизни, а я только чуть-чуть, носочком сапога ступила на этот порог и оттуда с порога со страхом Божиим смотрю на них, но знаю, что войду. (Это знает и Миш, оттого и любит, в кредит.)

На самом деле я стою к ним спиной и вижу только Гума, облаченного во фрак.

Как-то ужасно странно, что Майтре садится на второе отделение опять со мной, на те же места.

— Вы первый раз видели Анну Ахматову?

— Да. У нее очень хорошее лицо — и цыганское, и детское, и грустное, — резюмирую я свои впечатления.

— Да. Лицо у нее невеселое.

Бриан⁷² поет татьянинское письмо:

Быть может, это все пустое,
Обман неопытной души...
А суждено совсем иное.

Кончено.

Все остаются на заседание по поводу того, что в заграничной печати Чуковского обозвали «большевицким агентом», а я иду одна бесконечный путь с Бассейной до Египетского моста⁷³.

Сочиняю стихи, думаю о том, что Миш меня слегка подзабыл, хотя мы и часто виделись эти дни, о том, что еще шесть недель до настоящего солнца, о том, что Одоевцева похожа на куничку.

Усевшись за ужин, чувствую, что устала смертельно, клюю носом в тарелку и молча слушаю восклицания Джона:

— На что ты похожа! Довести себя до белокровия очень легко! Так же нельзя!

В субботу, после 100-летнего перерыва явился Миш /.../ Думаю: зачем, зачем ты меня не дождал? Именины его брата, и ему надо позвонить. Мы идем к телефону и перед кухонной дверью сталкиваемся с Леонидом Николаевичем. Он шарахается каким-то крысиным движением к двери. Ненавидит Миша! Не хочет здороваться.

А тот — большой, спокойный, приветливый:

— Здравствуйте, Л.Н.!

— Простите, я вас не узнал!

Дрожат бледные пальцы, перекладывая какие-то коробки на левую руку, не смотрит в лицо и весь зеленый, несчастный. И Миш прошел к телефону.

— Л.Н., когда я буду знаменитой, я напишу Вам три поэмы, — он мне дал три пера — за каждое перо по поэме.

В 12 Миш уходит и не чувствует, что так близко прошло ненавидящее сердце.

20 февраля 1921 г.

Я пришла во вторник из Студии — морозная, сонная и счастливая. Мама приветствовала меня: — Ну, можно записываться в эшелон. Пришло письмо от тети Люды и все бумаги.

— Что ж, едем, — сдержанно ответила я.

После ужина уселась читать «Четки». Это на меня действует охлаждающе. Начинаешь себя чувствовать каким-то «бисом» и совсем ненужным при этом в «метрическом» плане жизни.

В постели повторяю свою строчку:

— И будет снова чист твой путь!

Но звучит неубедительно. Мама окрылена перспективой отъезда. В среду было заседание «Цеха», на этот раз в Доме Литераторов на Бассейной.

В Цехе застала только Майг'а с повышенной температурой. Мы уселись наверху. Я сперва хотела ничего ему не говорить о нашем теперь совершенно вероятном отъезде, но через пять минут эта мучительная новость выскочила сама собой. Мы вполголоса разговаривали об этом страшном. Я несколько раз стискивала зубы, чтобы не разреветься.

Потом пришли наши все. Пошли домой вместе с Мишем. Вышли в лунный снежный сад. Говорили все о том же. Он проводил меня до Сенной.

В четверг после занятий у Миша мы все остались на лекцию Пяста «Новые побеги». У меня было висельное настроение, поэтому я, как всегда в таких случаях, старалась отвлечься чем-нибудь внешним. Честно переводила *Centauress'y*⁷⁴. А потом внимательно слушала ахиною Пяста. Когда он кончил, был объявлен диспут, причем никто не хотел председательствовать.

Выступил некий Чекин из публики. И очень остроумно и зло ругал все те «молодые побеги» в лице Оцуа, Ауслендера-Нельдихена, Одоевцевой и др., которым Пяст только что пел дифирамбы.

Особенно он взъелся на Ауслендера, который сидел тут же в публике, сделав себе мантию из шубы и картинно уронив на руку подстриженную в скобку голову.

— Современная поэзия напоминает «Жалобную книгу» Чехова. Чего в ней только нет, а кончается она так: «Хоть ты и Иванов 7-й, а дурак». А здесь хочется сказать: «Хоть ты Ауслендер 2-й, но... не поэт».

Остановка была более чем многозначительна, а смысл более чем прозрачен. Но Ауслендер сидел счастливый, что о нем столько говорят, и сразу не понял, в чем дело.

Свистнул Георгий Иванов, кто-то крикнул «Долой!». Тогда он вскочил и, длинный, стройный, метнулся через зал на эстраду.

— Я вас лишаю слова, — завопил он оттуда, ударяя кулаком по столу, — и соглашаюсь быть председателем.

Поднялся невообразимый шум. Мандельштам разгоряченно кричал:

— Как член Дома Искусств я не позволю оскорблять поэта в его стенах.

Г.Иванов барабанил по сиденью стула. Из публики кричали, что не хотят Нельдихена председателем. Одним словом, становилось весело. Наконец кое-как воцарилась тишина, и Мандельштам (он же Златозуб) занял председательское место, сохранив полное душевное равновесие. И на горизонте появился Г.Иванов. Он говорил весьма нескладно, а когда сделал вывод, что все, сказанное Пястом, нелепо, из публики закричали, что это тоже оскорбление.

Мандельштам выскочил, как чертик из коробочки.

— Г.Иванов говорит не о Пясте, а о его суждениях, а вы, несмотря на свой почтенный возраст (адресат — некто из публики немолодых лет), рассуждаете как гимназист.

Публика стала требовать председателя не из числа поэтов, и низверженный Златозуб слетел с эстрады. На его место сел некто с каракулевой шалью, а Г.Иванова сменил Рождественский с завязанными зубами, который мило, молодо и напрасно отказывался от мнения Пяста, что он «превзойдет Мандельштама».

Публика требовала слова для Чекина. Нельдихен зачем-то появился на эстраде и провозгласил:

— У меня есть строчка о том, что я безгрешен и незлобив. Так вот, я не сержусь на этого человечка.

Поднялся шум, и «каракулевая шаль» благоразумно закрыл собрание.

Мы вышли на улицу, Маîтр'ик, Макс и Рая. Маîтр'ику надо было к Ходасевичу, но кончилось тем, что, благополучно отделавшись от наших спутников, мы пошли вместе*.

* Вырезана треть листа.

/.../ Повеяло каменным утесом — из-под копыт Петра. Он сильнее своей любви. В ту ночь видела сон: Миш читал мне новые стихи, а я стояла за его спиной и смотрела не в тетрадку, а на часы, как маленькая жестокая секундная стрелка делала коротенький отчетливый взмах, как будто фехтовала с жизнью. И в этот момент я совершенно ясно увидела, что в будущем моем — Миша нет! И проснулось сумасшедшее желание открыть стекло и пальцами задержать стрелку. И было так странно сознавать свое бессилие перед судьбой. Вот он сейчас здесь со мной. И не будет! Вспомнились его строчки:

И тот другой напев далекий,
Иная тайная гроза,
Когда мы взглянем в миг жестокий
Друг другу в темные глаза.

Он: «Бросить кого-нибудь сейчас — значит обречь на голодную смерть! Я не могу делать, что хочу, а то, что должен».

Рубить гордиев узел и уезжать!

...К обеду был один борщ. Вместо второго и третьего читала маме и Джону «Горящие здания» Бальмонта.

— Господа, ведь если я захочу, признавайтесь, мы уедем с 5-м эшелоном, 20 марта.

Мама начинала о каких-то материальных невзгодах, я читала: — В старинном замке Джек Вальмар.

Наконец мама совершенно неожиданно расплакалась.

Есть два выхода. И тот, который от него, — счастье! И тот, который от меня, — горе! Он сказал о себе: — Я рыба. Нет! Даже рыба выскакивает из воды на солнечный луч и совершает в воздухе кукуербаль!

[М.Р.]

23 февраля 1921 г.

21 февраля годовщина Университета и занятий нет. Днем была в Публичной библиотеке, где теперь работаю весьма усердно⁷⁵. По обыкновению зашла в отделение искусств навестить Раю. В отделении зверская температура — минус 3°. Пришел Maître. Забинтована рука, так как делал для лисы будку (дочери). Пошли вдвоем за его починенным пенсне. Потом к Морицу. Сел подле Морицева бюро. Очарователен, шутлив. Мориц нарисовал Maître'a-сову. Символ мудрости. Мориц уезжает в начале мая на Литву. Вероятно, проживет лето в имении, а там махнет за границу... Мориц уже не гражданка сей благословенной страны, а литвинка. 14 марта «Цех» устраивает вечер, и Мориц выступит на нем⁷⁶.

4 марта 1921 г.

Вчера, в мой день рождения, собирались из-за уплотнения не меня, а в «рукавице». Подарки были всем.

Lehrer Lampel рисовал карандашом диплом и Морицу, и мне, подписав: «Сан-Суси, 3.III.21»*.

[А.О.]

4 марта 1921 г.

В день Цеха [2 марта] мы с Мишем сговорились встретиться раньше остальных. На следующий день должно было состояться чествование Макса по случаю дня его рождения в «рукавице». И так, я сидела в низком мягком кабинетном кресле и ждала Миша. За окном торчали черные деревья, летали черные вороны и была не то осень, не то весна. Явился он, и мы устроились на окне.

— Адусь, вы меня не забудете до нового года? Вы можете не забыть меня? И если я подъеду в бричке там, в Россиенах, и Вы будете вышивать пятую скатерть... Вы меня встретите так же, как здесь, на Прядильном?

Надо было ответить очень, очень честно. Я посмотрела в окно. Там было много снега. Из сугроба торчал бок железной скамейки. У забора горел еще ненужный, но очень приветливый фонарь. Сейчас подойдут цеховики, я повернула выключатель. И не успела отойти от стены, как вошли Гум и Г.Иванов, потом Нельдихен, Одоевцева и Оцуп.

Миш читал «Последнюю вечерю» — мое «Вино», — которую, я уже думала, он никогда не кончит, хотя у меня было ощущение необычайной, горячей густоты.

Последний помысл — об одном,
И больше ничего не надо,
Гори над роковым вином
Последней вечера лампада!

И кто узнает, кто поймет,
Какую тьму оно колышет,
Какого солнца черный мед
В его струе горит и дышит?

Смотри, оно впивает свет,
Как сердца жертвенная рана,
Весь мрак, всю память мертвых лет,
Я наливаю в два стакана.

* Запись на этом обрывается, следующая тетрадь неизвестна.

Сегодня будет ночь суда,
Сегодня тьма царит над нами.
Я к этой влаге никогда
Не припадал еще губами.

Пора. За окнами темно.
Там одичалый праздник снега.
Какое страшное вино!
Какая кровь, и смерть, и нега.

Оцуп, — первый раз в жизни сказав умную вещь, — заметил, что это что-то новое в поэзии Майт'а.

Гум остроумно говорил:

— Как для матери бородатый детина все еще прежний ее пятилетний малыш, так и ты, Мих.Л., материнским оком видишь в своих стихах первоначальную мысль, которую ты так выносил в себе, что от нее и следа не осталось для непосвященных. Расшифруй нам загадку. Что это за вино? И лампада?

Я присутствовала при рождении и крещении, и для меня в «бородатом детине» был так ярко жив этот «пятилетний малыш».

Потом читали остальные. В 10 пришлось расходиться ввиду военного положения. С М. расстались на углу Садовой.

Откуда-то вынырнул Нельдихен.

— А? Это Вы? А я только что собирался к Вам приставать.

— И разочарованы, что не удалось? Хорошенькое занятие, — рассмеялась я.

Мы шагаем вместе, и я попадаю в половине двенадцатого домой, хотя можно ходить только до одиннадцати.

На следующее утро ждут события!!!⁷⁷

На ДИСКе афиша, и среди прочих фамилий непохоже на меня длинное «Ада Оношкович-Яцына». Физически не хватает сил жить. Моей бодростью мы питаемся второй день.

— Ты адски бледная! — констатирует Джон.

— Гм... Carnavalia miseria. В прежние времена эта неделя называлась масленицей.

На работе: художник Курилко хочет увольняться. Начал большую работу. Набросал несколько эскизов — выходит! Это будет символический синтез нашего времени. По зубам Европе, чтоб видела, чтоб знала, до чего нас довела! 10 картин на коже. Ряд очень реально выполненных кошмаров... Первая картина изображает изнасилованную женщину. Все очень детально, очень реально... Сломанная нога с торчащей костью, все складки кожи (я ведь медик, мне все это хорошо знакомо). На ее живот навалены тяжести... тут кровь...

— Разве это искусство?

— Ругать, конечно, будут, но я этого не боюсь. Вторая картина такая: старушонка, преждевременная старушонка, замученная, со злыми глазами, оскаливается через плечо, прикрывая рукой рюшечек с человеческим мясом.

— Это страшнее. Потому что проще.

Кто-то подходит, деловой и противный.

— Я к Вам, Ада Ивановна.

— Да. Что скажете? — мысленно посылая к черту пришельца, спрашиваю я.

— Да вот тут длинная история.

Мы обмениваемся с Курилко кислыми гримасами.

10 марта 1921 г.

Читаю «Историю второй русской революции» Милюкова. За март выдали паек. Нет сил глаза открыть.

Так на же, пойдика, попили дрова!

13 марта 1921 г.

Масленица. Мама на кухне дебатировать с Лозина-Лозинским свой заветный отъезд⁷⁸.

Убрала комнаты. Сыграла всего Годара на рояле. Мама и Джон замучили меня медленной пыткой. Отъезд, Литва, Дверцы. В пятом часу пришел Миш. Пришла Ясная, вытащила перед Мишем на свет Божий Станислава Эдуардовича (Козерадского), чтобы подразнить. В окно таяла Фонтанка, догорали розовые дома. По черным проталинам прыгали вороны. Миш обозревал книги на полках, а потом подсел ко мне.

Видно, мало меня замучили в эти дни! Видно, надо было, чтоб разок стегнула и самая дорогая рука.

— Можно Вам сказать что-то?

— Да. Что?

Жду чего-то. Подачки. Маленького компресса на свежие рубцы. Ласки. Чего-то.

— Если бы я поступал логически, я бы пустил себе сегодня пулю в лоб.

Я не могла удержать первых, сразу брызнувших слез, но как подавила их вообще — не знаю. У меня совершенно физически что-то оборвалось.

Не знаю, говорили ли мы еще что-то. Да, о Леконт де Лиле.

Я знаю одно: он, Миш, никогда не думает обо мне! Никогда! (В смысле не заботится). Разве он не понимает, что без него мне нечего делать в жизни, что он превращает всю землю в пустыню одним своим словом!

— Когда же мы увидимся?

Я не хотела бывать у него в «рукавице» одна, чтобы не врать маме. Она меня спрашивает всегда, где я была, что и как, тут не отделаешься умолчанием, надо лгать. А лгать в значительном — тяжело. Но не все ли равно всё на свете, если вместо души вот такой кровавой ком, как у меня?

— Да, хорошо! Во вторник перед студией.

— Я зайду после 4-х за Вами в Петроснаб.

— Да, хорошо.

Он ушел.

Но до вторника еще будет понедельник! Мне кажется минутами, что не хватит сил дожить до Пасхи! Вот было бы счастье!

Миш говорит, что ему тяжело и трудно разговаривать с людьми! А у меня просто не хватает минутами сил! И за что это меня так судьба?

Жила я себе беспечно и весело. Если и бывало грустно, то так по-ребячески, не по-настоящему, от пустяка становилось, от пустяка проходило...

Еще в прошлом году в этот день я бежала веселая, первый раз в жизни из «Дома Искусств», полная надежд и ожиданий. И даже не подозревала, что встречу там такое большое, такое мучительное счастье. Верно слишком оно большое для меня!

Я же не могу уехать! Не могу! Это все равно, что собственноручно отрезать себе правую руку и правую ногу и жить дальше. Ведь есть же граница силам человеческим!

12 апреля 1921 г.

20 марта я выступала в Географическом институте за один фунт конфет — вместе со всеми членами Цеха.

Двервечи, — как пишет тетя Люда, — если бы мы не приехали, забрало бы правительство Литвы.

Шестого апреля — год встречи с М[ишем]. Справляли в «рукавичке».

Видела сон. Цирк и тигр, который бросается мне на плечи. Коля говорит, что Maître должен спасти, но тот — с какой-то дамой и женой. Отвернулся. *Так и будет!*

14 апреля 1921 г.

6-й эшелон идет сразу после Пасхи.

Мама говорит тоном старой львицы, львенка которой посмели обидеть:

— Где твоя гордость, Ада? Он боится причинить боль своей жене, а что ты замучилась, не видит! Он распинает тебя во имя своей семьи. Ты хочешь остаться?

— Да, хочу! — отвечаю я из кровати. — Потому что не могу жить без него!

На днях мне сказал Нельдихен:

— Говорят, Вы уезжаете? Что же будет делать Мих.Леон.?

И в тот же день приблизительно то же сказал Чуковский. И мне было ужасно неприятно.

В день Цеха Рада шепнула мне:

— Я бы на Вашем месте вышла замуж за Мих. Леон. Он — чудесный человек!

Советик, можно сказать!

— Отчего же Вы не сделаете этого на своем месте? — мило ответила я.

Когда я останусь, еще больше заговорят!.. /.../

7 мая 1921 г.

Мама и Джон уезжают 12 мая. А я остаюсь в нашей квартире. Остаюсь на произвол судьбы. Сама себе госпожа и рабыня. Совершенно уверена в том, что никогда не справлюсь с материальной стороной жизни. Милый мой Мишатский и не воображает, какой горький героизм с моей стороны в выборе такого робинзонского существования. Но выбор сделан!

Маму отчасти убедило в необходимости для меня остаться мое выступление на вечере стихов нашего «Цеха»⁷⁹. Было очень мило, слегка волнительно и немного стыдно. Я была в своей перфорсной жакетке со шпалгалкой в кармане. Были все наши: Ясная, мама, Джон. Мишатский выступал сразу передо мной. Я храбро вылезла на эстраду, почувствовала, что сердце дико стучит, увидела физиономию Льва Борисовича⁸⁰ в 1-м ряду и спуталась, но моментально взяла себя в руки и стала читать не торопясь, спокойно и четко. Когда мне похлопали и я удрала в малиновую гостиную, было радостно, как после экзамена. Накануне Миш сказал мне:

— Неужели ты можешь уехать?

— Неужели ты можешь меня отпустить?

Мы так заговорились, что все «лозинята» разозлились и демонстративно ушли.

В Страстной четверг вместе с М.Л. были у Исаакя на Двенадцати евангелиях.

В среду [4 мая] был Цех, а перед Цехом я на часок забежала в «рукавицу». Больше мы не виделись за всю неделю. Я не ходила в Студию, т.к. проводила последние дни с мамой и Джоном.

Все нам тяжело и страшно от предстоящей разлуки, хотя мы и шутили и шалили с Джоном. Боже! Какая же я буду одинокая!

16 мая 1921 г.

Завтра уже неделя как уехали мама и Джон*. На вокзале мы были с полпятого и до 11. Около 8 началась гроза, недаром наши ехали в Дверцецы.

Я сидела рядом с мамой в теплушке и мужественно болтала, на самом же деле была совсем несчастная. Уйти домой было страшно. Вот так вдруг встать и разломать всю связь с прошлым. Я встала.

Через две минуты поцелуев и благословений я уходила по лужам, а за мной, как тень, как кошмар, шагал Леон[ид] Ник[олаевич].

Я оглянулась. Непередаваемое мгновение. Так я их и вижу, может быть, в последний раз! Мама стояла у косяка теплушки, худенькая, в своей креповой шляпе, и Джон — весь защитного цвета. Вокруг них были чужие люди. А я уходила...

/.../

Когда я разделась и легла, невыразимая тоска схватила меня еще острее, я грызла подушку, чтоб не рыдать громко, чтоб тот, противный, за стенкой не услышал. И, наконец, убежала на балкон. Вернулась в кровать.

Потом вскочила и, вся дрожа, стала натягивать чулки с твердым намерением бежать на вокзал или на Михайловскую к Мишатскому, прямо к его жене и детям, все равно.

Странно, что в тот момент я думала только об этих двух местах, как раз о тех, куда бежать я не могла.

Но мысль, что мама и Джон еще здесь, в Петрограде, под тем же небом, что эшелон еще там, где я его оставила, привела меня в душевное равновесие. Так и заснула.

23 мая 1921 г.

Погода чудесная. Мишатский чудесный. И все отлично. Во мне есть несомненная холостяцкая жилка. Чувствую себя вольной птицей /.../ Мишатский поправляет мой перевод.

29 мая 1921 г.

Я страшно устаю. Холостяцкая жизнь даром не дается!

Мои писали из Пскова и из Острова. Благополучны! Теперь уже на месте, конечно. Страшно интересно, как и что?

А я? — Шью, штопаю, стираю, перевожу, служу и даже читаю.

Бываю у тети Наташи. И она, и дядя Юзя очень милы. У меня был верный Макс. Я получила паек и пока что обеспечена.

* Описка: они уехали 12 мая 1921 г. (Публ.)

16 июня 1921 г.

Пришло письмо от наших. Первое с места. Стало грустно-грустно. Мишатский уезжает на 5 дней в Лугу к своим. Я сама настояла, но чего мне это стоило!

Когда он приходит, поправляем моего Coleridge⁸¹ и, когда он уходит, я провожаю его на балконе.

Были мы с ним в Ботаническом саду. Я нашла маленький крестильный крестик. Может быть к добру? Перед тем была в Европейской гостинице, у Мишатского, посмотрела, как он живет.

/.../

7 июля 1921 г.

В понедельник было открытие «Клуба поэтов». Была inferнальная скука. Я сбежала, забрав Макса. Через две недели рождение Миша⁸². Я решила презентовать ему свою фотографию и ходила сниматься. Перевожу Remorse⁸³.

4 августа 1921 г.

С первого числа я в отпуску, собираюсь в Кикерино. Расматривали «Горный ключ» ввиду новой книги Мишатского⁸⁴, болтали и знакомились с колоссальным томом Киплинга, которого я собираюсь переводить. Идет наше второе лето, и я вдруг чувствую пустоту в сердце и тревогу. Пошла к дяде Юзе. Там обедала и получила в подарок к именинам портьеру на зимнее пальто.

Сейчас читала Regnier⁸⁵ и старалась развеселиться. Звонил Макс. Звонил Maître'ик. Сообщил новость: Гумилев арестован⁸⁶.

Нечего сказать. Приятно!

Вот какие бывают штуки, а я чего-то извожусь впусую...

5 августа 1921 г.

Сегодня надо было взять в шестой гимназии удостоверение Джона, затем идти в библиотеку. В библиотеке меня встретила Рая с глазами de travers* и серым лицом:

— Вы уже знаете, Мориц?

— Про Гума? Да!

— Нет! Про Maître?

— Что еще?

Метр попал в засаду!**

То есть ничего не может быть нелепее!! Вчера он мне звонил, чтоб я туда не ходила, а сам пошел! Нелепое донкихотство! Я понимаю, если бы он ей этим помог. Не помог ведь?

* Перевернутыми (фр.)

** Стерто несколько слов, вся запись — карандашом.

— Конечно, нет! Черт знает, что такое! — неожиданно выругалась Рая.

Мои ощущения были довольно активного свойства. Я потащила Раю в Дом Искусств, чтоб узнать подробности. Проходя мимо цветной двери, где была эта знаменитая засада, я ощущала самое нелепое желание проникнуть туда... Воображаю, как он обрадовался бы моему ничем не оправданному появлению!

Когда же до меня дошло известие, что Катя героически туда проникла с едой (и чудесно избежала ареста), не оставалось даже предлога в виде передачи! Как преступник к месту убийства, я трижды возвращалась в Дом Искусств и снова шла на службу, где ловила разных коммунистов и искала их содействия.

Думала, что удастся сделать кое-что, но пока что ничего не удалось. Была у коменданта. В Кикерино на 5.50 не еду. Пять часов, и уже все возможные активные действия были мною сделаны. Оставалось пассивно ждать хода событий. Я не знаю ничего противнее!

Я говорила себе весьма рационально, что хуже тем, кто беспокоится, чем тем, кто сидит; что можно, пожалуй, позавидовать участи М.Л., а не моей, что, в сущности, он виноват до нелепости, что попался*, что вообще раз его жена в городе, моя роль сводится к тому, чтобы издали всеми силами помочь ему выбраться из этой каши. И только. Но можно рационально говорить себе, что угодно.

Стиснув зубы, я взяла «La flambée» Regnier и дала себе клятву не вставать с кресла, пока не кончу.

Сперва пришлось перечитывать по несколько раз каждую страницу, потом я увлеклась и стала читать с интересом.

Зазвонил телефон. И с трудом построенное спокойствие полетело к черту. Звонил один из моих служебных коммунистов, что ничего не сделал и чтоб я завтра зашла к нему в 2 ч. Я так и знала, что будет приблизительно так, но повесила трубку с тяжелым чувством разочарования.

Вернулась к «Flambée».

Звонок на кухне опять вырвал меня из Парижа и бросил головой об стенку. Идя открывать дверь, я уже жалела, что не прошла за цветную дверь, и придумывала предлог, чтобы сделать это завтра.

Оказалась старая наша горничная. Сидела бесконечно долго и извела меня расспросами.

* Стерта строка, сверху стертого другой текст.

Сейчас бьет одиннадцать. «Flambée» — кончена. Только сейчас я вдруг вспомнила, что не ела с 12, как ушла из дому.

В комнате пахнет левкоями... Передачу? — Устроит жена. Может, нужен табак?

6 августа 1921 г., 1 час ночи

Похоже на вечер отъезда мамы и Джона. Так же я выхожу на балкон с нестерпимым чувством, чтобы скорее минула вся эта острота и все бы стало воспоминанием. Тогда были слезы и отчаяние одиночества. Теперь вдруг замкнувшаяся большая пустота.

Я сижу с керосиновой лампой и не могу решиться лечь в постель... Где он? На Гороховой ли уже?

6 августа 1921 г., утро

В столовой Л.Н. разогревал мне чай. Виделась со своим коммунистом, который меня утешил, что замешанные посидят с полгода, а незамешанных, конечно, выпустят через недельку.

В Д[оме] Иск[усств] встретила Макса. Мы вместе пошли на Гороховую узнавать, когда принимают передачи. И там я увидела молодую даму, в шарфе на голове и длинном чесучовом пальто, с пакетом в руках. Почему-то скорее сообразила, чем узнала, что это жена Майг'а, и с тем к ней и подошла. Дальше мы уже действовали в контакте. И расстались приятельницами.

Так как его не было в списках, мы с Максом прогулялись на Шпалерную. Я устала до бесчувствия. Макс довез меня до себя, накормил обедом, уложил на диван и дал папиросу, а сам стал читать выдержки из своего дневника, касающиеся Тархиад. Я лежала без туфель, закинув ногу на ногу, и так с головой ушла в прошлое, что забыла горечь настоящего. Макс делал колоссальные пропуски, возбуждая мое любопытство. Например, ночь пятой Тарховки, занимавшая две страницы, была перевернута, и сразу настало утро.

Придя домой в 10 ч., я позвонила Т[атьяне] Бор[исовне], и мы совсем вошли в контакт.

Я была убеждена, что она *ничего* не знает, *совершенно*, иначе были бы странны ее слова:

— Вы действительно очень хорошо к нему относитесь, как нельзя лучше! Я буду Вас эксплуатировать!

Коммунист мой обещал завтра* доставить передачу. Я добавила табак и папиросы (самое необходимое! А она забыла!), а

* Стерто: негласными путями

Макс — плитку шоколада. Только бы он получил. Сразу бы стало легче на душе*.

10 августа 1921 г.

Была в свои именины, в воскресенье, 7-го, у дяди Юзи. Но все мои мысли была на Гороховой...

Понедельник 8-го с утра начался перезвонами с Т[атьяной] Бор[исовной] и беготней по разным инстанциям. День прошел безрезультатно. Пришла в 4 часа домой. Л.Н. встретил меня на кухне возгласом:

— Вы знаете, конечно?

— Что? Нет, не знаю.

— Михаил Леонидович звонил. В пятом часу позвонит опять.

А в пятом самый дорогой голос в мире говорил в трубку: «Здравствуйте, Мориц!»

Мысль, что он проводит свой первый вечер с Гр[игорием] Л[ео-
нидовичем] и Т.Б. совершенно не огорчала. Т.Б. позвонила мне:

— Ада Ивановна, спешу Вас обрадовать...

Звонок Мишатского, он пообещал прийти на следующий день.

По правде сказать, в этот вечер я совсем не думала о том, что случилось такое большое, европейское горе: умер Блок. Да еще ходили слухи, что Чуковский сошел с ума.

Во вторник я пошла на шестичасовую панихиду. Блок ужасно изменился. Вместо милого, чистого, умного, почти что красивого лица была желтая злая маска с оскаленными зубами, заострившимся носом и небритыми усами (которые он не носил при жизни).

Было много цветов. Их запах смешивался с запахом тления. Я стояла ужасно расстроенная всем этим. И вдруг, под конец случайно оглянувшись, увидела дорогое, бледное и усталое лицо — и забыла Блока, панихиду и все в один момент.

Мы прибыли домой. Маленький Пушкин, висевший у меня на груди, был заменен «орденом следующей степени» — таким же Пушкиным, только золотым и интересно сделанным.

Так как предстоял на следующий день вынос Блока, я предложила Мишуку переночевать. Он слегка поломался и согласился.

Уже после 12 мы сидели с Мишем и читали мои стихи, набравшие за дни хандры. Завтра вынос Блока, это в двух шагах... В час мы были уже по кроватям. Но мне вспомнился Блок. Я вспоминала слова сиделки, что последний вечер перед смертью он кричал от смертельной тоски: Ай-ай-ай! Боже мой! Боже мой! — так что приходили с улицы.

* Вырваны листы

И так мне было страшно, так страшно! Даже мысль о Мишатском за стенкой не успокаивала. Встала, одела на цепочку с образками снятого Пушкина 2-й степени, старого, не снимавшегося с 6 января, — это немного помогло.

Наутро встала в четверть девятого, напоила нас обоих чаем, и мы поехали, то есть пошли хоронить бедного Блока.

Дошли до Смоленского, бродили по кладбищу, вылезали en trois с Максом в какой-то картофельный огород, вернулись в церковь.

Я безумно устала душевно, все внутри у меня дрожало, и раз я даже села на могильную плиту, такие круги пошли перед глазами. Меня беспокоило: раз я так устала, то что же Миш! После 3-дневной голодовки и трех ночей на венском стуле. Он выглядел ужасно. Совсем черный, замученный. Он настаивает, чтоб я ехала завтра на 4 последние дня отпуска в Кикерино, но у меня душа не лежит уезжать от него.

14 августа 1921 г.

Вчера 20 минут девятого явилась в «Рукавицу». Пошли вместе на вечер «Звучащей раковины», тут же, в Доме Искусств, и до 10 ч. честно слушали скверных и посредственных поэтов⁸⁷.

Потом Мишатский кормил меня лукулловскими вещами: свиной, пудингом с рисом и вареньем. Мне было стыдно признаться, что я страшно тоскую по нему. За последние недели моя любовь выросла огромная и высокая, как звездное небо. Я ушла в 2 часа. Зажгла у себя лампу и, увидев себя в зеркале, невольно улыбнулась. Глаза мои горели зеленоватым, темным блеском. Было обманчивое впечатление, что свет в зеркале не от лампы, а от меня.

Летней ночью, ночью это было,
В самый поздний, самый темный час.
Зеркало ночное отразило
Дикий пламень неподвижных глаз.
В них горела горестная сила,
Их зрачок был черен, как алмаз.
Их душа, как жертва, без боязни,
В золотой кольчуге из лучей
Уходила на жестокий праздник
В мир двоих, а может быть ничей.
И никто не видел этой казни
Двух себя сжигающих очей.

(«Ночное зеркало». 13.8.1921)

19 августа 1921 г.

Вчера была годовщина того вечера, когда огромным наваждением Миш вдруг вошел в мою жизнь в Тарховке.

Мы справили эту годовщину длинным-предлинным вечером. Я пришла падая от усталости в «Рукавицу». Я успела поспать, пока он поправлял моего Киплинга, ходили гулять, я читала ему стихи /.../ Нет слов, чтоб благодарить пославшего нам это счастье.

27 августа 1921 г.

26-го днем явилась на торжественное заседание во «Всемирную литературу» с опозданием на час, и, услышав в щелку голос Волынского и увидев в щелку множество седых, лысых и мудрых голов, не решилась войти и слушала за дверью. Назначила M[ишу] rendez-vous в Спасо-Преображенском садике и, воткнув записку за ленту серой шляпы, которая была, по-видимому, его шляпой, отправилась спать под пушку⁸⁸. Нырнула в какое-то довольно близкое к сновидению царство, в котором M[иш] не сразу меня нашел.

В 7 часов у Захария и Елизаветы была панихида по Блоку и слово о.Введенского⁸⁹.

Он говорил замечательно. По моей слабохарактерности стоило бы мне его послушать 10 раз, чтобы отречься от мира и земной радости и идти «прямыми стезями». Опасный человек.

Он кого-то ужасно напоминал мне своей полуеврейской страстной головой с горбатым носом. У меня осталось большое впечатление. Потом были в «рукавице», откуда, задумавшись, быстро шла домой и очнулась нос к носу с Покровской церковью⁹⁰.

ТЕТРАДЬ №14

(11 января 1923 — 24 декабря 1924 г.)

11 января 1923 г.

В первый день Рождества был бал во «Всемирной Литературе». Я была в моем подвенечном платье, переделанном в бальное. Бой — во фраке, оба очень «bal-fieber'но»* настроены. Сперва было концертное отделение. Шла наша пьеса с Максом — пародия на заседание коллегии. Замятин⁹¹ читал 2-ю часть истории «Всемирной литературы». Шварц читал «Ежегодник» Зоргенфрея. Было очень занятно. Майтре играл свою роль в заседании и, по-видимому, был в духе.

* От Fieber — лихорадка (нем.)

Во 2-ом отделении были довольно никчемные номера — вроде танго с ножами и песенка Скрыдлова. Мы сидели — Макс, Бронникус, Бой и я. Maître сидел сзади. Обернувшись на него, я поймала грустный взгляд и улыбнулась ему долгой улыбкой, кот[орая] говорила: — Я — тут, я — никуда не ушла, мы — друзья. Он жалобно, чуть заметно покачал головой, как бы говоря:

— Вы для меня потеряны навсегда! Навсегда!

После пьесы Тихонов⁹² пригласил Лозинского занимать артистов, и он исчез в кабинете.

Мы уже танцевали довольно долго, когда явился Maître и тотчас же погрузился в оживленную беседу о китайских стихах с Алексеевым⁹³.

Maître собрался идти пешком домой.

Я беспокоилась, как добрался до дому этот старый гимназист, и была рада увидеть его на занятиях в среду — живым и здоровым.

Бой счастлив, а я только и живу тем, что даю ему это счастье. Мы действительно живем душа в душу.

20 января 1923 г.

Вчера было мое рождение.

Я подошла к елке и вдруг увидела маленький столик, на котором лежали все подарки Боя, полученные мною заранее: 2 тома Блока, «Тяжелая лира» Ходасевича, «Версты» Цветаевой и «Воспоминания об Италии» М.Добужинского. Флакончик «Джикки» Guerlin* и цветы. Я была ужасно тронута. Такой нежностью переполнилось сердце... Живу радостями Боя. Молю Бога, чтоб он дал мне умереть раньше его и раньше Maître'a.

22 января 1923 г.

В субботу после занятий поехали к Бронникусу: Maître, Макс, сам наш hôte** и я. В трамвае мы оказались как-то аппаратно с Maître'ом, его большая шуба отделяла нас от остальной компании. Беседовали о том, о сем, о Максе, о детях Maître'a, о его «грациозном романе» с Танечкой. Вспомнили старый Прядильный.

— Хорошее было время. Я никогда его не забуду, — сказал он серьезно.

— Я тоже.

Потом заговорили о его болезни.

— Сегодня мне совсем хорошо.

— Смотрите, не запустите только.

* Герлен (фр.) — французская парфюмерная фирма.

** Хозяин (фр.)

— Нам сейчас вылезать, — крикнул Бронникус.

— Вы, кажется, даже не знаете, что Ваше выздоровление стоило мне крестильного крестика?

— Как? Почему?

— По договору с Высшей Силой.

— Правда? Ну, тогда я долго не умру.

Мы вылезли.

Макс и Бр[онников] устремились вперед. Было очень скользко. Тихо высились деревья Васильевского о-ва⁹⁴. Вдруг под мою руку подвернулась рука в меховой варежке. Мы шли молча.

Пили чай, читали «Устои», заводили граммофон. Бр[онников] играл мне Грига. Maître усиленно кружил голову бедному Максy. В первом часу я была дома, где меня ждал черноглазый, хмурый Бой. Я попыталась говорить, но так как взор его был холоден и не смягчался — занялась «Тяжелой лирой». Но наутро мы уже были опять счастливыми и дружными. И вечером читали вместе у печки «Гольий год» Пильняка.

— Я все время дрожу за наше счастье, — говорит Бой.

23 января 1923 г.

Вспоминаю душевную муку прошлого года в это время.

30 января 1923 г.

Как судьба ловит человека на слове!

В прошлом году 26 янв. я сказала: я счастлива бы была нести какую угодно физическую муку — только не это.

А в этом году 26 янв. Фенхель рвал мне зуб без наркоза (из-за нарыва) и четыре раза вонзал в десну свои зверские щипцы. И я раздваивалась. Одна половина кричала диким голосом, заливалась слезами, вся дрожала от боли и даже укусила Фенхелю палец. А другая отлично знала, что готова принять эту муку, только бы не переживать еще раз 26 января.

Вечером того же дня я была с Бойкой на черствых именинах⁹⁵ у Танечки Владимировой, где были Maître, Макс и Бронник.

Получила письма от Сережи и Джона.

Maître принес мне корректуру моего «Амфитриона»⁹⁶.

Вечером мы с Боем были на гражданской свадьбе Юрика Султанова и Н.В. Гвоздевой. За чаем я сидела между Вейнером и А.А. Смирновым⁹⁷. И одно время, под влиянием наливки, приводила последнего в глубокое смущение, уверяя, что по затылку и по фамилии сразу же поняла, что он профессор и т.п.

9 февраля 1923 г.

Вчера получила гонорар за перевод Конан-Дойля! Купила Бойке «Петербург» Белого.

На днях послала маме и Джону по экземпляру моего Киплинга.

17 февраля 1923 г., масленица

Я шла по Невскому. Был чудесный морозный день, не хотелось домой, и, пройдя мимо Конюшенной, я пошла дальше. Последние два дня я как-то слишком упорно и мучительно думаю о Майтге. Было приятно идти по скользкому солнечному тротуару, вдруг, очнувшись от этих гипнотических мыслей, я увидела большую фигуру у окна Госиздата. Он обернулся и приветствовал меня улыбкой:

— Вы куда? Поворачивайте обратно и проводите меня, хоть кусочек.

— Да мне все равно, куда идти, я просто так болтаюсь по случаю солнца.

— А я присматривал Вам обложку для «Павлиньего глаза»⁹⁸. Мы пошли вместе, очень просто и дружески болтая.

21 февраля 1923 г.

Вечером я пошла одна к А[нне] Ив[ановне] Ходасевич⁹⁹. Там были молодые Султановы и Милашевский, который подарил мне Бойкин портрет.

Странно было проходить по коридору мимо дверей «Рукавицы», по-прежнему расклеенных бумагой с розами и зеленью. Милашевский проводил меня домой. Было полпервого.

6 марта 1923 г.

Посмотрела на Бойкин профиль, склоненный над столом, и радостно подумала:

— Он один мог вернуть меня к жизни, после того, что «тот» отрекся от меня...

9 марта 1923 г.

Мы совместно с Катей Малкиной пишем — или, вернее, пытаемся написать — детскую сказку в стихах¹⁰⁰ для некоего г-на Когана.

Майтге опять слегка заинтересовался моими литературными делами. Дал мне письмо к Верховскому по поводу «Павлиньего глаза», с которым я была уже вчера у Верховского, не думаю, чтоб что-нибудь из этого вышло.

Вышел мой перевод клейстовского «Амфитриона». Сегодня я получила авторские экземпляры.

Ходила к Замятину насчет переводной работы. Бою очень трудно последнее время, и мне хочется тоже подработать. Пока ничего не получила.

Вдруг охватило беспокойство о моих «литовцах». Уже месяц, как нет писем от мамы, и полтора, как не пишет Джон.

22 марта 1923 г.

У меня началась ангина. Бой нянчится со мной, как курица с яйцом.

В субботу с занятий зашли Мэтр и Макс. Но Мэтр опасался заразить своих ребят, стоял в коридоре и разговаривал со мной через порог.

В понедельник Бой читал вечером доклад, а у меня сидел Макс. Мы вернулись к 20-му году, вспоминали, потом заговорили обо всех вообще, и Макс глухим и взволнованным голосом признался, что «любит Мэтра, как никого в жизни никогда не любил».

— Как же Вы до сих пор не свернули мне шею? — искренне изумилась я, — при Вашем-то турецком характере?

— Что же мне было Вам сворачивать шею, Вы были его радостью, а я только и хотела для него радости.

Когда Макс вышел курить в коридор, огонек его папиросы дрожал, и мне было жалко моего бедного друга.

Вчера вечером раздался звонок. Оказались «чекисты», которые три с половиной часа делали обыск у одного из жильцов, Кричевского, и потом увели его. Мы все сидели в столовой; только мне было разрешено пойти к себе и лечь, а остальные так и просидели до половины четвертого утра.

Я наконец-то получила письма от своих.

26 апреля 1923 г.

В пятницу на Страстной исполнилось 3 года, как я впервые пришла в Студию и познакомилась с мэтром. По уговору он пришел ко мне.

Сегодня был солнечный чудесный день. Мы только что вернулись с Бойкой. Купили мне шляпу, очаровательную, и не успели на вынос Плащаницы.

В первый день Пасхи запаковались, одели рюкзаки и, как два добрых товарища, отправились в путь-дорогу в Васкелово. Там мы провели два чудесных дня полного отдыха.

Вдова пастора Ярвилейнена — Розалия Андреевна, — в доме которой мы занимали маленькую теплую комнату с видом на озеро, взяла нас на полный пансион. Солнышко было уже так тепло, что мы спали после обеда под соснами на своих пальто. В день отъезда назад пришлось встать в полпятого.

Отославшись, решили провести день по-городски: обедали у «Доминика», а вечер провели в кинематографе.

Так как приближается конец перевода Эредиа, то мы решили отпраздновать это великое дело великим кутежом, ассигновав на него весь гонорар.

Стихов давно не писала. По поводу «Павлиньего глаза» имела трогательную беседу с Ю.Н. Верховским. Огромный, волосатый дикообраз в сюртуке, который лопался по всем швам и грозил упасть к его ногам в виде отрепьев. Он горел желанием мне помочь, но практически ничего не вышло.

4 мая 1923 г.

В воскресенье умерла belle mère* Maîtr'a.

11 мая 1923 г.

Кончили наш коллективный перевод у мэтра. Как-то даже не верится, что кончили! На будущей неделе, даст Бог, удастся это отпраздновать. В среду мы собирались в последний раз. Делать было уже нечего. Мэтр читал незнакомые нам сонеты из других изданий, присланных ему Григ[орием] Леонид[овичем].

12 мая 1923 г.

Бой пришел около 11 вечера из Морской академии, слегка встревоженный результатами английской ноты¹⁰¹. Большевики уже отказались по всем пунктам, и война или (вероятно) блокада на носу. За окном лил дождь. Я заразилась каким-то смутным ужасом, смутным беспокойством перед возможностями новой блокады. Опять темная, остановившаяся жизнь. Пустота и тишина заснувшего города!

Я читала Верхарна, который очень хорошо отвечал моему настроению. Бой писал, склонившись к письменному столу. Было и спокойнее оттого, что я не одна, и как-то более ответственно!

16 мая 1923 г.

Собираюсь на нашу эредрианскую вечеринку. Бой убежал к Шокальским¹⁰², а я занимаюсь туалетом.

Вчера мы были вместе на «Сафо» Доде с Максимовым и Грановской. Я остро, до слез, переживала прошлую весну, когда и я была брошенной (только у меня было больше гордости).

В понедельник были на вечере «Молодых». Меня встретили удивительно мило и тепло. Не забыли! Даже удивительно!

Я поболтала с К.Вагиновым, с Рождественским и др., а потом погрузилась в длинный и интересный разговор с Ильей Груздевым — о литературных, точнее, поэтических школах. За этим разговором и застал меня подоспевший Бой. (Мы были с Максом

* Теща (фр.)

вдвоем). Были сестры Наппельбаум¹⁰³, чуть-чуть полинявшие и чуть-чуть заброшенные. В половине двенадцатого еще не начиналась программа, и мы ушли.

23 мая 1923 г.

Я еще не кончила своего туалета, как вернулся Бой. (Он не застал дома Шокальского). Он проводил меня до таничкиных дверей (не доходя одного этажа), и я очутилась среди «шерфольцев». Все уже были на месте. Мэтр был в кожаной куртке. Макс тщательно завит. Катя даже в шелковых чулках.

Мэтр сидел во главе стола, vis-à-vis Бронников, который имел по правую руку Таню, по левую — Катю, а Мэтр — Макса и меня.

Под влиянием черного кофе я разбодрилась и танцевала то с Катей, то с Таней. «Старик» обращал на меня очень мало внимания. (Мы называем Эредиа стариком и отчасти перенесли это название и на Мэтра). Но мне было хорошо и просто.

На следующий день, 18 мая, состоялась вторая вечеринка — общая. Было 10 дам, Мэтр и Бронников. Все дамы были до того очаровательны! Бронников до того усердно играл! Мэтр с такой математической точностью распределял свое внимание между 9 дамами (минус я, обо мне он забывал), даже когда О.Н. Брошниковская повелела мне сесть с ним за стол, в середине чая сбежал на другой конец стола.

Вина было как раз столько, чтоб привести меня в бесподобное настроение и сделать ноги безмерно легкими и жаждущими танцевать. Поэтому я плясала за кавалера и за даму, не переставая, и от души веселилась, как в 15 лет. Разошлись в 12 часов.

Шел дождь. Мэтр, Катя и Лейкина скоро исчезли за серой завесой, ни с кем не протрившись. Мы с Таней взяли извозчика¹⁰⁴.

В воскресенье были на выставке в Академии Художеств. Там были вещи Надежды Константиновны и Николая Эрнестовича Радловых. Вообще же было много скучного и лишнего. Но школа Петрова-Водкина произвела на меня большое, волнующее впечатление. В понедельник у нас была А[нна] Ив[ановна] Ходасевич. Читала последние стихи Влад[ислава] Фел[ициановича]. Одно мне очень понравилось, о берлинских улицах.

Вчера, придя домой и купив по дороге из лодки у тихвинских мужиков на Мойке горшок для теста, мы дружно разогревали обед на примусе и мыли посуду.

Собираемся в Васкелово. Лозинские тоже должны были жить там, и я очень радовалась видеться с Мэтриком, но Т[атьяна] Бор[исовна], видимо, не очень-то этому радовалась и сняла срочно дачу по Ириновской жел.д.

Я просила Мэтра мне писать, чтоб быть спокойной, что он здоров и ему хорошо. Мы же с Боем, я надеюсь, проведем чудесный месяц.

Макс говорит, что у меня «счастливейший в мире характер». Может быть. И спасибо за него Богу и предкам моим.

29 мая 1923 г.

Вчера вечером смотрели кинодраму «Прокурор». Она меня ужасно взволновала. Прокурор выступает как обвинитель против любимой женщины (которая не оправдывается, чтоб не запутывать его в это дело), и ее гильотинируют.

— Ты бы мог? — спросила я Бойку.

— Нет, конечно, не мог бы!

А Maître мог бы, я уверена, — слезы брызнули из глаз. — И самое ужасное, что никакого «долга» нет, — это люди выдумали! Эти слова, которые говорят, боясь, что иначе человечество деморализуется. Есть правда, которая больше всего, и это есть любовь. А «долг» — это ложь и не любовь. Я не верю в «долг».

В пятницу мы все (шерфольцы) были у Бронникова. Бедный Бронник, не покладая рук, играл на рояле. За чаем Maître весьма прозрачно намекал, что, отправив в среду своих на дачу, он исчезнет, станет невидимым, что «кто-то» к нему приедет, он только ждет телеграммы. Он торжествующе поглядывал на меня. Это уже было лишним. В общем, я была рада, что он хорошо проведет время, только мне было немного больно, что он смеет меня этим поддразнивать.

Я сидела в кресле, качала рыжей туфлей и чувствовала себя молодой, сильной, немного злой и немного легкомысленной.

Домой Макс, Таничка и я шли пешком от 10-й линии до Дворцового моста.

Мы с Катей заработали по полтора миллиарда за нашу сказку. Теперь пишем вместе с Максом¹⁰⁵. Бой злится, что я не пишу одна.

— Да ведь это же халтура, darling, а вдвоем халтурить веселее, — отвечаю я.

1 июня 1923 г.

Во вторник вечером было общее собрание Союза писателей. Долго и бурно спорили о каком-то доме, принадлежавшем Литературному фонду, пока какой-то старичок не заметил:

— Но ведь этот дом уже давно сгорел.

Слушали доклад m-me Грековой о Литературных мостках на Волковом кладбище, который начинался приблизительно так:

— Поручая мне ознакомиться с положением дел на Волк[о-вом] кладбище, А.Л. Волынский разрешил мне изложить мой доклад в литературной форме. Хотя моя лира и смущается бряцать при такой высокой аудитории, тем не менее я позволю себе...

Затем шли воспоминания дней ее молодости, цитаты из Надсона etc.

Я умирала от хохота. В зеркале я видела улыбку на лице Мэтра. Когда баллотировали «Ревизионную комиссию», он подошел ко мне и тащил знакомиться с Сологубом.

— Ой, он сегодня такой злой! Все качает ногой под столом! Я боюсь, — отбрыкивалась я, — уж лучше мы сделаем это 8-го на вечеру Союза.

Когда начались «текущие дела», мы утекли. На следующий день мило провели время у А.Ив. Ходасевич. Были Султановы, Милашевский, Слонимский, Бернштейн. Слонимский влюбился в танцовщицу Рину Зеленую и очень похорошел.

4 июня 1923 г.

Вчера с Боем были на выставке церковной старины в Эрмитаже, от нее осталось какое-то смутно-неприятное впечатление. Потом на открытии Этнографического отдела Русского музея. Сперва говорили речи. Кристи сказал, что советская Россия наиболее культурная страна Европы!?!? Затем мы довольно бегло осмотрели сам Музей. Перед большим золотым Буддой дымилась курильница со странным ароматом. Это уничтожало музейную обстановку и создало храм.

10 июня 1923 г., Васкелово

Вчера вечером под проливным дождем мы очутились на ст. Васкелово. Лошади за нами не выслали и, оставив вещи на станции, мы храбро зашлепали по непроходимым лужам.

Когда в 10 вечера мы вошли в столовую и я заявила: *Da sind wir auch!** — очень весело, так как ужин был на столе, а я была голодна, как волк, наша хозяйка Розалия Андреевна воскликнула:

— *Ach, mein Herzeuskind, sie sind ja durch und durch nass!* (Действительно, я была похожа на русалку!) *Und so munter dabei! Sie haben mein Herz gauz gewonnen!***

16 июня 1923 г.

Кроме нас здесь живут две сестры Долинские, тихие и милые, и пастор Ферман, который по вечерам *spielt uns**** на фисгар-

* А мы уже здесь! (нем.)

** О, дитя моей души, Вы насквозь промокли! И так отважны при этом! Вы окончательно завоевали мое сердце! (нем.)

*** Играет нам (нем.)

монии. Играет он хорошо, иногда из «Лознгрена» и «Тангейзера».

Во время одной из прогулок мы открыли чудесный обрывистый берег над озером. Теплый ветер, надушенный черемухой, привел меня в дикое и радостное состояние. Я, как коза, бегала по откосам, тормозила Боя и чувствовала, как сила жизни вырастает у меня за плечами.

19 июня 1923 г.

Наконец установилась чудная погода.

Днем мы гуляли с пастором и Люд.Ив. Долинской. Принесли сморчков и груды черемухи. Вечером пастор играл нам и напевал студенческие песни:

«Die Kelnerin hat einen rosenrofen Mund»*.

1 сентября 1923 г.

Вот лето кончилось. Была два раза у Мэтра.

Второй раз провели время деловито, отыскивая непонятные слова для переводимого мной романа Miomandg'a¹⁰⁶.

Оказалось, что у меня будет baby. Это привело меня в ужас, описать который невозможно. Я знала всей душой, что после этого я уже буду не я, что это сломает меня до самых корней. Так я мучилась два дня (и мучила Боя!), но теперь решила и успокоилась.

Кончаю свой перевод, работаю охотно. Думаю о зиме как о домоседной, но уютной.

Пока о своем положении не говорю никому. Только напишу маме. Какой-то он у меня будет?

4 сентября 1923 г.

Мэтр отнесся к моей новости сердечно, тепло, даже радостно и очень меня подбодрил.

Вчера вечером кончила перевод Miomandg'a и сегодня собираюсь засесть за толстую английскую книгу Монтгомери.

7 сентября 1923 г.

В среду провела вечер у Мэтра. Искали в 1000 диксионеров 1000 слов, нужных для моего перевода. Мне безумно надоело, но мэтр с душераздирающей, возмутительной кротостью перелистывал тома, приговаривая:

«Мой ангел за высоким аналоем
Листает книгу, чьи страницы дым».

* «У девушки из кабачка такие алые губки» (нем.)

22 октября 1923 г., Тучкова наб., 10, кв.12

Вот уже месяц, как мы на новой квартире. Вид из окон замечательный, и я чувствую постоянный прилив бодрости духа от близости воды и деревьев.

29 октября 1923 г.

На дворе стоит золотая ветреная осень. Вчера мы ходили на отчетную выставку в Академию художеств. Над[ежда] Конст[антиновна] получила звание художника за «Св.Себастьяна». Он хорошо написан, отличная голова, но ничего нового. Небо — яркосинее, под старых мастеров, а разрушенная стенка напоминает современный Петроград.

Оттуда прошли в «Галерею Петра I». Что за ужасный и сильный человек!

2 ноября 1923 г.

Тихо, спокойно, хорошо. С тех пор, как выпал снег, так странно напоминает детство. Видно, я очень устала, что «спокойно» и «хорошо» не противоречат друг другу.

По вечерам читаем Шпенглера. На дворе льет и льет.

19 ноября 1923 г.

В пятницу, поставив ребром последний миллиард, смотрели с Боем в кинке на Садовой «Королеву устриц».

На следующий день у нас собрался весь Шерфоль. Мэтр пришел к обеду. Я протянула ему альбом Екатерины Павловны Султановой с рисунком Добужинского, изображающим Холомки. Он ласково поцеловал руку. Как забавно — настроение в Шерфоле зависит исключительно от наших взаимоотношений с Мэтром.

21 ноября 1923 г.

Под ужасающим ливнем отправились мы на концерт Горовица. Шопеновская b-moll'ная соната привела меня в такое неопишемое высокое и легкокрылое состояние, что и следа не осталось от житейских мелочей.

Узнала, что Тамара Скитская¹⁰⁷ выкинулась из окна и убилась. Было жутко. Но тающие в воздухе pianissimo Горовица, легкость его длинных пальцев так странно облегчали каждое ощущение.

1 декабря 1923 г.

Вчера у нас был Макс. Она поступила бесплатно в Публичную библиотеку. Для чего — довольно непонятно. Шансов на штатное место почти никаких. Разве что возможность ежедневно видеть Майг'а вознаграждает ее за всякий труд!.. Скоро выйдет наш коллективный оеuvre: «Мышонок и луна» с рис. Радакова.

20 декабря 1923 г.

Воскресенье было полно событий. Надежда Константиновна приехала из Гельсингфорса. Ник[олай] Эрн[естович] женится на ней. Перевоз уже свои вещи. Я очень этому рада. Женя должен был съездить на Финляндский вокзал за книгами, которые просматривал цензор, и было интересно, получил ли он их или нет. У нас я застала Над.Конст. Женька разбирал книги и сиял.

24 декабря 1923 г.

Наш милый home становится все уютнее и уютнее. Завтра посылаем человека за портретами к Кунам. Правда, лучшую раму от адмирала Гейдена они загнали, но остались дедушка, папа (ужасный, чернобородый) и мама с Сережей.

27 декабря 1923 г.

Портреты развешаны. Папа за ленту и звезду сослан на антресоли¹⁰⁸.

5 января 1924 г.

Над. Конст. и Никол. Эрнестович 26-го справляли свадьбу.

23 января 1924 г., среда

Еще утром Настя (домработница) сообщила мне:

— Аннушка, — (это молочница), — говорит, что Троцкого убили!

— Верно, она путает, — отвечаю я лениво, вполне равнодушная к судьбам Троцкого. — Троцкий в отставку вышел!

А только что пришел со службы Бой с известием, что умер Ленин. И странно было при мысли, что этот маленький железный человечек, некогда кричавший с балкона дворца Кшесинской, стал достоянием истории!

24 января 1924 г.

Макс сразил меня новостью, что наш перевод Эредиа запрещен, так как уже вышел в Госиздате в переводе Глушкова. Я не утерпела и в P.S. записки Мэтру приписала: «Узнаю Вашу звезду. Года плодотворной работы, совершенно беспельной. Это Style Lozinsky».

На улицах почти не чувствуется смерть Ленина. Закрыты театры. Да в некоторых магазинах выставлены его бюсты и портреты, задрапированные черным и красным. Петербург просит его тело себе и тогда будет переименован в город Ленина! (sic!). Надеюсь, что Москва не уступит этой чести!

12 февраля 1924 г.

Вчера мы встретились с Майт'ом на 40-летнем юбилее Сологуба¹⁰⁹.

— А, Ваше преосвященство, — поцеловал мне руку Мэтр.

Я погрузилась в беседу с Кржевским¹¹⁰, а он занялся Максом. В антракте мы встретились в фойе. Юбилей, как все юбилеи, был скучен и торжествен. С нами рядом сидел Бенедикт Лифшиц, который ужасно смешил нас (Макса и меня).

18 февраля 1924 г.

Я опять отчаянно простудилась. Макс в последний свой визит сообщил мне, что Майтге собирается к нам обедать в субботу.

Я написала ему записку, в которой подтвердила, что рада буду его видеть у нас и что так как у Боя вечером заседание, то я, может быть, пойду с ним на Белого, который читает лекцию о своих берлинских впечатлениях.

Но простуда взяла свое, я решила на Белого не пойти. Майт'а кормила в гостиной, он был очень мил. Обедал с аппетитом и рассказывал, что только что был у Анны Ахматовой.

17 марта 1924 г.

Вчера собрались к Папескам. Муня стала очень похожа на мать и окончательно неинтересна. А Лев Фед[орович] носит какой-то отпечаток европейского доктора. Андрик очень милый и смешной мальчуган, а годовалая Д. спала.

Из-за «твердой валюты» нет денежных знаков и нигде не платят денег. До сих пор Джимка не получил жалованья. Мы сидим без копейки.

15 мая 1924 г.

22-го марта у нас родился сын. В Пасху, на второй день, пришел Мэтр. Он принес мне авторские экземпляры моего перевода Миомандра. Мы надписывали друг другу «Золотого тельца», на котором впервые наши фамилии стояли рядом: «Переводы Ады Оношкович-Яцыны, под редакцией М.Лозинского».

17 июня 1924 г., Васкелово

В субботу мы перебрались на дачу, взяв с собой Бэбку и бабушку. Джим со дня на день должен уйти в плавание из Кронштадта в Одессу, поэтому лето рисуется мне далеко не заманчивым.

9 июля 1924 г.

Второго я отправилась с утренним поездом в город, чтобы проводить Джима. Отъезд откладывался. Мы оба были ужасно рады. Вечером были у Добужинских. Он оптировался и собирается — навсегда — в Литву.

19 сентября 1924 г., Петербург

Третьего дня вечером мы перебрались в город.

25 сентября 1924 г.

Третьего дня я сидела за письменным столом... Взглянув в окно, увидела, что в одном месте, как раз против Среднего проспекта, вода вышла из берегов и образовала большую лужу в две квадратные сажени приблизительно. Уличные мальчишки, засучив брючки, с упоением топали по этой луже. Однако к четырем часам она до того разрослась, что всем пришла в голову мысль о настоящем наводнении. Я побежала за молоком Колюшке на случай, если б на следующий день нельзя было пройти. На углу я встретила Джима, возвращавшегося со службы. Он повернул со мной. Мы закупили хлеба и немного крупы, а когда шли обратно, по Среднему уже плавали на лодке, но наш тротуар был еще сух. Однако, завернув на набережную, мы оказались по щиколотку в воде.

Вода подымалась с совершенно неожиданной быстротой. В начале восьмого мы видели с нашего балкона, как заливают нижние этажи. Водопровод не работал. Электричество погасло. Город, погруженный во мрак, грызли и терзали серые волны. Разметало дровяной склад, и дрова стадом белых морских зверей уносились потоком. Часть их завернула на Средний, и мы ловили их с балкона, привязав корзину на веревку. Я стояла, перегнувшись через перила, всецело увлеченная этим спортом, когда Джим крикнул: — Смотри! Смотри!

Небо озарилось розово, словно бенгальским огнем. Раздались взрывы. Через несколько минут после них начался пожар. Это горели (как мы узнали потом) склады химического завода на Ватном острове.

Было жутко. Камень, такой с виду неодолимый, во власти огня и воды. Эти два исконные врага объединились, чтоб лучше, вернее смести город с лица земли. «И всплыл Петрополь, как тритон...»

— Вода спадает, — крикнула я Джиму, — видишь, дрова плывут обратно.

Часов в 9 мы смогли выйти на улицу. Под воротами было так размыто, что я попала ногой в яму, полную воды. В полном мраке подворотни сновали люди, нагруженные дровами, которыми была завалена набережная.

Наутро солнце сияло весело и по-весеннему. Невка была тихая и сонная, как будто не совершала вчера бесконечное число преступлений.

Пострадавшие сушили свои вещи на бульваре. Трамвы не ходили. По всему Невскому были смыты торцы. Разбив стекла в нижних этажах, они набили битком рестораны и магазины, особенно где было ниже уровня тротуара.

В садике у Зимнего дворца лежал вырванный с корнем серебристый тополь. В Александровском саду еще стояла вода. Говорили, что в Летнем саду вырвана одна пятая деревьев и разбито множество статуй.

На Невском было словно гулянье. Все высыпали на улицу посмотреть.

3 октября 1924 г.

К нам вселили пострадавших от наводнения в нижнем этаже «Домкомбедчиков». У них трое детей — и конец нашему покою.

14 октября 1924 г.

По глупости или по доброте (в жизни, увы! это оказались синонимы) мы разрешили ночевать одному мальчику «хотя бы в прихожей». А в результате 6 душ въехало к нам в столовую.

20 октября 1924 г.

Ура! Ура! Нежданно-негаданно выехали наши сожители, т.к. в доме освободилась целая квартира, которая их соблазнила. Кроме того, дали электрический свет, что тоже действует бодряще.

В субботу, мы только вернулись с урока фокстрота, пришел М.В. Добужинский. Вид у него был утомленный, он был небрит и в свитере. Оказалось, что перед самым отъездом в Литву захворали его жена и младший сын Додя. Отъезд снова откладывался.

Он был очень мил, рассказывал про свои новые работы. Я все время любовалась его породистым лицом. Ему уже 49 лет, но в него еще можно влюбиться по уши. Сговорились, что мы в четверг пойдем посмотреть книги. Он хочет подарить Джимке кое-что из своей библиотеки. Он собирает все, что касается Литвы, изучает историю Литвы и литовский язык и хочет ехать на свою родину лояльным литовцем. Я очень бы хотела, чтоб Джон встретился с ним там. Бедняга, он живет так одиноко.

31 октября 1924 г.

Я живу тихо, замкнуто и счастливо. Довольно часто вижу Бронникова. Рада, что после стольких лет упорной кабинетной работы он начинает наконец писать для публики. Будет, вероятно, поставлена его пьеса, переделанная из романа Честертона, а «Русский современник» собирается печатать его статьи. Его успех как-то «заряжает» меня, но «разряда» до сих пор не последовало.

3 ноября 1924 г.

Вчера совсем неожиданно узнала адрес Маруси Обух, теперь m-me Стравинской. Написала ей длинное письмо.

Maître ездил в Териоки, хотя ему ничего не удалось привезти оттуда. Сказал, что катался там на велосипеде.

— Да, мы уже слышали об этом от Макса, — сказала я. — И я даже старалась научить Бэбку декламировать к Вашему приходу:

Ехали медведи / на велосипеде.

Вечером Бронников читал мне свою статью: «Кино как мироощущение». Занятно, живо, местами парадоксально. У него такое бледное, несчастное лицо, такие колючие мысли!

17 декабря 1924 г.

Сегодня мы должны были идти с Maître'ом в Союз (я жду со дня на день, что меня оттуда выставят за полное нерадение), но он не мог.

Были Радловы. Ник. Эрнестович очень мрачно настроен со времени смерти Эльзы. Невозможно сказать, чувствует ли он себя виноватым перед ней, но ясно, что он страдает и потерял вкус к жизни. Дина [Надежда Константиновна] рядом с ним, но от нее веет своей обособленной жизнью.

24-27 декабря 1924 г.

Вчера украсила елку. Сегодня Джим пришел с корзиной цветов и книгами. Были у Егорьевых. В.М. Ермолаева¹¹¹ делала доклад о новом искусстве. Доказывала, что большинство художников, писателей — эклектики...*

ТЕТРАДЬ №16

(2 января — 29 декабря 1926 г.)

2 января 1926 г.

Вчера был Бронников. Принес мне свою «Мэри Пикфорд», интересную, но не очень блестящую книгу. А сегодня мы с Джимом отправились в Дубки к нашим летним хозяевам. Они снабдили лыжами. Мы сперва вышли на море, но было ветрено, и мы отправились в лес. Это был первый солнечный день за Рождество, все блестело, было сказочно хорошо.

* Запись тетради №14 обрывается на полупhrазе.

12 февраля 1926 г.

Были на вечере «Серрапионов». Хотелось повидать всю эту когда-то близко знакомую публику. Нас очень веселили слушающие, которые весьма серьезно интересовались: кто это? Футуристы или модернисты?

Коля Никитин был вдребезги пьян, но читал хорошо. Мишу Слонимского встретили воплями: — Громче! Громче! Не так скоро!

Федин поднимал над кафедрой свою мекфистофельскую голову со светлыми злыми глазами.

Главный успех выпал на долю Коли Тихонова. Он сейчас несколько заимствовал манеру чтения у Маяковского. Какая-то повышенная жизнерадостность, но стихи крепкие и кряжистые, как он сам. Конечно, требовали «Пакет», и может быть, действительно это лучшее, что он написал. Злила меня черная, какая-то не толстая, а мясистая Полонская со своим водопадом пустых слов вместо стихов. Но в общем было забавно.

Были еще на вечере, посвященном С.Есенину. Там мне встретились совершенно допотопные люди из «Дома Искусств»: Олечка Зив, Джек Галл, Верочка Каукаль, обе Наппельбаум.

Сам вечер был с внешней стороны несколько нелеп, но было что-то трогательное в том, как всем выступавшим с воспоминаниями о С.Есенине хотелось быть его закадычными друзьями и как все были с ним на «ты» и звали Сережей.

24 февраля 1926 г.

Были в гостях у Новожиловых. Всех увеселял довольно нахальный господин Стефан Стефанович Мокульский¹¹², который держал себя чересчур развязно с Наталией Владимировной, несмотря на присутствие Юрика Султанова.

По городу свирепствует инфлюэнца: Таничка Владимирова больна, Майге лежит. Наш дружеский обед опять откладывается.

Вчера был день Красной Армии, и Джим был свободен. Он уходил ненадолго и вернулся — нагруженный. Это был Бальмонт, две книги стихов Адамовича, есенинский «Пугачев» и «Путь конквистадоров» Гумилева. Все для меня!

24 апреля 1926 г.

Я ужасно давно не писала, может быть потому, что была немного недовольна собой. Джим на 5 дней в Кронштадте.

Чувствуя потребность с кем-то отвести душу, я позвонила Майге'у, который говорит, что заново влюблен в меня, что если б не было ничего в прошлом, он все равно полюбил бы меня, что он когда-то очень крепко закрыл шлюзы, но вода просачивается

откуда-то сбоку и его заливает. В ту минуту, когда он говорит, он вполне искренен, но я слишком хорошо знаю, что это все не страшно. Как его ни «захлестывает», он не утонет. Я слушаю его с дружеской лаской. Это не смущает мой покой. И за его покой не волнуюсь.

В именины Макса мы были у нее. Это была ее помолвка с Петерсеном, служащим у Maître¹¹³.

27 апреля 1926 г.

Моя поездка к маме, конечно, лопнула. Во-первых, уже потому, что паспорт стоит 200 р., а во-вторых, мало шансов, что вообще его выдадут. Теперь все рухнуло само собой. Мои еще не знают. Еще пишут письма, в которых радуются свиданию, объясняют, как ехать, и жаждут поговорить. Мне их жалко до слез, бедных, в их захолустье. Джон, старающийся быть хозяином и большим мужчиной, как-то особенно трогателен.

3 мая 1926 г.

Страстная прошла в хлопотах и говенье. Встретили Пасху уютно и довольно пышно, с окороками и т.п. Сегодня с утра прибежал Бронникус. Но Maître, конечно, не звонил. Завтра жду к себе Макса с женихом.

5 мая 1926 г.

Вечером пришел Макс со своим «немцем». У «немца» очень милая улыбка, которая бежит от глаз по всему лицу. Макс сильно изменился к лучшему, как-то внешне и внутренне подтянулся. Макс выходит замуж и непомерно сияет.

4 июля 1926 г.

Ст. Раздельная, деревня Дубки. Мы уже с 8 июня здесь. Загораем и благоденствуем. 6 июня Макс повенчался с Петерсенчиком.

В конце июня я была в городе. Мы с Джимом пригласили Мэтра и Бертенсона¹¹⁴ отобедать с нами на «крыше» Европейской гостиницы. Встретились в Михайловском сквере.

— Если бы Вы знали, как безумно мне хотелось быть с Вами в Духов день! — говорил Мэтр. — Я ушел на Острова, но что за публика гуляла там. Это не поддается описанию.

Потом он рассказывал мне, что к нему приехал из Москвы человек, влюбленный в его стихи, и они провели чудесный вечер, предаваясь ледяной поэзии «горного ключа».

Когда мы вышли из гостиницы, у меня слегка шумело в голове, хотя мы выпили очень мало вина. Мы отправились в кино. Дошли до «Пикадилли»¹¹⁵.

Я с любопытством подумала: интересно, сбежит ли Maître? — Но он не сбежал, и мы трое уселись рядом и погрузились в созерцание глупейшего немецкого фильма. Мы вошли в середине 3-го акта, но не стали смотреть начала.

— Так пойдем еще куда-нибудь? — неожиданно предложил Мэтр.

— Пойдем! — мы начали ходить из кино в кино в поисках интересного. Наконец решились. Это была наша русская «Медвежья свадьба». Сперва пришлось ждать начала сеанса, но публику развлекали балалаечники, играя увлекательные фокстроты.

Наутро я позвонила Maître'у, он ответил, что в чудесном настроении и приедет в Дубки. Обязательно. Может быть, в эту минуту он верил сам, что приедет.

9 июля 1926 г.

Холодное, скучное лето. Я поглощаю книги и хожу встречать Джима. Вчера он приехал только в 11 ч. вечера, и я не заметила его на вокзале в общей сутолоке и темноте. Когда, разочарованные, мы с Майком вышли на дорогу, мне показалось, что довольно далеко впереди мелькает белая фуражка.

— Ну-ка, Майк, посмотри, не хозяин ли там идет! — сказала я, спуская Майка с поводка.

Он покатился черным комком с развевающимися ушами, и по тому, как стремительно он летел, я сразу поняла, что это — Джим. Вот он догнал и прыгнул на Джима веселым прыжком. Джим обернулся и пошел назад, мне навстречу:

— Откуда вы взялись?

Из Литвы были грустные вести — мама была больна. Приглашали даже ксендза. Но теперь ей лучше. А бедный маленький Джон (ему скоро 25!) с утра до вечера занят хозяйством.

20 июля 1926 г.

Бедный Майк! Я все утро сегодня реву над ним. У него припадки. Тяжело смотреть и сознавать, что нельзя помочь... С тех пор, как мы здесь, я ни шагу не сделала без него, и все дорожки перетоптаны его преданными лапками. Он слаб. Сидела около него, отгоняя мух.

22 июля 1926 г.

Майк умер сегодня. После такой ночи, что все равно, если б он остался жив, пришлось бы его усыплять. Он так мучился, что даже страшно думать, за что выпала такая доля невинному зверю. Если у людей есть душа, то она должна быть и у зверей, для меня это совсем ясно. Мы закопали его в саду. Бедный Джим, совсем усталый и измучившийся, поехал на службу.

22 августа 1926 г. Новгород, бывшая Соловьевская гостиница

Мы собирались ехать в Новгород, помышляли уже третий год, очень хотелось осуществить это маленькое паломничество по древним храмам.

Оставив вещи в гостинице, мы пошли по делам. Джиму надо было в Военный комиссариат, чтобы получить разрешение на осмотр памятников старины.

Мы отправились к Спас-Нередице. Потешный малыш строго спросил: «У вас есть разрешение?» — и большим ключом открыл церковь.

С трудом уговорили ленивого новгородца перевезти нас к Юрьеве монастырю и берегом Волхова пошли домой. Вернее, поплелись, т.к. еле тащили ноги от усталости. На полпути увидели на плоту кейфующих мужичков и попросили перевезти нас к Торговой стороне, что они и сделали очень охотно. По дороге рассказывали нам, что из-за Волховстроя вода после половодья очень плохо спала, многое все еще залито, что это убыток для крестьян, приходится продавать скотину.

Наутро в 10 ч. мы уже были в Музее, где у нас было свидание с хранителем собора Св.Софии Квашонкиным. Чудак, как он сам себя определяет, но обожающий свое дело. Ночью лазающий на крышу Софии, чтобы не прозевать воров. Он повел нас в ризницу, где собраны ценности из соседних монастырей.

Пошли обедать к себе в гостиницу, с тем чтобы после обеда отправиться за город. За обедом встретили О.Э. Браза, с которым познакомились перед тем в музее. /.../ У Спаса-Преображения опять леса. Открытых фресок очень мало. Хотели заодно посмотреть и знаменитый собор, который тут же, рядом, но сторожа не было дома. Это единственный храм в Новгороде, занятый «обновленцами». /.../

Ковалевский Спас на пригорке и вокруг него такая ширь, такой простор, что глаза захлебывались от радости. Мне показалось, что это самое лучшее место из всего, что мы видели.

2 сентября 1926 г.

На один день мы ездили в город и там виделись с Мэтром.

Теперь, когда мои глаза не застилает любовь, я вижу его насквозь, со всем его чудачеством, мальчишеством, такими несоответственными с его природой. Уселись и стали говорить о Новгороде. После Новгорода говорили о Париже. Его командировка лопнула.

Он встал и ходил вокруг меня. Я спокойно покачала головой отрицательно. Смешной, смешной... Я спокойна, как самая мраморная статуя в Летнем саду.

Приходит Джим. Мэтру нужны справки о галерах. Они оба сидят на нашей кровати. Я хожу мимо них и гляжу на них с необъяснимо приятным чувством. Я счастлива, что Джим мой муж. Я горжусь, что Мэтр мой друг. И мне приятно, что они могут быть нужны друг другу и что именно выигравший Джим может помочь проигравшему Мэтру.

28 сентября 1926 г., Ленинград

19-го переехали в город. Приходил Мэтр. Он отлично выглядит, он молод, весел и очарователен. Бэбка сразу подпал под его чары, и я с искренним удовольствием следовала его примеру. Он просидел полтора часа, но я вся пропиталась литературным пылом, какой-то неистовой жадной творчества. Странно, что такой спокойный и корректный Мэтр является для меня каким-то источником аполлонийского безумия. Меня подхватили какие-то вихри, строчки летали в голове (я даже не пыталась их ловить). Я ходила крылатой походкой.

— Кажется, Мих[аил] Л[еонидович] привел тебя в экстаз? — с улыбочкой спросил Джим.

Он был очень недалеко от истины. После огромного перерыва я ощутила в себе напряженное чувство ритма и жажду пролиться потоком слов.

9 октября 1926 г.

Мои дни проходят с Бэбкой /.../ Съездили с Джимом в Царское Село. Я давно не ходила с таким удовольствием. Для чтения в поезде купила «Маленькую хозяйку большого дома» Лондона. Когда-то я начала ее и в самом интересном месте оборвала и уехала в «Холомки». Это могла бы быть моя история, если б вообще в мою жизнь ворвался Грем. Но я слишком хорошо отдаю себе отчет, что здесь в Ленинграде Гремом для меня может быть только Мэтр, а Мэтр все-таки стоит на поломанном пьедестале и не внушает мне ни малейшего доверия.

2 ноября 1926 г.

Я — в Париже, в Варшаве, на острове Таити — не сходя с моего дивана. Как я понимаю в такие дни Мэтра, с его полным равнодушием к протекающей жизни. Впрочем, рядом со мной бьется маленькая жизнь, которая не оставляет меня равнодушной. Мэтр глаз не кажет, и только иногда является мне во сне.

Мы с Джимом были на выставка АХРР в Академии художеств. Все было довольно однообразно. Над[ежда] Конст[антин]овна] выставляла «Волжскую баржу».

Были мы еще у Макса. На новоселье. Квартира убийственная, нагоняющая тоску: две клетушки во двор и огромная ледяная кухня.

У Влад[имира] Оскар[овича] очень милые, старые вещи, но они как-то теряются здесь.

7 ноября 1926 г.

Сегодня Джимино рождение — 36 лет. Но так как он умудрился родиться в советский праздник, то из года в год вынужден в свое рождение бродить по улицам, и мы с Бэбкой сидим дома вдвоем.

Появилась Катя, веснушчатая и загорелая. Она встретилась у меня с Максом, и эти два исконных врага мирно строили планы зимних развлечений, а именно: лыж.

17 ноября 1926 г.

В субботу днем были на рождении у Юры Новожилова. А вечером предстояло еще идти к Шокальскому, который рассказывал свои заграничные впечатления. Там была уйма старушек.

Сегодня получила письмо от мамы. Она подробно описывает полное разорение и даже обнищание Витуся. Жалко Кавлок. Подумать, что после шика, который он разводил последние годы, он стоит у переправы через Дубиссу и просит, чтоб проезжие одолжили ему два лита для переправы.

23 ноября 1926 г.

В воскресенье мы были у Мэтра на именинах. Чествовались молодожены Петерсены. Был вкусный обед с избытком белого вина. Было оживленно. Тат[ьяна] Бор[исовна] была очень проста и радушна, Мэтр великолепен в роли хозяина. Макс был все-таки ужасно неинтересен, чтобы быть центром внимания. После обеда сидели в мэтрическом уютном кабинете среди книг и беседовали. Я почти не разговаривала с Мэтром, кот[орый] был занят откупориванием бутылок. Мне доставляло удовольствие быть в лоне этой семьи, такой же, как и все остальные гости, почувствовать симпатию к Тат.Бор.

11 декабря 1926 г.

Вчера вечером у нас были Петерсены. Макс теперь не внушает мне желания сломить ему шею, а Вл[адимир] Оскар[ович] совсем милый. Да, сегодня я была очень довольна — послала Джону книг для чтения и сельскохозяйственных. Надеюсь, что ему доставит

такую же радость получить, как мне посылать. Они там с мамой длинными зимними вечерами пробавляются старыми «Нивами».

29 декабря 1926 г.

Встретила на улице Л.Н. Куна. Из тех времен самым милым воспоминанием был Мэтр, и я позвонила ему. Он так обрадовался моему звонку, что я простила ему его долгое отсутствие. Говорил милые, ласковые, совершенно абсурдные вещи. Например, такой парадокс, что когда он не приходит, я могу твердо знать, что он отчаянно думает обо мне и боится меня видеть, а приходит он только в припадке относительного равнодушия.

В результате так и не знаю, когда он появится. Милый хитрюга!

Новый год, кажется, будем встречать коллективно у Егорьевых, но компания будет скучнейшая.

Может быть, оттуда поедем в Коллегию защитников или в Кружок любителей камерной музыки.

ТЕТРАДЬ №17

(с 15 марта по 23 декабря 1927 г.)

15 марта 1927 г.

Пиньяк* ленился играть на рояле, а Мэтр без конца мычал стихи и держал меня за руку.

Третьего дня был у нас и говорил:

— Маринька, если б не Ваш энергичный протест, все бы осталось по-старому...

Но мне хотелось к Джиму, я просто боялась, что меня засосет заколдованный омут.

Меня мучило, что вот есть вещи, которых Джим не знает, и я кое-что, кратко и тихо, ему рассказала. Он обиделся на Мэтра (другого слова не подберу); относя ему книги в Библиотеку, вызвал не его, а Петерсена. И уже я почувствовала себя виноватой перед Мэтром (выдала его любовь!).

Вся беда в том, что я, конечно, аморальна, и понимаю только права любви, а не законные права. Но, с другой стороны, что значат жалкие супружеские права перед великими правами любви завоевавшего меня Джима!

* Прозвище Бронникова.

Я все еще ужасно простужена. Ищу энергии у великих женщин прошлого. Читаю святую Терезу и письма Адриенны Лекуврер к Морису Саксонскому. Насколько первая непонятна и чужда, настолько вторая близка и знакома.

Как хорошо, что мне удалось вырваться из круга несчастной любви и жажды смерти в широкий простор счастливой любви и любви к жизни!

Сегодня был чудесный солнечный день, и так противно быть нездоровой.

29 марта 1927 г.

Вчера я была с Авг[устой] Ив[ановой Егорьевой] на концерте Павла Васильевича Гельмерсена¹¹⁶. Он играл в прелестном театре юсуповского особняка очень хорошо.

В антракте я ходила в артистическую к П[авлу] Вас[ильевичу]. Он страшно трогательно меня встретил и радовался, что мы должны увидеться в субботу у Жерве¹¹⁷.

9 апреля 1927 г.

Третьего дня было 25-летие Боссэ, и шла «Валькирия»¹¹⁸. У нас была ложа, в которой сидели Лиля¹¹⁹, Егорьевы и Мэтр. Мы с ним встретились впервые после шерфольского вечера. Он был в смокинге, принес коробку шоколада и мне книги.

В антракте болтали с Кржевским. Он очень интересный. Я дала Мэтру свою книгу (рукопись) «На ветру», которую, может быть, удастся издать. Я рассказала ему забавный сон. Будто бы к нам пришла Ахматова. Я выхожу в кабинет и вижу, что она собирается сжечь мою рукопись в печке. Она вернула мне ее только после того, что я обещала никогда ее не печатать.

15 апреля 1927 г.

Вчера Мэтр уговорил нас с Джимом пойти на выставку акварелей М. Волошина и вечер его стихов.

Акварели мне очень понравились: четкие, гармоничные и поэтичные. Сам он сидел на сцене — монументальный, с красным носом, большой бородой, водруженный на маленьких ножках в сапожках и чулках. Он сам охрип, и потому стихи за него читал Антон Шварц.

Мы уехали после первого отделения, и Мэтр пил чай у нас. Он говорил о моей книге «На ветру». В общем одобрил, но уговаривал первые, вводные стихи переделать. Попытаюсь.

Николка, которого мы днем возили на вербы¹²⁰, плохо спал и скандалил. На вербе он был спокоен, ничего не просил покупать и к нашим предложениям относился с милой скромностью.

16 апреля 1927 г.

Вчера были у нас Петерсены. Оба они милые, добродушные и, кажется, довольны своей судьбой.

29 апреля 1927 г.

Третьего дня мы с Джимом порешили, что нельзя дольше ждать, и позвали Мэтра с Тат[ьяной] Бор[исовной] и Кржевского. Но как-то незаметно количество приглашенных разросло. Павел Васильевич, конечно, потом наши новые друзья Вельтманы¹²¹ и др.

Пригласили на 8 часов, но ничего для вечера не было готово, и мы, прямо сломя голову, делали салаты, бутерброды и украшали Пасху. Джимка незаменимый помощник в таких случаях. Но когда явились Мэтр и Тат.Бор., он был еще не одет, и мне пришлось их встречать. Мы, конечно, беседовали, но все были рады, когда явился Джим. Вообще до ужина «хрустел крахмал», как сегодня по телефону сказал Мих[аил] Леон[идович]. После чая и вина все стало хорошо. В половине первого Тат.Бор. встала со словами:

— Пеняйте на себя, что вы меня пригласили, потому что я ужогу и увожу Мих.Леон.!

Потом Павел Васильевич играл фокстроты, все шумели и смеялись. Разошлись, когда утро спустилось на сине-серые воды Невки.

Борис Аполлонович Кржевский, «сын и наперсник» Аполлона, позвонил мне сегодня, чтобы поблагодарить и сказать, что он очень доволен, что «лед сломан».

4 мая 1927 г.

Отзыв критика Новицкого на сборник «На ветру»: «Стихи захватывают своей свежестью, молодостью и наивностью». Он предлагает издать книжку частично, выбросив все идеологически вредное. Я немного обиделась и разволновалась.

Мэтр огорчил меня: — Вы знаете, в воскресенье ночью читал вашу тетрадку. И так все стало черно вокруг. Так странно видеть себя чужими глазами!

— Значит, очень не похоже на Вас, настоящего?

— Очень похоже, слишком похоже! — сказал он с горечью.

Из записки Новицкого и слов моего доброго друга выросла стена, которая испугала и задавила меня. Конечно, «На ветру» — это только кусочек меня. В книжку вошло 30 стихотворений за период в 5 лет, написано было гораздо больше. Был ли мир, отраженный в этих стихах, такой «дамский»? (Это меня задело). Я долго не могла уснуть. Я боялась: вдруг этот Новицкий прав?

— И старалась нащупать стенки моего мира. Это были не фабрики и заводы, в нем не было и тени мировой революции, но стенок я не нащупала, и это меня утешило.

Сегодня мы с Джимом были на выставке «Шестнадцати». Радлов выставил своего замечательного и страшного Кузмина. Надежда Константиновна — Юрика Султанова, себя и какой-то женский портрет. Юрик не слишком похож, но интересно задуман¹²².

7 мая 1927 г.

Вчера были вечером у Егорьевых. Анна Радлова читала свои воспоминания, вернее впечатления о Франции, где она провела в 25-м году три с половиной месяца. Франция и Россия составляли антитезу, и Анна Дмитриевна «со светлым лицом и грешными глазами» олицетворяла Россию.

Конечно, такое изумительное лицо, как у нее, обязывает. Приходится быть архангелом или Мессалиной. Но... слава Богу, что у меня только длинные ноги и честные глаза.

Она была в архангельском одеянии — черное с серебром — и уже не имела права смеяться. Когда она смеялась, обнажались зубы с недохватами по бокам, хотелось поскорее надавить какую-то кнопку и сделать ее серьезной.

Читала она низким, глубоким голосом, сидя в большом низком кресле и слабо шелестя листами рукописи. «В моем саду росли... (не помню) и лавры. Как это ни странно, лавры пахли не супом, а славой».

Она вскинула на меня черные глаза, слегка прикрытые нижним веком. «Хозяйка моего отеля удивилась, что я одна, и сказала мне: "Quand on est comme madame, on ne reste pas longtemps seule"»*.

Опять тот же быстрый взлет коротких, очень черных ресниц. Я смотрела на нее честным взглядом и чувствовала себя девочкой. Потом пришел Сергей Радлов.

10 мая 1927 г.

Я еще даже не заключила договор на «Шарманку», а ее читают по радио¹²³. А мой перевод в «Вокруг света» не принес мне ни полушки. Ну, Бог с ними! Днем в воскресенье мы были на выставке в Публичной библиотеке, которую устраивал Петерсен.

16 мая 1927 г.

Скоропостижно скончался дядя Юзя.

Был шерфоль. Ставили пьесу под заглавием «Шептала». Взглянув случайно на профиль Мэтра, с грустью ощутила его чу-

* Такие, как мадам, не остаются долго в одиночестве (фр.)

жим. Вспомнилось мне, как смотрела на силуэт его головы в Тарховке.

— Он ужасно постарел, ужасно... — грустно думала я, — и больше всех нас, конечно. Разменялся на мелочи и уж, конечно, никогда ничего не сделает настоящего.

22 июня 1927 г., Дубки

Мы уже три недели на даче. Вот уже целая неделя, как среди прочих других посажен Мэтр, и это причиняет мне глубокое беспокойство. Главное, что ничем нельзя помочь.

Была раз в городе, получила часть денег за «Шарманку». Сюда приезжали Петерсены, ночевали на балконе.

Я бы очень мечтала о поездке в Крым в конце лета, если бы не мой бедный старый друг. Я постоянно думаю о нем.

26 июля 1927 г., Севастополь, «Голландия»

Мы уехали 19-го из Дубков. Мне все еще кажется, что это происходит не со мною. Этот волшебный сад и черное небо, и звезды.

Нас никто не провожал. Мэтр не мог. А мама не нашла поезда¹²⁴.

На следующей день в 12 час. были в Москве. Джим получил деньги за свою книгу «Средиземное море».

22 октября 1927 г.

Вернулись в сентябре, все было чудно. Мне невыразимо жаль, что я так лениво вела дневник.

12 ноября 1927 г.

В прошлую субботу мы были у Егорьевых, вечер был посвящен крымским воспоминаниям. Гвоздем вечера был альбом карикатур В.М. Ермолаевой.

Через день был советский праздник, 10-летие в этом году. Мы с Джимом пошли к Малининым смотреть феерию, поставленную Радловым на Неве.

Были некоторые очень эффектные моменты. Например, белый Ленин с простертыми руками на фоне алых парусов. Труба завода с текучим белым дымом и белая башня крепости, озаренные скрещенными лучами прожекторов.

Суетня и тревога огненных точек (факелов) вдоль берега Невы и на стенах крепости. Потом фонтан, освещенный различными цветами.

/.../ Мы с Джимом ходим в Университет к Кржевскому заниматься испанским языком. Обратном шли с Бор[исом] Аполлоновичем.

5 декабря 1927 г.

Вчера днем были на концерте в Филармонии. Чайковский, 6-я симфония, Моцартиана и Франческа. Помню, с каким отчаянием в душе я слушала последний раз Франческу. И мыслью я возвращалась к Мэтру. Где он, создавший меня, где он, Пигмалион, ожививший меня?

Вечером, около 11, — звонок. Выхожу в переднюю — Мэтр. Мы сидим на тахте и, глядя в его серые глаза, такие холодные и такие горячие, я погружаюсь «в дыхание и трепеты былого». Чувствую, что он совсем не чужой и далекий, как все это время, а близкий и такой нужный, чтоб мне быть самой собой. Больше всего я похожа на себя, когда отражаю вот эти уничтожающие меня и сжигающие глаза.

Бэбка поднимает рев. Теперь это уже вошло в обычай. Как только кто-нибудь приходит вечером, он ревет.

Когда я возвращаюсь из спальни к Мэтру, в гостиную, разговор меняется, мы теряем нить. Мэтр собирается уходить. Опять пропадет на сто лет. Мне хочется писать стихи. Рождаются строки:

— О ты, меня создавший для любви
И бросивший в объятия другого!
Приди ко мне на помощь, оборви
Мучение несказанного слова.

— Тот сон, как чара жаркого вина!
В круговращеньи ужаса и блеска
Объятием навек оплетена,
Ты мне являешься тогда, Франческа¹²⁵.

7 декабря 1927 г.

Умер Сологуб. Сегодня похороны. Если пойдут мимо наших окон, то я выйду проводить на кусочек.

Раз в «Раковине» у Наппельбаумов¹²⁶ я читала своего «Змия», вдруг Сологуб, сидевший напротив на диване, наклонился вперед и стал слушать с большим вниманием и спросил мою фамилию.

10 декабря 1927 г.

Сологуба не понесли мимо наших окон, но я все же поехала на Смоленское. Было не очень много народа, но много знакомых и знакомых лиц.

Потом у меня был испанский урок. Бор[ис] Апол[лонович] дошел со мной до дому. Он большой умница.

12 декабря 1927 г.

Были именины В[севолода] Е[вгеньевича] Егорьева в субботу. Джиму совсем не хотелось идти, а мне хотелось. Над нами наверху был, очевидно, тоже какой-то Всеволод, слышался пьяный топот и дикий хор, распеваящий Стеньку Разина. Колюн проснулся и стал кашлять. Было жалко его оставить. Но когда он крепко уснул, а наверху как будто окончательно напильсь и немного утихли, мы решили идти. Но, пройдя часть пути, вернулись.

16 декабря 1927 г.

А в тот момент, что я писала, какое у меня чудесное настроение, может быть, умирала мама.

При одной мысли, что она так и не видела Бэбку и не знала Джима, что я так и не повидала ее, — я реву отчаянно. И что я никогда больше не прочту письма с ее дорогими каракульками! И что даже в гробу не поцелую ее!

Телеграмма Джона свалилась на меня, как гром с ясного неба. Я вскрыла ее просто, без всякого дурного предчувствия, и так и остолбенела: «Среду скончалась мама» [14 декабря]. Дальше стояло: «приедешь ответь».

Это мне показалось такой горчайшей иронией. Приеду ли я? Но ведь я даже думать об этом не могу...

18 декабря 1927 г.

Вчера мы служили панихиду в Эстонской церкви у о.Александра. Пришли дядя Коля, тетя Дела, Танда, тетя Наташа и Володя¹²⁷. Я чувствовала себя до такой степени запутанной, растерянной, что ушла из церкви, ни с кем не попрощавшись.

21 декабря 1927 г.

В понедельник вечером была у дяди Коли — я была молчаливой, безучастной, и даже бесчисленные тетушки меня не злили. Думала, что дома найду письмо от Джона, но его еще нет.

23 декабря 1927 г.

Все еще нет письма от Джона. Но мгновениями меня захватывает предрождественская суэта. Сегодня получила 98 р. за «Красное и черное» (перевод) и весело тратила их.

Вчера у нас обедал Maître. Милый друг мой, он так сердечно вспоминает маму. Вид у него усталый, почти измученный. Он страдает бессонницей, тратит зря здоровье и силы. Но потом он развеселился, катая с Колей автомобиля по длинной доске через всю комнату. Джим присоединился. Почти в равной степени детьми были все трое.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Речь идет о торговле пирогами, изготовлявшимися матерью А.О., Станиславой Иосифовной, и продававшимися А.О. и ее братом Джоном.
- ² В Литву собираются уезжать все трое.
- ³ Наталия Сергеевна Оношкович-Яцына, жена Иосифа Феликсовича (дяди Юзи). Живут с семейством А.О. в одном доме (А.О. — в кв.17).
- ⁴ Опера Мейербера «Гугеноты» повествует о преследованиях протестантов и Варфоломеевской ночи.
- ⁵ Речь идет о Станиславе Эдуардовиче Козерадском, начальнике А.О. по службе, осаждавшем ее своими ухаживаниями. Позже командирован в Могилев, откуда бежал в Польшу.
- ⁶ Предложение ряда депутатов послать регулярные войска для защиты жителей Карелии от большевистского террора было отклонено в финляндском сейме 29 апреля. Министр Кастрем предложил добровольцам действовать в частном порядке. Требование финского правительства освободить арестованных в Петрограде членов финляндского временного экономического комитета было удовлетворено немедленно, однако слухи о якобы предъявленном Финляндией ультиматуме побудили Совет обороны ввести осадное положение в Петроградской, Олонецкой и Череповецкой губ. (Известия. 1919. 3 мая).
- ⁷ Речь идет о Сергиевке близ Кикенки и Стрельны.
- ⁸ Дмитрий Иванович Богданов-Березовский (1892-1945) — двоюродный брат композитора и музыковеда Валериана Михайловича Богданова-Березовского (1903-1971).
- ⁹ Покровская пл. (ныне пл.Тургенева).
- ¹⁰ По-видимому, речь идет о постановлении Совета обороны от 1 авг. 1919 о контроле за поездками по железным дорогам, вводившем жесткое нормирование перевозок по социальному признаку.
- ¹¹ Паппе — семья гимназической подруги А.О., дочери присяжного поверенного Марии Андреевны (в девичестве Окель; «Муня») и ее мужа, врача Л.Ф. Паппе.
- ¹² Литовский замок стоял в квартале, ограниченном пер. Матвеева и Крюковым каналом. Голландия — имеется в виду Новая Голландия.
- ¹³ Как позже выясняется, букет был прислан поклонником А.О. Леонидом Николаевичем Куном, прозванным за подарок «Синей птицей».
- ¹⁴ Новый адрес А.О. — с сентября 1919 — Крюков канал, 4, кв.28.
- ¹⁵ Белые взяли Красное Село 17 октября; Царское Село — 22 октября; сданы красным: второе — 24 октября, первое — 26 октября.

¹⁶ Клод Фаррер (1876-1957) — французский писатель. Позже А.О. упоминает его роман «Le civilisés» (1905); русский перевод — «Цвет цивилизации» (1909).

¹⁷ П.А. Оцуп — брат Николая Авдиевича Оцупа (1894-1958). Всего в семье Оцупов было пятеро братьев.

¹⁸ Маруся Обух-Вошатынская, гимназическая подруга А.О., в замужестве Стравинская. У Н.Е. Шведе хранится фотография семьи Стравинских (1923).

¹⁹ Курилко М.И. (1880-1969) — перед революцией действительный чл. Археологического ин-та. Художник, гравер, пытавшийся воссоздать раннеренессансную традицию. Писал на пергамене. Автопортрет и репродукции нескольких работ опубл. в журн. «Огонек» (1992. №22-23).

²⁰ Ниби (или Нибелунги) — прозвище бывшей бонны Марии Ивановны. Позже переехала в Хапсалу (Эстония).

²¹ Макша — Ольга Федоровна Макшеева, — гимназическая подруга А.О. и Муни. Екатерина Карловна — тетка Ольги, сестра ее умершей матери. Жили они на Бассейной, 60. В 1912 А.О. описывала бал у Макшеевых со множеством пажей, лицейстов и гимназистов; на балу появился и Государь.

²² Сергей Евгеньевич Нельдихен-Ауслендер (1891-1942) — член Цеха поэтов и Союза поэтов. Последняя его публикация появилась в 1931.

²³ Литературная студия возникла вместе с Домом Искусств 19 декабря 1919 и просуществовала до 1923. Общее руководство ею осуществлял К.И. Чуковский. При Студии был образован семинарий по стихотворному переводу под руководством М.Л. Лозинского. «Каждый перевод возникал и завершался в стенах самого семинария объединенными усилиями нескольких авторов, при ближайшем участии руководителя». См.: Дом Искусств. (Пг.). 1921. №1. С.67.

²⁴ Галина Васильевна Рубцова (1898-1976), впоследствии доцент ЛГУ по кафедре зарубежной литературы, переводчик однотомника пьес Л.Пиранделло (Обнаженные маски. Academia, 1932). Кроме Рубцовой в Студии занимались: сама А.О., Татьяна Михайловна Владимирова, Мария Никитична Рыжкина, Раиса Ноевна Блох, Екатерина Романовна Малкина и Михаил Дмитриевич Бронников.

²⁵ В Студии среди других предметов читалась «История современной английской литературы». Курс вел К.И. Чуковский.

²⁶ Четверг — день занятий в группе Лозинского.

²⁷ Иван Сергеевич Рукавишников (1877-1930), поэт и прозаик.

²⁸ Речь идет о Литературной студии при изд-ве «Всемирная литература» (Моховая ул., 36), обслуживавшей изд-во переводами.

²⁹ Тополя у бывш. дома Елисевых (в 1920 — Дома Искусств, Мойка, 59) спилены в 1987.

³⁰ И. Ф. похоронен в Сергиевой пустыни, близ ст. Сергиево (ныне Володарская).

³¹ Большая и Малая Кикенки примыкали к Стрельне и Сергиеву. Там находилась и дача — Сергиевка.

³² Речь идет о стихах из цикла «Картонажный мастер», посвященного Елене Карловне Дюбюше, дочери хирурга из Одессы, вышедшей замуж за американца. Окончательный вариант цитируемых А. О. строк:

Отвечай мне, картонажный мастер,
Что ты думал, делая альбом
Для стихов о самой нежной страсти
Толщиною в настоящий том?

Картонажный мастер, глупый, глупый,
Видишь, кончилась моя страда...

(см., напр.: Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 363). За сведения о Е. К. Дюбюше благодарю В. П. Петрановского.

³³ Памбочка (Памбэ) — прозвище многолетней подруги А. О., поэтессы-переводчицы М. Н. Рыжкиной (1898 — после апреля 1942). Из купеческой семьи. В 1915 окончила гимназию М. А. Макаровой. Владела немецким, французским, английским, изучала итальянский. В 1920 — студентка ПГУ. Шутливые прозвища Макс и Мориц М. Н. и А. О. получили в Студии по поэме Вильгельма Буша. Сохранилась шутливая поэма Рыжкиной, посвященная А. О., — «Коломенская кофейница» и ее пьеса «Заколдованный лес» (1921, архив Н. Е. Шведе). В коллективно переводимых Студией «Трофеях» Эредиа Рыжкиной принадлежат переводы шести сонетов. (См.: Эредиа. Ж. М. де. Трофеи. М., 1973). О дальнейшей судьбе Рыжкиной см. прим. 113.

³⁴ Екатерина Романовна Малкина (Катя, «мизинец»; 1899-1945) — переводчица. Ей принадлежит семь переводов из Эредиа (см. выше). В 1924 вместе с А. О. выпустила кн. «Игрушки в лес убежали. Стихи для детей». В 1938 защитила диссертацию о лирике Блока (хранила у себя многие блоковские материалы). Почти вся семья М. погибла в заключении по политическим обвинениям. Сама она была убита в своей квартире неизвестными.

Раиса Ноевна Блох (Рая, «третий палец»; 1899-1943), поэтесса, переводчица. В сб. Эредиа ей принадлежат переводы пяти сонетов. Автор трех сб. стихов, опубликованных после ее отъезда из России в Берлине и Брюсселе (изд-во «Петрополис»). Погибла в фашистском концлагере, так же как и ее муж Михаил Генрихович Горлин (1909-1942). Посмертно были изданы «Избранные стихотворения» Блох и Горлина (1959).

³⁵ Леконт де Лиль. Эринии: Античная трагедия (1873). В переводе М. Л. Лозинского была издана в 1922.

³⁶ Анри де Ренье (1864-1936), французский писатель-символист, позже близок к парнасцам. В России был в моде в 1910-1920-е, когда вышли переводы 19 книжек его произведений.

³⁷ Вильгельм Адольфович Лаубе — друг семьи А.О., в прошлом воспитатель ее братьев.

³⁸ Витольд (Витусь) Стравинский — второй сын Авроры Станиславовны Стравинской (старший — Янусь); семья Стравинских была соседями Оношковиной по имению в Литве, владельцами Кавлок.

³⁹ А.Е. Скибневская — жена Александра Николаевича Куна, брата Леонида (см. прим.13).

⁴⁰ Каценеленбоген Илья Маркович, сотрудник Комиссариата просвещения, переводчик изданной в 1918 кн. Р.Вагнера «Искусство и революция». Фамилию его (опустив один слог) упоминает А.Блок (см.: Литературная газета. 1988, 3 августа. С.6) в письме А.Ремизову (1920). Иронизируя над переименованием петроградских улиц, Блок пишет: «Спиртобаза помещается на проспекте тов.Каценелбогена (б.Дунькин переулочек)». Переулочек (ныне Крестьянский, Петроградская сторона) в официальных справочниках назывался Дункин, по дому шотландца Дункана, а в просторечии — Дунькин.

⁴¹ *Chère-folle* — милая безумица (фр.). А.О. именует М.Л. Лозинского «безумной гувернанткой», называя часто сокращенно «шер». Отсюда же вся компания называет себя «шерфольдцами».

⁴² Видимо, речь идет о рассказе Г.Уэллса «Цветение странной орхидеи».

⁴³ Сб. стихов Лозинского, выпущенный в 1916.

⁴⁴ Малкина Инна Романовна (ок.1896-1938) в первом браке была за поэтом В.А. Рождественским, посвятившим ей в 1921 сб. стихов «Золотое веретено». Сестра Кати — «мизинца руки».

⁴⁵ Чудовский Валериан Адольфович (1891-1938), сын генерал-лейтенанта, на 1917 — почетный чл. Ин-та истории искусств, позднее — критик. Упомянут А.О. рядом с Радловой, т.к. в 1914-1917 был ее возлюбленным, чему свидетельством остались обращенные к ней письма и стихи (рукопись). С 1923 (или 1924) муж И.Малкиной. В апреле 1925 сослан в Нижний Тагил. Позже арестован, как и его жена. Оба погибли в лагере.

⁴⁶ Анна Дмитриевна Радлова (1891-1949), поэтесса, жена режиссера Сергея Эрнестовича Радлова. Умерла в лагере. Упомянутый в тексте Радлов — Николай Эрнестович, художник, брат режиссера.

⁴⁷ Мария Игнатьевна Бенкендорф (в девичестве Закревская, во втором браке Будберг, 1892-1974), секретарь М.Горького.

⁴⁸ «*Magicienne*», сонет Эредиа. Лозинский перевел его название как «Чародейка».

⁴⁹ Вечер «Журнала Дома Искусств» 7 октября 1920, когда Блок читал статью «'Король Лир' Шекспира», законченную 31 июля и адресованную актерам БДТ.

⁵⁰ Речь идет о юбилее Дома Искусств, открытого 19 декабря 1919.

⁵¹ Эта тетрадка сохранилась у Н.Е. Шведе. В ней стихи М.Л. «Из легкой чаши» (1911), опубл. в «Аполлоне» (1915. №8-9). Кроме указанных строк стоят слова: «Аде Ивановне Оношкович-Яцына. 17-18.VII.1920». Это дата первой поездки шерфольцев в Тарховку.

⁵² Платонов Сергей Федорович (1860-1933), профессор русской истории, с 1920 — академик. Умер в ссылке в Саратове.

Зелинский Фаддей Францевич (1859-1944), профессор античной филологии. Умер в эмиграции, в Германии.

⁵³ Греческие альфа и омега стоят на иконах Спаса, обозначая «сый», т.е. «сущий».

⁵⁴ От полного имени И.В. Одоевцевой — Ираида. Прозвище «Кулибаба» самой Одоевцевой, по ее свидетельству, неизвестно (разговор с ней 23 января 1989).

⁵⁵ Т.Б. Лозинская (урожд. Шапирова, 1885-1955) — историк и экскурсионист, жена М.Л.

Г.Л. Лозинский (1889-1942) — специалист по итальянской культуре, в 1922 вместе с семьей и матерью Анной Ивановной (урожд. Макаревич) эмигрировал в Париж.

⁵⁶ М.Н. Рыжкина жила в доме, принадлежавшем прежде ее отцу, — Кузнечный пер., 21, кв.7.

⁵⁷ Союз поэтов возник в 1920 и собирался на Литейном пр., 30.

⁵⁸ Роман «Сага о Иесте Берлинге» (1891) шведской писательницы Селмы Лагерлеф (1858-1940).

⁵⁹ Ольга Максимовна Зив (1904-1963), поэтесса; впоследствии переехала в Москву, писала прозу.

Вера Францевна Каукаль впоследствии не печаталась.

⁶⁰ Бронников Михаил Дмитриевич (1896-1941/42) — «заммизинец», т.е. занявший место Кати Малкиной. Пианист и поэт, сын морского офицера и музыканта. Окончил Лицей (1917), переводил Франсиса Жамма (1868-1938). Арестован в 1932, отбывал срок на Беломорканале. Освобожден и вновь арестован в начале войны. В коллективном переводе Эредиа Бронникову принадлежит перевод девяти сонетов.

⁶¹ Владимир Соломонович Познер, писатель. Эмигрировал во Францию. Первые стихи опубл. в журн. «Эпопея» (1923), последующие публикации — уже во Франции (см.: Панорама современной русской литературы. 1929. На франц. яз.).

⁶² М.Л. Лозинский служил в Публичной библиотеке с 1914 по 1937. Заведовал отделом эстампов, с 1930 по 1937 — хранитель библиотеки Вольтера. С 1921 по 1927 вместе с академиками С.Ф. Платоновым и Н.П. Лихачевым состоял в комиссии по выполнению Рижского договора. В их функции входило выделить из фондов ГПБ и передать Польше привезенную Суворовым из Варшавы библиотеку братьев Залуских. Вся переданная полоника погибла в 1944. Сам М.Л. в конце пятилетнего существования

комиссии был арестован (1927) и пробыл под следствием около месяца. (Последние сведения получены из архива ГПБ благодаря любезности П.Л. Вахтиной).

⁶³ *Пылающее сердце* (лат., название сб. стихов Вяч. Иванова), вышитое на маскарадном костюме Р.Н. Блох. После маскарада среди участников Студии Р.Блох получила прозвище «пылающее сердце» — намек на ее неравнодушие к М.Л.

⁶⁴ В первом варианте «Петербург» А.Белого (Альманах «Сирин». СПб. 1913. Сб. II. С.108) в гл. IV «Белое домино» был позже опущенный текст, в котором, однако, имени Миши не было: «А пролетка уже тронулась: если б остановилась, и, о, если бы повернула назад — повернула в светлое место, где мгновение перед тем стоял печальный и длинный и где его не было, потому что оттуда на плиты всего лишь поблескивал желтый глаз фонаря».

⁶⁵ Рукопись. Архив Н.Е. Шведе. В этой одноактной шуточной пьесе три дубовых листа наград присуждены Катуллу, Шенье и Мандельштаму. Они превращаются в хлебные карточки. Карточки получают еще и «Нельдихен и его тетка; Ауслендер и его мама и папа». Здесь обыгрывается взятый Нельдихеном псевдоним, благодаря которому он получает вторую карточку. О том же Нельдихене-Ауслендере говорит Леший:

«Гумилев показал ему чудных коней,
Пять коней из далеких неведомых мест.
Серый в яблоках. Ямб! *Рыжий* нервный хорей
И упрямый, как ночь *вороной*, анапест!
Амфибрахий — *гнедой* иноходец степняк,
Дактиль — старый, тяжелый *караковый* конь.
Так отчетлив и весел был каждого шаг,
А подковы, звеня, высекали огонь.
В нетерпенье лихая пятерка ждала —
Он стоял неподвижно, нахмурил чело.
Но привел Маяковский хромого осла
И вскочил он беспечно в чужое седло.

Леший: У тебя изо рта шевелит ногами непрожеванный Маяковский». (Пародизация Маяковского: «Людам страшно — у меня изо рта шевелит ногами непрожеванный крик»).

⁶⁶ Дом Литераторов находился на углу Бассейной и Эртелева пер., №11/17. Цех поэтов выпустил сб. «Новый гиперборей», отпечатанный на стеклографе в количестве 23 экз. Поэты сами иллюстрировали свои стихи. Туда вошли: Гумилев, Рождественский, Мандельштам, Лозинский, Георгий Иванов, Одоевцева, Оношковиц-Яцына, Ходасевич, Оцуп. На экз. №15 (Лозинского) рукою А.О. написано: «И от руки богов меня никто не спас. 2.4.1921». Это строка из сонета «Чародейка» Эредиа (см.: Эредиа. Указ. соч. С.261). Экземпляр М.Л. хранится у вдовы его сына — И.В. Лозинской. В том же 1921 вышел «Альманах Цеха поэтов. Кн.2-я», уже без иллюстраций, в нем помещены 2 стихотворения А.О.

⁶⁷ Собирался Цех поэтов «в аудитории проф. Д.К. Петрова на романо-германском отд. Петербургского ун-та» (см.: В.Рождественский. Страницы жизни. М., 1962. С.122).

⁶⁸ Ср. стихотв. Гумилева «Дамара, готтентотская космогония» (Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С.301-302).

⁶⁹ Стихотворение «Нежданный» не сохранилось.

⁷⁰ По-видимому, Ольга Николаевна Арбенина-Гильдебрандт (1897-1980), актриса и художница, жена Ю.И. Юркуна. Об увлечении Эльгой Н.Гумилева рассказано И.В. Одоевцевой (13 декабря 1987).

⁷¹ Гораций Флакк. Наука поэзии (Послание к Пизонам. Ст.272-273).

⁷² Бриан (Мария Исааковна Шмаргонер, 1886-1965), оперная певица, училась в Париже и Петербурге, участвовала в антрепризах Дягилева. С 1920 профессор Петроградской консерватории. Выступала на сцене до 1933.

⁷³ Квартира Л.Н. Куна, в которой жили Оношковицы с августа 1920, располагалась в 9-этажном доме по Прядильному пер., около Египетского моста.

⁷⁴ Эредиа. Указ. соч. С.11. По-видимому, перевод не коллективный (как указывается в издании), а индивидуальный — принадлежит А.О.

⁷⁵ М.Р. пишет работу о деятельности папы Урбана. Ее руководителем была Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (1874-1939).

⁷⁶ Вечер Цеха поэтов, назначенный на 14 марта, не состоялся из-за кронштадтских событий, его перенесли на 20 апреля.

⁷⁷ Восстание в Кронштадте началось 2 марта. В Петрограде был введен комендантский час. 17 марта Кронштадт был взят.

⁷⁸ Видимо, бывший лицеист и поэт Владимир Константинович Лозина-Лозинский, принявший священство. Арестован в 1924 по «лицейскому делу», расстрелян 29 октября 1929 на Соловках.

⁷⁹ Речь идет о вечере 20 апреля. Афиша, сохранившаяся у Н.Е. Шведе, называет участников «Вечера стихов»: «Н.Гумилев, Георгий Иванов, М.Лозинский, О.Мандельштам, Сергей Нельдихен, Ирина Одоевцева, Ада Оношкович-Яцына, Ник.Оцуп, Всеволод Рождественский, Владислав Ходасевич».

⁸⁰ Лев Борисович Шапиров — брат Т.Б. Лозинской.

⁸¹ Известно, что А.О. перевела трагедию Кольриджа «Раскаянье» (1813). Перевод не опубликован. Тогда же М.Л. переводит стихи Кольриджа. Ему принадлежат 9 переводов (см.: Кольридж С.Т. Стихи. Л., 1974).

⁸² День рождения М.Л. — 20 июля.

⁸³ Пьеса Кольриджа «Раскаянье».

⁸⁴ Горный ключ. Изд. 2-е. П., 1922.

⁸⁵ Речь идет о романе Анри де Ренье «La flambée», русский перевод которого появился в 1913 под названием «Первая страсть». Ренье был мужем дочери Эредиа.

⁸⁶ Н.С. Гумилев был арестован 3 августа 1921.

⁸⁷ Руководителем «Звучащей раковины» был Гумилев. Вечер его учеников 13 августа, через 10 дней после ареста Г., очевидно, был знаком памяти узнику тюрьмы на Шпалерной. Так воспринимали этот вечер, видимо, и М.Л., и А.О. Отсюда ее слова о том, что «честно слушали», ибо качество стихов не рассматривалось.

⁸⁸ Ограда вокруг Спасо-Преображенского собора сделана из пушек, захваченных в русско-турецкой войне 1828-1829.

⁸⁹ Церковь, упомянутая А.О., находилась на Захарьевской ул., д.20. Она была снесена в 1950-е, на ее фундаменте стоит новое здание.

Введенский Александр Иванович (1888-1946) — протоиерей, настоятель церкви Захария и Елизаветы в Петрограде. Поклонник Блока, выставивший в церковном иконостасе фотографию поэта. В ИРЛИ хранится текст упомянутой проповеди (Ф.654. Оп.8. Ед.хр.27). С 1922 видный деятель обновленчества.

⁹⁰ Церковь Покрова находилась на месте нынешнего сквера на пл. Тургенева, неподалеку от Пряжильного пер., где жила А.О.

⁹¹ Публикацию упомянутых здесь текстов см.: Замятин Е.И. Краткая история «Всемирной литературы» от основания до сего дня. / Публикация В.Троицкого (Д.И. Зубарева). // Память: Исторический сборник. Вып.5. Париж, 1982. С.287-314.

⁹² Тихонов Александр Николаевич (Серебров, 1880-1956) — заведующий изд-вом «Всемирная литература», писатель.

⁹³ Алексеев Василий Михайлович (1881-1951) — китаист, профессор Петроградского ун-та, позже академик. Переводчик.

⁹⁴ Бронников жил на 10-й линии Васильевского острова в доме №27.

⁹⁵ Празднование именин на другой день.

⁹⁶ Пьеса Генриха Клейста, которая войдет в его двухтомник 1923 года издания. Единственный русский перевод.

⁹⁷ Юрий Николаевич Султанов (ум. ок. 1939), сын писательницы Е.П. Летковой-Султановой, хранитель музея «Старый Петербург».

Его жена Наталия Владимировна (урожд. Шумкова, 1892-1975), искусствовед, в первом браке была за историком европейского театра А.А. Гвоздевым.

Вейнер Петр Петрович (1879-1931) — издатель журнала «Старые годы», чл. Академии художеств, устроитель и первый заведующий музея «Старый Петербург» (1907-1925). Расстрелян.

Смирнов Александр Александрович (1883-1962) — профессор Петроградского ун-та, шекспировед и специалист по лирике Прованса.

⁹⁸ Сб. стихов А.О. Издание не состоялось.

⁹⁹ Ходасевич Анна Ивановна (1887-1964), вторая жена В.Ф. Ходасевича, сестра Г.И. Чулкова.

¹⁰⁰ Игрушки в лес убежали. Пг., 1924.

¹⁰¹ Речь идет об ультиматуме Керзона.

¹⁰² Шокальский Юлий Михайлович (1856-1940), гидролог, президент Географического общества СССР (1917-1931). Крестный отец сына Е.Е. Шведе Николая.

¹⁰³ Речь идет об Иде (1900-1992) и Фредерике (Фриде, 1901-1958) Напельбаум, дочерях известного петроградского фотографа, поэтессах, ученицах Гумилева.

¹⁰⁴ Эта полная переводческая группа из 10 человек собиралась уже не у Т.Владимировой. Появляются еще два имени, прежде не называвшиеся: Вера Романовна Лейкина-Свирская и Ольга Николаевна Брошниковская. Добавим еще два: Наталия Петровна Сурина и Александра Ивановна Курошева. Р.Блох, переводы которой влились в корпус «Трофеев» Эредиа, была уже за границей.

¹⁰⁵ С Максом А.О. пишет кн.: Мышонок и луна. Рис. А.Радакова. Л., 1924/ 2-е изд. — Л., 1925.

¹⁰⁶ Франсис Миомандр (1880-1959) — французский писатель. Его роман «Золотой телец» вышел в переводе А.О. в 1924.

¹⁰⁷ Тамара Скитская — гимназическая подруга А.О., дочь статского советника, инженера Лавра Константиновича, управляющего строительством железных дорог.

¹⁰⁸ Портреты деда А.О. и ее матери и брата хранятся у Н.Е. Шведе. Портрет отца утрачен.

¹⁰⁹ Речь идет о юбилее творческой деятельности. Самому Сологубу 1 марта исполнялся 61 год.

¹¹⁰ Кржевский Борис Аполлонович (1887-1954), специалист по испанской литературе. С ним в ун-те занимались испанским языком А.О. и Е.Шведе.

¹¹¹ Вера Михайловна Ермолаева (1893-1939) — художник-авангардист, была близка к кругу Малевича, а до того — М.Ларионова. Постоянная гостя друзей Шведе — Егорьевых (сына капитана «Авроры», погибшего в Цусимском сражении, Всеволода Евгеньевича, его жены — Августы Ивановны и дочери Таси). Погибла в концлагере.

¹¹² Мокульский Стефан Стефанович (1896-1960) — специалист по театру романских стран.

¹¹³ Владимир Оскарович фон Петерсен (1884-1936), сын профессора медицины, с 1912 по 1914 служил в Сенате, затем в действующей армии. В 1921-1931 — сотрудник ГПБ. В марте 1935 выслан в Караганду в ходе массовой высылки дворян из Ленинграда. Умер там от аппендицита из-за от-

сутствия медицинской помощи. Его жена М.Н. Рыжкина была арестована в феврале 1932 и выслана из Ленинграда с правом выбора места жительства. Выбрала Курск, затем переехала в Задонск, где служила чертежницей. После высылки мужа перебралась к нему. В 1938 получила возможность жить в г.Пушкине, работала на заводе «Серп и молот». Затем служила библиотекарем в Пединституте им. А.И. Герцена и в ГПБ, откуда уволилась в 1942 для эвакуации из города. Далее ее следы теряются. (За сведения о Петерсенах благодарю сотрудницу ГПБ П.Л. Вахтину).

¹¹⁴ Бертенсон — врач, друг семьи А.О.

¹¹⁵ Кинотеатр «Пикадилли» был открыт в 1913 (ныне кинотеатр «Аврора»).

¹¹⁶ Гельмерсен Павел Васильевич — музыкант и моряк, друг Шокальских, старый знакомый Е.Е. Шведе.

¹¹⁷ Жерве Борис Борисович (1878-1934) — начальник Военно-морской академии.

¹¹⁸ Боссэ Гуальтьер Антонович (1877-1953) — певец, бас. Начал выступать с 1902. С 1910 в Мариинском театре. Знаменитый исполнитель партии Вотана в «Валькирии» Вагнера.

¹¹⁹ Елизавета Евгеньевна Шведе, сестра Е.Е.

¹²⁰ Старинный петербургский обычай устраивать ярмарку в шестую неделю Великого поста. А.О. пишет о 14 апреля, четверге.

¹²¹ В конце 1930-х овдовевшая Елизавета Альбертовна Вельтман станет женой вдовца Е.Е. Шведе. Сыновья Кирилл Вельтман и Николай Шведе, подружившиеся в 1926, определили союз своих родителей.

¹²² Портрет Ю.Н. Султанова работы Н.К. Радловой хранится ныне в Петербурге у А.Б. Черняка, внука Н.В. и А.А. Гвоздевых.

¹²³ Детская книга А.О. «Шарманка» была издана в 1928.

¹²⁴ М.Л. был уже на свободе. *Мама* — свекровь А.О., Мария Александровна.

¹²⁵ Знаменательно, что, спустя годы, славу Лозинскому принесет именно перевод «Божественной комедии» Данте, и Франческа V песни «Ада» в его переводе окажется как бы данью памяти стихам А.О. и ей самой, ушедшей из жизни в 1935.

¹²⁶ Семинарий Гумилева «Звучащая раковина» собирался иногда в квартире Наппельбаумов на Невском пр., 72, кв.10.

¹²⁷ Сын Наталии Сергеевны и Иосифа Феликсовича, скончавшегося в мае 1927, двоюродный брат А.О. Упомянуты также сама Наталия Сергеевна; Николай Феликсович и жена его Аделаида Николаевна (тетя Дела).

Михаил Кузмин
ДНЕВНИК 1921 ГОДА*

Публикация Н. Богомолова и С. Шумихина

Июнь

1 (среда)

Что-то жарко и плохо. С утра поплелись на рынок. Всего там много, а денег у нас нет. Целый ряд столов с чаем и булками, с молоком. Посидели и мы. Юр. уже ловчился продать тюк книг на улице. Дома обед неважный был. Каша и жир. Вечером Юр. захотел сидеть дома, но, опоздав в Дом, пошел на квартиру О.Н. и вернулся очень поздно. Я заходил к Кагану один. Его не было: на концерте. Зашел туда. Зиссерман играет Баха.

2 (четверг)

Целый день почти ничего не ели. Но легко, хотя днем засыпаю. Долго сидел в «Петрополисе», так что Яков Ноевич ушел даже в контору с Конан Дойлем. Но ничего не высидел. М. б., даже я мешаю им и они косятся. Это было бы неприятно. Забегал Юр., опять ушел. Я, ничего не дождавшись, ушел и дремал. Пришел Папаригопуло и Владимир Алексеевич. Юр. все-таки притащил, голубь, папиросы, сладкое и хлебцев. Вечером зашли к Ольге Афанасьевне. Там Сахар, Коля Юдин и Бруни. Лурье все-таки поганушка, а мог бы быть неплохим. Чем он себя испортил?

3 (пятница)

Жара. Ходили на Милльонную и пререкались немного, зачем я не пошел сначала в «Петрополь». Дали хлеба и настоящего чая.

* Окончание. Начало см.: Минувшее. Т.12. С.423-494.

Я зашел еще в «Петрополис». В Доме сидели. Ломалась Люська Дарская и была уже О.Н. Я домой. На заседании было скучновато. Вечером не слишком оживленно было у Абрама Сауловича. Смотрели новые немецкие книги, к сожалению, все по социализму. Юр. немного впадает в уныние от непризнания, я от неспособности работать, что нужно.

25.000

4 (суббота)

Вышли из дому не рано. Юр. что-то ворожил с деньгами. Бедный сынок мой, приходится ему хлопотать для меня. Мои работы и замыслы почему-то страшат меня. Я все знаю так приблизительно. Такой невежда и лентяй, действую по линии наименьшего сопротивления. Даже пустой статьи или пойти на заседание не могу собраться. Сидел в «Петрополисе». Не косятся ли на меня? «Вторник Мэри» вышла 4[-мя] экземплярами и это ни меня, ни Юр. не радует как-то. Дома все в порядке. Пили чай. Потом Юр. лег спать, а я пошел к Залшупиным. Никого там не было, смотрел книжки. Собеседование меня расстроило чем-то. Что уезжают Блохи, все, все, что многим не нравится «Калиостро» — «не то, что "Эме" или "Александр", бессодержательно, один стиль, да прелестная внешность книжки!»¹. Глупости, конечно, но на меня действуют. Как-то будем жить мы зимою? Не знаю. Наступил июнь. Еще месяца три, пролетят они, как нелепый сон. Надеюсь, что выживу, но во что обращусь и во что обратится отношение ко мне, не знаю. Мое положение ведь очень еще проблематично. Одни еще, другие уже не хотят упорно меня признавать.

5 (воскрес.)

Рано были в Доме. На обратном пути встретили Кагана со «Вторником Мэри»². О.Н. была у нас. Я ходил к Бурцеву с «Картинками» и «Вторником», купил кое-чего и пили чай. Отправились под дождем к Тяпе. Ее еще не было. Читали, что сами написали в альбом. Потом пришла Радлова. Угощеньице было. Дождь лил и темно на обратном пути.

15.000

6 (понед.)

Все ничего. Выбрались около часа в «Петрополис». Видели книжки. От Михельсона. Много краденых от Кости Ляндау*. В

* У Кузмина — Ляндау.

Доме устроили оргию с кофеем и пирожными. Ходили еще немного. Дома дремали. Да, утром забегал ко мне Сторицын со статьею. Какое-то смешное охлаждение с «Жизнью искусства» и с Кузнецовым³. Сам не знаю, откуда оно произошло. Мамаша все варит бобы, так и не доварила. Еще раз ходили в «Петрополь». Пили чай. Пошел град. На Гюлистане было ничего себе, но не первоклассно. Дома жгли свет. Юр. тихо вдовееет. О.Н. уехала. Видел Аню Гумилеву, какая-то помесь Арбениной и Ахматовой. Вспоминали Гумов дом.

50.000

7 (вторн.)

Что же было? Ели, ели и плохо. Какое-то тухлое масло. Овсяная каша, как жеваная. Я болен. Пришел Милашевский. Я был не очень рад. Просидели зря дома. Рисовал он меня.

8 (среда)

Мне нездоровится и очень уж уныло. Заходил в «Петрополь», а Юр. побежал к Тевяшову. Сговорились в Доме встретиться. Темно и ветрено. Выбираю деньги за последнее свое достояние. Юр. сидел печально. Пошли. Побродили под дождем. Дома плохо пообедали. Спал. Скучно, что пришел Милашевский. Кончил меня. Юр. читал Гофмана. Он томится и разбрасывается. М.б., скучает об О.Н. Выбежал и долго не шел. Я бездельничаю, как сурок. Кузнецов приходил, занес билеты от Мозжухина, дела всякие, — скучный он, все-таки. И этот концерт меня никак не устраивает. Юр. принес пирожок. Был у кумы. Печально все. Юр. начал пьесу и кончит завтра, вероятно.

30.000

9 (четверг)

Юр. пишет пьесу, почти дописал ее. Спрашивает совета. Я послал его к Ноевичу. Принес селедок, яйца и булок. Болит живот, даже лежал. Пришел Мухин С.А., выпросил мой экземпляр «Мэри». Пили чай и все-таки поплелись на концерт. Г.Иванов бредет с пакетиками масла и т.п. Рано забралась, но Юр., к счастью, не очень скис. Медя пела какую-то ерунду Чайковского, старя или молодя меня лет на 30. Иришка стряпала что-то уверенно на «Бехштейне». Вид зверский. Мозжухин обдуманно пел классические и скучные вещи Р[имского]-Корсакова, Глинки и Мусоргского. Делал все, что мог. Это — честно и приятно, но мало, мало. Дыхания духа нет⁴. Дома посидели немного, по-

читали Гофмана. Зажмурясь и лентясь иду я к какой-то дыре. Был Артур и Оленька.

25.000

10 (пятница)

Ужасно устал в Доме Ученых. Юр. бегал к куме. Я разговаривал с разными людьми. Тащили еле-еле. Тепло и хорошо, но как-то бесчинно протек день. Переехали к нам жиденята из Минска. Заседали проворно. Ноевич скоро уедет. Встретили дурашку, звал на витебские снадобья. У Ольги Афанасьевны вдруг приехал Мансуров, опять принявший вид подмастерья. Артура не было. Посидели, поиграли в мельники. Скучно ей.

65.000

11 (суббота)

Вечером заходил Милашевский. Вышли вместе с ним и прощались, прогулялись. Куда-то не пошли. Да, дурашка отгласил, конечно, нас. Вот так. Вот так. Я что-то закисаю ужасно.

12 (воскр.)

Что-же было? Взяли денег в «Петрополисе». Был в театре. Чехов очень хорош. Но разные люди нашли, что грим его похож на меня, и было не очень приятно наблюдать собственное безумие⁵. Были и знакомые. Зашел к Блохам, а Юр. там не было. Сидел дома. Спал плохо. Сто дождей. Была и гроза.

40.000

13 (понед.)

Целый день болела голова. Насилу отлежался к чаю. Пришел еще Милашевский. Еле-еле прошел он к Мозжухиным. Радужны и милы; были Степановы и Лурье. Все ничего. Голова прошла, но не окончательно.

14 (вторник)

Бедный Юр. скучает, наверное. Мельком видел Якова Ноевича. Распоряжение сделано. «Вечера» мне не очень нравятся и не знаю, какое они произведут впечатление⁶. Писал об «Эрике». Голова не совсем прошла. Юр. выбегал еще чего-то ворожить. Достал сладкого и папирос. Был у нас Саня и Папаригопуло. Вышли пройтись. Сумрачная и скучная погода. Лопаются большевики? Не знаю. Я сам лопаюсь по всем швам, вот что я знаю. Скучно мне до смерти. Поздно заходили к Тевяшову, режет сво-

их скифов, сидит Смирнов, рассказывает о Ташкенте, о шегленке, будто компания на кухне. Тень милого быта витает еще. Что меня гложет, не знаю. «Барабаны»? «Вергилий»?⁷

15 (среда)

Дождь по сту раз. Утром ходил попотрошить Надежду Александровну. Юр. оставался дома. Вышли в Дом. Там ничего нет, да и вообще там на меня дуются. Не очень что-то хорошо себя чувствую. От Сологубов отклонились. Был Алперс. Я его все-таки люблю, несмотря на его коммунизм. И Юр. почитал и поговорил об искусстве. Вышли под вечер узнать, не приехала ли О.Н. Нет еще. Что-то смутно сидели.

30.000

16 (четверг)

Заходил в отдел. Жалованье и гонорар. Юр. скучает. Вечером у нас был Мухин. И потом очень скучно сидели у Наденьки Залшупиной. Свет погасили у нас.

9.000

17 (пятница)

Юр. скучает, бедный. Все рисует, так что даже глаза заболели. Сидит дома. Прекрасная погода. Ходил один на Мильонную. Мамаша пропала на рынке. Но нанесла всякой всячины. Являлся Сторицын с альбомом Юреновой. Сплетни, что Мозжухин заплатил мне 500.000⁸. Был в «Петрополе». Заходила туда Оленька. После обеда ходил еще туда же. Долго шли на Васильевский остров. Вспоминалась юность, беззаботное житье, квартира, планы, мама с чаем и пирогами. У Радловых было очень мило. Были Николай Радлов, Боря Папаригопуло, пили чай, ели пирог. Юр. читал свою пьесу, читал очень плохо. Но было хорошо. Приятно шли.

13.500

18 (суббота)

День, будто затмение. Ходил в «Петрополис». Дома были Коля Петер и Чиж, они возобновляют «Собаку» без Веры Александровны⁹. Потом пришла и она, когда мы ели блины. Дела ее плоховаты. Опять пошел в «Петрополис», потом покупал кое-что. У нас уже сидел Воинов. Гравюра не плоха. Хорошо толковали. Потом под дождем пошел я к Абраму Сауловичу. Они только что приехали из-за города. Мило посидели. У него есть задатки большого издателя и желание стать им. М.б., мало жизненно-

сти, не то, что у Зиновия. Юр. истомился ночью, совсем измучился, бедняга.

50.000

19 (воскресенье)

Вот Троица. Березки и блины. Вышли в «Петрополь» и пройтись. Рано пили чай. О.Н. приехала. Конец Юрочкину томлению. Загорела. Привезла нам масло и какао. Вдруг явился Милашевский. Вечером был у Рай и Доры Яковлевны. Ничего, скучно без Якова Ноевича и Елены Исааковны, но радушны и любезны. Мамаша потрясена приездом О.Н. и сразу надулась и окаменела. Что же еще?

20 (понедельник)

Вышел довольно поздно. Блохи приехали. Дождлся денег. Рассказы о Москве. Забегал купить папирос и конфеток и опять домой. Потом в «Петрополис». Собеседовали. У нас пила чай О.Н. Вместе пошли. Юр. целый день пишет пьесу. Шли дожди попеременно. У Папаригопуло был Шкловский. Радлова долго не шла. Но все-таки пришли. Юр. читал. Хорошо очень. Дома он спрашивал, что я думаю о пьесе и обиделся немного.

120.000

21 (вторник)

Целый день был ветер, разогнавший тучи. Выходили и в Дом. О.Н. пришла к нам. Пospела. Вышла с Юр. и пила чай. Рассказывала свой роман с Гумом очень хорошо. Чуть не опоздала в театр. Пошли к Миклашевскому вместе. Были любезны и милы, пили кофей. Разговоры о «Собаке». Пошли к Блохам. Там больны и немного затрапезны, но хорошо, все-таки. Ст[нрзб.].

22 (среда)

Юр. хворает. Были у Мухиных. Долго шли. Душно. Юр. совсем болен.

23 (четверг)

Не был на собрании «Собаки», а прямо на Николаевской. Взял денег. Чего только нет на рынке. Дождик. У нас Б.Папаригопуло. Юр. совсем болен, была и О.Н. Вечером у Мозжухиных, всё театральные дрязги, но так милы, послали Юр. пирожков, лекарства и табак. Все дождь.

45.000

24 (пятница)

Один ходил на Милльонную, сочиняя стихи. На собрании было как-то томительно. Дома застали Милашевского. Пили чай и я читал свои старые вещи. Пели немного. Я скис, да и Юр., кажется. Сидели дома.

25 (суббота)

Почти осенняя погода. Писал статью¹⁰. Вышел в «Петрополис» к закрытию, и в отдел. В Доме встретил Юр. и отправились к Ховину. Там клуб. Опять в Дом. Пили молоко. Везде всего продают много. Дома сидел. Был Кузнецов. В «Петрополисе» все устроилось. Купил кое-чего и пили чай. Вечером сидела О.Н. Я читал о Моцарте. Не скучно, но немного нервимся, и главное, что ничего не делаю. Слава Богу, что свалил хоть статью-то.

28.000

26 (воскресенье)

Темная и тихая погода совпадает с какой-то ленью и тяжестью на моей душе. Ничего не пишу. Малейшее усилие трудно. Утром приходил инженер за «Картинками», но мы как-то бесчинно распорядились с деньгами, так что не хватило. Яков Ноевич возвращался с кладбища. Посидел в «Петрополисе». Юр. долго не было. Пили чай, потом пошли. Я отошел немного. У Тяпы была Залшупина и Радлова. Сидели в гостиной. Завтра лучше будет. Все читаю о Моцарте.

15.000

27 (понедельник)

Сегодня чудная погода. Упиваюсь книгой о Моцарте, но вместе с тем это и засоряет мне несколько голову. Утром был в «Петрополисе». Там орал Евреинов, бранил меня за «Собаку», рассказывал о каких-то спектаклях в гимназии, где 12 влюбленных мальчиков изображали самих себя. Поспешил домой. Расстратились как-то. Днем все засыпал и сердился. К чаю пришел вдруг Морозов¹¹. По-прежнему мил, красив и глуп. Вспоминали. У О.Н. впечатление, что у нас проездной двор. Пошел я к Асафьеву, но квартира у них заперта. Встретил Каплана с книгами. Он качал головой, комплиментировал меня насчет Сомова, предупреждал о петрополитанцах и был подавлен и душевен. Встретил Адамовича; живет с Егорушкой, счастлив и доволен¹².

Дома О.Н. еще была у нас. Работать, работать. Планов у меня масса, но как поднять это все?

50.000

28 (вторник)

Дожди и грозы. Приводил в порядок свои ноты и список сочинений¹³. Очень хочется писать, задумал ряд музыкальных вещей (м.б., чтение Моцарта), роман неприличный и биографию Моцарта. Писать, писать, а деньги, а житье? Рано ели блины, к вечеру ржаные клецки, которые я не люблю почти так же, как и кашу. Ни стричься, ни к Поскочину, ни в «Литературу», ни к Асафьеву не ходил. Поздно был в «Петрополисе», взял «Dollarprinzessin»¹⁴. Юр. достал всего. Пришел Миклашевский, потом О.Н., под бэбэ, в новом платье. Сабашникова находит, что я «в прошлом» и многие находят это. Юр. спорил о «характерном» искусстве эпохи, — все это меня не расстраивает, а как-то нервит немного. И как мы будем жить, не знаю. Придет еще зима. Вышла книжка Рождественского¹⁵. А главное — мрачное и иногда озлобленное отдаление Юр. Без ласки и признания он увядает и озлобляется, мое же мнение кажется ему и пристрастным и недостаточно восторженным.

29 (среда)

Утром был в «Петрополисе». Послал Юр. к Мозжухиным. Удалось, но связало меня. Как я выпутаюсь? Думаю, как дурак о музыке. Хватит ли техники? Никто не сочтет за серьезное. Был у Блохов. Ничего. Они ведь очень милые и порядочные люди. М.б., и любят меня. Сегодня впроголодь, но чувствую себя восхитительно, м.б., именно от этого.

70.000

30 (четверг)

Все дождь и холод. Читаю Моцарта, думаю о «Леске» (не устарелое ли эстетическое предприятие это)¹⁶ и ничего не делаю, что нужно. Чувствую себя неважно. Юр. отлично писал, хотя меня несколько смущает, что он сам провозглашает пьесу «гениальной». Утром ходил на рынок за булками и потом за папиросами. Много грибов, масла и мяса, но мало денег. Днем вздремнул. Заходил и в «Петрополь», окрестил кота. Дома прибежал Саня. Статью ждут. Новый кошмар. А «Собака»-то? «Tu l'as voulu, Georges Dandin». Да совсем не voulu! О.Н. пришла к [чаю]. Юр. читал пьесу, но она ничего не поняла, отношение к искусству у нее какое-то дамское, все применять сейчас же к себе, вроде как

смотреть Ботичелли в качестве модных картинок. Да, еще кошмар: являлся Ипполит, опять за романом. Что я ему скажу? Отправился к Закорючке. Та эстетически пищала, но очарования в ней нет. Поздно попали к Мухиным. Там семейно, чуть-чуть «недра» и, вероятно, очень скорбно и скучно.

Июль

1 (пятница)

Разговоры с разными людьми искусства: с Г.Ивановым, Саниным братом, Беленсоном, петрополитанцами, повергли меня в какое-то уныние и отчаяние. Все замыслы мои кажутся мне бесцельной игрой. Плохо мне и ничто меня не радует. Один ходил на Мильонную. Много чего надавали. Заходил в «Петрополь» Беленсон с книжкой. Противный он, какой-то чекист. Дома сидел Мухин, и он мне показался скучноватым. На заседании он, будто кошмар. Юр. долго не шел. Погода стала чудесной. Сидели дома. Писал «Лесок».

50.000

2 (суббота)

Заходил в «Петрополис» и в отдел. Взял газеты. Пишу «Лесок». Юр. все еще не поправился, и вообще чувствуем себя очень неважно. Явился Милашевский и проспорил о себе до часу ночи. Погода установилась.

3 (воскресенье)

Все зовет меня к работе и, вместе с тем, со всех сторон какие-то тучи находят, равнодушие, вражда, и почва ускользает из-под ног. А Юрочка? Он пишет гениальные вещи, и кто на них ласково смотрит? Даже я не сух ли и (Боже мой!) не обкрадываю ли его иногда? Влияние его, конечно, есть. Сегодня уезжает О.Н. Юрочка приуныл немного. И долго она не шла. Погода сегодня чудесная: тепло, не жарко, но к чему все это? Боже мой, ведь я же не маленький Миша, живущий при маме. Ты так одарил меня, но и возложил тяжесть. Кто меня любит? Юрочка, конечно, и за это благодарение небу, но на кого положиться, хотя бы как на Евдокию?¹⁷ на Тяпу, на Блохов, на Кагана? — нет. Якова Ноевича не было в лавке и не будет: на диссертации Жирмунского. Взял денег у Кроленки; купил конфеток. Все продается. Пили последний чай. Пошел я к Беленсону, он чем-то расстроил меня, какие-то сплетни. Что-то от Ремизова у него есть. Какие-то неприязни,

то Союз поэтов¹⁸, то Алянский, то сам Беленсон. Прибежал Анненков. Этот совсем уж опаршивел. У Лулу, напротив, были любезны очень. Много было народу. Лулу только что видела Сомова. Он кланяется, кажется, статьей доволен¹⁹. Я очень боялся этого. Юр. пришел поздно и сейчас же сцепился спорить с Мандельштамом о Яковлеве.

25.000

4 (понедельник)

Не знаю, прибавляются [ли] у меня силы. Денег-то я достал, но делал мало. Сегодня утром О.Н. была у нас. Был в «Петрополисе» 2 раза. Вечером вздумалось пройтись. Конечно, на рынок. Ни в café, ни в Гюлистан не хотелось. К вечеру еще вздумал мечтать, что уже совсем не входит в мои планы.

55.000

5 (вторник)

Что же от меня осталось? Лень, неумелость, апатия, бесчувственность, мелкие капризы, конечно, кое-какие бескрылые (м.б., устаревшие) планы и дурацкие мечты. Я даже не совсем уверен, есть ли во мне вера. Опять пичкают меня кашей, а денег нет. Погода чудеснейшая. Ходил бриться к Ученым. Ждал долго. Заходил в отдел, но жалованье там вычли за неведомый аванс. Везде продают чудесные вещи, но денег у нас нет. Чувствовал себя превосходно, пока не стал кормиться, потом впал в уныние. Погода по-летнему безнадежна. Стоял даже на балконе, что всегда приводит меня в еще большее уныние. В «Петрополисе» посидел. Каган нас отглашает и вообще какой-то надутый. Пили очень хорошо чай, опять воспрянул духом. Зашли к Олет, потом туда пришла и Тяпа. Играл я этюды Дебюсси. А дома опять скис. Что же делать? Главное, бояться следует мечтаний.

6 (среда)

Опять какая-то канитель с едой, но мамаша отправилась и купила грибов и картошки. Заходил Мухин и Коля Климов, огромный и обнаженный, а давно ли он спал за шкапом у Милашевского в виде маленького гуревича²⁰. Прошли к Ховину, там нашли Блохов. Опять в Дом. Ели и дома. Все мне надоели. Была гроза, я спал. У Василия Васильевича был Русинов и вкусный обед. Побежали еще к Кагану, он был сух и скорее неприятен, так что я с Юр. на обратном пути даже ни слова об этом не говорили, как оплеванные.

7 (четверг)

Приехал совершенно неожиданно Моня. Юр. очень рад. Какое-то летнее безделье. Моня все такой же: полон собой, сознательный бездельник и мечтатель, немного в стиле Изы Кремер²¹. Вечером мы все-таки были у Тяпы. Там были Кричевские, но не Радловы. Беседовали ничего себе. Моня с мамашей домовничали. Остановился он как будто у нас. Утром заходил к Елене Исааковне за деньгами. Был еще на заседаньи.

70.000

8 (пятница)

Утром опять впечатление дачи от Мони. Смушала публика на Юр. чтении, но все обошлось лучше. Был Щербаков, Мышка и Милашевский. Утром ходил за пайком. Едим Монину провизию. Все письма от сумасшедшей Свириденко, от Цветаевой и Нечкиной из Казани²². Долго сидели. Видел Тяпу в «Петрополисе».

9 (суббота)

Написал письмо Нечкиным и отправился в «Петрополь». Почему-то мне дали денег. Встретил Моню. Шествует и ест чернику. Предлагают ему какое-то место. Дома ели. Они отправились в Дом, я дремал и заболела голова. Молодцы все читают друг другу. Вечером пошел к Блохам один. Болела голова. Они радушны. Юр. побыл, бедняжка.

100.000

10 (воскресенье)

Болтанье и безделье меня овладевают. Заходили в «Петрополь». Не помню что-то, что мы делали, где были. Саня отгласил нас. Гуляли. Купил Моня роз, а я «Sapho» Массенэ²³.

11 (понедельник)

Что же было? Утром был в «Петрополисе». Относили ноты домой к Блохам. Волнуюсь о вечере. Не помню что-то, что я делал. Вероятно, писал музыку. Играл «Sapho». Да, достал я чаю. С наслаждением пили. На вечере было много и очень хорошей публики, но все ждали и волновались об Ахматовой. Было много очень знакомых. Побежал к Немировичу²⁴. Встретил идущего от него Гума и Оцуа. Там Орг, чай, спирт, сыр, бутерброды и старомодная любезность. Его «племянница» Тизенгаузен, французенка, домашние молодые люди, разговоры об Испании, ре-

лигиозном возрождении, заграничных новостях и т.п. Эстонец подвез меня до дому. Вот я и оскоромился. Болтали еще дома. Я был пьян. В кафэ, говорят, было скучновато. Жак определил Гума и красавицу: «дефлоратор со шкицей»²⁵. Ховин рычит из своей берлоги.

50.000

12 (вторник)

Дождь все лупит. Заходил к Оргу. Ходят эстонские лица, говор чухонский, но приятно, что не слышно жаргона²⁶. Топорщатся под державу. Условия, конечно, хорошие, держится чуть снобом. Милашевский уже сволок свои рисунки. Дома ели немного. Юр. нервится, я тоже. Ходили еще в Дом. Моня пропал куда-то. Оцуп отгласил. Забежал в «Петрополис». Переживают вчерашний вечер. Взволнован Оргом. Каган надут чего-то. У Ховина видели Жака и Жирмунского. Молодые люди под дождевиком отправились куда-то. Я писал плохую музыку и скучал. Темно и неприютно. Моня так и пропал.

13 (среда)

Льет дождь как из ведра целый день. В кухне протекает потолок. Послал Юр. и Моню за пайком, сам отправился на Николаевскую и в «Петрополь». Рассказы о коте Страбоне. Леонард денег выдал мне. Дождь все льет. Неужели и в пятницу придется путешествовать под таким же дождем? И молодым людям выдали. С едой опять какая-то ерунда. Какие-то клецки, в один комок, на вечер. Вообще, с мукой мамаша обращается зверски. Выходили, тем не менее, прогуляться. Вечером читали «Евг. Онегина».

65.000

14 (четверг)

Что-то делали. Дождь. Вечером были у Блохов. Подсчитывал стихи в сборниках.

15 (пятница)

Наказан за свои расчеты. Наговорил ли кто про меня чухонцу, или сам по себе хам, но стал вертеть волынку: вещи, мол, печатаны, у всех ненапечатанное, спросит в Ревеле и т.д. Чуть не вернул рукописи и не весьма был любезен. Все они одним миром мазаны. Я, например, не знаю, что случилось с добрым Каганом, что он рыло воротит. Дьяволит что-то и Залшупина. Как

они все мне надоели. Но аванс и чаю мне дали. Юр. лежал еще. Накурено. Мне было стыдно за Орга. Вышел за маслом и булочками. Потом ходили с Юр. в Дом Искусства. И к Ховину. Заходили пить молоко. Моня тихо устраивается и окаменевает. Пили чудно, чудно чай. Потом еще выходили. Разные работы, издательские дела и лень меня удручают. Купил Юр. свечек.

500.000

16 (суббота)

Дожди прошли. Писал с утра. Спекла мамаша чудный пирог. Пошел в отдел на собрание. Новый Альдонс* — совершеннейший ишак и дубина, но, кажется, неплохой человек. Моня не шел очень долго. Заходила к нам Тяпа и Танечка. Вышли; навстречу Моня. Поймали его. К Персиц пришли рано. Был там Козлинский, потом Радловы. Ничего, было уютно. Юр. читал свою вещь. Забрали Гёте, но это половинное еще издание.

17 (воскресенье)

Тяготил предстоящий Народный дом. Статьи тоже. Соберется дождь, наверное. Все взволнованы платной железной дорогой (до Москвы 128.000) и трамваем (500), забывая, что это цены 12 р. 80 к. и 5 коп., только нам-то платят по 7 коп. в месяц²⁷. Что-то играют назад. Везде смех и анархия, голод, чума и т.п. Заходили в Дом. Там Милашевский. Дома Моня оплетает ватрушки. Лень не покидает меня. Хорошо прошелся до Народного Дома, но ни билетов, ни Боярского не было. Акопарировал** меня Лисенко, рассказывая про свой роман с матросом. Орал и заикался на весь сад, мальчишки смеялись. Он там habitue, по видимому. Дома оба юноши кисло спали, к Сане мы не пошли. Поздно пошли бродить и жевать лепешки. Юр. ворчал. Моня торжественно и скучно важничал. Ах, Боже мой! Посидели со свечкой. А писанье и Орг, а «Петрополь»? А «Жизнь искусства»?

18 (понедельник)

Заходил в «Петрополис». Пришел туда и Юр. В Доме съели по пирожной и домой. Оленька все не приезжает. Пошли на Васильевский. Полдороги шел с нами Святловский. Остров всегда переносит меня в детство и успокаивает печально, хотя я его и не люблю. Толкались на рынке. У Радловых была Тяпа и Сара.

* Г.Г. Адонц.

** От французского assaerag — захватить.

Пирог с малиной, дела разные. Слухи опять о вольном городе²⁸. Отправились все на курсы. Там домашне и душевно. Были и знакомые. Улизнули на Гюлистан. Моня уже сидел. Был и Милашевский, но сегодня даже чаем не угостили. Положим, Юр. всех заговорил. Иногда я, любя, боюсь за него, за его резонерство и м.б., многословие. И нетерпимость. Моня тихо мрачнеет и придумывает дикие причуды. Неаппетитно как-то. В сущности, я не очень его люблю. Юр. дорожит им, как очевидцем своего гения и жертвой цуканий, хотя тот и брыкается. Устал я сверх меры, и все мне надоело: и жизнь, и люди, и работа, и творчество, и книги.

19 (вторник)

С утра Юр. нервился, что нет денег и Ольга Ник[олаевна] не едет. Но деньги я достал, а О.Н. приехала. Я очень рад. Утром ходил в «Петрополь» и в отдел. Отдал статейку, неважную, но которая едва ли будет напечатана²⁹. Денег не дождался. Петрополитанцы весело бродят гурьбой. Все отходят от меня. Ремизов продал мои книги неразрезанными. Бегал еще раз к ним за деньгами. Юр. ходил покупать к чаю. Вечером провожали Моню и бродили еще. Теперь ходят до 3-х и вообще всякие послабления и налоги. Но по вечерам меня сон одолевает и вообще ленюсь, конечно, и непроеизводителен ужасающе. Анненков притаскивал портрет Гржебина. Все-таки очень хорош. Вот так. В поездке Ростова поминала меня добрым словом, а Студенцов рассказывал, что я объяснялся ему в любви. Это было, действительно, раз, под пьяную руку, но я ничего не помню. А он хвастается. Конечно, лестно, что этим можно хвастаться: питерщички³⁰ — как малые ребята, или О.Н.

100.000

20 (среда)

Дожди были, но после них гофмановская свежесть. О.Н. была у нас. Юр. ее провожал, а я пошел к нему навстречу по мокрой траве Виленского переуллка. Было какое-то незабываемое мгновенье: и мокрая трава, и солнце, и Юр., издали идущий. Я очень люблю его, но устал и минутами пугаюсь будущего.

50.000

21 (четверг)

Погода чудная. Каша дома. Юр. мрачен. Ходил на Николаевскую, взял денежек. Лил дождь. Опять носятся бессмысленные мечтания о porto-franko. Купил отличных булок и пирож-

ков с черной смородиной. О.Н. была у нас, она не совсем здорова. Приятно шли до Дома при солнце с Георг. Ивановым. Народу мало, но публика приятная. Много неожиданных посетителей³¹. Потом пошли к неизвестным меценатам на коньяк, отправив Оленьку с Папаригопуло и Монею. Луна светила волшебю. В сущности было довольно пошло и бесчинно. Напились, конечно.

66.000

Пятница (22)

Ясно, денег маловато. Голова кружится. В сущности, никакого удовольствия от этого коньяка я не имел. Заседание отложено. О.Н. не приходила. Пили чай одни. Поздно пришел Мюня. Я пошел к Блохам. Там был Добужинский и Нотгафт по делу, я сидел с домашними, вспоминали старину. Дома Мюня еще сидел. Ходят теперь до 3-х, но этим мало кто пользуется. Да: утром ходили в Дом Ученых и заходили в «Литературу». Забегал к нам Сашенька. Не хорошо ему живется.

23 (суббота)

Ужасно долго не ели. Я выходил за папиросками. Приходила О.Н., но я ее не видел. Юр. в некотором отношении не очень хорошо ведет себя. А вечером и совсем поругались при Мюне из-за каких-то пустяков. В «Петрополисе» достал денег, пили чай и все-таки пошли к Святловскому. Юр. егозил, думая, что тот наготовил нам продуктов, но того не было дома и мы его не дожидались. Мюня еще сидел. Юр. неласковый какой-то. Мюню беспокоит Орг и завтра. И надеюсь, и неуверен.

52.000

24 (воскрес.)

Не помню, что было с утра. За чаем были Мюня и О.Н., потом под дождем отправились к Оленьке. Ни Мозжухиной, ни Тяпы не было, были Капитан³², Нора и Ахматова. Лурье был милее, чем можно было вообразить, но было очень темно. Осень близится. Читал «Лесок». Что-то будет завтра?

25 (понед.)

Дождь и ужасный ветер. С рассказами моими ничего не вышло, но денег Орг дал. Юр. спал. Выбежали поесть и накупили всяких штучек. Даже не спал. Вдруг явился Денике и Саня Вендиктов. Мил и скромн, очень серьезен, оставил разные стихи и реферат обо мне; были и у Сомова. О.Н. что-то не угодила Юр.

Мне сегодня немного скучно, от погоды, что ли, или объедаюсь, или чай крепок. Главное — неопределенность будущего. Поздно под дождем пошли в кафе. Там темно и мрачно, но знакомые, кроме поэтов — Радлова, Миклашевский, Сахар, Харлампьевна. И бедный Саня, заброшенный, сидел. Наш стол был окружен, но в общем было скверно. Дождался Юр.

1.000.000

26 (вторн.)

Дал мамаше денег на разные разности. Вышли с Юр., бродили, заходили в отдел. Там сидит Ишак, обиженный Радлов, моя статья и меня же ругают. Неуютно. Заходили еще было за булками, где Юр. знакомый. Саня [Венедиктов] опоздал и пришел, когда я уже уходил. Обрядился в белые брюки и т.д., беднягин. Оставил его в Юр. ведении, боюсь, что тот будет нелюбезен, да еще приобретет мрачный Моня. Шел ничего себе. Ко мне пристал неизвестный знакомый в красных штанах, курсант, и даже его товарищ со стеклом. Довольно невероятная картина получилась. Дома сидят Моня и О.Н. довольно уныло, и слушают «Дурную компанию». Юр. пошел меня провожать. Моня сидел до предела. Юр. побыл. Я очень его люблю, но растерян всякими пустяками и все вокруг меня шатается. Погода установилась.

27 (среда)

Время идет, деньги тоже, а мы пребываем в той же инертности. С некоторым ужасом думаю о времени после 1-го числа, когда иссякают мои полочки. Но пока... Были в «Петрополисе». Любезны, но немного холодны. Были и в Доме. Потом пообедали, и отправился Юр. на свиданье, я — покупать к чаю. Саня [Венедиктов] не опоздал. Пил, ел, разговаривал. Кажется, ему было не скучно и не дико. Даже играли Дебюсси и меня. Юр. опоздал. Пил отдельно. Интересно, что подумал Саня о нашем житье. Вечером пошли бродить. Купил я [«Сильвию»?], Юр. чашку. Зашли к Мозжухиным. Дома, поет. Учится петь по-немецки и итальянски, из которых ни слова не понимает. Выходит, вроде «Блэк энд Уайт»³³ или «Неуэбулет зыбен аршин». Но делает от чистого сердца, почти что трогательно. Так наелся, что еле мог пить чай. Вечером сидели мало, т.к. свечка догорала. Да и спать хотелось.

100.000

28 (четверг)

Что же было? Бродили в разные места. Вечером купили на рынке чашку поповскую³⁴ и книги, впрочем, это было вчера. Се-

годня же читали «Капитанскую дочку», провожали Моню, заходили к Тевяшову*, где заседал Сторицын. Был у нас Сашенька, обедал. Апатия не проходит у меня.

29 (пятница)

Погода восхитительна и ясна. Ходили на Мильонную, но Юр. закис. Дома не очень удачные блины. Потом заснул, проспал Кауфмана и без аппетита, чужим, пошел на заседание в «Петрополис». Каган перестал на меня дуться, а вечером я сговорился к Блохам. У нас сидел Моня, потом пришел Папаригопуло, а Юр. опоздал и домой, и всюду. Пришла и О.Н. У Блохов было так себе, недра и сумерки. Дома у Юр. свечка, притихли оба, не слышали, как я пришел. Посидел бы, да спать хотелось.

30 (суббота)

Все к дождю. Я нервлюсь и сплю, беспокоюсь о деньгах, которые уже истощились. Вышли в Дом. Потом я вернулся и спал. Юр. пришел с Моней и О.Н. Вечером я вышел к Каннегисерам, там был Исая и Каплан, забавно резвившийся. Дома еще никого не было. Юр. прибежал в дождь. Моня, оказывается, тоже заседал у О.Н.

31 (воскрес.)

Голодновато, но хорошо, если бы не уныние. Хотя хорошо поели в Доме. Поздновато. Юр. лег спать как раз в то время, как нужно было идти. Потом зашел в «Петрополь». Ничего там нет. Юр. развивает свою болезнь. К чаю пришел Моня. Потом вышли: Юр. к О.Н., а я за «Картинками» к Блохам, но и остался там. Разговоры меня развеяли, не так все мрачно. В Германии вышел «Зеленый соловей» и «Избранные стихи», разные сведения о политике и за границе подбодрили. Посидели дома немного.

Август

1 (понедельник)

С утра отправился в союз, взял возможный аванс. Прошелся по рынку. У Юр. приходил Алеша, приглашает кума. Бегал

* У Кузмина — Тевяшеву.

еще в Дом за мукою. К чаю пришел Саня Венедиктов, О.Н. и Моня. Потом отправились в Гюлистан. Мальчиков не было дома, пошли отыскивать хлеб. Сидели, читали гороскоп Мони. Интересно. Но настроение мое не важно.

100.000

2 (вторник)

Чудесная погода. Вышел в «Петрополь», когда Юр. спал. Накупил превосходных книг. К чаю пришли О.Н. и Саня. Ходил с ним еще раз в «Петрополь» и домой. Вечером бродили с Юр. и заходили к Султанову поесть. Приятно, но растратились. Что-то странное со мной происходит. Спокойствие и беспечность.

50.000

3 (среда)

Был Сашенька. Поручил разные вещи Юр. Были Моня и О.Н., потом они вышли, я смотрел с балкона и скучно ждал. Давно нигде не были.

80.000

4 (четверг)

Утром Сашенька все-таки пришел. Пошли. Орг отставлен, уезжает, но купил у Сашеньки и дал мне. Юр. все дела сделал, пока я был на заседании. Встретил Елизавету Николаевну, просила с ней поговорить, подкрепить, ждала меня на лестнице у Блохов. Отовсюду политические новости. Были у нас О.Н., кажется, и Моня. Гуляли далеко. Устали даже. Накупили всяких всячин.

506.300

5 (пятница)

Не так душно. Почти весь день провел в Доме Ученых, где ничего почти не дали. Юр. уходил, приходил, спал. Был и на заседании. Скучно. Гум, действительно, арестован³⁵. Не в связи ли с Оргом? Прибежал перепуганный Плетнев. Придется писать воззвание³⁶. Гуляли с Юр., купили яиц, [конфет?], хлеба, огурцов и масла. Роскошно ужинали, но электричество не могли поправить, и потом заели нас клопы. Давно я не видел разных людей. Дождь пошел.

6 (суббота)

Разгулялось, но к вечеру, наверное, пойдет дождь. Вышли рано на рынок. Я люблю там бродить, как по ярмарке. Коля Бронштейн торгует книгами. Всё есть. Зашли к Султанову. Вчера Юр. там пировал с Монеи. Чай пили Моня и О.Н. Мамаша надулась, Юр. убежал. Я читал Моне разные вещи. Болтаемся ужасно. Потом ели. Юр. увел Моню в темноту. Я лег. Сегодня клопы ели Юр., а не меня. Видел какие-то райские сны, но скоро нам будет очень плохо.

7 (воскресенье)

Умер Блок. Оленька плакала, а Юр. стал резонировать и злобствовать. Как-то неблагословенно это было. Мамаша промокла в постели и надулась. К чаю набралось много народа: и Моня, и братья-греки. Били баклуши. Провожали О.Н., а Моню Юр. потащил еще ночью к нам, тот как клещ или клоп. А у меня беспокойство и желание видеть разных людей и все впечатление американского вечера и свободной жизни. Началось это с присылки сибирских стихов³⁷ и Сани Венедиктова. А придется тоже умирать. Что же я сделал, Боже мой? Все мне кажется легковесным. Сторицын врал, что Глазунов хвалил мою музыку, и мне это было приятно³⁸. Но вообще-то, вообще-то я очень закис и обленился.

8 (понедельник)

Какой-то ужасный день сделался к концу. Юр. и я ругали бедную мамашу, стаскивали ее с кровати и т.п., но она и сама своей воркотней и штучками ни к чему другому и не может привести. После обеда ходил на Мильонную. Дома застал Саню и Рождественского, читал им. Рассказывали о Блоке, они вчера там были. Пришла О.Н. и уговорила нас идти на панихиду. Хорошо сделали, что пошли. Все были. Плачут. Слово «поэт» и «нежность», конечно, неотъемлемо от него. Многие оплакивали свое прошлое, целую полосу артистической жизни и свою, м.б., близкую смерть. Заплаканные женщины. Трепаная Дельмас рядом со строгой вдовой Блока, и Белый, и Ольга Афанасьевна, и Ахматова, и Анненков на первом плане, вроде фотографа Буллы³⁹. Бруни, Канкарович, Ершов, Лурье — все. Радловы, Тяпа. Удивленные, растерянные, заплаканные лица. Солнце, маленькая комната, старые домики, луг на берегу канавы, ладан и слова панихиды. Еле дошли домой. Пили чай. Деньги у нас

вышли, конечно. Вот тут-то и пошло наше представление, так, неизвестно из-за чего. Но Юр. мрачен и не очень мил все эти дни. Ну, Бог поможет. Трудно только нам очень.

9 (вторник)

Болит голова. Моня пришел. Голова прошла немного. Был у Адонца, Юр. откомандировал в «Петрополь». Не помню, ели ли чего. Да, вечером ели кулебяку. Моня ушел рано. Говорил о Марии.

40.000

10 (среда)

С утра бегали к Николаевскому мосту. Ждали. Погода чудесная. Несут открытым. Попы, венки, народ. Были все. Скорее можно перечислить отсутствующих. Белый во главе, что и понятно, но Анненков и Лурье до неприличия выпячивались на первое место, как фотографии. Шел то с Радловой, то с Блохами. Они милы, скромны и домашни. На кладбище праздник Смоленской Божьей Матери⁴⁰. Служили хорошо, но в виде hommag'a пели Чайковского. Как изменился Блок. Как страшно и какой дух тления. Его передержали и пекли на солнце. Тепло, деревья, все мило для последнего взгляда. Много и праздного народа, спрашивают, кто это Блок. Вот и меня похоронят! А если Юр. раньше меня? Не дай Бог, хотя и его подвергать такому ужасу похорон жестоко. Васильевский Остров, напоминая детство, возвращает неизменно меня или к мечтам о житье запечном, или к римскому восторженному миру апокрифов. Долго шли. Оленька устала. Заходили в Дом Ученых. Там Коля Юдин получает варенье. Дома мрачно из-за вчерашней безобразной истории. Действительно, какая гадость. Но будто немного проходит. Юр. нежный и добрый, но бродяжка и спорщик и любит учить, как и мамаша. А бедная Ол[енька], конечно, не виновата, но и не по нём. Ей богатые, праздные, эстетические молодые люди нужны и принципиальное болтанье. Да, м.б., с известной стороны и Юр. тоже, хотя он серьезен и беден. Впроголодь. Вечером заходил еще к Блохам. И Юр. прибрел ни с чем.

11 (четверг)

Бог, вероятно, хранит меня, не дав удачи с Оргом, потому что иначе бы меня арестовали, но в ПТО меня обижают без всякого покровительства. Впрочем, аванс выдали, но духов, кото-

рые я мечтал продать за 500.000, не дали. Адонц*, говорят, свирепствует. Утром-то я ничего не получил, только 10.000 на обед у Литераторов. Встретили О.Н., и Юр. убежал. С мамашей, слава Богу, примирились. Вечером пришел Моня. Юр. купил макарон. Не пишется мне. Жрут клопы.

60.000

12 (пятница)

Бродили за пайком. Что же делали еще? Я что-то не помню, что было. Кажется, ничего особенного. А, м.б., я и ошибаюсь. М.б., гуляли, м.б., дома сидели.

13 (суббота)

Вечером был у Блохов, писал контракт⁴¹. Перед чаем ходил к Адонцу. Кроме чая ничем не угощал. Был Шкловский, Федин, Канкарович и Голлербах**. Купил свечек и еще чего-то. Пили чай. Звонил Тяпе.

50.000

14 (воскресенье)

Все слухи и летний жар. Ели свинину. Мамаша кротка. Взял аванс. Что-то с делами? Вечером был у Блохов. Ели парижские конфеты и два пирога. Юр. пришел поздно. Чувствую себя ничего.

50.000

15 (понед.)

Взял у Елены Исааковны «Картинки». Юр. их реализовал, хотя и притащил О.Н. Были у Папаригопуло. Там [перестановка?]. Дали свет. Слухи и декреты, один другого диковиннее. Чудная луна. Борис провожал нас по-дачному. Ночью была страшная, без грома, гроза и град. Душно и клопы.

26.000

16 (вторн.)

Такая же тропическая погода. Жарко, молнии без грома, внезапные дожди. Решил пойти за пайком. Юр. писался, но я его вытащил. Огромная очередь, но он не ждал. Всё судьба. На

* У Кузмина — Адонс.

** У Кузмина — Голлербах.

обратном пути спас ребенка и женщину, тонувших в Канавке⁴². Там водовороты и водоросли. Он сам насилу выплыл в платье. Милый Юр., скорый и благородный. Книжечка, тетрадки его смокли. Сам, конечно, вымок, как собака. Вечером приходил их муж благодарить. Подполковник. Бегал он и к Ховину, и к Бурцеву. Дома сидел Сашенька, потом приплелась и О.Н. Мамаша крепится. Притащил я французские подарки. Такой интернационал: шоколад французский, масло американское, рыба финская. Не голодны. В Буфф⁴³ все-таки пошел, мечтая. Пить хотелось, все ел яблоки. «Бригитта» — ерунда, вроде Мопассана⁴⁴. Были знакомые. Волосатый Марджанов лежал на койке, окруженный оперетками, рядом трепаная Тамара и огромные чашки с выпитым кофеом. Дома свежо. Ели вишни и макароны.

17 (среда)

В «Петрополисе» волнения и сложности из-за Абрама Сауловича. Закорючка ведет себя достаточно сволочно, но, м.б., и у Абрама Сауловича есть аппетиты: пальца в рот ему не клади. Ходил еще с Блохами по разным улицам. Юр. притащил О.Н., после чая прибыл и Моня, когда мы уже все съели. Все это мне как-то поднадоело. Даже идти к Тяпе не очень хотелось. Юр. пошел отдельно, ища свечек. Везде огонь, у нас тьма. Не хватает еще, чтобы «Петрополь» лопнул из-за Надины. У Тяпы была Анна Дмитриевна и Сутугина. Юр. читал. Забрали [нрзб]. Луна.

35.000

18 (четверг)

В «Петрополисе» все ссорятся. Юр. нервится. Я тоже. Жарко. Моня загадочно торчит. Юр. на него набрасывается. Клопы жрут, без памяти. Писал об оперетке. Ходил в отдел. Наскоро пообедали. На Николаевскую. Там анекдоты и рассказы. Спал. Дома дежурный Моня, потом уже Юр. Вечером были у Абрама Сауловича. Разговоры и планы издательств и журналов. Свет еще не горит. Наелись. Плохо спал из-за клопов.

304.000

19 (пятница)

Сегодня, как сон. Вышли погулять, я засыпаю, дошли до рынка. На Пушкинской едет мальчик на велосипеде. По-моему, стрельнул. Во всяком случае, так вертелся и улыбался, что Юр. его остановил. Кланяется, как из общества. Прелестен, действи-

тельно, как сон. Юр. позвал его к себе. Опять на все соглашается. Какая-то жизнь, Европа и молодость. Переживая вдали дождь, я страшно радовался и бодрился. Юр. сам прелесть, говорит любовно и вежливо, как старший, тот все кланяется, но обещал придти не один. О.Н. бранила Юр., надулась и похожа была, все-таки, по сравнению с тем, на корову, как называет ее мамаша. Бабье сидит все-таки в ней. И в эту минуту она мне была чем-то досадна. Побежали к Бурцеву. Поил чаем, мил и уютен. Покупали еще хлеб у молодых людей. Вечером были у Закорючки. Обобрали книги и всё чего-то хохотали. Вернулись поздно. Как полагается, луна светит.

35.000

20 (суббота)

Погода все продолжает благоприятствовать; слухи хороши, планы и хотения и там, и тут, но ленюсь я по-прежнему и нервлюсь, и люди многие мне надоедают. Сегодня был какой-то содом. Прежде всего, мамаша любезно и рано спекла блинов. Юр. залег вверх спиной без подушки и не вставал. Тон: «Я никогда не завтракаю, сэр». Вышел в «Петрополь». Потом зачем-то в Дом. Второе уныние. Дома сидит Сторицын с чухонцем. Совсем дурак бессмысленный и пьяница: зачем он мне? Хотят у меня устроить оргию. Да, еще был маленький Мухин с планами насчет лавки. Юр. вскоре явился с О.Н., потом Моня. Чухонец все сидел. Невероятные синдетиконщики⁴⁵, не спихнешь с места. Потом Сашенька. Потом Папаригопуло. Юр. вскоре пошел обедать к утопленницам. Пришел пьяный. Услал меня гулять с греком. Сам остался сидеть с фатальным Моней. Прогулялся. От нас спускается Воинов. Да, с утра еще был Маньковский с орденом «кукиша»! Эта шайка ремизовских эпигонов тоже мне надоедает⁴⁶. Юр. пришел не поздно, но нигде не был, а бродил с Моней и скормил ему хлеб. Монтер не приходил, свечка выгорает и деньги уходят. Юр. очень давно не был. Вообще какой-то дезгардьяж.

Первое — упразднить чухонца.

21 (воскресенье)

Постимся. В Доме ничего нет, только молоко. Пошел на собрание. Не очень бурно, но упорно. Все прошло как нужно. Домой пришли О.Н. и Моня. После чая вышел к Блохам. Мирно посидел. Читал Вергилия. Особенных восторгов не вызвал.

50.000

22 (понедельник)

Мальчик не пришел, хотя Юр. и ждал его. Досадно, что так проехало. Был Эверт с Моней. Все это интересно, но жалко, что он припадает к аскетизму. Я подробно его понял, но м.б. и ошибся. О нем со временем. Вечером пришла О.Н., я вышел к Мозжухиным, но не застал их. В *café* наши не пошли, а поздно Юр. пошел провожаться. Как все обойдется, не знаю.

23 (вторн.)

Время идет незаметно, неся, м.б., несчастья, м.б., радость, во всяком случае, старость и смерть, а я, как преступник, ничего не делаю, ленюсь, болтаясь, мечтая и засыпая. «*Душа моя, душа моя, возстани, что спишь?*»⁴⁷ Утром визитировал «Петрополь» и ходил с ними. Юр. дожидался меня. Сегодня все еще поет. Купили гнилой хлеб у нашего жильца. Мебель нашу хотят продавать. Монтер не приходил. Надина зла и проказлива, будто ее высекли, а она хочет нашкодить. С Юр. пошли к Ховину. Денег нет, полная лавка пролетарских поэтов; я думал, что они будут меня обкладывать, но ничего. Вроде бурсаков, но молодость, компанейство и какая-то поэтическая фантазия есть в них. От богемы. Зашли еще в лавку Дома Литераторов, там Блох; побрел с ним. Начали уже пожирать яблоки. Пили чай. Пошел я погулять, Юр. к О.Н. Хотели чай пить у Мандельштамов, но Юр. не пришел, сидел с копилкой и писал афоризмы. Там была усталая Марья Абрамовна и достаточно надутая Лулу. Слухи всё. Саня заходил.

24 (среда)

Не помню уже, что было. Попросил денег у Кагана. Погода чудесная, но работаю очень мало. Вот и зима идет. Звонил Тяпе, но неудачно. Кто-то был.

50.000

25 (четверг)

Продал книжку брату Евреинова и дополучил от Ховина. Вот и все. Вечером Юр. пошел к О.Н., я провожал его и был у Блохов. Новое издательство довольно трудно, недружно и мрачно начинается.

20.000

26 (пятница)

С утра не курили. Так и пошел на Миллионную. Все время хлопоты с монтером меня удручают. Кроме Моня, О.Н. и мамыши, и денег, и писаний, и Юрочки. Припелся домой. У нас синдетиконщик № 1 — Сашенька. Планы и просьба книги. Юр. побежал, поспав. Я в «Петрополь». Надина накануне отъезда ходит уже, как знатная иностранка, чем-то неприглядна. Собрание было вялое. Абрам Саулович как-то надут, сыро, темно, долго. О.Н. пошла на панихиду по Блоку, где должен говорить слово модный о.Введенский⁴⁸. С Юр. долго ходили покупали и к монтеру. У нас Моня мрачный, мамаша затеяла какие-то колоссальные затеи с пилкой дров. Илью забрала в рабство. Да еще беспокойство с продажей левинной мебели⁴⁹. У бедного Юр. отбирают его конторский гарнитур. Ну вот, сегодня явились оба монтера. Но все тревога. Пил чай кое-как. Потом Юр. ругал Моню, потом читал роман, что тоже довольно выглядело катастрофично.

200.000

27 (суббота)

Был Эвэрт. Он увлекается совершенными пустяками, если не ересью. Не знаю, зачем я связываюсь с этой советской историей. Ведь все же они — сволочи. Юр. побежал закупать книжек. Потом вышли и вместе. Пили чай. Скучно было идти к Мандельштамам и противоположное предзнаменование не оправдалось. Юр. скоро убежал домой опять. Всё сны я страшные видел. Вообще: лень, уныние и нездоровье не проходят, и какое-то отсутствие жизненного аппетита.

28 (воскресенье)

Нездоровится и вдруг дела, как камень надо мною. Но тихо и воспоминательно. Играл при Сашеньке «Сафо» и вспомнил лето 1913, когда Юр. ездил со мною на Острова, обиды, покупки, ссоры и свою влюбленность. Конечно, я люблю его теперь гораздо, несравненно больше и по-другому, но исчезло ли и то чувство? Вышел с Юр. к О.Н., ждал его на улице. Потом, после чая пошли на далекий Васильевский Остров. Встретили важного и панически обиженного Моню, потом Бориса Папаригопуло. Было не очень хорошо, не знаю, почему. Пошел дождь, темнота; зашли еще к Миклашевским. У них как-то неустройство жизни еще больше видно, чем прежде. Это странно. Ели картошку с американским салом, от которого скоро меня начнет тошнить. Вымокли, как мыши.

29 (понед.)

Денег нет, но посетители не явились. Был в «Петрополисе», ходил по разным делам с ними. Спал что-то. Юр. пришел с О.Н. Весело довольно шли, и Гюлистан был ничего себе, но все-таки, все-таки что-то меня гложет. Помогли ли бы тут деньги? Не знаю, но не думаю.

30 (вторник)

Тепло. Слухи. Аресты. Расстрелы. Такой уж беспокойный город. Но я как-то не волнуюсь и не надеюсь. Был Эверт. Толковал о журнале, о духовных профессорах, об имясловцах в связи с «Нежным Иосифом»⁵⁰. Чем-то он хорош, чем-то плох. Моня с идеализацией достопочтенности, конечно, его преувеличивает. Обедали в Доме. Бродил с петрополитанцами немного как собачки. Деньги они получили, но мне обещали завтра. Спал. Пришел Моня, потом Юр. с О.Н. и провизией. Пили чай. Я еще раз тщетно был в лавке. Плелась к Сане. Там пироги, родные и порядочная скука. Шел дождь, идти было темно.

30.000

31 (среда)

Что же мы делали? Всё мрачные слухи. Ничего что-то не помню.

Сентябрь

1 (четверг)

Утром взял в «Петрополисе» денежек. Бродили куда-то. Заехал на Николаевскую. Купил масла, хлеба, булок. Пили хорошо чай, потом были у Блохов. Были гости: Эрманс, Соколовские, Ал[ексей?] Мих[айлович] и т.д. Юр. читал свою пьесу несколько истерически⁵¹. С нами пошел Анненков и смутил меня чем-то возобновлением разговора о Гржебине. Да, известия о Гумилеве верны, страшный список, есть и знакомые: Тимофеев, Гиммельфарб... Боже мой! боялся, нет ли Михальцевых и Леонидов. Ужасно. Все читают молча, потрясаясь и как-то хоронясь.

70.000

2 (пятница)

Все то же. Все подавлены расстрелами, да и понятно. О.Н. плачет. Юр. расстроен донельзя. Я тоже уныл. Печально ходили на Мильонную, но ждали там недолго. Погода хорошая. Вот и осень. Как прежде я радовался бы ей! Дел, дел. Да, отношения с Гржебиным меня еще тревожат. И ЛИТО паршивое, и пьеса, и «Жизнь искусства», и деньги, все, все. А во что обратился ТЕО. Как прежде бывало тепло, чинно и полно жизни при Марье Федоровне. М.б. и слава Богу. Издыхает и пустеет проклятое гнездо. Болела голова, лежал. Ничего в «Петрополе» не достал. Все совещаются о семье Гумилева. Дома ждет выбритый Моня. Отправился с Юрочкой, я сидел дома, но ничего не делал.

3 (суббота)

Я нервлюсь, Юрочка нервится, пишет, а потом сердится, что не то говорят, чего он хочет. Требователен и истерически резонирует с утра до ночи, или мрачно молчит. Денег мало и не скоро будет. Обедали, потом я спал. Вышли ненадолго. Пили чай. О.Н. вышла ко всеобщей, а к нам пришел Папаригопуло. Зачем-то еще раз зашла О.Н. и бесконечно сидела. Тут я стал спорить с Юр., он обиделся страшно, и его задели упреки в резонерстве, но право же из искусства, живого, радостного, легкого и свободного он делает тягостное и насильственное обязательство, мечта о каком-то не то квакерском, не то социалистическом «благочестивом единстве». И азарт у него вроде Армии спасения. Это и жалко, и тяжело, и несколько смешно.

100.000

4 (воскресенье)

Не помню решительно, что было. Ходили куда-то. Вечером были у Тяпы. Радловы, Альтман, Штильман и Покровский. Она была мила, семейна, рассказывала чудесную историю о Сутугиной. Юр. хочет писать рассказ. Штильман все выражал свои недоумения и недовольства по поводу петрополитанских разделений.

5 (понед.)

Ходил к Пальмскому и за жалованьем. Отец Августы толковал мне о «Призыве»⁵². Писать бы, да везде распахивать, были бы деньги. Купил хлеба и папирос. Потом продавал Юр. книги Бурцеву. Он устраивает магазин. Юр. мил сегодня, хотя мало, кажется, писал, но говорил отлично и верно. Гуляли немного.

У нас сидит объевшийся Мона. Я переписывал, Юр. рисовал, а Мона меня же читал.

47.000

6 (вторник)

Погода хороша. Светло и холодно. Вестник зимы. Я болен, сердце не бьется. Переписывал «Лесок». Был Эверт; все наши философы под подозрением⁵³. Опять откладывается. Сидел дома, а Юр. послал к Ноевичу, но у того денег не было. К чаю пришли Сашенька и Мона. Плелись на [Петроградскую] сторону. Дошел благополучно. Это Сашенькины парижские знакомые. Чем-то похожи на С.И.Чацкину⁵⁴, но ничего. Была какая-то дама. Обедали; слухи самые фантастические, будто расстрелянные не убиты, а посланы в Архангельск (?). Если Гум явится, будет жутко, хотя, конечно, дай Бог. Читал «Лесок», не знаю, понравилось ли. «Мысль» хочет то и то, все, что у меня есть, но у меня ничего нет. Шел домой с дамой, говоря о Казани и Волге. О.Н. сидела еще у нас.

250.000

7 (среда)

Не знаю, что со мною. Сердце совсем не бьется. С утра была О.Н.; я ходил с ними по книгам. Вечером, кажется, опять пришла.

8 (четверг)

Очень нездоровится. Не помню, что было.

9 (пятница)

Лучше мне. Утром Ноевич сказал, что Ал[ексей] Фил[иппович] даст мне денег. Положим, вместо ожидаемых 400, обещал только 200, да и то дали 100. Остальные 100 заносил домой, но не оставил, т.к. нас не было дома. Утром брели в [Дом] Ученых. Юр. из окна зазвала Высокосова, и я вернулся один. Тепло и туман. Неопределенно и смутно. Заграничные рецензии. Тяпа уезжает во вторник. Блохи собираются. Вообще, расплзались, как в XVIII веке. За чаем спорили с Юрочкой, но потом примирились и отлично я его провожал. Зашел к Блохам. Дора Яковлевна и Рая очень утешительны. Потом Алянский сидел. Жалел, что Гу-

милева расстреляли, т.к. это даст неподходящий ореол. Точка зрения, м.б. и верная, но теперь немного циническая. Завали[ли?] Блохов чаем из-за границы.

100.000

10 (суббота)

Утром ходили, купили книг. Юр. лег поспать. Я выходил, купил кое-чего. Распорядился. Дома пришел Моня и Анненков. Гржебин просит зайти. Чудный вечер, тепло и тихо. На Потемкинской все по-старому, но напоминает неприятное время. Гадала мне тетушка. Зиновий и семейные милы. Поздно явился Анненков с глухой. Книгу стихов могу дать. Как камень с сердца. К Абраму Сауловичу не удалось попасть. О.Н. сидела еще у нас. А писать, писать, писать!

100.000

11 (воскресенье)

Какое-то римское предчувствие. Вокруг летает вдохновенье. Золотое солнце, туманные и теплые вечера, воспоминания и желание влюбленности. Под вечер были у Михальцевых. Похудела и как-то обсоветилась в тюрьме. О заговорщиках говорит с презрением, не знаю, заслуженным ли. Люди всегда одинаковы: м.б., они и герои. О Гумилеве все мрачнее и страшнее. Всю ночь напролет читал свои стихи следователю⁵⁵. Смотрели мне по руке.

12 (понед.)

Тепло и ветрено. Вышел в «Мысль». Тихая квартира, видны осенние деревья. Грузят книги, конторский вид. Хотят и то, и то: «Вергилия». Заплатили. Побрел на Николаевскую. С Пальмским не вышло. Гонорара мало, и его не взял. Юр. не было дома. Поели. Я остался дома, он пошел за покупками. Очень я его люблю. Но ленюсь преступно. Была Грушко с разными союзными дрызгами⁵⁶ и какой-то человек с предложением организовать театр. Дела, дела. К чаю пришла О.Н. и Моня. Пошли к Папаригопуло. Уютно. Болтали, как в детской. Радловых не было. Сговорился с Тяпой. Но что меня гнетет и что вернет мне воду живую?

223.000

13 (вторник)

Все дождь и дождь. Прошлый год эти дни были теплы и ясны. Прошлый год, как давно и как все одно и то же! Выходил

в «Петрополис», заходил в «Науку и школу», там конторская тишина и пустота. Отец Абрама Сауловича сидит, как тихая и вредная жаба. Почему-то я боюсь его. Купил хлеба и папирос. У нас Моня с пьесой. Вчера он меня рассердил, говоря о себе, как о гомосексуалисте, вот минский прыщ! Зазнается, черт знает как. Поели блинов и я даже лег спать. К чаю пришла О.Н. и сидела долго. Под вечер пошли к Иде Владимировне. У нее роман и ménage с сестрой Евреинова. Вот так пассаж. Наталья Николаевна без шарма, но я как-то недоверчиво отношусь к лесбосу. Разговоры, во всяком случае, были в пределах приличия, свободные, отвлеченные, и Юр. не скучал. С Идой Владимировной это как-то сблизило, более общий круг интересов.

14 (среда)

Утром сказали, что Тяпа собиралась зайти перед отъездом, следовательно, отглашает нас. Действительно, она была. Мила, как всегда. Книжка моя вышла⁵⁷. Плохая. Вечером поздно пили чай и ходили к Блохам. Не знаю, не скучно было ли Юр.? Что-то плоховато мне.

15 (четв.)

Утром относил книгу в «Мысль», заходил и в оба «Петрополиса». Тихо вечером стало. Все какие-то дела и люди, а сам ничего не делаю. Был и на заседании. О.Н. ушла уже, Моня сидел. Мне тепло и тихо, но идет зима. И ничего, ничего я не делаю; так неужели навсегда? Ведь иногда я и пишу, но все как-то порывами короткими очень.

100.000

16 (пятница)

Вот рождение бедного Юрочки. Мамаша спекла пирожок. Был я у Беленсона (опять пантомима, отказался) и в Доме Ученых. Ничего там не дали. Моня сидел у нас. Вышел за папиросами и застрял в «Петрушке»⁵⁸. Пришли туда и О.Н. с Юр., шли вместе в театр. Встретили Мозжухиных. Зашли к Сане. Взяли книги и денег. Икона и масло в лавке Земскова навела меня на благочестивые мысли. Дома братья Папаригопуло и Моня. Не знаю, хорошо ли было Юр.

10.000

17 (суббота)

Заходил к переписчице, но она все разобрала. Посидел с Фан-

ни и в «Петрополисе». Провожали О.Н. в театр. Или нет, это было вчера. Дома, что ли, сидели.

18 (воскресенье)

Ясно и холодно. Хотел попросить Юр. сходить к Мозжухиным, но ему хотелось писать. Сам отправился. Они вставали. Все сделали. Земсков, о котором я мечтал, закрыт. Купил в пекарне хлеба, масла, макарон и батон. Юр. доволен был, но потом пошла какая-то ерунда. Или я надулся, или его что-то гложет, а главное — непроходимая моя лень. Вышел опять. Пили чай О.Н. и Моня, потом чего-то толковали и пошли к Мозжухиным. Лурье там не было. Посидели, поели пирогов, пел Брамса и Моцарта. Луна светит напропалую, но Юр. что-то серьезное гнетет, меня же моя человеческая бездарность и неинтересные дела. И я сам не знаю, почему я слоняюсь.

100.000

Понед. (19)

Ясно и холодно. Юр. уныл, ему нездоровится, и что-то тяготит. Вышел в отдел. Там ничего особенного, но Яков Ноевич обещал вечером. Весь день сидели, Юр. резал картинки, я писал музыку. Приехала Каролина. Потом пришел Рождественский, пил чай. Вышел в «Петрушку», видел массу народа. Юр. беспокоится о записке О.Н., которая его отглашает сегодня и завтра. Оказывается, просто болят зубы. Луна и холодно уже. Вечером был у Блохов. Все зевают, устали. Юр. долго не приходил.

265.000

20 (вторник)

Не помню, что было. Ходили по книгам. Купили кое-чего. Был пирог. Юр. убежал к О.Н. Моня посидел. Приходил Сторицын с предложением от иностранных советских газет. Переписал стихи. Юр. долго не приходил. Был Кнорре.

21 (среда)

Сидели дома. Кончал музыку. Едва успею переписать. Заходил Мухин. Говорил, что «старый Сомов» ценится значительно выше нового, якобы «халтурного». Какая глупость и хамство! Заходил куда-то. Да, за сладким, т.к. Юр. лег поспать. К чаю пришли О.Н. и Моня. Он катает уже новую пьесу. Очень плохо, как-то по-советски. Заходил Сторицын, просит меня зайти на

Галерную. Забегал и миленький Кнорре. Юр. ушел. Я писал все, и Моня читал Сведенборга. Кроликов переселили на кухню. Они тихонько прыгают и прячутся под столами. Милые зверьки. Работа, работа. Хорошо бы достать дров и поставить печку.

22 (четверг)

Все сны и сны. Денег нет. День неудач. «Мысль» не берет, на Галерной никого нет. Ночью арестовали Елену Исааковну и Раю. Устал ужасно, и будто камень висит. Была О.Н., Юр. побежал, продал что-то, купил хлеба и сладкого, спорили они, потом удалились. Я сидел. Печальное занятие, а писать не пишу. Ужасно скверно на душе. Болят еще зубы.

23 (пятница)

Сны, чтение дневника, тягость сношений с советскими людьми, визиты Кнорре (м.б.), вовлекли меня в мечтательность о влюбленности, милой жизни и легком искусстве. Но теперь... С утра дождь. Но и Юр. пошел. Вечер и тепло. Скоро вернулись. Потом Юр. лег, а я отправился на Галерную. Васильевский Остров — молодость — Валечка — и авантюрная жизнь. 1907 г. Там были Альтшулер* и Зозуля, какой-то кровожадный ученый. Показывали газеты: сплошная растерянность и гнусное вранье. Меня будто захватили. Да и в смысле денег вовсе не так выгодно, все ужасно дорого. Деньгами ни копейки. Распределили на 2 субботы. Но прошелся приятно. Юр. спал под одеялом. Пришел Моня, потом Папаригопуло. Юр. ушел. Я читал дневник и пьесу. Размечтался. Юр. пришел поздно, есть нечего. Ночью болели опять зубы и видел странные сны.

24 (суббота)

Нездоровится. Послал Юр. в «Петрополь». Сам пошел в воровское гнездо. Ждал. Вместо макарон дали консервы из бобов. Дома салон: Сашенька, Моня, О.Н. Номер «Жар-птицы» с чудным Судейкиным⁵⁹. Мило сидели. Но долго немного. Была гроза без дождя.

100.000

25 (воскресенье)

Все нездоровится. Голова, зубы и непреодолимая тоска. Слышал, что Ремизов в Варшаве пишет статьи, требуя вооружен-

*У Кузмина — Альтшуллер.

ной интервенции. Это смешно немного. Кто его послушает, хотя и единственно возможный исход. Утром умер кролик. Думаю, что Мونها вчера его придавил. Юр. плакал. И жалко было очень. Темная зверушка, чего с него спрашивать, а так мучился. Живой его лизал и ничего будто не понимал. Кажется, оба были мальчики. Как на Афоне. Побрел на вечер с Моней. Там были знакомые, просто и приятно, но публики не было, и ничего покуда мне не заплатили. Юр. сидел дома, писал.

26 (понедельник)

Юр. так занят писанием, что почти отсутствует. Т.к. я сам очень расстроен и раздражен, то сказал ему, бедному, будто еще мешал ему. Приходили с утра по делу Эверт и Папаригопуло. Издательство. Юр. рычал на них немного. Вести все грустные. Вейнера разбил паралич. А Настя Сологуб в припадке иступления бросилась с Тучкова моста. Бедный старик! Как он будет жить? И все равнодушны. Я представил ветер, солнце, иступленную Неву, теперь советскую, но прежнюю Неву и маленькую Настю, ведьму, несносную даму, эротоманку, в восторге, иступлении. Это ужасно, но миг был до блаженства отчаянным. До дна. Темный кролик, тупой Гумми, поэт Блок, несносная Настя — упокойтесь, упокойтесь. Успокоится ли и мое сердце, мои усталые кости? Поспею ли показать волшебство, что еще копится во мне? И нужно ли это в конце концов? Бедный, выпланный мной у Бога, дикий и нежный Юрочка. Продавал он что-то. Пили чай. О.Н. опоздала. Долго они ждали у себя. Сумерки. Скучно до крайности. Не хотелось идти. Но на Мильонной было ничего. Были Радловы, Шкловский и Мونها. Читали, сплетничали, смеялись. Господи, поноси еще нас.

27 (вторник)

Что же было? Дождь шел, что ли? Зашел Саня, принес денег. Очень кстати. Опять я же вышел за хлебом и огурцами. Я с утра в «Мысль», взял обратно. Сегодня праздник. Если бы вести хорошую жизнь! Вечером пришел Мونها. Юр. убежал, и Мونها читал мне «Плавающих»⁶⁰. Вечером у Сани были Ходасевич и Верховский. Юр. пришел очень поздно.

50.000

28 (среда)

Юр. пошел к Мозжухиным, но денег у них или нет, или не дали. Все как-то уныло. У нас собралась компания: О.Н., Мونها,

Сашенька и Папаригопуло. Часть оставили дома сидеть, сами пошли к Радловым. Не очень хорошо было и поздно очень добрались туда. Была жена или сестра Гвоздева.

25.000

29 (четв.)

Рано был в союзе. Смотрел Мольера с [Magiveau?]. Заходил в «Петрополис» и потом купил хлеба и меда. Моня у нас сидел. Пришел и Юр. с альбомом. Моня читал «Плавающих». Зубы болят.

100.000

30 (пятница)

Утром ходил на Мильонную. Наташили муки и жиру. Не помню, что было. Моня не уехал. Я сердит на него. Строит из себя гомосексуального мученика, да еще меня как-то сюда путает. Я был, кажется, у Блохов. Там тихо, мирно, скучают, конечно.

Октябрь

1 (суббота)

Ходил куда-то. Зубы болят. На Галерной еще ничего нет. Сегодня перевели часы, и дождь, и хлеба нет нигде. Бегал в темноте, а дома сидела О.Н. и потухал самовар. Потом пришел и Сашенька. Мирно сидели. Осеннее сиденье. Если бы все было мирно!

100.000

2 (воскресенье)

Болят зубы ужасно. Главное, что не могу пить чаю. А еще главнее вечное безделье и обалденье. Будто в тюрьме, без часов и календаря. У евреев Новый год. Блохи беспокоятся и бегают, наготовили кучу писем в Москву. Я написал Брику и Менжинскому⁶¹. Пекли пироги. Все дремал. Явился Моня. Потом они пошли. Пришел Сашенька, принес «Mercure». Ужасно болят зубы. На Западе все, как ни в чем не бывало. Рано лег.

3 (понед.)

Очень болят зубы и не делается флюса. В прошлом году в это же время болели зубы. Выходил с Юр., взяли у Бурцева Судейкиных, у Плетнева взял «Агапе», а гонорар был заперт. «Эхо» собираются ругать за хлебниковщину. Вообще, положение мое далеко не упрочено, мой «футуризм» многим будет не по зубам. Дома пришел Сашенька, неизвестно зачем. [Дежурить?], как говорит мамаша, потом Моня, вечером братья Папаригопуло, совсем вечером О.Н. Свет тушили несколько раз. Вот так.

4 (вторн.)

Страшная буря. Болит голова, зубы, все сплю, хотя и писал. Послал бедного Юр. на Галерную. Что-то мало и плохо ему дали, но притащил он прекрасный русский портрет Караулова, пусть живет⁶². Сидели дома мирно, [хотя?] и рано, рано легли спать. Приехали наши Пантюшки, привезли мамаше сыру и колбасы.

5 (среда)

От сердца все кажется, что умираю. Выходили в разные места. К Бурцеву, [в] обмен, [к] Сахарову, [в] «Петрушку». Видел Юдина. Оленьку ждут сегодня. Она еще ничего не знает о Насте. Дома пришли Моня и О.Н. Потом Моня беседовал. Его обобщения и некоторые аналогии доказывают какое-то странное центробежное мышление. Вечером был у Блохов. Там тысяча историй, увеличенных еще национальным ажиотажем. Какие были треволнения, наверное, при выходе из Египта!

100.000

6 (четверг)

Не помню, что мы делали. Мне легче, но чаю еще не пью. Выходили рано за разными разностями. Вернулись с солнцем; в комнате тепло. Пришел Сашенька. Портрет наш одобрил. Пришел Борис Владимирович и Моня к чаю. Сидели, рассуждали мирно. Сны какие-то видел. Сгорела телефонная станция, но, кажется, ничего из этого не воследует. Монька страшно важничает и обижается. Сашенька шалил и был мил.

7 (пятница)

Здоровье поправляется. Шли на Мильонную. Юр. заходил за Папаригопуло и пошли продавать книги. Я дотащился домой,

потом зашел в «Литературу», поговорил с Тихоновым, будто возвращаюсь к людям. «Contes Drolatiques», France и «Диван» Гете⁶³. Вечером была у нас О.Н. Я сидел долго с нею, беседа просто. После чая пошел за папиросами. Встретил Ольгу Афанасьевну милую и зашел к Блохам.

8 (суббота)

Ходил к Беленсону. Он вызвал для моего услаждения Кнорре, но денег не дал. Заходил в «Петрополь». Дома сидел Эверт с хорошими стихами. Отправился на Галерную. Оказывается, не додали муки. Попили чай и я отправился ловить Суркова. Вышло все хорошо, но темнота и дождь удручили меня. Поймал меня Алянский с воспоминаниями о Блоке: что мне делать? И что потом будет? Дома застал О.Н., посидели, спорили об искусстве. Жиденята долго горячились.

200.000

9 (воскресенье)

Пантюшки затеяли с мамашей блины. Мы вышли, зашли к Бурцеву и в Дом поест. Ходили по Литейному и Невскому. Дома сидели потом. Была О.Н. Что-то меня вздымает к работе. У Ольги Афанасьевны были капитаны и потом Ахматова, она читала стихи, по-моему, очень неважные. Артур играл [нрзб.] плохо, я «Лески», потом «Священную весну»⁶⁴. Юр. читал свой «Маскарад»⁶⁵. Ольга Афанасьевна рассказывала о Насте. Это, действительно, ужасно⁶⁶. Ничего, в общем, было. Говорят, Ремизов пишет, что я «умираю».

10 (понедельник)

С утра ходили на Николаевскую. Встретил Бориса Папаригопуло, шедшего к нам. Еще застал его. Чудная погода. Юр. бродил где-то. Пили чай поздно, т.к. я ходил на Галерную. Луна светит. У Папаригопуло была уже Радлова, сидела с матушкой у нее. Борис где-то бегал, у него роман с Кузнецовым и все его задразнили. Было несколько бесчинно, да еще явился Лисенко, заносил стихи и какую-то сногшибательную пьесу «Матрос». Сережа провожал Анну Дмитриевну до Дома поэтов.

11.176

11 (вторник)

Что же было? Кнорре никакого не было. Ругался с мамашей и плакал, пиша музыку к «Двойнику»⁶⁷. Уже холодно и, главное,

темно. Юр. спал, потом вышли. Продавал он книжки. Я ждал в «Петрушке». Такая погода, что хоть плачь. Бродили еще к Ховину. Купили ситнику, пили чай. Вечером читали и очень рано легли спать.

12 (среда)

Чудесная погода. Ходил к Беленсону, чтобы день покаяния был ему еще страшнее. Но он спал. Дали мамаше на калоши. После ходил на Галерную. Встретил массу людей: Веру Александровну, Алешу, Кнорре, Ашешова, Боцяновского, Бродского. Дел, дел! Голлербах у нас читал письма Розанова⁶⁸. Заходил еще из «Жизни искусства». Еще работа. А Бальзак? А Вергилий? А музыки всякие? И редактирование. А я ленюсь. «А голубь спит». Говорят, я популярен в Америке. Это меня радует. Юр. пошел к бедной О.Н., которая как-то изъята из употребления, и я к Блохам. Ничего было. Луна светит во все лопатки. Нам нанесли бревен, но что-то, что-то во мне беспокойно.

65.000

13 (четверг)

Все писал музыку. Вышел только в союз. Пришел рано. В сумерках заседали. Дома была О.Н. Но все-таки пошли к Радловым. Темно и сыро, но тепло, шли по Невскому. Господи, доколе? Вся жизнь представляется сном или прошлым. Там была Ахматова, Чудовский и Эрпштейн. Тепло, натоплено. Уехал Горький, Гржебины, Родэ, Урванцов. Все, все. Даже как-то неприлично оставаться. Ночью было еще теплее. Вдруг встретили Святловского. М.б., он и в Чеке.

200.000

14 (пятница)

Юр. прочитал кое-что. Я не понял, он огорчился, и у меня сердце разрывается. Был на Мильонной. В театр пришел рано. Прошелся еще по Невскому, посмотрел на иконную лавку. М.б. и Большаковы⁶⁹. Но я-то как мертвый. В театре холодно и пусто⁷⁰. Пичилкин вспоминал мою славу в Палас-театре и говорил, как я изменился и обтрепался. Кумы не было дома, и мальчики одни, как кролики сидят. Накрыт столик на 4 прибора. Юр. не было. Домой. И дома нет. Лег спать, не дождавшись.

15 (суббота)

Что же было? С утра писал рецензию. Погода с утра приятна, потом уже стемнело. Заносил сам в типографию. Призрак работы. Метранпаж Рыжков — русский с очень приятным лицом. Все не могу успокоиться о Юр. Он пишет упорно и прелестные вещи и, действительно, — никакого сочувствия, даже от меня одобрения мало, только споры. Но он вдался в философствование (новое и очень свое, очень интересное), часто путается, забредает в дебри, ничего не кончает, и совсем отбился от вещей чисто литературных. Жалко и нежно мне его до крайности, но я сам распотрошен всякими делами до предела. И потом всякие пальто, одежды, дрова и т.п. Все это миллионы. Можно временно бедствовать, но регулярно невозможно. Можно голым выскочить во время пожара, но печально в нормальное время ходить без костюма. А большевики все больше и больше (хотя бы длительностью) делаются нормой. Да и с переменной, с ослабленной до *minimum*'а работоспособностью, как я буду достаточно зарабатывать? Вернулся Миклашевский. Кряхтит еще больше и все гоножится о заработках. Конечно. Вышли с Юр. за хлебом, мамаша в бане. Вечером сидела О.Н., ничего я не делал. Юр. писал, она рассказывала разные разности. Гимназистка и Лена Долинова сидит все-таки в ней. Лег не поздно, не дождавшись Юр. и испугался, когда он пришел.

16 (воскресенье)

Целый день не помню, что было. Был вечером у Абрама Сауловича. Был там Левин, не неприятный.

17 (понед.)

Утром был у Беленсона. Паршивец он, конечно, но что-то (или по старине?) привлекательное есть в нем. Были Папаригопуло и О.Н. у нас, а Капитана не было. Ленюсь я, вот что главное. Потом лежал я долго. На Галерную ходил Юра.

85.000

18 (вторн.)

Долго ждал на Галерной. У нас был Милашевский. Юр. пошел к О.Н., а я к Блохам. Получил я денежки. Кнорре не явился. Завтрашний визит к Ионову меня удручает.

200.000

19 (среда)

Погода мерзопакостна. Сидели дома, хотя я и выходил ненадолго. Была О.Н., пришла еще без Юр. Утром забегал Эверт. Юр. много читал. Ели хорошо. К Беленсону не приходил. Переписывал ноты. Лег спать довольно рано.

20 (четверг)

Грязь, темнота и тепло. Приходил Кнорре, я так торопился, что даже не поздоровался с ним. Заходил к Шкловскому. В Доме Искусств «thé dansant» и «souper dansant»*. Его нет. Один пошел к Ионову, там уютно, ничего. Вместо барышни сидит боу. Ионов был крайне любезен, все очень скоро сделал. Папаригопуло даже удивился. Видел Кагана и Блоха. Они, кажется, удивились. Пила чай у нас О.Н., но рано ушла.

21 (пятница)

Ясно и ветрено. Очень весело. Надавали мне сахару, который мы потом продали Бурцеву. Болят целый день зубы. Видел Жака. Вечером ходил к Блохам, они все хлопочут о своих. Юр. хотел идти в сафэ поэтов⁷¹, но оно закрыто. Ахматова давала сегодня вечер. Все представляется зимнее утро, еще до зари, теплая комната, печка, лампадка, самовар и потом розовая, туманная от мороза заря. Русский снег и русская улица. Юр. купил хорошего Судейкина.

100.000

22 (суббота)

Весь день болят зубы. Вот сегодня подобие циклона, и пушки. У нас выбило стекло. Холодно, как на улице. Заткнул бумагою. Целый день сидел дома и ждал. Юр. ходил туда и сюда. Делать я ничего не делал, и это, главным образом, меня удручает. Света не тушат, слава Богу.

23 (воскресенье)

Опять не выходил целый день. Не знал, как пойду к Харлампьевне, но она и отгласила нас через Капитана. Он и О.Н. пили чай у нас. Т.к. О.Н. оделась в новое платье и расположилась на публику, то отправились они к поэтам. Зубы болели. Юр. все

* вечеринка с танцами; ужин с танцами (фр.).

ораторствовал. Гости скучали. Сегодня все какое-то беспокойство: то у нас искали курицу, якобы унесенную, то вселяли жидовок, то приходил таинственный Антос. После ухода зубы утихли, но есть было почти что нечего. Лег спать. Поздно пришел Юр.

100.000

24 (понедельник)

Не знаю, что делать с зубами. Конечно, вырвать. Но мало денег. А так мучаюсь ужасно и флюс не делается. Снег и ужасная слякоть. Рано выходили в «Петрополь» и я смотрел там Юона⁷². Вдруг приехал с того света Коля Кирьянов, 5 лет был у немцев в плену. Юр. очень рад, кажется. Друзья в обратном порядке являются: Мونها, Коля. Еле добрался до Папаригопуло, там Анна Дмитриевна и Капитан. Юр. читал отличные куски из новой книги. Но зубы все болят, иногда ужасно. Конечно, нужно пойти к доктору — вот и все.

25 (вторник)

Всё зубы. Ясно по-зимнему. Мамаша привела стекольщика, побежал за деньгами. Нигде нет. Вышел Юр. Все-таки какой-то призрак жизни. Потом еще я выходил за деньгами. К чаю никого не пришел, только Капитан. У Ольги Афанасьевны были гости — Валерская, Заяц, Ахматова и пьянистка. Играл я «Лесок». Разбирали новейших французов.

50.000

26 (среда)

Топили печку. А потом что? Был у нас Кирьянов, преинтересно рассказывал о плене и нравах их лагеря. Вечером был у Блохов, а Юр. писал дома.

27 (четверг)

Что же было? Вышел на Николаевскую, получил деньги, купил булку с запахом одеколона и хлеба. Но только что от Кирьянова пришел Юр. и О.Н., как потухло у нас в квартире электричество, на булку и деньги Юр. не обратил внимания, и я ужасно обиделся. Они все-таки в расстройстве ушли, а я отправился к Блохам и толковал с ними о театральном журнале⁷³. Достал огарок.

185.000

28 (пятница)

Ходил на Мильонную. Скользко, надавали мне много. Еле дотащил. Дома чего-то спорил. Пошел к доктору, Юр. за монтером. Но счастье в нас самих. Ни выдернутые зубы, ни возобновленное электричество не вернуло мне энергии и спокойствия. Положим, зубы у меня продолжают болеть, не знаю отчего. После чая пошли все-таки к Жоржикам⁷⁴. Затея О.Н. не удалась. Диевский не пришел, и сидел какой-то матрос Зигурд и молчал. Сплетничали. Кукольное хозяйство, игра во взрослых, но мило и Одоевцева ничего. У меня все кашель и зубы, а дела прибавляется.

29 (суббота)

А зубы все болят, а сам я ничего не делаю, а денег нет. Выходил за папиросами. Хотел послать Юр. продать книги и купить хлеба. Сам лег и, конечно, заболели скулы. Пришел милый Сашенька, пил чай. Меня ломало и Юр. тоже, но О.Н. уговорила идти к Харлампьевне. Идти тепло и весело. Там был Капитан и Николай Радлов. Сначала было весело и мило, но потом напились, погас свет и началось бесчинство какое-то. Очень наелся и далеко было идти.

30 (воскресенье)

Все сижу, то дремлю, то читаю, ничего не делаю. Заходил Кирьянов. Лег я, потом пошел к Михальцевым. Юр. пришел поздно. Там все по-прежнему. Канкарович, Леониды, Людочки, угощенье, голубой цвет «diaphane» и т.д. Жар у меня. Юр. читал пьесу, а я «Лески». Знобит и корежит.

50.000

31 (понедельник)

Целый день болит голова и лихорадит. Лежал. Солнце и прелестная погода. Юр. тоже не выходил. Пришла О.Н. Пошли они на Нельдихена. Хотя я и выспался, но, попевши, рано лег спать. М.б., высплю свою болезнь и лень, но не дела. Таракан за меня не пишет. Утешаемся потихоньку изредка кроликом.

1 (вторник)

Таёт. Ходил в «Литературу». Торопят, а денег нет. В «Петрушке» не дождался, но и вечером Яков Ноевич был кисел и сказал, что не раньше дней трех. Промочил ноги, или зазяб, но весь вечер бегал с зубами, ни есть, ни пить, ни курить: какая тут работа. Юр. взял у О.Н. и сбёгал. Потом они пререкались. Бедный Юр., я все болею, она — дурочка и женское, слишком женское выражается в пустейшем честолюбии и гумилевском гутировании* поэзии. Потом он побежал к Русинovu (тоже балда), а я лег. Отлежался и смог проглотить виногрет. Боже мой, Боже мой!

2 (среда)

Всё зубы. Заходил в редакцию. Тепло там и любезно. Вечером Юр. пошел к О.Н., а я к Блохам. Пос[идели?], почитали.

3 (четверг)

Прелестный день. Ходил я в редакцию. Заходил к Большакову, чудные у него иконы, родился сын, просит быть крестным. Заходил еще в «Петрополь». Бегали покупать разных разностей. Сидели одни дома.

310.000

4 (пятница)

Чудесная, ясная погода. Ходили на Мильонную. Надавали нам галетов, магги⁷⁵ и т.п. К нам приходил Сашенька. Вообще масса была народу. Саня, Радлова, Милашевский, Папаригопуло, О.Н., Фрэлс. Последний связался спорить с Юр. о свободной воле и пленит его этим. О.Н. и Милашевский отправились к Грановской. Был я еще у доктора. Положил он лекарства, помогло покуда чудесно. Но делать, делать надо поторапливаться. Сегодня Казанская. Завтра [нрзб.] суббота.

5 (суббота)

Все утро редактировал. Юр. нездоров, не выходил. Я покупал хлеба и папирос. О.Н. пила чай с нами. Погода мягкая и

* смаковании (от франц. goûter — наслаждаться, находить вкус).

зимняя. Вышел рано и попал еще в Казанский собор к полиелею. В театре была страшная скука. Вид зимних улиц, церкви пустынен и провинциален, несколько уныл, но уже не так страшно и большевистская безнадежность не так заметна, не так катастрофична. У нас застал еще О.Н. Юр. не провожал ее и рано лег. Вечером было тепло и валил снег. Это хорошо.

6 (воскресенье)

Снег, темно и мягко, чернота. Юр. не выходит. Зуб слегка ноет. Наскрести денег, купили сладкого, хлеба и папирос. Вечером весело пошли к Сане. Там тепло, напечено. Были Ходасевичи и утешительный Бентовин, но было скучновато. «Лески» не понравились. Читаю все Лескова.

7 (понедельник)

Ходили в Гюлистан вчетвером. Там будто не ждали. Сережи не было, но было ничего себе. Был у доктора. У него какой-то купеческий затон. Тихо, печка натоплена, где-то попугай кричит, лежит приложение к «Петербуржскому листку», служит закутанная бабка.

8 (вторник)

Снег валит. Очень мягко и весело. Ходил в «Литературу» и редакцию. Встречал разных людей. Толковал с Алперсом. Вечером Юр. ходил к О.Н., я домовничал. Вероятно, холодает, т.к. месяц светит.

50.000

9 (среда)

Холоднее значительно, но не так ясно. Вот и настоящая зима. Редактировал, торопился в «Литературу», но там денег нет. Юр. вышел, постригся. Заходил я еще в «Петрополь». С делами не торопят и денег дали. К Радловым пошли рано. Были там Жоржики и Милашевский. Так себе было. От Тяпы письмо. Скучает она там, в Берлине.

337.250

10 (четверг)

Мороз страшный. Насилу высказывал. Был у доктора. Юр. пошел за покупками. Вернулся, но купил копорского чая. Ушел.

Страшно мне скучно. И у Блохов скучно. Читал я Гоцци. Захотелось книг, но пока принес их домой, аппетит пропал. Вообще, наползает на меня страшная мрачность.

11 (пятница)

Мороз и солнце. Всякие платежи. Бегал один на Мильонную. Не замерз, но очень мало дали. Юр. пошел менять чай. Я дремал. Все ему удалось. Хорошо, но О.Н. не пришла. Хотели было идти к Ольге Афанасьевне, но хорошо просидели дома. Я даже переводил. Юр. купил мне две свечки.

12 (суббота)

Все такая же погода. Выскакивал за папиросами, потом в «Литературу». Только во вторник. Тепло там. Решил кончить Фильдинга⁷⁶. О.Н. опять не пришла. Юр. ходил и вернулся — нет. Я пошел. Читали Фильдинга, мои статьи. Просматривали книгу Exlibris⁷⁷. О журнале. Денег дали. Юр. сговорился с Ольгой Афанасьевной и Мухиным.

135.000

13 (воскресенье)

Такой же все мороз. Выбегал за папиросами и хлебом. Потом писал музыку и стихи. Юр. выходил 2 раза. О.Н. пришла поздно. Потом ввалились Капитан и греки. Владимир Алексеевич заплатил 500.000, имеет в виду 3 мильона на «Часы»⁷⁸, важен, бурбонист и административен. Сережа с Юр. сцепились спорить. Все замерзали. Пошли к Оленьке, там тронировала Ахматова среди целой кучи девиц. Было довольно скучно.

14 (понед.)

Что же было? Ничего, кажется. Написал пролог к «Зеленой птичке»⁷⁹. Анненков приехал. К доктору не поспел. Ходили к Мухиным. Холодно и скучно, хотя любезны, конечно, как всегда. Денег нет.

15 (вторник)

Делишки наши плохи. Никуда не поспеваю. Доктор, театр и пр. удручают меня. В «Литературе» денег не дали. Продал касиру [тресковый?] пай. Заходил еще раз туда и сюда. Ничего не выходил. Ленюсь, дремлю, скучаю. Иногда прилив, длится пол-

часа. Вечером все-таки поплелся на «Звездочета»⁸⁰. Оперетка прелестна, но мне было диковато и скучно. Сколько молодых людей, все в мехах. Уже вышли из моды голодающие ободранцы, вроде нас. Но что же делать? Очень хотелось есть.

160.000

16 (среда)

Целый день Юр. лежал и писал, я читал и дремал. Темно и скучно. Выходил поздно. Купил кое-чего, побрился и постригся. Пили чай. Пришли все: О.Н., Капитан и братья, когда уже отпили мы чай. Денег вдруг не оказалось. Не знаю, куда их Юр. девал. Взял у Капитана и пошел к Блохам. Там всё приходили и уходили народы. Играл я «Лесок». Разные дела, издания, музыкальные [монографии?] и т.п. Юр. сидел в дымном холоде, милая мордочка. Забрасываю я его что-то.

30.000

17 (четверг)

Не помню, что было. Был в редакции, встречал разных людей. К ним забежал Анненков. Что делали вечером, не помню. Смотрел корректуры и переписывал дальше. Зубы опять болят.

18 (пятн.)

Ходили за пайком. [Надавали?] всего. Был в «Литературе». Ничего. У доктора возобновил лечение. Заседание было очень долго. Пришел поздно. Дома были уже О.Н. и Сашенька. Юр. вышел проводить, я читал Вергилия.

50.000

19 (суббота)

Светлее. Мучился, писал об Анненкове⁸¹. У Юр. есть деньги, и он выбегал по книгам несколько раз. Я все писал. Пил чай сам, мамаша была в бане. Прибежал и Юрий Павлович. Кажется, понравилось, но ведь верить ему нельзя. У Абрама Сауловича тепло, домашне. Вышли с нами же к Ноевичу. Гости, печка, котятка, баранки. Почему-то цветы: не праздник ли какой? Юр. вскоре пришел. Не наладится ли у меня работа?

150.000

20 (воскресенье)

Мороз и солнце. Выходили куда-то. Да, взяли у Якова Ноевича статью почитать. Пили отлично чай. О.Н. не пришла. По-

плелись все-таки к Оцупам. Еле добежали, но весело. Там тепло, никого не было. Жена его стала похожа на Лиллю Брик. Читали все. Завтра именины мои.

21 (понед.)

Вот мои именины. Сашенька у нас. Юр. все убежал и прибежал. 2 пирога, свинина жарилась. О.Н. притащила пирожных. Кажется, страшный мороз, но на самом же деле ничего. У Папаригопуло были Радловы, [Капитан?], Высокова. Ничего было.

22 (вторн.)

Теплее. Ничего не делаю. Выходил только к доктору. Пили чай одни. Юр. ходил к Кириянову и к О.Н., а я к Исае Мандельштам. Там тепло, рады, как будто. Вдруг заболело горло очень. Юр. что-то все продает.

23 (среда)

Сегодня еще горло перехватило. Выходил браниться в «Литературу», а в «Петрополь» послал Юр. Но он раньше еще нанес всякой всячины. Пошел к Оленьке. Пришел и Арий. Ахматовой не было. О.Н. упивалась сплетнями. Мы играли «Петрушку»⁸². Степлело очень. Удручают театры и заседания, назначенные на один и тот же час.

100.000

24 (четверг)

Что же было? Пошел в Народный Дом. Не холодно. Сидел со мною Кузнецов. Виделся [с] Мозжухиным. Взволновали меня расспросы Отрепьева, как пройти до границы⁸³. Без меня был Борис Папаригопуло.

25 (пятница)

Не пошел вечером в театр. Сегодня выходят Блохи⁸⁴. Страшная мокрота. Ходили за пайком. Долго стояли. Под вечер заходил в «Петрополь» и купил чая и меду. На заседании важничал Замятин. Вечером были у Сани. Ходасевичи. [Быкачки?]. Утешительный Бентовин. Еле добрались домой. Михайлов появился на горизонте. Это очень мне грозит. Не знаю, не знаю, как быть.

280.000

26 (суббота)

Не так тает. Ходил в «Литературу». Взял какао. Там пусто и тепло. Заходил к Замятину, раскинувшему свои шатры в кабинете Тихонова. Картины там от Шайкевич и сидит Бабенчиков. Дома хорошо поели, попили. Юр. выходил за книгами. Был Милашевский и О.Н. Я читал дневник. Пошел к Блохам. Они вернулись. Счастливы. Рассказы. Куча народа. Заседали еще против Замятина. Юр. был уже дома. Подмерзло.

76.000

27 (воскресенье)

Вот и мороз. Выходили куда-то. Ждали долго О.Н., а она не пришла. Юр. побежал к ней, я поплелся к Радловым. Там Лурье, Оленька, Ахматова, Папаригопуло, Головин. Раут. Все-таки сумела себя наладить*. Поздно сидели и замерзали на обратном пути.

28 (понед.)

Холод и солнце. Ужасно не хотелось идти ни в типографию, ни в редакцию. Попал только на Николаевскую. Там [Ромашков?]. Пальмский греется у камина. Хвалил отчет о «Звездочете», будто «я, — говорит, — диктовал вам». Взял денег. Обедали. Юр. выбежал и не шел долго. После чая он пошел к О.Н., я, посидев, выбежал к Блохам и угадал на издательский обед, куда меня не предполагали. Но вообще-то было кислотовато. Юр. притащил еще дров.

200.000

29 (вторн.)

Солнце. К вечеру степлело. Не выходил, но и делал мало. О.Н. пришла. Поплелись в Дом Искусства. Сначала у Капитана. Вместе взятые его рисунки очень значительны и интересны. Помещение там, как Вдовый дом. За стенкой басит Форш. У Ходасевич были еще Павлович и Лунц. Ничего не читали, а мирно беседовали. Назад идти было гораздо теплее.

30 (среда)

Градусов меньше, но мороз страшный. Выходили к Бурцеву: там любители, спасский дьячок с сапогами. Дома лег спать.

* Так в тексте.

Поздний чай меня удручил. Выбегал еще в «Петрушку». Лурье, конечно, пришел поздно, когда уже даже О.Н. ушла. Был мил, будто артист, но замерзал. Приходил еще Скорбный с [Митенотом?]. Разговоры о музыке и книгах подбодрили меня.

300.000

Декабрь

1 (четверг)

Что же было? Выходил ли куда? Спал, кажется. Был Эверт и Милашевский. Юр. ушел к О.Н., я сидел дома, составлял каталог для Лурье. Рано лег спать.

2 (пятн.)

Я так боялся замерзнуть по дороге в Дом Ученых, а погода очень мягкая. Положим, даже от этого холоднее, особенно ногам. Не знаю, почему они вздумали у меня мерзнуть. Сидел дома. Юр. принес разных вещей. Неожиданно пришла О.Н. Забежал Фролов. Он издает «Влюбленного дьявола» с Милашевским⁸⁵. Все принялись за издательства. Пошел к Замятину. Было скучно, хотя обставлено [чисто?], хорошо. У Лурье тоже тоска. Ольга Афанасьевна лежит, не то больна, не то дуется. Поиграли старые мои вещи. Совсем тепло.

3 (суббота)

Что же было? Вечером вышли с Юр., купили папирос, и я зашел ко всеобщей в Пантелеймоновскую церковь. Очень хорошо помолился. Зашел было к Мандельштамам, но отправились с ними к Лулу. Рады. Веселы, разговоры о заграничных отелях. Юр. ночью побежал к Бобышеву*.

4 (воскресенье)

Темно и тепло. Ничего особенного не делал. Заходил в «Петрушку», но ничего не дождался. Юр. чего-то колдовал и принес сладкого и булок. Маньковский не пришел, а был Милашевский и угрюмая О.Н. Читали статью об Анненкове. Юр. и Капитану она не нравится. Юр. стал ораторствовать. О.Н. кисла. Я

* У Кузмина — Бобышеву.

пошел к Блохам. Ал[ексея] Фил[ипповича] ждут, чтобы идти к Абраму Сауловичу, а меня он утром не звал. Вообще как-то оттирают. Бог с ними. Тепло. Хотел разменять деньги, но все лавки у меня под носом запирались. О.Н. еще кисла у нас на диване, и потом Юр. пропал до бесконечности. Какой-то червячок у меня есть.

100.000

5 (понед.)

Что же было? Ходил на Николаевскую. Купил булок. Потом были в Гюлистане, но было скучно почему-то и все холодно.

150.000

Проходя по улицам, видел освещенные лавки, иногда извозчиков, прохожие смеются. Какая-то жизнь теплится.

6 (вторн.)

Не помню, что было. Был Фролов. Оставил его с Юр., а сам пошел к Блохам. Хорошо, но не совсем. Дуются, что ли, на меня. Юр. отлично пишет.

400.000

7 (среда)

Не тает и не мороз. Ходил напрасно за сапогами. Читаю половые книжки. Юр. уже убежал. Вернулся, вышли вместе. Были в кофейне. Потом я сидел дома. Вернулся он очень поздно. Наташил книг. Маньковский вертит вола и хочет издавать без иллюстраций. Была О.Н., потом Юр. ее провожал, потом еще выбегал. Тепло. Как странно. Прежде мечты были эротические, потом кулинарные, теперь только о тепле. Но не делаю я ничего.

8 (четверг)

Что было с утра? Заходил к Ноевичу предупредить. Взял «Калиостро» и по Николаевской. Там только в 6 часов. [Дориков?] мне не дали, я хотел просить аванса, как вдруг оказывается, что мне приходится 1.200.000. Бегу домой поздно. Холодно. Луна. У нас были Сашенька и Капитан, но ушли. Пошли к Бобышову. Очень уютно у них.

1.200.000

9 (пятница)

Мороз несусветимый, но в комнатах лучше. Солнце, сухо. Бежали за пайком. Юр. спрашивал воз дров, не хотел ли купить.

Насилу я дошел и застал дома. Чинили мне штаны. Юр. побежал, конечно, за книгами. Наташил всего и пошел к О.Н. Я читал без памяти всякую всячину, но хорошо. Солнце всегда бодрит меня: я могу смотреть на игру ледяных окон при солнце или луне без конца. И спать тепло очень. Юр. поздно пришел.

10 (суббота)

Мороз ликует, на солнце окна тают и сейчас же замерзают. Сидел дома. Юр. до обеда спал, потом побежал. Мамаша пошла в баню. Читаю без памяти. Мерзнут ноги. Юр. пришел поздно. Наташил всего. После чая пошел было к О.Н., но попал в кинематограф. Тихо, луна светит, печально, писать хочется до смерти. Смотрел Гоголя. Сжигает «Мертвые души». Ужасно⁸⁶. Но была всенощная, печка, казачок и «Мертвые души». Юр. пришел значит рано. Спал я плохо. Только бы к понедельнику отпустил мороз.

11 (воскресенье)

Такой же холод. Опять не выхожу. Солнце. Топили печку, печется пирог. Юр. лежит. Потом выскочил при подошедшем Сашеньке. Приташил икону Ильи-пророка. Сидели дома. Забежала О.Н. Работы все прибавляется, а силы нисколько. Я оброс ленью, как пень мхом. Читали, сидели. Рано лег. Слава Богу, вот уже который день молюсь Богу.

12 (понед.)

Не выходил до вечера, но теплее. Пошли втроем. Там дымно, публика дикая, но скоро отчитали. Юр. с двумя Оленьками (Арбениной и Зив*) ринулись к Оцупам, а я доплелся очень хорошо домой.

400.000

13 (вторн.)

Степлено. Но темно и сыро. Бегал за сапогами. Потом мамаша ходила менять. Довольно. Юр. выскочил, конечно. Набрела масса народа: О.Н., Саша, Капитан, Фролов. Борис Владимирович. Пошел в «Балаганчик»⁸⁷. Там вроде «Привала», расписано, обедают. Буфет, актришки, тепло, разговоры. Сашенька

* У Кузмина — Зиф. Сама О.М. Зив, впрочем, иногда подписывалась «Зиф» — см., например, ее записку к Гумилеву 4 июля 1912 (*Лукницкая В. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990. С.281*).

проводил меня. Он льнет все к Сомову, а тот довольно жестоко с ним обращается. Я видел его в Доме Ученых. Дома накурено. Все на диване. Капитанствует Милашевский. Папаригопуло флиртует с Фроловым. О.Н. раскисла. Юр. чем-то озабочен: спекуляцией, безденежьем — чем, не знаю.

14 (среда)

Не помню, что было. Вечером был у Блохов. Был там Анненков, Розинер и свои. Юр. был дома. Гложет меня история с его пьесой. Засиделся я, а вспомнить, кого бы хотел видеть — никого, никого. Да и некого.

15 (четверг)

Что же было? Темно. Отправился на Николаевскую, но Пальмского не было. Писал мало. На минуту забежала О.Н. Я прошел в «Петрополис». Домой пришел Сашенька. Притащил «Лесок». По правде сказать, все-таки мне не нравится. Юр. пришел. Ничего я не делаю. Ели собачью колбасу. Юр. был в кинемо.

100.000

16 (пятница)

Темно и не тепло. Особенно гадки замерзшие окна и холодный пар в комнатах. Тускло мне невероятно. Хотел написать откровенное и не весьма любезное послание Ноевичу, но не хватило даже на это. Впрочем, на улице-то неплохо. Были минуты, когда небо даже желтело. Все мне до смерти надоело. И многое гнетет и скребет. За чаем были Фролов и Борис Папаригопуло. Это было неплохо. У Каганов болен мальчик, оттого как-то скучно и не блестяще. Брат показывал шереметевские* издания. Литографии Кустодиева очень мне нравятся⁸⁸. Юр. вдруг почувствовал себя плохо. Что бы я делал, если бы он умер? Нежный, умный, талантливый мой сынок, совсем не знает он ласки и даже несколько отталкивается. А ласков и добр. Не озлобляется ли? Сладко спали и плакали от нежности. Днем врывался еще Сашенька с Кролем.

17 (суббота)

Утром ходили на Николаевскую. Юр., кажется, лучше. Написал письмо Ноевичу об пьесе, а Юр. сам поторопился объяс-

* У Кузмина — Шереметьевские.

ниться. Кажется, обидели его. Да и действительно свинство. Провожали О.Н. Заходили в кинематограф и в кофейню. Ничего, не холодно, горят огни, извозчики есть. Встретил Харитона, рассказ просит. И опять Юр. рядом стоит, хоть бы слово. У меня сердце обливается кровью от обиды, любви и возмущенья.

300.000

18 (воскресенье)

Темно и не холодно. В комнатах сыро. Относил письмо Ноевичу. В кухне котята сидели стадом. Заходил и в «Петрополис». Там болтал с Блохами. По-немецки вышли «Иосиф» и «Александрийские песни». Не знаю, какое впечатление произведет мое письмо. Заходил Брянский и Эверт, опять дела. Юр. все чем-то озабочен. О.Н. сидела у нас. Был у всенощной. Но ничего не яснеет у меня.

19 (понед.)

Все то же. Темно, не очень холодно, скучно и лениво. Но сегодня холоднее. Была О.Н. Засиделись мы и попали к Папаригупуло около десяти. Ничего было. Экземпляр «Часов». Приятно, что есть проза. Долго засиделись. Был кто-то у меня. Продолжает быть скучно. Николин день сегодня.

20 (вторн.)

Что же? Решил на «Зеленый остров»⁸⁹ не ходить, но его и не было. Яков Ноевич говорил о письме⁹⁰, о Юр., Замятине и моих счетах, все было очень душевно. А где был Юр., не знаю.

200.000

21 (среда)

Ходил в союз, театр. Встретил массу людей. Юр. пошел к О.Н. Я зашел к Мандельштаму. Не застав их, [поплелся?] к Блохам. Хорошо посидели. Что-то меня мучит и смущает.

22 (четверг)

Снег, зимняя погодка. Брел к Адонцу, купил сосисок. Жизнь теплится. Поспал дома и пошел в союз. Долго сидели. А у нас еще О.Н. Юр. провожал ее. Страшная темнота эти дни. Читаю «В лесах». Спать хорошо. Разные дела тревожат меня. Поздно был Оцуп, тоже с каким-то делом.

350.000

23 (пятница)

Опять отложен «Зеленый остров». Пошли с Юр. в кинематограф. Чуть не познакомились с каким[-то] грамотным⁹¹ и приятным молодым человеком, но убежали раньше конца. Пили кофей у «Дюша мой». Поздно вернулись. Жалко немного, что не завели истории с молодым человеком.

24 (субб.)

Заходили разные народы. Фролов, Папаригопуло, Милашевский, О.Н. У мамыши сочельник. Все слава Богу. Вечером беседовал у Блохов. Приглашали встречать Новый год. А дела-то? Тепло. Утром бегал за нотной бумагой.

25 (воскр.)

Были у Сани, но была адская скука, несмотря на Бентовина и Сашеньку. Что было дома, не помню. Заходил Папаригопуло. Не помню что-то ничего.

26 (понед.)

Кончил музыку⁹². Не помню, ходил ли куда. Вечером решил идти к Лулу и О.Н. туда же пришла. Ничего было. Она что-то расстроена, плачет о самоубийстве. Юр. ее утешал. Холодно что-то.

27 (вторн.)

Кажется, не холодно. Переписывал ноты. Послал Юр. за деньгами. Пили рано чай. Потом он ушел к О.Н. Я читал и даже писал немного.

300.000

28 (среда)

Сдавал музыку. Деньги завтра. Получил в «Петрушке». Ходили куда-то. Вечером что же было?

200.000

29 (четв.)

Ходил за деньгами. Говорил о «Юлии Цезаре»⁹³ с Хохловым. Весело было. Что-то делали. Где-то были. Да, они были на «Купце»⁹⁴, а я заходил к Блохам на заседание. И посидели там у печки.

280.000

30 (пятн.)

Были у нас О.Н. и Папаригопуло. Пошли на вечер поэтов⁹⁵, а я к Мандельштамам. Была там Лулу. Мирно посидели. Провожал ее. Юр. был уже дома. С «Часами» ничего не вышло.

31 (суббота)

На Николаевской не удалось. Оживление везде. Продают вино. Купил пирожок Елене Исааковне. Занес. Там готовятся. Вечером Юр. ходил к О.Н. Я писал. У Блохов чинно. Обкормили нас. Вина было мало, но Рейнвейн. Вернулись часов в 5. Приятнее, но немного скучнее, чем прошлый год. Конечно, лучше, конечно.

300.000

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Роман Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» впервые был опубликован во 2-м выпуске альманаха «Стрелец» (1916), редактировавшегося А.Э. Беленсоном. Отдельное издание, с превосходными силуэтами М.В. Добужинского, субсидированное Т.М. Персиц, вышло в 1919 в эфемерном издательстве «Странствующий энтузиаст». Ср. с приведенными Кузминым критическими высказываниями запись в дневнике К.А. Сомова от 31 мая 1919: «Прочел сегодня "Калиостро" Кузмина из серии "Новый Плутарх". Очень скверно, почти незанимательно, скомкано, без плана, без всякого искусства». (Константин Андреевич Сомов./ Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979. С.193).

² Именной экземпляр «Вторника Мэри» А.С. Кагана находится в собрании М.С. Лесмана (см.: Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана. М., 1989. С.122). Там же — инскрипты Кузмина на этой книге, обращенные к А.С. Кагану и Ю.И. Юркуну.

³ «Жизнь искусства» (далее в примечаниях ЖИ) — петроградская газета, выходившая в 1918-1922. В 1923-1929 была преобразована в одноименный журнал. Е.М. Кузнецов был членом редакции газеты.

⁴ Речь идет о концерте А.И. Мозжухина в зале Народного Собрания, о котором Кузмин писал: «Характерными чертами исполнения А.И. Мозжухина является строгость артиста к самому себе и щедрая полнота художественного дарования. /.../ Это благородно и прекрасно, очень празднично, но никакого панибратства, разгильдяйства...» (А.И. Мозжухин как певец камерный. //ЖИ. 1921. 15-17 июня, №752-754).

⁵ Спектакль I студии МХТ «Эрик XIV» (пьеса Стриндберга с Михаилом Чеховым в заглавной роли) шел 12 июня 1921 в помещении БДТ. В рецензии Кузмин писал: «И этот страшный и упоительный вместе с тем грим, лицо, от которого трудно оторваться и которое пугает, пленяя, этот хриплый и нежный голос, движения, позы, умение носить костюм, неповторяемые интонации и оттенки — делали этот спектакль огромным событием, неистощимым праздником искусства!» (Созвездия и звезды. // ЖИ. 1921. 18-20 июня. №755-757).

⁶ Ср. рецензию Адр. Пиотровского на книгу Кузмина «Нездешние вечера» (ЖИ. 1921. 2-5 июля. №767-769), завершающуюся следующим утверждением: «Русская речь не видала равного мастера».

⁷ Работа Кузмина над романом-биографией Вергилия для задуманной им серии жизнеописаний «Новый Плутарх» не была завершена. 1 и 2 главы были опубликованы в альманахе «Абракас». О рассказе «Глухие барабаны» см.: Минувшее. Т.12. С.484, прим.84.

⁸ Вероятно, слухи эти распускались в связи с рецензией Кузмина, процитированной выше (см. прим. 4).

⁹ Об этой неудачной попытке реанимировать «Бродячую собаку» свидетельствует объявление в «ЖИ»: «Организуется клуб работников искусств. Среди инициаторов: К.М. Миклашевский, К.Э. Гибшман, Н.Н. Евреинов, М.А. Кузмин, Е.М. Кузнецов, С.Э. Радлов, Ю.П. Анненков и А.Э. Беленсон» (9-11 июля. №773-775).

¹⁰ Вероятно, речь идет о статье «Мечтатели» (ЖИ. 1921. 29 июня-1 июля. №764-766).

¹¹ Возможно, имеется в виду сын пушкиниста П.О. Морозова, известный тем, что в «Бродячей собаке» ударил Бальмонта (ср. в письме М.А. Долинова Б.А. Садовскому от 10 ноября 1913: «Третьего дня честовали Бальмонта, к[оторый] приехал "на гастроли" к нам. Был Сологуб, Гумилев и много прочих. К утру Бальмонт напился пьян, сел подле Ахматовой и стал с нею о чем-то говорить. В это время к нему подошел Морозов (сын пушкинианца) и стал говорить комплименты. Бальмонт с перепою не разобрал, в чем дело и заорал: "Убрать эту рожу!" Тогда Морозов обозлился, схватил стакан с вином и швырнул в К.Д. Этот вскочил, но был сбит с ног Морозовым. Пошла драка. Ахматова бьется в истерике, Гумилев стоит в стороне, а все остальные избивают Морозова. Драка была убийственная. Все были пьяны и били без разбору друг дружку смертным боем. Все это так ужасно и кошмарно, что я, по крайней мере лично, не пойду больше в этот (pardonnez moi le mot) бардак» (РГАЛИ. Ф.464. Оп.1. Ед.хр.52. Л.5-6). Об этом инциденте см.: *Парнис А.Е., Тименчик Р.Д.* Программы «Бродячей собаки». // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1983. Л., 1985. С.215, а также в воспоминаниях М.Могилянского (Минувшее. Т.12. С.180-181).

¹² О жизни Г.Иванова и Г.Адамовича на Почтамтской, в квартире тетки Адамовича, см.: *Одоевцева И.* На берегах Сены. М., 1980. С.113-123.

¹³ Эти списки хранятся в фонде Кузмина в РГАЛИ.

¹⁴ «Dollar-Prinzessin» — оперетта. Рецензия Л. Арнса — ЖИ. 1921. 1 ноября. №815.

¹⁵ В 1921 вышло сразу два сборника Вс.Рождественского — «Лето» и «Золотое веретено». Какой из них имеет в виду Кузмин, сказать трудно.

¹⁶ Речь идет о произведении: Лесок. Лирическая поэма для музыки с объяснительной прозой в трех частях. [Пг.: Неопалимая Купина, 1922] с иллюстрациями (силуэтами) А.Божерянова. Планировавшееся издание с нотами не вышло.

¹⁷ Евдокия Аполлоновна Нагродская (1866-1930), писательница; на квартире ее и ее мужа (Мойка, 91) Кузмин жил в 1913-1914 годах.

¹⁸ Петроградское отделение Всероссийского союза поэтов было образовано в июле 1920; председателем его был А.А. Блок.

¹⁹ См. прим.51 к 1-й части Дневника (Минувшее. Т.12. С.481).

²⁰ «Гуревичами» называли в дореволюционном Петербурге учеников частной гимназии Я.Г. Гуревича. Внедрение в быт физкультуры и появление на улицах полуголых молодых людей — характерная деталь городского пейзажа Москвы и Петрограда начала 1920-х. Ср. в книге В.Эрлиха «Право на песнь»: «Приехал Приблудный. Ходит по городу в одних трусах. Выходим из дому — Есенин, я и голый Приблудный.

Есенин с первых же шагов:

— А знаешь, я с тобой не пойду! Не потому, что мне стыдно с тобой идти, а потому что не нужно. /.../ Думаешь, я поверю, что ты из спортивных соображений голый ходишь? Брось, милый! Ты идешь голый потому, что это входит в твою программу» (С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Т.2. М., 1986. С.324).

²¹ Иза Яковлевна Кремер (1890-1956), эстрадная певица, исполнявшая песни на собственные стихи, своеобразная представительница «массовой культуры» того времени. 19 октября 1918 Кузмин записывал в Дневнике: «На улицах все гуляли полки, играя "крокодилу" и песенки Изы Кремер. Я не могу их видеть без истерики».

²² Письмо М.И. Цветаевой к Кузмину опубликовано: *Поляков С.В.* [Не]закатные оны дни. *Ann Arbor*. 1983; частично вошло в очерк Цветаевой «Нездешний вечер» (*Цветаева М.* Сочинения. Т.2. М., 1988. С.117). Письма от Н.С. Нечкиной (урожд. Северовой), приятельницы юности Кузмина, и ее дочери, впоследствии академика М.В. Нечкиной, см.: РГАЛИ СПб. Ф.437. Оп.1. Ед.хр.92, 116.

²³ «Сафо» — опера Ж.Массне (по роману А.Дюма; 1897).

²⁴ Ср. воспоминания Вас.И. Немировича-Данченко «Рыцарь на час»././Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990. С.231-232.

²⁵ «Шкица» — женский род от жаргонного «шкет» («плашкет»).

²⁶ То есть разговоры на идиш.

²⁷ В период военного коммунизма при государственном пайковом распределении товаров, когда частная торговля была запрещена и преследовалась, как спекуляция, транспорт, продовольствие, топливо, квартиры, коммунальные услуги были бесплатны (см. декреты СНК РСФСР от 4, 7, 23, 27 декабря 1920 и 27 января 1921). Для получения билета на поезд требовалось предъявить удостоверение личности, какими в то время служили «трудовые книжки» (ср. запись от 24 мая: Минувшее. Т.12. С.473). Возвращение к платному транспорту и услугам — одно из первых мероприятий нэпа. Значительно дольше держались продуктовые пайки.

²⁸ Слухи о предоставлении Петрограду статуса «porto-franko» зафиксированы в Дневнике Кузмина еще в 1918. Об этом же есть упоминание во «Взвихренной Руси» А.М. Ремизова. Были ли какие-либо основания для подобных разговоров, сказать затруднительно.

²⁹ Вероятно, речь идет о статье «Капуста на яблонях» (ЖИ. 1921. 26-31 июня. №786-791), в которой утверждается: «Искусство метафизично, нравственно и свободно, но из него нельзя вывести ни философской системы, ни кодекса морали, ни партийной программы».

³⁰ Так называет Кузмин труппу Коли Петера (Н.В. Петрова).

³¹ Речь идет о вечере Кузмина, А.Радловой и Вл.Ходасевича в Доме Искусств. (см.: ЖИ. 1921. 19-24 июня. №790-795).

³² Капитан — прозвище В.А. Милашевского.

³³ Имеется в виду «Блэк энд Уайт (негритянская трагедия)» — «гротеск» К.Э.фон-Гибшмана и П.П. Потемкина, поставленный в «Привале комедиантов» в 1916. Персонажи скетча (фальшивая негритяно-американская труппа) изъяснялись набором бессмысленных словосочетаний, внешне напоминавших английский язык, вроде: «Лэди энт компани оль Чипин Нью-Йорк энд заус айс штрاليا энд Гомель-Гомель?..» и т.д.

³⁴ Чашка фарфорового завода А.Г. Попова. Ср. в воспоминаниях В.А. Милашевского о быте Кузмина того времени: «Разноцветные и разных фасонов фарфоровые чашки! Не сервиз, боже сохрани от этой "порядочности" и "как у всех"!

Зато каждая чашка имеет свою биографию» (*Милашевский В.* Вечера, позавчера. Воспоминания художника. 2-е изд. М., 1989. С.152-153).

³⁵ Н.С. Гумилев был арестован 3 августа 1921.

³⁶ Имеется в виду статья «Лицом к лицу» (ЖИ. 1921. 9-14 июля. №798-808), в номере, посвященном голоду.

³⁷ Вероятно, имеются в виду стихи, привезенные из Сибири А.И. Венедиктовым (см. запись от 25 июля). Аналогичные мысли часто встре-

чаются в начале 1920-х в Дневнике (см.: Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С.198, 207).

³⁸ Об отношении А.К. Глазунова к музыке Кузмина см. сходные с высказыванием П.И. Сторицына воспоминания Л.Борисова (Родители, наставники, поэты./Книга в моей жизни. Изд. 2-е, дополнен. М., 1969. С.83-84).

³⁹ Булла Карл Карлович (1853-1929), фотограф Министерства императорского двора. Сравнение Ю.П. Анненкова с ним вызвано тем, что Анненков рисовал Блока в гробу.

⁴⁰ Блок был похоронен на Смоленском кладбище. В 1944 прах поэта был перенесен на Литераторские мостки Волкова кладбища. См. воспоминания Д.Е. Максимова об этом перезахоронении, где оно названо «осквернением праха людей, прошедших через таинство смерти» (Литературное обозрение. 1987. №5).

⁴¹ О каком именно договоре с Я.Н. Блохом идет речь — мы не знаем. Известно, что в июне 1921 Кузмин продал «Петрополису» право на издание своей прозы (см.: *Тимофеев А.Г.* Михаил Кузмин и издательство «Петрополис». (Новые материалы по истории «Русского Берлина»).// Русская литература. 1991. №1. С.191, 193).

⁴² В воспоминаниях Милашевского упомянут этот эпизод, но мемуарист ошибся, перенеся случившееся на Мойку (*Милашевский В.* Ibid. С.163).

⁴³ Театр Летний Буфф (Фонтанка, 114), руководимый в 1920-1922 К.А. Марджановым.

⁴⁴ «Бригитта» — оперетта Г.Сернетта и В.Роге. Ср. в рецензии Кузмина: «Музыка играет, штандарт скачет! Такие полковые и мужчинские увеселения наскучили даже в рассказах Мопассана» (Бригитта.// ЖИ. 1921. 23 августа. №805).

⁴⁵ От названия клея «синдетикон».

⁴⁶ Имеется в виду подражание изобретенным Ремизовым «обезьяньим грамотам», которые тот выдавал своим знакомым от имени обезьяньего царя Асыки, правителя Обезьяньей Великой и Вольной палаты. Кузмин числился музыкантом Обезьянвопала (см.: *Гречишкин С.С.* Архив А.М. Ремизова.//Ежегодник РО ПД на 1975 год. Л., 1977. С.33).

⁴⁷ Сходные слова есть во многих духовных стихах (они восходят, очевидно, к 43-му псалму), однако точного соответствия обнаружить не удалось.

⁴⁸ Протоиерей Александр Иванович Введенский (1889-1946), деятель «обновленческого» движения внутри русской православной церкви; будучи настоятелем одной из петроградских церквей, в 1921 начал проповедовать оформившуюся год спустя т.н. «живую церковь», основанную эксчерносотенцем иеромонахом Илиодором (С.Труфановым). Про-

поведь Введенского (Кузмин называет ее панихидой) «Слово протоиерея отца Введенского, посвященное памяти поэта Александра Блока» — ИРЛИ. Ф.654. Оп.8. Ед.хр.27. Дневник Кузмина дает возможность уточнить дату произнесения проповеди: суббота, 27 августа 1921. Об этой проповеди см. выдержки из дневниковых записей Андрея Белого: Литературное наследство. Т.92. Александр Блок. Новые материалы и исследование. Кн.3. М., 1982. С.811 и 827 (прим.192), а также: *Ходасевич Вл.* ДИСК.// Колеблемый треножник. Избранное. М.,1991. С.421.

⁴⁹ То есть мебель Леви, умерших соседей по коммунальной квартире.

⁵⁰ «Нежный Иосиф» (1909) — повесть Кузмина. «Имяславцы» («имяславцы») — сторонники учения, которое провозглашало присутствие Бога в имени своем («Имя Божие как бы есть сам Бог»). Главой их в Свято-Андреевском ските на Афоне был иеросхимонах А.К. Булатович (1870-1919), бывший ротмистр лейб-гвардии гусарского полка, известный своим путешествием по Абиссинии в конце 1880-х. Их противники — «имяборцы». О каких проектах И.Эверта здесь и далее пишет Кузмин, называя их «советской историей», и в чем заключается связь между «Нежным Иосифом» и имяславцами, неясно.

⁵¹ Не исключено, что имеется в виду пьеса Юркуна «Американский маскарад», объявленная к постановке в сезоне 1921/22 в театре Народной комедии (ЖИ. 1921. 9-11 июля. №773-775).

⁵² См. прим.36.

⁵³ Так подготовлялась произошедшая год спустя массовая высылка интеллигенции за пределы страны. Об увольнениях на философском факультете Петроградского университета см.: *Лосский Н.О.* Воспоминания. Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968. Сын философа писал: «К концу того же лета [1921] начались первые значительные вторжения правительственной идеологии в университетское преподавание. Результатом его было почти полный разгром петроградской кафедры философии, с которой были уволены все приват-доценты и два профессора: Лапшин и Лосский» (*Лосский Б.* К изгнанию «людей мысли»././ Русский альманах. Париж, 1981. С.355).

⁵⁴ Чацкина Софья Исааковна (?-1931), издательница журнала «Северные записки» (1913-1917).

⁵⁵ Ср. в «Петербургских зимах» Георгия Иванова (очерк написан значительно позже описываемых событий, в 1949, но основывается на ходивших в Петрограде в августе 1921 слухах): «Следователь Якобсон /.../ Гумилева чаровал и льстил ему. Называл его лучшим русским поэтом, читал наизусть гумилевские стихи, изошренно спорил с Гумилевым и потом уступал в споре, сдаваясь или притворяясь, что сдался, перед умственным превосходством противника...» (*Иванов Г.* Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М., 1989. С.409).

⁵⁶ Н.В. Грушко была в числе активных членов Союза поэтов.

⁵⁷ Имеется в виду сборник «Эхо» (Пг., 1921).

⁵⁸ «Петрушка» — здесь, вероятно, артистическое кабаре, устроенное Н.В. Петровым и А.А. Радаковым. См. также запись от 28 декабря.

⁵⁹ Журнал «Жар-птица», продолжавший традиции «Золотого руна» и «Аполлона», издавался в Берлине Художественным издательством А.Э. Когана. 1-й номер вышел в августе 1921.

⁶⁰ «Плавающие путешественники» (1915), роман Кузмина, относящийся к жанру так называемого «романа с ключом», где персонажи имеют реальных прототипов — посетителей «Бродячей собаки» (в романе — подвал «Сова»).

⁶¹ По-видимому, Кузмин обратился с ходатайством за арестованных членов семьи Я.Н. Блоха. Знакомство Кузмина с председателем ОГПУ В.Р. Менжинским восходило еще к 1905, когда оба они дебютировали в «Зеленом сборнике стихов и прозы»: Кузмин как поэт, Менжинский как прозаик. О.М. Брик, с которым Кузмин познакомился около 1917, работал в ОГПУ, «вероятнее всего в качестве юридического эксперта. Судя по удостоверению Политотдела московского ГПУ он служил в этой организации с 8 июня по 1 января 1924 (архив Л.Ю. Брик)» (В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик. Переписка 1915-1930. Составитель и комментатор *Б. Янгфельд*. Stockholm, 1982. С.213). Кузмин знал о связях Брика с ВЧК более раннего времени и оставил соответствующую запись в Дневнике; судя по ее тональности, он отнесся к этому вполне хладнокровно. По-другому воспринимал этот факт, например Н.Евреинов, см.: *Евреинов Н.Н.* Шаги Немезиды. Драматическая хроника в 6-ти картинах из партийной жизни в СССР (1936-1938). Париж, 1956. С.44. В последнее время появились публикации, авторы которых утверждают, что сотрудничество Бриков с ВЧК-ОГПУ не было случайным эпизодом (см., напр., серию статей В.Скорятина: «Почему Маяковский не поехал в Париж», «Между декабром и мартом», «Выстрел в Лубянской», «Послесловие к смерти» — Журналист. 1989. №9; 1990. №1, 2, 5).

⁶² Возможно, имеется в виду портрет Григория Эммануиловича Караулова (1824-1883), историка литературы и археолога. Юркун коллекционировал самые разнородные портреты, литографии, гравюры, привлекавшие его, как «свидетельства эпохи», покупал подшивки старых иллюстрированных журналов, как материал для своих «коллажей». См. об этом: *Милашевский В.* Ibid. С.206-207.

⁶³ Речь идет о заказанных «Всемирной литературой» Кузмину переводах «Озорных сказок» Бальзака, «Западно-восточного дивана» И.В. Гёте (ряд стихотворений из него был переведен Кузминым уже в 1930-е годы), а также редактировании переводов сочинений Ан.Франса.

⁶⁴ «Весна священная» («Картины языческой Руси») — балет И.Стравинского, поставленный труппой С.Дягилева в Париже в 1913.

⁶⁵ См. прим. 51.

⁶⁶ Существуют две версии о причинах самоубийства Ан.Н. Чеботаревской. Согласно одной, поводом послужил отказ выдать Сологубу и ей заграничную визу. Эта версия, изложенная в воспоминаниях В.Ф. Ходасевича, подтверждена сохранившейся копией письма А.В. Луначарского в ЦК РКП(б) от 15 июля 1921 (см.: *Дикушина Н.И.* Как решалась судьба поэта. // Литературная газета. 1990. 28 ноября). А.А. Ахматова передавала иной вариант: самоубийство из-за несчастной любви (см. *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. М., 1990. Т.1. С.110). Очевидно, О.А. Судейкина, жившая в это время в одной квартире с Ахматовой, излагала ее версию.

⁶⁷ В списке произведений Кузмина в октябре 1921 отмечена работа над музыкой к «Двойнику» из «Леска». Под этим заглавием стихотворение опубликовано: Смена вех. [Париж] 1921. 26 ноября. №5; в «Лесок» включено под заглавием «Странный спутник».

⁶⁸ Письма В.В. Розанова Э.Ф. Голлербаху были изданы в Берлине в 1922, отдельные письма публиковались ранее в различных изданиях.

⁶⁹ Большаков Николай Сергеевич, владелец лавки по продаже икон и церковной утвари, знакомый Кузмина еще с 1905. Согласно справочнику «Весь Ленинград», вел свою торговлю, по крайней мере, до 1925.

⁷⁰ Очевидно, речь идет о просмотре оперетты Л.Фалля «Разведенная жена» в Государственной комической опере (постановка К.А. Марджанова; рецензия Кузмина: ЖИ. 1921. 18 октября. №813).

⁷¹ Имеется в виду ресторан при доме поэтов (см. также запись от 25 июля).

⁷² Может иметься в виду монография: *Койранский А. К.Ф.* Юон. Под ред. Г.К. Лукомского. Пг., 1918.

⁷³ По всей видимости, имеется в виду замысел, осуществленный в виде театрального альманаха «Зеленая птичка» (Пг., 1922), вышедшего под ред. Я.Н. Блоха, А.А. Гвоздева и Кузмина.

⁷⁴ «Жоржики» — прозвище двух Георгиев — Иванова и Адамовича. См. прим. 12.

⁷⁵ Магги — бульонные кубики.

⁷⁶ Ноябрьем 1921 в списке произведений Кузмина помечен перевод «Евридики» Г.Фильдинга.

⁷⁷ Возможно, речь идет о выпущенной «Петрополисом» в 1918 тиражом в 200 нумерованных экз. книге «Книжные знаки», содержавшей библиографию русских книжных знаков и наклеенные экслибрисы членов кооператива, пожелавших принять участие в издании.

⁷⁸ «Часы» (Пг., 1921) — альманах, где участвовали Кузмин и Юркун.

⁷⁹ «Зеленая птичка» — сказка для театра К.Гоцци. Пролог Кузмина к ней был опубликован в альманахе «Зеленая птичка» (перевод пьесы, выполненный М.Л. Лозинским, был опубликован там же); вошел в сборник «Параболы».

⁸⁰ «Звездочет» — оперетта Ф.Легара, поставленная Н.Евреиновым в театре Музыкальной комедии (рецензия Кузмина: ЖИ. 1921. 22 сентября. №818).

⁸¹ Имеется в виду статья «Колебания жизненных токов», вошедшая в книгу «Ю. Анненков. Портреты» (Петрополис, 1922).

⁸² «Петрушка» — здесь балет И.Стравинского. Был поставлен в 1911 в Париже, 20 ноября 1920 — премьера в Петрограде.

⁸³ Кузмин, очевидно, слушал в Народном доме (Гос. Большом оперном театре, расположенном в помещении бывшего Народного дома) оперу Мусоргского «Борис Годунов» и имеет в виду сцену в корчме, где Григорий спрашивает хозяйку о дороге в Литву. Рецензию Кузмина на постановку см.: ЖИ. 1921. 6 сентября. №820.

⁸⁴ По-видимому, речь идет об освобождении арестованных жены и сестры Я.Н. Блоха.

⁸⁵ «Влюбленный дьявол» — роман Ж.Казотта. Издание, о котором пишет Кузмин, неизвестно.

⁸⁶ По справке Р.Янгирова, единственным фильмом, который мог бы подходить под это описание, была драма «Невский проспект» (1916, фильм не сохранился), режиссера В.Аркатова; в ролях Гоголя и поручика Пискарева — Р.Кречетов. Приносим Р.Янгирову сердечную благодарность.

⁸⁷ «Балаганчик» — размещавшийся на Б.Садовой, 12, частный театр интермедий (главный режиссер и зав. художественной частью — Н.В. Петров). В «Балаганчике» давались также кинопрограммы.

⁸⁸ Под шереметевскими изданиями могут иметься в виду какие-либо издания, осуществленные археографами С.Д. либо П.С. Шереметевыми (многотомный «Остафьевский архив князей Вяземских» и др.). Литографии Кустодиева — скорее всего альбом: *Кустодиев Б.М.* 14 автолитографий. Пб., 1921 (издан в конце 1921 в количестве 300 пронумерованных экз.).

⁸⁹ «Зеленый остров» — оперетта Ш.Лекока.

⁹⁰ Возможно, речь идет о письме Кузмина Менжинскому с ходатайством за арестованных Блохов.

⁹¹ Словечко петербургского дореволюционного аргю, обозначающее гомосексуалиста.

⁹² Согласно списку произведений Кузмина, в декабре 1921 он писал музыку к драме В.Я. Брюсова «Земля».

⁹³ «Юлий Цезарь» — пьеса У.Шекспира. Премьера прошла в БДТ 20 апреля 1921.

⁹⁴ «Венецианский купец» — пьеса У.Шекспира. Шла в БДТ в сезон 1921/22.

⁹⁵ Имеется в виду вечер петроградских поэтов в Доме Искусств (см.: ЖИ. 1921. 27 декабря. №823).

СЛОВАРЬ ИМЕН, УПОМИНАЕМЫХ В ДНЕВНИКЕ 1921 года*

Адонц Гайк Георгиевич (псевд. Петербургский; 1892-1937), литературовед, театровед, критик, журналист, издательский деятель.

Адамович Георгий Викторович (1894-1972), поэт, критик. С 1922 в эмиграции.

Альтшулер (Лежнев) Исая Григорьевич (1891-1955), редактор журнала «Новая Россия».

Анненков Борис Павлович (1896-1921), брат Ю.П. Анненкова, артист театра «Народной комедии». Некролог С.Э. Радлова — ЖИ. 1921. 26-31 июля. №786-791; воспоминания Ю.Анненкова «Неизбежная точка» — ЖИ. 1921. 2-7 августа. №792-796.

Асафьев Борис Владимирович (1884-1949), композитор.

Ашешов Николай Петрович (1866-1923), журналист.

Бабенчиков Михаил Васильевич (1890-1957), искусствовед.

Бобышов — возможно, Михаил Павлович (1885-1964), театральный художник. Работал в Михайловском театре (после революции — Гос. малый академический оперный театр, МАЛЕГОТ).

Боцяновский Владимир Феофилович (1869-1943), критик, драматург, историк литературы.

Валерская Елена Константиновна, до революции актриса театра А.С. Суворина. Знакомая Кузмина с начала 1910-х годов.

Валечка — Вальтер Федорович Нувель (1871-1949), один из деятелей журнала «Мир искусства», композитор-любитель, постоянный сотрудник и биограф С.П. Дягилева, близкий друг Кузмина в 1905-1908 годах.

Вейнер Петр Петрович (1879-1931), искусствовед, издатель журнала «Старые годы».

Венедиктов Александр Иванович (1896-1970), писатель. Вернулся в 1921 в Петроград из Сибири, где находился во время Гражданской войны.

* См. также: Минувшее. Т.12. С.487-494.

Гиммельфарб Семен Григорьевич (1874-1921), расстрелян по «делу ПБО». Сведения о нем, данные в «Петроградской правде», гласят: «б[ы-вший] владелец Павильон-де-пари, беспартийный, зав. хоз. цементного завода».

Гумилева (Энгельгардт) Анна Николаевна (1895?-1942), вторая жена Н.С. Гумилева.

Дельмас (Андреева-Дельмас) Любовь Александровна (1884-1969), оперная певица, адресат стихотворного цикла Блока «Кармен».

Денике Борис Петрович (1885?-1941), театровед, искусствовед, востоковед. В годы Гражданской войны жил в Омске.

Диевский — возможно, Михаил Георгиевич, до революции актер театра А.С. Суворина.

Добужан — М.В. Добужинский.

Добужан младший — Ростислав Мстиславович Добужинский (род. 1901), художник, сын М.В. Добужинского.

Долинова Елена — возможно, жена писателя А.И. Долинова.

Евреинова Наталья Николаевна, сестра Н.Н. Евреинова.

Егорушка — Г.В. Иванов

Ершов Иван Васильевич (1867-1943), оперный артист.

Жак — Яков Львович Израилевич, сотрудник Петроградского Театрального отдела.

Закорючка — возможно, прозвище Н.А. Залшупиной.

Земсков — владелец лавки по продаже икон.

Зив (Вихман) Ольга Максимовна (1904-1963), поэтесса, впоследствии детская писательница.

Зиновий — см. Гржебин З.И.

Зиссерман Давид Захарович (1886-1961), виолончелист.

Иришка — возможно, пианистка И.С. Миклашевская.

Ишак — см. Адонц Г.Г.

Каплан — возможно, подразумевается Борис Гитманович Каплун, управляющий делами Петросовета, брат владельца берлинского издательства «Эпоха» С.Г. Каплуна (Сумского), племянник М.С. Урицкого, близкий к литературно-художественному миру Петрограда начала 1920-х (см., напр., о нем в воспоминаниях Ю. Анненкова «Дневник моих встреч», по указателю).

Кауфман Абрам Евгеньевич (1855-1921), публицист, редактор журнала «Вестник литературы» (1919-1920). Умер 22 декабря 1921.

Клео — Клео Карини (Клеопатра Андреевна Мозжухина), певица и пианистка. Возвратилась в СССР из эмиграции в 1966, передала в РГАЛИ архивы своего мужа и его брата, известного киноартиста Ивана Мозжухина. Поселилась в московском Доме ветеранов сцены.

Кнорре Федор Федорович (1903-1987), писатель, драматург.

Козлинский Владимир Иванович (1891-1967), театральный художник, ученик Л.С. Бакста, М.В. Добужинского, Д.Н. Кардовского.

Кроленко Александр Александрович (1889-1970), сотрудник издательства «Всемирная Литература», затем директор издательства «Asademta» (до 1929).

Лисенко Лев Константинович, писатель, драматург. По позднейшему определению Д.Хармса — «естественный мудрец» (см.: Минувшее. Т.11. С.425).

Луц Лев Натанович (1901-1924), писатель, участник группы «Серапионовы братья».

Ляндау Константин Юлианович (1890-1969), поэт и режиссер.

Мансуров Павел Андреевич (1896-1983), художник, впоследствии заведовал экспериментальным отделом ГИНХУКа. Близкий знакомый Н.А. Клюева. С 1928 в эмиграции (см. о нем: Минувшее. Т.11. С.529).

Маньковский Константин Максимович, поэт.

Марджанов (Марджанишвили) Константин (Котэ) Александрович (1872-1933), режиссер. В 1920 организовал в Петрограде Театр комической оперы.

Медея — Фигнер (урожд. Мей) Медея Ивановна (1859-1952), певица. По происхождению итальянка.

Миклашевский Константин Михайлович (1886-1943), актер, режиссер, театровед, знаток итальянской «комедии дель арте» и автор исследования о ней. Эмигрировал.

Михельсон — библиофил, коллекционер.

Мухин Сергей Александрович (1896-1933), библиофил, автор статьи о редких изданиях книг Кузмина в собственной библиотеке (К XX-летию литературной деятельности М.А. Кузмина. Л., 1925).

Надежда Ал[ександровна?] — вероятно, Н.А. Залшупина.

Немирович-Данченко Василий Иванович (1848-1936), писатель. В эмиграции с 1921.

Нотгафт Федор Федорович (1896-1942), художественный и издательский деятель, коллекционер. В 1919-1923 секретарь общества «Мир искусства».

Орг Г.А., издатель из Эстонии (вероятно, представитель ревельского издательства «Библиофил», выпустившего в 1921 посмертное издание «Шатра» Гумилева). Книги Кузмина в «Библиофиле» не вышли.

Оцуп Николай Авдеевич (1894-1958), поэт. В эмиграции с 1922.

Павлович Надежда Александровна (1895-1980), поэтесса, детская писательница.

Подгорный Николай Афанасьевич (1879-1947), актер МХТ.

Радлов Николай Эрнестович (1888-1942), художник, брат С.Э. Радлова.

Рая — см. Блох Р.Н.

Родэ Адолий Сергеевич (?-1930), бывший директор кафешантана и сада-ресторана «Вилла Родэ» в Новой Деревне, после революции — заведующий Домом Ученых. На эту должность назначен по протекции А.М. Горького. См. нелестный отзыв о нем в очерке «Горький» в «Некрополе» Вл.Ходасевича (последний называл Дом Ученых «Роде-вспомогательным заведением»). В 1921 Родэ эмигрировал. Несомненно он, а не филолог Альберт Роде упомянут А.М. Ремизовым (см.: Незданный «Мерлог». Публикация А.д'Амелиа. Минувшее. Т.3. С.216, 246).

Роза Львовна — мать Л.И. Каннегисера.

Розинер Александр Евсеевич - уполномоченный берлинского издательства «А.Ф. Маркс» в Петрограде.

Ростова Наталья Владимировна (1880-?), актриса труппы Коли Петера (Н.В. Петрова).

С.А. — см. Мухин С.А.

Сара — Лебедева (урожд. Дармолатова) Сарра Дмитриевна (1892-1967), скульптор-портретист, сестра А.Д. Радловой.

Свириденко Жильберта Александровна (Софья Александровна Свиридова), поэтесса, переводчица.

Скорбный Андрей (Смиренский Владимир Викторович; 1902-1977), поэт.

Смирнов — вероятно, Александр Александрович (1883-1962), поэт, историк литературы, ученый-кельтолог. Знакомый Кузмина с начала 1910-х годов.

Султанов — возможно, Дмитрий Иванович, торговец, ресторатор.

Студенцов Евгений Павлович (1890-1943), актер труппы Коли Петера (Н.В. Петрова).

Сутугина (Сутугина-Кюнер) Вера Александровна (1892-1969), секретарь издательства «Всемирная литература».

Тевяшов — возможно, Евгений Евгеньевич, бывший сотрудник «Нового времени», вице-президент Петроградского атлетического общества, тов. председателя общества содействия физическому развитию учащейся молодежи. Жил неподалеку от Кузмина, на ул. Жуковского, 19.

Тизенгаузен Орест, член Союза драматических писателей, муж О.М. Зив.

Тизенгаузен, племянница Вас.И. Немировича-Данченко — не исключено, что имеется в виду Вера Орестовна (?-1944), актриса театра В.Ф. Коммиссаржевской (1908-1909).

Тимофеев Владимир Николаевич (1895-1921) — один из расстрелянных по «делу ПБО». В «Петроградской правде» о нем сказано: «б[ывший] поручик, беспартийный, б[ывший] дворянин, командир дивизиона артиллерии 55 стр[елковой] дивизии: активный участник ПБО, давал сведения организации о состоянии артиллерии Карельского участ-

ка, давал боевые пропуска курьерам американской и финской разведок, фабриковал названным курьерам поддельные документы» (Петроградская правда. 1921. 1 сентября. №181).

Урванцов Лев Николаевич (1865-1929), драматург, беллетрист.

Фанни — Глинская (Беленсон) Фанни (Фаина) Александровна (1892-1970), актриса, чтица, жена А.Э. Беленсона.

Харитон Борис Осипович (Иосифович; 1877-1941), литератор, журналист. Выслан за границу в 1922.

Чиж — см. Подгорный Н.А.

Шайкевич Варвара Васильевна — жена А.Н. Тихонова, сестра К.В. Шайкевич, эмигрировавшей вместе с мужем в 1918.

Эвэрт И. — литератор, участник альманаха «Часы».

Юдин Коля (Н.А.), литератор, в 1920-е сотрудник Ростовского отдела народного образования. Ему посвящено стихотворение Кузмина «Летний сад» (1916; вошло в сборник «Вожатый»).

Яковлев — вероятно, художник Александр Евгеньевич (1887-1938), расписывавший в свое время вместе с С.Ю. Судейкиным и Б.Д. Григорьевым «Привал комедиантов». Эмигрировал.

**ДОПОЛНЕНИЯ
И ПОПРАВКИ К 1-й ЧАСТИ ДНЕВНИКА
(«Минувшее», т.12)**

Публикаторы благодарят за предоставленные сведения П.Дмитриева, А.Тимофеева, Р.Тименчика. Не все дополнения и исправления удалось поместить в «Минувшее», но все они будут учтены при подготовке отдельного издания.

1. Упомянутый в записи от 1 января посетитель Сологубов Щербов — Павел Егорович (1865-1938), художник-карикатурист, друг Ф.И. Шаляпина. Современник так описывает его в 1908 году: «...загадочная фигура в берете, черной австрийской куртке и широчайших панталонах. Все художники Петербурга знают этого замкнутого, сосредоточенного человека с пронизывающим, острым взглядом наблюдателя. Большие опущенные вниз усы, длинная курчавая с проседью борода, в зубах огромная изогнутая трубка — все эти особенности делают его лицо надолго запоминающимся даже после первой мимолетной встречи (*Альмединген* Б.А. Головин и Шаляпин. Ночь под крышей Марининского театра. Л., 1958. С.14-15).

2. Прим.56. По справке А.Г. Тимофеева, имеется в виду Джордж Пиль (Peel; 1557-1597), английский драматург-«елизаветинец». Переводы Кузмина из Пилиа разыскать не удалось.

3. Прим.79. Маршнер (не Моршнер) Генрих Август (1795-1861) — немецкий композитор и дирижер.

4. Прим.99. «Вольное содружество поэтов» — мимолетная литературная организация, создававшаяся по инициативе К.А. Сюннерберга при Вольной философской ассоциации (Вольфиле). О предполагавшемся составе содружества см. письмо А.Д. Радловой к Блоку от 20 мая 1921 (Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог. Вып. 2. Письма к Александру Блоку. М., 1979. С.380).

5. В «Словаре имен» и в тексте (Минувшее. Т.12. С.487) допущена опечатка: «Бентович» вместо правильного «Бентовин». Уточненные данные о годах жизни Б.И. Бентовина (1865 или 1863, 1864-1929) и биографическую справку см. в 1-м томе биографического словаря «Русские писатели. 1800-1817» (М., 1989. С.239).

6. В «Словаре имен» (Минувшее. Т.12. С.488) следует читать: Гржебин Зиновий Исаевич.

7. Год рождения А.Е. Бурцева — 1863.

8. Годы жизни Е.Г. Лисенкова — 1883-1954.

9. В.К. Лишневская (Кашницкая) умерла в 1929.

10. Лозинского звали Григорий, а не Георгий Леонидович.

11. Годы жизни Д.К. Петрова — 1872-1925.

12. Плетнев — не композитор Николай Алексеевич, как было предположено, а секретарь газеты «Жизнь искусства» П.Плетнев (в РГАЛИ — так называется теперь ЦГАЛИ СССР — в фонде Кузмина сохранилось семь писем Плетнева 1920 года: ф.232, оп.1, ед.хр.331).

13. Год смерти в эмиграции писательницы Сахар (Лидарцевой) Нора Яковлевны — 1983.

14. Шайкевича звали Анатолий Ефимович (его воспоминания о Кузмине из малотиражного парижского альманаха «Орион» 1947 года перепечатаны: Русская литература. 1992. №2).

ANNEX

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абдушели К. 281-284, 290
Абрамов В.П. 54-69, 217
Авксентьев Н.Д. 91, 93, 118, 125, 135, 136
*Адалис (Ефрон) А.Е. 67, 316-326, 327-344, 344-351
Адамович Г.В. 434, 463, 497, 499, 511, 517, 519
Адонц Г.Г. (*Петербургский) 469, 472, 476, 477, 508, 519, 520
Азеф Е.Ф. 152, 153, 155, 157
Айвазовский И.К. 23
Айхенвальд Ю.И. 9, 16, 38, 52, 125-127, 129, 130
Александров И.А. 39
Александровский В.Д. 58, 229
Алексей Филиппович, знакомый М.А. Кузмина 484, 505
Алексеев В.М. 419, 454
Алексеев М.В. 152
Алексеева А.А. 268
Алексинский Г.А. 149
Алелекова (урож. Лахутина) А.Я. 16, 17, 37
Алперс Б.В. 461, 499
Алтаузен Д. (Я.М.) 348
Альмединген Б.А. 523
Альтман Н.И. 483
Альшванг, служащий Петроснаба 368
Алянский С.М. 466, 484, 492
*Амари см. Цетлин М.О.
Амброзович В.К. 459, 461, 462, 467-469, 472, 475-479, 481, 486, 491-494, 501, 506, 509
Амфитеатров А.В. 44, 47, 73-79, 80-158, 375, 385
Амфитеатров В.А. 110-112, 120, 146
Амфитеатров Д.А. 76, 95, 99, 154
Амфитеатров М.А. 133
Амфитеатров Р.А. 124, 156
*Амфитеатров-Кадашев В.А. см. Амфитеатров В.А.
Амфитеатрова А.Н. 120
Амфитеатрова (урож. Соколова) И.В. 76, 88, 89, 99, 125, 133, 135, 136, 144, 146, 149, 156
Амфитеатрова С.А. 105, 156, 157
*Ангарский (Клестов) Н.С. 55, 222, 247, 271
Ананов, знакомый А.Белого 268
Андерсен Г.Х. 128
Андреев В.Ф. 244, 246
Андреева, жена В.Ф. Андреева 244, 246
Андреева И. 239
Андреева М.Ф. 483
Андреевский М.П. 323
Анисимов Ю.П. 161, 163, 164, 165, 181-184, 216, 273
Анисимовы, семья 167, 181, 182
Анищенко К.Р. 243, 245
Анна Иоанновна, имп. 42
Анненков, директор химзавода в Москве 248
Анненков Б.П. 519
Анненков Ю.П. 466, 470, 475, 476, 482, 485, 500, 501, 504, 507, 511, 514, 518-520

* Курсивом выделены номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Анненкова В.Г. 248
 Анненкова О.Н. 248, 270
 Анненковы, семья 248
 Анненский И.Ф. 50, 162, 171, 174, 305
 Аннунцио Г. д' см. Д'Аннунцио Г.
 Антокольский П.Г. 218, 288, 319
 Антонов А.С. 84-86
 Антос, знакомый М.А. Кузмина 496
 Арбенина-Гильдебрандт О.Н.
 (Эльга) 400, 453, 457-459, 461-466, 469-510
 Аренсон А. 240
 Аристотель 161, 260
 Аркатов В. 518
 Арнс Л. 512
 Аронов Л.Г. 79
 Аросев А.Я. 288
 Арсенишвили А.И. 281
 Арцыбашев М.П. 106, 115, 117-119, 121, 122, 124-129, 131, 132, 135, 136, 138, 140-142, 146-148, 150
 Асафьев Б.В. 463, 464, 519
 Асеев Н.Н. 55, 164, 165, 168, 182-184, 194-196, 216, 276, 327, 345
 *Аскольдов (Алексеев) С.А. 253
 *Ахматова (Горенко) А.А. 333, 336, 347-349, 385, 390, 402, 403, 430, 441, 459, 467, 471, 475, 492, 493, 495, 496, 500, 502, 503, 511, 517
 Ахрамович-Ашмарин В.Ф. 224
 Ашешов Н.П. 493, 519
 Ашукин Н.С. 8, 58, 64
 *Аякс см. Измайлов А.А.
 Бабанов, служащий Союза писателей 257
 Бабенчиков М.В. 503, 519
 Бабкин Д.С. 46, 47
 *Багрицкий (Дзюбин) Э.Г. 317, 318
 Байрон Дж.Н.Г. 264, 287
 Бакст Л.С. 521
 *Бакулин В. см. Брюсов В.Я.
 Балакирев И.А. 42
 Балахович (Бей-Булак-Балахович) С.Н. 84, 86
 Балашов А.А. 48
 Балтрушайтис Г.Ю. 165
 Балтрушайтис Ю.К. 21, 42, 43, 165
 Бальзак О. де 163, 170, 171, 178, 493, 516
 Бальмонт (урож. Андреева) Е.А. 18, 40, 42
 Бальмонт К.Д. 7, 12, 17, 18, 20, 21, 28, 36, 39-43, 51-53, 76, 179, 218, 226, 293-295, 296-312, 312-315, 406, 434, 511
 Бальмонт М.К. 305, 311, 314
 Баранович М.К. 273, 274
 Баратынский Е.А. 12, 195
 Барбе Д'Оревилли Ж.А. 194, 196
 Барбюс А. 270
 Баудич В. 293, 296, 298, 300, 301, 307, 311
 Бауер К. 40
 Бах А.А. 350
 Бах А.Н. 340, 350
 Бах И.С. 457
 Бахи, семья 340, 350
 Бах-Балаховская И.А. 340, 350
 Бахман Г. 218
 Бейлис М. 76
 Бекетовы, семья 213
 *Бедный Д. (Придворов Е.А.) 230
 Беленсон А.Э. 465, 466, 486, 492-495, 510, 511, 523
 Белоусов И.А. 58
 *Белый А. (Бугаев Б.Н.) 8, 12, 19, 23-25, 31, 34-37, 43-46, 48-52, 54-56, 130, 167, 186, 198-201, 202-214, 215-231, 231-292, 305, 320, 346, 373, 396, 397, 420, 430, 452, 475, 476, 515
 Белый И.С. 55, 223, 279, 280
 Беляев, знакомый А.Белого 256
 Бем А.Л. 115
 Бенедиктов В.Г. 11, 13
 Бенкендорф М.И. 385, 450
 Бентовин Б.И. 499, 502, 509, 523
 Берберова Н.Н. 77, 359

- Бердников Я.П. 229
 Бердслей (Бердсли) О. 7
 Берендгоф Н.С. 270, 271
 Бернштейн И.И. (Саня) 426, 460, 464, 467, 469, 472, 474, 475, 480, 482, 486, 489, 498, 499, 502, 509
 Бернштейн Е.Я. 52
 Бернштейн С.И. 465
 Бернштейн Э. 40
 Бертенсон, знакомый семьи Шведе 435, 456
 Бинт А. 95
 Благинина Е.А. 348
 Благой Д.Д. 67, 229, 270
 Блейк У. 163, 164
 Блок А.А. 14, 23, 41, 45, 204, 213, 214, 230, 273, 305, 324, 325, 348, 377, 385, 391, 402, 416, 418, 419, 449, 450, 454, 475, 476, 481, 489, 492, 512, 514, 515, 524
 Блок Л.Д. 48, 475
 Блох Д.Я. 462, 484
 Блох Е.И. 462, 477, 488, 502, 510, 518
 Блох Р.Н. 377, 378, 381, 384, 387-389, 391, 392, 394, 395, 405, 413, 414, 448, 449, 452, 455, 462, 484, 488, 502, 518, 522
 Блох Я.Н. 457, 459, 460, 462, 463, 465, 480, 484, 487, 495, 498, 501, 505, 507, 508, 514, 516-518
 Блохи, семья 458, 460, 462, 464-468, 471, 473, 474, 476-480, 482, 484-487, 490, 492-496, 498, 500, 501, 503, 505, 507-510, 518
 Бобров С.П. 8, 10, 49, 55, 164-169, 177, 179, 182-188, 192, 194-196, 216, 218
 Бобышов М.П. 504, 505, 519
 Богданов-Березовский В.М. 447
 Богданов-Березовский Д.И. 347, 364
 Богомильский Д.К. 242, 251, 252
 Богомолов Н.А. 457-524
 Бодлер Ш. 174, 175, 216, 386
 Божерянов А.И. 471, 473, 474, 478, 479, 481, 484, 488, 490, 491, 497, 498, 501, 502, 505-507, 509, 512
 Божерянова И.В. 486
 Большаков К.А. 166
 Большаков Н.С. 493, 498, 517
 Бор Н. 255
 Бордига А. 83
 Борисов Л.И. 514
 Борисов-Мусатов В.Э. 20, 41
 Боссэ Г.А. 441, 456
 *Боттичелли С. (Филиппи А.) 465
 Боцяновский В.Ф. 18, 19, 40, 493, 519
 Боярский (А.И.?) 469
 Браз О.Э. 437
 Брамс И. 487
 Браун Ф.А. 101
 Брешко-Брешковский Н.Н. 137, 138, 150
 *Бриан (Шмаргонер М.И.) 403, 453
 Брик Л.Ю. 502, 516
 Брик О.М. 327, 345, 490, 516
 Бродский, моск. профессор 67
 Бродский, знакомый М.А.Кузмина 493
 Бронников М.Д. 355, 357, 374, 391, 392, 419, 420, 424, 425, 432, 433, 435, 440, 448, 451, 454
 Бронштейн Н., книготорговец 475
 Броуд Е., журн. 106
 Броуд Л.Е. 106, 107
 Брошниковская О.Н. 424, 455
 Бруни Л.А. 457, 475
 Брюсов В.Я. 7-9, 11-13, 17-19, 21-30, 32-37, 39-41, 43-47, 49-51, 53, 56, 58, 64, 67, 68, 130, 179, 198, 201, 217, 218, 222, 226, 230, 283, 318-320, 324, 326, 330-337, 339-341, 344, 346-350, 518
 Брюсова И.М. 41
 Брюсова Л.Я. 179
 Брюсова Н.Я. 41
 Брянский, знакомый М.А. Кузмина 508
 Бугаев Н.В. 25, 205
 Бугаева К.Н. см. Васильева К.Н.
 Буданцев С.Ф. 288
 Будберг М. см. Бенкендорф М.И.

- Булатович А.К. 515
Булгаков М.А. 54, 56, 217, 247,
253, 254, 256, 257, 351
Булла К.К. 475, 514
*Бунаков И. см. Фондаминский
И.И.
Бунин И.А. 137, 138
Бунина, сослуживица А.И. Онош-
кович-Яцыны 372
Бурцев А.Е. 458, 478, 479, 483,
491, 492, 495, 503, 524
Бурцев В.Л. 75, 88, 92, 93, 95-97,
101, 115, 145-147, 152-154, 157,
158
Бухарин Н.И. 55
Буш В. 449
*Вагинов (Вагенгейм) К.К. 333,
348, 423
Ваксмут, знакомый А.Белого 240
Валерская Е.К. 496, 519
Вальтер Голяк 87, 89
Василевский (*Не-Буква) И.М. 58
Василенко С.В. 321
Васильев, морской офицер 359
Васильев П.Н. 244-246, 248, 249,
252, 253, 262
Васильева (урож. Алексеева) К.Н.
55, 215, 217, 225, 226, 229, 233,
234, 236-241, 244-246, 248-250,
252-256, 259-270, 272, 275, 276,
279, 286, 287, 290
Васильева О.К. 359
Васильевский В.Н. 287
Васильевы, семья 255, 268, 276
Васнецов В.М. 23
Вахтина П.Л. 452, 456
Введенский А.И., прот. 418, 454,
481, 514, 515
Вейнер П.П. 420, 454, 489, 519
Великанов М.А. 248, 270
Великанова А.А. 248
Вельмин А., журн. 115
Вельтман Е.А. 456
Вельтман К. 456
Вельтманы, семья 442, 456
Вендзягольский К.М. 107
Веневитинов Д.В. 11
Венедиктов А.И. 471, 472, 474,
475, 513, 519
Вербицкая А.А. 333, 348
Вергилий 479, 493, 501, 511
*Вересаев (Смидович) В.В. 18, 40,
58, 61, 62, 222, 230, 270
Верлен П. 20, 49, 333, 348
Верхарн Э. 20, 28, 47, 423
Верховский Ю.Н. 421, 423, 489
Веселовский А.Н. 45
Виктор-Эммануил, кор. 102
Винавер М.М. 136
Виноград Е.А. 169
Винокуров А. 58
Виньи А. де 46
Вишняк М.В. 113
Владимиров В.В. 44
Владимирова Т.М. 375, 420, 424,
425, 434, 448, 455
Воинов В.В. 461, 479
Войцеховский С.Л. 115
Волгин В.П. 55, 221, 225
Волков М.И. 61
Волкова Н.Б. 231
Волнухин С.М. 40
Волошин М.А. 12, 28, 29, 32, 41,
46-48, 217, 241, 243-246, 324,
325, 335, 336, 346, 349, 350, 441
Волошина М.С. 241, 243, 244, 246
*Волынский (Флексер) А.Л. 372-
374, 379, 418, 426
Волькенштейн В.М. 8, 9
Вольфсон Е.И. 12
Воровский В.В. 88, 89, 100, 102,
117, 121, 149, 346
Воронин С., театровед 265
Воронский А.К. 252, 265, 272, 274-
276, 287
Воутилейнен В.И. 103, 105
Врангель П.Н. 74, 86, 91-94, 96-
99, 107, 152
Врубель М.А. 24, 44
Врхлицкий Я. 303, 305, 313
Всеволод Николаевич, знакомый
П.Н. Зайцева 253
Вундт В. 208, 212

- Вырубов В.В. 106
 Высковатов А.Т. 316
 Высокосова, знакомая Ю.И. Юр-
 куна 484, 502
 Высоцкие, семья 113, 163
 Вышеславцев Н.Н. 275
 *В-н см. Волькентшейн В.М.
- Гавронские, семья 113
 Гаген-Торн Н.И. 254
 Галл Дж. 434
 Гамсун К. 20, 41, 42, 203, 204
 Ганфман М.И. 138, 139
 Гапон Г.А. 106
 Гаприндашвили В. 281
 Гарибальди Дж. 88, 155
 Гарин, знакомый А.Белого 265
 Гарэтто Э. 43, 73-158, 198
 Гауптман Г. 42
 Гвоздев А.А. 454, 456, 490, 517
 Гвоздева (урож. Шумкова, во 2-м
 браке Султанова) Н.В. 420,
 421, 426, 434, 454, 456, 490
 Гейдебрандт В. фон 240
 Гейден Л.П. 429
 Гейне Г. 297, 312, 349
 Гейнер К. 323
 Гельмерсен П.В. 441, 442, 456
 Герасимов М.П. 58, 64
 Герней Э. 212
 Гершенгорн И., подпольщик 317
 Гершензон А., поэт 348
 Гершензон М.О. 239, 241, 242
 Герье В.И. 16, 38
 Гессен И.В. 74, 116, 120, 121, 127,
 133, 134, 140
 Гессен С.И. 120, 121
 Гете И.В. 167, 186, 187, 297, 312,
 344, 346, 469, 492, 516
 Гзовский А.И. 115
 Гишман К.Э. фон 511, 513
 Гильбо А. 58, 69
 *Гиль (Гильбер) Р. 20, 41, 313
 Гиляровский В.А. 221
 Гиммельфарб С.Г. 482, 520
 Гиппиус З.Н. 19, 31, 77, 111, 115,
 129-133, 135, 136, 141
- Гира Л. 307, 314
 Гитин В. 231
 *Гитлер А. 91
 Гладков Ф.В. 253, 254
 Глазунов А.К. 475, 514
 Глебова-Судейкина О.А. 457, 460,
 461, 466, 471, 475, 492, 496, 500,
 502-504, 517
 Гливенко И.И. 330, 347
 Глинка М.И. 459
 *Глинская (Беленсон) Ф.А. 486,
 487, 523
 Глиэр Р.М. 305
 Глоба А.П. 58, 64, 65
 Глушков Д. 429
 Гнесин М.Ф. 305
 Гогоберидзе, знакомый А.Белого
 283
 Гоголь Н.В. 14, 506, 518
 Годар Б. 409
 Голиков В.М. 51
 Головин А.Я. 503, 523
 Голлербах Э.Ф. 477, 493, 517
 *Голов И. см. *Садовской Б.А.
 Голов И.И. 52
 *Голодный (Эпштейн) М.С. 348
 Гольцев В.А. 16, 38
 Гончаров И.А. 22, 43
 Гораций (Квинт Гораций Флакк)
 401, 453
 Горлин М.Г. 449
 Горнунг Л.В. 217, 218, 243
 Горовиц В.С. 428
 Городецкий С.М. 11, 12, 242, 380
 *Горький М. 75, 76, 97, 101, 102,
 111, 112, 141, 242, 272, 273, 323,
 325, 344-346, 360, 371, 385, 493,
 522
 Готовцев В.В. 280
 Готфрид Бульонский 125
 Гофман В.В. 9, 35, 51, 178, 179
 Гофман Э.Т.А. 163, 170, 178, 179,
 459, 460
 Гощи К. 500, 518
 Гоцы, семья 113
 Грановская Е.М. 423, 498
 Грекова, докладчица в СП 425

- Гречишкин С.С. 50, 198, 514
 Гржебин З.И. 233, 236, 462, 470,
 482, 483, 485, 520, 524
 Гржебины, семья 493
 Григ Э. 420
 Григорков Ю.А. 99-101, 103-105,
 107, 108, 141, 157
 Григоров Б.П. 239
 Григорова Н.А. 239
 Григорьев Б.Д. 523
 Громов В.А. 256, 258, 280
 Гроссман Л.П. 11, 265, 344
 Грудзинский М.Ц. 140, 141
 Груздев И.А. 62, 423
 Грузинов И.В. 319, 345
 Грушка А.А. 16, 17, 33, 38
 Грушко Н.В. 485, 516
 Губарев Б.К. 321
 Гудзий Н.К. 67, 230
 Гудиашвили, знакомый А.Белого
 281
 Гукасов А.О. 138, 139
 Гумилев Н.С. 12, 324, 325, 348,
 373, 375, 376, 379, 383, 384, 387,
 388, 391, 392, 397-401, 403, 408,
 413, 434, 449, 452-456, 462, 467,
 468, 474, 483-485, 489, 506, 511-
 513, 515, 520, 521
 Гумилева (урож. Энгельгардт)
 А.Н. 459, 520
 Гуревич А.М. 247, 250
 Гурко В.И. 124
 Гурмон Р. де 20, 41
 Гучков А.И. 116, 117
 Гюго В. 46

 Давыдов Д.В. 11
 Давыдов З.Д. 246
 Давыдов Ю.В. 79
 Д'Альгеймы, род 194, 196
 Даманская А.Ф. 125-127, 129
 Д'Амелиа А. 522
 Данзас К.К. 41
 Д'Аннунцио Г. 42, 87-89, 100, 103
 Данте Алигьери 52, 456
 Дарская Л., знакомая М.А. Куз-
 мина 458

 Дебюсси К. 23, 466, 472
 Декарт Р. 207, 211, 212
 Делорм М. 27, 46
 Дельмас (Андреева-Дельмас)
 Л.А. 475, 520
 Денике Б.П. 471, 520
 Деникин А.И. 94, 107, 108
 Денисов Н.Х. 138, 139
 Державин Г.Р. 9, 11
 Дзержинский Ф.Э. 78, 104
 Диевский М.Г. 497, 520
 *Дикгоф-Деренталь А.А. 75, 104,
 106-108, 110, 111, 114-116, 118,
 123, 136, 140, 142, 144, 146, 147,
 150, 152-154, 157
 Дикушина Н.И. 517
 Динерштейн Е.А. 274
 Дмитриев П.В. 523
 Добиаш-Рождественская
 О.А. 453
 Добкин А.И. 73-158
 Доброславский, знакомый А.И.
 Оношкович-Яцыны 364
 Добужинские, семья 430, 432
 Добужинский В.М. (Доля) 432
 Добужинский М.В. 358, 419, 428,
 430, 432, 471, 510, 520, 521
 Добужинский Р.М. 520
 Доде А. 423
 Дойл А.К. 420, 457
 Долгополов Л.К. 49
 Долинов А.И. 520
 Долинов М.А. 511
 Долинова Е. 494, 520
 Долинская Л.И. 427
 Долинские, соседки по даче А.И.
 Оношкович-Яцыны 426
 Домбровский А.Н. 115
 Достоевский Ф.М. 17, 20, 25, 157,
 373
 Драхенфельс, знакомый А.Белого
 240
 Дриго Р. (Р.Е.) 375
 Дункан А. 23
 Дурылин С.Н. 55, 164, 216, 218
 Дьякова О. 114
 Дебюше Е.К. 376, 449

- Дюма А. 512
 Дягилев С.П. 453, 516, 519
- Евреинов Н.Н. 463, 480, 511, 516
 518, 520
 Евреинова Н.Н. 486, 520
 Евстигнеева А.Л. 316-351
 Елец Ю.Л. 150
 Егорьев В.Е. 446, 455
 Егорьева А.В. 455
 Егорьева А.И. 441, 455
 Егорьевы, семья 434, 440, 441,
 443, 444, 455
 Ежов И.С. 67, 218, 238
 Екатерина I, имп. 42
 Екатерина II, имп. 7
 Екатерина Карловна, сестра Э.К.
 Макшеевой 372, 448
 Елизавета Николаевна, знакомая
 М.А. Кузмина 474
- *Ел-ский 12
 Емельянов-Коханский А.Н. 24, 44
 Ермолаева В.М. 433, 444, 455
 Ершов И.В. 475, 520
 Есенин С.А. 56, 217, 242, 249, 305,
 434, 512
 Ефимовский Е.А. 149
- Жамм Ф. 451
 Жанна Д'Арк 208, 212
 Жаннен М. 94
 Желябов А.И. 73
 Жемчужникова М.Н. 236, 239, 246
 Жерве Б.Б. 441, 456
 Жилкин, знакомый А.Белого 256
 Жирмунский В.М. 290, 292, 465,
 468
 Жиц Ф.А. 230, 270
 Жуковский В.А. 134
 Жуковский Н. 89
- Забубенов Н.И. 222
 Завадская Н.В. см. Локс Н.В.
 Зайцев Б.К. 61, 230
 Зайцев П.Н. 54-57, 57-69, 215-
 231, 231-292
 Зайцева М.С. 226, 279, 286, 290
- Закревская М.И. см. Бенкендорф
 М.И.
 Залшупина Н.А. 461, 463, 465,
 468, 478-481, 520, 521
 Залшупины, семья 458
 Заяцкий С.С. 54
 Зальца А.И. 39
 Замятин Е.И. 102, 327, 345, 346,
 418, 421, 454, 502-504, 508
 Збарский Б.И. 168, 186, 187
 Зволянский С.Э. 88, 89
 Звягинцева В.К. 218
 Зедделер А.Л. 107, 108
 Зедделер Л.Л. 108
 Зеленая Р.В. 345, 426
 Зелинский Ф.Ф. 386, 398, 401, 451
 Зелюк О.Г. 121, 122
 Земсков, владелец лавки 486, 487,
 520
 Зенгер Е.Н. 14
 Зенкевич М.А. 242
 Зеньковский В.В. 115
 Зив (Вихман) О.М. 391, 434, 451,
 506, 520, 522
 Зигурд, матрос 497
 Зильберберг Е.И. 145
 *Зиновьев Г.Е. 96, 104, 121, 144,
 146, 149
 Зиссерман Д.З. 457, 520
 Злобин В.А. 115
 Зозо, гувернантка А.И. Оношко-
 вич-Яцыны 356
 Зозуля Е.Д. 62, 488
 Зоргенфрей В.А. 418
 Зотов В.Р. 37
 Зубакин Б.М. 327-331, 344
 Зубарев Д.И. 73-158, 454
 Зубова, знакомая А.Е. Адалис
 327
 Зунделевич Я.О. 319
- Ибн-Аби-Адглат 349
 Ибсен Г. 42
 Иван IV Грозный, царь 8
 Иванов Вс.Вяч. 62, 271, 272, 276
 Иванов Вяч.И. 26, 39, 40, 45, 167,
 226, 230, 240-242, 288, 452

- Иванов Г.В. 379, 398, 400, 403, 405, 407, 452, 453, 459, 463, 465, 471, 497, 499, 511, 515, 517, 520
- Иванов Д.В. 241, 242
- Иванов Е.П. 253
- *Иванов-Разумник Р.В. 215, 217, 235, 239, 242, 250, 253, 254, 270, 346
- Иванова Л.В. 242
- *Изгоев (Ланде) А.С. 137
- Измайлов А.А. 10, 29, 47
- Израилевич Я.Л. (Жак) 468, 495, 520
- Илиодор (Труфанов С.) 514
- Ильинский Б.Д. 68
- Ильяшенко, кузен А.Белого 268
- Инбер В.М. 346
- *Ионов (Бернштейн) И.И. 494, 495
- *Каверин (Зильбер) В.А. 325
- Кавтарадзе А.Г. 94
- Каган А.С. 457, 458, 461, 465, 466, 468, 473, 478, 480, 481, 485, 486, 494, 495, 501, 505, 510
- Каганы, семья 507
- *Кадашев В. см. Амфитеатров В.А.
- Казин В.В. 242, 275, 288
- Казотт Ж. 518
- Кайев А.А. 50
- Калабухов А.И. 92, 94
- Калинин М.И. 228
- Каллиников И.М. 150
- Кальдерон де ла Барка П. 298, 313
- *Каменев Л.Б. 136, 149
- *Каменева О.Д. 242
- *Каменецкий Б. см. Айхенвальд Ю.И.
- Канивез (по 1-му браку Раскольникова) М.В. 287
- Канкарович А.И. 475, 477, 497
- Каннегисер Л.И. (Леонид) 522
- Каннегисер Л.И. (Лулу) 466, 480, 504, 509, 510
- Каннегисер Р.Л. 522
- Каннегисеры, семья 473
- Кант И. 33, 207
- Каплун (Каплан) Б.Г. 253, 463, 473, 520
- Каплун (*Сумской) С.Г. 251, 520
- Карамзин Н.М. 39
- Караулов Г.Э. 491, 516
- Кардовский Д.Н. 521
- Карл V 196
- Карпов В.Л. 168, 186, 187
- Карпов Л.Я. 187, 192, 196
- Карпова А.С. 192, 196
- Карташев А.В. 115
- Каспрович М. 306, 314
- Каспрович Я. 306, 314
- Кастрем, финский министр 447
- Катаев В.П. 317
- Катарадзе, груз. писатель 281
- Катулл Г.В. 452
- Каукаль В.Ф. 391, 434, 451
- Кауричев Н.С. 327, 345
- Кауфман А.Е. 473, 520
- Каченеленбоген И.М. 381, 385, 450
- Квашонкин, хранитель музея 437
- Кезельман Е.Н. 260, 264, 269
- Керенский А.Ф. 74, 77, 91, 100, 124, 129, 137, 145
- Керзон Дж.Н. 455
- Киплинг Дж.Р. 355, 359, 375, 413, 418, 420, 421
- Киреевская Г.С. 281
- Кирилл Владимирович, вел. кн. 122, 144
- Кириллов В.Т. 58, 344
- Кирпичников А.И. 16, 37, 38
- Кирьянов Н., друг Ю.И. Юркуна 496, 497, 502
- Китс Дж. 163, 180, 181
- Клейст Г. фон 192, 421, 454
- Климов Н., знакомый М.А. Кузмина 466
- *Клычков (Лешенков) С.А. 58, 216, 257
- Клюев Н.А. 521
- Клюева В.Н. 344
- Ключевский В.О. 16, 37, 38
- Кнорре Ф.Ф. 487, 488, 492-495, 521
- Кобылинский Л.Л. см. *Эллис

- Коваленская А.Г. 33, 50
 Коган, издатель 421
 Коган А.Э. 516
 Коген Г. 162, 163, 172, 173
 Кожебаткин А.М. 231, 232, 288
 Козерадский С.Э. 363-366, 376, 382, 391, 396, 409, 447
 Козлинский В.И. 469, 521
 Козлов А., сотр. През. ВС 229
 Козловский Л. 115
 Козырев М.Я. 61
 Козьмин Б.П. 7
 Койранский А.А. 22, 23, 29, 43, 44, 517
 Колоницкий Б.И. 124
 Колридж С.Т. 413, 453
 *Коль-коль см. Эфрос Н.Е.
 Колумб Х. 88
 Колчак А.В. 74, 94, 108
 Конан-Дойль см. Дойл А.К.
 Коневской И.И. 17, 39, 195
 Кони А.Ф. 402
 Конради М.М. 116, 117
 Коонен А.Г. 347
 Копельман С.Ю. 236
 Коппелевич (Коппелович), сотр. изд-ва 241, 244, 245
 Коренев М.М. 265
 Корещенко А.Н. 22, 43
 *Коржавин (Мандель) Н.М. 77
 Корнилов, сослуживец А.И. Оношквич-Яцыны 389
 Корнилов Л.Г. 74, 118, 137
 Коровины, семья 217
 Костко Е.А. 361
 Котрелев Н.В. 42, 289
 *Крайний А. см. Гиппиус З.Н.
 Красин Б.Б. 245
 Крахт К.Ф. 55
 Крейн А.А. 305
 Кремер И.Я. 467, 512
 Кречетов Р. 518
 *Кречетов С. см. Соколов С.А.
 Кржевский Б.А. 430, 441, 442, 444, 445, 455
 Кржижановский С.Д. 275
 Кржимовская Е., музыковед 314
 *Криницкий М. (Самыгин М.В.) 24, 45
 Кристи М.П. 426
 Кричевские, семья 467
 Кричевский, сосед А.И. Оношквич-Яцыны 422
 Кроленко А.А. 465, 521
 Кроль И.М. 507
 Крымов Н.П. 31, 49
 Кубиков И.Н. 67
 Кузмин М.А. 7, 253, 305, 373, 384, 402, 443, 457-510, 510-524
 Кузнецов Е.М. 459, 463, 492, 502, 510, 511
 Кузьмин Н.В. 49
 Куйбышев В.В. 229
 Куманов П.Я. 59
 Кун А.Н. 450
 Кун Л.Н. (Синяя птица) 358, 368, 375, 380, 382, 396, 403, 404, 412, 415, 416, 440, 447, 450, 453
 Кунина Е.Ф. 171, 172, 344
 Куны, семья 368, 375, 385, 394, 429
 Куприн А.И. 101
 Купченко В.П. 246
 Курилко М.И. 369, 370, 388, 408, 409, 448
 Курников В.А. 19, 21, 26, 27, 34, 35, 40
 Курошева А.И. 455
 Курсинский А.А. 28-30, 32, 45, 48
 Курцев П., подпольщик 317
 Кусевицкий С.А. 293
 *Кусиков (Кусикян) А.Б. 239, 249
 Кускова Е.Н. 116, 117, 120, 121, 124, 125, 127, 128, 143
 Кустодиев Б.М. 507, 518
 Кутепов А.П. 91, 93, 153, 357
 Лавров А.В. 50, 198-214, 251, 266
 Лавров В.М. 16, 38
 Лавровский В.К. 460
 Лагерлеф С. 451
 Лазарев Е.Е. 147
 Лазаревский Б.А. 48
 Лакшина, знакомая А.Белого 265

- Ланг А.А. 211
Ланге Т. 218
Ландсберг Г. 42
Ланн Е.Л. 346
Лапшин И.И. 515
Ларонов М.Ф. 455
Лаубе В.А. 356, 380, 395, 396, 450
Лахтин Л.К. 205
Лебедев Я.М. 234
*Лебедев-Кумач В.И. 226
*Лебедев-Полянский П.И. 57-66, 68, 69, 219
Лебедева С.Д. 469, 522
Левандовский, владелец дачи 249
Леви, соседи М.А. Кузмина 515
Левин, знакомый М.А. Кузмина 494
Левин, литератор 229
Левинсон, поэт 388
Левит Т.М. 319
Левитан В.И. 17, 39
Легар Ф. 518
*Лежнев И. (Альтшулер И.Г.) 247, 250, 251, 488, 519
Лейбниц Г.В. 207
Лейкина-Свирская В.Р. 424, 455
Лекок Ш. 518
Леконт де Лиль Ш. 359, 379, 384, 388, 409, 449
Лекуврер А. 441
Лемке М.К. 43
Ленау Н. 297, 312
*Ленин В.И. 96, 104, 126, 141, 187, 324, 429
Леоне (Леони) Ф. 95-101, 103, 104
Леонидзе Г.Н. 277, 281
Леонидов В.В. 79
Леонов Л.М. 230, 253, 254
Леонтьев К.Н. 173
Лермонтов М.Ю. 30, 123, 260, 264
Лернер Н.О. 11
Лесков Н.С. 499
Лесман М.С. 510
Леткова-Султанова Е.П. 428, 454
Лжедмитрий I, царь 7, 14
Ли Ю. 22, 43
Ливингстон Д. 328, 346
Лившиц (Лифшиц) Б.К. 218, 430
Лидин В.Г. 41, 55, 56, 61
Ликиардопуло, род 26
Ликиардопуло М.Ф. 19, 25-27, 31, 32, 34-36, 40, 45, 46, 51
Линч, этнограф 279
Лисенко Л.К. 469, 492, 521
Лисенков Е.Г. 524
Лист Ф. 362
Листовский И.И. 179
Литвин Е.Ю. 229
Лихачев Н.П. 451
*Лихутин см. *Садовской Б.А.
Лишинская (Кашницкая) В.А. (Кума) 459-461, 473, 493, 524
Лодж О.Д. 211, 212
Лозина-Лозинский В.К. 409, 453
Лозинская (урож. Макаревич) А.И. 388, 451
Лозинская И.В. 452
Лозинская Н.М. 392, 393, 412
Лозинская Т.Б. 388, 412, 415, 416, 424, 439, 442, 451, 453
Лозинские, семья 424
Лозинский Г.Л. 388, 416, 423, 451, 524
Лозинский М.Л. 356, 358, 359, 374-430, 433-446, 448-454, 456, 518
Лозовский Л. 265
Локс Н.В. 170
Локс К.Г. 161-197
Лондон Дж. 438
Лопатин Г.А. 75, 93, 101
Лопухин А.А. 88, 89
Лосский Б.Н. 515
Лосский Н.О. 515
Луговой В.А. 218
Лукницкая В.К. 506
Лукомский Г.К. 517
Луначарский А.В. 233, 235, 236, 241, 267, 346, 349, 517
Лундберг Е.Г. 190, 192, 283
Лундберги, семья 283
Луниц Л.Н. 384, 503, 521

- Лурье А.С. 457, 460, 471, 475, 476, 487, 492, 503, 504
 Львов Л., журн. 314
 Львов-Рогачевский В.Л. 64
 Львова Н.Г. 13
 Люком Е.М. 375
 Лялин А., журн. 149
 Ляндау К.Ю. 458, 521
 Ляшко Н.Н. 61, 64
- Магаротто Л. 281
 Магеровский Л.Ф. 147
 Мадзини Дж. 88
 Мазини А. 21, 42
 Майерс Ф.У.Г. 211, 212
 Майкельсон А.А. 257
 Майков А.Н. 17, 39
 Макдональд Дж.Р. 153
 Максимов В.В. 423
 Максимов Д.Е. 514
 Макшеев Ф.А. 357, 372
 Макшеева О.Ф. 357, 372, 448
 Макшеева Э.К. 372, 448
 Макшеевы, семья 372, 448
 Малашкин С.И. 288
 Малевич К.С. 455
 Малинины, знакомые Шведе 444
 Малишевский М.П. 319
 Малкина Е.Р. 377, 378, 381, 384, 387, 388, 395, 414, 421, 424, 425, 439, 448-451
 Малкина И.Р. см. Рождественская И.Р.
 Мальшкин А.Г. 62
 Мальстад Дж. 55, 215-292
 Ма-Люси 327
 Мамонтов С.И. 49
 Мандельштам И.Б. 466, 473, 480, 481, 502, 504, 508, 510
 Мандельштам М.А. 480, 481, 504, 510
 Мандельштам Н.Я. 321
 Мандельштам О.Э. 66, 257, 320, 321, 387, 398, 400, 402, 405, 452, 453
 Маннергейм К.Г.Э. 99, 101, 103
 Мансуров П.А. 460, 521
- Маньковский К.М. 479, 504, 505, 521
 *Мар (Чалхушьян) С.Г. 330, 347
 Маргарян А.Е. 41
 Марджанов (Марджанишвили) К.А. 478, 514, 517, 521
 Мариенгоф А.Б. 319, 345
 Мария Ивановна (Ниби), бонна А.И. Оношкович-Яцыны 356, 370, 372, 376, 393, 448
 Мария Стюарт 168, 187
 Маркс К. 40
 Марциал М.В. 17, 38, 39
 Маршнер Г.А. 524
 Матруни Б.А. 280
 Маттеотти Д. 155
 Масарик Т. 74, 146, 150
 Массне Ж. 467, 512
 Махров П.С. 92, 94
 Мацевский И.И. 115
 Маяковский В.В. 56, 166, 168, 194, 345, 347, 434, 452, 516
 Медведев П.Н. 251
 Мей Л.А. 11, 16, 37
 Мейер, сослуживец А.И. Оношкович-Яцыны 372
 Мейер А.А. 253
 *Мейербер Дж. (Бер Я.Л.) 447
 Мейерхольд В.Э. 254, 262-265, 269, 270, 272
 Мейчик А. 389
 Мельгунов С.П. 110, 111, 113-115, 117
 Мельников-Печерский П.И. 39
 Менжинский В.Р. 55, 490, 516, 518
 Меншиков А.С. 14
 Мережковский Д.С. 114, 115, 129, 131-134
 Мериме П. 171
 *Мерич А. см. Даманская А.Ф.
 Метерлинк М. 20
 Метнер Э.К. 10, 187
 Мешков Н.М. 164, 182-184, 222
 Мещеряков Н.Л. 58, 59, 61, 67
 Миклашевская И.С. 459, 520
 Миклашевские, семья 481

- Миклашевский К.М. 462, 464, 472, 494, 511, 521
 Милашевский В.А. 49, 358, 421, 426, 457, 459, 460, 462, 463, 465-471, 492, 494-507, 509, 513, 514, 516
 Милиоти В.Д. 27, 31, 46
 Милоков П.Н. 74, 118, 120, 122, 135, 140, 142, 143, 409
 *Мимоза см. *Садовойской Б.А.
 Минин П., журн. 39
 *Минский (Виленкин) Н.М. 324
 Минц З.Г. 198
 Миомандр Ф. 427, 430, 455
 Михайлов Н.И. 502
 Михальцев Е.В. (Инженер) 463, 482, 485, 497
 Михальцева К.А. 482, 485, 497
 Михельсон, библиофил 458, 521
 Михельсон А.А. см. Майкельсон А.А.
 Михин М.П. 255, 261
 *Млавич Л. см. Курсинский А.А.
 Млечин Л. 139
 Мнишек М. 7
 Могиланский М.М. 48, 511
 Мозжухин А.И. 459, 461, 472, 502, 510, 520
 Мозжухин И.И. 520
 Мозжухина К.А. (*Карини К.) 471, 520
 Мозжухины, семья 460, 462, 464, 472, 480, 486, 487, 489
 Моисеев В., знакомый А.Белого 260, 275
 Мокульский С.С. 434, 455
 *Мольер (Поклен Ж.Б.) 490
 Монтгомери Б.Л. 427
 Моня, друг Ю.И. Юркуна 467-491
 Мопассан Г. де 478, 514
 Моргенштерн К. 273
 Морис Саксонский 441
 Морозов Н.А. 68, 69
 Морозов П.О. 511
 Морозов, сын П.О. Морозова 463, 511
 Моцарт В.А. 463, 464, 487
 Мочалова О.А. 319, 321, 322, 325, 347, 350
 Мочульский К.В. 230
 Мравян А.А. 283
 *Мск А. 51
 *Мстиславский (Масловский) С.Д. 275, 283, 288
 Муйжель В.В. 386
 *Муни (Кисин С.В.) 177, 179, 218
 Мур Т. 134
 Муравьева Е.А. 14
 Мусоргский М.П. 459, 518
 Муссолини Б. 77-79, 88, 89, 95-97, 100, 102, 109, 110, 116, 120, 121, 137, 146, 147, 150, 155
 Мутафова, знакомая А.Белого 268
 Мухин А.П. 113-115
 Мухин В.В. 461, 465, 466, 487, 500
 Мухин С.А. 459, 479, 521, 522
 Мухины, семья В.В. Мухина 462, 465
 Мыльников В.Г. 54
 Мягков А.Г. 75, 114
 Мягкова (урож. Савинкова) В.В. 75, 78, 98, 107
 Мясоедов С.Н. 152
 *М-и В. см. Милиоти В.Д.
 Набоков В.Д. 117
 Нагловский А.Д. 89
 Нагродская Е.А. 465, 512
 Надирадзе К. 281
 Надсон С.Я. 30, 426
 Назаревская Г.А. 270
 Накоряков Н.Н. 360
 Напельбаум И.М. 424, 434, 445, 455, 456
 Напельбаум Ф.М. 424, 434, 445, 455, 456
 Нарбут В.И. 55, 221, 232
 Наседкин В.Ф. 348
 Натансон М.А. 152, 153
 *Не-Буква см. Василевский И.М.
 *Неверов А. (Скобелев А.С.) 64

- Нейман А. 323
 Некрасов Н.А. 144
 *Нельдихен (Ауслендер) С.Е. 373, 404, 405, 407, 408, 411, 448, 452, 453, 497
 Немирович-Данченко Вас.И. 467, 512, 521, 522
 Нехорошев Н.И. 104, 106
 Нечаев В.П. 280
 Нечкина (урож. Северова) Н.С. 467, 512
 Нечкина М.В. 512
 Нечкины, семья 467
 *Нижегородский Б. см. *Садовской
 Никитин Н.Н. 62, 288, 434
 Никитина Е.Ф. 257, 258, 267, 270, 276, 280, 282, 284, 291, 350, 351
 Никиш А. 23, 44
 Николай II, имп. 13, 87, 448
 Николай Николаевич (мл.), вел. кн. 76, 93, 96-98, 122, 145-147, 149, 150
 Ниландер В.О. 33, 46, 50, 248
 Ницше Ф. 19, 40
 Нобель Г.Л. 138, 139
 Нобль Б. 294, 295, 308-312
 Нобль Л. 294-312, 314, 315
 Нобль Э. 293-295, 306-310
 Нобль, семья 294, 295, 304, 306
 Новиков И.А. 61, 344
 Новицкий, критик 442
 Новожилов Ю., знакомый Шведе 439
 Новожиловы, знакомые Шведе 434
 Нокс А. 90
 Нотгафт Ф.Ф. 471, 521
 Нувель В.Ф. 488, 519

 Обер Т. 149
 Обух-Воцатынская Б.И. 369
 Обух-Воцатынская (в браке Стравинская) М. 355, 369, 380, 385, 396, 433, 448
 *Одоевцева И.В. (Гейнике И.Г.) 387, 397-399, 401-404, 407, 411, 451-453, 497, 511

 Озол (Озол), сотр. ВЧК-ОГПУ 118, 119, 123, 124
 Олеша Ю.К. 317
 Оловянишникова М.И. 42
 Ольденбург С.Ф. 225
 Оношкович-Яцына (в браке Шведе) А.И. 355-360, 361-446, 447-456
 Оношкович-Яцына А.Н. (тетя Делла) 446, 456
 Оношкович-Яцына В.И. 446, 456
 Оношкович-Яцына И.И. (Джон) 356, 361, 362, 364, 367, 368, 370-372, 375, 376, 388, 396, 399, 403, 406, 408, 409, 411-413, 415, 420-422, 432, 435, 436, 439, 446, 447
 Оношкович-Яцына Ив.Ф. 356, 365, 375, 376, 429, 449, 455
 Оношкович-Яцына Иос.Ф. (дядя Юзя) 363, 412, 413, 416, 443, 447, 456
 Оношкович-Яцына Н.И. 356, 361, 362, 365
 Оношкович-Яцына Н.С. (тетя Наташа) 362, 363, 376, 412, 446, 447, 456
 Оношкович-Яцына Н.Ф. 446, 456
 Оношкович-Яцына (урож. Орлова) О.В. 355, 356
 Оношкович-Яцына С.И. 356, 420, 429, 455
 Оношкович-Яцына (урож. Висьмонт) Ст.И. 356, 361, 363, 375, 376, 380, 393, 396, 404, 406, 409-412, 415, 421, 422, 429, 435, 436, 439, 446, 447, 455
 Оношкович-Яцына Ф.А. 355, 356, 429, 455
 Оношкович-Яцына, семья 450, 453
 Орг Г.А. 467-469, 471, 474, 475, 521
 Орешин П.В. 242, 275
 Орлов В.Г. 151-153
 Орлов В.Н. 48
 *Останин Н. см. Петровская Н.И.
 Остроумова-Лебедева А.П. 346
 Оцуп Н.А. 359, 379, 384, 399-401,

- 404, 407, 408, 448, 452, 453, 467,
468, 502, 508, 521
- Оцуп П.А. 368, 448
- Оцупы, семья 448, 502, 506
- Павел I, имп. 7
- Павлович Н.А. 402, 503, 521
- Павловский С.Э. 98
- * Пальмский (Бамбашевский) Л.Л.
468, 483, 485, 503, 507
- Пантюхов М.И. 31, 49
- Панферов Ф.И. 55
- Папаригопуло Б.В. 461, 462, 475,
477, 481, 485, 486, 491, 492, 496,
500-503, 506, 507
- Папаригопуло С.В. 457, 460, 462,
471, 473, 475, 477, 479, 483, 485,
486, 488-492, 494-496, 498, 500-
503, 507, 509, 510
- Паппе, семья 366, 430, 447
- Паппе А.Л. 430
- Паппе Д.Л. 430
- Паппе Л.Ф. 430, 447
- Паппе М.А. (урож. Окель; Муня)
370, 372, 430, 447, 448
- Парнах В.Я. 346
- Парнис А.Е. 511
- Парнок С.Я. 218
- Пасманик Д.С. 143-145, 150
- Пастернак Б.Л. 55, 56, 161-172,
172-197, 216-218, 225, 229, 233,
235, 236, 241-243, 256, 275, 277,
280, 320, 347
- Пастернак Е.Б. 161-197, 280
- Пастернак Е.В. 161-197, 280
- Пастернак Ж.Л. 173
- Пастернак З.Н. 196, 197
- Пастернак Л.О. 177
- Пастернак (урож. Кауфман) Р.И.
162, 177
- Пастернак Ф.К. 177, 179
- Пашкевич М. 356
- Перегудова З.И. 79
- Пермикин М.Н. 84, 86
- Перовская С.Л. 73
- Персиц Т.М. (Тяпа) 458, 463, 465-
467, 469, 475, 477, 478, 480, 483,
485, 486, 499, 510
- Перхуров А.П. 107, 108
- Перцов П.П. 12, 17, 18, 230
- Петерс Я.Х. 104, 106
- Петерсен В.О. 357, 435, 439, 440,
442-444, 455, 456
- Петр Амьенский 87, 89
- Петр I, имп. 42
- Петрановский В.П. 449
- Петров А.А. 196
- Петров Д.К. 453, 524
- Петров Н.В. (Коля Петер) 461,
513, 516, 518, 522
- Петров-Водкин К.С. 424
- Петровская Н.И. 31, 43, 49, 198-
214
- Петровский А.С. 215, 233, 234,
236, 241, 242, 253, 260, 275, 276,
288, 289
- Петроковский, знакомый А. Бело-
го 268
- Петроний Г. 33, 50
- Пешехонов А.В. 127, 128
- Пикассо П. 262, 265
- Пиль Дж. 524
- * Пильняк (Вогау) Б.А. 61, 217, 242,
243, 245, 247, 249, 252, 275, 276,
420
- Пименова-Нобль Л.Л. 293-304,
306-312
- Пинес Д.М. 215, 232
- Пиотровский А.И. 511
- Пичилкин, знакомый М.А. Куз-
мина 493
- Платон 38, 216, 259, 260
- Платонов С.Ф. 386, 451
- Плетнев Н.А. 524
- Плетнев П. 474, 491, 524
- Плетнев П.А. 42
- По Э. 175, 179, 296, 297, 312
- Поволоцкий Я.Е. 112, 114
- Подгорный Н.А. (Чижи) 461, 521,
523
- Подмор Ф. 211, 212
- Подъячев С.П. 61
- Познанский Б.Н. 59
- Познер В.С. 391, 451
- Познер С.В. 128, 135, 136

- Покляр А. (о.Александр) 446
 Покровский В.Л. 92, 94
 Покровский К.П. 483
 Покровский М.М. 33, 50
 Полевой К.А. 42
 Полежаев А.И. 11
 Полетаев Н.Г. 64
 Поливанов К.М. 217, 229
 Поликарпов В. 287
 Полонская Е.Г. 346, 379, 434
 Полонский В.П. 67
 Полонский Я.П. 11
 Полуниин А.П. 117, 149
 Поляков С.А. 18-21, 23, 26, 27,
 34, 35, 41-43, 45, 46, 48, 51, 204,
 275
 Поляков С.В. 512
 Полякова А.А. 42
 Полякова (урожд. Люссек-Вель-Лу-
 зек) С.Р. 20, 41
 Поляковы, род 20
 Попов И.Ф. 233, 236
 Португалов В.В. 80, 89, 104, 115,
 119, 120, 122, 126, 127, 129, 131,
 132, 135, 138, 140-142, 148
 Поскочин, знакомый М.А. Кузми-
 на 464
 *Посошков И. 119, 121
 Потапенко И.Н. 61, 64
 Поташинский Д.Д. 365
 Потемкин П.П. 513
 Потресов С.В. 137
 Поярков Н.Е. 18, 39
 *Правдин (Трейлебен) О.А. 18, 40
 Преображенская, лектор 268
 Преображенский Н.Ф. 309
 *Приблудный (Овчаренко) И.П.
 512
 Пришвин М.М. 62, 64, 257
 Прокопович С.Н. 116, 117, 120,
 121, 125
 Прокофьев С.С. 305
 Пронин А.Б. 473, 493
 Протопопов А.Д. 76
 Пугачев Е.И. 357
 Пушкарева Н.К. 316-351
 Пушкин А.А. 20, 41
 Пушкин А.С. 9, 16, 20, 21, 25, 33,
 37, 40-42, 53, 56, 123, 165, 179,
 194, 223, 230, 240-242, 267, 268,
 276, 319, 333, 350, 401, 402
 Пушкина (урожд. Гончарова) Н.Н.
 41, 42
 Пшибышевский С. 20, 40, 42
 *Пяст (Пестовский) В.А. 229, 375,
 379, 404, 405
 Рабинович, агент ОГПУ 82, 83
 Радаков А.А. 428, 455, 516
 *Радан Ю. см. Белый И.С.
 Радлов Н.Э. 358, 359, 384, 424,
 429, 433, 443, 444, 450, 461, 497,
 522
 Радлов С.Э. 443, 450, 461, 467,
 469, 472, 475, 483, 485, 489, 493,
 499, 502, 503, 511, 519, 522
 Радлова А.Д. 384, 443, 450, 458,
 461-463, 467, 469, 472, 475, 476,
 478, 483, 485, 489, 492, 493, 496,
 498, 499, 502, 503, 513, 522, 524
 Радлова Н.К. 359, 424, 428, 429,
 433, 439, 443, 456
 Радлова Э.Я. 358, 359, 433
 Разин С.Т. 357
 Разумовский А.В. 242
 Раич С.Е. 125
 Райт (в браке Ковалева) Р.Я. 328,
 331, 343, 347
 Райх З.Н. 262, 264, 265
 *Раскольников (Ильин) Ф.Ф. 276,
 286-288
 Рафальская Е.Б. 348, 349
 Рахманинов С.В. 305, 391
 Рашковская А.Н. 483
 Рашковский Н. 483
 Ребики В.И. 211
 *Рейлли С.Г. (Розенблюм С.) 75,
 78, 109, 152-154
 Рейнольдс Дж. 180, 181
 Рейх Б. 280
 Рем Д. 216, 218
 Ремизов А.М. 75, 129, 130, 132,
 134, 379, 450, 465, 470, 488, 492,
 513, 514, 522

- Ренья А.Ф.Ж. де 379, 413, 414, 449, 454
- Репин И.Е. 23, 29, 48
- Респиги О. 95
- Ретте А. 374
- Рикардо Д. 177, 179
- Рикардопуло (Рикардо), предок М.Ф. Лиқиардопуло 25, 26
- Римский-Корсаков А.Н. 459
- Робакидзе Г.Т. 277, 281
- Роге В. 514
- Роде А. 522
- *Родиан Ю. см. Белый И.С.
- Родичев Ф.И. 115
- Родэ А.С. 141, 493, 522
- Рождественская (урож. Малкина) И.Р. 382, 383, 392, 450
- Рождественская И.С. 313
- Рождественский В.А. 388, 398-400, 405, 423, 450, 452, 453, 464, 475, 487, 512
- Розанов В.В. 203, 204, 493, 517
- Розанов И.Н. 344
- Розанов М.Г. (*Огнев Н.) 55
- Розинер А.Е. 507-522
- Романов М.Ф. 105
- Романовы, династия 138, 144
- Ромашков В.Ф. 503
- Ромашов Б.С. 66, 67
- Ромм А.И. 319
- *Ропшин В. см. Савинков Б.В.
- Ростова Н.В. 470, 522
- Ростовцев Д.И. 260, 267
- Ростовцева О.А. 260, 261, 267
- Рубанович С.Я. 31, 49, 216, 218
- Рубцова Г.В. 374, 388, 448
- *Рудин И. см. Белый И.С.
- Рукавишников И.С. 249, 345, 346, 374, 448
- Рукавишникова Н.С. 327, 345, 346
- Рунт Б.М. 40
- Русинов, знакомый М.А. Кузмина 466, 498
- Рутенберг П.М. 106
- Рыжкина (в браке Петерсен) М.Н. 355, 357, 377, 381-384, 386-395, 398, 401, 405-407, 412, 413, 415-420, 422-425, 428-430, 433, 435, 439, 442, 444, 448, 449, 451, 453, 455, 456
- Рыжков, метранпаж 494
- Рыков А.И. 147
- Рымер В.Н. 115
- *Ры-вский Н. 105
- *Саади (Муслихадин Абу Мухаммед Абдаллах) 333, 348
- *Саади, см. *Садовской Б.А.
- Сабашникова М.В. 464
- Савинков Б.В. 73-79, 80-158
- Савинков В.В. 86
- Савинкова (урож. Ярошенко) С.А. 86, 88, 89
- Садовский А.Я. 7, 8
- *Садовской (Садовский) Б.А. 7-15, 16-37, 37-53, 216, 511
- Сазонов С.Д. 107, 108
- Сакулин П.Н. 241, 242
- Самарин Д. 162
- Самойлович А.С. 42
- Самсонов Б.Д. 137, 138, 151
- Самыгин М.В. см. *Криницкий М.
- Санников Г.А. 229, 271, 272, 275-277, 287, 288, 290
- Санников Д.Г. 271
- Сапунов Н.Н. 20, 41
- Саранчева Л.М. 53
- Сарфатти Г.М. 100, 102
- Сарьян М.С. 283, 286, 288
- Сахар (Лидарцева) Н.Я. 457, 471, 472, 524
- Сведенборг Э. 488
- Светлов М.А. 348
- Свешникова Н.А. 255, 256
- Свинхувуд П.Э. 99, 101
- *Свириденко Ж.А. (Свиридова С.А.) 467, 522
- Свирская Т.А. 64
- Свирский А.И. 61, 64, 65
- Святловский В.В. 469, 471, 493
- *Северянин И. (Лотарев И.В.) 12, 115, 174, 175, 305
- Сельвинский И.Л. 218
- Селянин А., сотр. През. ВС 228

- Семенов М.Н. 21, 28, 40, 42
 Семенов-Тянь-Шанский П.П. 21, 43
 Сергеев В.И. 316, 337, 338, 341-344, 350
 Сергеев И.В. 320, 326, 337-339, 341, 343, 350, 351
 *Сергеев-Ценский С.Н. 288
 *Серебров А. см. Тихонов А.Н.
 *Серебров Н. см. Тихонов А.Н.
 Сернетт Г. 514
 Серов В.А. 260
 Сидоров А.А. 216, 218
 Сидоров Ю.А. 33, 50
 Сильверсван Б.П. 99, 101-105
 Сильникова Л.П. 260, 262
 Скибневская А.Е. 380, 450
 Скитская Т.Л. 428, 455
 Скитский Л.К. 455
 Скобелев М.И. 118, 119
 *Скорбный А. см. Смиренский В.В.
 Скорятин В. 516
 Скрыдлов А.[Н.?] 419
 Скрыбин А.Н. 295, 299, 306, 313, 314, 392
 Слашов-Крымский Я.А. 94
 Слонимский М.Л. 62, 426, 434
 Смиренский В.В. 504, 522
 Смирнов А.А. 420, 454, 461, 522
 Спиноза Б. 22
 Соболев Ю.В. 280
 Соболевский С.И. 161
 *Соболь А. (Ю.М.) 61
 Соколов С.А. (*Кречетов С.) 38, 53, 199, 202-205, 211
 Соколовские, знакомые Я.Н. Блоха 482
 Солженицын А.И. 78
 Соловьев Вл.С. 33, 50, 187, 212
 Соловьев Вс.С. 33, 50
 Соловьев М.С. 33, 50, 211, 212
 Соловьев С.М., историк 33, 50
 Соловьев С.М., поэт 33, 36, 37, 50, 187, 216, 319, 346
 Соловьева (урож. Коваленская) О.М. 33, 50
 Соловьева П.С. 33, 50
 *Сологуб (Тетерников) Ф.К. 253, 426, 430, 445, 455, 461, 489, 511, 517, 523
 Соломон И.Э. 174
 Соломон Э. 174
 Сольц А.А. 224
 Сомов К.А. 463, 466, 471, 487, 507, 510
 Софокл 50
 Спасские, семья 253, 256
 *Сталин И.В. 224
 Сталь, знакомый А.И. Оношко-вич-Ящыны 355
 Станевич В.О. 162, 187, 216, 218
 *Станиславский (Алексеев) К.С. 256
 Стасова Е.Д. 133, 134
 Стасовы, семья 134
 Стасюлевич М.М. 22, 43
 *Стеклов (Нахамкес) Ю.М. 143
 *Стендаль (Бейль А.М.) 171, 349
 Степановы, семья 460
 Степун Ф.А. 78, 242
 Стефани А. де 100, 102
 Столяров М.П. 186, 187, 195, 234, 236, 244, 246
 Столярова В.Н. 186, 187, 195
 Сторицын П.И. 459, 461, 473, 475, 479, 487, 514
 Стороженко Н.И. 45
 Стравинская А.С. 450
 Стравинские, семья 448, 450
 Стравинский В. 355, 380, 439, 450
 Стравинский И.Ф. 305, 516, 518
 Стравинский Я. 355, 369, 396, 450
 Стракош, знакомый А.Белого 240
 Страуян Я.Я. 89
 Стриндберг А. 42, 511
 Струве М.А. 386
 Струве П.Б. 113, 139
 Струкова Е.П. 102, 105
 Студенцов Е.П. 470, 522
 Суворин Б.А. 149
 Суворов А.В. 451
 Судейкин С.Ю. 488, 495, 523
 Суинберн Ч.А. 167, 173, 186-189, 192, 298, 313

- Султанов Д.И. 474, 475, 522
 Султанов Ю.Н. 420, 421, 426, 434, 443, 454, 456
 Султанова Н.В. см. Гвоздева Н.В.
 Сунь Ятсен 275
 Суперфин Г.Г. 79
 Сурина Н.П. 455
 Сутугина (Сутугина-Кюннер) В.А. 478, 483, 522
 Суховалова Е.В. 164, 169, 171
 Суховалова С. 161
 Сухомлинов В.А. 152
 Сюннерберг К.А. 524
- Табидзе Т.Ю. 268, 277, 281, 287
 Талейран Ш.М. 122
 Таманов, знакомый А.Белого 283
 Тамара Н.И. 478
 Танеев С.И. 305
 Тарле Е.В. 225
 Тассо Т. 26, 125
 Татаринов В.Н. 258, 260
 Твардовский А.Т. 56
 Тевяшов Е.Е. 459, 460, 473, 522
 Телетова Н.К. 355-456
 Телешов Н.Д. 61
 Теннисон А. 298, 313
 Терещенко М.И. 138, 139
 Террачини У. 83
 Тизенгаузен В.О. 467, 522
 Тизенгаузен О., драматург 522
 Тименчик Р.Д. 511, 523
 Тимофеев А.Г. 514, 523, 524
 Тимофеев В.Н. 482, 522
- *Тирсо де Молина (Тельес Г.) 298, 313
 Тихомиров Л.А. 273, 274
 Тихонов А.Н. 253-256, 272, 273, 287, 327, 345, 419, 454, 492, 503
 Тихонов Н.С. 62, 217, 241, 243, 325, 332, 434
 Толстой А.Н. 217, 225, 226, 228, 229, 288
 Толстой Л.Н. 25, 30, 287, 373
 Томашевский Б.В. 276
 Томсон Дж.Дж. 256
 Трапезников Т.Г. 250
- Трапезникова, знакомая А.Белого 260
 Третьяков О. см. *Правдин О.А.
 Третьяков С.Н. 138, 139
 *Троицкий В. см. Зубарев Д.И.
 *Троцкий Л.Д. 96, 104, 120, 121, 125, 367, 429
 Трубецкой С.Н. 16, 38
 Тульпа Л. 293, 301, 307
 Тумаркины, семья 113
 Тургенева А.А. 239, 240, 249
 Турсун-заде М. 321
 Тынянов Ю.Н. 11, 325
- *Тэффи (Лохвицкая Н.А.) 302, 313
 Тютчев Ф.И. 17, 18, 39, 123, 319
 Тяпков С.Н. 44
- Уайльд О. 26, 42, 45
 Уитмен У. 18
 Ульштейн Ганс 134
 Ульштейн Герман 134
 Ульштейн Л. 134
 Ульштейн Р. 134
 Ульштейн Ф. 134
 Ульштейны, издат. дом 133, 134
 Унгер К. 240
 Уншлихт И.С. 104, 106
 Урванцов Л.Н. 493, 523
 Урицкий М.С. 133, 520
 Успенский Г.И. 123
 Ушакова О.М. 274, 275
 Уэллс Г. 76, 381, 385, 450
- Фаворский В.А. 218
 Фальш Л. 517
 Фаррер К. 368, 448
 Федин К.А. 62, 64, 434, 477
 *Федоров А.П. см. Мухин А.П.
 Федоров М.М. 115
 Федюхин А.А. 79
 Фену А.Н. 103-105, 107, 108, 157
 Фену Н.О. 105
 Фенхель, дантист 420
 Феофилактов Н.П. 7, 19, 20, 26, 31, 34, 35, 40, 45
 Ферман, пастор 426
 *Фет (Шеншин) А.А. 10, 11, 13, 30, 199, 268

- Фефер В.В. 320
 Фигнер В.Н. 350
 Фигнер (урожд. Мей) М.И. 459, 521
 Филдинг Г. 500, 517
 Филипп В.М. 163, 174, 175
 Филипп М. 163, 174
 Филиппов А.И. 143, 145, 149
 Филиппов Б.А. 323
 Философов Д.В. 8, 89, 93, 107, 114, 115, 120, 123, 124, 127-129, 131-136, 138, 140-142, 147, 148, 154, 156
 Философовы, семья 134
 Фильетт Ж. 20, 42
 Фирстенберг Б.А. 80, 98, 155
 Флейшман Л.С. 235
 Флобер Г. 194
 Флоренский П.А. 323
 Фомичев И.Т. 143
 Фонвизин Д.И. 29
 Фондаминские, семья 113
 Фондаминский И.И. 110
 Фортунатов М.А. 286, 288
 Форш О.Д. 11, 56, 253, 254, 503
 Франс А. 492, 516
 Фреденберг, франц. полк. 90
 Фрейд З. 329, 347
 Фрейдин Ю.Л. 321
 Фридрих I Барбаросса 194, 196
 Фриче В.М. 45, 64, 287
 Фролов (А.М.?) 498, 504-507, 509
- Харитон Б.О. 136, 508, 523
 Харлампьевна, знакомая М.А. Кузмина 472, 495, 497
 *Хармс Д. (Ювачев Д.И.) 251
 Хелминский Н.Э. 243, 245, 246
 Хлебников В.В. 65, 166
 Ховин В.Р. 463, 466, 468, 469, 478, 480, 491, 493
 Ходасевич А.И. 269, 421, 424, 426, 455, 499, 502, 503
 Ходасевич В.М. 344
 Ходасевич В.Ф. 13, 57, 166, 184, 216, 218, 239, 240, 269, 398-400, 402, 405, 419, 424, 452, 453, 455, 489, 499, 502, 513, 515, 516, 522
 Хохлов, знакомый М.А. Кузмина 509
 Хрущев Н.С. 224
- Цветаева А.И. 344
 Цветаева М.И. 52, 216, 320, 419, 467, 512
 Цветковская Е.К. 305-312, 314
 Цейтлин (Цетлин) Н.С. 111, 112
 Цетлин М.О. 109-113
 Цетлина (урожд. Тумаркина) М.С. 113
 Цетлины, семья 113
 Цявловская-Зенгер Т.Г. 14
 Цявловский М.А. 14, 37
- Чазов С.С. 150
 Чайковский Н.В. 143-145
 Чайковский П.И. 377, 445, 459, 476
 *Чаяла (Антонова) З.А. 327, 345
 Чацкина С.И. 484, 515
 Чеботаревская Ан.Н. 461, 489, 492, 517, 523
 Чекин, оратор на поэтич. вечере 404, 405
 Челпанов Г.И. 161
 Черепнин Н.Н. 305
 Чернов В.М. 96, 97, 118, 144-146, 152, 153
 *Черный С. (Гликберг А.М.) 112
 Чернявский Н.П. 241, 244, 245
 Черняк А.Б. 456
 Черчилль У. 74
 Честертон Г.К. 432
 Чехов А.П. 17, 31, 39, 75, 111, 112, 142, 143, 230, 321, 405
 Чехов М.А. 243, 252, 254, 256, 258, 265, 280, 460, 511
 Чичерин Г.В. 153, 270, 341, 351
 Чуваков В.Н. 79
 Чудакова М.О. 247, 254
 Чудин, сов. чиновник 366
 Чудовский В.А. 384, 450, 493
 Чуковская Л.К. 517
 *Чуковский К. (Корнейчуков Н.В.)

- 13, 130, 327, 332, 345, 346, 374-377, 379, 391, 403, 411, 416, 448
- Чуковский Н.К. 325, 346, 348
- Чулков Г.И. 61, 229, 269, 455
- Чупров М.П. 258
- Шагинян М.С. 283, 286, 288, 335, 349
- Шайкевич А.Е. 523, 524
- Шайкевич В.В. 503, 523
- Шайкевич К.В. 523
- Шайкович И. 312, 315
- Шаляпин Ф.И. 39, 523
- Шамбинаго С.К. 275
- Шамиль 260
- Шамурин Е.И. 218, 238
- Шаншиашвили А. 281
- Шапиоров Л.Б. 411, 453
- Шахов, меценат 324
- Шварсалон В.К. 242
- Шварц А.И. 441
- Шварц Е.Л. 418
- Шведе А.И. см. Оношкович-Яцына А.И.
- Шведе Евг.Е. 356, 357, 359, 360, 418-444, 446, 455, 456
- Шведе Елиз.Е. 441, 456
- Шведе М.А. 444, 456
- Шведе Н.Е. 356, 430, 431, 433, 438, 439, 441, 445, 446, 448, 449, 451-453, 455, 456
- Шведе Н.К. см. Радлова Н.К.
- Шебуев Н.Г. 55
- *Шевиль С.А. см. Савинкова С.А.
- Шевченко Е.С. 115, 141-143
- Шекспир У. 51, 519
- Шелли П.Б. 173, 297, 298, 308, 312, 314
- Шенгели Г.А. 216, 276, 336, 346, 349, 350
- Шенрок В.И. 218
- Шень А.М. 452
- Шервинский С.В. 218, 336, 346, 350
- Шереметев П.С. 518
- Шереметев С.Д. 518
- Шерон Ж. 293-315
- Шершеневич В.Г. 165, 184, 319, 345
- *Шестов Л.(Шварцман) Л.И. 241, 242
- Шешеня Л.Д. 98, 114
- Шик М.Я. 35, 51
- Шик Н.М. 51
- Шипов Н.Е. 261
- Шипова Е.Т. 261
- Шиповы, семья 249, 261
- Шишков В. 64
- Шишова З.К. 317
- Шкапская (урож. Андреевская) М.М. 217, 316, 323-351
- Шкапский Г. 323, 324
- Шкловский В.Б. 265, 268, 317, 385, 462, 477, 489, 495
- Шкуро А.Г. 91
- Шмелев И.С. 67
- Шмидт О.Ю. 328, 332, 334, 336, 346-349
- Шокальские, семья 423
- Шокальский Ю.М. 424, 439, 455
- Шопенгауэр А. 208, 216, 259, 260
- Шор О.А. 242
- Шпенглер О. 428
- Шпет Г.Г. 161, 229
- Штейнер Р. 167, 186, 187, 237, 239, 240
- Штильман Г.Н. 483
- Штрайх С.Я. 229
- Шуб Э. 345
- Шувалов С.В. 270, 344
- Шумихин С.В. 457-524
- Щербаков Н.А. 467
- Щербаков Р.Л. 7-53
- Щербов П.Е. 523
- Эверт И. 480-482, 484, 489, 492, 495, 504, 508, 515, 523
- *Эллис (Кобылинский Л.Л.) 30, 32, 34-37, 50-52, 55, 216, 226
- Энгельгардт И.В. 355
- Эрбштейн Б.М. 493
- Эредиа Ж.М. де 386, 423, 424, 429, 450-455

- Эренбург И.Г. 62, 64, 322, 324
 Эрлих В.И. 512
 Эрманс, знакомые Я.Н. Блоха 482
 Эскин, знакомый А.Белого 265
 Эсхил 50, 173
 Эфрос А.М. 218, 345
 Эфрос Н.Е. 52
- Юденич Н.Н. 85, 117
 Юдин Н.А. 457, 476, 523
 Юдовский И.Г. 465
 Юлэ (Юли) Э. 240
 Юм Д. 161
 Юон К.Ф. 258, 496, 517
 Юренева В.Л. 461
 Юркун Ю.И. 453, 457-510, 515-517
 Юшкин Ю. 217
- Яблоновский А.А. 140, 141
 *Яблоновский С. см. Потресов С.В.
 Ягубьян, знакомый А.Белого 283
 Языков М.Д. 218
 Языков Н.М. 195
 Якобсон, след. ВЧК 515
 Яковлев А.Е. 466, 523
 Яковлев А.С. 61, 62
 Яковлева В.Н. 133, 134
 Янгиров Р.М. 518
 Янгфельд Б. 516
- *Янтареv см. Бернштейн Е.Я.
 Ярвилейнен, пастор 422
 Ярвилейнен Р.А. 422, 426
 *Ярков Н. см. Поярков Н.Е.
 Ясинский И.И. 130
 Ясная, сослуживица А.И. Онош-
 кович-Яцыны 409
 Яшвили П.Д. 268, 277, 278, 281,
 284, 287
 *-ский А. см. Койранский А.А.
- *Allegro см. Соловьева П.С.
 Anschel E. 294
 Bailey, знакомая Бальмонта 311
 Cassels A. 97
 Duses см. Полякова С.Р.
 Felice F. de 83
 Holstein A.D. 313
 Kraker M. 111
 Markov V. 314
 Momigliano E. 102
 Muratowa K. 238
 *Old Gentleman см. Амфитеатров
 А.В.
 Pachmuss T. 130
 Petracchi G. 97
 *Птух см. *Садовской Б.А.
 *Wega см. Голиков В.М.
 Zervos C. 285

АННОТАЦИИ

В о с п о м и н а н и я

Б.А. Садовской. «ВЕСЫ». (ВОСПОМИНАНИЯ СОТРУДНИКА).
Публикация Р.Л. Щербакова.

Известный поэт, литературовед, критик, один из активнейших участников символистского движения начала века, вспоминает о своей работе в брюсовском журнале, о редакционном быте и круге литераторов, собравшихся вокруг «Весов», о взаимоотношениях символистов с другими литературными направлениями, дает нетрадиционные портреты крупнейших фигур русского серебряного века. Подробный комментарий содержит дополнительные сведения об упоминаемых лицах и событиях. 9 + 22 + 25 с.

П.Н. Зайцев. ПЕРВАЯ МОСКОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА «МОСКОВСКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК». Публикация В.П. Абрамова.

Многолетний редактор крупнейших издательств, организатор литературных кружков и объединений, поэт и критик рассказывает о недолгом существовании первой предшественницы «Литературки» и литературном быте революционной Москвы. 4 + 13 с.

И з и с т о р и и э м и г р а ц и и

АМФИТЕАТРОВ И САВИНКОВ: ПЕРЕПИСКА 1923-1924. Публикация Э.Гарэтто, А.И. Добкина, Д.И. Зубарева.

Эпистолярный диалог известных литераторов и общественных деятелей России, оказавшихся в эмиграции, касается широчайшего спектра вопросов, волновавших русское рассеяние, — от возможности силового изменения установившегося на родине режима и подведения итогов гражданской войны до обсуждения моральной атмосферы в литературных, общественных и политических кругах русского зарубежья. Дается масса портретов и характеристик деятелей эмиграции. Обширный комментарий восстанавливает исторические реалии и дает множество дополнительной информации об упоминаемых лицах и событиях. 7 + 79 с.

Борис Пастернак. ПИСЬМА К КОНСТАНТИНУ ЛОКСУ. Публикация Е.Б. и Е.В. Пастернак.

Двенадцать писем Пастернака относятся в основном к периоду 1910-х годов, времени его наибольшей близости с литературоведом и историком К.Локсом: поездка в Марбург, создание «Центрифуги», литературный быт эпохи, отраженные в письмах, дополняются вступительной статьей публикаторов и сведениями, содержащимися в примечаниях к текстам. 10 + 21 с.

ПИСЬМА АНДРЕЯ БЕЛОГО К Н.И. ПЕТРОВСКОЙ. Публикация А.В. Лаврова.

Пять писем Андрея Белого периода его романтических отношений с адресатом (1903-1904). Вступительная статья и комментарий прослеживают столкновение символистских представлений и реальности в душе Белого, и биографическую канву его отношений с Петровской. 4 + 13 с.

А.БЕЛЫЙ И П.Н. ЗАЙЦЕВ. ПЕРЕПИСКА. Публикация Дж.Мальмстада.

Обширная корреспонденция, завязавшаяся в 1918 и длившаяся до самой смерти Белого. Все годы после возвращения его из эмиграции Зайцев был для Белого литературным агентом, соратником по антропософскому движению, близким личным другом и «ангелом хранителем» в дремучем советском быту, к которому писатель так и не смог приспособиться. Детальный комментарий прослеживает биографию Зайцева и дает массу уточняющей информации о творчестве и жизни Белого. 17 + 62 с.

АМЕРИКАНСКИЕ ПИСЬМА К.Д. БАЛЬМОНТА. Публикация Ж.Шерона.

Письма последнего периода жизни поэта адресованы Лидии Нобль и ее матери — американкам, принимавшим живое участие в судьбе Бальмонта. 3 + 20 с.

ПИСЬМА А.Е. АДАЛИС К М.М. ШКАПСКОЙ. Публикация А.Л. Евстигнеевой и Н.К. Пушкаревой.

Охватывают период 1930-1931 гг., отражая общую трагическую судьбу многих талантливых поэтов, пришедших в литературу сразу после революции и постепенно превращенных режимом, идеологией и бытом в нормальных «советских литераторов». Вступительная статья прослеживает жизненный путь обеих поэтесс, а комментарий дает множество информации об упоминаемых событиях и лицах. 11 + 25 с.

Дневники, записные книжки, маргиналии

**А.И. Оношкович-Яцына. ДНЕВНИК 1919-1927. Публикация
Н.К. Телетовой.**

Автор дневника — поэтесса, одна из молодых участниц «Цеха поэтов», пришедшая в литературу в самый последний период его существования (1920). Ее записи воскрешают атмосферу литературной жизни Петрограда 1920-х годов: ДИСК, «Цех», литературные студии; быт военных голодных лет, взаимоотношения молодых и маститых литераторов... Во вступительной статье прослеживается биография А.И. Оношкович и ее друзей. 6 + 86 + 10 с.

Михаил Кузмин. ДНЕВНИК 1921 ГОДА. Публикация Н.Богомолова и С.Шумихина.

Вторая часть дневника охватывает период с июня по декабрь 1921, — со всеми трагическими для русской культуры событиями этого времени. 54 + 15 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания

- Б.А. Садовской. «ВЕСЫ». (ВОСПОМИНАНИЯ СОТРУДНИКА)
Публикация Р.Л. Щербакова 7
- П.Н. Зайцев. ПЕРВАЯ МОСКОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА «МОСКОВСКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК». Публикация
В.П.Абрамова 54

Из истории эмиграции

- АМФИТЕАТРОВ И САВИНКОВ: ПЕРЕПИСКА 1923-1924.
Публикация Э.Гарэтто, А.И. Добкина, Д.И. Зубарева. 73

Из истории литературной жизни

- Борис Пастернак. ПИСЬМА К КОНСТАНТИНУ ЛОКСУ.
Публикация Е.Б. и Е.В. Пастернак 161
- ПИСЬМА АНДРЕЯ БЕЛОГО К Н.И. ПЕТРОВСКОЙ. Публикация
А.В. Лаврова 198
- А.Белый и П.Н. Зайцев. ПЕРЕПИСКА. Публикация Дж.Мальм-
стада 215
- АМЕРИКАНСКИЕ ПИСЬМА К.Д. БАЛЬМОНТА. Публикация
Ж.Шерона 293
- ПИСЬМА А.Е. АДАЛИС К М.М. ШКАПСКОЙ. Публикация
А.Л. Евстигнеевой и Н.К. Пушкаревой 316

Дневники, записные книжки, маргиналии

- А.И. Оношкович-Яцына. ДНЕВНИК 1919-1927. Публикация
Н.К. Телетовой 355
- Михаил Кузмин. ДНЕВНИК 1921 ГОДА. Публикация Н.Бого-
молова и С.Шумихина 457
- Annex 525

Издательство «ФЕНИКС»

предлагает:

ЛИЦА. Биографический альманах.

готовится Институтом *Studia Biographica*

Первый том посвящен истории культуры XX века и содержит:

Материалы к биографиям философа Г.Г. Шпета, историка литературы и критика Д.И. Выгодского, архитектора В.Н. Максимова.

Мемуары и дневники О.Н. Гильдебрандт-Арбениной, Е.Я. Данько, С.Гедройц и др.

Письма Д.С. Мережковского, С.П. Боброва, Б.Л. Модзалевского. Исследования о М.А. Волошине, С.Я. Парнок, о создании русского философского журнала «Логос» и т.д.

Документы из архива Н.Н. Пунина.

Объем 464 с.

Второй том посвящен XVIII-XIX векам, он включает:

Воспоминания М.П. Загряжского.

Письма В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина, семейства Баратынских, Д.И. Хвостова, корреспонденцию М.П. Погодина и В.И. Даля и др. материалы.

Неизданные работы М.Н. Лонгинова.

Исследования о Д.Облеухове, И.Гурьянове, В.Алябьеве и др. деятелях отечественной культуры.

Объем 480 с.

Все публикуемые материалы тщательно откомментированы.

Большое количество неизвестных фотографий, редких гравюр.

Издательство «ФЕНИКС»

предлагает:

З В Е Н Ь Я. Исторический альманах.

готовится Научно-исследовательским центром
Общества «Мемориал».

Первый том посвящен истории репрессий. Он включает:

Материалы о разгроме Академии наук, о потерях населения в годы коллективизации, о молодежных оппозиционных организациях в 1950-60-х годах и др.

Исследования о системе соловецких, ухтинских и др. лагерей.

Многочисленные мемуары, посвященные теме репрессий и народного сопротивления.

Архивные документы по раннему периоду репрессивной политики (1917-1920), по истории культуры в годы ее подчинения государственной власти и множество других материалов.

Объем 620 с.

Второй том содержит:

Дневники и воспоминания З.Н. Гиппиус, А.В. Тырковой-Вильямс, В.П. Семенова-Тян-Шанского.

Переписку Д.И. Шаховского, Б.В. Никольского, В.Н. Фигнер, К.А. Поссе, М.А. Осоргина и др.

Исследования о церковной истории в 1920-1930 гг., о судьбе «лишенцев» и механизмах политической «сегрегации» граждан страны и множество других материалов.

Объем 656 с.

Все документы подробно откомментированы.
Большое число неизвестных ранее фотографий.

Издательство «ФЕНИКС»

предлагает:

НЕВСКИЙ АРХИВ. Альманах региональной истории.

готовится Петербургским фондом культуры и
издательством «Феникс».

Краеведческий сборник архивных материалов, посвященных
истории Петербурга-Ленинграда-Петербурга.

Среди публикаций:

Воспоминания Л.Н. Бенуа, И.Лидваль, Н.П. Шмитта-Фогелевича,
П.П. Бондаренко и др.

Материалы по истории архитектуры Петергофа, полковых хра-
мов Петербурга, истории городской благотворительности и др.

Исследования по истории проституции в 1920-е годы, о судьбах
петербургских кладбищ, о становлении и разгроме буддизма в
Петербурге-Ленинграде и множество других материалов.

Объем 462 с.

Все публикации детально прокомментированы.
Множество редких неизданных фотографий.

Учредители издательства «Феникс»:

Издательство «Atheneum», Париж;
Российский институт искусствознания;
Школа-студия (вуз) им. Вл.И. Немировича-Данченко
при МХАТ им. А.П. Чехова;
Союз театральных деятелей России;
Международная конфедерация театральных союзов.

МИНУВШЕЕ
Исторический альманах
Том 13

ATHENEUM • ФЕНИКС

Подписано в печать 21.01.93. Формат 60×88¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,0. Тираж 3816 экз. Заказ № 3347.

Издательство «Феникс»: 103009, Москва, Тверская ул., 6, стр. 7.

Отпечатано в Санкт-Петербургской типографии № 1 ВО «Наука».
199034, Санкт-Петербург, 9-я лин., 12.